

КИЕВСКАЯ СТАРИНА

**ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ
ИСТОРИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛЪ.**

ГОДЪ ЧЕТЫРНАДЦАТЫЙ.

ТОМЪ XLIX.

1895 г.

А П Р В Л Ъ.

КИЕВЪ.

Типографія Г. Т. Корчакъ-Новицкаго, Михайловская ул., домъ № 4.

1895

СОДЕРЖАНИЕ.

ОТДѢЛЪ I-й.

	СТР.
I. ПОСЛЕДНИЕ ДНИ ЖИЗНИ НИКОЛАЯ ИВАНОВИЧА КОСТОМАРОВА. А. Костомаровой.	1 — 19
II. ИЗЪ ПАМЯТНОЙ КНИЖКИ. (Воспоминание о Н. И. Костомаровѣ). Н. Подорожного.	20 — 33
III. ИЗЪ ВОСПОМИНАНИЙ О НИКОЛАѢ ИВАНОВИЧѢ КОСТОМАРОВѢ. Г. Ващевича.	34 — 62
IV. КЪ БИОГРАФИИ Н. И. КОСТОМАРОВА. Ф. Щербины.	63 — 75
V. ОЧЕРКИ ИСТОРИИ ПРАВОБЕРЕЖНОЙ УКРАИНЫ. По И. Ролле. А. Ефименка. (<i>Окончаніе слѣдуетъ</i>).	76 — 101
VI. СЛѢДЫ ВОДОПРОВОДНЫХЪ СООРУЖЕНИЙ ВЪ Г. КОВЕЛЯКАХЪ ПОЛТАВСКОЙ ГУБ. И НАДЪ РѢКОЙ ВЫСЬЮ НА ГРАНИЦѢ КІЕВСКОЙ И ХЕРСОНСКОЙ ГУБ. (Въ связи съ нѣкоторыми данными о колонизаціи полтавщины).	102 — 113
VII. ВОСПОМИНАНИЯ СВЯЩЕННИКА О. ФЕОДОРА КИСТЬКОВСКАГО. (<i>Продолженіе слѣдуетъ</i>).	114 — 130

ОТДѢЛЪ II-й.

I. ДОКУМЕНТЫ, ИЗВѢСТИЯ И ЗАМѢТКИ. а) Нѣсколько словъ къ портрету Н. И. Костомарова. б) Библиотека и собрание рукописей Н. И. Костомарова. Е. к. в) Нѣсколько словъ о писанкахъ. В. Ястребова. г) Разбойникъ Добрушъ. И. Бѣньковскаго. д) Стоянка и мастерская каменного вѣка въ могилевской губерніи, изслѣдованная лѣтомъ 1893 г. В. Е. Данилевича. е) Женитьба разбойника Гаркуши послѣ бѣгства его съ каторги.	1 — 19
II. БИБЛИОГРАФІЯ: а) Херсонскія Епархіальныя Вѣдомости. В. Ястребова. б) Материалы для біографії Гоголя. В. И. Шенрокъ. Томъ третій. Е. Пѣтухова. в) Русские художники. Илья Ефимовичъ Рѣпинъ. Спб. Экспедиція заготовленія государственныхъ бумагъ. Н. Ш. г) «Сельскій кредитъ въ Полтавской губ.», выпускъ I. «Статистическое бюро Полтавского Губернского Земства». Л. С. Л. д) Живописная Украина.	20 — 42
III. ПРИЛОЖЕНИЕ: 1) Дневникъ генерального подскарбія Якова Марковича. Часть третья. (81 — 96). 2) Любецкій Архивъ. (33 — 48). 3) Портретъ Н. И. Костомарова.	
ОБЪЯВЛЕНИЯ.	1 — 4

КІЕВСКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ІСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ЧЕТЫРНАДЦАТЫЙ.

ТОМЪ XLIX.

1895 г.

КІЕВЪ.

Типографія Г. Т. Корчакъ-Новицкаго, Михайловская улица, домъ № 4-й
1895.

Дозволено цензурою. Кіевъ, 5 Апрѣля 1895 года.

ПАМЯТИ
Николая Михановича
КОСТОМАРОВА.

(† 7 апреля 1885 г.).

Н. И. Костомаровъ.
(1860 г.).

Послѣдніе дни жизни Николая Ивановича Костомарова¹⁾.

Еще въ концѣ 1882 года появились у Николая Ивановича¹ симптомы болѣзни, которая въ 1885 свела его въ могилу: открылось кровохарканье. Докторъ Коплаковъ, въ числѣ прочихъ средствъ, предписалъ пріостановить прогулки пѣшкомъ. Это было большое лишеніе для Николая Ивановича, такъ какъ движение на свѣжемъ воздухѣ живительно дѣйствовало на здоровье и расположение духа труженика, обреченного на сидячую кабинетную жизнь. Послѣ нѣсколькихъ дней пребыванія въ заперти, онъ наотрѣзъ отказался измѣнить своей привычкѣ выходить на воздухъ ежедневно и не могъ помириться съ просьбами поберечь себя. Восхожденіе на высокую лѣстницу усиливало кровохарканіе: необходимо было перейти на такую квартиру, гдѣ бы лѣстница состояла изъ нѣсколькихъ ступеней. Весною 1883 года это было исполнено. Пребываніе лѣтомъ въ деревнѣ принесло большую пользу здоровью Николая Ивановича. Онъ возвратился осенью въ Петербургъ изъ любимаго сельца Дѣдовцы²⁾ на

¹⁾ М. Г. Г. Редакторъ! Препровождаю Вамъ описание послѣдніхъ дней жизни Николая Ивановича. Оно сдѣлано тотчасъ послѣ его погребенія и не предназначалось для печати, особенно пока находилось въ живыхъ.

Въ виду предстоящаго десятилѣтія смерти Николая Ивановича и желанія Вашего напомнить по этому поводу читателямъ „Кievskoy Stariны“ объ усопшемъ ее сотрудникѣ, уступаю просьбамъ Вашей и нѣсколькихъ почитателей покойнаго и, не безъ смущенія, соглашаюсь передать гласности воспоминанія, которыхъ желаю хранить лишь для своихъ семействъ.

Примитеувѣреніе въуваженіи къВамъ.

2 марта 1895 года, Петербургъ.

А. Костомарова.

²⁾ Прилуцкаго уѣзда, полтавской губерніи.

столько бодрымъ, что съ удвоенною энергию принялъся за обычныя свои занятія по русской исторіи и съ Васильевскаго острова сталъ ходить на Дворцовую площадь въ Государственный архивъ. Проработавши тамъ до сумерекъ, Николай Ивановичъ возвращался пѣшкомъ домой и чувствовалъ себя прекрасно, но въ день 25 января 1884 года, едва успѣль выйти изъ зданія, гдѣ помѣщается архивъ, какъ быль спибленъ съ ногъ и измѣтъ парою лошадей, запряженныхъ въ дышловыя сани, которая поволокли его, безчувственнаго, чуть не черезъ всю площадь, пока, наконецъ, онъ не быль поднятъ городовыми и отвезенъ въ полицейскій участокъ. Немного оправившись отъ общаго потрясенія и обморока, Николай Ивановичъ возвратился домой, обезсилѣвши до такой степени, что не могъ самъ выйти изъ саней; изъ горла и уха сочилась кровь.

Съ тѣхъ поръ болѣзнь быстрѣе начала разрушать богатый организмъ Николая Ивановича, а лишеніе прогулокъ и строгая діета возбуждали нервное раздраженіе, тѣмъ еще болѣе, что болѣзнь мѣшала усиленно работать. Лѣто 1884 года, снова проведенное въ Дѣдовцахъ, не принесло уже улучшенія; кровохарканье усиливалось, слабость увеличивалась. По возвращеніи осенью въ Петербургъ, къ прежнимъ страданіямъ присоединилось разстройство пищеваренія. Тутъ ужъ никакіе медикаменты не помогали. Нашъ больной, постепенно ослабѣвая, все еще продолжалъ работать—писалъ и диктовалъ съ большимъ надъ собой усилемъ, но изо дня въ день сталъ чаще ложиться на диванъ въ своеемъ кабинетѣ и тогда слушалъ чтеніе. Въ февралѣ 1885 года приглашенъ былъ на консультацію докторъ Боткинъ; онъ вполнѣ одобрилъ лѣченіе проф. Кошлакова. Молчаніе Боткина при прощаньѣ со мной давало понять, что положеніе больного онъ признаетъ безнадежнымъ.

16 марта, въ день вербной субботы, происходили у насъ хлопоты по приглашенію на консультацію докторовъ: Здекауера, Чудновскаго и Кошлакова. Никакой пользы отъ консультаціи уже не ожидалось; она была нужна для успокоенія больного. Николай Ивановичъ быль очень слабъ, но еще держался на ногахъ и, одѣтый въ свое обычное платье, то лежалъ въ полу-дречотѣ

на своеемъ уютномъ диванчикѣ, то вставалъ съ блестящими глазами и зловѣщимъ румянцемъ на исхудаломъ лицѣ, тихо проходилъ въ свою спальню къ умывальнику и освѣжалъ себѣ лицо и всю голову холодной водой. Это придавало ему нѣсколько бодрый видъ. Возвращаясь въ кабинетъ, онъ садился въ боковое мягкое кресло у письменного стола, бралъ въ руки Исторію академіи наукъ Пекарскаго и перелистовывалъ; онъ думалъ продиктовать краткое жизнеописаніе Ломоносова, которое должно было войти въ седьмой выпускъ „Русской Исторіи въ жизнеописаніи ея главнѣйшихъ дѣятелей“, вмѣстѣ съ біографіями Миниха, Анны Ioannovны и Елизаветы Петровны, уже написанными для седьмого выпуска. Но книгу Пекарскаго, по ея вѣсу и размѣру, трудно было держать больному долго въ рукахъ, и часто приходилось видѣть ихъ опущенными съ книгою на колѣни; послѣ краткаго отдыха, Николай Ивановичъ подымалъ ее снова, а плохое зрѣніе его вынуждало держать книгу очень близко къ лицу. Въ минуты отдыха или, вѣрнѣе, борьбы съ приближающеюся смертью, мысль его все таки работала, лицо было спокойно, глаза смотрѣли въ пространство... Иногда онъ бралъ перо и писалъ что-то на листкахъ почтовой бумаги. Я спросила о предметѣ, его занимающемъ, онъ отвѣтилъ: „Это я отдохваю“.—„О чёмъ же пишешь“?—„А вотъ увидите“!—Это былъ разсказъ изъ жизни фельдмаршала Миниха¹⁾. Но страданія и общій упадокъ силъ не позволяли продолжительного сидѣнья съ перомъ въ рукахъ: больно и досадно было сознавать необходимость разстаться съ этими любимѣйшими товарищами его жизни.

Во весь день и вечеръ Николай Ивановичъ былъ особенно грустенъ и раздражителенъ; не было возможности его успокоить. Онъ замѣтилъ, наконецъ, что я смущена состояніемъ его духа, и сказалъ: „вы измучились при мнѣ, барыня²⁾! Я попрошу завтра врачей прежде всего позаботиться о моей доброй барынѣ“.

¹⁾ Рассказъ этотъ остался неоконченнымъ и впослѣдствіи напечатанъ въ книгѣ „Литературное наслѣдие Н. И. Костомарова“ подъ заглавиемъ: „Послѣдняя работа“.

²⁾ Такое названіе сложилось какъ-то нечаянно.

— Въ вербное воскресенье Николай Ивановичъ заволновался съ ранняго утра, вспомнивши, что, по болѣзни, не былъ на канунѣ въ церкви и не принесъ вербы. Я принесла ему большую вѣтвь освященной вербы и, шутя, пригрозила ею, приговаривая по малорусскому обычаю: „не я бью, верба бѣе, за тыжденъ великанъ“!

— А я не дожду великодня—сказалъ съ грустью мой больной; я умру, какъ мнѣ кажется, въ страстную субботу!

— „А консиліумъ для чего же будетъ у насъ сегодня, какъ не для того, чтобы „великанъ“ былъ для насъ радостнымъ днемъ“—возразила я.

На лицѣ у больного мелькнула улыбка.

Къ 12 часамъ дня сѣхались врачи. Они были опечалены состояніемъ Николая Ивановича и невозможностью спасти его. Совѣщанія ихъ въ отдѣльной комнатѣ были продолжительны и врачились по преимуществу на томъ, чтобы облегчить страданія и поддержать у больного надежду на исцѣленіе. Назначили ему употребленіе кумыса въ Самарѣ, гдѣ устроено особое лечебное заведеніе. Старѣйшій изъ врачей, Здекауеръ, держаль рѣчъ къ больному, лежавшему на своемъ диванчикѣ, доказывалъ чудодѣйственную силу кумыса; Кошлаковъ курилъ сигару и какъ бы занятъ былъ тѣмъ, что она тugo курится; Чудновскій сидѣлъ неподвижно, опустивши глаза на паркетъ... Было ясно, что спасенія нѣть!

Бѣдный больной слушалъ, стараясь вѣрить словамъ Здекауера, но въ концѣ его рѣчи произнесъ: „Вы говорите, что на кумысъ нужноѣхать въ половинѣ мая, а теперь половина марта. Неужели я выдержу еще два мѣсяца, не окончавши отъ моей ужасной болѣзни?“

Ему отвѣтили, что до этого времени, до мая, найдется и здѣсь, въ Петербургѣ, кумысъ, хотя и не такого высокаго достоинства, какъ самарскій, но все же достаточно способный поддержать силы больного до той поры, когда нужно будетъѣхать въ Самару. Николай Ивановичъ какъ будто успокоился, а д-ръ Кошлаковъ обѣщалъ пригласить къ нему немедля молодого

врача Штанге, специально занимающейся каждое лѣто завѣдываніемъ кумысной лечебницей въ Самарѣ

Вскорѣ пріѣхалъ д-ръ Штанге и привезъ небольшую бутылку кефира, которую предложилъ нашему больному выпить вмѣсто кумыса, за невозможностью найти въ Петербургѣ кумысъ хорошаго качества. Рѣшено было продолжать лечение употребленіемъ кефира.

Къ обѣду пріѣхалъ д. л. М—въ и тотчасъ послѣ обѣда принялъся, по обыкновенію, читать вслухъ. Больной то слушалъ, то спалъ. Для того, чтобы не разбудить его, нужно было читать безъ перерыва и лишь постепенно понижать голосъ: такое монотонное чтеніе, словно псаломщика при покойникѣ, наводило уныніе, но убаюкивало страдальца.

Докторъ Штанге занялся обстоятельнымъ изслѣдованіемъ отправленій Николая Ивановича и нашелъ въ нихъ присутствіе коховскихъ бациллъ. Это показывало, что у нашего больного бугорчатка на легкихъ и на кишкахъ.

Въ понедѣльникъ страшной недѣли, 18 марта, Николай Ивановичъ изъявилъ желаніе проѣхаться въ коляскѣ. Былъ ясный день. Больной былъ такъ слабъ, что только съ помощью швейцара и дворника удалось усадить его въ коляску. Мы проѣхали по набережной Васильевскаго Острова, черезъ дворцовый мостъ, мимо зимняго дворца, по площади, гдѣ 25 января 1884 года, у зданія главнаго штаба, подъ аркой, Николай Ивановичъ былъ сшибленъ съ ногъ лошадьми. Онъ вспомнилъ объ этомъ и указалъ мнѣ, до какого мѣста протащили его сани и гдѣ онъ былъ поднятъ городовыми. Мы проѣхали по Большой Морской. Коляска плавно катилась по торцовой мостовой, а бѣдный больной жаловался на толчки и на боль въ груди. Мы поспѣшили домой.

На слѣдующій день мы снова побѣхали „хлебнуть“ свѣжаго весеннаго воздуха, какъ имѣлъ обыкновеніе выражаться Николай Ивановичъ. Солнце ярко свѣтило, но Нева была скована льдомъ, дулъ сѣверный вѣтеръ; больной тихо стоналъ. Поѣздки эти все таки развлекали его.

Въ остальные дни страшной недѣли небо было пасмурное, холодный вѣтеръ дулъ сильнѣе, и докторъ совѣтовалъ пере-

ждать — не ёзлить на воздухъ. Николай Ивановичъ сердился и допрашивалъ, навсегда ли ужъ ему опредѣлено „прѣть“ въ комнатной атмосферѣ. Леченіе кефиромъ не только не удавалось, но приносило вредъ: врачи нашли, что лучше покинуть кефиръ и придерживаться прежнихъ лекарствъ. Настроеніе духа у больного было тоскливо, а у друзей его еще тѣмъ болѣе, что на заявленіе о тяжкомъ сознаніи больного въ его безпомощности, д-ръ Штанге отвѣтилъ: „что дѣлать! страдать уже недолго: съ прохожденiemъ льда на Невѣ, все будетъ кончено!“ Д. Л. М.—въ проводилъ цѣлые вечера, а часто и дни возлѣ больного; навѣщали и другіе близкіе, преданные люди. Одинъ изъ такихъ, Ю. Ю. Ц—ій, просидѣвшіи часа два у изголовья того диванчика, на которомъ томился угасавшій Николай Ивановичъ, старался развлекать его своей живою рѣчью, но затѣмъ у него самого не хватило силъ скрывать печаль и сдерживать набѣгавшія слезы: припавши къ рукѣ больного, онъ горячо поцѣловалъ ее нѣсколько разъ и торопливо проговорилъ: „простите, простите! я такъ глубоко уважаю васъ... мнѣ такъ больно видѣть васъ недугующимъ; я не смѣю дальше беспокоить васъ моимъ присутствiемъ... Богъ дастъ!... простите! до свиданія!“ Онъ быстро ушелъ домой. Николай Ивановичъ былъ очень тронутъ: обращенный ко мнѣ взглядъ его, слегка затуманенный слезою, ясно выражалъ это безъ словъ.

Еще 1 марта приглашена была къ намъ въ помошь для ухода за больнымъ опытная въ такомъ дѣлѣ Эмма Христіановна Введенская¹⁾. Она являлась черезъ день, приходила въ 7 часовъ вечера и оставалась до 10 часовъ утра слѣдующаго дня, давая мнѣ такимъ образомъ возможность отдохнуть въ своей комнатѣ черезъ одну ночь, чтобы запастись силами для бодрствованія въ другую. Живая и умная Эмма Христіановна, при отличномъ умѣннѣказать больному всякаго рода помошь, обладала притомъ замѣчательной физической силой. Она сразу

¹⁾ Въ минувшую турецкую войну, бывши еще девицей (по фамиліи Тоде), она, состояла сестрой милосердія, заразилась тифомъ и о ея тяжкомъ положеніи докторъ Боткинъ сообщилъ свой супругѣ въ одновъ изъ писемъ, печатавшихся впослѣдствіи въ „Вѣстникѣ Европы“.

стала для Николая Ивановича пріятнымъ и необходимымъ человѣкомъ и внушила видѣвшимъ уходъ ея за страдальцемъ чувство благоговѣйной къ ней признательности.

За нѣсколько дней до послѣдняго консульства, нашъ больной заявилъ желаніе посмотреть на выставкѣ вторично картину Рѣпина „Іоаннъ Грозный при убитомъ имъ сынѣ“.—Что же? сказала Эмма Христіановна:—я свезу васъ въ саняхъ—и прибавила:—а наша барыня съ барышней поѣдутъ въ другихъ саняхъ вслѣдъ за нами. Больной былъ очень доволенъ. Мы съ дочерью поѣхали, однако, первыми: нужно было разыскать швейцара и иныхъ служителей при выставкѣ (бывшей на Невскомъ Проспектѣ, въ домѣ Бенардаки), чтобы они помогли больному подняться изъ саней и по высокой лѣстницѣ. Время избрано было ранище, пока неѣтъ наплыва публики на выставкѣ. Пріѣхали, втащили изнеможеннаго посѣтителя, ввели и усадили передъ картиной Рѣпина. Николай Ивановичъ сталъ закрывать отъ себя сбоку свѣтъ, чтобы лучше вглядѣться: зрѣніе давно уже ему измѣняло. Въ это время кто-то проговорилъ позади насъ: „посадите Николая Ивановича правѣе“—и, замѣтивши, что онъ слабъ, помогъ передвинуть его. „Какого мнѣнія вы обѣ этой картинѣ, Николай Ивановичъ?“—спросилъ тотъ же господинъ, не выставляясь впередъ.

— Да вотъ такого, что не хотѣлъ умереть, не взглянувши еще разъ! А я ужъ былъ здѣсь недавно.—

„Какая высокая похвала! и какъ я высоко цѣню ее! Это несравненная оцѣнка для меня! Я авторъ картины; вы не узнали меня, Николай Ивановичъ, а я имѣлъ честь быть у васъ года три назадъ или четыре“!

Нашъ больной былъ очень радъ, что, не подозрѣвая такъ близко возлѣ себя присутствія автора картины, могъ выразить ему свой восторгъ о его художественномъ произведеніи. Затѣмъ Рѣпинъ сопровождалъ Николая Ивановича въ его медленномъ движеніи изъ одного зала въ другой, гдѣ съ особеннымъ интересомъ осматривали они этюды В. Маковскаго изъ украинской народной жизни. При этомъ добрый Рѣпинъ, желая развлечь больного, представилъ ему своего сына—мальчика лѣтъ восьми

и, выдернувши у ребенка прядь волосъ изъ за праваго уха, сказалъ: „а вотъ оселедецъ“! Николай Ивановичъ смеялся и, прощалась съ Рѣпинскимъ, сказалъ:

— Я очень боленъ, чуть живъ, но не былъ бы спокоенъ, еслибы не видѣлъ вашей картины вторично; теперь я доволенъ, прощайте!

Знаменитый художникъ былъ видимо тронутъ.

Мы поѣхали домой уже безъ Эммы Христіановны, которая ушла на отдыхъ; дочь моя, Софія¹⁾, взялась сѣсть съ Николаемъ Ивановичемъ въ сани и поддерживать его. Онъ воротился домой довольный и на время успокоенный. Я возвратилась ранѣе, чтобы вновь подготовить больному помощниковъ для передвиженія изъ саней въ комнаты, и ожидала его съ кипящимъ самоваромъ на столѣ. За чаемъ оживленный впечатлѣніями поѣздки, нашъ больной, предлагая мнѣ свѣжій калачъ, сказалъ: „проехжая по Невскому мимо Филиппова, я заявилъ желаніе купить калачей: барышня выскочила изъ саней, сбѣгала за калачами и привезла ихъ еще горячими“.

Великій праздникъ Воскресенія Христова мы встрѣтили не радостно. Въ страстную субботу Николай Ивановичъ спросилъ меня, куплю ли я, какъ прежде водилось, нѣсколько вазоновъ цвѣтушихъ азалій, розъ и рододендроновъ для украшенія пасхальнаго стола? Я отвѣтила, что намъ съ нимъ теперь не до цвѣточковъ: найдутъ они на умъ при его болѣзни..

„Правда, барыня! не до поросятъ, колы свыню смалять! Сvezите меня лучше въ церковь: я не стану принимать пищи, пока не приложусь къ плащаницѣ! Вы что-то, барыня, молчите, но знайте, я никогда не прощу вамъ, если вы лишите меня этого духовнаго успокоенія“!

Мы переглянулись съ Эммой Христіановной отъ недоумѣнья—какимъ образомъ довезти такого слабаго больного до церкви. Отклонять его отъ такого желанія не хватало смѣлости и силь. Нанята была четырехмѣстная коляска, такъ какъ Нико-

¹⁾) Впослѣдствіи, по мужу, Котельникова, умершая спустя два года послѣ кончины Николая Ивановича.

лай Ивановичъ не любилъ ъздить въ каретѣ. У подъѣзда намъ повстрѣчался знакомый юноша; онъ помогъ швейцару усадить больного въ коляску и самъ сѣлъ съ нами. Мы поѣхали въ церковь св. Андрея на углу 6-й линіи и большого проспекта Васильевскаго острова. У входа въ церковь, мы всѣ трое, при необычайной силѣ Эммы Христіановны, не могли вынести больного изъ коляски. Въ отчаяніи я оглянулась вокругъ и увидѣла нѣсколькихъ мужиковъ-рабочихъ, глазѣвшихъ на возню съ больнымъ старикомъ. Я поклонилась имъ и сказала: „добрые люди! помогите Христа ради болящему старику выйти изъ коляски! желаетъ приложиться къ плащаницѣ“. Мгновенно мужички вынесли Николая Ивановича изъ коляски и внесли въ церковь, гдѣ уже овѣ самъ, съ нашей помощью, подошелъ къ плащаницѣ. Народъ толпился къ ней; дошла очередь и до насъ. Съ видимымъ волненiemъ припалъ нашъ страдальца къ изображенію Божественнаго Страдальца и, какъ будто укрѣплenny осоbой силой, бодро сошелъ со стушенекъ и прошелъ вдоль всего храма. У входа онъ остановился и сталъ разспрашивать— скоро ли начнется богослуженіе.

— Черезъ полтора часа, былъ отвѣтъ причетника.

— „Что жъ, барыня, подождемъ служенія?“

— Ты и теперь утомленъ, отвѣтила я: нельзя поручиться за твой силы. Желаніе твое исполнено, къ плащаницѣ мы приложились,—поѣдемъ поскорѣе домой!

Николай Ивановичъ согласился безъ возраженія, и мы тѣмъ же порядкомъ, т. е. опять съ помощью прохожихъ мужиковъ, усадили его въ коляску. По пути встрѣчались знакомые, кланялись и привѣтливо улыбались, какъ бы выражая радость, что видѣть его выѣзжающимъ на свѣжій воздухъ. То былъ послѣдній его выѣздъ.

Возвратились домой, онъ протянулъ мнѣ свою исхудалую руку и сказалъ: „вотъ спасибо моей барынѣ, что не перечила, свезла меня къ плащаницѣ! Я такъ горячо молился, съ такою вѣрою приложился, и мнѣ стало какъ-то легко, отрадно, какаято надежда освѣжила меня“.

Вечеромъ пріѣхалъ духовникъ Николая Ивановича, священникъ Стефанъ Ивановичъ Опатовичъ, освятить пасхальный яства. Зажгли свѣчи, священникъ надѣлъ епитрахиль, взялъ въ руки крестъ и началъ читать молитву. Нашъ больной пришелъ въ столовую, но не могъ держаться на ногахъ и присѣлъ, перекрестясь и глубоко вздохнувши. По окончаніи обряда освященія, отецъ Стефанъ обратился съ торжественнымъ „Христосъ воскресе“ къ хозяину дома. Николай Ивановичъ привсталъ, приложился ко кресту, похристосовался съ своимъ духовникомъ и со всѣми домашними. Онъ вспомнилъ обыкновеніе свое порадовать своихъ слугъ денежнымъ гостинцемъ независимо отъ того, что они получали къ празднику отъ хозяйки—и съ привѣтливою улыбкою поздравляя ихъ, похристосовавшись, раздавалъ деньги. Но тутъ же онъ затосковалъ о томъ, что его „не пустятъ“ въ церковь къ ночному богослуженію.

— „Барыня! неужели нельзя мнѣ къ всенощной“?

Священникъ, Эмма Хр. и Д. Л. М.—въ всѣ единогласно убѣждали больного не истощать своихъ силъ и представляли немыслимымъ присутствіе его въ церкви ночью, гдѣ будетъ давка и губительная атмосфера отъ множества горящихъ свѣчей. У Николая Ивановича навернулись слезы, и онъ произнесъ съ волненiemъ:

„Три раза въ жизни я былъ лишенъ возможности присутствовать на богослуженіи въ эту великую ночь: первый разъ въ Петропавловской крѣпости въ 1848 году, когда, заключенный въ Алексѣевскомъ равелинѣ, я рыдалъ, слушаючи гулъ колоколовъ и пушечную пальбу, возвѣщавшіе о великомъ торжествѣ; второй разъ—въ 1883 году, вслѣдствіе кровохарканья, и теперь—послѣдній разъ сегодня, здѣсь, прикованный болѣзнью къ этому диванчику“!

Общими силами стали мы отвлекать Николая Ивановича отъ горькихъ думъ и слезъ. Д. Л. принялъся громко читать.

Въ день Святаго Воскресенія врачи разрѣшили предложить больному разговѣться небольшимъ кусочкомъ кулича или яичкомъ. Онъ былъ доволенъ, воображая, что положеніе его не считаются опаснымъ, если при обычной строгой діетѣ, разрѣ-

шили и сливки къ чаю, и кусокъ кулича. Въ виду безнадежного состоянія больного, врачи сочли за лучшее не лишать его такихъ мелкихъ привычекъ, которые соединялись съ празднованіемъ Пасхи. Но куличи показались невкусными; Николай Ивановичъ сказалъ, что народныя „паски“ съ инбиремъ у малороссіянокъ гораздо вкуснѣе всѣхъ другихъ печеній. Вообще замѣчалось, что аппетитъ окончательно измѣнилъ больному. Стали появляться легкіе припадки удушья по утрамъ. Употребляли вдыханіе кислорода. Съ каждымъ днемъ все болѣе замѣчался упадокъ силъ, и больной, опираясь на кого либо изъ помогавшихъ ему встать или сѣсть, такъ трудно опускался, что являлась опасность упасть вмѣстѣ съ нимъ. Какъ на горе, наша добрая и преданнѣйшая слуга Ульяна, уже десять лѣтъ оказывавшая самую искреннюю заботу о его здоровью, заболѣла въ концѣ февраля и, не желая покидать Николая Ивановича при его послѣднихъ дняхъ, вынесла плевритъ на ногахъ. Теперь она не могла двигаться. Оказалось недостаточнымъ присутствіе Эммы Хр. черезъ ночь: каждую вторую ночь и во всѣ дни приходилось больному довольствоватьсь только мою помошью, а я, къ несчастію, не обладаю физической силой и, подъ страхомъ ожиданія роковой минуты, такъ ослабѣла, что, случалось, не удержу своего страдальца — и онъ чуть не опрокинется вмѣсто того, чтобы сѣсть исподволь. Кромѣ того, болѣзнь нашей Ульяны ставила меня въ необходимость часто покидать его, чтобы принести то новую грѣлку, то питье, и больному было неудобно оставаться одному, пока я возвращусь съ тѣмъ или другимъ. Ему самому стало ясно, что необходима помощь другой сидѣлки, которая бы черезъ сутки приходила на цѣлые сутки, а не на ночь только. Однако едва я сказала, что думаю, впредь до выздоровленія Ульяны, воспользоваться помощью рекомендованной Эммой Хр. фельдшерицы, Николай Ивановичъ воскликнулъ:

— „Какъ! стало быть вы, барыня, не будете ночевать здѣсь, а оставите меня въ одну ночь на попеченіе Эммы Хр. и въ другую—этой незнакомой дѣвицы“?

— Все будетъ по прежнему, отвѣчала я: когда Эмма Хр. ночуетъ здѣсь, я буду отдыхать въ своей комнатѣ, а вторую

ночь я буду при тебѣ, только не одна, а съ помощницей, пока наша Ульяна не поправится.

Больной успокоился. Въ то время были у насъ посѣтители, навѣщавшіе больного, и, слыша все это изъ другой комнаты, предложили моей дочери устроить между болѣе близкими знакомыми и почитателями Николая Ивановича поочередное дежурство при немъ, какъ это было въ 1875 году, во время его тифозной болѣзни. Такимъ образомъ устраивалась очень сильная мнѣ помощь, которой, при всемъ желаніи, дочь моя не могла мнѣ оказывать въ личномъ уходѣ за больнымъ, такъ какъ, при своей обычной скромности, онъ не позволялъ ей входить къ нему въ такое время, когда онъ былъ раздѣтъ: вторая же наша горничная была постоянно на посылкахъ то за кислородомъ въ аптеку, то за другими дѣлами.

Оставалось предупредить больного о предпринимаемомъ дежурствѣ и получить на него согласіе.

— „О чемъ въ гостинной идутъ такие оживленные толки“? спросилъ въ это время Николай Ивановичъ.

— Добрые знакомые желаютъ оказать тебѣ уходѣ во время болѣзни, какъ это дѣжалось во время твоей тифозной болѣзни; хотятъ и поразвлечь тебя днемъ и вечеромъ: утромъ придетъ одинъ, вечеромъ другой, на ночь третій, завтра съ утра четвертый и т. д.: при частой сменѣ, никто не будетъ стѣсненъ, и у насъ постоянно будетъ кто либо изъ близкихъ. Согласенъ?— Я назвала желающихъ устроить дежурство.

„Я очень, очень благодаренъ, и очень дорого мнѣ такое попеченіе, а видѣть возлѣ себя такихъ людей, какъ В—чъ, Ц—ій, Б—мъ, К—въ и другихъ, которыхъ вы сейчасъ называли, я всегда очень радъ“, отвѣтилъ растроганный больной.

Составили списокъ лицъ и опредѣлили смены. Всѣ, какъ будто условившись, принимали при входѣ къ больному спокойный видъ, занимали его чтеніемъ вслухъ, бесѣдой, одѣвали его въ шубу и шапку, усаживали въ кресло. при открытомъ окнѣ, когда больному хотѣлось подышать свѣжимъ воздухомъ. Съ сигарою въ рукѣ, онъ просиживалъ такимъ образомъ ежедневно часъ, другой у открытаго настежь окна, и это какъ будто замѣ-

няло ему прогулку на улицѣ. Съ каждымъ днемъ и куренье табаку становилось для него затруднительнѣе, но, отъ тоски ли, или по дѣйствительному желанію, онъ частенько просилъ меня дать ему сигару. Если случалось мнѣ уйти изъ кабинета, нашъ бѣдный больной обращался къ присутствующимъ съ просьбой позвать „барыню“. Прихожу и слышу: „дайте мнѣ сигарочку, барыня!“ Это вызывало добродушную улыбку у присутствовавшихъ, такъ какъ сигары лежали передъ больнымъ на столѣ. Едва сигара закуривалась, тотчасъ и покидалась, а проходилъ часъ или того менѣе—снова повторялось: „барыня, дайте сигарочку“. Повидимому, это развлекало больного, хотя и не надолго.

Д. Л. М—въ и другіе близкіе люди продолжали посѣщать его и развлекать то чтеніемъ вслухъ, то бесѣдой о новостяхъ дня. Его занималъ и афганскій вопросъ, и малорусскій переводъ изъ классиковъ, который онъ слушалъ съ вниманіемъ; хоть на нѣсколько минутъ принимался онъ то за свое писаніе о Минихѣ, то за Пекарскаго. Такъ проходила Свѣтлая недѣля. Съ трудомъ обмакивая перо въ чернильницу, Николай Ивановичъ склонялся надъ писаннымъ вкривь и вкось листкомъ, охалъ, стоналъ, а иногда, прерываемый сильною болью, успѣвалъ поставить только точку—и бросая перо, ложился на свой диванчикъ. Проходило нѣсколько времени, боль ослабѣвала—и нашъ больной изнеможенный плелся къ своему любимому мѣсту—къ письменному столу, гдѣ столько лѣтъ работалъ днемъ и ночью, отдыхая только три-четыре часа въ сутки, необходимые для сна.

Въ Фомину воскресенье, 31 марта, Николай Ивановичъ, вставши утромъ съ постели, не могъ простоять то короткое время, въ которое успѣшно одѣвали его въ обычное платье. Онъ никогда не употреблялъ халата и не имѣлъ его. Пріѣхалъ на цѣлый день Д. Л. Онъ увидѣлъ, какъ трудно давалось больному передвиженіе изъ спальной въ кабинетъ и обратно: одышка мучила его. Д. Л. предложилъ перевозить его въ креслѣ, подъ которымъ были мѣдныя колесца, усаживалъ и каталъ его. Проехжая такимъ образомъ мимо бюста своего старого пріятеля Шевченка, больной сказалъ: „Чи бачишъ, Тарасе, якъ Микола

йиздить“! Въ это-же воскресенье онъ въ послѣдній разъ принималъ пищу и ужъ больше не вспоминалъ о ней, а лишь изрѣдка спрашивалъ чашку „теплоты“: питье это, состоявшее изъ согрѣтаго краснаго вина, разбавленнаго кипяткомъ, и подслащенное сахаромъ, согрѣвало и какъ будто подкѣпляло больного.

Въ понедѣльникъ, 1 апрѣля, Николай Ивановичъ не могъ уже встать съ постели и одѣться: малѣйшее движеніе и усиление вызывало удушье. Съ отчаяніемъ откинулся онъ на подушки и закричалъ: „прѣть, прѣть въ постели до могилы! Пропацій я человѣкъ“! Посѣтившему его д-ру Кошлакову онъ сказалъ: „бросьте, Димитрій Ивановичъ, лечить меня! вѣдь я ужъ въ постель слегъ, и не вставать мнѣ болѣе“!

— Мы никогда не бросаемъ больныхъ, боремся съ болѣзнью, не покладая рукъ, да и такія ли болѣзни приходилось излечивать! Моя дочка три мѣсяца лежала почти недвижимо, не открывала глазъ, жила искусственнымъ питаніемъ—и теперь здорова! Вотъ и у васъ сегодня нѣтъ аппетита и можетъ его не быть впродолженіе нѣкотораго времени,—мы и для васъ назначимъ искусственное питаніе, дадимъ пептонъ-бульонъ, пока придется къ лучшему.

Николай Ивановичъ успокоился, ничего ужъ не соображая: у дочери доктора былъ расцвѣтъ жизни, а не угасаніе ея!

Спустя нѣсколько минутъ, нашъ больной вспомнилъ, что былъ день 1 апрѣля и спросилъ—принесена ли апрѣльская книга „Вѣстника Европы“, гдѣ должна была появиться его статья по поводу книги Кояловича „Исторія русскаго самосознанія“. Я поднесла свѣжій номеръ „Вѣстника Европы“ и открыла передъ Николаемъ Ивановичемъ его статью. Онъ спокойно и медлено произнесъ: „пусть сочиняетъ“! я все сказалъ...

Припадки удушья усиливались, вдыханіе кислорода мало облегчало больного, и онъ сталъ просить „воздуха“—открыть окно. На дворѣ было около 3-хъ градусовъ мороза, но отказывать страдальцу въ чѣмъ бы то ни было—не приходилось. Врачи разрѣшили открывать окна по очереди, то въ кабинетѣ, то въ спальнѣ, и мы постоянно переносили нашего бѣднаго больного съ кроватью въ ту изъ комнатъ, гдѣ, просвѣживши воздухъ, за-

крывали окно. Усиленные пріемы опіума и другихъ лекарствъ притупляли боли и повергали страдальца въ какое-то одѣпнѣніе. Отъ времени до времени, какъ бы просыпаясь, онъ разговаривалъ съ окружающими. Въ числѣ лицъ, устроившихъ дежурство при Николаѣ Ивановичѣ, были три молодые врача В—ій, Г—ій и Т—ій. Первый изъ нихъ провелъ ночь у постели нашего больного. Просыпаясь, Николай Ивановичъ бесѣдовалъ съ нимъ и очень спокойно разсрашивалъ—какъ начинается агонія и чѣмъ она распознается.

Такъ прошелъ и слѣдующій день.

Въ среду, 3-го апрѣля, удушье усилилось, и передъ его приступомъ было у больного замѣтное беспокойство и раздражительность. Едва я ушла въ свою комнату, чтобы умыться послѣ проведенной тяжело ночи при своемъ страдальцѣ, какъ онъ сталъ звать меня съ особыеннымъ нетерпѣніемъ.

„Зачѣмъ уходите, барыня! не уходите! не уходите отсюда! Я хочу умереть на вашихъ рукахъ! Я окруженъ попеченіями многихъ добрыхъ людей, спасибо всѣмъ, но я хочу, чтобы только вы закрыли мнѣ глаза“.

Я попросила прощенія за отлучку: раздраженіе скоро улеглось; онъ протянулъ мнѣ руку. Къ двумъ часамъ дня сдѣлался болѣе сильный припадокъ удушья. Николай Ивановичъ метался, вскакивалъ съ постели, кричалъ: пустите меня, Бога ради пустите на улицу! воздуху! воздуху“! Докторъ Штанге далъ пріемъ морфія. Когда больной притихъ и лежалъ съ полуоткрытыми глазами, докторъ спросилъ его:

— Какъ вы себя чувствуете теперь, Николай Ивановичъ? Лучше ли?

Усиливаясь превозмочь одолѣвавшее его одѣпнѣніе, страдалецъ отвѣчалъ угнетеннымъ голосомъ: „все бы ничего,—да вѣдь пять частей свѣта! куда же я ихъ дѣну“! Онъ былъ въ забытьи. Съ этого времени онъ сталъ замѣтно ослабѣвать не только тѣломъ, но и памятью: онъ пересталъ звать по именамъ, а для изъявленія какого либо желанія говорилъ: „слушайте, слушайте“! Для меня, вслѣдствіе десятилѣтней привычки, все еще оставалось название „барыни“.

Въ четвергъ, 4-го апрѣля, Николай Ивановичъ сказалъ: „я бы желалъ причаститься Св. Таинъ. Чѣо вы на это скажете, барыня“?

— Сейчасъ пошлю за отцомъ Стефаномъ—отвѣтила я.

Тутъ вошла наша больная Ульяна: ей хотѣлось взглянуть на угасавшаго Николая Ивановича. Увидавши его, изнеможеннаго, на смертномъ одрѣ, она съ трудомъ сдерживала слезы. Я указала въ сторону дверей, гдѣ у косяка стояла прислонившись Ульяна, и сказала: „а посмотри, кто пришелъ тебя провѣдать“!

— Ахъ, это ты, бѣдная Ульяна! обратился онъ къ Ульянѣ.—Ты все еще больна, бѣдная! А все оттого, что не слушаешься барыни—бросаешься служить, когда еще не окрѣпла послѣ болѣзни. Вотъ и я не слушался, когда барыня остерегала меня и вѣремя упрашивала не юсть или не пить того или другого, или не выходить изъ дома—и вотъ до чего доделъ! И съ тобой тоже будетъ, если не будешь слушаться барыни“!

Ульяна поспѣшила уйти: рыданіе вырывалось изъ ея больной въ то время груди.

Многіе знакомые и незнакомые приходили спрашивать о положеніи Николая Ивановича; для всѣхъ былъ одинъ отвѣтъ: безнадежень, умираетъ. Страшный припадокъ удушья въ этотъ день продолжался съ полудня до 6-ти часовъ вечера. Снова порывался страдалецъ идти на воздухъ, подымался съ постели, раздвигалъ окружающихъ руками и, задыхаясь, кричалъ: „пустите; пустите! пустить мене“! Громкое клокотаніе въ груди, при невозможности откашливаться, затрудняло дыханіе; казалось, наступалъ послѣдній часъ...

Прибылъ священникъ и причастилъ Николая Ивановича Св. Таинъ. Когда возбужденіе начало стихать и удушье ослабѣло, наступила дремота и тяжелый бредъ, продолжавшийся не долго; ночь прошла сравнительно спокойно.

Во весь день 5-го апрѣля происходило у насъ передвиженіе съ постелью изъ спальной въ кабинетъ и обратно. Умирающій все дремалъ, изрѣдка стоналъ и произносилъ неясныя слова, но въ большинствѣ было у него полное сознаніе, тер-

пѣніе и бдагодушіе. Сидя у его постели, я услыхала: „добра моя жинка! докладила мене до смерти, заплющить мени очи!.. Что? 80 лѣтъ прожилъ? Нѣть! Мало прожилъ! Жалобъ не было. Кто переживалъ такіе дни или даже минуты въ своей семье, тотъ пойметъ, что приходилось испытывать, не находя словъ утѣшеннія для умиравшаго, чтобы поддержать въ немъ надежду на жизнь.

При видимомъ сознаніи своего отчаяннаго положенія, Николай Ивановичъ однако же спросилъ у доктора Кошлакова при прощаныи: „а завтра пожалуете“? Быть можетъ, онъ ожидалъ отъ искуснаго врача облегченія страданіямъ...

На слѣдующій день не было уже острыхъ припадковъ удушья, но для успокоенія умиравшаго нужно было, не смотря на морозъ, держать окна открытыми. Я стала кашлять. Чувствуя невозможность сдержать кашель, которымъ бы я могла разбудить дремавшаго страдальца, я оглохла отъ его постели къ окну, у которого сидѣла молодая фельдшерица, помогавшая въ уходѣ за Николаемъ Ивановичемъ. Вдругъ онъ открылъ глаза и, не увидавши никого у своей постели, жалобно сказалъ: „покинутъ я всѣми“!

— Господь съ тобой! отвѣтила я, быстро приблизившись къ нему. Ты не можешь быть покинутымъ! всѣ здѣсь при тебѣ!

„Добрая, дорогая жена“! проговорилъ мой несчастный мужъ—и протянулъ мнѣ руку. „А кто же еще здѣсь“?

— Сейчасъ В. Г. здѣсь при тебѣ, дѣвица-сидѣлка здѣсь... Многіе были и ушли, другіе приходятъ вслѣдъ,—двери не закрываются: столько посѣтителей, справляющихъ о твоемъ здоровъ! Какъ можно тебѣ думать, дорогой нашъ, что ты всѣми покинутъ! Онъ отвѣтилъ:

„Добра моя жинка! Поздно сошли мы съ тобой, рано расходимся, мало прожили вмѣстѣ! И полузакрывши глаза, вѣроятно въ полуслѣдствіи добавилъ: „Черезъ четыре года!.. Но скоро кашель разбѣгилъ страдальца, а молодая наша помощница, ~~заплакала~~, что онъ глядѣть сознательно, проговорила: „мы вамъ надѣялись, Николай Ивановичъ“.

— Не нужно, простональ онъ: надѣнете послѣ смерти, завтра!

Сконфуженная и огорченная отошла наша фельдшерица къ окну; я осталась у постели одна.

Тихо и протяжно говорилъ Николай Ивановичъ: „Озабоченъ я многими думами“!

— Какими? другъ мой!

„Многими... выразить не могу, сказать не умѣю“... Онъ потиралъ рукою свой лобъ... „Художникъ и поэтъ прости! Прощайте всѣ! Пустите, пустите, Бога ради! На улицу, на крыльцо пустите“!

— Но вѣдь на улицѣ движеніе публики и морозъ: какъ же нести тебя больного съ кроватью на улицу, на морозъ?

„Ну хоть на-полъ пустите“! Доктору Кошлакову онъ подалъ руку. Добрый докторъ при прощаніи отозвался:—А завтра я снова навѣщу васъ, Николай Ивановичъ.—Отвѣта не было.

Зашелъ къ намъ въ это время Ю. Ю. Ц—ій, умѣвшій занимать страдальца своей бесѣдой въ предшествовавшіе дни Святой недѣли, и теперь сказалъ:

„А я съ праздника! Чествуется сегодня тысячелѣтняя память свв. Кирилла и Меѳодія“. Отвѣта тоже не было: Николай Ивановичъ впалъ въ забытье... Такъ пролежалъ онъ во весь вечеръ и во всю послѣднюю свою ночь.

Еще съ вечера пріѣхала на смѣну фельдшерица Эмма Христіановна; на смѣну одного изъ дежурныхъ явился В. Л. Б—мъ, и мы все сидѣли у смертнаго одра Николая Ивановича. Движеніемъ губъ онъ иногда показывалъ, что у него жажда. Подавали ему чайную ложку воды.

Передъ разсвѣтомъ дня 7-го апрѣля, умирающій сталъ сильно потягиваться. Лежавшая у его ногъ грѣлка упала и произвела стукъ. Слабымъ голосомъ онъ спросилъ: „что это“? Я отвѣтила:—грѣлка упала, я положу ее обратно къ ногамъ,—и въ это время я прикоснулась къ его ногамъ. „Не трогай“! простональ Николай Ивановичъ. Это показало, что онъ въ памяти. Иногда слабымъ движеніемъ тѣла онъ выражалъ желаніе перемѣнить мѣсто и повернуться. Эмма Хр. поднимала его и

поворачивала. Чуть слышно онъ сказалъ: „больно“ и указалъ на бедро, гдѣ уже были пролежни. Ему подложили мягкую подушку моей дочери, которая принесла ее, заставивши своимъ мягкимъ, блѣдымъ шелковымъ платкомъ.

Съ 6-ти часовъ утра, въ воскресенье, было уже видно, что умирающій вотъ-вотъ скончается. Яркіе весенніе лучи солнца озарили страдальческое лицо. Я встала со своего стула отъ постели, подошла къ окну и опустила стору. Въ это время Эмма Хр. схватила меня за руку и прошептала: „кончается“!

Николай Ивановичъ хотѣлъ приподняться, облокачиваясь на локтѣ лѣвой руки, но мгновенно опустился на подушки, откинувши голову. Глаза его широко раскрылись, по лицу смѣялись тѣни, одна лругой блѣднѣе, изъ груди вырывались вздохи съ хрипѣньемъ... Быстро потухали глаза—и за третьимъ глубокимъ вздохомъ потухли на всегда!

Я исполнила желаніе моего друга: закрыла ему глаза...

А. Костомарова.

(ИЗЪ ПАМЯТНОЙ КНИЖКИ.

(ВОСПОМИНАНИЕ О Н. И. КОСТОМАРОВѦ).

Впервые я встрѣтился и познакомился съ Ник. Костомаровыемъ въ С.-Петербургѣ, въ концѣ 1859 г., у одного изъ известныхъ нашихъ литераторовъ, Н. Г. Ч., саратовскаго уроженца, недавно сошедшаго въ могилу въ своемъ родномъ Саратовѣ, гдѣ между нимъ и Костомаровыемъ съ конца сороковыхъ годовъ установились весьма близкія, пріятельскія отношенія. Не смотря на 2-й часъ пополуд., когда у Н. Г., принимавшаго тогда очень дѣятельное участіе въ редакціи двухъ большихъ, да притомъ еще разнородныхъ, журналовъ, почти всегда можно было встрѣтить не мало посѣтителей, на этотъ разъ, кромѣ Н. И. Костомарова, не было никого. Не помню, о чёмъ мы бесѣдовали, но помню, что бесѣда наша, часто сопровождавшаяся взрывами общаго смѣха, вызываемаго комическо-юмористическими замѣтками какъ Ч., такъ и Н. Иван., незамѣтно затянулась до 4-хъ часовъ.—Пора было уходить. Мы взялись за шапки.

— Я удержанъ-бы васъ, г. г., обѣдать,—началъ, улыбаясь, Ч., да не могу. Васъ—онъ указалъ на меня—потому, что у меня сегодня, кромѣ супа и жареной курицы, ничего не готовлено и я боюсь васъ оставить голоднымъ, а Ник. Иван. потому, что не могу представить ему удостовѣренія, что быкъ и курица, пошедшіе на приготовленіе моего больничнаго обѣда,

погибли сегодня и при томъ не своею, естественною смертію, а отъ рукъ мясника...

— Какъ это такъ?—съ удивленіемъ спросилъ я, оглядываясь на Ч. и Костомарова.

— А вы развѣ еще не знаете,—со смѣхомъ продолжалъ Ч.—что безъ такого удостовѣренія Ник. Ив. кушать, вѣдь, не станетъ.

— Мясо могу, но птицу, или рыбу иначе Ѣсть не буду,—серъезнѣйшимъ тономъ подтверждалъ Ник. Иван.—Съ чего я буду подвергать себя риску отравленія, Ѣвши, быть можетъ падаль?!

— Мы вновь разразились смѣхомъ, съ которымъ и вышли.

— А вы гдѣ-же обѣдаете?—спросилъ меня Н. Ив., когда мы были уже на улицѣ.

— Да въ ресторанахъ,—отвѣчалъ я,—а для разнообразія, въ какомъ Богъ приведетъ...

Ну, такъ пойдемъ обѣдать вмѣстѣ въ гостиницу, гдѣ я живу и гдѣ я васъ угощу не тонкимъ, но, повѣрьте, здоровымъ, легкимъ и хорошимъ обѣдомъ.

Я охотно принялъ приглашеніе, доставлявшее мнѣ случай поближе познакомиться съ Ник. Ив., съ произведеніями которого я былъ уже ознакомленъ хорошо и своеобразная личность которого не только сразу-же заинтересовала меня, но возбудила во мнѣ ту симпатію, съ какою я впослѣдствіи проводилъ его на Волково кладбище, да неизмѣнно храню и по сей день.

Ник. Иван. проживалъ тогда въ гостиницѣ,—теперь уже не существующей,—помѣщавшейся въ д. Балабина, противъ Гостинного двора. Гостинница эта, съ пошибомъ Московскихъ гостиницъ, была не изъ модныхъ, но усерднѣйше посѣщалась массами чиновничества и вообще средняго петербургскаго люда, зачастую пировавшаго здѣсь не только днемъ, но и по ночамъ, что, понятно, дѣлало ее шумною и очень беспокойною для лицъ, жившихъ въ нумерахъ,—правда, не особенно дорогихъ по цѣнѣ, но не отличающихся за то ни особыми удобствами, ни даже убранствомъ и чистотой. Ник. Ив. не столько, впрочемъ, жаловался на послѣднія обстоятельства, сколько на шумъ и

органъ, который дѣйствительно гремѣлъ, почти не умолкая, по цѣлымъ суткамъ, лишая его всякаго покоя.

Да почему—же вы не прищите себѣ особой квартиры?—невольно спросилъ я его.

А потому, отвѣчалъ Ник. Иван.,—что, занимаясь ежедневно, съ утра до вечера, въ Публичной библіотекѣ, находящейся,—замѣтьте это!—рядомъ съ этою гостиницею, я положительно не имѣю времени на пріисканіе себѣ квартиры, а затѣмъ еще и потому, что здѣсь, въ гостиницѣ, ко мнѣ привыкли и вообще порядочно меня кормятъ, что при болѣзненномъ состояніи моего желудка не мало значитъ...

Что къ Ник. Ив. въ гостиницѣ уже привыкли, легко было убѣдиться изъ того, какъ на требованіе его подать обѣдать, тотчасъ-же явился самъ буфетчикъ съ живою рыбью въ рукахъ и только-что зарѣзанною какою-то птицею. Обѣдъ-же дѣйствительно былъ не прихотливый, но хорошо изготовленный...

Попутно здѣсь можно замѣтить, что Ник. Ив., никогда не отличавшійся особенно большимъ аппетитомъ, никогда не былъ и гастрономомъ; но, бывши по натурѣ крайне мнительнымъ и при томъ очень брезгливымъ, онъ всегда съ большими опасливостью и разборчивостью относился къ пищѣ, доводя не рѣдко свои требованія относительно свѣжести припасовъ, изъ которыхъ приготавлялась послѣдняя, до чисто комическихъ преувеличеній!..

Со времени этой первой встрѣчи съ Ник. Ив. прошло около двухъ лѣтъ, въ теченіе которыхъ мнѣ часто приходилось видѣться и бесѣдовать съ нимъ въ разныхъ обществахъ, изрѣдка видѣть его у себя, а чаще заходить къ нему какъ въ нумеръ, занимаемый имъ въ гостиницѣ, такъ и въ новую квартиру, пріисканную имъ,—не помню уже хорошо, въ 60-мъ или 61-мъ году,—на Васильевскомъ островѣ, въ 9-й линіи, въ д. Карманова, въ которой онъ прожилъ впослѣдствіи болѣе 20-ти лѣтъ.

Я едвали ошибусь, если назову тѣ годы, когда мнѣ довелось свести знакомство съ Ник. Ивановичемъ, самою лучшею, жизнерадостною порою въ жизни его. Слава его, и какъ историка, и какъ профессора, росла тогда не по днямъ, а по часамъ. Число слушателей его лекцій разрослось, наконецъ, до

того, что ему пришлось ихъ читать въ актовомъ университетскомъ залѣ. Мнѣ неоднократно пришлось быть слушателемъ этихъ лекцій, на которыхъ, не смотря на весьма внушительные размѣры зала, не только трудно было найти себѣ мѣсто, но трудно было даже дышать отъ массы публики, не только, какъ говорится, биткомъ наполнившей залъ, но заполнившей даже всѣ оконныя амбразуры.

Какъ сейчасъ вижу предъ собою Ник. Ив., стоящаго на кафедрѣ, съ нѣсколько поднятою вверхъ головою. Какъ сейчасъ слышу его рѣчь—не громкую, но очень явственную, не торопливую, спокойную, безъ малѣйшей претензіи на афектацію, но содержаніемъ своимъ завладѣвающую вниманіемъ, а живостью изложенія глубоко затрогивающую сердца слушателей. Случалось, бывало, что въ рѣчи Ник. Ив. проглянетъ иногда и юморъ, но это какъ-то какъ-бы нечаянно,—ну, вотъ, къ слову пришлось, и при томъ тотъ особый, тонкій юморъ, который способенъ только ярче освѣтить рисуемую говорящимъ картину,—вызвать улыбку на устахъ слушателя, но не разсмѣшить его до умору. Но никогда онъ на своихъ лекціяхъ не прибѣгалъ къ тѣмъ, soit disant, удалымъ намекамъ или сближеніямъ, къ которымъ въ ту пору прибѣгали подчасъ иные лекторы и которые могли мгновенно вызвать въ тогдашней не одной, впрочемъ, молодежи бурныхъ проявленія сочувствія въ формѣ восторженныхъ криковъ и бѣшеныхъ рукоплесканій. Ник. Ив., мало того что не любилъ такихъ своего рода „выходокъ“, но прямо не одобрялъ ихъ, находя ихъ по меньшей мѣрѣ, неумѣстными... „Съ огнемъ,—говорилъ онъ,—играть не годится“...

Довелось между прочимъ мнѣ присутствовать, въ 1860 г., и на диспутѣ Ник. Ив. съ приснопамятнымъ М. П. Погодинымъ, отъ чего,—замѣчу мимоходомъ,—настойчиво отговаривали его многіе его пріятели, а въ числѣ ихъ и Н. Г. Ч., предсказывая, что изъ диспута этого ничего не выйдетъ, кромѣ плохонькой своего рода комедіи, участвовать въ которой Ник. Ив. было совсѣмъ неподходящимъ дѣломъ. Но, вѣдь, Ник. Ив. былъ человѣкъ, склонный иногда къ какимъ-то непонятнымъ, какъ бы спорадически проявлявшимся въ немъ увлеченіямъ. Уже

куда, бывало, въ минуты подобныхъ увлечений, онъ пошелъ, то, пока не остановится самъ, его не остановишь... Такъ было и въ данномъ случаѣ. Что друзья предусматривали, то изъ диспута этого и вышло, т. е. какая-то плохенькая, чтобы не сказать болѣе, комедія, за участіе въ которой Ник. Ив. сначала сердился на самого себя, а затѣмъ—зло смѣялся самъ надъ собою, охотно, на память, отъ строки до строки цитируя всѣ остроумно-юмористическія стихотворенія Н. А. Добролюбова, появившіяся тогда въ „Современникѣ“, въ отдѣлѣ, носившемъ название: „Свистокъ“.—„Ахъ, какой это былъ даровитый молодой человѣкъ,—теперь ужъ такихъ нѣтъ, нѣтъ“...—говаривалъ, было, при воспоминаніи о томъ времени, Ник. Ив., до самой смерти обладавшій поразительной, феномenalною памятью.

Много кой-чего можно было бы припомнить и о Ник. Ивановичѣ, и о людяхъ, болѣе или менѣе близко соприкасавшихся съ нимъ, и объ обществѣ, и о разныхъ событияхъ, и инцидентахъ, говоря объ эпохѣ конца 50-хъ и начала 60-хъ годовъ, но... но, не смотря на 33 года, утекшихъ съ той поры, мы поговоримъ о всемъ этомъ когда-нибудь уже въ другой разъ...

Въ 1861 году служба далеко угнала меня изъ Петербурга и, съ тѣхъ поръ, въ теченіе семнадцати слишкомъ лѣтъ, мнѣ ни разу не довелось свидѣться съ Ник. Ив.—Былъ я за это долгое время три раза въ Петербургѣ, но какъ-будто-бы нарочно всакій прїездъ мой совпадалъ съ его отсутствіемъ. И только уже въ 1878 г., когда я перемѣстился въ Петербургъ на временное жительство, мнѣ довелось повидаться съ нимъ, затѣмъ въ теченіе почти семи лѣтъ, за нѣкоторымъ впрочемъ перерывомъ, часто и бывать у него и у себя его видѣть.

Стоялъ уже ноябрь. Было уже около 9 час. вечера, когда я, не безъ нѣкотораго волненія, подымался по плохо освѣщен-ной и крутой лѣстницѣ дома Карманова, по которой подымался къ Ник. Ив.—чу семнадцать лѣтъ назадъ.—Образа св. Георгія, висѣвшаго когда-то надъ входною дверью его квартиры, уже не было.—Я позвонилъ.—Дверь отворилъ уже не старый слуга Ник. Ив.—ча, а дѣвушка: Ник. Ив. былъ уже третій годъ же-

натъ. Онъ сразу-же узналъ меня. Мы крѣпко обнялись и не-замѣтно пробесѣдовали до часу ночи, толкуя не столько о на-стоящемъ, сколько о быломъ, да о тѣхъ, кого уже нѣтъ, или кто далеко-далеко... Да-съ! Семнадцать лѣтъ, казалось-бы, и не Богъ еще знаетъ, что за долгое время, а сколько, сколько уже воды утекло!....

Въ обстановкѣ квартиры Н. Ив., если не считать нѣсколько большаго убранства ея да книгъ, преувеличившихъ его библіо-теку, особыхъ перемѣнъ я не замѣтилъ. Самъ онъ даже сидѣлъ на томъ мѣстѣ у себя въ кабинетѣ, гдѣ любилъ сиживать и прежде. Старушки-матушки, дышавшей на своего сынка и про-стиравшей свои заботы до удовлетворенія самыхъ даже мелоч-ныхъ его привычекъ и желаній,—до приготовленія мѣду по рецепту Олеарія, на свѣтѣ уже не было. Но ее возмѣщала тѣ-перь жена,—женщина, мало того что окружавшая его всаче-скими вниманіемъ и самою деликатною предусмотрительностью, но по уму и образованію облегчавшая даже его труды!... Какъ прежде, такъ и теперь Ник. Ив. жилъ одной своей наукой, изолированный отъ всякихъ обыденныхъ жизненныхъ мелочныхъ заботъ,—такъ что, съ этой стороны, никакой также перемѣны не произошло. За утрату матери, вполнѣ, впрочемъ, и естествен-ную для человѣка, достигшаго 60-ти лѣтъ, добрая фея награ-дила его достойнѣйшею женою, какъ-бы передавъ его изъ од-нихъ любящихъ рукъ въ другія, да еще, несомнѣнно, въ болѣе умѣлыхъ и къ личности его приспособленныхъ, вотъ—и все тутъ. А для Ник. Ив., какъ для человѣка, по непривычности положительно утратившаго всякую способность къ одинокой жизни холостяка, обстоятельство это было величайшимъ счастіемъ. Безъ обиняковъ утверждаю, что безъ этого обстоятельства ему, послѣ смерти матери, не прожить-бы и трехъ лѣтъ!...

Но если въ общей обстановкѣ все, или почти все, осталось по прежнему, то самъ Ник. Ив. очень, очень много перемѣнился. Предо мной стоялъ не тотъ,—не скажу вполнѣ свѣжій, здоровый, но бодрый, нервно-живой и больше воображаемо, чѣмъ дѣйствительно хворый человѣкъ, какимъ я зналъ Ник. Иван. семнадцать лѣтъ назадъ, а просто — старецъ, выглядѣвшій

гораздо старѣе своихъ лѣтъ. А общая худоба, морщины на лицѣ и длинная, сѣдая борода, которой онъ прежде никогда не носилъ, придавали ему видъ какого-то аскета. Всѣ движения, походка его стали медленными, неувѣренными. Только голосъ да искры, вдругъ иногда вспыхивающія въ его глазахъ въ минуты оживленія въ разговорѣ, напоминали въ немъ что-то было... Жалобы на здоровье теперь,—увы!—видимо уже исходили не изъ одной его мнительности. Но въ жалобахъ на глаза свойственная ему мнительность, по прежнему, не переставала играть извѣстную роль. Что зрѣніе его, никогда не отличавшееся силою, какъ это доказывается исконнымъ ношеніемъ имъ очковъ, постепенно ослаблялось, то было вполнѣ естественно какъ по его лѣтамъ, такъ особенно по тѣмъ жестоко-форсированнымъ занятіямъ, которымъ онъ безъ мѣры и разбору предавался всю свою жизнь, почти до кануна смерти. Но не только до слѣпоты, которой онъ такъ боялся, не рѣдко, бывало, вскрикивая: „я слѣпну, совсѣмъ слѣпну! я скоро слѣпцомъ стану, никуда негоднымъ человѣкомъ!.. но даже до сильного упадка зрѣнія,—можно сказать: къ удивленію!—было далеко, какъ то часто доказывалось фактами. Такъ, бывало, онъ вдругъ почему-либо начинаетъ волноваться и увѣрять, что онъ ничего уже почти не видитъ; но, вотъ, проходитъ часъ, другой, начинается какой-нибудь разговоръ, а особенно споръ; по Ник. Ив. пробѣгаетъ, какъ-бы, электричество: онъ схватывается съ своего мѣста, быстро отыскиваетъ въ своей библіотекѣ потребную книгу, напечатанную самимъ мелкимъ шрифтомъ, и, забывая про увѣренія въ слѣпотѣ, тутъ-же бѣгло начинаетъ ее читать, да еще и не при особо-яркомъ освѣщеніи. Никогда также не забуду я нашего съ нимъ посѣщенія выставки картинъ извѣстнаго нашего художника, В. В. Верещагина.

Высокодаровитый художникъ этотъ, по знакомству нашему, простеръ свою любезность до того, что предложилъ намъ самолично дать объясненіе къ его крайне разнообразнымъ и богатымъ по содержанію произведеніямъ, для чего просилъ только пріѣхать часа за два до открытия выставки для публики. Мы, въ обществѣ человѣкъ шести или семи, въ томъ числѣ и Ник.

Ив., такъ и сдѣлали.—Пока вышелъ къ намъ художникъ, мы начали ходить по заламъ, любуясь на картины. Но тутъ-то и случилась бѣда.—„Зачѣмъ я пріѣхалъ сюда“?! вдругъ взволновался Ник. Иванов., — „чего вы привезли сюда меня, слѣпца, который не видѣть, кромѣ стѣнъ, ничего, ничего!!..“— Но, вотъ, приходитъ Василій Висильевичъ и начинаетъ давать намъ свои въ высокой мѣрѣ интересныя объясненія. Ник. Ив. успокаивается, все внимательнѣе и внимательнѣе вслушивается въ объясненія художника и все пристальнѣе и пристальнѣе вглядывается въ картины его и, наконецъ, начинаетъ восхищаться картинами, указывая даже на самыя тонкія детали ихъ, комментируя ихъ колоритъ и проч.—Мы еле удерживались при этомъ отъ смѣха!...—„А знаете-ли. Ник. Ив. что“?—обратился я къ нему, когда, выходя съ выставки, мы продолжали еще разговоръ о ней.—„А что?—по обыкновенію отрывисто спросилъ онъ меня.—„Да то, что мнѣ кажется, что надѣ зрѣніемъ вашимъ потѣшается бѣсъ, „пакостникъ“ вамъ, какъ вы,—помните?!—въ 1860 году непочтительно выражались о немъ въ вашихъ лекціяхъ о демонологіи. Вѣдь, бѣсъ злопамятенъ!“...— „А вѣрно, вѣрно,—хоча и оживляясь заговорилъ Ник. Ив.,— это именно бѣсовское пакостничество: то вижу—то ничего не вижу!“...

За послѣднія семь лѣтъ жизни онъ продолжалъ ревностно посѣщать архивы; былъ на археологическомъ съездѣ въ Тифлисъ, сопровождаемый, впрочемъ, своею милѣйшею, нынѣ уже покойною, падчерицею; єздилъ на лѣто, кажется, раза два въ деревню своей жены, Дѣдовцы (прилукск. уѣз.); посѣщалъ изрѣдка знакомыхъ и пріятелей; охотно посѣщалъ церковное служеніе и любилъ утреннія прогулки по городу. Но, вообще говоря, онъ больше сидѣлъ у себя дома, зимой—на Васильевск. островѣ, а лѣтомъ—на дачѣ, въ Павловкѣ. Всѣ эти выѣзды и выходы, а особенно прогулки, предпринимаемыя имъ, по преимуществу, въ одиночествѣ да еще на разсвѣтѣ (онъ очень рано вставалъ), не мало беспокоили даже друзей Ник. Ив., а уже особенно его добрѣйшую и искреннелюбящую его жену. Да и какъ было не беспокоиться! Не говоря уже про ослабленность зрѣнія и

про общую слабость, что заставляло его двигаться какою-то мелкою и неустойчивою походкою, но одной задумчивости и разсъянности, съ какими онъ ходилъ, бывало, по улицамъ, было вполне достаточно, чтобы опасаться возможности какого-либо несчастного приключенія съ нимъ. А между тѣмъ, несмотря ни на какие доводы, онъ ни за что не желалъ прогуливаться ни въ сопровожденіи Ульяны, славной и здоровой дѣвушки-малороссиянки, воспитанницы его жены, ни нанять особаго себѣ провожатаго. И факты не замедлили доказать основательность опасеній за него. Такъ, разъ—въ Маріинскомъ театрѣ, а другой—въ Андреевскомъ соборѣ, мазурики вырвали у него изъ рукъ бобровую шапку, такъ что бѣдному старику пришлось возвращаться домой, по морозу, покрывъ голову носовымъ платкомъ; а два раза его сшибали съ ногъ проѣзжіе. Разъ, кажется въ 1884 г., не подалеку отъ его квартиры, его сшибъ съ ногъ возь съ дровами: при чемъ, какъ рассказывалъ въ тотъ-же вечеръ самъ Ник. Ив., извозчикъ и обругалъ его: „ишь,—говоритъ—старая пьянига!—подъ самыя оглобли лѣзетъ“!—Но на этотъ разъ дѣло, говоря относительно, обошлось еще благополучно: Ник. Ив. поплатился лишь очками да легкими ссадинами на лицѣ. Не то было въ другой разъ, кажется, за годъ до его кончины, когда, по выходѣ изъ архива министерства иностраннѣхъ дѣлъ, на Большой Морской, онъ былъ сшибленъ съ ногъ кучеромъ г-жи Дорожинской. Расшибленаго, въ полу забытьи лежащаго на снѣгу старика городовые подняли, усадили въ сани и, принимая его за пьяного, потащили не домой, даже не въ больницу, а прямо въ участокъ.—„Взвели меня,—рассказывалъ мнѣ потомъ Ник. Ив.,—по крутой лѣстницѣ, ввели въ комнату, гдѣ предо мной за столомъ засѣдалъ какой-то господинъ, которому привезшие меня рассказали приключившійся со мною случай“... — „Кто вы такой?“—спрашивалъ меня неизвѣстный мнѣ господинъ.—„Говорю: дѣйствительный статск. совѣтникъ, членъ Импер. Археолог. Общества, Н. И. Костомаровъ“.—„Ну,—говоритъ,—мы разберемъ дѣло, а теперь можете юхать“.—Я пошелъ къ двери.—„Ваше благородие, не погубите“!—начинаетъ меня въ передней упра-

шивать какой-то старикъ съ бѣлой бородой.—Да кто-же вы такой будете?—спрашиваю его.—„Да тотъ, В. Бл., кого Богъ попуталъ зашибить васъ“...—Ну, да Богъ же васъ и прости, а я прощаю...—Какъ я сползъ съ лѣстницы, какъ я затѣмъ доѣхалъ до дому, ужъ и самъ въ толкъ не возьму“...—Ушибъ этотъ долго заставилъ страдать тогда уже очень, очень немощнаго Ник. Ив.—Разумѣется, нельзя утверждать, что несчастный случай этотъ былъ причиной смерти его, которая обусловливалась неизлѣчимою болѣзнью, гнѣздившеюся въ его организмѣ, какъ то было констатировано лучшими врачами, но едва-ли можно усомниться, что случай этотъ никакъ уже не могъ способствовать продленію его жизни, а особенно при томъ состояніи, въ которомъ онъ находился въ то время.

Собранія по вторникамъ, начавшіяся еще въ 60-хъ годахъ, продолжались у Ник. Ив. неизмѣнно почти до послѣднихъ его дней. Онъ не только любилъ, чтобы посѣщали его въ этотъ день, сдѣлавшійся для него, такъ сказать, урочнымъ днемъ, но бывалъ даже не совсѣмъ доволенъ, когда почему-либо не зайдешь къ нему. Бывали у него на этихъ „вторникахъ“, хотя не особенно часто, болѣе или менѣе известные писатели и заслуженно-ученые какъ петербургскіе, такъ и пріѣзжіе изъ провинціальныхъ университетскихъ городовъ, но больше бывали старые пріятели и знакомые со своими семьями. Случалось, и даже не въ рѣдкость, встрѣтить однако у него на вторникахъ и такого сорта людей, съ которыми, кавалось, Ник. Ив. не только не имѣлъ, но и не могъ даже имѣть ничего общаго,—такъ что при этомъ невольно, бывало, даже задаешься вопросомъ: что нужно здѣсь этимъ людямъ?.. Въ зависимости отъ состава вторничныхъ посѣтителей Ник. Ив., вообще не особенно однокарктернаго, случалось, что общій разговоръ, постепенно оживляясь, становился очень и даже очень занимательнымъ и серьезнымъ. Но того оживленія, которое когда-то царило на этихъ вторникахъ, не было уже и тѣни!—Другія времена, видимо, настали, другія птицы, другія пѣсни... Да и самъ Н. Ив., видимо, дѣжался уже не тотъ: огонекъ еще тлѣлся, иногда даже вспыхивалъ, но топливо-то уже изсякало...

„Плохой я наблюдатель современной жизни: я привыкъ изучать прошлое, въ немъ жить, имъ всецѣло заниматься“,— говорилъ Н. Ив., по словамъ издателя „Литературного наслѣдія“. И такая самохарактеристика дѣйствительно могла быть вполнѣ примѣнена къ нему на склонѣ лѣтъ. Но по крайнему моему убѣжденію, она была-бы далека отъ истины по отношенію къ Н. Ив. 59-го и 60-хъ годовъ. Правда, въ ту пору, какъ и теперь, онъ также изучалъ прошлое, также любилъ жить въ немъ, но... но тогда, утверждаю, онъ не былъ ни плохимъ, ни холоднымъ и безучастнымъ наблюдателемъ современной жизни, пульсъ которой напряженно бился въ немъ, какъ онъ бился, впрочемъ, тогда у всякаго, у кого только хотя немного было ума и сердца за душой. А ихъ-ли было мало за душой его даровитой, страстной, впечатлительной натуры?.. Я не видаль Ник. Ив. во время нашей послѣдней (1877—78 гг.) войны съ Турцией; но люди, которымъ я не смѣю не вѣрить, говорили, что онъ тогда, не смотря даже на только-что перенесенный тифъ, вдругъ какъ-бы ожилъ, встрепенулся.

Какъ бы то ни было, но характеристика, которую дѣлалъ самому себѣ покойный Ник. Ив. и которая выше приведена, была вѣрна по отношенію къ нему за время съ 1878 по 1885 года. За это время дѣйствительно онъ только и изучалъ прошлое, только и жилъ въ немъ, относясь почти безучастно ко всему, что совершалось тогда въ жизни, окружавшей его. И чѣмъ крупнѣе, чѣмъ импозантнѣе были события и явленія,— а ихъ-ли было мало съ конца 70-хъ по начало 80-хъ годовъ?— тѣмъ упорнѣе Ник. Ив. углублялся въ изученіе прошлаго своей страны, какъ-бы полагая (такъ мнѣ, по крайности, казалось), что, не уразумѣвъ настоящимъ образомъ этого прошлага, нельзя уразумѣть и настоящаго, а значитъ—нечего ни близко принимать его къ сердцу, ни особенно радоваться, ни печалиться...— Но Боже, какимъ захватывающимъ образомъ вліяло на него все прошлое, все—даже мало-мальски къ прошлому относящееся! Помнится, какъ-то мы поѣхали въ „интенданцкій музей“, представляющій одно изъ интереснѣйшихъ и богатѣйшихъ собраний предметовъ обмундированія и снаряженія войскъ, начи-

ная съ конца XVII вѣка.—Тогда Н. Ив. писалъ своего Миниха. Надо было видѣть, съ какимъ всепожирающимъ любопытствомъ онъ разглядывалъ разные старинные мундиры, кивера, шляпы, кирасы и проч., начиная съ одеждъ, бывшей на Петрѣ Вел. въ Полтавскомъ бою,—съ какимъ жаромъ сталъ онъ, постепенно преображаясь какъ-бы въ какого бояна или барда, рисовать предъ нами воиновъ и вождей временъ Полтавы, Хотина, Ставучанъ, Кагула... Почти уже совсѣмъ стемнѣло. Пора была закрывать музей, а Н. Ив., забывъ объ устали, все продолжалъ ходить отъ предмета къ предмету, разсматривать, разспрашивать и говорить, поражая присутствующихъ въ музей и силою своего воображенія, и могуществомъ памяти, сохранявшимися въ такомъ уже, повидимому, хиломъ, полуразрушившемся человѣкѣ, какимъ онъ тогда былъ. А секретъ этого былъ простъ: въ эти часы онъ жилъ въ своемъ излюбленномъ и животворившемъ его прошломъ, въ своей средѣ!—Въ немъ-же, въ этомъ прошломъ, несомнѣнно, онъ почерпалъ и тѣ невѣроятныя силы, съ которыми работалъ, писалъ, диктовалъ чуть-чуть не до послѣдняго вздоха...

Когда въ 1883 г. я вернулся изъ временной моей отлучки изъ Петербурга, длившейся однако около двухъ лѣтъ, то засталъ Ник. Ив. уже на новой квартирѣ, въ 1-й линіи Васильев. острова, въ домѣ Бруни, гдѣ онъ и скончался. По случайности, мнѣ пришлось занять квартиру въ домѣ, находящемся рядомъ съ д. Бруни, что, понятно, очень участливо наши свиданія. На этотъ разъ я засталъ Ник. Ив. въ очень грустномъ положеніи: здоровье и силы его, видимо,шли на убыль. Онъ таялъ, какъ свѣчка, хотя держался еще на ногахъ на столько, что, хотя и не ходилъ, но перемогался еще изрѣдка сѣзжать въ архивы министерства иностранныхъ дѣлъ, въ Андреевскій соборъ, откуда одинъ разъ его привезли домой еле-живаго, а работать, работать все таки продолжалъ по прежнему, т. е. безпощадно. Всякая попытка, какъ со стороны друзей, такъ и жены, удержать его отъ такихъ занятій была не только бесполезна, но положительно вредна, ибо только раздражала его. Да гдѣ тутъ было воздержать намъ или его женѣ, когда его не могли воздержать отъ

того даже такія медицинскія свѣтила, какъ Кошлаковъ и Боткинъ, которыхъ онъ очень уважалъ, съ которыми любилъ побѣсѣдоватъ, но совѣтамъ которыхъ не очень-то внималъ. Такъ, напр., они требовали, чтобы онъ на лѣто поѣхалъ въ Дѣдовцы, въ Малороссію, такъ—куда тутъ!—„Я,—говоритъ,—въ Дѣдовцахъ погибну отъ бездѣлья, тогда какъ, живя въ Павловкѣ, на дачѣ, вблизи петербургскихъ архивовъ и публичн. библіотекъ, могу отлично продолжать свои работы!“...—И это, замѣтьте, серьезнѣйше говорилъ человѣкъ, буквально уже дышавшій на ладонь.

Въ началѣ 1885 г. ему стало совсѣмъ ужъ плохо. Чтобы не тревожить его своими посѣщеніями, мы посыпали уже людей на его квартиру для освѣдомленія о положеніи больного. Но за два дня до кончины его я зашелъ къ нему.—Ник. Ив., въ бобровой шапкѣ, въ пуббѣ и теплыхъ калошахъ, сидѣлъ въ свое мъ кабинетѣ противу отворенного окна. Погода стояла варварски-холодная. Но доктора, во вниманіе къ жалобамъ его на недостатокъ воздуха, разрѣшили ему уже поступать такъ.

— Ну, вотъ, наконецъ-то вспомнили меня, запили,—заговорилъ онъ, увидѣвъ меня.

— Да я и не думалъ забывать васъ. Вотъ, дастъ Богъ, поправитесь,—опять будемъ вашими гостями.

Нѣтъ, гдѣ уже тутъ поправиться!!—Дайте-ка мнѣ лучше вашу папироску: у васъ онъ всегда превкуснѣй... А мнѣ, вѣдь, дома уже не даютъ ни сигаръ, ни папиросъ. Говорятъ: нельзя, вредно...

Зная, что перечить ему бесполезно, я зажегъ папироску и подалъ ему. Но, какъ и слѣдовало ожидать, лишь только онъ взялъ папиросу въ ротъ, какъ конвульсивно раскашлялся и въ изнеможеніи выронилъ ее изъ рукъ, шепча: „не могу, не могу“...

— Да лучше теперь не курите, Ник. Ив. Вотъ ужо поправитесь...

— Нѣтъ! Умираю, чувствуя, что умираю... да какой гнусной отвратительной еще болѣзни!—Хотя-бы затвердѣніе желудка произошло!!.

— Ну, Ник. Ив.,—сказалъ я, невольно улыбаясь,—нашли чего желать: перемѣнны кукушки на ястrebа!..

— Какъ можно, что вы это?.. Скажите „развѣ исторія представляетъ примѣры, чтобы арміи вымирали отъ „запора“?— а отъ „поносовъ“—сколько угодно“!..—И Ник. Ив. стала перечислять въ хронологическомъ порядкѣ, указывая даже годы и мѣсяцы, примѣры послѣдняго, начиная съ древнихъ временъ до новѣйшихъ; при чемъ съ особою подробностью говорилъ объ осадѣ Рима Аттилою, о Венгерской войнѣ 1849 г. и о русско-турецкой 1828—29 и 1853—56 годовъ. Я только глядѣлъ на этого совсѣмъ уже умирающаго человѣка и дивился!..

7-го апрѣля, часовъ въ 11-ть утра, мнѣ пришли сказать, что Ник. Ив. скончался. Когда около часу пополудни я зашелъ къ его высокопочтенной и добрѣйшей Алиѣ Леонтьевнѣ, тѣло Ник. Ив., вполнѣ уже убранное, лежало въ его кабинетѣ на столѣ, а извѣстный нашъ художникъ, Рѣпинъ начиналъ писать съ покойнаго портретъ, который къ вечерней панихидѣ былъ уже законченъ,—портретъ, изумительный и по сходству, и по технической отдѣлкѣ!..

И, вотъ, незамѣтно промелькнули уже десять лѣтъ, какъ мы опустили въ могилу нашего Н. И. Костомарова,—этого высоко-даровитаго, глубоко-ученаго историка,—не только историка народолюбца, правдолюбца, но и историка художника, научившаго изучать и любить не сантиментально, а глубокою любовью прошлое нашего отечества, видѣть въ этомъ прошломъ не приманку, влекущую насъ назадъ, „домой“, а залогъ и фундаментъ свѣтлаго и великаго будущаго великия и малыя Руси.— А между тѣмъ, грустно подумать, по сію пору нѣтъ не только настоящей оцѣнки его произведеній, указанія мѣста, какое безспорно принадлежитъ ему въ русской исторіографіи, но нѣтъ даже солидной біографіи его!...

Село Поддубье, херс. губ.

Н. Подорожный

Изъ воспоминаній о Николаѣ Ивановичѣ Костомаровѣ.

Десять лѣтъ тому назадъ, 11 апрѣля 1885 года, на полукруглой площадкѣ противъ главнаго подъѣзда Петербургскаго университета, мнѣ пришлось толкаться въ толпѣ людей, ожидающихъ выноса тѣла Николая Ивановича Костомарова изъ университетской церкви, гдѣ происходило его отпѣваніе. Обширная швейцарская, лѣстница, ведущая на второй этажъ, площадка передъ церковью и сама церковь были наполнены тѣснившимся народомъ. Опоздавшиѳ и невыносящиѳ духоты и давки поневолѣ должны были остаться на улицѣ, не смотря на довольно свѣжее апрѣльское утро. Изъ толпы одинъ за другимъ выдѣлились въ небольшой кружокъ нѣсколько старыхъ слушателей Николая Ивановича, студентовъ начала шестидесятыхъ годовъ. Я былъ въ ихъ числѣ. Нѣкоторые изъ насъ не встречались уже по многу лѣтъ и теперь, сведенныѳ здѣсь единою цѣлью и единою мыслью, горячо пожимали другъ другу руки. Обычные при подобныхъ встрѣчахъ разговоры о невозвратно минувшей молодости связывались теперь съ воспоминаніемъ о любимомъ профессорѣ. Помнится, кто-то замѣтилъ по поводу происходившаго вокругъ насъ, что никакое на свѣтѣ наслѣдство не можетъ вызвать такой горячей любви и искренней признательности со стороны наследниковъ, какъ зароненная въ душу человѣческая мысль и пробужденное человѣческое чувство. Въ ожиданіи выноса тѣла покойного, намъ невольно пришло на память другое торжество, когда въ стѣнахъ этого же универси-

тета, двадцать пять лѣтъ назадъ, восторженная толпа въ нѣсколько сотъ человѣкъ университетскаго юношества несла на рукахъ профессора Костомарова послѣ вступительной его лекціи. Это было въ концѣ ноября 1859 года.

Уже около мѣсяца между студентами ходилъ слухъ о разрѣшеніи Костомарову занять каѳедру въ нашемъ университетѣ. Всѣмъ хорошо извѣстны были причины оставленія имъ Киевскаго университета въ сороковыхъ годахъ и пребыванія въ Саратовѣ. Какъ ученаго, Костомарова знали по его сочиненіямъ. „Стенька Разинъ“ и „Богданъ Хмельницкій“, печатавшіеся въ „Отеч. Зап.“ въ 1857 и 1858 годахъ, выходили тогда отдѣльнымъ изданіемъ и были у всѣхъ на языкѣ. Приглашеніе Н. И. Костомарова въ Петербургскій университетъ на каѳедру Русской Исторіи, по ходившимъ тогда между студентами слухамъ, состоялось благодаря вліянію К. Д. Кавелина, который пользовался тогда большимъ авторитетомъ въ университетѣ вообще и между студентами въ особенности. Наканунѣ вступительной лекціи, К. Д. Кавелинъ говорилъ студентамъ о Костомаровѣ и старался убѣдить ихъ, что шумные выраженія симпатій, которыхъ естественно было ожидать со стороны студентовъ послѣ вступительной лекціи Николая Ивановича, могутъ принести ему существенный вредъ. Всѣ это очень хорошо понимали, и между студентами было условлено строго держаться совѣта любимаго тогда профессора. На дѣлѣ вышло нѣчто совсѣмъ противоположное: у толпы своя психологія. Толпа всегда безусловно искренна и въ своихъ дѣйствіяхъ не способна руководствоваться соображеніями, посторонними овладѣвшему ею чувству.

На лекціи дѣло шло о сущности исторіи и о цѣляхъ университетскаго ея преподаванія. По учению незабвеннаго профессора, основное начало формъ общественной и политической жизни, изученiemъ которыхъ занимается исторія, есть народъ. Внѣшнія формы общежитія относятся къ народу, къ его духовно-нравственному бытію, какъ явленія къ ихъ сущности. Эти формы только тогда станутъ понятными, когда будетъ выяснено, какъ относится къ нимъ народъ и насколько онъ участвовалъ въ ихъ творчествѣ. Исторія народа состоитъ въ изученіи его

духовной жизни. Н. И. Костомаровъ съ ранней юности весь отдавался изученію народа. Это было далеко не легкимъ дѣломъ въ тѣ времена, когда даже Бѣлинскій не признавалъ научного и художественного значенія народной поэзіи, а люди, стоявшіе тогда во главѣ университетскаго преподаванія, видѣли въ Н. И. Костомаровѣ, благодаря его увлеченію народною поэзіей, какого-то чудака, по современной терминологіи—психопата. Для слушателей, знаяшихъ, сколько времени и энергіи профессоръ посвятилъ изученію народа, опредѣленіе сущности исторіи звучало въ его устахъ чѣмъ-то очень вѣскимъ и глубокимъ.

Отъ университетскаго преподаванія Николай Ивановичъ требовалъ изученія внутренняго смысла историческихъ явлений и уясненія метода разработки научнаго матеріала. Впослѣдствіи, по закрытіи Петербургскаго университета въ 1861 году, онъ подробно разработалъ свой взглядъ на университетъ и университетское преподаваніе въ рядѣ писемъ, помѣщенныхъ въ „С.-Петер. Вѣд.“, въ концѣ 1861 года.

Лекція мирно продолжалась. Николай Ивановичъ, по обыкновенію, читаль стоя, скрестивъ на груди руки, безъ малѣйшей тѣни ораторскихъ пріемовъ, совершенно спокойно и медленно, точно диктуя. Большой университетскій залъ, служившій аудиторіей для нѣкоторыхъ Костомаровскихъ лекцій, всегда, а теперь въ особенности, былъ биткомъ набитъ слушателями. Не смотря на это, въ аудиторіи стояла безусловная тишина. Слова лектора чутко раздавались по залу, такъ что, слушая изъ сосѣдней комнаты, можно было бы подумать, что голосъ его раздается въ пустой аудиторіи. Конечно, никто изъ этихъ внимательныхъ, горячо слѣдящихъ за нитью мыслей профессора слушателей не заботился о томъ, во что превратится эта нѣмая аудиторія черезъ минуту. Я не берусь передать впечатлѣнія дружного взрыва энтузіазма, раздавшагося въ аудиторіи, какъ только произвучало заключительное слово профессора. При оглушительныхъ аплодисментахъ и восторженныхъ крикахъ всѣ шумно оставили свои мѣста, и тѣсной толпой окружили Николая Ивановича. Не прошло нѣсколькихъ секундъ, какъ онъ очутился надъ головами толпы сидящимъ, точно на щитѣ, на высоко поднятыхъ

рукахъ. При непрерывномъ громѣ aplодисментовъ и крикахъ нѣсколькихъ сотенъ голосовъ, толпа двинулась изъ зала по длинному коридору, чрезъ всѣ двѣнадцать Петровскихъ коллегій, къ Невскому подъѣзду, который тогда служилъ главнымъ для профессоровъ и студентовъ. Я стоялъ близко къ профессору и, разъ взглянувъ на его лицо, не могъ оторвать отъ него глазъ. Возбужденное, съ выраженіемъ глубокаго страданія, не мало не напоминавшее лицо триумфатора, оно и теперь стоить передо мною, какъ живое. Все время, пока я могъ его наблюдать, оно не теряло этого выраженія. Съ половины коридора, отброшенной толпой, я могъ только издали слѣдить за фигурой профессора, виднѣвшейся все на той-же высотѣ, пока она не скрылась, вмѣстѣ съ первыми рядами толпы, спускавшимися по лѣстницѣ на первый этажъ, къ выходу. Какъ разстался Николай Ивановичъ съ своими восторженными слушателями и уѣхалъ домой, не знаю; хорошо помню, что на всѣ привѣтственные крики студентовъ онъ отвѣчалъ вполнѣ молчаніемъ.

Никакихъ непріятныхъ послѣдствій для Н. И. Костомарова это буйное проявленіе симпатій къ нему со стороны слушателей не имѣло. Съ ноября 1859 года, лекціи его шли правильно, привлекая огромное число слушателей разныхъ возрастовъ, половъ и общественныхъ положеній. Въ короткій срокъ профессорской дѣятельности Николая Ивановича университетъ гостепримно открывалъ свои двери для всѣхъ, желающихъ чемунибудь учиться. Съ ними попадали, конечно, и люди, ничего общаго съ наукой не имѣющіе, посѣщающіе университетъ ради моды, но это не мѣшало дѣлу. Студенты-филологи и вообще всѣ обязательные и необязательные слушатели выдѣлялись въ особую группу и записывали рѣчь Николая Ивановича, какъ и всякаго другого профессора, не смущаясь окружающей ихъ толпой.

Междур университетскимъ юношествомъ Николай Ивановичъ пользовался безпредѣльнымъ сочувствіемъ, которое вызывалось не только его талантомъ и знаніями, но главнымъ образомъ искренностью, звучащею въ каждомъ его словѣ. Юность на этотъ счетъ очень отзывчива и строга. За одинъ ложный шагъ

въ этомъ отношеніи профессоръ неизбѣжно и навсегда теряетъ симпатію своей аудиторіи. Такіе случаи можетъ десятками указать всякий, знакомый съ нравами университетской молодежи. Николай Ивановичъ иногда ссорился съ своими слушателями, какъ это было, напримѣръ, на извѣстной послѣдней его публичной лекціи въ залѣ думы, о которой будетъ сказано ниже, но это не мѣшало ему до самой смерти сохранить привязанность учащагося юношества, которое пользовалось всякимъ удобнымъ и неудобнымъ случаемъ выразить ему свои симпатіи шумными овациями.

Говоря о профессорскомъ періодѣ жизни Николая Ивановича, нельзя пройти молчаніемъ надѣлавшаго тогда много шума въ печати его диспута съ Погодинымъ по вопросу о началѣ Руси. Я могу коснуться здѣсь только внѣшней стороны диспута и отношенія къ нему Николая Ивановича. Въ мартѣ 1860 года, въ „Петерб. Вѣд.“ Н. И. Костомаровъ напечаталъ письмо къ нему Погодина, въ которомъ московскій ученый требовалъ или отреченія Костомарова отъ Жмури, или полнаго отраженія приводимыхъ имъ аргументовъ на публичномъ диспутѣ. Шутя, но съ пѣвой у рта, Погодинъ предлагалъ Н. И. Костомарову взять себѣ въ секунданты любыхъ рыцарей *свистопляски* и сборъ съ диспута предоставлять въ пользу неимущей Жмури. Диспутъ состоялся со сборомъ въ пользу студентовъ и даль въ кассу „неимущей Жмури“ три тысячи рублей. Этотъ сборъ показываетъ, до какой степени былъ переполненъ большой университетскій залъ, гдѣ происходилъ диспутъ. Двѣ каѳедры, поставленныя на разстоянії 10—15 аршинъ одна противъ другой, заранѣе были окружены сочувственными группами. Возлѣ каѳедры Погодина стояли пріѣхавшіе изъ Москвы ученые, журналисты и нѣсколько человѣкъ московскихъ студентовъ, а каѳедру пр. Костомарова густою толпой окружили его слушатели, „облягли, мовъ бжолы матку“, — сказалъ бы малорусскій крестьянинъ. Въ московской печати говорили тогда о враждебномъ настроеніи этихъ двухъ группъ. Ничего подобнаго не было. Конечно, значительное большинство было на сторонѣ Костомарова; но едва ли не тоже случилось бы, еслибы диспутъ проис-

ходилъ въ Москвѣ. Погодинъ и въ Москвѣ не пользовался тогда популярностю. Въ толпѣ я слышалъ добродушныя замѣчанія по адресу „Московской Татьяны“, поскушившейся удѣлить болѣе обширную свиту своему ученому, но раздраженіе противъ московскихъ гостей или недружелюбное отношеніе къ нимъ ничѣмъ не проявилось, да его и не было. Диспутъ прошелъ мирно. Въ голосѣ Погодина слышалось сдержанное раздраженіе, а его оппонентъ обнаруживалъ вполнѣ спокойствіе. Кроме диспутантовъ, въ залѣ едва ли можно было насчитать десять человѣкъ, понимавшихъ всю тонкость аргументаціи обоихъ оппонентовъ, которая въ большинствѣ случаевъ представляла филологическія экскурсіи въ область литовскаго языка и его грамматики. Публика ловила общій смыслъ и аплодировала удачнымъ выраженіямъ.

Къ своей гипотезѣ Николай Ивановичъ, конечно, относился серьезно, но на форму ея публичной защиты, на сколько можно судить по его отзывамъ о ней впослѣдствіи, онъ смотрѣлъ съ своимъ обычнымъ юморомъ. Нѣсколько дней спустя послѣ диспута, въ „Искрѣ“ появилась по поводу его карикатура, которая, какъ я потомъ слышалъ отъ Николая Ивановича, приводила его въ восторгъ по своей мѣткости. Помнится, она носила заглавіе „Непомишащіе родства передъ судомъ исторіи“. Передъ засѣдающими за столами судьями стояли въ нормандскихъ шлемахъ Рюрикъ, Синеусъ и Труворъ съ дружиною. На вопросы суда обѣ ихъ имени, званія, происхожденіи и проч., они давали одинъ отвѣтъ: „Варяги-Русь“. Не находя достаточныхъ основаній для окончательного приговора о происхожденіи подсудимыхъ, судъ постановилъ отложить дѣло и просилъ подсудимыхъ и публику пожаловать для выслушанія приговора въ этотъ-же залъ черезъ тысячу лѣтъ. Такой именно отвѣтъ „Варяги-Русь“, по словамъ Н. И. Костомарова, даютъ на подобные вопросы лѣтописи.

Н. И. Костомаровъ оставилъ университетъ послѣ закрытія его, въ 1861 году, по случаю беспорядковъ, вызванныхъ введеніемъ новаго устава; но званіе профессора онъ сохранилъ до 1862 года. Закрытие университета не прекратило его профес-

сорской дѣятельности Въ концѣ 1861 и въ началѣ 1862 года, рѣдомъ съ закрытымъ университетомъ, по почину выбраннаго студентами съ этою цѣлью комитета, въ залахъ городской думы, въ училищахъ св. Петра и св. Анны, въ Морскомъ училищѣ (Чебышевъ) были открыты систематическія публичныя чтенія профессоровъ: Костомарова, Павлова, Стасюлевича, Андріевскаго, Горлова, Кавелина, Лохвицкаго, Спасовича, Утина, Годолина, Бекетова, Менделѣева, Совѣтова, Соколова, Сѣченова, Пузыревскаго, Благовѣщенскаго, Ивановскаго, Калиновскаго, Штеймана и Петрушевскаго. Проф. Костомаровъ читалъ въ александровскомъ залѣ думы древнюю русскую исторію (введеніе въ исто-рию цивилизації), по четвергамъ, отъ $10\frac{3}{4}$ до $11\frac{3}{4}$ утра. Значеніе этого, какъ именовала его тогда печать, подвижнаго и свободнаго университета не понятно безъ связи съ крайне интересными и, съ нынѣшней точки зрѣнія, крайне своеобразными явленіями университетской и общественной жизни этого периода времени. Все, что касается движенія университетской жизни, обстоятельно и довольно точно изложено въ интересной статьѣ г. Спасовича „Пятидесятилѣтіе С.-Петербургскаго университета“.

Огромное, хотя иѣсколько искусственно построенное зданіе подвижнаго университета рухнуло, какъ карточный домикъ, отъ прикосновенія слѣдующаго, повидимому, посторонняго ему событія. 2-го марта 1862 года извѣстный проф. Петербургскаго (прежде Кіевскаго) университета Павловъ на публичной лекціи въ пользу литературнаго фонда читалъ свою статью „О тысячелѣтіи Россіи“, напечатанную ранѣе въ календарь (кажется, академическомъ). Къ напечатанному, слѣдовательно дозволенному цензурой, пр. Павловъ прибавилъ только заключительные слова: „имѣй уши слышати да слышить“. Чтеніе и обаятельная личность лектора вызвали со стороны публики очень шумныя выраженія сочувствія. На другой день Петербургъ узналъ, что Павлову запрещено публичное чтеніе и сдѣлано распоряженіе объ административной высылкѣ его въ Ветлугу. Въ видѣ протеста противъ этого нарушенія свободы преподаванія предполагалось, по слухамъ, закрыть всѣ публичныя чтенія. Это предположеніе скоро превратилось въ рѣшеніе комитета

по устройству публичныхъ чтеній, состоявшагося подъ вліяніемъ близкихъ къ комитету профессоровъ. Всѣ покорились этому рѣшенію и прекратили чтеніе, за исключеніемъ проф. Костомарова. Сколько ни посыпали къ нему депутаций, сколько ни убѣждали его отдельные уполномоченные студенты и не студенты, сколько, наконецъ, ни угрожали ему въ анонимныхъ письмахъ свистками, гнилыми яблоками, апельсинами, печенымъ картофелемъ и т. под., ничто не помогало,—Николай Ивановичъ стоялъ на своемъ. Лекція его приходилась на 8 марта. Аудиторія далеко не представляла того вида возбужденаго, но молчаливаго ожиданія, какъ два года назадъ, передъ вступительной лекціей въ ноябрѣ 1859 года. Теперь слушатели, въ ожиданіи профессора, разбились на отдельныя группы ожесточенно спорящихъ между собою людѣй. Въ залѣ стоялъ невообразимый шумъ, мгновенно смолкшій при появлѣніи профессора. Скоро шумъ снова возобновился и мѣшалъ чтенію, на что онъ очевидно и былъ разсчитанъ. Многіе встали съ своихъ мѣстъ, заслоняя каѳедру отъ заднихъ рядовъ, которые, поэтому стали на сулья и столы. Вообще въ тотъ день думской мебели не поздоровилось. На крики враждебные и даже свисты отвѣчали яростные аплодисменты и крики доброжелательные. О яблокахъ, картофели и т. п., конечно, не было и помину, но и безъ нихъ стоялъ изрядный содомъ. Не помню, началось ли все это при первыхъ словахъ профессора, или часть лекціи была прочитана, но окончить ее, я помню хорошо, не пришлось. Какъ только замѣтили, что профессоръ желаетъ обратиться къ аудиторіи съ словами, не относящимися къ лекціи, тишина мгновенно возстановилась. Не могу передать дословно рѣчи, съ которою Николай Ивановичъ обратился къ своей буйной аудиторіи, но я какъ теперь вижу его возбужденное блѣданое лицо и слышу, какъ взволнаннымъ голосомъ, гнѣвно отчеканивая слова, онъ упрекалъ расходившееся юношество за неуваженіе къ наукѣ, сравнилъ съ Репетиловымъ за легкость, съ какою интересы знанія приносились въ жертву охотѣ пошумѣть, и, наконецъ, объявилъ, что прекращать лекціи онъ не намѣренъ. Аудиторія притихла, не знаю, потому ли, что воздѣйствовали слова профессора, или

потому, что дѣло было сдѣлано—профессоръ сходилъ съ каѳедры, и волноваться не было уже причины ни противникамъ, ни сторонникамъ. Теперь обсуждали вопросъ о цѣляхъ закрытія публичныхъ чтеній, и чѣмъ дальше, тѣмъ меныше было шансовъ на его благополучное разрѣшеніе. Профессоръ Костомаровъ виновенъ въ томъ, что не пошелъ за всѣми. Его принудили идти. Но что-жъ потомъ?

Слѣдующая лекція профес. Костомарова не могла состояться, вслѣдствіе отказа думы въ помѣщеніи. Затѣмъ 13 марта, профессоръ объявилъ печатно, что чтеніе курса исторіи Московской Руси XVI в., прерванное 8 марта, будетъ возобновлено по присканіи помѣщенія. Вслѣдъ за этимъ объявлениемъ посыпались новыя угрозы по адресу Николая Ивановича, которые усиливали его рѣшимость отстаивать свое намѣреніе, но чтеніе не возобновилось по распоряженію администраціи. Такъ кончилась профессорская дѣятельность Н. И. Костомарова.

Упрямая настойчивость въ преслѣдованіи до конца дѣла, основанного на убѣждениіи въ его справедливости—коренная черта характера Николая Ивановича. Не имѣя ни малѣйшей тѣни цеховой заносчивости, съ одинаковымъ интересомъ и вниманіемъ выслушивалъ онъ всякое мнѣніе по предмету его специальности и по всякому другому предмету. Никто терпимѣе его не относился къ возраженію и никто легче не сознавался въ ошибкѣ; но убѣдить его отказаться отъ дѣла или мнѣнія ради какихъ-нибудь постороннихъ соображеній не было никакой возможности. Житейскій тактъ очень мало уживался съ натурой Николая Ивановича. Помню, „Шосльдніе годы Рѣчи Посполитой“ подоспѣли какъ разъ ко времени польскихъ волненій. Всѣ друзья Николая Ивановича находили, что издавать эту книгу въ такое время—крайняя без tactности, что она можетъ послужить такимъ цѣлямъ, какими онъ не можетъ сочувствовать, что книгу могутъ принять, какъ ловкій маневръ, съ цѣлью заслужить милость, что онъ приобрѣтѣ себѣ враговъ тамъ, где онъ не желалъ бы ихъ имѣть, и проч., и проч. Никто однако же не брался доказывать, что его точка зреїнія на причины паденія Рѣчи Посполитой не вѣрна. При сущевовавши хѣ-

тогда обстоятельствахъ изданіе такого сочиненія, какъ „Послѣдніе годы Рѣчи Посполитой“, дѣйствительно представлялось чѣмъ то рискованнымъ. Николай Ивановичъ настоялъ, однако, на своемъ, и сочиненіе вышло въ свѣтъ.

Въ началѣ 1866 года, Михаиль Матвѣевичъ Лазаревскій, близкій другъ и душеприкащикъ Т. Г. Шевченка, предпринялъ изданіе сборника сочиненій поэта „Кобзарь“. По условію съ книгопродающимъ Кожанчиковымъ, изданіе должно было редактироваться Н. И. Костомаровымъ, а работы по приготовленію сборника къ печати и надзоръ за типографскими работами поручены были мнѣ. Этому счастливому случаю я обязанъ личнымъ знакомствомъ съ Николаемъ Ивановичемъ. Въ первый разъ я отправлялся къ нему съ Михаиломъ Матвѣевичемъ Лазаревскимъ, старымъ пріятелемъ Костомарова. Это было часовъ въ 5 мартовскаго вечера. Николай Ивановичъ былъ не совсѣмъ здоровъ. Онъ прилегъ въ гостинной на диванѣ, въ лѣтнемъ верхнемъ пальто, надѣтомъ прямо на жилетъ, съ классической трубкой на длинномъ чубукѣ съ янтарнымъ мундштукомъ. Возлѣ дивана сидѣлъ Максимовъ, извѣстный авторъ „Годъ на сѣверѣ“. Наше появленіе только на минуту прервало ихъ бесѣду. Я видѣлъ, что на меня никто не обращаетъ вниманія, какъ на давно знакомаго, такъ сказать своего человѣка, и чувствовалъ себя очень хорошо. Рѣчь шла о церковномъ богослуженіи. Собесѣдники припоминали мѣста особенно поэтическія и краси- выя по напѣву, и Максимовъ въ полголоса исполнялъ ихъ хорошимъ голосомъ и умѣло. До поздняго вечера слышались восклисанія: „А помните, въ такой то день, въ заутренїѣ, послѣ такого то возгласа, такое то мѣсто!“ И затѣмъ слѣдовала или длинная цитата Николая Ивановича или пѣніе Максимова. Въ комнатѣ совсѣмъ стемнѣло. Бесѣда шла съ возрастающимъ одуванченіемъ. Николай Ивановичъ забылъ о своемъ недомоганіи, всталъ съ дивана и быстро ходилъ по комнатѣ, останавливался передъ гостемъ, когда онъ исполнялъ особенно интересное мѣсто. Какъ только зажгли лампы, Максимовъ откланялся и ушелъ, мы послѣдовали его примѣру. О Шевченкѣ, противъ моего ожиданія, не было и помину. Да и о чёмъ тутъ только

вать? Мы знали, что цѣль, ради которой мы шли къ Костомарову, достигнута,—оставалось приниматься за работу.

Между моими пріятелями было нѣсколько хорошихъ знакомыхъ Н. И. Костомарова. Съ однимъ изъ нихъ мы вмѣстѣ жили, въ томъ же домѣ Карманова, на 9 линіи, гдѣ жилъ и Костомаровъ, такъ что задолго до личнаго знакомства я хорошо зналъ Николая Ивановича и весь его домашній обиходъ. Мнѣ не разъ приходилось слышать о феноменальной памяти Николая Ивановича, о томъ, что онъ на память знаетъ церковное богослуженіе на славянскомъ, греческомъ и латинскомъ языкахъ. Мнѣ было известно, что онъ очень любилъ богослуженіе вообще и церковное пѣніе въ особенности и увлекается тѣмъ и другимъ иногда до чудачества. Въ это памятное для меня первое посѣщеніе Николая Ивановича, услышавъ, о чёмъ идетъ рѣчъ, я, грѣшнымъ дѣломъ, приготовился быть свидѣтелемъ чего нибудь курьезнаго, чуднаго. Но ничего подобнаго не произошло. Бесѣда шла серьезно о томъ, что глубоко интересовало собесѣдниковъ. Оба до тонкости понимали поэзію и красоту того, о чёмъ держали рѣчъ, и я, слушая ихъ, понималъ, что цитируемые ими мѣста Священнаго Писанія и напѣвы молитвъ дѣйствительно прекрасны, хотя прежде не замѣчалъ этого, не смотря на то, что многое изъ слышаннаго мною здѣсь было мнѣ давно известно.

Событие 4 апр. 1866 года мѣсяца на четыре задержало изданіе „Кобзаря“. Наслѣдство, оставленное намъ Т. Г. Шевченкомъ, состояло, кромѣ напечатанного до 1848, т. е. до его ссылки, изъ такъ называемой „маленькой книжечки“ и изъ переплетенной въ желтую папку тетради изъ разноцвѣтной почтовой бумаги, въ листъ малаго формата, съ подписью на оборотѣ: „Поэзіи Т. Шевченка“. Въ „маленькую книжечку“ было переплетено все, написанное поэтомъ въ ссылкѣ, на листикахъ въ $1/16$ долю обыкновенного большого листа почтовой бумаги, которые поэтъ носилъ за голенищемъ изъ опасенія обнаружить нарушеніе имъ строгаго запрещенія ему писать и рисовать. Желтую книжечку составляли стихотворенія, перенесенные изъ маленькой книжечки въ обработанномъ видѣ, и все

написанное поэтомъ послѣ ссылки. Значительная часть стихотвореній, содержащихся въ этихъ книжкахъ, была напечатана въ издававшемся въ 1861—62 году малороссийскомъ журналѣ „Основа“; но по крайней мѣрѣ третья ихъ часть не была издана и предназначалась для помѣщенія въ первый разъ въ приготовляемомъ къ печати Кожанчиковскому изданію „Кобзаря“. Понятно, до какой степени беспокоила Николая Ивановича мысль, что по какойнибудь случайности, а о нихъ ходили самые чудовищные разсказы, эти рукописи попадутъ въ водоворотъ широко развернувшейся тогда дѣятельности Муравьеваго. По этому поводу шли длинные переговоры на обычныя у насъ въ подобныхъ случаяхъ темы: „нельзя ли отложить, да нельзя ли подождать“. Кончилось, однако, тѣмъ, что работы по изданію „Кобзаря“ были прекращены и рукописи переданы на храненіе г. Кожанчикову.

Взглядъ Н. И. Костомарова на литературное значеніе Т. Г. Шевченка выраженъ имъ въ предисловіи къ Кожанчиковскому изданію „Кобзаря“. Поэтическое творчество Шевченка, по мнѣнію нашего историка, составляетъ прямое продолженіе народнаго творчества. Онъ пѣлъ такъ, какъ, при соответствующихъ условіяхъ, запѣлъ бы самъ народъ. Въ устахъ Н. И. Костомарова, при его взглядѣ на значеніе народной поэзіи, это найвысшая похвала. Изъ произведеній Шевченка наибольшею, по крайней мѣрѣ очень большою его симпатіей пользовался „Чернецъ“. Онъ часто его декламировалъ, конечно, наизустъ. Онъ зналъ наизустъ всего Шевченка. Так же очень ему нравилось: „Наймычка“, баллады изъ юношескихъ произведеній поэта и лирическія мѣста изъ поэмы „Сонъ“. „До мертвыхъ и живыхъ и ненарожденныхъ землякивъ моихъ мое дружнее посланіе“, не смотря на неподражаемый блескъ языка и высоту чувствъ любви къ родинѣ, которымъ проникнуто каждое слово „Посланія“, очень мало привлекало вниманіе историка. Онъ находилъ въ немъ всѣ достоинства ораторской рѣчи, но мало поэзіи. Не удивительно послѣ этого, что онъ не признавалъ поэзіи въ стихотвореніяхъ Некрасова, какъ не признавалъ ее и Тургеневъ. Особенно не по душѣ приходилося Николаю Ивановичу стихо-

твореніе „Убогая и Нарядная“. По его выраженню, оно звучало для него холодною реторикой прокурорского обвиненія. Точно также не раздѣлялъ онъ общаго восторга по отношенію къ художественной сторонѣ произведеній Щедрина. Онъ признавалъ за ними огромное значеніе публицистическое, но не могъ помириться съ неясностью и неопределенностью художественныхъ образовъ въ сатирахъ и признать законность „рабыаго языка“. Этотъ еретическій взглядъ Николай Ивановичъ не любилъ защищать вѣроятно потому, что художественная сторона въ этихъ случаяхъ всегда отодвигалась на задній планъ многими другими сторонами дѣла, противъ которыхъ онъ не имѣлъ возраженій. Когда къ нему обращались съ такого рода рѣчами, онъ отвѣчалъ полусловами или отмалчивался. По этому вопросу Костомаровъ, кажется, тоже сходился съ Тургеневымъ. Такъ же, какъ и Тургеневъ, Николай Ивановичъ ставилъ неизмѣримо высоко Чушкина. Изъ малороссійскихъ беллетристовъ наибольшеею его любовью пользовался Квитка-Основьяненко. Его рассказы онъ находилъ поэтическими, очень цѣнилъ въ нихъ неподдѣльный украинскій юморъ и типичность отдѣльныхъ характеровъ и народныхъ группъ. При воспоминаніи объ украинской ярмаркѣ, онъ всегда цитировалъ ту сцену изъ „Солдацкого патрета“, когда городскіе парубки, щеголяя передъ пріѣзжими селянами, заложивъ руки за спины, важно запѣвали *московськимъ писни*: „При данилуши стояла“. Въ особенности онъ ставилъ высоко языкъ Квитки и часто ставилъ его, какъ примѣръ, молодымъ писателямъ, надъ которыми часто шутилъ, по поводу введенія новыхъ, не свойственныхъ языку словъ, называя такія слова кованными, а авторовъ ихъ ковалями. „Баба Нараска“ Левицкаго приводила его въ восторгъ.

Музыку Николай Ивановичъ любилъ до увлеченія. Изъ русскихъ композиторовъ особенною его симпатіей пользовался Глинка. „Жизнь за Царя“, въ продолженіе дѣлаго ряда зимъ, Николай Ивановичъ слушалъ столько разъ, сколько эта опера ставилась на сценѣ Маріинскаго театра. Н. В. Лысенка онъ высоко цѣнилъ, какъ исполнителя. Изъ его сочиненій ему очень нравились некоторые вещи изъ написанныхъ на слова Шев-

ченка. Кромѣ „Ой чого ты почорнило зеленое поле“, я не могу припомнить, какія именно. Съ большою похвалою оно отзы-
вается также о „Закувала та сзыза созуля“ Нищенского. По-
нятно, я называю здѣсь тѣ произведенія, о которыхъ мнѣ при-
ходилось слышать отзывы изъ устъ Николая Ивановича непосред-
ственно.

Какъ ни мало я могу привести фактовъ для характеристики художественного вкуса нашего историка, все же, мнѣ кажется, и на основаніи приведенного здѣсь материала можно составить себѣ довольно опредѣленное понятіе по этому предмету.

Съ 1871 по 1874 годъ мнѣ пришлось, по порученію Николая Ивановича и подъ его руководствомъ, заниматься при-
готвленіемъ къ изданію части огромнаго этнографическаго ма-
теріала, собраннаго этнографическо-статистическою экспедиціей въ Юго-Западный край, именно томы III, IV и V „Трудовъ Экспедиції“, обработка которыхъ была возложена на Н. И. Костомарова Им. Рус. Географич. Обществомъ, а въ 1874 г. XVI т.
Сборника Им. Историч. Общества, содержащаго переписку князя Николая Васильевича Репнина, относящуюся до эпохи первого раздѣла Польши. Живое чувство поэзіи и необыкновен-
ная воспріимчивость къ художественнымъ впечатлѣніямъ, соста-
вляющія коренные черты нравственнаго облика Николая Ивановича, въ общемъ мнѣ были уже известны. Работы по изданію „Трудовъ Экспедиції“ дали мнѣ случай позна-
комиться съ этими свойствами его характера съ особой точки зрењія. Поэтическая красота народной пѣсни для меня понятна была съ дѣтства, и встрѣтить пониманіе и чувство этой кра-
соты, много разъ превосходившее мое собственное, въ ученомъ, посвятившемъ лучшую часть своей жизни изученію народной поэзіи, не казалось мнѣ дивомъ. Красоту и поэзію обряда я по-
нималъ гораздо менѣе. Относительно некоторыхъ обрядовъ я сталъ бы скорѣе на сторону, совсѣмъ ихъ отрицающую. Ни-
колай Ивановичъ видѣлъ въ обрядахъ, независимо отъ исто-
рическаго ихъ значенія, особую красоту и поэзію, и когда двумя-тремя образами онъ помогалъ мнѣ связать данный обрядъ съ его мифологическимъ первоисточникомъ, мертвыя формы

обряда получали жизнь, и я также понималъ его красоту. Тогда мнѣ уже не могло казаться ни страннымъ, ни непонятнымъ, почему ученый, глубоко ихъ изучившій и обладающій рѣдкою способностью ихъ образнаго воспроизведенія, не только ихъ понимаетъ, но до такой степени живо ихъ чувствуетъ, можно сказать переживаетъ, что, кажется, еще шагъ въ этомъ направленіи—и онъ начнетъ ихъ исполнять. Я убѣжденъ, еслибы Николаю Ивановичу случилось захворать въ какой нибудь захолустной малороссійской деревушкѣ и ему предложили бы позвать ворожку, онъ охотно согласился бы. Это сдѣлалъ бы онъ, конечно, не для медицинскихъ и даже, можетъ быть, не для этнографическихъ цѣлей. Фактъ ворожбы, сопровождающіе ее обряды и самыи текстъ заклинаній проникнутъ такимъ искреннимъ и наивнымъ чувствомъ единства человѣка съ природою, а, слѣдовательно, съ поэзіею, а отсюда и съ красотою, что такому знатоку этого дѣла, какъ Николай Ивановичъ, было слишкомъ много достаточныхъ причинъ интересоваться ворожбой, оставя въ сторонѣ даже научныя цѣли. Религіозные обряды Николай Ивановичъ также приводилъ къ ихъ первоначальному источнику и, можетъ быть, поэтому такъ глубоко понималъ ихъ смыслъ и торжественную красоту. Для него пасхальная заутрени, напримѣръ, представляла нѣчто необычайно великое, торжественное и прекрасное. Красотой религіознаго обряда онъ также любовался до увлеченія, но этого рода увлеченіе легко подводится подъ готовую категорію понятій, и никто не находитъ его страннымъ, какъ многіе считали страннымъ его увлеченіе сохранившимися въ народной памяти обломками языческой старины. Если кто скажетъ, что Николай Ивановичъ былъ глубокого религіозенъ, онъ скажетъ правду; но скажетъ слишкомъ мало. Всакій обыкновенный смертный относится къ религіознымъ вопросамъ по своему, а Николай Ивановичъ понималъ ихъ и совсѣмъ по своему. Конечно, начиная съ пасхальной заутрени до паникадила и лампадки въ его спальнѣ, всѣ церковные обряды говорили ему совсѣмъ не то, что намъ, современнымъ среднимъ людямъ, а тѣмъ болѣе не то, что они говорятъ какой нибудь помѣщицѣ Коробочкѣ или старообрядческой начетчицѣ.

Вообще по своей сложной, своеобразной и многосторонне одаренной натурѣ, Николай Ивановичъ, со стороны своей нравственной физиономіи, не подходилъ подъ общепринятые шаблоны. Одинъ изъ друзей его юности называлъ его въ своихъ воспоминаніяхъ скупымъ. Но развѣ можно наклеить такой ярлыкъ на Н. И. Костомарова только потому, что онъ не любилъ давать взаймы денегъ и книгъ? Къ заработку онъ относился серьезно, какъ смотрить на него солидный крестьянинъ, а книги онъ любилъ и каждую изъ нихъ считалъ большою драгоценностью, не спрятываясь съ одѣнкой ея по прейс-куранту книготорговца. У насъ рѣдко можно встрѣтить даже книжныхъ людей, раздѣляющихъ такой взглядъ. Почти съ каждымъ просителемъ Николаю Ивановичу приходилось говорить на разныхъ языкахъ. Онъ долженъ былъ отдать просителю драгоценность, а проситель получалъ отъ Николая Ивановича совсѣмъ незначительную вещь. Всѣ свои наличные деньги Николай Ивановичъ, какъ извѣстно, отдалъ на устройство школы въ своемъ родномъ селѣ и очень заботился, чтобы ихъ не оказалось мало. Аккуратный въ этихъ отношеніяхъ, Николай Ивановичъ совсѣмъ неразсчетливо устраивалъ изданія своихъ сочиненій, предоставляемая большой барышъ книгоиздателямъ; за работы своимъ помощникамъ онъ платилъ очень щедро, отличался гостепріимствомъ, не отказывалъ себѣ въ какой-либо изысканности по части стола и особенно бѣлья. За эту послѣднюю привычку тотъ же другъ называетъ Николая Ивановича бариномъ, не замѣчая, что барство и скучность трудно совмѣстимыя качества.

Николай Ивановичъ жилъ со своею матушкой до 1875 года, т. е. до ея кончины. Татьяна Петровна до послѣднихъ своихъ дней была совсѣмъ бодрой и сильной старухой, не драхмѣ во всякомъ случаѣ своего сына, съ серьезнымъ и очень красивымъ лицомъ. Портретъ, писанный художникомъ Ге, прекрасно передаетъ черты и характеръ этого лица. Николай Ивановичъ былъ единственою ея привязанностью, а домашнее хозяйство—единственнымъ занятіемъ. Она баловала сына разными тонкостями кухни и вообще заботливостью ухода, но болѣе слож-

ной душевной связи между матерью и сыномъ не могло быть. Татьяна Петровна не получила образованія и потому умственные и общественные интересы, волновавшіе сына и приводившіе его въ былое время къ большой бѣдѣ, были ей чужды, хотя эта бѣда не легко отражалась и на ея собственной судьбѣ. Недаромъ соузникъ Николая Ивановича, поэтъ Шевченко, былъ такъ пораженъ ея видомъ, когда изъ окна крѣпости увидѣлъ ее идущую провѣдать своего, тамъ же заключенного сына, что сталъ благословлять свое сиротство и одиночество.

„Дивлюсь... твоя, мій брате, мати,
Чорниша чорної землі,
Іде, съ креста веначе звита...
Молюся! Господы молюсь!
Хвалитъ тебе не перестану,
Що я ни зъ кимъ не подилю
Мою тюрму, мої вайдани.

Для постороннихъ людей отношенія между сыномъ и матерью могли показаться нѣсколько сухими и формальными. Можетъ быть, здѣсь играли нѣкоторую роль нравы старой и современной крестьянской Малороссіи, недопускающіе вицъ проявленія нѣжности между родителями и дѣтьми, особенно взрослыми. Когда Николаю Ивановичу случалось уѣзжать куда нибудь надолго, материнская нѣжность и сыновняя привязанность сейчасъ давали себя чувствовать. Потомъ, послѣ усиленной взаимной внимательности въ первые дни свиданія, все возвращалось къ обычному порядку. Мнѣ случилось быть свидѣтелемъ сцены незначительной и обычной въ иной средѣ, которая обнаружила для меня такую пустоту между сыномъ и матерью, которую ничѣмъ нельзя было наполнить. Утромъ, когда Николай Ивановичъ сидѣлъ за работой (послѣдніе годы онъ работалъ только утромъ и не любилъ, когда ему мѣшали), входить изъ кухни Татьяна Петровна, взволнованная, съ жалобой на кухарку, которая становится невыносимо груба, не терпить вмѣшательства хозяйки въ кухонное хозяйство и т. п., и просить это прекратить, потому что дальше терпѣть такой порядокъ она не можетъ.

Николай Ивановичъ молчалъ, но нервное подергивание щеки обнаруживало, что это молчаніе происходит не отъ равнодушія къ заявленной жалобѣ. Выслушавъ повторенные доказательства упрямства и грубости кухарки, Николай Ивановичъ чуть не плачущимъ голосомъ обратился къ матери:

„Да не могу же я, маменька....

— Ты всегда такъ, не могу. Я одна должна переносить всѣ эти дрязги. Тебѣ какое до этого дѣло!

— „Вы откажите ей, маменька“.

— Не могу я ее прогнать, гдѣ мнѣ искать другую и т. д.

Послѣ обмѣна нѣсколькими подобнаго рода фразами, дѣло кончилось тѣмъ, что Татьяна Петровна ушла обиженнная, съ упреками: „ты генераль, а позволяешь всякой кухаркѣ оскорблять твою мать“ и т. п., а Николай Ивановичъ бросиль перо, нервно забѣгалъ по комнатѣ и скрылся въ своей спальнѣ. Мнѣ передавали, что иногда послѣ такой сцены Николай Ивановичъ схватывалъ себя за голову и выбѣгалъ на площадку лѣстницы, крича что есть силы одну высокую ноту до тѣхъ поръ, пока его не уводили и не укладывали въ постель. Подобные сцены, сколько мнѣ известно, случались рѣдко и впечатлѣніе оставляли не надолго. Татьяна Петровна никакой злобы въ нихъ не вносила, слѣдовательно, при безконечной незлобивости Николая Ивановича и при его способности признавать свой промахъ и прощать причиненную ему обиду, иначе и быть не могло.

Какъ образецъ незлобивости Николая Ивановича, не могу отказать себѣ въ удовольствіи разсказать слѣдующую совсѣмъ незначительную, но очень характерную сценку. Любимый котъ Николая Ивановича, извѣстный Василій (кажется) Ивановичъ Міофаговъ, въ чемъ то сильно проштрафился,—канарейку загрызъ или что то въ этомъ родѣ. Пойманный en flagrant dÃ©lit, Міофаговъ не успѣлъ улизнуть. Николай Ивановичъ, взвѣшенный наглостью преступленія, схватилъ Василія Ивановича и стремительно направился къ открытому оконшку, чтобы бросить его съ третьего этажа. У самаго подоконника онъ остановился, бережно поставилъ Міофагова на полъ и сталъ гладить его между ушами, чтобы извиниться за невольную вспышку.

Совершенно такимъ же образомъ онъ поступалъ и въ дѣлахъ болѣе важныхъ. Послѣ лекціи 8 марта 1862 года въ думѣ, студенты, устроивши ему дебошъ и не скрывавши этого, мирно и дружелюбно съ нимъ бесѣдовали въ его же кабинетѣ по поводу этого же дебоша. Такое незлобіе нельзя объяснить равнодушіемъ къ предмету распри. На противъ, прекращеніе публичныхъ чтеній, и при томъ съ грубымъ противъ него насилиемъ, Николай Ивановичъ считалъ нападеніемъ на дѣло, которому онъ служитъ, и защищалъ его до послѣдней возможности. Но интересы дѣла онъ не смѣшивалъ съ личнымъ самолюбиемъ, и въ этомъ, я думаю, заключается тайна его незлобія въ подобныхъ случаяхъ. Можеть быть, изъ этого же источника происходить и его неизмѣнное безпристрастіе, подавшее тогда поводъ къ обвиненію его въ сухости и равнодушіи къ нуждамъ ближняго. Минѣ пришлось слышать, приблизительно, такое обвиненіе по адресу Николая Ивановича: „Помилуйте, онъ со мною былъ всегда внимателенъ и кротокъ, выслушивалъ охотно всякия интимныя вещи, а попросилъ его похлопотать о помѣщеніи статьи въ „Вѣстникѣ Европы“,—наотрѣзъ отказалъ: онъ мягко стелеть“. Это свойство характера Николая Ивановича и вытекающая изъ нея терпимость—дѣло большого ума и образованія, дѣло весьма почтенное и понятное; но то забвеніе обиды, безъ малѣйшихъ слѣдовъ остатка какой-нибудь горечи на душѣ, которое Николай Ивановичъ проявлялъ къ своимъ литературнымъ противникамъ, сознаюсь, для меня совсѣмъ не понятно, я не могу представить въ себѣ самомъ такое чувство, вообразивъ себя на его мѣстѣ. Изъ многихъ извѣстныхъ мнѣ примѣровъ такого незлобія, приведу слѣдующій: Е. Бѣловъ, старинный, еще саратовскій, пріятель Николая Ивановича, неизмѣнныи посѣтитель его вторниковъ, сталъ печатать статьи, полныя злыхъ нападокъ на Николая Ивановича, далеко выходящихъ за предѣлы ученой и литературной критики, намекая на разныя преступленія противъ того особаго патріотизма, который тогда проповѣдывался на страницахъ „Московск. Вѣдомостей“, „Виленскаго Вѣстника“ и т. п. Не понимая, откуда такое озлобленіе со стороны Е. Бѣлова, всегда сочувствовавшаго Николаю

Ивановичу, какъ человѣку неученому, я обратился за разрѣшеніемъ недоразумѣнія къ самому Николаю Ивановичу.

„Не знаю“! Недоумѣвалъ и самъ Николай Ивановичъ.
„Чортъ на него какой-то насѣлъ. Съ моей стороны не было никакихъ поводовъ. Пересталъ ходить и вотъ... пишетъ“...

Года два спустя, на мой звонокъ мнѣ отворилъ дверь самъ Николай Ивановичъ. Изъ передней я увидалъ сидящаго въ гостинной Е. Бѣлова и, конечно, снова, шепотомъ и знаками, обратился къ хозяину за объясненіями по поводу его блуднаго гостя.

„Да, это Бѣловъ“, подтвердилъ Николай Ивановичъ и, замѣчая, что я неудовлетворенъ его отвѣтомъ, коротко пояснилъ:
„Онъ сказалъ, что ошибался“.

Междуда самыми близкими друзьями послѣ ссоры, кончившейся миромъ, всегда остается какой-то пробѣлъ, неловкость котораго чувствуется всю жизнь, который всегда мѣшааетъ возвратить прежнюю простоту и естественность отношений. Ничего подобнаго не замѣчалось въ отношеніяхъ Н. И. Костомарова къ г. Бѣлову.

Такое же безслѣдное забвеніе обиды было у Николая Ивановича по отношенію къ другому его литературному противнику послѣ того, какъ, нечаянно встрѣтившись въ Московскомъ Архивѣ, онъ подошелъ къ Николаю Ивановичу и, на вопросъ: „что мя гониши“? отвѣтилъ шутливой славянской фразой, сваливая весь грѣхъ на проказы діавола. Этотъ противникъ былъ въ юности крѣпкимъ соратникомъ Николая Ивановича на одномъ и томъ же полѣ и преслѣдовалъ одну съ нимъ цѣль.

Прощеніе такого рода грѣховъ, грѣховъ противъ Духа Святаго, гдѣ идетъ дѣло обѣ измѣнѣ общимъ идеаламъ, общимъ цѣлямъ, я, какъ сказалъ уже, не понимаю; но такъ какъ мнѣ навѣрное известно, что во всѣхъ подобныхъ случаяхъ равнодушіе и пассивность не имѣютъ мѣста, то разглаголу непонятнаго явленія слѣдуетъ, мнѣ кажется, искать или въ болѣе широкомъ пониманіи Николаемъ Ивановичемъ идеаловъ и цѣли общихъ стремленій, или вообще въ необычайной его правственной высотѣ.

Говоря все это, я далекъ отъ желанія представить Николая Ивановича лишеннымъ всякихъ личныхъ интересовъ, „чело-

вѣкомъ не отъ міра сего". Это было бы большою ошибкой съ моей стороны. Напротивъ, онъ былъ живой и мірской человѣкъ въ самомъ широкомъ смыслѣ слова. Онъ интересовался и даже увлекался оперой, драмой, хоровой пѣсней, сказкой, остроумнымъ анекдотомъ, могъ хохотать по поводу мѣткаго слова и разсказа молодого пріятеля надъ неудачами его собственнаго романа. Словомъ, „ничто человѣческое не было ему чуждо". Всѣ чувствовали себя съ нимъ легко и хорошо. Поэтому, онъ имѣлъ множество преданныхъ друзей между людьми разныхъ слоевъ общества и разныхъ степеней образованія.

Зимою 1875 года, Николай Ивановичъ перенесъ тяжкую болѣзнь и потерялъ мать. О его болѣзни я узналъ отъ Н. А. Бѣлозерской. По городской почтѣ она пригласила меня побывать у нея по очень важному дѣлу. Я засталъ ее въ постели, только что начинающей поправляться послѣ тяжелаго тифа. Она была очень удивлена, что я ничего не знаю о томъ, что случилось у Костомаровыхъ, и рассказала мнѣ ужасающія вещи. Николай Ивановичъ уже нѣсколько дней безъ сознанія: у него тифъ. Татьяна Петровна, захворавшая еще до болѣзни Николая Ивановича воспаленіемъ легкихъ, умерла, когда Николай Ивановичъ былъ уже въ безсознательномъ состояніи и похоронена. Н. И. Катеневъ, родственникъ Н. А. Бѣлозерской и старый другъ Костомаровыхъ, позаботился устроить похороны покойной и наблюдать за больнымъ. (Онъ жилъ въ одномъ этажѣ съ Костомаровыми, двери ихъ квартиръ выходили на одну и ту же площадку лѣстницы). Теперь ему предстояло уѣхать изъ Петербурга по дѣламъ, и надзоръ за больнымъ необходимо было передать въ другія руки.

На квартире Николая Ивановича, куда я тотчасъ отправился, была глубокая тишина. Въ спальне лежалъ больной Николай Ивановичъ, а возлѣ него дремала сидѣлка. Отъ Н. И. Катенева, который, повидимому, поджидалъ меня и вслѣдъ за мною вошелъ къ Костомаровымъ, я узналъ, что прислуга—кухарка и старый слуга Николая Ивановича Миронъ—имъ от-

ищена. Оставшись безъ хозяйки и, значитъ, безъ надзора, они связали въ узель все бѣлье своихъ господъ и вообще все, что удобно было увезти, наняли уже извоцика и совсѣмъ собрались уѣхать; Н. И. Катеневу только случайно удалось помѣшать ихъ намѣренію. Въ квартирѣ, такимъ образомъ, никого не оставалось. Необходимо было завести порядокъ по хозяйству и устроить уходъ за больнымъ; послѣднее было необходимо уже потому, что сидѣлка не могла одна справиться съ больнымъ, въ тѣхъ случаихъ, когда для этого требовалась мужская сила. Знакомыхъ и почитателей Николая Ивановича между молодежью было немало и организовать что нибудь въ родѣ дежурства было весьма легко. Въ тотъ же вечеръ я отправился къ Николаю Витальевичу Лысенку и нашелъ тамъ цѣлое общество земляковъ, праздновавшихъ именины хозяина. Это было 6 декабря. Въ нѣсколько минутъ составилось дежурство, въ которомъ приняли участіе, кроме меня, Н. В. Лысенко, А. А. Русовъ и, кажется, еще кто-то четвертый, не помню кто. Отсюда я возвратился къ Николаю Ивановичу, чтобы начать дежурство съ этой ночи.

Первые дни больной не обнаруживалъ никакихъ признаковъ сознанія, и врачъ, въ виду его 58-ми лѣтъ, не разсчитывалъ на выздоровленіе. На мой вопросъ о состояніи больного врачъ громко отвѣтилъ:

„Ну, батенька, нашъ Николай Ивановичъ едва ли выскочитъ“. Приговоръ этотъ, произнесенный въ присутствіи больного громко, безъ опасенія причинить преждевременное горе членамъ семьи, прозвучалъ полной безнадежностью. Больной казался еще больше заброшеннымъ и осиротѣлымъ. Тяжелое впечатлѣніе этой минуты и теперь въ моей памяти.

Дня три, четыре спустя, температура стала падать и сознаніе возвращалось. Больной сталъ узнавать окружающихъ, меньше бредилъ и немножко капризничалъ, какъ всѣ выздоравливающіе. Его наболѣвшее тѣло очень беспокоили частыя смѣны бѣлья, особенно постельного. Чтобы упростить эту операцию, поставили рядомъ двѣ кровати. Это дало возможность поднимать его съ постели когда новая уже готова, не заставляя ждать. Помню, когда Николай Ивановичъ былъ уже совсѣмъ въ

сознанії, я, приготувався переложить больного въ свѣжую постель, держалъ его на рукахъ, закутанного въ простыню почти такъ-же, какъ это дѣлаютъ съ грудными дѣтьми. Взлянувъ случайно въ зеркало, я увидѣлъ пресмѣшную группу: бородатую няньку съ такимъ же бородатымъ младенцемъ на рукахъ. Трудно было отказать себѣ въ удовольствіи позабавить такою оригинальною картиной моего больного. Я придалъ ему положеніе, еще больше напоминающее ребенка на рукахъ нянки, и, напѣвая колыбельную пѣсню, поднесъ его къ зеркалу. У Николая Ивановича, всегда чуткаго къ шуткамъ, лицо освѣтилось давно уже невиданною улыбкою. На слѣдующее мое дежурство онъ самъ назвался на повтореніе этой шутки. Впослѣдствіи, онъ часто объ этомъ вспоминалъ и вообще всегда нѣжно относился къ своимъ тремъ бородатымъ нянкамъ.

Въ одинъ изъ тяжкихъ дней болѣзни Николая Ивановича приходила навѣстить его Алина Леонтьевна Кисель. Когда ей сказали, что врачи находятъ посѣщеніе больного и особенно разговоры съ нимъ вредными для него, она ушла, не видавъ больного. Мы тогда уже знали, что Алина Леонтьевна Кисель, рожд. Крагельская, бывшая невѣста Николая Ивановича, свадьба съ которой разстроилась по случаю ареста жениха наканунѣ вѣнчанія.

Силы Николая Ивановича возстановлялись очень медленно. Первые сознательныя слова его, обращенные къ окружающимъ, были, конечно, вопросы о матери. Онъ припомнилъ, что Татьяна Петровна была очень больна, и потому не трудно было успокоить Николая Ивановича, сказавъ, что ее, какъ выздоравливающую, ради необходимаго покоя, на время переселили къ знакомымъ. О кончинѣ Татьяны Петровны ему сообщили гораздо позже. Николай Ивановичъ былъ искренне и глубоко опечаленъ потерей матери. Свою скорбь онъ выразилъ въ оригиналной и трогательной эпитафіи на памятникѣ надъ ея могилой. Татьяна Петровна Костомарова похоронена на Смоленскомъ кладбищѣ, на краю главной дороги, почти противъ церкви.

Ранней весною Николай Ивановичъ уѣхалъ въ имѣніе Алины Леонтьевны, близъ города Прилуки, полтавской губерніи.

Осенью онъ вернулся въ Петербургъ вмѣстѣ съ Алиной Леонтьевной, уже его женой.

Не помню, при какихъ обстоятельствахъ Николай Ивановичъ, говоря мнѣ о своей женитьбѣ, замѣтилъ, что въ его жизни ничто важное не давалось ему сразу: диссертацио пришлось писать два раза¹⁾, кафедру онъ занялъ тоже со второго раза²⁾, а вотъ и жениться пришлось на бывшей своей невѣстѣ.

Послѣ женитьбы Костомаровы поселились на той же квартире, гдѣ и прежде жилъ Николай Ивановичъ съ своей матушкой. По прежнему тамъ можно было встрѣтить по вторникамъ тѣхъ же старыхъ знакомыхъ; но теперь эти вечера стали посвящать дамы, что придало вторникамъ совсѣмъ иной характеръ. Трудно себѣ представить, какъ могъ бы существовать Николай Ивановичъ, при своей совершенной неумѣлости по части мелочей домашняго обихода, если бы не устроилась его семейная жизнь. Семья давала ему заботливый уходъ, необходимый при его пошатнувшемся здоровье, а также составляла для него и общество, безъ котораго ему трудно было бы обойтись въ послѣдніе годы, когда слабость зрѣнія не позволяла ему читать и писать по вечерамъ.

Послѣ перенесенія имъ болѣзни, Николай Ивановичъ прожилъ 10 лѣтъ, но прежнія силы не возвратились къ нему вполнѣ. Въ этотъ періодъ жизни Николая Ивановича, мнѣ не часто приходилось его видѣть, и, можетъ быть, поэтому яснѣе замѣчались побѣды надъ нимъ старости. Онъ замѣтно дряхлѣлъ: скоро уставалъ и часто засыпалъ въ креслѣ, когда вокругъ него шла бесѣда. Можетъ быть, поэтому усвоилась привычка обходить его въ бесѣдѣ, говорить при немъ, какъ бы не замѣчая его присутствія. Это бросалось въ глаза каждому новому

¹⁾ Первая диссертация Н. И. Костомарова „О значенії унів. въ западной Руси“ была запрещена и по распоряженію графа Уварова (Министра Нар. Пр.). сожжена. Вторая его диссертация носила заглавіе „Объ историческомъ значенії Русской народной поэзіи“.

²⁾ Избранный на каѳедру Русской Исторіи въ Кіевскомъ університетѣ въ 1844 г., онъ потерялъ ее вслѣдствіе ареста, весною 1847 года, по подозрѣнію въ намѣреніи составить украинско-славянское общество. На каѳедру въ Петербургскомъ університетѣ онъ избранъ въ 1859 году.

посѣтителю и заставляло его подумать: „какъ однако одряхлѣлъ Николай Ивановичъ“. Не смотря на ослабленіе здоровья и потерю физической бодрости, душевная способности Николая Ивановича сохранились и по временамъ проявлялись почти съ прежнею силою и свѣжестью.

Въ моей памяти сохранился одинъ вечеръ въ послѣдній уже годъ жизни Николая Ивановича. Онъ сидѣлъ въ своемъ кабинетѣ, у письменного стола, въ глубокомъ мягкому креслѣ, опустивъ голову и согнувшись комочкомъ, точно ему отказывался служить спинной хребетъ. Въ углу кабинета, на диванѣ, передъ круглымъ столомъ помѣстились нѣсколько человѣкъ гостей, обычныхъ посѣтителей Николая Ивановича, привыкшихъ къ безучастному отношенію хозяина къ окружающему и мало обращавшихъ на него вниманія. Здѣсь шелъ оживленный разговоръ. По временамъ Николай Ивановичъ приподнималъ голову и вставлялъ свое слово—цитату, хронологическую справку, и разговоръ долженъ былъ перемѣнить направление или обратиться, послѣ паузы, къ новой темѣ.

По поводу невѣрно приведенной кѣмъ то изъ гостей ссылки, онъ замѣтилъ, что это стихъ изъ Данте, который читается такъ— и продекламировалъ десятка два стиховъ изъ „Божественной комедіи“ на языкѣ подлинника.

Въ послѣдніе годы житія маститый историкъ напоминалъ руину, по каждому обломку которой можно было угадать, что она представляла когда то огромное, свѣтлое, искусно возведенное зданіе, высоотою котораго пользовались, чтобы ориентироваться въ незнакомой странѣ, а гармонія его частей служила молодымъ художникамъ образцомъ строительного искусства. Зданіе обветшало. Добрые сосѣди стали потаскивать изъ него понемножку изразцы, карнизы и колонны для украшенія собственныхъ жилищъ. Литературные друзья и враги питались его идеями, пользовались сокровищами его феноменальной памяти; по счастливому выраженію одного изъ друзей Николая Ивановича, пили съ одной съ нимъ чарки, часто однако забывая, что эта чарка всегда была Костомаровская чарка. Между учениемъ историковъ-государственниковъ и современными тече-

ніями монизма и государственного материализма лежить обширнымъ цвѣтующимъ полемъ школа, которая въ основу историческихъ явлений ставила психологію народа и въ основаніе изученія этихъ явлений этнографію. Трудовъ этой школы не смоютъ никакія послѣдующія теченія, которые обязаны будуть строить свое зданіе на нихъ, а не вмѣсто нихъ. Этнографія установила чуждое старой наукѣ, самостоятельное и неудобовыражаемое на чужихъ языкахъ понятіе—народъ. Она показала огромную силу его творчества, создавшую ему самостоятельные идеалы, обширную написанную поэзію и музыку, вѣрованія, нравы, юридические обычаи и т. под., безъ особенной заботы о томъ, чтѣ обѣ этомъ думаетъ и по какой дорогѣ желаетъ идти почти сверху его лежащей культурный слой. Оба слова не могли вліять другъ на друга, потому что другъ друга не знали. Этнографія дала это знаніе, которымъ могъ овладѣть только культурный слой, и въ немъ слѣдовательно, только и могло зародиться движеніе къ общей дѣли. Это движеніе перешло уже за границы исторіи въ тѣсномъ смыслѣ слова, и теперь едва-ли можно указать культурное движеніе въ какой бы то ни было области нашей общественной жизни, которое бы шло въ иномъ направленіи.

Таковы результаты дѣятельности народнической школы. Рожденіе ея не было признано въ сороковыхъ годахъ цеховыми учеными Харьковскаго университета, отклонившими избраніе Николая Ивановича на кафедру исторіи на томъ основаніи, что онъ, точно какой то „блаженный“, ходитъ по хатамъ и кабакамъ для собиранія народныхъ пѣсенъ, сказокъ и т. под. пустяковъ. Точно также цехъ ученыхъ не призналь расцѣпта школы, присвоивъ профессору Костомарову титулъ историка-беллетриста. Нарождающаяся наука народовѣдѣнія вспомнить Костомарова: его слава еще впереди.

Весною 1885 года, ровно черезъ десять лѣтъ послѣ первой болѣзни и женитьбы Николая Ивановича, его постигла снова тяжкая болѣзнь, изъ которой онъ уже „не выскочилъ“. Теперь его окружала самая нѣжная заботливость и самый тщательный

уходъ, но у него лежалъ теперь на плечахъ 68 лѣтній возрастъ. Все же, даже въ самые послѣдніе дни его жизни, когда онъ уже не могъ двигаться безъ посторонней помощи, его не переставали интересовать всѣ вопросы дня. Онъ желалъ знать, о чёмъ говорятъ въ газетахъ, что дѣлается въ Петербургѣ, и просилъ читать ему и разсказывать. Услыхавъ оживленные толки о выставленной тогда художественной картинѣ Рѣпина „Іоаннъ Грозный“, Николай Ивановичъ пожелалъ ее видѣть, и желаніе его было исполнено. Его внесли на рукахъ и, минуя всѣ картины выставки, помѣстили на креслѣ передъ „Іоанномъ Грознымъ“. Николай Ивановичъ любовался картиной около двадцати минутъ. Дома Николай Ивановичъ, на вопросы о томъ, какъ онъ находилъ новую картину Рѣпина, сказалъ, что Іоаннъ, изображенный въ глубокомъ ужасѣ отъ совершенаго имъ же самимъ кроваваго дѣла, на его взглядъ, болѣе похожъ на человѣка, чѣмъ всѣ извѣстныя ему художественные воспроизведенія грознаго царя.

Дней за 6—7 до смерти, Николай Ивановичъ, протестуя противъ стѣсненія его свободы, всталъ съ постели, сѣлъ у письменного стола и сталъ писать. Въ четверть часа онъ написалъ почти половину маленькаго почтоваго листа. Это была живая и скатая характеристика—если не измѣняетъ мнѣніе память—идеалиста, котораго собирались казнить, принимая за еретика, и котораго спасъ отъ смерти фельдмаршалъ Минихъ. Минихомъ Николай Ивановичъ занимался наканунѣ болѣзни и встрѣченный въ бумагахъ Миниха эпизодъ о сектантѣ, на мѣревался обработать въ формѣ беллетристического рассказа.

Больной ожидалъ смерти совершенно спокойно и всякую попытку утѣшать его, подавать надежду останавливалъ строгимъ укоряющимъ взглядомъ. Одинъ разъ въ глазахъ его блеснула надежда вотъ по какому случаю. Изъ Малороссіи получили съ почты адресованный Н. И. Костомарову небольшой бумажный мѣшечекъ съ какой то мелко изрубленной травкой и письмо, въ которомъ неизвѣстный корреспондентъ Николая Ивановича умолялъ его испытать посылаемое лекарство и клялся всѣми святыми, что оно поставитъ его на ноги. На это лекарство въ

общей суетѣ не обратили вниманія. Какъ то оно попало въ мои руки, и мнѣ пришло на мысль: чѣмъ эта травка хуже всякаго другого медицинскаго снадобья, которая въ данномъ случаѣ были такъ-же слѣпы, какъ и это народное? Отчего его не попробовать, если медицина вполнѣ опредѣленно высказывается за совершенную безнадежность больнаго? Признаюсь, я подѣлился этою мыслью съ больнымъ, онъ замѣтно ожиился и по-желалъ его испробовать. Достаточно было сказать, что это лекарство народное, чтобы расположить Николая Ивановича въ его пользу. Травку послали для опредѣленія къ профессору Бекетову. Оказалось, что это очень известная гусиная травка, по малорусски *спорышъ*. Докторъ (Николая Ивановича лечилъ профессоръ Кошлаковъ) сначала сказалъ, что онъ противъ нашего эксперимента ничего не имѣеть, а потомъ приспалъ письмо, въ которомъ въ самыхъ рѣшительныхъ выраженіяхъ отказывался его допустить. Сказали объ этомъ Николаю Ивановичу, и онъ очень покорно принялъ рѣшеніе доктора.

Онъ скончался ночью 7 апрѣля. Обстоятельства, сопровождавшія его кончину, разсказаны уже давно и лучше, чѣмъ могъ бы это сдѣлать я. Погребальная процессія съ множествомъ вѣнковъ, крестовъ и хоругвей отъ разныхъ корпорацій тянулась не менѣе, какъ на версту. Похоронили Николая Ивановича на Волковомъ кладбищѣ, у известныхъ „литературныхъ мостковъ“.

Послѣ похоронъ, возвращаясь съ кладбища цѣлыми толпами, мы принуждены были выслушать рѣзкія выраженія неудовольствій по поводу того, что похороны Костомарова захватили въ свои руки разныя бараны шапки, преобладавшія въ толпѣ, какъ будто Костомаровъ не общерусскій ученый, какъ будто придавать ему значеніе только украинскаго дѣятеля не значить унижать его достоинство, и проч., и проч. Что на это возражать? Конечно, ограничивать значеніе ученой и литературной дѣятельности Н. И. Костомарова одною Малороссіей—болѣе, чѣмъ странно; но тысячи людей, явившіяся провожать его до могилы, никѣмъ не сортировались, и вся процессія сложилась безъ заранѣе обдуманнаго плана, за часъ до похоронъ. Кто хотѣлъ предъявлять къ ней какія-нибудь требованія, тотъ долженъ

былъ подумать объ этомъ заранѣе. Черезъ мѣсяцъ, на похоронахъ К. Д. Кавелина я имѣлъ удовольствіе обратить вниманіе антагониста бараныхъ шапокъ на ихъ преобладаніе и на похоронахъ ученаго, на котораго они уже никакъ не могли заявлять какихъ нибудь исключительныхъ притязаній; я спросилъ его о причинахъ этого явленія, но на мой вопросъ отвѣта не послѣдовало.

Г. Вишкевичъ.

КЪ БІОГРАФІИ Н. И. КОСТОМАРОВА¹⁾.

Какъ извѣстно, родиною Николая Ивановича Костомарова была слобода Юрасовка, острогожскаго уѣзда, воронежской губерніи. Нѣсколько дней тому назадъ, вслѣдъ за дошедшему до насъ вѣстью о смерти нашего высокоталантливаго историка, намъ пришлось производить подворную перепись въ этой именно слободкѣ. Изслѣдуя экономической бытъ юрасовцевъ, пишущій эти строки считалъ себя нравственно обязаннымъ разспросить послѣднихъ о человѣкѣ, имя котораго особенно дорого имъ и, безъ всякаго сомнѣнія, навсегда останется цѣннымъ для русскаго народа и науки.

Мѣстоположеніе Юрасовки ничѣмъ особеннымъ не выдѣляется изъ ряда другихъ мѣстностей уѣзда. Въ широкомъ оврагѣ, вдоль незначительной рѣченки Ольховатки, растянулась по двумъ направлѣніямъ, съ изломомъ подъ прямымъ угломъ, длинная вереница убогихъ малорусскихъ усадѣбъ. Съ запада окаймляютъ Юрасовку крутые скаты, переходящіе съвернѣе въ бѣлые, мѣловые обрывы, съ востока тянется отлогая глинисто-черноземная покатость, на съверъ двоятся и расходятся овраги Ольховатки. Вокругъ взоръ какъ то стѣсняютъ и путаютъ голыя, холмистыя возвышенія, рѣка теряется въ зеленыхъ покровахъ вербъ и лозы, а самыя строенія тамъ и сямъ чередуются съ традиціонными малорусскими садочками. Глядя, однимъ словомъ, на Юрасовку, вы получаете впечатлѣніе хотя и оживленной природою и людьми, но ординарной мѣстности, и только мѣловые обрывы своимъ рѣзкимъ контрастомъ придаютъ нѣсколько своеобразный видъ окрестностямъ этой слободы.

¹⁾ Съ разрѣшенія автора перепечатываемъ эту статью изъ „Русск. Вѣдом.“ 1885 г., № 144, чтобы сохранить этотъ очень цѣнныи матеріалъ для біографіи Н. И. Костомарова.—Ред.

Въ самомъ углу селенія, вблизи церкви, уцѣлѣлъ еще домъ „старого Костомара“, какъ называютъ крестьяне отца Николая Ивановича. Это также самый заурядный, помѣщичій домъ, одноэтажный, квадратный, съ зеленою крышею и съ небольшимъ балкономъ или „крыльцомъ“, обращеннымъ на востокъ. Съ запада къ дому примыкаетъ маленький садикъ, съ естественнымъ, образуемымъ самою Ольховаткою прудомъ, заросшимъ по окраинамъ ветлами и затянутымъ тиною. Въ этомъ самомъ домѣ родился Николай Ивановичъ и провелъ первые годы своего дѣтства. Позже, послѣ несчастнаго случая съ отцомъ, Николай Ивановичъ жилъ съ матерью на концѣ слободы, въ другомъ еще болѣе сырьемъ помѣщеніи, „подъ защитою“ дѣда по матери и ея родни.

Вотъ и все, что осталось въ Юрасовкѣ отъ прошлаго, какъ свидѣтель тѣхъ первыхъ впечатлѣній на юную душу будущаго историка, о которыхъ можно теперь лишь предполагать и догадываться. Повидимому, окружающая природа не могла имѣть особаго, подавляющаго вліянія на складъ характера Николая Ивановича въ дѣтствѣ. Мальчикъ и юноша Костомаровъ всегда долженъ былъ стоять ближе къ людямъ, чѣмъ къ природѣ. „Любилъ ли Николай Ивановичъ охоту? Бѣздили ли онъ на лошадяхъ?“ спрашивалъ я одного изъ стариковъ, помнившихъ Николая Ивановича.— „Нѣтъ,— отвѣчалъ мнѣ мой собесѣдникъ,— только разъ, когда Николай Ивановичъ былъ уже „парубкомъ“ (взрослымъ парнемъ), онъ сдѣлалъ, помнится мнѣ, „бѣгунку“ и бѣздили на ней по полямъ и вдоль рѣки. А больше онъ любилъ возиться съ людьми. Гдѣ, бывало, собирается кучка молодежи— вотъ туда навѣрное затешется и онъ“... Люди и люди, живые люди и ихъ прошлое, какъ выражалось оно въ пѣсняхъ и сказаніяхъ, очень рано, съ дѣтства начали поглощать вниманіе и способности Николая Ивановича. Таковы, по крайней мѣрѣ, указанія юрасовцевъ на этотъ счетъ.

По приѣздѣ въ Юрасовку мы совершенно случайно попали на квартиру, хозяйка которой доводилась отдаленною роднею Н. И. Костомарову по матери. Первый свѣдѣнія о Николаѣ Ивановичѣ или, точнѣе, объ его отцѣ и матери, поэому, были

переданы намъ этою женщиною. Она же указала и на своего дядю, Максима Степановича Мыльника¹⁾, семидесяти трехъ-лѣтнаго старика, троюроднаго брата Н. И. по матери, какъ на человѣка, помнившаго Костомарова съ дѣтства. Но наиболѣе обстоятельный свѣдѣнія сообщилъ намъ Фома Степановичъ Ткачевъ или Ткачъ, семидесяти-семи лѣтній старикъ, сторожъ мѣстной церкви. Другіе изъ жителей Юрасовки большею частію лишь повторяли переданное этими тремя лицами. Въ общемъ оказалось, что юрасовцы помнили болѣе отца Костомарова, чѣмъ сына.

Юрасовцы не могли разсказать, какъ и когда поселились въ Юрасовкѣ Костомаровы, но у нихъ сохранилось преданіе, что раньше Костомаровыхъ здѣсь жилъ какой-то помѣщикъ Уразовъ или Юрсовъ, отъ котораго получила свое название и самая слобода. Помѣщикъ этотъ „выкликалъ на свои земли охотниковъ“, и поселенцы приходили сюда съ разныхъ сторонъ. Впослѣдствіи Юрсовка перешла къ Костомаровымъ, и Николаю Ивановичу повидимому предстояло быть помѣщикомъ, но судьба распорядилась совершенно иначе—отцовское имѣніе попало въ другія руки.

Но перейдемъ къ самымъ разсказамъ юрасовцевъ о семье Костомарова. Вотъ что сообщили намъ юрасовцы о матери Николая Ивановича.

„Жили тутъ у насъ Петренки, дѣти Петра Мыльника, и была между ними дѣвочка Татьяна. Старый Костомаръ взялъ ее въ горничныя во дворъ, а потомъ она ему понравилась—и онъ отвезъ ее въ Москву обучать разнымъ языкамъ. Когда французъ бралъ Москву, то Костомаръ загналъ тройку лошадей, и какъ только подѣхалъ къ дому, въ которомъ жила Татьяна Петровна, и взялъ ее съ собою, такъ французъ и выстрѣлилъ сейчасъ же въ тотъ домъ и разбилъ его вдребезги“. Такими красками юрасовцы описываютъ превращеніе простой

¹⁾ На вопросъ: какъ старикъ произносить свою фамилію—Мыльникъ или Мельникъ, Мельниковъ, по выговору юрасовцевъ—старикъ назвалъ себя Мыльниковымъ. Такъ мы и записали его фамилію.

крестьянки изъ ихъ среды въ барыню Костомариху. Симпатичная личность этой барыни-крестьянки и теперь еще съ любовью вспоминается стариками. По словамъ ихъ, родня помѣщика Костомарова была противъ женитьбы его на крестьянкѣ. Костомаровъ даже вѣнчался гдѣ-то въ другомъ мѣстѣ. Старый Костомаръ любилъ свою жену, какъ красавицу и очень умную женщину, хотя и держалъ ее, какъ и всѣхъ вообще въ домѣ, въ почтительномъ отдаленіи. Николай Ивановичъ былъ рожденъ „до вѣнца“, но старый Костомаровъ любилъ его едва-ли не болѣе жены, а послѣдняя, какъ говорится, души въ сынѣ не чаяла. Вообще въ воспоминаніяхъ юрасовцевъ все свѣтлое концентрируется около двухъ личностей—Николая Ивановича и его матери.

Не таковъ былъ для юрасовцевъ старый Костомаръ. По разсказамъ, это былъ крутой помѣщикъ, безсердечный и жестокій, какими такъ изобиловали крѣпостныя времена. Самое убийство Костомарова крѣпостными людьми объясняется его чрезмѣрными жестокостями. Но передадимъ этотъ печальный фактъ въ той его формѣ, какъ разсказываютъ юрасовцы.

Какъ то вечеромъ старый Костомаръ уѣхалъ на пасѣку, которая была въ „Рахминовскомъ лѣсу“. Онъ любилъѣздить ночью и такъ убиралъ лошадей серебромъ, что, бывало, упряжь даже въ темнотѣ блеститъ, а бубенчиковъ столько навѣшивалъ на лошадей, что было слышно за нѣсколько верстъ, какъ они гремятъ. И въ тотъ вечеръ, когда Костомаровъѣхалъ съ пасѣки, юрасовцы слышали, какъ гремѣли и дребезжали бубенцы и колокольчики вдали и какъ потомъ сразу оборвалось ихъ дребезжаніе. Въ ту же минуту такъ страшно завыли собаки на господскомъ подворье, что даже юрасовцы повыскочили изъ своихъ хатъ. Спустя нѣсколько времени прибѣжалъ кучерь Костомарова Савка, рослый мужчина-силачъ, съ крикомъ: „ой! ой! ой! руку кони выбылы и пана вбылы“! Но, увидавши его, ключникъ Барданъ въ свою очередь закричалъ: „закуйте его, закуйте! винъ бреше“! Кучера заковали въ кандалы. Родня и крестьяне бросились на мѣсто самаго происшествія, и вотъ-что представилось ихъ глазамъ. Лошади съ эки-

иажемъ были загнаны въ болото, у Костомарова оказались замотанными въ вожжи руки съ выкрученными пальцами, а на льбу зияла рана отъ лошадиной подковы. Все повидимому было обставлено такимъ образомъ, чтобы показать, что перепугавшися лошади убили помѣщика. Но родня Петровны не повѣрила этому, тѣмъ болѣе, что и подкова оказалась на лбу „на выворотъ“, не въ томъ положеніи, въ какомъ она должна бы быть, если бы лошадь ударила Костомарова заднею ногою, а вверхъ шипами. По ходу дѣла каждому сразу же стало яснымъ, что убийство было совершено частію изъ мести, а частію изъ-за грабежа. Въ то время, когда всѣ бросились на мѣсто происшествія, костомаровскій домъ былъ ограбленъ—было взято много денегъ, которыхъ Костомаровъ будто-бы собралъ для поѣздки въ Петербургъ и „узаконенія сына“. Завязалось дѣло. Заподозрѣнны въ убийствѣ крестьяне сорили деньгами и всюду замазывали щели, гдѣ они оказывались. Такъ было и кануло въ вѣчность убийство помѣщика. Но чрезъ 7 лѣтъ, послѣ новаго покушенія на домъ Петровны и ея родни, одинъ изъ участниковъ въ убийствѣ Костомарова самъ проговорился въ кабакѣ слишкомъ ужъ открыто, а за дѣло въ это время взялся энергичный слѣдователь Граниковъ. Убийцы при новомъ веденіи дѣла сознались. Они рассказали, что первый ударъ нанесъ помѣщiku кучеръ Савка желѣзнымъ ключемъ отъ экипажа, отчего Костомаровъ сразу свалился, что, убивши помѣщика, они выкрутили ему пальцы, обмотали ихъ вожжами, приложили ко лбу подкову и вогнали ее въ лобъ ключемъ. Виновные получили кару и пошли въ Сибирь, но народная молва до сихъ поръ упорно утверждаетъ, что наказаны были не всѣ. Юрасовцы крайне неодобрительно отзываются о вымершихъ уже теперь наслѣдникахъ старика Костомарова, къ которымъ перешли земли и имущество послѣдняго, которыхъ и не любилъ самъ Костомаровъ, отецъ не пускалъ ихъ дальше кухни, запирался отъ нихъ въ комнатахъ и пр.

Какъ бы тамъ ни было, но тотъ фактъ, что Костомаровъ-отецъ былъ убитъ своими же крѣпостными, во всякомъ случаѣ остается фактомъ. Что послужило причиной убийства—деньги ли, подговоръ или еще что-нибудь—неизвѣстно, но тутъ много

значилъ и личный характеръ суроваго помѣщика. „Когда, по рассказамъ стариковъ, убили Костомарова, то вся Юрасовка твердила: „слава Богу! Теперь буде хоть и гиршый та ишый“!—Что же это былъ за ужасный помѣщикъ?

„Когда, бывало, идешь мимо панской усадьбы,—рассказывалъ одинъ изъ стариковъ,—то вотъ такъ и катится у тебя по ребрамъ, не знаешь, бывало, какъ ступить, куда смотрѣть—и только молишь Господа Бога о томъ, чтобы панъ не увидѣлъ тебя. Вѣрите-ли, что и теперь даже, проходя мимо панской горницы, шапку снимаю и все мнѣ чудится, что вотъ-вотъ тамъ изъ окна увидитъ меня старый Костомаръ и закричитъ на меня“.

Среди барскаго двора была большущая деревянная колода, которую крестьяне называли „Катериной“. Здѣсь разгнѣванный помѣщикъ „сажалъ на цѣпь“ провинившихся, т. е. по-просту надѣвалъ на шею виновному цѣпь, прикрепленную къ колодѣ, и оставлялъ его въ такомъ положеніи на день на два, а то и на цѣлую недѣлю. Но сажанія эти, производившіяся большею частію за попойки, считались крестьянами не особенно еще страшными. Они носили опредѣленный характеръ и все-таки слѣдовали вслѣдъ за видимою виною. Гораздо страшнѣе для крестьянъ были вспышки барскаго гнѣва, вспышки внезапныя и часто совершенно непонятныя, за которыми неминуемо слѣдовала самая жестокая расправа.

„Разъ,—рассказывалъ старикъ,—панъ всталъ рано утромъ, сѣлъ на крыльцо и сталъ смотрѣть на проѣзжающихъ мимо двора крестьянъ. „Куда ѿдѣшь“?—спрашиваетъ каждого. „На поле, пане“, отвѣчаетъ ему всякий хозяинъ.—„Ну, молодецъ! Ступай съ Богомъ“!—И такъ всѣхъ переспросилъ. Только чрезъ часъ или два этакъ поднялось уже солнце, ѿдѣть на степь одинъ мужикъ,—тутъ ковалъ¹⁾ у насъ былъ. „Стой! кричить панъ. Ты куда это ѿдѣшь“?—„На поле“—отвѣчалъ перетрусишій ковалъ.—„На поле! Ахъ, ты сякой-такой! Такъ-то ты работаешь? Самъ панъ давно уже не спить, а онъ вылеживается возлѣ жены. Плетей“! И такъ его, несчастнаго, отстѣ-

¹⁾ Кузнецъ.

галъ, что сѣсть человѣку нельзя было. И хотя бы тебѣ разспросилъ, отчего человѣкъ запоздаль“!

„Въ другой разъ панъ вышелъ на крыльцо съ вечера, послѣ ужина, позвалъ ночнаго сторожа и говоритъ ему: „ну, что возятъ крестьяне снопы“?— „Возятъ, пане“,— отвѣтаетъ тотъ.— „Всю ночь“?— „Всю ночь, пане“.— „Брешешь! Брешешь“! Затопоталъ на него панъ ногами. „Огдуть тебя, подлеца, надо! Ступай сейчасъ по дворамъ и кого найдешь дома, пусть запряжетъ воловъ и пріѣдетъ ко мнѣ на дворъ. Пошелъ сторожъ по дворамъ и началъ гнать крестьянъ на панскую усадьбу. А въ это время люди только-что поужинали и, передохнувши, ладились бхать вновь за снопами. Страшно каждому показалось, отчего это пану вздумалось ко двору всѣхъ крестьянъ собирать? Пріѣхало наскъ къ панской усадьбѣ хозяевъ тридцать. Стоимъ мы и совѣтуемся шепотомъ на счетъ того, чтобы говорили за всѣхъ старики. Когда глядь на крыльцо,— панъ показался, присматриваемся, во что панъ одѣтъ— „душа разомъ похолонула“. Бѣда! Панъ вышелъ въ свиткѣ съ капелюхами, а когда онъ выходилъ на дворъ въ свиткѣ съ капелюхами—это означало, что онъ людей будетъ сѣчь. „За что, Господи Боже нашъ“? думаемъ мы и ждемъ, что наши старики скажутъ. И только-что заинкунулъ было одинъ дѣдъ говорить, такъ сейчасъ панъ и закричалъ: „Молчи, стара собако! Плетей! Валяйте его“! Повалили нашего старика; одинъ изъ дворни на одну руку сѣлъ, другой—на другую, третій—повалился на ноги, а четвертый— какъ ужарить тройчаткою—не своимъ голосомъ закричалъ дѣдъ: „Ой, паночку! Ей Богу, не буду“! а чего не будетъ и самъ, сердечный, не зналъ. Просто морозъ по кожѣ подралъ, а тутъ женщины, услыхавши, что сѣкутъ мужчинъ, прибѣжали на панское подворье, да какъ заголосяты: „Ой, Боже-жъ нашъ милостивый, Боже праведный, и то-жъ намъ съ такимъ паномъ робыть“! Какъ услышалъ это панъ, затрясся даже весь, а все-таки крикнулъ: „довольно! Бѣжайте, мерзавцы, за снопами“! Тогда мы скорѣе на воловъ: „гей, гей, волыки“! да подальше отъ усадьбы, а старики нашъ держить въ рукахъ штаны и, шатаясь, плетется къ своимъ воламъ, а кровь такъ и течетъ съ

него. „Я казавъ,—говорить,—что мени первому за заступничество буде, такъ воно и выйшло“. Тогда всѣ мы бухъ ему въ ноги. „Прости насъ, диду! ты самъ знаешь, шо мы не вынодити“. Уложили его на возъ и повезли на поле; оставлять дома—побоялись пана. „А гдѣ твои, дѣдъ, копны?—спросили мы его на полѣ, и когда дѣдъ указалъ намъ свой хлѣбъ, то мы вразъ перевезли его на усадьбу и говоримъ: „ну, лѣчись, дѣдъ, да не сердись на насъ! И только послѣ уже толкомъ разузнали, за что панъ такъ болѣо высѣкъ дѣда а насъ хотѣль сѣчъ“.

Мы ограничиваемся этими фактами, полагая ихъ совершенно достаточными для того, чтобы судить объ отношеніяхъ старика Костомарова къ своимъ крестьянамъ, объ отношеніяхъ, имѣвшихъ несомнѣнно вліяніе на самое убійство крѣпостными своего барина. Поневолѣ какъ-то приходятъ на память слова: „свѣжо преданіе, а вѣрится съ трудомъ“! Всего обидище, по словамъ стариковъ, было то, что самъ Костомаровъ-отецъ не велъ своего хозяйства и наказывалъ ихъ совсѣмъ „не за пропинности противъ барскаго добра“, а такъ себѣ „мѣшался не въ свое дѣло“. Крестьяне Костомарова были на оброкѣ, который и платили исправнымъ образомъ. Всѣ они жили богато, косили не менѣе 6 стоговъ сѣна на дворѣ, имѣли достаточно скота и хлѣба, „однимъ словомъ были настоящими чумаками“, по выраженію теперешнихъ стариковъ, видящихъ въ чумачествѣ идеаль эконоомического благосостоянія крестьянина. И при всемъ томъ „старый Костомаръ“ мѣшался въ ихъ хозяйство и часто наказывалъ ни за-что, ни про-что тѣхъ крестьянъ, которые во всякомъ случаѣ пеклись о своемъ добрѣ не меныше барина. „Лютый,—пояснялъ старикъ-сторожъ,—по временамъ панъ былъ: точно находило на него“.

Какъ отражались подобные факты на впечатлительномъ мальчишѣ-Костомаровѣ, крестьяне не могли сказать. Когда убили Костомарова-отца, Николаю Ивановичу было всего 11 лѣтъ. Одинъ изъ стариковъ однако указывалъ на то, что Николай Ивановичъ, прия въ возрастѣ, „утикъ“, убѣжалъ съ матерью изъ Юрасовки, и убѣжалъ потому, что ему непріятно было

жить тамъ, гдѣ убили его отца. Проще, впрочемъ, этотъ уходъ, съ родины объясняется какъ склонностью Н. И. къ ученой карьерѣ, такъ, можетъ быть, и тѣмъ обстоятельствомъ, что имѣніе Костомарова-отца, состоявшее изъ 5,000 дес. земли, перешло послѣ неожиданной смерти хозяина къ его двоюроднымъ братьямъ¹⁾), Ровневымъ, и что только незначительная доля этого имѣнія или, точнѣе, деньги за причитавшуюся часть были выданы матери Костомарова, которая и купила себѣ небольшой клочекъ земли съ крестьянами. Впослѣдствіи былъ проданъ и этотъ клочекъ. Такимъ образомъ, Н. И. Костомаровъ, какъ помѣщикъ, не имѣлъ почти никакой связи съ родиною. Онъ долженъ былъ просить, по словамъ крестьянъ, наслѣдниковъ о томъ, чтобы они отпустили на волю родную матери Костомарова что и удалось ему сдѣлать по отношенію къ двумъ дядямъ, Ивану и Захару, и къ теткѣ съ семьями²⁾.

Съ самаго ранняго дѣтства Николай Ивановичъ, по разсказамъ юрасовцевъ, обнаружилъ такие поступки и черты, которые казались крестьянамъ малопонятными и не свойственными панскимъ дѣтямъ въ тѣ жестокія времена. И мальчикъ, и юноша Костомаровъ „пальцемъ никого не тронулъ и со всѣми былъ, какъ товарищъ, чemu крестьяне не мало дивились и были серьезно убѣждены „въ юродствѣ паныча“. Вотъ что передаютъ юрасовцы на этотъ счетъ.

„Посмотришь, бывало,—рассказывалъ старикъ сторожъ,—на Николая Ивановича—со взгляда настоащиій старый Костомаръ, точь въ точь, какъ двѣ капли воды въ него вышелъ, строгій такой съ виду, а души столь добрѣйшей былъ, что я и не видывалъ подобныхъ людей. Со всяkimъ могъ говорить и ко всякому относился съ пріятствіемъ: съ господами—онъ господинъ, съ духовными—другъ, а съ крестьянами—все одно, что

¹⁾ По словамъ крестьянъ.

²⁾ Старый Иванъ Петровичъ Мильникъ или Мельниковъ приписался къ Обществу государственныхъ крестьянъ с. Новой Калиты, острогожскаго уѣзда, а младшій Захаръ Петровичъ къ Обществу с. Ивановка, той же волости. Послѣдній какъ намъ передали, и теперь еще живъ. Мы были, въ Ново-Калитвенской волости, въ то время, когда намъ были неизвѣстны эти факты.

нашъ братъ—мужикъ. Странно намъ казалось, что панычъ, а такъ „панибратски“ обращался съ нами. Нечего грѣха таить, всѣ мы думали, что онъ „немного дурненькій (юродивый) бувъ“, потому посудите сами: хозяйствомъ, какъ помѣщики, онъ не занимался, никого не обижалъ, ни передъ кѣмъ не величался, съ нами, какъ съ роднею, обходился, всюду безъ дѣла ходилъ, ко всemu какъ-то чудно присматривался—странны, очень странно все это намъ казалось! А все таки начнетъ онъ, бывало, говорить о чёмъ-нибудь, каждый изъ насъ видѣлъ, что много-много въ головѣ у нашего паныча было. „Нѣтъ, говоримъ мы бывало,—онъ притворяется: на самомъ дѣлѣ онъ не такой, потому что очень ужъ разумно говоритъ—всякое слово съ толкомъ у него выходитъ“!

Удивительныя времена, странныя человѣческія отношенія! Крестьяне, послѣ недавнихъ жестокостей отда, не могли понять гуманныхъ отношеній къ нимъ его сына. И почему же? Потому, что вокругъ все иначе было, потому, что самъ молодой помѣщикъ пальцемъ никого не тронулъ, не любилъ попоекъ, не заглядывалъ на свадьбы и нескромныя игрища и, ведя дружбу съ парнями, „бѣгалъ отъ дивчать и страсть какъ не любилъ всякаго баловства“! Просто баснями кажутся теперь всѣ эти разсказы, а между тѣмъ все это передавали намъ тѣ лица, которыя пережили тяжелую годину крѣпостнаго произвола и насилий!

Николай Ивановичъ жилъ мало въ Юрасовѣ, и поэтому воспоминанія крестьянъ о немъ довольно ограничены. Юрасовцы хорошо помнятъ его доброту, религіозность и пытливость. Этими тремя чертами и исчерпываются собственно ихъ воспоминанія.

„Бывало,—рассказывалъ старикъ-сторожъ,—увидитъ молодой Костомаръ бѣднаго человѣка, и сейчасъ же самъ, безъ всякой просьбы поможетъ ему въ нуждѣ. Такъ, зря никому ничего не давалъ, а помогать всегда помогалъ. Идетъ теперь кто нибудь, свой-ли мужикъ, или чужой человѣкъ, но если Н. И. увидитъ, что прохожій босой или безъ свитки, то непремѣнно спросить: „а шо у тебе и чобитъ нема“?—„Нема, паничу“.—„Ну, на, каже, грошей и купи“. Вынетъ деньги и дастъ, сколько нужно,

но непремѣнно потребуетъ, чтобы купилъ. Такимъ образомъ, по рассказамъ тѣхъ же удивлявшихся крестьянъ, Николай Ивановичъ помогалъ имъ въ нуждѣ разумно и осмотрительно, не смотря на казавшіяся имъ чудачества.

Церковь Николай Ивановичъ посѣщалъ самымъ исправнымъ образомъ и здѣсь опять таки поражалъ крестьянъ своими странностями. „Войдетъ, бывало нашъ панычъ въ церковь—и сей-часъ же „зиркъ-зиркъ“ по сторонамъ, „якъ тотъ звироочекъ“, всѣхъ осмотрѣть, а потомъ какъ станетъ на одномъ мѣстѣ, какъ подниметъ очи на иконы, такъ и стоитъ уже „до конца службы“, какъ вкопанный, и все на Бога смотрѣть или, можетъ быть, молится. Только, бывало, когда ктиторъ возьметъ колокольчикъ и пойдетъ по церкви деньги собирать, Н. И. взглянетъ на него, а ктиторъ уже зналъ его привычку, шель къ нему. Тогда Н. И. вынетъ, бывало, изъ кармана рубль и положить его въ церковный кошелекъ, а самъ возьметъ у ктитора колокольчикъ, пойдетъ къ Егоровнѣ (такая помѣщица у насъ была), станетъ передъ нею и звонитъ, звонитъ и звонитъ, пока она не положить рубля въ кошелекъ, затѣмъ такимъ манеромъ перейдетъ къ Николайченку (тоже помѣщикъ у насъ былъ) и передъ нимъ звонитъ, а когда обойдетъ помѣщиковъ, снова отдастъ кошель ктитору, который потомъ и ходить уже по церкви“.

Но особенно поражалъ крестьянъ Николай Ивановичъ своею простотою и безпритязательностью, о чёмъ мы говорили уже выше. По словамъ юрасовцевъ, Н. И. любилъ больше всего вращаться въ средѣ „парубковъ“, холостой молодежи, сверстниковъ по лѣтамъ. Съ ними онъ проводилъ цѣлые часы и дни и „потому, должно быть, пояснялъ намъ одинъ старикъ, что самъ молодымъ былъ“. Когда Н. И. жилъ уже въ Юрасовки и „настоящимъ паномъ былъ“, то прїѣзжалъ (вѣроятно, въ периодъ особенно горячаго собиранія народныхъ пѣсенъ и сказаний), въ Юрасовку на нѣсколько дней. „И какъ только онъ прїѣхалъ къ намъ, разсказывалъ старикъ-сторожъ, такъ мы сейчасъ и подумали: „оце винъ до насъ; мабудь, нашимъ паномъ буде; отъ якъ бы Господь Богъ давъ—добре намъ було-бъ“! А онъ между тѣмъ собралъ всѣхъ парубковъ къ себѣ и заставилъ ихъ пѣть

всякія п'єсни. Пропоють одну п'єсню, дастъ имъ по стакану водки, и опять: „спивайте другу“! а самъ только черкъ-черкъ, такъ и пишеть, такъ и выводить, какъ поютъ. Такимъ способомъ четыре дня собирали парубковъ и все заставлялъ ихъ п'ять п'єсни. Всѣ п'єсни, какія знали ребята, переписалъ. А мы и говоримъ между собою: „и на что ему тѣ п'єсни? Или онъ куданибудь будетъ представлять? Или ему такъ приказано“? А видимъ, хорошо видимъ, что дѣло не спроста: такой человѣкъ—и п'єсни записывается, значитъ—нужно! И какъ только записалъ п'єсни Николай Ивановичъ, такъ сейчасъ же отъ насъ и укатилъ. Только и видѣли мы его“.

Впослѣдствії Н. И. Костомаровъ время отъ времени „подавалъ, по выраженію юрасовцевъ, вѣсточки въ Юрасовку“, присылая въ разное время въ мѣстную церковь то Евангеліе, то плащаницу, то подсвѣчники, то книги и т. п. Старики съ удовольствиемъ рассказывали объ этомъ и видимо всегда съ интересомъ слѣдили за тѣмъ, гдѣ и что дѣлалось съ ихъ любимымъ паномъ.

„Да, говорилъ намъ одинъ изъ этихъ стариковъ, нашъ Николай Ивановичъ, когда былъ молодымъ, все „шкилювавъ“, т. е. шутилъ, чудачилъ, а на дѣль-то вышло, что онъ умнѣйшимъ человѣкомъ былъ, всѣхъ могъ обучать, разные языки зналъ, писалъ книги и у самого царя, говорять, вторымъ совѣтникомъ былъ“! Откуда и какъ почерпнули юрасовцы всѣ эти свѣдѣнія, сами они не могли намъ толкомъ разскѣзать. „Такъ всѣ люди говорятъ“, твердили они. Одно несомнѣннымъ было для юрасовцевъ, что Николай Ивановичъ былъ „великій человѣкъ“ и свѣтлая личность этого человѣка даже теперь уже начинаетъ пріобрѣтать нѣсколько легендарную окраску. „Не удостоились ли вы говорить съ нашимъ Николаемъ Ивановичемъ?—спрашивалъ меня сѣдобородый старикъ. Правда-ли, что „молодой Костомаръ“ самымъ ученымъ человѣкомъ въ Россіи былъ? И каждый разъ, когда я въ отвѣтъ на эти вопросы поминалъ Николая Ивановича добрымъ словомъ, самодовольная улыбка освѣщала старческое лицо моего собесѣдника.

Объ одномъ сожалѣли и продолжаютъ сожалѣть юрасовцы, что Николаю Ивановичу въ свое время „не досталось надъ ними попанувать“. Странными казались эти сожалѣнія съ первого разу, но за ними очень ясно просвѣчивало убѣжденіе въ томъ, что будь Н. И. Костомаровъ помѣщикомъ у юрасовцевъ—имъ и теперь жилось бы лучше. И конечно, крестьяне по своему правы; попади въ руки Костомарова имѣнія, навѣрное не было бы теперь ни дарственныхъ надѣловъ, ни малоземелья въ Юрасовкѣ. Разсчетъ совершенно вѣрный и практическій.

Заканчивая эти бѣглые замѣтки, касающіяся родины и прошлаго Н. И. Костомарова, мы позволимъ себѣ здѣсь выскажать сожалѣніе о томъ, что ни время, ни лежавшія на насъ прямая обязанности не позволили намъ пожить въ Юрасовкѣ столько, сколько хотѣлось бы, и собрать болѣе подробныя свѣдѣнія... сравнительно съ тѣмъ, что сказали мы. Подѣлиться же сказаннымъ съ читателями мы считали необходимымъ по двумъ причинамъ: во 1-хъ, мы передали то, что говорить о нашемъ незабвенномъ историкѣ самъ народъ, и старались быть при этомъ возможно точнымъ пересказчикомъ, а во 2-хъ, и сами по себѣ факты настолько характерны, что было бы грѣшило молчать о нихъ. Позволить время, укажутъ обстоятельства—и мы пополнимъ недосказанное, исправимъ упущенное или спутанное въ памяти стариковъ-крестьянъ.

Ф. Щербина.

ОЧЕРКИ ИСТОРИИ ПРАВОБЕРЕЖНОЙ УРАИНЫ¹⁾.

По І. Ролле.

IV. Передъ паденіемъ Польши.

Въ началѣ 18-го вѣка, первыя два его десятилѣтія, Украина на-ново переживаетъ то, что уже переживала когда-то, послѣ Люблинской унії—усиленную польскую колонизацію. Но какъ различны были условія тогда и теперь! Тогда польскій элементъ, привлекаемый просторомъ и непочатыми природными богатствами Украины, шелъ сюда бодро и радостно, полный вѣры въ свою культурную миссію, полный надежды на свѣтлое будущее, и на первыхъ порахъ не наталкивался здѣсь ни на вражду, ни на отпоръ, въ худшемъ случаѣ лишь на выжидавшее недоумѣніе. И теперь Украина была по-прежнему прекрасна и изобильна, по-прежнему зеленѣла и благоухали ея безбрежныя степи, но ея роскошная растительность укрывала печелища и бѣльющія кости; а безобразныя развалины, которыхъ еще не успѣла спрятать мать-земля, рассказывали безконечныя легенды объ ужасахъ братоубийства. Атмосфера была насыщена воспоминаніемъ недавняго кроваваго прошлаго. И людскія души питали въ себѣ это воспоминаніе, какъ свое дорогое наслѣдство. Скудное населеніе Украины встрѣчало пришельцевъ съ чувствомъ безсильной и глубоко затаенной злобы. Тѣ являлись съ смѣшанными чувствами страха, ненависти и злораднаго торжества. На такой незддоровой психологической почвѣ предстояло создавать на-ново общественную жизнь.

¹⁾ См. Киевск. Стар. 1894 г., № 11.

Поляки начали возвращаться на Украину тотчасъ „post hosticum“, т. е. послѣ удаленія турокъ. Но движение это было задержано новыми волненіями, о которыхъ была рѣчь выше. Только послѣ 1711—13 гг., т. е. послѣ Прутскаго мира и новаго массоваго выселенія жителей Украины на лѣвобережье, край сдѣлался польскимъ: русское государство окончательно отказалось отъ всякихъ на него притязаній. Украина была открыта не только для польской политики, но и для польского права: слабое, кое-гдѣ разбросанное населеніе уже не представляло никакого сопротивленія. Шляхетство могло устраиваться по своему.

Не надо забывать, что уже больше полстолѣтія прошло съ тѣхъ поръ, какъ украинскіе владѣльцы покинули свои имѣнія. Огромное большинство ихъ умерло, не дождавшись возвращенія на родину; и только дѣти и внуки изгнанниковъ, разсѣянныхъ по разнымъ уголкамъ Рѣчи-Посполитой, вскормленные мечтами о благословенной Украинѣ, текущей медомъ и млекомъ, могли увидѣть обѣтованную землю. Конечно, это относится не къмагнатамъ, а къ рядовой шляхтѣ. Какіе-нибудь Конецпольскіе могли совсѣмъ не интересоваться своими заброшенными и пустынными украинскими латифундіями. Но шляхетская масса, вытолкнутая изъ Украины народными волненіями, не имѣла владѣній въ глубинѣ Литвы или Польши; а какъ-нибудь устроиться такому безземельному шляхтичу на территоріи, и безъ того переполненной шляхтой, конечно, могло быть лишь дѣломъ исключительно счастливаго случая: всякий трудъ, кроме войны и хозяйства, считался для шляхтича позоромъ, который могъ лишить человѣка даже шляхетскаго достоинства со всѣми его огромными прерогативами. Не мудрено поэтому, что возвращеніе на Украину было для огромнаго большинства изгнанниковъ вмѣстѣ съ тѣмъ и возвратомъ къ прочному общественному положенію, обеспеченному завтрашнему дню, благосостоянію, и все это къ тому же облечено въ таинственную и заманчивую неизвѣстность, гдѣ въ неопределенныхъ и фантастическихъ образахъ и краскахъ рисовалась роскошная Украина. Да и въ самомъ дѣлѣ она была неисчерпаемо богата со своею плодородной почвой,

отдохнувшей цѣлые полвѣка отъ плуга, куда достаточно было бросить беззаботной рукой горсть зерна, чтобы получить богатый урожай, съ лѣсами фруктовыхъ деревьевъ, съ изобилемъ всякой дичи—и звѣря, и птицы, и рыбы, которая безпрепятственно размножалась все это долгое время. Естественно, что изгнанники тосковали за своей Палестиной и рвались къ ней. Но на встрѣчу этимъ радужнымъ надеждамъ шли тяжелыя разочарованія. Конечно, каждый возвращающійся думалъ прежде всего о своемъ родовомъ гнѣздѣ. Онъ не могъ не предполагать, что оно запущено, разорено; но мысль, что оно существуетъ въ какомъ бы то ни было видѣ была большой отрадой для бездомнаго скиталяца. Каково же бывало пораженіе, когда возвращающіеся не только не находили гнѣзда или его остатковъ, но часто не находили слѣда того, что оно существовало когда-нибудь на свѣтѣ. На мѣстѣ защищенаго и благоустроенаго панскаго двора, окруженаго бѣлыми хатами, разукрашенный образъ котораго крѣпко держался въ семейной традиції, была холмистая поляна или лѣсъ, выросшій изъ запущеннаго сада, и только деревья привѣтствовали бѣднаго пришельца, отыскивающаго свой родной уголь. Цѣлые большія поселенія исчезли такъ, что не осталось отъ нихъ камня на камнѣ, и, случалось, даже самое имя пропадало, а вмѣстѣ съ нимъ и всецѣло воспоминаніе о томъ, что было когда-то на данномъ мѣстѣ. Но главная бѣда была не въ огорченіяхъ и разочарованіяхъ, а въ тѣхъ безконечныхъ юридическихъ затрудненіяхъ, какія вытекали изъ указанного положенія вещей. Чѣмъ и какъ было доказывать свои владѣльческія права? Настоящихъмагнатовъ эти затрудненія опять-таки не касались. Ихъ територіи, захватывавшія по нѣсколько уѣздовъ, легко поддавались опредѣленію: какія затрудненія могли встрѣтить, напр., Потоцкіе, которымъ прямо и просто принадлежало Поднѣстровье отъ Смотрича за Могилевъ? Совсѣмъ иное было положеніе рядовой шляхты, которая владѣла, на правахъ-ли собственности, или заставнаго державства, небольшими имѣніями. У многихъ процали документы: известно, съ какой ожесточенностью ненавистью истреблялъ украинскій народъ всѣ шляхетскія бумаги. Но чѣмъ могли помочь

и документы, если не было фактической опоры для утверждения владельческихъ правъ на определенный участокъ: не было старажиловъ, на показаніяхъ которыхъ можно было основаться, не было межевыхъ или граничныхъ знаковъ, не сохранилось, случалось, даже старыхъ названій урошищъ. Отсюда вышло то, что и должно было выйти—безконечный правовой хаосъ. Часто возвращающійся шляхтичъ совсѣмъ не могъ найти своего наслѣдства; иногда онъ его заставалъ уже захваченнымъ другимъ лицомъ, какимъ-нибудь сосѣдомъ, расширившимъ не въ мѣру свои границы, или заставнымъ державцей, который яко-бы получилъ землю подъ капиталъ отъ третьаго лица—и нечѣмъ было отстранить этихъ фактическихъ владѣльцевъ. На каждый земельный кусокъ являлось нѣсколько, а, случалось, и нѣсколько десятковъ претендентовъ; безспорныхъ владѣльцевъ, можно сказать, не было вовсе. Сыпались безконечныя жалобы, манифесты, дѣлались забѣзы; сутяжничество развилось до самой высокой степени. Жалкіе украинскіе „гроды“, только что начавшіе оправляться отъ разоренія, были полны юристами-sutягами, кормившимися этой безурядицей, и наслѣдниками, которые рады были отступиться отъ всѣхъ своихъ правъ, лишь бы получить за нихъ хоть что-нибудь наличными деньгами.

Не лучше было возвратившейся шляхтѣ и въ экономическомъ отношеніи. Шляхетское благосостояніе опиралось исключительно на трудъ зависимаго населенія, поданныхъ. А между тѣмъ населеніе на владѣльческихъ земляхъ Киевщины, Брацлавщины и Подолья было крайне скучно. Напр., въ Киевщинѣ „Хвастовъ, Черногородка и деревни, принадлежащія къ Хвастову, такъ опустошены, что нѣть ни одного человѣка, кроме 8 поданныхъ въ Черногородкѣ“; или на Подольѣ, въ Могилевскомъ ключѣ, состоящемъ изъ большого мѣстечка и 4 сель, оказалось по счисленію комиссара Потоцкихъ, всего на-все 178 душъ обоего пола, „хозяевъ, женъ ихъ, вдовъ, паробковъ и дѣвокъ“. Трудно было приняться за хозяйство при такомъ состояніи „живаго реманента“. Да и это скучное населеніе надо было эксплуатировать осторожно, такъ какъ ему, при данномъ пустынномъ положеніи края, очень легко было уйти отъ владѣльца,

которымъ оно было недовольно. Быть или не быть украинской шляхтѣ стало въ зависимость отъ того, успѣетъ-ли она привлечь и удержать хлопа.

Магнаты, располагавшіе большими средствами, не зависѣли отъ своихъ украинскихъ имѣній и здѣсь нашли выходъ изъ затрудненія. Они стали привлекать населеніе изъ другихъ областей Польскаго государства и даже изъ-за границы. Замойскіе вывели себѣ подданныхъ съ надъ Вислы; Сѣнявскіе, Ржевусскіе и иные подольскіе паны вызывали людей изъ Галиціи, съ территорій Пшемысля и Санока, такъ что цѣлыми деревни на Подгорье запустѣли; Любомірскій привлекъ въ свои Шаргородскія имѣнія мазуровъ, а на Побережье волоховъ, которые очень охотно стали переселяться на лѣвый берегъ Днѣстра; призывали выходцевъ изъ-за Днѣпра, не забывшихъ своей правобережной родины, даже великорусскихъ раскольниковъ, такъ-называемыхъ филионовъ. Но все это поглощалось панскими латифундіями, да и тамъ составляло каплю въ морѣ: громадныя пространства земли все-таки лежали пустыми. А заурядному шляхтичу ничего не оставалось, какъ заманивать къ себѣ какими-нибудь способами простого украинскаго хлопа или отъ своихъ собственныхъ сосѣдей, или изъ ближайшихъ мѣстностей болѣе густаго заселенія. Такими мѣстностями были по отношению къ собственной Украинѣ Волынское, Русское, Бельзкое воеводства и сѣверная часть Подольскаго.

Всѣ способы заманиванія группировались около одного главнѣйшаго — „слободы“. Владѣльцы, желавшіе имѣть свои земли заселенными, должны были приманивать населеніе обѣщаніемъ свободы отъ обязательствъ на болѣе или менѣе продолжительные сроки. Сроки эти обращались между 15 и 30-ю годами, при чемъ кратчайшіе сроки были на Подольѣ, и, все удлиняясь по направленію къ востоку, они въ Кіевщинѣ достигали своего максимума. На все это время владѣлецъ ограничивался нѣсколькими златыми годового чинща и нѣсколькими днями лѣтней работы; бывала и полная свобода отъ обязательствъ, но, повидимому, лишь какъ исключеніе.

Надо было во чтобы то ни стало приманивать хлопа, удерживать его въ сладкой надеждѣ, что хоть и длиненъ срокъ свободы, а все таки онъ кончится, и изъ полувольного слобожанина вылупится подданный, предоставленный польскимъ правомъ на полный произволъ его пана. Не могъ не знать грозящей ему участи и украинскій народъ, но онъ, закрывая глаза, шелъ ей на встречу. Да что же бы, впрочемъ, ему оставалось дѣлать? Вѣдь въ силу господствующаго теперь права послитый не могъ быть владельцемъ земли, а долженъ былъ садиться на чужую землю и тѣмъ поступать въ подданство землевладѣльца. Исторія дала украинскому хлопу небольшую отсрочку, и онъ старался воспользоваться ею возможно шире. Изъ всего этого создались на Украинѣ на цѣлые полвѣка, пока истекли сроки послѣднихъ „слободъ“—что имѣло мѣсто липъ въ началѣ второй половины столѣтія—особыя условія.

Шляхтичъ, желавшій призвать людей на свою пустующую землю, поручалъ обыкновенно это дѣло опытному человѣку, какому-нибудь заслуженному дворянину (служащему при панскомъ дворѣ) простонароднаго происхожденія или мелкому офиціалисту изъ тѣхъ, кому приходилось, по обязанностямъ своего званія, быть въ постоянныхъ сношеніяхъ съ народомъ. Необходимымъ условіемъ успѣха было то, чтобы агентъ хорошо зналъ тѣхъ, съ кѣмъ онъ будетъ имѣть дѣло, и всѣ способы ихъ уловленія. Такой вербовщикъ набиралъ съ собой запасъ хлѣба и горѣлки и халъ въ мѣстечко на ярмарку, на престольный праздникъ—туда, где можно было встрѣтить много народа. Тамъ, на людномъ пунктѣ, онъ вбивалъ жердь съ дощечкой, на которой написаны были условія предлагаемой „слободы“, а самъ, стоя подъ жердью, приглашалъ всѣхъ желающихъ на хлѣбъ и горѣлку. Прохожіе останавливались; кто-нибудь, чаще всего дьячекъ, читалъ написанное; начинались разговоры, вербовщикъ не жалѣлъ красокъ, чтобы представить въ соблазнительномъ видѣ богатство земли, всѣ ея необычайныя удобства для поселенія, исключительную добруту пана. И разстояніе-то до мѣста рукой подать, и топлива сколько угодно—цѣлые дубовые лѣса, и водопой въ самой деревнѣ, громадный какъ озеро ставъ, гдѣ и рыбы, сколько хо-

чешь, и мельницъ на немъ можно устроить хоть вѣсколько. Однимъ словомъ, все являлось въ описаніяхъ вербовщика фантастически окрашеннымъ въ самые идеальные цвѣта; а обильное угощеніе располагало умы къ довѣрію. Впрочемъ, являлся обыкновенно на сцену и достовѣрный свидѣтель, какой-нибудь подготовленный Иванъ или Петръ, который собственными глазами видѣлъ этотъ земной рай и готовъ былъ расписывать его красоту. Не бѣда, если вмѣсто лѣса оказывался корявый кустарникъ въ буеракѣ на голой степи, а вмѣсто рыбнаго става болото: главное дѣло было сдѣлано, условія написаны писаремъ, который былъ у вербовщика на готовѣ, и народъ двигался на условленное мѣсто. Положимъ, что, обманутый и разочарованный въ своихъ надеждахъ, онъ часто кидалъ мѣсто своей новой осѣдлости; но это было съ его стороны уже противозаконнымъ дѣйствиемъ.

Но такое свободное зазываніе на „слободы“ могло практиковаться лишь первое время, пока еще были люди, не имѣвшіе осѣдлости на панскихъ земляхъ, и пока еще не подвергалось такимъ строгимъ преслѣдованіямъ переманиваніе хлоповъ отъ сосѣдей. Но мало-по-малу это переманиваніе „живаго реманента“ приняло характеръ злостнаго противообщественаго преступленія, возбуждавшаго усиленное преслѣдованіе со стороны закона и общественное негодованіе. Но часто экономическая необходимость все-таки заставляла его совершать, хотя и контрабанднымъ способомъ. Вотъ тогда-то и появились на свѣтѣ тѣ контрабандные торговцы запретнымъ живымъ товаромъ, которые назывались „выкотцами“.

„Выкотца“—это беззастѣнчивый человѣкъ, который брался за извѣстное вознагражденіе доставить владѣльцу пустыхъ земель столько-то кметей, способныхъ къ работѣ. Занимались этимъ непочетнымъ и небезопаснымъ дѣломъ бѣдные шляхтичи и евреи. Шляхтичъ приѣзжалъ въ намѣченную деревню верхомъ, яко-бы отыскивая себѣ службу; еврей притаскивался въ корчму на возу подъ предлогомъ скучки чего-нибудь, напр.—овчинокъ. Переходя изъ хаты въ хату, выкотца уговаривали крестьянъ оставить свою осѣдлость и перейти на новую, обѣщаю всякія блага.

Сама по себѣ соблазнительна была уже мысль начать свой срокъ слободы съ начала, если онъ на старомъ мѣстѣ былъ въ значительной долѣ выжить. Если выкотца добивался согласія, то условливались, когда приступать къ опасному предпріятію: конечно, крестьянамъ надо было нѣкоторое время, чтобы ликвидировать свои дѣла. Въ означенной срокъ выкотца являлся съ подводами, забиралъ охотниковъ и съ большою осторожностью, окольными дорогами, велъ ихъ въ назначенное мѣсто. Ремесло выкотца было несомнѣнно выгоднымъ ремесломъ: за доставку семьи изъ Гусятина до Ходоркова шляхтичъ уплатилъ, въ извѣстномъ случаѣ, напр., 120 злотыхъ; за крестьянскую чету, выведенную отъ Брацлавля подъ Бердичевъ, другой предлагалъ 70 злотыхъ: очень вліяло на увеличеніе платы количество дѣтей. Но за то же приходилось и тяжело расплачиваться за эти выгоды, если случай отдавалъ выкотцу въ руки обиженнаго имъ владѣльца. До суда обыкновенно не доводили дѣла: владѣльцыправлялись сами. Слава Богу, если выкотца отдѣльвался побоями, могло быть и хуже—до висѣлицы, включительно. Въ одномъ случаѣ шляхтичъ, поймавши двухъ такихъ выкотцевъ, которые увѣли у него цѣлый поселокъ, распорядился такъ: взыскать съ нихъ всѣ свои убытки, а чтобы принудить ихъ къ выполненію, кромѣ лишенія свободы, присудилъ одного изъ нихъ, шляхтича, получать каждую пятницу по двадцать ударовъ—на коврѣ, чтобы не нанести ущерба пляхетскому достоинству, а другого, еврея, зацягалъ вмѣстѣ съ клячей въ соху и борону и заставлялъ пахать. Таковъ былъ самосудъ въ этихъ обстоятельствахъ.

Такимъ образомъ между землевладѣльцами и хлопами шла неустанныя партизанская война. Шляхтичи пускали въ ходъ всякия хитрости, чтобы словить уходящихъ хлоповъ; тѣ, съ своей стороны, употребляли еще болѣе усилий, чтобы выскользнуть изъ разставленныхъ имъ силковъ. Конечно, это говорится о гуртовомъ выселеніи, цѣлыми партіями. Въ одиночку хлопу уйти было не трудно: окольными дорогами, минуя деревни и мѣстечки, проводя ночи въ лѣсахъ или бурьянахъ,—конечно, терпя и холода и голодъ, держаль онъ путь на полдень и обыкновенно

не обманывался въ разсчетѣ на пріютъ, который на первое время всегда оказывался гостепріимнымъ. Иное дѣло, если приходилось уходить таборомъ. Тутъ шляхтичи поднимались въ погоню съ падворными отрядами и выслѣживали бѣглецовъ съ тѣми приемами, съ какими плантаторы выслѣживали бѣглыхъ негровъ. Когда догоняли, дѣло нерѣдко доходило до кровопролитной стычки. Но на одной сторонѣ было огнестрѣльное оружіе, а на другой только патки и колья, и дѣло обыкновенно принимало невыгодный для этой другой стороны оборотъ. Бѣгледамъ приходилось тяжко выкупать свою предпріимчивость: ихъ били, лишали всѣхъ льготъ и сажали на тяжкую панцину, а изувѣченныхъ въ битвѣ отсылали въ замки, гдѣ они должны были работать при тачкахъ. Но если хлопскій таборъ достигалъ назначеннаго мѣста, тутъ уже выходило иначе: шляхтичъ, на землѣ котораго садились бѣглецы, самъ выступалъ на ихъ защиту противъ преслѣдователей, и начиналась битва по всѣмъ правиламъ искусства.

А рядомъ съ войной изъ-за хлопа возникла и охота на хлопа. Бѣдный шляхтичъ, у котораго была земля, а не было денегъ, чтобы ее заселить, находилъ такой выходъ изъ затрудненія: конно, самъ - другъ или самъ - третей, отправлялся онъ выслѣживать краснаго звѣря, т. е. хлопа, мѣняющаго осѣдлость. Укрываясь за придорожной могилой или въ лѣсу, выжидаль такой шляхтичъ бѣглеца, нападалъ на него неожиданно, захватывалъ и подъ угрозой пули вель его къ себѣ, чтобы поселить на своей землѣ. Бывало и еще хуже. Шляхетская застѣнковая бѣдnota сбирались партіями и устраивала облавы на переселявшихся хлоповъ съ простой цѣлью грабежа, чтобы поживиться добромъ, которое тѣ писали съ собой на мѣсто новой осѣдлости. Все это если и не считалось въ шляхетской средѣ рыцарскимъ и почетнымъ дѣломъ, то сходило все-таки за дозволенное: вѣдь бѣглый хлонъ былъ, по польскому праву, persona vagabunda, лицо виѣ закона, отданное тѣмъ самимъ на произволъ первого встрѣчнаго, достаточно сильнаго, чтобы имъ овладѣть. Жестокіе нравы и нелюдскія отношенія выростали на почвѣ Украины, отравленной потоками пролитой крови. Украинскій шляхтичъ ди-

чаль и деморализировался въ этой безславной борьбѣ, въ которой и тѣни не было идеальныхъ мотивовъ, въ видѣ ли защиты христіанства отъ басурманъ, или культуры и государственности отъ варварства и анархіи. Украинскій крестьянинъ утрачивалъ то, на чёмъ держится въ осѣдлой земледѣльческой массѣ ея нравственная крѣпость: привязанность къ своей землѣ, къ родному углу. Страхъ передъ крѣпостнымъ подданствомъ, въ которое попадалъ крестьянинъ, какъ только кончался договорный срокъ, гналъ его изъ одной мѣстности въ другую, по преимуществу въ юго-восточномъ направлению. Обитатели сѣверныхъ частей Украины тянулись на Подолье, подольские поселенцы двигались въ Брацлавщину, брацлавскихъ точно выпирала какая-то сила въ кіевскія степи... Трудъ дѣлался постылымъ земледѣльцу, который вѣчно мечталъ о какомъ-то отдаленномъ земномъ раѣ, его ожидающемъ, если у него хватить отваги и счастья порвать связывающія его узы; осѣдлое населеніе развивало вновь утраченные было имъ кочевые инстинкты.

Такъ прошло полвѣка. Въ періодъ между 1715 и 1730 гг. движение достигло своего алогея; затѣмъ начало слабѣть, хотя не прекращалось почти все столѣтіе, въ концѣ его выливаясь уже за предѣлы Рѣчи Посполитой, въ новороссійскія степи.

Какъ бы то ни было, Украина заселялась. Ея населеніе было неустойчиво, непрочно, но оно было, и на роскошной украинской почвѣ быстро размножалось. Съ прекращенiemъ срока слободы земля стала усиленно повышаться въ своей цѣнности. То, что въ началѣ столѣтія переуступалось за безцѣнокъ, въ половинѣ его уже составляло часто значительное имущество. Інъ-Александръ Конецпольскій въ завѣщаніи, писанномъ въ 1702 г., оцѣнилъ свои огромныя украинскія пустыни всего лишь въ 50,000 золотыхъ; лѣтъ 20—30 спустя эти пустыни перешли къ Любомірскимъ уже за миллионъ золотыхъ; въ концѣ же столѣтія Любомірскіе продали одну лишь четвертую ихъ часть за 60 миллионовъ, но это были уже, конечно, не пустыни.

Магнаты въ первый періодъ новаго заселенія края совсѣмъ пренебрегали своими украинскими имѣніями. Всѣ эти Сѣнявскіе, наслѣдниками которыхъ были Чарторижскіе, Потоцкіе, Любо-

мірські, Яблоновські, Замойські—жили въ столицѣ или въ другихъ своихъ имѣніяхъ въ глубинѣ Рѣчи-Посполитой, все предоставляемъ своимъ офиціалистамъ. Офиціалисты того или другого магнатскаго дома, напр. дома Потоцкихъ, были такъ многочисленны, что составляли своего рода обособленную группу среди украинской шляхты. Во главѣ офиціалистовъ стояли губернаторы, которые держали себя по образцу своихъ вельможныхъ принципаловъ. Они жили въ укрѣпленныхъ дворахъ, или замкахъ, имѣли въ своемъ распоряженіи артиллерию, состоящую изъ нѣсколькихъ пушекъ, и надворную милицію, пѣшую и конную, а, главное, владѣльцы передавали имъ всѣ свои огромныя права надъ подданными до права жизни и смерти включительно. Въ особенности велики были полномочія губернаторовъ болѣе отдаленныхъ и угрожаемыхъ юго-восточныхъ окраинъ. Но по мѣрѣ того, какъ край заселялся и имѣнія приобрѣтали прочную, и притомъ съ страшной быстротой возрастающую, цѣнность, и магнаты начали все больше и больше удѣлять вниманія своимъ украинскимъ латифундіямъ. Въ концѣ-концовъ, украинское магнатство, опираясь на эти латифундіи, сдѣгалось главной руководящей силой Рѣчи-Посполитой, рѣшительницей ея судебъ. Здѣсь, на украинской территории, и были окончательно рѣшены эти судьбы.

Пышнымъ экзотическимъ цвѣткомъ со всѣмъ его блескомъ и дурманомъ развернулась на Украинѣ панская жизнь.

Прежде всего надо сказать, что украинское папство было теперь уже сплошь польскимъ и католическимъ. Еще въ началѣ описываемаго периода можно было встрѣтить кое-гдѣ, въ особенности на Волыни, дворянина православнаго, а слѣдовательно—и помнящаго свою національность. Это уже не магнатъ, но еще и не какой-нибудь захудалый обыватель шляхетской околицы: случалось, хотя какъ большая рѣдкость, попадался даже и на сеймѣ православный посолъ. Въ качествѣ анахронизма можно встрѣтить волынского православнаго дворянина еще и во второмъ десятилѣтіи описываемаго вѣка. Но логика исторіи дѣлаетъ свое жестокое дѣло, неумолимо разворачивая дальше и дальше цѣпь причинъ и слѣдствій. Еще немного—и православный дво-

рянинъ дѣлается уже невозможностью, соціальной нелѣпостью. Православіе, какъ и прочіе атрибуты русской національности, соединяются неразрывно съ низшимъ, зависимымъ, презираемымъ общественнымъ положеніемъ. Русскіе дворянскіе роды, въ своемъ стремлениі возможно скорѣе и цѣльнѣе забыть свои старыя связи, не стѣсняясь ни здравымъ смысломъ, ни историческими фактами, фабрикуютъ самыя нелѣпныя генеалогіи. Фабрикаціей этой занимаются обыкновенно ученые спеціалисты изъ монаховъ, напр.— бердичевскіе кармелиты. Эти генеалогіи возводятъ родословныя дерева обыкновенно не ближе, какъ къ Пшечлю, миѳическому польскому королю, а то къ какому-нибудь еще болѣе миѳическому Литталаеву, правителю Литвы, который жилъ чуть-чуть что не до Рождества Христова; переселеніе же протопластовъ рода на Русь никакъ не предполагалось позже 12—13 в.в.

Украина представляла собой теперь нѣсколько самодержавныхъ магнатскихъ государствъ, въ промежуткахъ между которыми были разсѣяны владѣнія простой шляхты. На первый планъ между украинскими магнатами выдвигались, конечно, Потоцкіе и Чарторижскіе, съ именами которыхъ такъ неразрывно связана вся послѣдняя эпоха исторіи Польши,—представители и главы двухъ лагерей, двухъ политическихъ теченій, своимъ антагонизмомъ подготовившихъ окончательную гибель государства. Украинскія имѣнія Потоцкихъ занимали большую часть Брацлавскаго воеводства; они разбросаны были въ треугольникѣ, углы которого отмѣчаются Тарговицей, Могилевомъ, Тульчиномъ. Впрочемъ, эти земельные богатства долго были раздроблены между отдельными вѣтвями дома Потоцкихъ, и только во второй половинѣ столѣтія соединились въ рукахъ кіевскаго воеводы Франциска Салезія, котораго современники не даромъ звали „русскимъ королькомъ“, а затѣмъ сына его Щенснаго-Потоцкаго, сыгравшаго такую большую и неудачную роль въ послѣднихъ судьбахъ Рѣчи-Посполитой. Съ Чарторижскими могли равняться во всемъ Польскомъ королевствѣ развѣ одни только Радзивиллы. Колыбелью рода Чарторижскихъ была Клевань на Волыни. Извѣстный Адамъ-Казимиръ, генераль земель подольскихъ,—который былъ подготовленъ въ преемники къ Августу

III—кромъ огромныхъ литовскихъ имѣній, земель въ Коронѣ и Русскомъ воеводствѣ, родовой Клеванщины, владѣлъ еще Грановщиной въ воеводствѣ Брацлавскомъ и большими имѣніями на Подольѣ: Межибожемъ съ его территоріей и гродовыми староствами Каменецкимъ и Литичевскимъ. На Волыни никто, конечно, не могъ потягаться земельнымъ богатствомъ съ наследникомъ князей Острожскихъ, княземъ Сангушкой; но этотъ ничтожный человѣкъ, въ половинѣ столѣтія, раздарилъ или распродалъ, словомъ, разбросалъ свои громадныя богатства, хотя и не имѣлъ на это права, и ихъ разобрали украинскіе магнаты и ихъ клиенты, во главѣ съ Чарторижскими: такимъ образомъ Чарторижскимъ достались еще и Старо-Константиновскія волости князей Острожскихъ. Немногимъ уступало владѣніемъ Потоцкихъ и Чарторижскихъ по величинѣ территории, хотя и уступало по доходности, Побережское государство Любомірскихъ, занимавшее огромныя пространства между Бугомъ и Днѣстровымъ, такъ-называемые Бужскій и Днѣстровый тракты: земли Любомірскихъ начинались подъ Винницей и кончались подъ Ягорлыкомъ и Конецполемъ. Надо, впрочемъ, сказать, что имѣніе Любомірскихъ, какъ приобрѣтенное куплей, а не наследствомъ или вѣномъ, не могло сообщить своимъ обладателямъ, въ глазахъ современниковъ, всего должного престижа. Если къ этому счету присоединить еще Ржесвускихъ и Яблоновскихъ—огромныя имѣнія тѣхъ и другихъ разбросаны были по всей Украинѣ, то вотъ почти и всѣ магнатскіе рѣды, дѣлившиѳ между собой господство надъ Україною. Изрѣдка случалось, что достигаль магнатскаго значенія и не магнатъ по происхожденію: такимъ значеніемъ пользовался, напр., одно время кіевскій воевода Стемпковскій.

Владѣнія магнатовъ дѣлились, въ административныхъ и экономическихъ видахъ, на ключи, размѣры которыхъ были различны, смотря по особенностямъ территории, густотѣ населенія и типу поселеній, характеру хозяйства. Одно дѣло съверная Волынь съ ея тѣсными старыми поселеніями и лѣснымъ хозяйствомъ, другое—безконечный степной просторъ заселяющейся южной Украины. Клеванскій ключъ Чарторижскихъ,

со всеми его неисчерпаемыми лѣсными богатствами, состояль всего изъ одного мѣстечка и десяти деревень,—а въ Грановскомъ, степномъ, ключѣ считалось 26 большихъ поселеній, хотя главный доходъ ключа составляли не эти поселенія, а степи, гдѣ свободно гуляло стадо изъ 700 кобылицъ, а волы выпасались тысячами. Побережское государство князей Любомирскихъ состояло изъ 11 ключей: къ Немировскому ключу, напр., относился Немировъ и пятьдесятъ деревень.

Въ каждомъ магнатскомъ государствѣ была, конечно, столица; случалось, и не одна. По крайней мѣрѣ, резиденцій у болѣе притязательныхъ пановъ, тянувшихся за тѣмъ, чтобы воспроизводить образъ жизни владѣтельныхъ особъ, бывало до четырехъ, и между ними распредѣлялъ такой панъ свой годъ по сезонамъ. Въ главной резиденціи былъ, само собой разумѣется, дворецъ, болѣе или менѣе соотвѣтствующій магнатскому достоинству. Правда, все это пришлось возводить на ново, но богатая Украина легко доставляла средства, а панъ не жалѣлъ ихъ для такой цѣли.

Теперь панскому дворцу не зачѣмъ было представлять собою феодальный замокъ; ничто не угрожало безопасности его обитателей, по крайней мѣрѣ, въ глубинѣ края. Но искусственная традиція не легко уступала свое мѣсто. Немудрено, что старый дворецъ степнаго Тульчина, позднѣйшей главной резиденціи Потоцкихъ, былъ защищенъ валами и бастіонами, у которыхъ стояли огромныя гранатныя бомбы, съ висѣлицей у воротъ. Но и дворецъ Яблоновскихъ въ тихихъ и безопасныхъ Ляховцахъ надъ Горынью, выстроенный въ половинѣ столѣтія, имѣлъ тотъ же феодальный видъ. Стѣны и глубокіе рвы, окружающіе массивный, неуклюжій пятиугольникъ, были сверхъ всего защищены огромнымъ прудомъ, воды котораго разливались вокругъ замка въ болота и топи. Подъемный мостъ, вѣзвидная брама съ башнями и стрѣльницами, бастіоны, снабженные пушками, все было разсчитано на средневѣковый замокъ,—кромѣ необходимости и цѣлесообразности всѣхъ этихъ приспособленій. Впрочемъ, иные магнатскіе дворцы позднѣйшаго сооруженія уже свободны отъ этихъ феодальныхъ загѣй. Новый великолѣп-

ный Тульчинскій дворецъ Потоцкихъ, на которомъ была знаменательная надпись: „чтобъ всегда былъ жилищемъ вольныхъ и честныхъ“, поражалъ современниковъ роскошной мебелью, хрусталемъ, бронзами, картинной галлереей, заключавшей въ себѣ драгоценные оригиналы, нумизматическимъ кабинетомъ, обширной библіотекой, изящнымъ театромъ, садомъ съ руинами, прудами и водопадами, съ померанцевыми и ананасными оранжереями. Въ изящномъ Лабуньскомъ дворцѣ Стемпковскаго вниманіе останавливалось, прежде всего, на роскошной бальной залѣ и искусно разбитомъ садѣ, полномъ клумбъ и газоновъ, рощицѣ и бесѣдокъ—идиллическихъ уголковъ, разсчитанныхъ на „амуретки“. Движимость Подгорецкаго дворца Ржевусскихъ оцѣнивалась ни больше, ни меньше, какъ въ 2800000 золотыхъ. Главная резиденція Чарторижскихъ была не на Украинѣ, а въ Коронѣ: когда русскіе сожгли ихъ дворецъ въ Пулавахъ, то вмѣстѣ съ естественно-историческимъ музеемъ погибла и ихъ библіотека, состоявшая изъ 40,000 томовъ. Вообще можно сказать, что въ дворцахъ украинскихъ пановъ была собрана масса произведеній искусства и наукъ, остатки которыхъ пошли потомъ на украшеніе перворазрядныхъ музеевъ и галлерей въ столицахъ.

Образъ жизни магнатовъ соотвѣтствовалъ ихъ обстановкѣ. Магнатъ—человѣкъ не изъ дюжины; въ немъ самомъ и въ окружающихъ жило сознаніе этой его недюжинности, какъ бы лучъ величія, почивающаго на главахъ избранныхъ и помазанниковъ; онъ чувствовалъ себя призваннымъ выражать каждымъ своимъ дѣйствіемъ, каждымъ шагомъ, что онъ есть монархъ въ миниатюрѣ, король *in partibus*.

Дворы магнатовъ по многолюству, богатству, этикету, конечно не уступали дворамъ немецкихъ владѣтельныхъ князей. При дворѣ тульчинскаго самодержца было больше четырехсотъ придворныхъ слугъ и дворянъ. Сорокъ солдатъ постоянно держали стражу при замковой брамѣ; по мѣстечку то и дѣло сновали придворные козаки, разбѣгаясь въ разныя стороны съ порученіями отъ центрального управлѣнія—двѣ сотни козаковъ исполняло эту службу поочередно; собственные уланы пана

Потоцкаго охранили порядокъ. Все указывало на пребываніе владѣтельного лица. А внутри замка, въ магнатскихъ покояхъ, толпилась одѣтая въ цвѣтныя ливреи куча слугъ, цѣлый легіонъ дворянъ ждалъ панскаго кивка, чтобы летѣть сломя голову, другой легіонъ прибывшихъ по какому-нибудь дѣлу или просто на поклонъ жилъ при дворѣ въ терпѣливомъ ожиданіи, пока магнатъ удостоитъ аудіенціи или вообще какого-нибудь знака вниманія. И придворные дворяне, и прѣбжая шляхта садились за панскій столъ, проводили время, какъ хотѣли, забавлялись музыкой въ постные дни, танцами* въ разрѣшенное церковью время: многочисленный женскій штатъ ясновельможной пани, ея „фрауцимеръ“, доставлялъ въ изобиліи дамъ. Такимъ образомъ, при магнатскомъ дворѣ шелъ вѣчный пиръ: будни пичѣмъ не отличались отъ праздничныхъ дней. Магнатъ и его супруга могли по цѣлымъ недѣлямъ не показывать своихъ ясныхъ очей ни дворянамъ, ни гостямъ. Оходкій въ своихъ скандалезныхъ, но тѣмъ не менѣе крайне интересныхъ, мемуарахъ разсказываетъ, что двѣ недѣли прожилъ при дворѣ прежде, чѣмъ ему удалось увидѣть тульчинскаго монарха и робко изложить свою просьбу. Но такъ какъ магнату, въ его политическихъ видахъ, нельзя было слишкомъ открыто третировать шляхту, то онъ держалъ при своемъ дворѣ ловкихъ и умныхъ людей, чтобы принимать и занимать гостей, подслащая всякими способами горькую пилюлю, преподносимую шляхтетскому достоинству магнатскимъ высокомѣрiemъ. Вообще, магнаты старались украшать свои дворы резидентами, или „вѣчными гостями“ изъ людей, интересныхъ въ какомъ-нибудь отношении: хорошими рассказчиками и балагурами, артистами, учеными, въ особенности—поэтами: почти всѣ настоящіе магнатскіе дворы имѣли своихъ „бардовъ“. Надо сказать, что, при общихъ чертахъ, жизнь каждого магнатскаго двора имѣла и свой индивидуальный характеръ, зависѣвшій отъ личности самого монарха. При Тульчинскомъ дворѣ все было широко и пышно, но чинно и однообразно. Въ то же время при Лабуньскомъ дворѣ у воеводы киевскаго Стемниковскаго шелъ уже не пиръ, а просто разгуль, непрерывная вакханалия. Не „бардъ“ былъ здѣсь предметомъ вни-

манія, а п'яница, который могъ выпить разомъ кубокъ въ восемь бутылокъ; охота смѣнялась картежной игрой и танцами, а рядомъ, въ отдаленныхъ комнатахъ, въ тѣни лимонныхъ и апельсинныхъ деревьевъ, въ бесѣдкахъ, увитыхъ плющемъ, завязывались и развязывались нескромные романы. Въ Чудновскомъ дворцѣ кн. Адама Понинскаго, сосѣда воеводы—тоже одного изъ украинскихъ магнатовъ—шла самая отчаянная азартная игра, и жизнь прожигалась такъ, что въ концѣ-концовъ оказалось, что на имѣніяхъ князя лежитъ ни больше, ни меныше, какъ 83 миллиона золотыхъ долгу. А въ скучномъ Ляховецкомъ дворцѣ кн. Яблоновскаго, между тѣмъ, царствовала невыносимая натянутость и этикетъ, доходившій до высокаго комизма. Каждый шагъ былъ точно определенъ и тонко разсчитанъ въ тѣхъ видахъ, чтобы не произошло какого-нибудь ущерба княжескому достоинству владѣльца. Пріемъ вассаловъ—такъ называлась зависимая шляхта—былъ точной копіей съ пріемовъ при настоящихъ дворахъ коронованныхъ особъ: князь сидѣлъ на тронѣ въ горностаевой мантіи, вассалы, являясь на торжественную аудіенцію, должны были три раза преклонить колѣно и и потомъ целовать руку; самымъ тяжелымъ наказаніемъ для вассала было недопущеніе къ панскому лицезрѣнію втченіе такого-то времени. Соответственно была устроена и вся жизнь князя. Впрочемъ, надо сказать, что подобная утрировка магнатскаго положенія возбуждала уже въ современникахъ порицаніе и насмѣшки.

Такъ жили магнаты дома. Конечно, когда они появлялись въ Варшавѣ, они держали себя иначе: даже Щенсный-Потоцкій оставлялъ дома свою угрюмость и высокомѣrie и дѣжался доступнымъ и привѣтливымъ. Магнаты были прежде всего люди политики, а политика требуетъ приспособленія. Но путешествія ихъ, а особенно по своимъ владѣніямъ, были обставлены тѣмъ же церемоніаломъ и пышностью. Когда кн. Адамъ Чарторижскій дѣжалъ въ 1782—3 гг. осмотръ своихъ украинскихъ имѣній, онъ имѣлъ при себѣ дворъ изъ 200 человѣкъ, а обозъ его везло 400 лошадей и еще нѣсколько верблюдовъ, навьюченныхъ походными шатрами. Вообще, подобный панъ

никуда не выѣзжалъ безъ вооруженной стражи и множества слугъ, безъ того, чтобы за его тяжелой каретой еще не слѣдовала какая-нибудь брика съ кухней, погребомъ, съѣстными припасами, всѣми принадлежностями домашняго комфорта.

Такой образъ жизни обусловилъ собой огромные расходы. Расходы предполагали соотвѣтственные доходы. Доходы съ земельныхъ имуществъ, о размѣрахъ которыхъ было сказано выше, тоже не могли не быть огромными. Правда, Щенсный-Потоцкій получалъ съ 3 миллионовъ морговъ и 130,000 крестьянскихъ хозяйствъ всего-на-все два миллиона золотыхъ годового дохода; но не здѣсь находился главный источникъ доходности его имѣнія, а въ торговлѣ водкой. Кромѣ того, каждое украинское панское хозяйство отправляло на сѣверъ, главнымъ образомъ въ Данцигъ, стада рогатаго скота и огромныя партии разнаго хлѣба, особенно шненицы. Доходы Любомирскихъ съ ихъ $2\frac{1}{2}$ миллионовъ морговъ были не такъ значительны. Но доходы Чарторижскихъ во всякомъ случаѣ равнялись, если не превышали, доходы Потоцкихъ, хотя количество крестьянскихъ хозяйствъ на ихъ земляхъ было нѣсколько менѣе. За то въ ихъ имѣніяхъ господствовалъ образцовый порядокъ, и хозяйство шло, какъ машина. Главнымъ рычагомъ этой машины была строгая отчетность и точная хозяйственная статистика, для веденія которой былъ знающій, опытный и добросовѣтный листраторъ. До сихъ поръ сохранилось до 60 фоліантовъ, заключающихъ подробныя листраціи имѣній Чарторижскихъ втечение 30 лѣтъ. Въ нихъ мы находимъ описание хозяйственныхъ построекъ и инвентаря, перечисленіе дохода съ арендъ, млиновъ и ставъвъ, затѣмъ реестры подданныхъ съ ихъ повинностями и въ заключеніе множество замѣтокъ экономического и исторического характера. Имѣя всегда подъ рукой столь точный материалъ, хозяйственная администрація могла легко и свободно направлять движеніе хозяйственного механизма. Славился хозяйственностью и Щенсный-Потоцкій, но его заботы были направлены на другое: на разнаго рода хозяйственныя амелиорации. Онъ заботился о сохраненіи лѣсовъ, о заведеніи садовъ, распространяль въ краѣ фруктовыя деревья, выискалъ изъ Молдавіи миллионы тоннолей, забо-

тился также обь улучшениі рогатаго скота, дѣлалъ опыты скрещиванія венгерской породы съ молдавской, выписывалъ дорогихъ мериносовъ, довелъ до высокой степени совершенства лошадей своихъ заводовъ. Такимъ образомъ, его дѣятельность отражалась на хозяйственной культурѣ края. Вообще, можно сказать, что украинскіе магнаты,—по крайней мѣрѣ, лучшіе ихъ представители,—имѣвали, что они не свободны отъ извѣстной нравственной отвѣтственности за всѣ тѣ огромныя прерогативы, которыми они пользовались, благодаря своему соціальному положенію. Надо замѣтить, что магнаты стояли, въ общемъ, значительно выше рядовой шляхты по своему образованію, къ которому прилагались большія заботы. Магнаты добровольно брали на себя починъ въ такихъ общественныхъ дѣлахъ и предпріятіяхъ, какія обыкновенно лежать на государствѣ.

И то сказать, впрочемъ: вѣдь значительный процентъ въ массѣ ихъ земельной собственности составляли королевщины, староства, державства, т. е. государственные имущества, въ которыхъ они были, по настоящему, лишь распорядителями, и только путемъ узурпациіи и принадлежащихъ имъ правъ выступали собственниками. Какъ бы то ни было, Пісенский-Потоцкій былъ не единственнымъ образомъ магната, который думаетъ и заботится о вещахъ, полезныхъ и нужныхъ не только ему, но и окружающему обществу, краю. Типографіи на Украинѣ были лишь въ панскихъ имѣніяхъ; ученыя изслѣдованія дѣлались только магнатами, по ихъ почину и на ихъ средства: такъ, Дзѣдушицкій—частью подольской, но главнымъ образомъ галицкой магнатъ—взялъ на себя, и не только расходами, но и личнымъ трудомъ и рискомъ, нелегкое дѣло изслѣдованія Днѣстра въ цѣляхъ пользованія имъ для навигаціи; на счетъ Ржевускихъ предпринято было изслѣдованіе флоры Подолья. Но не на это направлены были, главнымъ образомъ, средства и силы магнатовъ, а на политику. Политика заслоняла собой все. Можно ли видѣть въ этомъ одно лишь стремленіе каждого магната стать у того источника благъ, откуда изливались всѣ эти староства, державства, широкое пользованіе которыми такъ питало магнатское могущество? Надо полагать, что было частью

и такъ. Но при этомъ нельзя отрицать, что лучшіе представители магнатства безкорыстно полагали, что на нихъ лежить нравственная ответственность за направление государственного корабля, и что потому они имѣютъ не только право, но и обязанность вести политику за собственный страхъ и рискъ. Сколько всяческихъ стараний прилагаемо было, чтобы усилить политическое значеніе своего рода путемъ установлениія связей съ коронованными особами, съ другими сильными родами; какихъ жертвъ стоило это иногда; какія трагедіи разыгрывались на этой почвѣ за толстыми стѣнами магнатскихъ замковъ: самъ Щенсный-Потоцкій всю жизнь носилъ на себѣ отпечатокъ угрюмости и меланхоліи, вынесенный имъ изъ впечатлѣній молодости, отравленной трагической смертью его первой любимой жены, которая пала жертвой политическихъ разсчетовъ его отца, гордаго „королька Руси“.

По строю польского государственного механизма, политическая права принадлежали всему польскому народу, подразумѣвая, конечно, лишь народъ шляхетскій, шляхту. Роль магнатовъ заключалась въ томъ, чтобы направлять слѣпую силу этой шляхты въ тѣхъ или иныхъ, своихъ, политическихъ видахъ.

Конечно, магнаты сдѣланы были изъ того же тѣста, что и остальная шляхта. Они были плоть отъ плоти и кость отъ кости всей массы шляхетскаго народа, насквозь пронитанного сознаніемъ своей чрезвычайной привилегированности, возносящей ея голову чуть-что не на высоту коронованныхъ головъ, свободно, весело и открыто попирающей право, особенно здѣсь, на Украинѣ, легкомысленной и буйной, своевольной и заносчивой. Были, какъ это всегда водится въ каждомъ обществѣ, многочисленныя промежуточныя ступени, которые вязали первѣйшаго изъ магнатовъ съ послѣдними представителями шляхетской бѣдноты, съ какимъ-нибудь ходаковыми или загоновыми шляхтичами, который развѣ только тѣмъ напоминалъ о своей привилегированности, что неохотно брался за плугъ и предпочиталъ,бросивши свой клочекъ, пристроится куда-нибудь на службу, а то и просто промышлять чужимъ добромъ, по болѣшимъ дорогамъ. Какие-нибудь Чацкіе или Велегорскіе,

Гижицкіе, Ильинскіе, Мнишки могли не имѣть ни богатствъ, ни политическаго вѣса Потоцкихъ или Чарторижскихъ, но, тѣмъ не менѣе, могли не только равняться съ ними, но и превосходить роскошью своихъ баловъ и пріемовъ, изысканностью кухни, качествомъ художественныхъ произведеній, украшающихъ ихъ дворцы. Но и небогатая шляхта тянулась изъ послѣдняго, чтобы обставить себя сообразно своему достоинству.

Вотъ, напр., передъ нами захудалый княжескій родъ князей Четвертинскихъ на Волыни. Обширное жилище надъ живописной Горынью все-таки напоминаетъ замокъ, и замкомъ зоветъ его окрестное населеніе: дворъ обнесенъ квадратной стѣной, по угламъ неуклюжіе приземистые бастіоны со стрѣльницами. Большую залу украшали турецкіе ковры, козацкіе бунчуки, какъ военные трофеи, шлемы и проч.; между окнами висѣли фамильные портреты, а колонны, поддерживающія тяжелые своды, обвѣшены были кругомъ небольшими венеціанскими зеркалами въ тяжелыхъ бронзовыхъ рамкахъ. По стѣнамъ лавки, обтянутыя коврами, посреди дубовый столъ, вокругъ него тяжелыя кресла, украшенныя вырѣзанными гербами, на столѣ громадный пергаментовый свитокъ съ генеалогіей рода. Но послѣдній гроши изъ скучныхъ доходовъ тратился на содержаніе приличной по количеству службы, которая могла бы въ случаѣ нужды быть надворнымъ войскомъ: такимъ образомъ, человѣкъ тридцать толкалось по дому и двору. Во главѣ этой службы стояло нѣсколько человѣкъ резидентовъ съ военными титулами неизвѣстнаго происхожденія; правда, все это было одѣто въ потертое платье, выѣзжало въ полѣ на очень скромныхъ и скромно убранныхъ лошадяхъ, но за то было буйно и крикливо, вѣчно готово какъ ухватиться за саблю, такъ и выпить добрую чарку.

Къ той же „кармазиновой“—въ противоположность сѣрой, ходачковой, или загоновой—шляхтѣ принадлежала еще и масса „одновескowychъ“ (весъ—деревня), „двувескowychъ“ владѣльцевъ, всюду въ изобилии разсыпанныхъ по Украинѣ. Они не могли содержать „службы“, а жены ихъ „фрауцимера“; они личнымъ трудомъ должны были участвовать въ веденіи своего маленькаго хозяйства; но они все-таки пѣсили, вмѣстѣ съ сознаніемъ

своей шляхетской привилегированности сознаніе своей личной независимости. Конечно, они должны были въ общественныхъ дѣлахъ примыкать къ тому или другому магнату, но это было дѣломъ ихъ свободного выбора. Магнатъ долженъ быть, въ извѣстномъ смыслѣ, заискивать передъ ними, склоняя ихъ на свою сторону, привлекать ихъ „шаркѣ и паркѣ, trunkiem и rosalunkiem“ (шапкой и хлѣбомъ, напиткомъ и поцѣлуемъ).

И такъ, вся эта шляхта разныхъ степеней богатства и знанія добровольно группировалась около того или другого магната, поддерживала его на сеймикахъ, сеймахъ и въ трибуналь, а за то получала его вліятельное содѣйствіе въ пріобрѣтеніи должностей, званій, знаковъ отличія. Но въ ряду съ этой независимой шляхтой стоялъ огромный контингентъ шляхты зависимой, тѣсно связавшей свою судьбу узами подчиненія или денежныхъ интересовъ съ тѣмъ или другимъ магнатскимъ домомъ, такъ что для нея уже не было свободы выбора. Отношенія, связавшія эту шляхту съ магнатами, разнообразны.

Каждый магнатскій дворъ былъ полонъ шляхтой. Большая часть этой шляхты состояла просто на положеніи слугъ и получала жалованье: такой шляхтичъ ъль за панскимъ столомъ, хоть и на нижнемъ концѣ, а за провинность могъ потерпѣть и тѣлесное наказаніе, правда, не на голомъ полу, а на диванѣ или коврѣ. Выше этихъ слугъ стояли „пріятели“ магнатскаго дома: это шляхтичи, не лишенные самостоятельнаго материальнаго обеспеченія, но предпочитавшіе проводить весело и пріольно жизнь при дворѣ магната, которому они умѣли быть чѣмъ-нибудь полезными или пріятными. Постоянныя „резиденты“ имѣли вблизи панскаго двора отведенные имъ самостоятельные дворики, гдѣ они могли проживать даже съ семьей. Затѣмъ панскій дворъ былъ окруженъ цѣлымъ роемъ оффіціалистовъ, т. е. шляхтичей, отправлявшихъ тѣ или другія обязанности въ громадныхъ магнатскихъ имѣніяхъ: губернаторы, подстаросты, лѣсничіе, ловчіе, люстраторы, скарбники и т. д. и т. д. Оффіціалисты дома Потоцкихъ или Чарторижскихъ составляли на Украинѣ силу, и много значительныхъ панскихъ домовъ выросло изъ ихъ среды. И, наконецъ, еще была одна группа

шляхты, зависящей вполнѣ отъ того или другого магнатского дома: это такъ называемые „державцы“, своего рода арендаторы. Шляхта съ разныхъ концовъ Рѣчи Посполитой въ цѣляхъ наживы являлась на Украину, чтобы „ходить державцами“. Такой шляхтичъ продавалъ свою тощую, выпаханную родовую землю, пріѣзжалъ на Украину и помѣщалъ свой капиталецъ у магната, получая за то кусокъ земли. Не смотря на страшный ростъ колонизаціи, свободныхъ земель было все-таки много, такъ что магнаты даже сами разыскивали подобныхъ державцевъ. Щенсны-Потоцкій каждой своей поѣздкой въ Варшаву пользовался, чтобы разыскать ихъ тамъ человѣкъ до десяти и больше. Иногда онъ не требовалъ даже и внесенія капитала, замѣняя это обезпеченіе рекомендацией известнаго ему лица. Кромѣ этихъ „заставныхъ державцевъ“, были еще и бесплатные державцы, которые получали отъ магнатовъ землю, случалось, и заселенную, какъ выраженіе магнатского благоволенія за какую-нибудь услугу. Въ заключеніе укажемъ еще на способъ, какимъ независимые по положенію шляхтичи привязывали свои утлые лады къ магнатскимъ кораблямъ. Если у шляхтича появлялся капиталъ, то онъ не зналъ другого способа дать ему вѣрное и доходное помѣщеніе, какъ внести „на проvizію“ въ кассу того или другого магната. Такимъ образомъ, всѣ эти „интересанты“, державцы—полноправные осѣдлые земляне—составляли главную политическую силу магната на сеймикахъ, отъ которыхъ зависѣлъ выборъ пословъ на сеймъ или депутатовъ въ трибуналъ.

Но что же представлялъ собой этотъ шляхетскій народъ, оттѣснившій и подтоптившій себѣ подъ ноги тотъ настоящій народъ, который дѣдалъ до сихъ поръ украинскую исторію?

Украинская шляхта первыхъ десятилѣтій 18-го в. была очень груба и невѣжественна, особенно на отдаленныхъ окраинахъ, брацлавскихъ, кіевскихъ и подольскихъ. Одичаніе было естественнымъ послѣствиемъ тѣхъ условій, о которыхъ была рѣчь выше. Даже мѣстное духовенство, этотъ всегданій но-ситель просвѣщенія, раздѣляло съ паствой ея темноту: преоры, префекты школъ, пробоющі, уніатскіе попы, монахини, на обязан-

ности которыхъ лежало образованіе шляхетскихъ дочерей,—все это едва умѣло подписать свое имя. Одни іезуиты составляли въ этомъ отношеніи нѣкоторое исключеніе. Съ теченіемъ времени положеніе стало мѣняться. Съ ростомъ колонизаціи и упорядоченіемъ отношеній на Украинѣ появились магнаты, и магнатскіе дворы сдѣлались источниками просвѣщенія для окружающей шляхты. Положимъ, просвѣщеніе это не захватывало глубоко: оно касалось больше смягченія формъ жизни, лоска и утонченности въ обстановкѣ и взаимныхъ отношеніяхъ. Дѣло шляхетскаго образованія прошло успѣшнѣе, когда за него взялись піаре и базиліане, которые вытѣснили изъ Украины іезуитовъ. Параллельно замѣчается идущее *crescendo* развитіе французскаго вліянія. Къ концу столѣтія вліяніе это проникло до самыхъ отдаленныхъ окраинъ, изгоняя изъ шляхетской среды національный обычай. Распространилась игра на цитрѣ, арфѣ или гитарѣ, танцы, мода начала забирать свою неограниченную власть надъ виѣшними формами жизни. Румяна и бѣлила, духи и пудра вошли въ общее употребленіе въ самыхъ отдаленныхъ шляхетскихъ деревушкахъ. Мѣсто четокъ и молитвенника замѣнили сочиненія г-жи Жанлисъ. Литература, печатная и писанная, въ видѣ стиховъ разнообразнаго содержанія, сатиръ, газетъ, заграничныхъ и варшавскихъ, начала входить въ обыденный обиходъ у самой захолустной шляхты.

Вмѣстѣ съ тѣмъ имѣли, конечно, полный доступъ въ шляхетскую среду и французскія идеи, служившія ферментомъ для жизни и мысли всей Европы. Но имѣя полный доступъ, онъ, эти идеи, не имѣли тѣмъ не менѣе никакого вліянія. Ни *liberté*, ни *egalité* не были для шляхтича какими-нибудь новыми понятіями: онъ самъ постоянно кричалъ на сеймикахъ въ защиту „золотой вольности“ шляхетскаго народа, и послѣдній шляхтичъ на огородѣ зналъ, по пословицѣ, что онъ равенъ воеводѣ. Но не смотря на это, а, можетъ-быть, именно поэтому, истинный гуманный смыслъ французскихъ идей былъ совершенно чуждъ украинскому шляхтичу. Мало того: тѣ гражданскія чувства, въ которыхъ мы не можемъ отказать шляхтѣ старого времени, какъ-бы вымираютъ въ шляхтѣ 18-го в.. Въ политическихъ

вопросахъ украинскіе шляхтичи слѣдуютъ указаніямъ магнатовъ, которые группируютъ ихъ около себя приманками разныхъ выгодъ. Такой шляхтичъ, въ интересахъ того или другого лица, свободно береть на себя презрѣнную роль тормаза общественной жизни, „срывача“ сеймиковъ; выбранный въ посты, готовъ онъ нести на сеймъ, въ угоду своему магнату, безконечно длинныя, безмѣрно скучныя рѣчи; безъ всякой критики, безъ всякаго обращенія къ своей совѣсти и своему личному убѣжденію, поворачиваетъ онъ за всѣми поворотами магнатскаго корабля. Однако корыстный разсчетъ могъ побудить шляхтича и отцѣпиться отъ своего магната: известно, какъ много украинской шляхты всѣхъ партій перешло на сторону политическихъ русскихъ симпатій, руководствуясь стремленіемъ получить свою долю въ выгодахъ отъ подрядовъ по поставкѣ провіанта и фуража для русскихъ войскъ. На такой нездоровой почвѣ должно направленной общественной жизни развилось въ средѣ украинской шляхты мелочное честолюбіе, стремленіе къ титуламъ, званіямъ, знакамъ отличія. Стемпковскій, пользуясь исключительной благосклонностью короля Понятовскаго, держаль при помощи этой приманки въ своихъ рукахъ всю шляхту кіевскаго воеводства. Онъ не способенъ былъ указывать другимъ дорогъ чести и патріотизма, такъ какъ самъ не зналъ ихъ, но шляхта тѣмъ не менѣе готова была идти за нимъ куда угодно: за то же около Стемпковскаго не было шляхтича, хотя бы изъ одновескowychъ, который бы не былъ украшенъ какой-нибудь ленточкой.

Чувство привилегированности выродилось въ шляхетской массѣ въ чудовищный сословный эгоизмъ. Отечество есть каста гербовыхъ, осыпанная съ головы до ногъ привилегіями; свѣтъ созданъ на то, чтобы доставлять шляхтичу возможно больше всякихъ удобствъ, которыми онъ имѣеть право пользоваться, не давая себѣ труда двинуть пальцемъ; никто не въ правѣ требовать у него ни малѣйшей жертвы, хотя бы отъ этого зависѣло спасеніе отечества: таковъ былъ общепринятый кодексъ шляхетскихъ понятій. Шляхтѣ принадлежитъ только легкая, веселая и выгодная сторона жизни. Однако, можетъ-ли пра-

вильно двигаться общественная жизнь, если руководящія его единицы кладутъ въ основаніе своихъ дѣйствій подобные принципы? Очевидно, нѣтъ; это было слишкомъ ясно. Но здѣсь на выручку явилась оригинальная формула: *Polska stoi nierzadem* (т. е. Польша держится безпорядкомъ), слѣд.—поведеніе, неумѣстное и пагубное въ иныхъ мѣстахъ, въ шляхетской Польшѣ какъ разъ правильно и спасительно. Жизнь разбила эту иллюзію, выросшую на почвѣ грубаго сословнаго эгоизма.

А. Ефименко.

(*Окончаніе слѣдуетъ*).

Слѣды водопроводныхъ сооруженій въ г. Кобелякахъ Полтавской губ. и надъ рѣкой Высью на границѣ кievской и херсонской губ.

(въ связи съ некоторыми данными о колонизаціи полтавщины).

Лѣтомъ въ 1890 г. въ г. Кобелякахъ, на Юрьевкѣ, мнѣ пришлось произвести небольшую раскопку съ цѣлью прослѣдить положеніе и направленіе заложенныхъ въ грунтѣ „глиняныхъ трубъ“, о существованіи которыхъ въ этой мѣстности узналъ я отъ мѣстныхъ жителей. Послѣ недолгихъ неудачныхъ попытокъ опредѣлить мѣстонахожденіе этихъ трубъ, на слѣдъ ихъ пришлось попасть въ огородъ козака Мелентія Ткаченка. Трубы изъ красной глины, довольно слабаго обжога, представлявшія собою небольшіе, однообразные по конструкції, рукава вершковъ въ 6 длиною и отъ $1\frac{1}{4}$ до 2 вершковъ шириной въ узкой части рукавовъ; въ болѣе же широкой ихъ части ширина достигала $2\frac{1}{2}$ — $3\frac{1}{4}$ вершковъ (приблизительно). Толщина стѣновъ рукавовъ около $\frac{1}{2}$ дюйма.

Трубы заложены были въ грунтѣ на глубинѣ $3\frac{1}{4}$ аршина отъ поверхности. Рукава трубы узкими своими сторонами были вставлены въ болѣе широкія отверстія, при чмъ черезъ 5—6 рукавовъ направленіе узкихъ и широкихъ отверстій обратно измѣнялось. Обнаруженная водопроводная труба шла по направленію отъ запада къ востоку, отъ небольшой рѣчки Кобелячка по направленію къ сравнительно возвышенной площади, занятой въ настоящее время выгономъ и застроенной вѣтряками, почти въ центрѣ современной городской черты. Направленіе водопро-

водной трубы можно опредѣлять и обратно, смотря потому, для водопровода ли, въ ближайшемъ смыслѣ этого слова, или для дренажа заложена была въ грунтѣ водопроводная труба.

Мѣстность, гдѣ найдены отмѣченные слѣды водопроводной трубы, представляетъ низменную, съ самымъ незначительнымъ склономъ, долину рѣчки Кобелячка. Мѣсто нашей находки (огородъ козака Мелентія Ткаченка) по прямой улицѣ отъ отмѣченного выше выгона съ вѣтряками прямо на западъ къ рѣчкѣ Кобелячку лежитъ приблизительно на $\frac{1}{3}$ разстоянія къ этому послѣднему, что составляетъ до 300 погонныхъ саженей. Мне, въ сотрудничествѣ мѣстнаго псаломщика С. Л. Сысоева, удалось найти только часть водопроводной трубы, занимавшей около 2 сажень въ длину и состоявшей изъ двухъ съ лишнимъ десятковъ рукавовъ различной толщины. Довольно продолжительныя попытки наши найти продолженіе этой трубы какъ по направленію къ возвышеному выгону, такъ и по направленію къ рѣчкѣ были безуспѣшны. Но необходимо замѣтить, что, по свѣдѣніямъ мѣстныхъ жителей, части, повидимому, этой же водопроводной трубы найдены были однимъ изъ учителей мѣстной прогимназіи до 1890 года и еще какими-то пріѣзжими любителями мѣстной старины послѣ этого времени. Было бы весьма желательно, чтобы и обѣ этихъ находкахъ появилось въ печати извѣщеніе съ фактическими подробностями.

Одинъ изъ рукавовъ водопроводной трубы, найденныхъ въ одной изъ этихъ послѣднихъ находокъ, доставленъ между прочимъ въ полтавскій земскій естественно-историческій музей. Свыше десятка рукавовъ водопроводной трубы изъ нашей экскурсіи хранится пока у С. Л. Сысоева¹⁾.

Переходя къ выясненію вопросовъ о томъ, къ какому времени и къ какому сооруженію слѣдуетъ отнести несомнѣнно существовавшую въ отмѣченной нами мѣстности водопроводную трубу, необходимо замѣтить, что для рѣшенія этихъ вопросовъ нѣть точныхъ данныхъ. Допуская болѣе или менѣе вѣро-

¹⁾ Если этотъ остатокъ старины возбудить у какого либо исследователя особый интересъ, то мы съ полной готовностью передадимъ ему нашу находку.

ятныя предположенія въ данномъ случаѣ, мы обращаемъ вниманіе прежде всего на ту характерную черту, что въ памяти мѣстныхъ старожиловъ, ни на Юрьевкѣ, ни вообще въ городѣ Кобелякахъ, ни въ окрестности не сохранилось ни малѣйшихъ следовъ воспоминаній о какомъ-либо сооруженіи или о какихъ-нибудь приспособленіяхъ, къ которымъ можно бы было пріурочить водопроводную трубу. Обстоятельство это побуждаетъ насъ отодвинуть возможность какого-либо сооруженія въ этой мѣстности по крайней мѣрѣ на 150—200 лѣтъ отъ нашего времени. Если мы обратимся къ тому времени, то передъ нами будетъ послѣдняя пора гетманщины въ лѣвобережной Украинѣ. Существовавшая въ то время система хозяйства и вообще бытовая культура на Украинѣ, въ одной изъ наименѣе культурныхъ мѣстностей вслѣдствіе близости къ татарской границѣ, не допускаютъ возможности существованія ни усовершенствованного дренажа въ цѣляхъ осушенія мѣстности, ни тѣмъ болѣе водопровода въ цѣляхъ снабженія рѣчной водой поселеній на прирѣчной возвышенности. Хозяйство на Украинѣ лѣтъ 150—200 назадъ, какъ свидѣтельствуетъ относящейся къ этому времени дневникъ генерального подскарбія Марковича, велось самое примитивное, въ зависимости, главнымъ образомъ, отъ сравнительно избыточна земель, представлявшихъ въ то время весьма незначительную цѣнность, почему и интенсивная культура, обычно сопровождающая густое населеніе въ предѣлахъ тѣсной территории, не могло имѣть мѣста въ то время, и допускать въ данномъ случаѣ примѣненіе дренажа, излишняго при многоземельи, было бы неосновательно. Еще менѣе основательнымъ явилось бы предположеніе о существованіи на мѣстѣ Кобелякъ за время гетманщины поселенія, пользующагося искусственнымъ и сравнительно дорого стоющимъ водопроводнымъ сооруженіемъ.

Многочисленныя документальныя данныя приведенные въ „Очеркахъ изъ исторіи колонизаціи и быта степной окраины Московскаго государства“ Д. И. Багалѣя, а также во 2 томѣ „Исторіи Запорожскихъ козаковъ“ Д. И. Эварницкаго, свидѣтельствуютъ, что во второй половинѣ 17 столѣтія мѣстность по Ворсклѣ въ предѣлахъ нынѣшняго Кобелякскаго уѣзда пред-

ставляла такую окраину, гдѣ только начиналъ возникать культурный бытъ, при чемъ устраивавшіеся въ ту пору укрѣпленные города носятъ определенные признаки несложныхъ земляныхъ укрѣпленій и созидаются обычно на мѣстахъ, не представляющихъ затрудненій по водоснабженію. Относящаяся еще къ болѣе раннему времени (ко второй четв. 17 столѣтія) обстоятельная карта поселеній на Украинѣ, составленная Бопланомъ, также даетъ прямая указанія на почти пустынныи характеръ мѣстностей по Ворсклѣ, ниже г. Полтавы и до впаденія этой рѣчки въ Днѣпръ. На всемъ этомъ протяженіи ниже Полтавы мы находимъ только Терешки, Старки и Новые Сенжары, представлявшія тогда незначительныи поселенія (на картѣ знакъ радиа—деревня), Бѣликовъ бродъ и городъ Кобилакъ. (Kobilak). Укрѣпленіе этого города отмѣчено на Боплановской картѣ такимъ же знакомъ, какимъ отмѣчены и укрѣпленія Полтавы, Гадача, Миргорода, Лохвицы и другихъ нынѣшнихъ уѣздныхъ городовъ полтавской губерніи, за исключеніемъ Зѣнькова и Пирятинъ, которыхъ, судя по картѣ Боплана, еще не существовало въ то время, даже въ видѣ незначительныхъ поселеній. Допускать сооруженіе въ эту пору водопровода на мѣстѣ нынѣшняго города Кобелякъ не представляется основательнымъ уже по одному тому, что какъ въ чертѣ этого города, даже въ самыхъ высокихъ его пунктахъ, такъ и вообще во всей этой мѣстности не представляется никакихъ затрудненій пользоваться водою изъ колодцевъ. Въ такое близкое къ намъ, въ геологическомъ отношеніи, время въ этой мѣстности уровень почвенной воды былъ, разумѣется, такой же, какъ и въ настоящее время, и колонизующіе въ ту пору приворсклянскую мѣстность южнорусскіе казаки могли вполнѣ удовлетвориться водою изъ колодцевъ. О какой либо интенсивной культурѣ за времена Боплана на мѣстѣ Кобелякъ также не можетъ быть рѣчи въ виду того, что, какъ видно на названной картѣ, вся мѣстность между рѣчками Ворсклою и Псломъ представляла „чистое поле“, при чемъ весьма характерно то обстоятельство, что на лѣвомъ берегу этой рѣки не было ни одного поселенія на протяженіи всего теченія ея въ границахъ нынѣшней полтавской губерніи,

тогда какъ правый берегъ осаженъ быль сравнительно частыми поселеніями, начиная отъ литовскаго рубежа, близь Гадяча, и до впаденія въ Пселъ рѣки Голтузы, при устьи которой на мѣстѣ нынѣшняго мѣстечка Голтузы быль старый укрѣпленный городъ этого же имени. Таковъ быль характеръ занимающей насъ мѣстности въ 2-ой четверти XVII вѣка.

Акты о заселеніи Юго-Западной Россіи¹⁾, заключающіе между прочимъ въ нѣкоторомъ родѣ статистическія описанія приднѣпровскихъ замковъ, съ опредѣленными указаніями относительно большей половины территоріи нынѣшней полтавской губерніи, представляютъ весьма убѣдительныя доказательства того, что въ началѣ второй половины XVI вѣка очень значительная часть Полтавщины только начинала заселяться. Акты эти указываютъ, что Полтавщина въ ту пору не только не имѣла самостоятельныхъ культурныхъ центровъ, но и въ хозяйственномъ отношеніи непосредственно тяготѣла къ днѣпровскимъ укрѣпленнымъ городамъ: къ Кіеву, Каневу и къ Черкассамъ. Мѣщане и козаки этихъ „замковъ“ пользовались уходами по р. Трубежу (Кіевск. замокъ), по нижнему и среднему течению р. Сулы, по Оржицѣ, Удаѣ, Сулицѣ, по Хоролу, по нижнему и среднему течению Псла (уходы Каневскаго замка); и къ Черкасскому замку на территоріи нынѣшней полтавской губ. тянули „Бѣлобережье“ при Днѣпрѣ (гдѣ-то между устьями Суноя и Сулы), „станъ“ при устьи Сулы, „станъ“ при горѣ „Пива близъ Градижска“ и уходы по Ворсклѣ и Орели; весьма интересно, что остальные уходы Черкасскаго замка лежали внизъ по Днѣпру, на значительномъ разстояніи отъ предѣловъ нынѣшней полтавской губ. по Самарѣ, Протовчѣ, обоихъ Ингулахъ на Днѣпровскихъ порогахъ, по р. Базавлуку, по р. Томаковкѣ, даже—до Тавани. На этихъ уходахъ ухажаи ловили рыбу, бобровъ, устраивали ловы на звѣрей, добывали медъ (борты и свепеты); хлѣбопашествомъ занимались только въ „селахъ“ (на поляхъ) близъ замковъ. Весьма характерно, что въ значительную часть этихъ уходовъ для промысловъ приходили

¹⁾ Архивъ Юго-Западной Россіи, ч. VII, т. I, стр. 77—122.

не только жители названныхъ замковъ, но и Чернобыльцы, Мозырцы, Петриковцы, Быховцы, Могилевцы и иные чужегородцы, уплачивая въ пользу старости частью деньгами и различнымъ товаромъ, частью натурою изъ предметовъ добычи.

Въ названныхъ актахъ отмѣчены какъ отдѣльные уходы, между прочимъ земля „Лубъни“ по Сулѣ, земля Пирятинская на „Удои“. О такихъ „земляхъ“ въ актахъ говорится, что по нимъ ходятъ: или такой-то отчить, или половиники—козаки; или говорится безлично „ходять на замокъ“. Очевидно, что мы видимъ территорію, только начинавшую заселяться, послѣ того какъ новгородъ-съверское, Переяславское княжества прекратили свое существование.

Существенно важное значеніе имѣть указаніе актовъ на то, что въ то время, какъ различные отчици, мѣщане, драбы и чужегородцы приходили въ эти уходы только временно, козаки, по записи люстратора со словъ опрашиваемыхъ имъ современниковъ, начинали „уставичне (т. е. постоянно) тамъ жить на мясе, на рыбе, на меду зъ пасекъ, зъ свенетовъ... сытять тамъ собе медъ, яко дома“. Въ этомъ свидѣтельствѣ, какъ намъ кажется, заключается ключъ къ выясненію дальнѣйшей колонизаціи Полтавщины. Не менѣе важною въ этомъ же смыслѣ является запись, приводимая въ актахъ „о початку (началѣ) Черкасъ и Канева“¹⁾. Въ этой записи, передающей намъ, вѣроятно, частію мѣстное преданіе, частію историческія свѣдѣнія люстратора о временахъ сравнительно къ нему близкомъ, говорится, что уходы по рѣкамъ (изъ которыхъ названы выше только главнѣйшіе, тянувшіе къ Каневу) доступны были каневцамъ съ самаго начала существованія Черкасъ и Канева въ силу того, что каневцы всѣ тѣ рѣки также и другія рѣчки „Севирскія“ считали прежней своей отчизной, и все время съ основанія Канева ходили туда для промысловъ въ качествѣ ухожаевъ. Передвинуты были каневцы изъ своей отчизны великимъ княземъ Литовскимъ Витовтомъ (котораго люстраторъ по ошибкѣ или обмолвкѣ называлъ Гедиминомъ) послѣ его завоевательныхъ походовъ противъ

¹⁾ Архивъ Юго-Западной Россіи, ч. VII, т. I, стр. 103.

крымскихъ татаръ и кавказскихъ горцевъ. Набравъ плѣнниковъ на Кавказѣ, Витовтъ поселилъ часть ихъ надъ Днѣпромъ въ основанномъ тогда же городѣ Черкассахъ, а другую часть осадилъ по р. Слѣпороду, въ предѣлахъ нынѣшнихъ пирятинского и лубенского уѣздовъ; коренные же жители этой мѣстности, „слѣпорожане“ поселены были Витовтомъ въ Каневѣ. Вотъ откуда возникло право каневцевъ на уходы. Запись люстратора въ той части, которая касается основанія города Черкассы, подтверждается данными и изъ другихъ достовѣрныхъ источниковъ¹⁾. Что касается части о переселеніи слѣпорожанъ въ Каневъ, то и эта подробность вполнѣ вѣроятна при отмѣченныхъ нами выше соображеніяхъ объ источникахъ этой записи. Подробность эта подтверждается, по нашему мнѣнію, также другимъ довольно вѣскимъ источникомъ, а именно—картой распространенія говоровъ малорусскаго языка П. Чубинскаго. На этой картѣ отмѣченный выше Путивльскій рубежъ, проходящій подъ Княжей горой по р. Сулицѣ, поразительно совпадаетъ съ границей по одну ея сторону каневско-полтавскаго говора, по другую—говора сѣверско-польскаго. Совпаденіе врядъ-ли случайное. Во всякомъ случаѣ приведенные данныя о заселеніи Черкассы и Канева проливаются нѣкоторый свѣтъ на начало колонизаціи нынѣшней Полтавщины въ періодъ Литовской Руси²⁾). Въ этотъ періодъ, весьма вѣроятно, мѣстность при впаденіи Кобелячка въ Ворсклу лежала пустою, точно такъ же, какъ пустовали различные земли по Сулѣ, Удаѣ Хоролу и Пслу.

Углубляясь постепенно въ болѣе давнія времена, не представляется основанія допускать сооруженія водопроводной трубы на мѣстѣ Кобелякъ въ теченіе всего періода со времени татарскаго нашествія. Весь XII и конецъ XV вѣка наполнены чрезвычайно частыми и разрушительными набѣгами какъ на Литовскую, такъ и на Московскую Русь, а до этого времени, съ самаго начала татарскаго нашествія, занимающая нась мѣст-

¹⁾ Антоновичъ В. Б., Исторія Руси до Монголовъ.

²⁾ П. Чубинскій. III ч., VII т. Малоруссы Юго-Западнаго края.

ность находилась подъ безраздѣльнымъ владычествомъ татаръ. Трудно допустить, чтобы въ эту пору могъ существовать затерявшійся въ степи при впаденіи р. Кобелячка въ Ворсклу какой-то безвѣстный городъ съ водопроводнымъ сооруженіемъ.

Уходя еще въ болѣе далекое прошлое, въ при-Днѣпровскихъ степяхъ мы видимъ кочевниковъ тюркскаго корня: половцевъ, торковъ, берендейевъ, печенѣговъ, обитавшихъ здѣсь частью послѣдовательно, начиная съ печенѣговъ, частью въ неясной для насъ путаницѣ, со временемъ выступленія древней кievской Руси на историческую сцену. И эти кочевые племена, не строившія городовъ, какъ доказано въ трудѣ г. Голубовскаго „О южно-русскихъ степяхъ“, не могли оставить послѣ себя слѣда въ видѣ водопроводной трубы на мѣстѣ Кобелякъ.

Далѣе двигаться въ глубь исторіи занимающей насть мѣстности мы не компетентны. Кобелякская водопроводная труба, имѣющая, повидимому, значеніе весьма серьезнаго вещественнаго памятника исторіи для данной мѣстности, принадлежитъ культурѣ народа жившаго здѣсь, правдоподобно, до эпохи великаго переселенія народовъ изъ Азіи въ Европу,—быть можетъ, того самаго народа, который строилъ водопроводныя сооруженія въ Крыму и на Кавказѣ, гдѣ они сохранились, какъ свидѣтель глубоко интереснаго прошлаго, до нашего времени.

Остановиться на высказанномъ предположеніи побуждаютъ насть также даннаго, относящіяся къ другому слѣду, повидимому, точно также водопроводной трубы, на границѣ кievской и херсонской губерніи, при впаденіи рѣки Липянки въ р. Высъ, на правомъ берегу этой послѣдней, близъ д. Арсеньевки. Даннаго, относящіяся къ этому слѣду, къ сожалѣнію очень скучдны. Узнавъ по слухамъ о существованіи вещественныхъ признаковъ какой-то загадочной трубы въ земляномъ грунтѣ на берегу р. Выси, я поспѣтилъ эту мѣстность лѣтъ 8 назадъ. Данная мѣстность, верстахъ въ 2 отъ д. Арсеньевки, представляетъ слѣдующія особенности. Противъ низкаго лѣваго берега р. Выси (Елисаветградская сторона) возвышается на 2—3 сажени правый холмистый ея берегъ, круто спускающійся къ рѣкѣ на разстояніи 10—15 саженей отъ современнаго ея русла, дости-

гающаго, впрочемъ, и въ наше время до подъема праваго берега при значительныхъ весеннихъ разливахъ. Высокій берегъ незначительной въ настоящее время рѣчки Выси представляеть въ этомъ мѣстѣ небольшой выступъ. Въ этомъ-то выступѣ, аршина на 2 ниже поверхности праваго берега, слегка поднимающагося въ глубину звенигородскаго у. (кіевской губ.) и заложена водопроводная труба. Въ экскурсіи, предпринятой не съ археологической цѣлью, мнѣ не удалось здѣсь произвести раскопку, а пришлось ограничиться наблюденіемъ цѣлой кучи свѣже-разбитыхъ черепковъ, отъ смыканія которыхъ, дѣйствительно, получались рукава трубы шириною около 3— $3\frac{1}{2}$ вершковъ въ діаметрѣ (определить длину рукавовъ по смыканію черепковъ намъ не удалось). Матеріаломъ для выѣлки этой трубы послужила мѣстная красная глина съ значительной примѣсью желѣзной руды, вслѣдствіе чего стѣнки рукавовъ трубы при сильномъ обжогѣ получили темноватый цвѣтъ съ свинцовымъ отливомъ, при чемъ на значительную примѣсь въ глине желѣзной руды указываютъ довольно частыя блестки, наблюдалемыя при разламываніи черепковъ. Мой спутникъ по экскурсіи въ эту мѣстность, свящ. села Копанокъ елисаветградскаго у., объяснилъ, что масса битыхъ черепковъ при разрытомъ въ небольшую пещеру отверстіи, указывавшемъ на мѣсто находженія трубы, образовалась въ теченіе послѣднихъ нѣсколькихъ мѣсяцевъ послѣ того, какъ однимъ пастухомъ случайно открыть былъ крайній рукавъ трубы; по разсказамъ пастуха въ сосѣднихъ поселкахъ разнеслась молва, что въ этомъ мѣстѣ открыть ходъ въ какой-то загадочный погребъ, вслѣдствіе чего наиболѣе любопытные и предпріимчивые крестьяне изъ сосѣднихъ деревень приходили сюда, ломали головы по поводу незначительности отверстія и изумлялись, находя, что отверстіе это сплошь заложено диковинными для нихъ рукавами глиняной трубы. Однимъ изъ первыхъ посѣтителей этого мѣста былъ и сопровождавшій меня священникъ с. Копанокъ, встрѣча съ которымъ и привела меня сюда. Теперь я узналъ отъ моего спутника, что крестьяне, расковыривая заступами мѣсто выхода трубы въ сторону рѣки и доставая ненужные и неинтересные для нихъ рукава ея,

обыкновенно здѣсь же и разбивали ихъ, пробуя крѣпость мате-
риала, изъ котораго сдѣланы трубы. Этимъ и ограничиваются
фактическія данныя, относящіяся непосредственно къ водопро-
водной трубѣ при впаденіи рѣчки Липянки въ р. Высъ. Мѣст-
ность по небольшой рѣчкѣ Выси, впадающей въ Синюху (исто-
рическая рѣка Синія-воды), представляетъ слегка холмистую по-
верхность какъ по правую, такъ и по лѣвую сторону этой рѣчки.
Характерна рѣчка Высь многочисленными притоками, вли-
вающимися въ нее какъ съ кіевской, такъ и особенно съ хер-
сонской стороны ¹⁾). Окрестности р. Выси отличаются живопис-
нымъ характеромъ, о чёмъ между прочимъ свидѣтельствуютъ и
такія названія примыкающихъ къ мѣсту закладки водопровод-
ной трубы мѣстностей, какъ Краснополье, Красногорка. На ряду
съ этими явно славянскими названіями встрѣчаются въ окрест-
ности и названія, свидѣтельствующія о пребываніи здѣсь чуждыхъ
славянамъ народовъ. Таковы названія: Калигорка (рѣчка и по-
селеніе) Кильтенъ (рѣчка и поселеніе) Тикичъ (рѣка), Ятрань
(рѣка, воспѣтая въ южнорусскомъ пѣсенномъ творчествѣ за
свои живописные берега); верстахъ въ 50 по прямому на-
правленію отъ занимающаго насъ мѣста находится и знамена-
тельный для изслѣдователя историческаго прошлаго Южной
Руси г. Ольвіополь (Орликъ—тожъ), при впаденіи Синюхи въ
Бугъ.

Отмѣченныя топографическія данныя приведены здѣсь не
для того, чтобы изъ нихъ сдѣлать какой-либо выводъ по зани-
мающему насъ вопросу, а для того, чтобы отчетливѣе охарак-
теризовать мѣстность, для которой въ смыслѣ выясненія ея
прошлаго есть достаточно прямыхъ и косвенныхъ указаній
какъ въ различныхъ изданіяхъ историческихъ актовъ, такъ и въ
нѣкоторыхъ изслѣдованіяхъ, относящихся къ южной Россіи. От-
мѣченные источники представляютъ эту мѣстность почти совер-
шенно пустынною, по крайней мѣрѣ съ XV вѣка. За Синюхой
и Высью, служившими границей Запорожскихъ владѣній въ

¹⁾) Названія этихъ незначительныхъ рѣчекъ не обозначены на картѣ, кото-
рою мы пользуемся; эти названія известны б. ч. только мѣстнымъ жителямъ.

сторону степи, начиналось „Дикое поле“, гдѣ пролетали лишь время отъ времени татарскіе чамбулы, направлявшіеся для добычи въ правобережную Украину и возвращавшіеся оттуда съ ясыремъ по боковымъ сакмамъ Чернаго шляха; или проносились запорожскіе сторожевые отряды, оберегавшіе границы Запорожскаго войска отъ хищныхъ сосѣдей.

Невозможно и вадъ Высью представить существованія какого-либо поселенія, какъ за время татарскаго владычества въ черноморскихъ степяхъ, такъ равно и за время обитанія здѣсь названныхъ выше кочевыхъ тюрескихъ племенъ. Время сооруженія водопроводной трубы надъ р. Высью еще съ большимъ основаніемъ, чѣмъ при впаденіи Кобелячка въ Ворсклу, приходится отодвинуть до эпохи, предшествующей великому переселенію народовъ.

Мы останавливаемся передъ исторической гипотезой о распространеніи племени греческой культуры не только по Нижнему Днѣпру, изумляющему изслѣдователя дивными остатками старины, но въ области средняго Днѣпра до Киева. Отвергать эту гипотезу мы не имѣемъ данныхъ, но и въ подтвержденіе ея къ извѣстнымъ въ исторической литературѣ соображеніямъ по данному вопросу съ своей стороны почти ничего не можемъ прибавить.

Нелишеннымъ извѣстнаго значенія, быть можетъ, окажется въ свое время фактъ находки хранящейся у меня маленькой урны очень тонкой, изящной, по всѣмъ признакамъ греческой работы. Урна найдена въ чертѣ крестьянскаго надѣла с. Мироновки александрийскаго уѣзда, херсонской губ. въ курганѣ, раскопанномъ крестьянами въ надеждѣ на отысканіе чего-либо цѣннаго. Въ курганѣ, кромѣ названной урны, найдены крестьянами также каменные и стеклянныя бусы и серги изъ зубовъ какого-то животнаго. Бусы и серги въ настоящее время хранятся въ археологической коллекціи елисаветградскаго реального училища ¹⁾:

¹⁾ Сообщенные подробности раскопки нѣсколькихъ кургановъ Мироновскими крестьянами изложены въ работѣ В. И. Ястребова о раскопкахъ въ херсонской губ. въ XIII т. „Древностей“.

Не лишены фактическаго значенія по затронутому вопросу также находки на Днѣпровскомъ о—вѣ Каменоватомъ противъ м. Лоцманской Каменки, близъ Екатеринослава¹⁾. Лѣтомъ 1884 г. на этомъ о—вѣ, на половину разрушенномъ Днѣпромъ на памяти мѣстныхъ старожиловъ, найденъ мною въ ряду другихъ предметовъ далекой старины остатокъ маленькаго сосуда матоваго стекла, искусной работы, и оловянныя пломбы съ оттиснутыми на нихъ довольно отчетливыми инициалами. Нижняя часть маленькаго сосуда признана В. Б. Антоновичемъ за остатокъ слезницы греческаго типа, а пломбы, по опредѣленію этого же почтеннаго историка и археолога, носятъ слѣды также греческой культуры временъ Имперіи. Тотъ и другой предметы вмѣстѣ съ другими моими находками на Каменоватомъ о—вѣ хранятся также въ коллекціи при Реальному училищѣ въ Елисаветградѣ.

Левъ Падалко.

¹⁾ Островъ Каменоватый при Бопланѣ носилъ название Князева о—ва, съ каковымъ называниемъ вошелъ онъ въ „Описание Украины“.

ВОСПОМИНАНИЯ СВЯЩЕННИКА О. ФЕОДОРА КИСТЬЯКОВСКАГО.

(1807—185... г.¹⁾).

Весьма часто мнѣ припоминаются рекреаціи тогдашняго времени. Ученики собираются 1-го мая въ классъ, потомъ, посовѣтовавшись и переговоривши, выходятъ и становятся въ шеренги въ нѣсколько рядовъ возлѣ оконшекъ инспекторскаго дома и вдругъ вскрикиваютъ всѣ въ одинъ тактъ. На крыльце съ веселымъ видомъ выходитъ инспекторъ, привѣтствуетъ съ первымъ мая и отпускаетъ погулять на весь день, по заведенному тогда порядку, въ Еловщину, приказываетъ не шумѣть, не драться и не ссориться, говоря, что и онъ самъ туда прибудетъ съ учителями.

Семинаристы же отправляются въ Елецкій монастырь къ ректору, гдѣ также получаютъ отпускъ.

Богословы дѣлаютъ складчину, заблаговременно закупаютъ вино и закуски, которыя хранили въ моемъ большомъ сундуке нашъ учитель Гордіевскій, бывшій распорядителемъ и казначеемъ. Вслѣдствіе этого все приготовленное и хранилось въ его квартирѣ. Въ моемъ сундуке хранились также и деньги мѣдныя, какъ расхожія, такъ и харчевые. Ключъ иногда находился у меня, но я большею частію отдавалъ его учителю, боясь, чтобы его у меня не стащили и не поворовали хранящагося тамъ.

¹⁾ См. „Кіев. Стар.“ 1895 г., № 2.

По прибытии на квартиру снимали блины или хлебъ съ саломъ и, не дожидалась обѣда, отправлялись въ Еловщину, запасшись провизіей для полудня. Обыкновенно накупалось побольше говядины, которая вскоро зажаривалась и забиралась, и больше всего хлеба и сала. Учитель нашъ Гордіевскій съ нѣсколькими товарищами нагруживалъ нанятую повозку заготовленной провизіей: боченками съ виномъ, квартъ по пять, штофами съ пуншевкой, а также закусками: икрой, балыкомъ, копченными колбасами, селедками и пр. Въ повозку же укладывали нѣсколько самоваровъ и сундуки, еще раньше нагруженный посудой чайной и для закуски.—Изъ богослововъ здѣсь присутствовало два товарища-дружка Зосимовичъ и Прозоровъ, очень часто посѣщавшіе и безъ того квартиру нашу. (Бесѣда всегда оканчивалась нѣсколькими крючками водки и закуской изъ сала или, если случались колбасы, то тутъ же въ грубкѣ зажаривались съ яйцами, въ которыхъ, особенно весною, недостатка не было). Другая партия богослововъ также припасала все нужное, отвозила столъ и стулья. Дня за два или за три избиралось мѣсто, очищалось, дѣлались искусственная земляная канапе, кресла. Мѣсто это обсаживалось кругомъ молодыми соснушками, вырубленными по дозволенію владѣтеля Глѣбова и по указанію лѣсничаго. Симъ занимались избранные риторики и философы и прикомандированные изъ третьяго класса синтаксисы. 1-го мая часамъ къ 12-ти почти все было готово: въ избранномъ мѣстѣ поставлены столъ и стулья, въ отгороженномъ мѣстѣ стояли самовары, вся нужная посуда, бутылки, графины, штофы и боченки съ водкой, которая отпускалась на половину дешевле отъ откупы, чтобы не было только поднесенной понапрасну отъ какого-то Игнатика, жившаго верстахъ въ 4-хъ отъ Еловщины и искусно приготовлявшаго разные пуншевые напитки; водка приготовлялась по вольнымъ цѣнамъ; запасъ оной въ потребномъ количествѣ производился риторами и философами, которые искусно исправляли свою должность, никогда не боясь обѣздчиковъ; напротивъ, обѣздчики ихъ боялись, потому что имъ случалось при нападеніи претерпѣвать страшныя потасовки и мордобитія. Это была партия удалъ-

цовъ, услуживавшая богословамъ, особенно во время говоренія проповѣдей. По заведенному порядку такой проповѣдникъ угощалъ товарищѣй водкой, закуской, чаепитіемъ и пуншадіей; для проформы только бралось кварты двѣ откупной водки и штофа два пуншевой, а между тѣмъ не меньше ведра и нѣсколько штофовъ спирта для пунша—вольной. Часу во второмъ начинали сходиться семинарскіе и уѣздные учителя и прѣѣзжали префектъ и прочіе начальствующіе, а потомъ приглашенные гости. Здѣсь приготовлена была эстрада и закрытое простынями мѣсто и выпрошенный шалашъ, гдѣ приготавлялись къ представленію комедій и трагедій. Декорационная одежда была приготовлена. Я помню, какъ представлялась трагедія „Дмитрій Са-мозванецъ“¹⁾). Участвовали въ представленіи одни только богословы и философы, но женскія лица были изъ риторовъ. Коррекція до того дѣлалась въ самомъ большомъ классѣ, въ Риторикѣ. Въ воскресный день послѣ обѣда каждыи исправно заучивалъ свою роль, и здѣсь, въ Еловщинѣ, заученное и уже корректированное представлялось. Помню, нашъ учитель и Затворницкій были стражами и стояли съ алебардами въ рукахъ при входѣ въ загородъ. На срединѣ стояли 12 человѣкъ воиновъ съ обнаженными саблями, по 6 душъ на каждой сторонѣ. Началось представленіе... На тронѣ сидить Дмитрій, возлѣ него жена его Марина. Тамъ идутъ сцены изъ трагедіи, и вдругъ вбѣгаютъ новые воины, бѣются на шпагахъ... Два воина приступаютъ къ Дмитрію, одинъ хватаетъ его сзади, а другой пронзаетъ... Кровь льется изъ приготовленного пузыря съ налитымъ бураковымъ квасомъ. Падая, Дмитрій успѣваетъ еще произнестъ:

Иди, душа, во адъ и буди вѣчно пѣшия..
О, еслибы со мной погибла вся вселенная!

Марина лежитъ въ обморокѣ. Во время сего сраженія одному богослову отрубили кончикъ носа. Сцена оканчивается тѣмъ, что Марину уносятъ. Своя избранная музыка играетъ печальный маршъ. Въ этомъ оркестрѣ было нѣсколько и город-

¹⁾ Трагедія А. П. Сумарокова.

скихъ музыкантовъ, съ охотой сюда присоединившихся ради попойки. Оркестръ составляли скрипки, басъ, кларнеты, флейты и бубны...

Послѣ этого начинается винопитіе стаканами. Впрочемъ, для дамъ были заготовлены рюмки. Далѣе идетъ чаепитіе, пуншъ, водки, закуски и разные конфекты, начались пѣсни и пляски разныхъ сортовъ. Гости и начальство часу въ первомъ расходятся и разъѣзжаются, а семинаристы остаются допивать и догуливать. На другой день въ классъ почти никто не приходитъ. На мѣстѣ гулянія никто изъ уѣздниковъ не имѣеть права оставаться, и въ 10 часовъ вечера всѣ группами отправляются въ свои квартиры. Такъ какъ все нужно привести въ порядокъ и взятое доставить въ цѣлости обратно, то по назначению учителей на мѣстѣ гулянія оставлялось нѣсколько душъ для присмотра за посудою и прочимъ имуществомъ и для сопровожденія онаго. Здѣсь были разбиты лавочки съ пряностями и прочими сладостями. Уѣздники бросали (*пропущено*), и если застрянетъ на верху шалаша, значитъ—выигралъ, а упадетъ—проигралъ. Во многихъ кучкахъ шли игры въ свайку, въ мячъ... Вообще время проводили съ большимъ наслажденіемъ.

15-го и 30-го мая, хотя и были рекреаціи, но уже не было прогулокъ въ Еловщину. Учителя играли въ кегли, а мальчики на лугу въ мячъ, въ бабки, ходили на Десну, купались, а охотники удили рыбу, иногда съ большой удачей.

Наступалъ іюнь мѣсяцъ, и всѣ усердно принимались за книги, т. к. приближались экзамены, а съ ними вмѣстѣ и участъ переводовъ въ высшіе классы. Большая часть учениковъ ревностно занималась приготовленіемъ къ сдачѣ экзаменовъ, и только лѣнивцы погуливали. Едва придешь изъ класса, не успѣешь пообѣдать, а уже книга въ рукахъ, а тутъ нужно опять идти въ классъ, припѣши изъ коего, до сумерекъ опять сидишь за книгою.

Вставши рано, готовишься сдать домашнему учителю уроки и выслушать поясненія, что иногда не обходится безъ сѣкуцій розгами; а сколько придется на долю каждого паль! Послѣ этого готовится завтракъ: у богатыхъ часто или почти каждо-

дневно блины, у бѣднѣйшихъ—хлѣбъ, сало, а въ постные дни—какая-нибудь соленая рыба, или просто нальютъ въ миску воды, всыплютъ побольше олеи, накрошать хлѣба и ложками хлебаютъ, послѣ чего идутъ въ классъ. Авдиторы выслушиваютъ учениковъ, записываютъ въ эраты „знатъ“, „не знатъ“, кладутъ эраты на кафедръ... Приходитъ учитель, беретъ эраты и непремѣнно сматриваетъ, затѣмъ незнавшихъ посыаетъ къ порогу, а тамъ *prorsus nescit* начинается сѣкуція; подымается съ парты центръ, беретъ съ печки пучъ длинныхъ березовыхъ розогъ... Крикъ, просьбы... а учитель кричитъ: „дери его каналію“! Потомъ все замолкаетъ: слышно, какъ муха пролетить.

Учитель начинаетъ повѣрять сомнительныхъ авдиторовъ, потомъ поясняетъ, дѣлаетъ устныя задачи или заставляетъ переводить изъ латинской христоматіи. Потомъ слѣдуетъ урокъ латинского и русскаго языковъ, иногда и ариѳметики. Затѣмъ приходитъ учитель греческаго языка Дорошенко, человѣкъ болѣе мягкій, простоватый, рѣдко наказывающій. Начинается переводъ Нового Завѣта съ греческаго языка на русскій. Просиживаетъ онъ два часа, а тутъ съ нетерпѣніемъ ждутъ колокольчика. Наконецъ, въ 12 часовъ раздается звонокъ. Занятія кончаются... Всѣ берутся за шапки; первый ученикъ читаетъ молитву „Достойно есть“, и всѣ за учителемъ выходятъ. Въ два часа послѣ обѣда очередной учитель приходитъ, задаетъ упражненія или переводы. Кто успѣлъ, скрѣбѣ подаетъ тетрадь, учитель тутъ же подписываетъ. Къ пяти часамъ почти всѣ кончаютъ. Учитель, просмотрѣвши, подчеркиваетъ ошибки и даетъ иногда столько паль, сколько ошибокъ, такъ что иногда приходится очень страдать. Въ иные дни послѣ обѣда назначается нотное пѣніе, а иногда ариѳметика и русская грамматика.

Такъ со дня на день шла наука уѣзднаго училища. Въ субботу послѣ обѣденныхъ классовъ не бывало, а всѣ должны были приходить на вечерню и заутреню, совершаемыя съ вечера въ зимнее время въ классъ словесности, потому что церковь въ то время не отапливалаась; но утру же на литургію позволялось уѣздникамъ по близости ходить въ приходскія церкви, за чѣмъ наблюдали старшіе.

Такъ проходятъ два года.

Въ низшемъ отдѣленіи учитель Гордіевскій тоже оканчивалъ Богословіе: онъ былъ изъ студентовъ и говорилъ хорошо проповѣди, но только былъ неаккуратный человѣкъ. Помню, какъ онъ однажды послѣ произнесенія проповѣди въ послѣдній годъ на веснѣ пригласилъ сотоварищѣ на водку. Одѣтъ онъ былъ съ иголочки, въ новое платье—фракъ, брюки, сапоги съ шелковыми китицами, и залилъ платье соусомъ изъ-подъ жаркого. Тогда онъ позвалъ жида портного и отдалъ ему для перешитья. Это платье было уже приготовлено для женитьбы. Онъ вскорѣ по окончаніи курса женился на Кушакевичевой въ Нѣжинѣ, гдѣ былъ священникомъ и членомъ Духовнаго Правленія. Въ бытность мою уже священникомъ, лѣтъ черезъ десять послѣ постриженія, я посѣщалъ его въ Нѣжинѣ, гдѣ онъ имѣлъ собственный домъ. Онъ жаловался, что у него одинъ сынъ, да и тотъ не захотѣлъ учиться; онъ воспитывалъ его въ гимназіи. Теперь онъ почти что бродяжничаетъ. Дочь же онъ выдалъ за священника въ томъ же уѣздѣ.

Хотя мой бывшій учитель и жилъ въ небогатой обстановкѣ, но принялъ меня радушно: мы выпили по два пунша съ ромомъ, затѣмъ водки и хорошо закусили. Онъ далъ мнѣ въ проводники пономаря, потому что была уже ночь, и я могъ не найти своей квартиры и заблудиться. (Въ Нѣжинѣ я обыкновенно останавливался у рѣзчика и позолотчика, который взялся позолотить въ нашей церкви царскія врата и сдѣлать кіотъ съ рѣзьбой, иконосицу и позолотой). Теперь Гордіевскій, вѣроятно, уже умеръ, такъ какъ почти ослѣпъ и бросилъ службу. Онъ окончилъ семинарію, вѣроятно, не раньше 30 лѣтъ отъ роду. Я ему много благодаренъ: онъ первый направилъ меня къ наукамъ и вообще отличался добрымъ характеромъ.

При поступленіи въ уѣздное училище вмѣсто инспектора былъ префектъ Александръ Власіевичъ Огіевскій. Впослѣдствіи онъ былъ учителемъ риторики, а по выходѣ изъ семинаріи—каѳедральнымъ протоіереемъ. Онъ долго былъ экономомъ надѣ казеннокоштными, и отъ него непосредственно зависѣла покупка дровъ и вообще всего содержанія казеннокощтныхъ. Онъ былъ очень

д'ятеленъ: лично самъ закупалъ все необходимое, часто слѣдомъ провожалъ подводы и присутствовалъ при пріемѣ. Однако же, видно, онъ не былъ настолько жаденъ и корыстолюбивъ, чтобы нажить огромное состояніе: бывши въ сей должности около 30 лѣтъ, онъ оставилъ состояніе тысячу въ 15. Правда, въ семейной жизни онъ былъ несчастливъ и жалокъ: жена его была идиотка, почти помѣшанная. У него былъ одинъ сынъ, да и тотъ не захотѣлъ учиться и рано умеръ, а изъ двухъ дочерей одна очень рано вышла замужъ за профессора Давидовскаго, сотоварища дяди Павла Есманскаго. Онъ свое учебное поприще окончилъ въ Могилевской губерніи, а теперь живетъ въ отставкѣ въ Черниговѣ, получая по старому окладу небольшой пенсіонъ. Другая дочь вышла тоже за профессора Кучеровскаго. Эта послѣдняя съ семействомъ имѣеть хорошія средства живя въ домѣ отца, впрочемъ раздѣленномъ съ семействомъ Давидовскаго.

Въ сіе время ректоромъ семинаріи былъ архимандритъ Феофиль. Я только и помню его, когда онъ ходилъ по всѣмъ классамъ и пропался съ учениками: онъ уѣзжалъ на очередь въ Синодъ. Это былъ высокій господинъ, брюнетъ, долголицый, съ высокою тростью. Онъ останавливался среди класса и говорилъ прощальное слово, такъ что, говорятъ, во всѣхъ классахъ доводилъ учителей и учениковъ до слезъ. Впослѣдствіи онъ былъ преосвященнымъ въ какой-то епархіи. Вообще о немъ сохранилось воспоминаніе, какъ о добромъ начальникѣ. О немъ уже умершій архимандритъ Илларіонъ разсказывалъ такой анекдотъ: въ одно время ему захотѣлось французской водки и хорошей икры. Онъ далъ своему келейнику потребныя на покупку деньги и послать его пѣшкомъ въ Нѣжинъ. Келейникъ все это исправно ему доставилъ. Вѣроятно, тогда въ Черниговѣ этого нельзя было достать, а въ Нѣжинѣ тогда была широкая греческая торговля. Впослѣдствіи почти всѣ купцы переселились въ Одессу, Николаевъ и Таганрогъ, оставивъ однако же по себѣ память въ Нѣжинѣ постройкою греческаго монастыря и другихъ благотворительныхъ заведеній, которыя поддерживаются горстью оставшихся небогатыхъ греческихъ семействъ.

Ректоръ выѣхалъ изъ Чернигова въ послѣдній годъ моего пребыванія въ низшемъ отдѣленіи. Помню, послѣ Рождества, вѣроятно въ 17-мъ году, по окончаніи ученія и экзамена я былъ назначенъ къ переводу въ высшее отдѣленіе. А тутъ наступила и реформа: прибыли послѣ каникулъ изъ С.-Петербургской академіи три профессора: Никольскій, Доброзраковъ и Образцовъ.—Я перешелъ въ высшее отдѣленіе во второмъ разрядѣ высоко. Здѣсь уже были новые учителя по латинскому языку: Иванъ Ивановичъ Силятицкій, уже женатый человѣкъ, имѣвшій свой домъ на валу, гдѣ была впослѣдствіи почтовая контора или почтамтъ. Это былъ мужчина высокаго роста, блондинъ, немного даже рыжеватый. Онъ, кажется, былъ въ тогдашней Киевской Духовной Коллегіи, отлично зналъ французскій языкъ, который и преподавалъ въ семинаріи, говорилъ хорошо проповѣди, но любилъ вышивку. Когда онъ приходилъ въ классъ покраснѣвшимъ, особенно около шеи, тогда приходилось ученикамъ нерѣдко быть сѣченными и притомъ жестоко. Его боялись, какъ демона. Однако въ иные дни онъ до того былъ тихъ и скроменъ, что даже никого не поставитъ на колѣна у порога. Впослѣдствіи онъ былъ соборнымъ священникомъ, но въ концѣ концовъ распился въ высшей степени, былъ переведенъ въ Сосницу въ соборъ. Впослѣдствіи онъ былъ лишенъ сана и сданъ въ военную службу, гдѣ былъ воспитателемъ дѣтей у полкового командира, и послѣ вскорѣ умеръ.

Онъ преподавалъ въ этомъ классѣ и другіе предметы: русскую грамматику, ариѳметику, географію.—Другой учитель былъ священникъ о. Дмитрій Стефановскій, настоятель Срѣтенской церкви, близъ коей имѣлъ собственныйный домъ. Это былъ человѣкъ небольшого роста, слававшійся, бывшій, съ острою бородкой. Онъ обладалъ весьма перемѣнчивымъ характеромъ. Преподавалъ онъ греческій языкъ. Занятія состояли въ переводѣ изъ христоматіи или Нового Завѣта. Послѣ обѣда преподавалъ нотное пѣніе, а въ другихъ классахъ—греческія упражненія или переводъ съ греческаго на русскій. Характера онъ былъ мягкаго, но взбалмошнаго, придирчиваго и безрезоннаго, за что часто подвергался насмѣшкамъ учениковъ, коихъ въ выс-

шемъ отдѣленіи было болѣе ста душъ. Меня онъ постоянно звалъ шалуномъ и безъ всякой, иногда, съ моей стороны шалости кричаль: „Кистяковскій шалитъ“! Онъ часто заставлялъ меня отвѣтить ему: „Ваше Высокопреподобіе, смотрите—я занимаюсь усердно книгою“. Въ отвѣтъ раздавалось: „шалунъ, ступай до порога! Нужно повиноваться“. Впрочемъ, этимъ дѣло и кончалось, но все же это нерѣдко повторялось, чѣмъ онъ учениковъ доводилъ до смѣха. Часто ученики вставали и говорили: „уже второй колокольчикъ пробилъ; Ваше Высокопреподобіе, пойдемъ изъ класса!“ Онъ отвѣтываетъ: „я не слышалъ“, а между тѣмъ заставляетъ читать выходную молитву. Въ то самое время бывѣтъ колокольчикъ, и ему говорятъ, что это вѣрно звонять, чтобы онъ скорѣе отпустилъ учениковъ. Впослѣдствіи онъ былъ назначенъ соборнымъ ключаремъ и протоіереемъ. Въ сей годъ прибылъ новый ректоръ, архимандритъ Мелетій Носковъ, изъ западнаго края, съ круглою большою рыжей бородою, роста средняго. Это былъ человѣкъ въ высшей степени честолюбивый: чтобы у него заслужить прощеніе всякой вины или получить какую-нибудь милость, стоило только упасть ему въ ноги, и онъ все сдѣлаетъ по желанію.—У него совершенно было польское обхожденіе и даже акцентъ.—Преосвященный Михаилъ былъ митрополитомъ С.-Петербургскимъ и Новгородскимъ; его до сего времени года три не было въ Черниговѣ: онъ былъ членомъ Синода, и консисторія или дикастерія вела дѣло, сносясь письменно съ своимъ архи-паstryремъ. Рукополагались въ Кіевѣ въ священники и діаконы, а причетниковъ рукополагалъ ректоръ семинаріи.

Такъ шло ученіе въ высшемъ отдѣленіи. Квартира уже находилась не у Муляревской, а у Кострицы, ближе къ Красному мосту, на той же Богоявленской улицѣ. Домашнимъ учителемъ былъ Филиппъ Ивановичъ Виноградскій, самый слабенький богословъ, такъ что переводъ изъ Корнелія Непота имѣлъ онъ подъ рукою русскій, и вообще мало способствовалъ улучшенію познаній.—На другой годъ въ высшемъ отдѣленіи мы перешли тоже вмѣстѣ съ Воронкевичами за Красный мостъ къ В (не разобрано), гдѣ я проквартировалъ почти до богословія, а

сь онай поступилъ на кондицію къ Веприцкому и прочимъ, съ которой уже и поступилъ въ домъ по окончаніи наукъ, о чемъ будетъ рѣчь ниже. Здѣсь, на другой годъ уже, у меня былъ домашнимъ учителемъ Иванъ Григорьевичъ Кульжинскій, изъ первыхъ учениковъ богословія. Онъ только поутру выслушивалъ мои уроки, дѣлалъ толковыя поясненія, въ прочее же время до него не было доступа. До Рождества я сдѣлалъ большиe успѣхи и пріобрѣлъ солидныя знанія, но, отправившись на Рождество домой, помню, возвомъ въ сильный морозъ, такъ сильно простудился, что послѣ горячки проболѣлъ всю третью, долго не ходилъ ногами, такъ что меня носили на простынѣ, и только въ половинѣ поста, при усердномъ пользованіи березинскаго доктора Гавріила Васильевича Самарскаго, началъ ходить по комнатѣ. Докторъ усердно пользовалъ меня, помня прежнюю благодарность матери, когда она снабжала его всякою провизіею изъ экономіи, какъ экономического доктора. Онъ черезъ недѣлю пріѣзжалъ наѣщать и бралъ только за выписываемыя лѣкарства, не требуя особенного вознагражденія, между тѣмъ, какъ говорятъ, онъ порядочно бралъ за визиты, нажилъ хорошее состояніе, имѣлъ много полей, сѣнокосовъ и лѣсовъ. Сынъ все это продалъ за половину стоимости.

Къ этому времени прибылъ на паству преосвященный Симеонъ. Говорятъ, онъ былъ изъ дворянъ, готовясь быть пастыремъ, но послѣ слушалъ еще монахомъ въ С.-Петербургской Академіи Богословіе и хиротонисованъ въ архіереи. Говорятъ, онъ былъ весьма ученый мужъ, но характера пылкаго: при одѣваніи его для служенія въ архіерейскія облаченія поддіаконамъ и прочимъ приходилось получать порядочные „стусаны“. Онъ былъ роста среднаго, съ продолговатымъ лицомъ, острымъ носомъ и небольшою бородкою, блондинъ, даже нѣсколько рыжеватый; на лицѣ замѣтны веснушки. На экзаменѣ онъ являлся и въ нашъ классъ, въ высшее отдѣленіе Уѣзднаго Училища, вызывалъ самъ учениковъ къ столику, дѣлалъ вопросы и отвѣты принималъ благосклонно. Если кто не зналъ, онъ велѣлъ отвѣтить то, что ученикъ зналъ изъ сего предмета, заставлялъ переводить съ греческаго языка священное писаніе.

Часто обращаясь къ учителямъ, онъ говорилъ: „методъ вашего преподаванія требуетъ улучшения“. Всѣ съ трепетомъ боялись промолвить слово.

Къ ученикамъ вообще онъ былъ снисходителенъ, но къ наставникамъ строгъ и внушителенъ. Съ учениками онъ занимался безъ утомленія и далеко дольше просиживалъ послѣ колокольчика. Чаще всего онъ обращался къ инспектору архимандриту Іерониму, своему постриженнику, говоря: „я Вамъ предоставляю полное право въ переводѣ учениковъ въ словесность, какъ здѣшнихъ, такъ и изъ Новгородъ-Сѣверска, а потому рекомендую Вамъ самимъ раньше отправиться туда, чтобы не стѣснять тамошнее училище ожиданіемъ“. Слова преосвященнаго имѣли большое вліяніе на переводѣ учениковъ, что будетъ видно ниже изъ моего перевода въ словесность.—Архимандритъ Іеронимъ былъ очень красивый мужчина, лѣтъ 28, роста средняго, бѣль лицомъ, съ каштановыми волосами, съ весьма правильнымъ носомъ, губами и голубыми глазами. Монашеская одежда удивительно шла къ его лицу, и молодыя женщины просто влюблялись въ него, да онъ и самъ не прочь былъ. Монашеская ряса его скоро сгубила. Онъ жилъ здѣсь въ семинаріи, иногда служилъ обѣдню, и тогда бывало полно народа, особенно женщинъ высшаго черниговскаго круга. Нерѣдко онъ зазывалъ своихъ знакомыхъ изъ церкви на чай, и любимый его келейникъ подходилъ къ назначеннымъ лицамъ и передавалъ приглашенія. За то его постоянно обсыпали то сдобными хлѣбами, то вареньемъ, пастилами и пр. Онъ часто ѿздалъ на вечера къ знакомымъ, и даже часто за нихъ присыпались кареты отъ Милорадовича, Шафонскаго, губернатора и прочихъ. Онъ былъ очень любимъ, вслѣдствіе чего было очень много нелѣпыхъ наговоровъ на счетъ его жизни.

Въ сіе время прибылъ еще новый профессоръ изъ С.-Петербургской духовной академіи, Михаиль Андреевичъ Максимовичъ, сынъ Тобольского преосвященнаго. Онъ былъ мужчина высокаго роста, очень красивый, лѣтъ 30, блондинъ, всегда съ розовымъ лицомъ. Онъ одѣвался зимою въ бобровую шинель, какой одежды никто не имѣлъ въ Черниговѣ, сюртукъ тоже

носилъ на дорогомъ мѣху. Онъ имѣлъ слабость выпивать, отчего уклонялся отъ общества. Онъ недолго пробылъ въ семинаріи, года полтора, и выѣхалъ на службу въ Петербургъ и впослѣдствіи былъ большимъ чиновникомъ въ какомъ-то министерствѣ, по крайней мѣрѣ по слухамъ.

Вышеописанная болѣзнь моя имѣла послѣдствіемъ то, что я не былъ назначенъ къ переводу въ словесность, хотя я, прибывши изъ воскресенія, послѣднюю третью усердно занимался и многимъ назначеннымъ къ переводу не только не уступалъ, но даже превосходилъ. Однако, оба мои учителя даже не обратили на меня вниманія, только что не назначивъ меня къ исключенію. Но Промыселъ Вышняго совсѣмъ иначе устроилъ мой бытъ: по прибытіи на вакаціи я былъ все все скученъ, не хотѣлъ начать заниматься, особенно науками, говоря часто матери, что меня не переведутъ, а это мое несчастіе. Мать моя хотя и была простая женщина, но понимала дѣло, знала, что причиною всего была моя болѣзнь, заставившая меня пропустить цѣлую треть, и начала меня утѣшать, что она вмѣстѣ со мною пойдетъ въ Черниговъ. Я обрадовался и посовѣтовалъ матери пригласить садовника Марка, который почиталъ ее, какъ мать, женившись уже вдовцомъ на воспитанницѣ матери, дѣвкѣ Иринѣ, которая и въ Кіевѣ съ нами юздила, и имѣла почти одинъ столъ съ нами безъ гостей, и вообще была всѣми нами любима. Мать позвала садовника Марка, угостила его наилучшимъ образомъ и про-сила его къ 28-му августа приготовить наилучшихъ плодовъ изъ оранжерей, упаковать ихъ и доставить въ цѣлости въ Черниговъ. Онъ согласился съ большимъ удовольствіемъ, сказавъ, что будетъ приготовлена сотня наилучшихъ абрикосовъ, такихъ же полсотни персиковъ и двѣ пары ананасовъ, потому что ихъ немного осталось: главноуправляющій Богунъ забралъ полсотни для варенья и для отсылки въ Петербургъ, да десятокъ для себя. Наканунѣ 28-го числа все это было принесено имъ самимъ вмѣстѣ со сторожемъ оранжерей, уложено наилучшимъ образомъ, а 28-го августа мы отправились въ Черниговъ, прїѣхавъ просто на квартиру къ Высокоцкой, гдѣ я прожилъ до „Богословія“, пока не поступилъ на кондицію сперва къ Дебрянскому, а потомъ къ

купцу Веприцкому, гдѣ я имѣлъ постоянную квартиру до окончанія курса. 29-го августа, въ день Усѣкновенія главы св. Ioanna Предтечи, мы явились рано къ инспектору Іерониму. Онъ готовился идти на литургію въ церковь св. Варвары, такъ какъ въ семинарской церкви служенія не было.—Два большія блюда, взятыя нами у хозяйки, наполнены были привезенными плодами и завязаны въ бѣлые, какъ снѣгъ, салфетки. Мать моя была довольно прилично одѣта, въ шелковое платье цвѣта вороньяго крыла съ такимъ же чернымъ платкомъ на шеѣ. Голова была повязана такимъ же шелковымъ, по тогдашней цѣнѣ дорогимъ, платкомъ. Пришедши въ переднюю, мы просили келейника доложить о нашемъ приходѣ отцу архимандриту, и на стоявшемъ въ углу столѣ мы поставили плоды въ развязанныхъ и раскрытыхъ салфеткахъ. О. архимандритъ вышелъ изъ своихъ покоевъ въ шелковой рясѣ съ наперснымъ крестомъ, сперва обратилъ вниманіе на насъ, потомъ на плоды, и видимо былъ восхищенъ. Затѣмъ онъ спросилъ мою мать: „Вы, вѣрно, священница, а это вашъ сынъ“. Мать отвѣтчила: „по несчастію, капитанша 2-ымъ бракомъ, а сынъ мой изъ принятыхъ въ духовное званіе и обучается подъ Вашимъ вѣданіемъ въ Черниговскомъ уѣздномъ училищѣ. Онъ внимательно разспросилъ насъ, прося пожаловать въ первую комнату и присѣсть. Мать сѣла, а меня онъ заставлялъ сѣсть, но я не сѣлъ. Онъ замѣтилъ у меня слезы и тутъ же сказалъ: „не беспокойся: по желанію твоей родительницы и твоему все будетъ сдѣлано мною“. Затѣмъ онъ нѣсколько разъ благодарилъ мать за принесенные плоды, т. к. они представляли рѣдкость, какой онъ и не думалъ найти въ Черниговѣ. Послѣ этого онъ сказалъ: „я иду въ церковь св. Варвары за брамою, пожалуйте и вы туда же, а послѣ служенія ко мнѣ откушать чай; тогда мы поговоримъ, и все, что нужно вашему сыну, я сдѣлаю“. И замѣтивъ слезы и у матери, прибавилъ: „не беспокойтесь, матушка“. Тогда же онъ велѣлъ своему келейнику внести плоды въ его спальню, сказавъ: „послѣ чаю вы получите свои блюда“. Мы отблагодарили его и выплы, а онъ догналъ насъ почти на паперти церковной. Мать и я

поклонились, на что онъ отвѣтилъ. По выходѣ изъ церкви, послѣ литургіи, мы стояли въ сторонѣ, и только что онъ вышелъ, какъ вскорѣ прибѣжалъ въ церковь его келейникъ и, отыскавши насть, передалъ отъ архимандрита приглашеніе по-жаловать сейчасъ же на чай. Мы вмѣстѣ отправились. Иеронимъ поднесъ матери большую просфору, просилъ мать сѣсть и, когда я не осмѣливался сѣсть, онъ насильно усадилъ меня. Келейникъ поставилъ стулъ къ столу. Подали ароматическій чай, за коимъ онъ вошелъ во всѣ подробности, затѣмъ обратился ко мнѣ съ вопросомъ, переведенъ ли я въ „словесность“. Я, вставши, началъ говорить, что я предпослѣднью третью былъ боленъ и, хотя послѣ Воскресенія старался наверстать все пройденное, но не знаю, почему меня ни одинъ учитель, особенно Силятицкій, не спросилъ, а потому, вѣроятно, не переведенъ. Онъ тотчасъ же взялъ списки, лежавшіе на угловомъ столикѣ, спросилъ еще мою фамилію и съ довольною улыбкою сказалъ: „далеко, братишко, тебя затаскали: предпослѣднимъ въ третьемъ разрядѣ ученикомъ, остающимся за неуспѣшность и болѣзнь въ теченіе цѣлой трети, поведенія же хорошаго; но такъ не будетъ“. Онъ тотчасъ же присѣлъ къ столику, вытеръ или зачеркнулъ мою фамилію и перенесъ во второй разрядъ, wysoko, къ переводу, гдѣ на машинесъ отмѣтилъ: „по испытанію моемъ удостоивается къ переводу“. Онъ велѣлъ подойти къ нему и прочитать; я хотѣлъ упасть въ ноги, но онъ подхватилъ меня, и я поцѣловалъ его благословенную руку, а онъ поздравилъ меня словесникомъ со словами: „дай Богъ, съ моей руки, чтобы ты благополучно окончилъ курсъ наукъ, а на утѣшеніе твоей пекущейся родительницы былъ добрымъ священникомъ“. Затѣмъ онъ обратился къ матери: „изъ словъ Вашихъ я вижу, что Вамъ недобро живется съ Вашимъ мужемъ. Если Вы желаете, я замѣщу Вашего сына на полное казенное содержаніе, но моя просьба къ Вамъ, не можете ли мнѣ доставить горшковъ пять цвѣтовъ окошечныхъ изъ оранжерей? за доставку я заплачу“. Мать отвѣтила, что исполнить это съ большимъ удовольствіемъ, такъ какъ ей это ничего не будетъ стоить“. Онъ благодарилъ, и мы, взявши bla-

госклонное его благословеніе, отправились въ квартиру, получивши обратно блюда и салфетки. Мать дорогой замѣтила, что она давно не пила такого душистаго чаю. Мы пришли на квартиру съ большимъ удовольствиемъ и спокойствиемъ. Я былъ въ себѣ отъ радости и будущей надежды, какую во мнѣ поселилъ архимандритъ своимъ вниманіемъ и обѣщаніемъ. При отпускѣ онъ сказалъ матери: „пришлите мнѣ указъ о принятіи Вашего сына въ духовное званіе: я, что могу, все сдѣлаю для него на пользу Вашу“. Но судьбы Божіи неисповѣдимы, предопредѣленію Его всѣ повинуются. Въ половинѣ сентября онъ заболѣлъ сперва лихорадкою, причиной которой, полагаютъ, были частыя ночные прогулки; онъ сильно былъ привязанъ къ дому купца К. (*не разобрано*), нынѣ принадлежащему Дорошевскому, возлѣ Краснаго моста. У него была дочь, молодая, здоровая и красивая девушка. Вотъ здѣсь то онъ и засиживался. Вскорѣ лихорадка превратилась въ горячку.—Когда къ концу сентября былъ доставленъ цѣлый возъ цвѣтовъ въ горшкахъ и при оныхъ указъ, я настолько былъ простъ, что не удержалъ его при себѣ, а отдалъ на руки, не помню, какому-то изъ учителей; впрочемъ, доставившему вынесено было двѣ рюмки водки и полная жменя мѣдныхъ, при чемъ я отдалъ еще 10 лимоновъ и 10 апельсиновъ, за которые очень меня благодарили, потому что въ Черниговѣ не было вовсе еще въ продажѣ.—Самый же мой переводъ не остался безъ злостныхъ послѣдствій.

2-го сентября учитель Силитицкій читалъ переводные списки; онъ и помощникъ инспектора, читая, не упомянулъ моей фамиліи. Ученики тотчасъ же бросились почти бѣгомъ со второго этажа внизъ, въ словесность. Я остаюсь и плачу, а между тѣмъ вѣбѣгаешь архимандритъ, сначала обращается къ Силитицкому, потомъ, завидѣвши меня, вдругъ съ досадой спросилъ: „зачѣмъ ты не идешь въ назначенный тебѣ классъ?“ Я сказалъ: „г. учитель не читалъ моего имени и фамиліи“. Онъ съ азартомъ вскричалъ: „какое вы имѣете право распоряжаться моими поста-

новленіями“? Тотчасъ подойдя ко мнѣ, онъ велѣлъ мнѣ за собой идти, а учителю сказалъ: „берегитесь и будьте впредь осторожнѣе!“ Онъ ввелъ меня въ „словесность“, обратился къ ученикамъ со своими наставленіями, упомянувъ при семъ, что по испытаніи его удостоенъ перевода въ Кистяковскій. „Я надѣюсь, — прибавилъ онъ, что онъ будетъ стараться и успѣвать по силѣ своихъ способностей“. Вышедши, онъ пошелъ въ другой классъ уѣзднаго училища.—Переводъ мой имѣлъ большое вліяніе на весь ходъ моей науки и ея послѣдствія. Не знаю, что было бы, еслибы архимандритъ прожилъ по крайней мѣрѣ до окончанія мною семинаріи; но иначе устроилось съ его жизнью: въ началѣ октября горячка усилилась и превратилась въ болѣю горячку. Сначала его пользовалъ семинарскій докторъ Шигринъ, стари-кашка нѣмецъ, послѣ Гинтеръ и прочіе, тоже не отличавшіеся большими познаніями. Онъ въ припадкѣ болѣй горячки зарѣзался. Вся семинарія съ горестью услышала о его смерти.

Настали похороны. Архіерей Симеонъ и два архимандрита, ректоръ Мелетій и архимандритъ Іовъ Домницкій (онъ былъ и экономъ Троицкаго архіерейскаго дома), служили еще съ тремя священниками обѣдню въ семинарской церкви, а профессоръ Максимовичъ сказалъ надгробное слово изъ псалма Давидова на текстъ: „блаженъ путь, въ онъ же идетъ душа твоя, зане уготовася тебѣ място упокоенія“. Это слово вызвало плачъ, даже навзрыдъ. Тѣло несли богословы-философы и даже словесники, потому что у насъ ихъ было душъ двадцать довольно лѣтнихъ. Они почти всѣ не окончили и не пошли далѣе „философіи“ по тогдашнему времени, но почти всѣ достигли священническаго сана. Преосвященный Ѳхалъ въ каретѣ и ректоръ въ своей; они останавливались и выходили изъ кареты, когда читалось Евангеліе. Тѣло несли въ Елецкій монастырь, гдѣ оно и погребено близъ церкви. Тамъ былъ въ ректорскихъ комнатахъ приготовленъ и обѣдъ. Ученики отправились по домамъ, потому что и уѣздники всѣхъ классовъ должны были провожать. Я настолько

былъ опечаленъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ простъ и беззаботенъ, что не похлопоталъ тогда же о своемъ указѣ, чтобы получить его обратно и отправить въ свой домъ, а это причинило большія непріятности и хлопоты впослѣдствіи, какъ это будетъ ниже видно.

(Продолженіе будетъ).

ДОКУМЕНТЫ, ИЗВѢСТИЯ И ЗАМѢТКИ.

Нѣсколько словъ къ портрету Н. И. Костомарова. Привлѣгаемый къ настоящей книгѣ «Кievской Старинѣ» портретъ Н. И. Костомарова, изображающій его въ самую цвѣтущую и дѣятельную пору его жизни, снять съ портрета, помѣщенаго въ альбомѣ, который въ настоящее время составляетъ большую библіографическую рѣдкость и который былъ выпущенъ въ 1861—1862 годахъ подъ названіемъ: «Портреты украинскихъ писателей, изданные Д. Каменецкимъ». Это—тотъ Данило Семеновичъ Каменецкій, который первый сталъ издавать малоруссія книжечки крошечныхъ размѣровъ, получившія название «метеликовъ», и выпустилъ ихъ въ теченіе 1860—1862 годовъ около 40, давши имъ общее название «Сильска Библіотека». Тогда же имъ былъ изданъ маленький сборничекъ украинскихъ пѣсенъ съ мотивами, котораго вышелъ только первый выпускъ, заключающій въ себя десятокъ пѣсенъ. Кроме того, ему принадлежитъ напечатанная въ Москвитинѣ 1855 года (№ 11) статья: «О народныхъ южно-русскихъ пѣсняхъ, изданныхъ А. Л. Метлинскимъ, и о рецензіи на эту книгу Отечественныхъ Записокъ».

Альбомъ, о которомъ мы говоримъ, вышелъ въ двухъ выпускахъ, изъ которыхъ первый былъ изданъ роскошнѣе и заключалъ въ себѣ литографированные въ Парижѣ портреты Н. И. Костомарова, П. А. Кулиша и Т. Г. Шевченка; во второмъ же выпускѣ, изданномъ болѣе скромно, были помѣщены лѣтографированные у А. Червакова въ Петербургѣ портреты Е. И. Гребенки, Г. Ф. Квитки-Основьяненка и И. П. Котляревскаго.

Настоящій снимокъ портрета Н. И. Костомарова спать съ экземпляра, принадлежавшаго Т. Г. Шевченку, которому былъ пода-

ренъ самимъ Н. И. Костомаровыи, и представляющаго то достоинство, что онъ принадлежитъ къ первымъ, самымъ лучшимъ отискамъ, которые, обыкновенно, печатаются безъ всякой подписи.

Бібліотека і собраніе рукописей Н. И. Костомарова. Еще въ прошломъ году вдова Н. И. Костомарова, А. Л. Костомарова, выразила желаніе пожертвовать бібліотеку своего покойного мужа университету Св. Владимира, въ которомъ Н. И., какъ известно, началъ свою профессорскую дѣятельность. Передача бібліотеки состоялась въ февралѣ текущаго года, и въ настоящее время бібліотека уже доставлена въ Кіевъ. Самая бібліотека еще не разобрана, разобрано только собраніе рукописей, но судить о составѣ бібліотеки можно по довольно обстоятельному ея каталогу.

Всѣхъ книгъ въ бібліотекѣ около 1500 названій различнаго содержанія, на языкахъ русскомъ, польскомъ, французскомъ, нѣмецкомъ, итальянскомъ, чешскомъ, сербскомъ, болгарскомъ, латинскомъ, англійскомъ и малорусскомъ (на послѣднемъ только 5 книгъ). Около $\frac{2}{3}$ книгъ на русскомъ языкѣ. По содержанію болѣе половины книгъ относится къ русской исторіи, и изъ нихъ около 140 названій касаются исторіи южной и западной Россіи. По исторіи русскаго языка и литературы около 200 названій, изъ которыхъ 23 сочиненія касаются малорусской словесности. По исторіи Польши болѣе 100 сочиненій, по всеобщей исторіи около 200, періодическихъ изданій 28 названій. Наконецъ, болѣе 200 сочиненій принадлежитъ къ прочимъ самымъ разнообразнымъ отраслямъ литературы.

Самымъ цѣннымъ отдѣломъ является, конечно, отдѣль русской исторіи. Особено цѣнны изданія ученыхъ учрежденій. Здѣсь есть почти полныя коллекціи изданій Археографической Комміссії (до 1884 г.), Московскаго Общества Исторіи и Древностей, Археографическихъ Комміссій Кіевской и Віленской, Императорскаго Географического Общества, Русскаго Историч. Общества. Не мало изданій Академіи Наукъ, Имп. Археологическаго Общества, Загребской Юго-Славянской Академіи. Изъ періодическихъ изданій есть полные экземпляры «Вѣстника Евроцы», историческихъ журналовъ, Кіевской Епархіальной Вѣдомости за 1862—74 г.г. п.др. Имѣются сочиненія Татищева, Щербатова, Карамзина, Бантыша-Каменскаго, митроп. Евгенія, Арцибашева, Голикова, Шогодина, Устрялова, Соловьева, Филарета Черниговскаго, преосв. Макарія, Забѣлина, Бѣляева, Иловайскаго, Коидовича и

лр. Доволъно полна коллекція малорусскихъ иѣсенныхъ сборниковъ: Максимовича (Пѣсни 1827 и Думы 1834 г.), Метлинскаго (Сборникъ 1848 и Пѣсни 1834), Лукашевича (1836 г.) и друг. Изъ старопечатныхъ книгъ имѣются: Мессія Правдивый Голятовскаго, Ариеметика Магницкаго (1704 г.), рядъ изданій XVIII в. На иностраннѣхъ языкахъ также довольно много старинныхъ изданій.

По всеобщей исторіи въ библіотекѣ К—ва имѣются почти всѣ сочиненія болѣе крупныхъ историковъ. Особенно многочисленны книги по исторіи французской революціи и по исторіи итальянскихъ республикъ. Сравнительно мало книгъ по исторіи Византіи, хотя сюжетъ единственной статьи исконного по всеобщей исторіи былъ взятъ изъ исторіи византійской (о патріархѣ Фотіи).

Древнѣйшая изъ рукописей, принадлежавшихъ Н. И. Костомарову, восходитъ къ самому началу XVI в., это—«Новгородскаго, Конюрскаго, Ладожскаго, Ореховскаго и Корельскаго уѣздовъ перепись погостамъ, селамъ и деревнямъ и находящимся въ нихъ крестьянамъ, помѣщичымъ и монастырскимъ. Вторая половина»—1500 г. Прочія рукописи относятся къ XVII и XVIII вв. Четыре изъ нихъ представляютъ сборники, а именно: «Златы Бисеръ», родъ космографіи, переписанный въ 1715 г.; сборникъ поучительныхъ разсказовъ съ картинками, иногда нескромнаго содержанія, XVIII в.; сборникъ разсказовъ о чудесахъ Пресв. Богородицы, явленныхъ преимущественно въ г. Тихвинѣ; въ этомъ же сборникѣ житіе Алексія, человѣка Божія, повѣсть о Саввѣ Грудцынѣ, о низложеніи патр. Никона, списокъ Соловецкой Челобитной, «Слово» о путешествіи архіеп. Ioанна Новгородскаго въ Іерусалимъ и обратно въ теченіе одной ночи, сказаніе о рожденіи и отрочествѣ св. Онуфрія, житіе Онуфрія Великаго и рядъ поучительныхъ разсказовъ, на одномъ изъ листовъ помѣта 1768 г.; «Сказание о дивномъ милосердіи Божіи и о святомъ Григоріи, папѣ римскомъ». Одна изъ рукописей содержитъ акафистъ, житіе, сказание о чудесахъ и служба царевичу Дмитрію; въ этой же рукописи служба св. князю Роману Владимировичу Углицкому и сказание объ его чудесахъ. Великолѣпно написанная и украшенная рисунками киноварью рукопись XVI или начала XVII в. заключаетъ житіе св. Стефана Пермскаго, житіе св. апостоловъ Петра и Павла и житіе св. Варлаама Хутынского. Интересны надписи на этой рукописи; одна изъ нихъ, писанная киноварью и находящаяся подъ заглавиемъ, гласитъ: «Сия книга Оустюга великаго губнаго діяка Африканова Каріонова купленная за гривну светславлю златую», другая на листѣ предъ заглавнымъ:

«Устюжского пермского бывшаго книжескаго постельничя Ефима Едрилы отъ лѣта ,¹⁵⁹⁴ до лѣта ,¹⁶⁰⁶ пописахъ». Вся рукопись испещрена помѣтками на поляхъ киноварью, чернилами и карандашемъ.

Нѣсколько рукописей заключаютъ въ себѣ раскольничы сочиненія, изъ нихъ одна озаглавлена: «Показательная исторія нѣкоего поповщины учителя, имиже христіаны потязалъ баше и вопросомъ его отвѣты», два сборника поученій, «Повѣсть о житіи и подвигахъ и страданіи раба Божія Мемнона, пострадавшаго за древле-церковное благочестіе и сожженаго на Холмогорахъ въ лѣто ,¹⁵⁸⁵ 1698», «Уставъ о Крещеніи».

Три рукописи представляютъ хронографы, доведенные до XVII в. Особенно интересна рукопись въ листъ, озаглавленная «Лѣточесецъ Великія Россіи, продолжающійся по 1652 годъ» «изъ библіотеки Волынскаго 1736 года списанъ». Лѣточесцю этой пользовался Татащевъ. Рукописный сборникъ in-4 содержитъ: «лѣточесецъ блаженные памети о благочестивейшемъ великому государе царе и великому князе Иоанне Васильевиче и о предкахъ его и о взятіи имъ царствующаго града Казани и злочестиваго царя Едигера и о побиении казанскихъ татаръ и о прочемъ», «Повѣсть цесаревича Диоклетиана о дву слугахъ цесарскихъ о Александрѣ и о Лодвикѣ», краткій перечень событий русской исторіи отъ взятія Василіемъ Іоанновичемъ Смоленска до смерти императрицы Екатерины I (1727). На рукописи помѣтки 1738 и 1734 г.г. Одна рукопись содержитъ извѣстія о походахъ и о назначеніяхъ воеводъ и др. должностныхъ лицъ съ 1492 по 1602 годъ.

Къ эпохѣ Петра В. относятся три рукописи: 1) «Исторія о зачатіи и рожденіи императора Петра первого и о блаженной кончине государи цара и великаго князя Алексія Михайловича»; въ концѣ рукописи хронологіческій перечень событий въ царствованіе Петра I съ указаниемъ возраста его во время событий. 2) «Житіе Петра Великаго», сочиненное Стефаномъ Писаревымъ. Сочиненіе это было издано дважды въ С.-Петербургѣ въ 1772 г. и въ Москвѣ въ 1788 г. Это собственно переводъ сочиненія греческаго монаха Антонія Катифора. Отъ печатного изданія рукопись отличается посвященіемъ им. Елизаветѣ Петровнѣ (въ печати «Житіе» посвящено вел. кн. Павлу Петровичу), предисловиемъ и отсутствіемъ дополненій о китайскомъ государствѣ. 3-я рукопись есть списокъ съ непечатнаго описанія погребенія Петра I.

Одна рукопись на бумагѣ съ клеймомъ 1780 г. заключаетъ выписки статей изъ русскихъ уголовныхъ законовъ.

Сборникъ актовъ Максаковскаго монастыря начинается съ документовъ, выданныхъ м-рю Адамомъ Киселемъ, далѣе слѣдуютъ выписи изъ гродскихъ книгъ кіевскихъ и новгородъ-сѣверскихъ, универсалы на монастырскія владѣнія гетмановъ (съ Богдана Хмельницкаго) и нѣжинскихъ полковниковъ и, наконецъ, купчія на пріобрѣтенные монастыремъ земли.

Сборникъ подъ заглавiemъ «Kollekcya starozytnoſcіow» содержитъ большую частью рѣчи, произнесенные по разнымъ случаямъ.

Въ небольшой тетрадкѣ in-4 заключается проповѣдь на текстъ къ Солун. IV, 13--14.

Въ собраніи Н. И. Костомарова есть и отдѣльные документы. Столбцы, числомъ 8, отчасти плохо сохранившіеся, относятся къ XVII и началу XVIII в. и представляютъ проѣзжія памяті, жалованія грамоты и т. п. (Столбцы были разобраны И. М. Каманинымъ). Рядъ писемъ, относящихся большую частью къ 1759 и слѣд. годамъ, писанъ разными лицами къ гетману Браницкому. Наконецъ, нѣсколько документовъ относятся къ Суворову; это—записка его, засісь пленныхъ (польскихъ) безъ даты, маршрутъ похода въ Польшу (съ замѣтками на поляхъ, кажется, самого Суворова), Наставленіе, какъ поступать при встрѣчѣ съ непріятелемъ, «Военное обученіе» и «Обозрѣніе Румеліи и Булгаріи и какъ вести въ ону въ Молдавіи и Валахіи армію, состоящую изъ разныхъ корпусовъ, которые бы соединенными силами дѣйствовали противъ Константина Полія».

Е. К.

Нѣсколько словъ о писанкахъ. Орнаментика малорусскихъ писанокъ, какъ и вообще малорусская орнаментика, едва затронута въ наукѣ. Желающій заниматься этимъ дѣломъ встрѣчаетъ на пути своеимъ съ трудомъ преобразимыхъ препятствія. Коллекцій писанокъ не много, всѣ онѣ разбросаны въ частныхъ рукахъ; изданіе ихъ въ краскахъ, при настоящихъ условіяхъ печатнаго дѣла, стоитъ очень дорого, и потому рисунковъ, дающихъ удовлетворительное понятіе о нихъ, крайне мало; для сравнительнаго изученія узоровъ писанокъ также нигдѣ не собрано материала въ достаточной полнотѣ. Гдѣ можно, напр., изучить узоры вышивокъ, ковровъ и пр.? И это еще не все. Писанки не составляютъ исключительной принадлежности ма-

лороссійского быта, а про узоры на нихъ и говорить нечего; поэтому исследователю необходимо ознакомиться съ разбросанной по всевозможнымъ иностраннымъ изданіямъ специальной литературой орнамента—особенно у южныхъ славянъ и у румынъ, а у нихъ то она, повидимому, и не богата къ тому же. Само собою разумѣется, въ настоящей замѣткѣ мы не задаемся такими широкими задачами. Мы хотимъ только подѣлиться нѣкоторыми наблюденіями, пользуясь собраниемъ писанокъ, которое находится въ нашемъ распоряженіи. Собрание это, составившееся изъ приношеній учениковъ въ историко-географической музей елисаветградскаго реального училища (херсон. г.), заключаетъ до 400 экземпляровъ писанокъ изъ губерній херсонской, кіевской, подольской, черниговской и бессарабской; но главное ядро коллекціи составляютъ писанки херсонской губерніи, преимущественно елисаветградскаго и александрийскаго, затѣмъ—ананьевскаго и отчасти одесскаго уѣзда (изъ Бейкуша, предмѣстія Очакова). Особенность нашей коллекціи заключается въ томъ, что наряду съ преобладающими по числу писанками малороссійскими въ ней есть также болгарскія и молдаванскія, что даетъ нѣкоторую возможность судить о взаимномъ вліяніи живущихъ здѣсь народностей. Къ сожалѣнію, о большинствѣ экземпляровъ мы не имѣемъ пояснительныхъ свѣдѣній, а именно—названій узоровъ и свѣдѣній національности лицъ, отъ которыхъ писанки получены, что, безъ сомнѣнія, лишаетъ насъ возможности сдѣлать заключенія болѣе широкія и прочныя.

Займемся главнымъ образомъ названіями узоровъ. На съверѣ херсонской губ. въ средѣ малороссовъ господствуетъ большинство узоровъ, извѣстныхъ на писанкахъ коренной Малороссіи и Галиції, а именно: бараны рижки, безконечникъ, бесаги, бокова рожа, бочка, виноградъ, витушка, гвоздыки, гребенцы, гусичи лапки, дубовый листъ, застуци, зирочки (или звѣздочки), калытки, съ крапинками, крутые рожки, крыльцы, куричи лапки, ластовины хвостыки, листьячка (колотки), ломаный крестъ, огиркове вудыння, паукъ (научки), повна рожа, собача рожа, сорококлынци (косоклынья, клынья), сороча лапка, хрестъ. Кромѣ того, среди названій малорусскихъ писанокъ нашей коллекціи мы нашли вѣсколько такихъ, какихъ намъ неизвѣстно на писанкахъ собственно украинскихъ: 1) вазончикъ, перерва, саложки, тюльпаны, углушки, христата рожа и шесть квитокъ. Изъ названій

¹⁾ Мы видѣли въ виду статью „Лубенскій музей Е. Н. Скаржинской“ въ Кіев. Стар. XXXI и ст. Н. Ф. Сумцова о писанкахъ въ Кіев. Ст. XXXIII.

молдаванскихъ писанокъ многія тождественны съ малороссійскими или представляютъ буквальный переводъ послѣднихъ, какъ-то: бараны роги, талпа кгыский (гусича лапка), косычата рожа, ломаный крестъ, повна рожа, патрущешь ди клинъ (сорококлынци), сосенка, крестъ, шелудыва рожа; для двухъ только писанокъ мы не нашли соответствующихъ названий въ малороссійской терминологіи, но самыя названія—малороссійскія: дивокъ и зализо до илуга (молд. шеруплугу-луй). Изъ болгарскихъ названій слѣдующія равнозначущи съ малороссійскими: прази рокгъ (бараній рогъ), бокова рожа, баклаже (баклажекъ), велчи зэби-тя (волчьи зубы, у г. Сумцова, стр. 379), гребенче (гребинцы), зори, капанки (съ краинками), ластовишка ушашка (ластовины хвостыки), слишки, чупенъ крестъ (ломаный крестъ), пазе (паукъ), цэлна ружа (повна рожа), четырехе—клины (сорококлины), юрдана и крестовца (крестъ); наконецъ, для слѣдующихъ четырехъ не находится идентичныхъ въ малороссійской терминологіи: бабины зэби-тя (бабы зубы), кгирлига, камшица ружа, флаги.

Такимъ образомъ, большинство названій писанокъ молдаванскихъ и болгарскихъ совпадаютъ съ малороссійскими. Мѣстные болгары утверждаютъ, что какъ обычай давать писанки, такъ и названія ихъ у нихъ исконные и ни у кого не заимствованы, и подтверждениемъ этого можетъ служить та изолированность, которая отличаетъ ихъ по отношенію къ другимъ окружающимъ ихъ народностямъ. Поэтому является вопросъ: не произошло ли въ данномъ случаѣ заимствованія малороссами и молдаванами у болгаръ, быть можетъ еще гораздо раньше XVIII столѣтія, когда болгары начали селиться въ Новороссії? Что касается молдаванъ, то въ нашихъ мѣстахъ общеніе ихъ съ малороссами, а въ частности брачные союзы—вещь хорошо известная, такъ что мы склоняемся къ предположенію, что молдаване заимствуютъ названія писанокъ у малороссовъ, особенно имѣя въ виду,—что у нихъ онѣ большею частію сохраняютъ малороссійскую форму, тогда какъ у болгаръ всѣ названія—болгарскія.

Среди малороссійскихъ названій узоровъ у насъ бытуетъ одно, котораго мы не нашли ни на писанкахъ лубенского музея г-жи Скаржинской, ни въ изслѣдованіи проф. Сумцова; название это—тюльпаны; но въ статьѣ г. Сумцова мы нашли указаніе, что писанки съ этимъ узоромъ известны у сербовъ¹⁾). Можетъ быть, этотъ узоръ есть остатокъ Новой Сербіи прошлаго вѣка, расположенной какъ разъ въ районѣ нашихъ наблюдений.

¹⁾ „Кiev. Стар.“ т. XXXIII, стр. 376.

Узоры писанокъ среди узоровъ на другихъ предметахъ не стоять вполнѣ изолированно. Разумѣется, самая форма предмета въ значительной степени обуславливаетъ содержаніе орнамента. Но въ то же время, среди узоровъ на писанкахъ возможно указать такие, которые пользуются популярностью, напр. на вышивкахъ. Таковы: вазончики, виноградъ, гвоздыки, зирочка, крутые рожки, повна рожа, собача рожа, сосенка, крестъ¹⁾. Лица, заслуживающія довѣрія, передавали намъ, что узоры для писанокъ заимствуются также съ иллюстрацій.

Фонъ писанокъ въ нашихъ мѣстахъ по большей части черный, рыже-красный, а иногда бѣлый; рисунокъ исполняется чаще всего тремя красками: красной, желтой и бѣлой, рѣже двумя или четырьмя красками; кроме помянутыхъ, употребляются также зеленая и черная краска. Красный цветъ употребляется разныхъ оттенковъ: розовый, кармазинный, малиновый. Разницы въ окрашиваніи писанокъ у малороссовъ, молдаванъ и болгаръ не замѣчается. Имѣющіяся въ нашемъ собраніи молдаванская писанка изъ Бессарабіи почти всѣ одноквѣтныя — розовые, рѣже — кармазинные, съ бѣлымъ узоромъ, совершенно оригинальнымъ по рисунку.

В. Ястребовъ.

Разбойникъ Добрушъ (изъ народныхъ устѣ). Въ пограничной съ Австріей части каменецкаго уѣзда, подольской губерніи, наряду съ живыми разсказами о Кармелюкѣ, среди народа ходятъ еще болѣе живые разсказы о разбойнике Добрушѣ (въ другихъ разсказахъ онъ называется Довбушемъ). Что личность разбойника Добруша не вымышленная, не фантастическая — это подтверждается массой рассказовъ о немъ, слышанныхъ мною отъ стариковъ-крестьянъ во многихъ селахъ уѣзда. Дѣйствительно, здѣсь когда-то гулялъ какой-то разбойникъ, носившій кличку «Добруша». Я старался добиться отъ крестьянъ, въ какихъ именно годахъ, сколько лѣтъ назадъ былъ этотъ разбойникъ Добрушъ; но добиться установления времени, даты известного события отъ крестьянъ труднѣе всего. Разсказчики, обыкновенно старики подъ или даже за 70 лѣтъ, о времени известного события выражаются такъ; «то было, якъ я ще бувъ малый и грався

¹⁾ Труды Кіев. Археолог. стѣзда т. II, стр. 321—322 и рисунки 28, 30, 73, 76 и др.

въ пороси», или еще лучше: «це розказувавъ мени мій батько, и казавъ, що то діялось тоди, якъ винъ ходывъ ще безъ штанівъ» и т. д. въ этомъ родѣ; такъ обыкновенно рассказчиками крестьянами всегда опредѣляется дата извѣстнаго событія.

Приходится высчитывать время, дату самому,—но рѣдко и это возможно, такъ какъ для этого необходимо знать лѣта рассказчика; на вопросъ же: «скілько вамъ, диду, лить?»—дидъ отвѣтить: «або я знаю! Богъ его святый знае, може е вже зъ девядесѧть». Потомъ узнаешь, что рассказчику всего на всего 70 съ чѣмъ нибудь лѣтъ, или скажеть: «може е вже зъ симъ десятиківъ»; начнешь наводить справки и узнаешь, что рассказчику диду уже подъ 90 лѣтъ.

—«Або колысь тііи роки такъ счыталы, якъ теперъ мужыки счытають, тай малы хиба часъ колысь мужыки свои роки личыты; забувавъ, якъ тебе зваты, якыи день,—не то, що скілько тоби лить,—якъ почнуть тебе быты», обыкновено говорять въ свое оправданіе о незнаніи своихъ лѣтъ рассказчики-дѣды.

Такъ и не удалось установить мнѣ даты, когда именно былъ разбойникъ «Добрушъ»,—но изъ разсказовъ явствуетъ, что онъ былъ вскорѣ послѣ Кармалюка.

Рассказы о Добрушѣ и его 11 товарищахъ—всѣ въ одномъ родѣ и смыслѣ, а потому не буду приводить всѣхъ, а изъ многихъ слышанныхъ приведу лишь одинъ, характеризующій поступки и личность этого разбойника.

«То колысь дуже давно,—ще не за мен памяты,—бо це розказувавъ мени мій вебожчыкъ батько,—нехай тамъ ему легенъко згадаеця,—бувъ въ нашихъ сторонахъ великий разбійникъ, звалы его Добрушъ,—такъ разказывалъ мнѣ въ 1891 году крест. пограничнаго с. Кудринецъ, каменецкаго уѣзда, б. въ то время волостной старшина Иванъ Присижнюкъ (нынѣ покойникъ).

«Той Добрушъ бувъ молодый, здоровый, страшенне сильный, а зъ лыца дуже гарный, и пидибравъ винъ, мавъ соби одынацять товаришевъ—якъ иденъ въ иденъ—такихъ самихъ, якъ и ихъ отаманъ, молодыхъ, здоровыхъ, сильныхъ и гарныхъ.—Жылы воны въ лиси, въ такихъ пущахъ-нетрахъ, що туды никто не запажавъ и не заходывъ, и звидтель нападалы на панивъ, жыдивъ и грабили ихъ.—Найбильше Добрушъ робывъ такъ: якъ тилько прочувавъ про якого богача, що у него е багато грошей, то,—якъ той богатыръ бувъ кунецъ,—Добрушъ перебирає и соби куницемъ, якъ панъ обыч-

вателъ, то и Добрушъ робыся паномъ-обывателемъ и йихавъ четвернею, або шестернею зъ локаемъ, козачкомъ (то все булы передити его товарыши) до того богача або нибы то прямо познаемытысь, або нибы по якому дили.—Обдывышись вси входы и выходы, зобачивши вси поряды, обычаи и звычай у богатыра,—винъ часомъ йихавъ соби до дому, а на другу, або третю ничъ нападавъ зъ своимъ товарышами и грабывъ; а часомъ пидъ якимъ-небудъ выдомъ остававъ у богатыра ночуваты, въ ночи, якъ вси вспляца, встававъ, одчынавъ двери и пускавъ своихъ товарыщивъ. Винъ навить до ксендзивъ йиздывъ въ гости, перебравшись ксендзомъ и обдывышись все, потимъ нападавъ съ товарышами и грабывъ ихъ. Винъ умивъ дуже добре, якъ вгодно и чымъ вгодно перебиратысь—жыдомъ, паномъ, ксендзомъ; и якъ перебереця то никто его не мигъ пизнаты, навить товарыши.

Той Добрушъ бувъ дуже ласый до дивчатъ; якъ тилько чувъ, що у якого пана, або купца е дуже гарна дочка, заразъ перебираўся таєвъ, щобъ никто его не пизнавъ, алежъ, щобъ и не тераты своєї красы—заразъ йихавъ до того пана, або купца въ гости, нибы то кавалеромъ свататысь. Часомъ такъ въ йидне мисце йиздывъ килька разъ и старався влюбыти въ себе панну: и якъ винъ бувъ дуже гарный, то ему це часто вдавалось; тоді, выманывшы еи якъ небудъ въ лисъ, або въ огрудъ, хватавъ, видвозывъ до себе и, пожывши зъ нею 3 дни найбильше тыждень, стынавъ еи голову; а ни жадной живои не пустивъ. А якъ панна влюбытись въ себе не давалась, або выманыты еи зъ дому въ лисъ, або огрудъ также не вдавалось—то тоді Добрушъ въ ночи съ своимъ товарищамъ нападавъ на димъ; и его хлощи грабылы димъ, гроши, а Добрушъ бравъ соби тилько панну; алежъ черезъ колька днівъ и та була вже безъ головы.

Багато такъ Добрушъ звивъ зо свита дивчатъ и панинвъ.

Другой рассказчикъ, крестьянинъ с. Наирянъ Карпъ Чорный, рассказалъ о Добрушѣ и его 11 товарищахъ почти тоже, что и Присажнюкъ, съ пѣкоторыми лишь вариаціями о походженіяхъ Добруша, такъ рассказалъ о поимкѣ Добруша и его молодцевъ.—

— Довбушъ (въ разсказѣ Чернаго Добрушъ вездѣ зовется Довбушемъ) бувъ дуже великий охотникъ до паненокъ, багато винъ ихъ погубивъ; алежъ черезъ ныхъ и винъ самъ попався и пропавъ: нашлася така, що й его зловыла и погубила.

Якъ стали Довбуша и его шайку войско и начальство шукати и ловити,—то Довбушъ зъ своимъ хлощамъ перейшовъ въ другой лисъ и зновъ стали грабити.

А недалеко того лису, куды перешовъ Довбушъ, бувъ маентокъ, село; въ тому маентку жила дидычка его, пани, дуже богата, дуже зъ лица гарна, та й ще молоденька, и була вона вдовыця. Отъ прочувъ Довбушъ про ту пани и заразъ зибрався до неи въ гости: йидного своего хлонца одивъ хурманомъ, другого локаемъ, третьего форысемъ, казавъ заириагты соби шестерню коней и пойихавъ. Пройизжае; назвався грабьемъ, выдумавъ соби назывысько; отакъ щось два, чы три разы йиздывъ до тей вдовы; на решти ему надокучило йиздиты; винъ не любывъ зъ бабамы довго жартуваты и галты часу.

А та пани вдова ще раныше чула про Довбуша и зразу догадалась, что то винъ до неи йиздить,—алежъ прыкнулась, що ничего не знае, и буцимъ той грабья—нибы то Довбушъ—дуже ій сподобався: прыкнулась,—що залюблася въ него. А въ тей пани було дуже багато разнои прыслугы. Отъ той грабья,—себъ то Довбушъ,—килька разъ все просытъ паню пройтись, то въ огрудъ, то въ поле, то въ лисъ, а она все то тимъ, то другимъ видмовляеца и нейде зъ нымъ. Нарешти разъ Довбушъ прыйзжае до тей пани и просытъ еи, щобъ вона прыйхала до него въ гости кантра; що у него нибы то е старенъка маты. Пани обицала на завтра прыйхаты, тай пытае его: дежъ винъ жыве. А винъ и каже, що тамъ то и тамъ то въ лиси; она й пытае его, черезъ що винъ жыве въ лиси, а не въ сели, винъ и каже, що винъ недавно прыйхавъ зъ города и слабый—болыть у грудахъ—то дохтори казалы ему, щобъ винъ жывѣ де икъ чашь у лиси; винъ построивъ хату въ лиси, тай жыве. Пани вдала, що ни бы то повирила ему.

Алежъ на другой день пани не йиде въ гости, хоць и обицала; а пойихала доширо на другой день писля того, взивши зъ собою на всякий случай кинжала и пистоли; пидъихала до лиса, злизла зъ повоза и сказала хурману: якъ мене до завтра не буде, не вернусь, то йидъ до дому, не чыкай на мене, а сама нишла пишкомъ въ лисъ, якъ ій розсказовалы: перше прямо, потимъ направо, потимъ налево, выйшла на галяву, а на тіи галяви гарный димъ; она війшла въ середыну—обійшла еругомъ и весь димъ—ниде а ни души; а въ доми все дороже, богатее; бачыть пидъ домомъ—лехъ, вона и туды війшла,—війшла та злякалася: тамъ трунивъ прямо кунамы; а все найбильше паненокъ; идна другои краща, идна другои молодша, и всп безъ голивъ; головы особлыво, якъ гарбузы, валаюци. Допишу та пани скорійше зъ того леху: треба, думае, втикаты, а то й мени такъ буде, алежъ тилько що выйшла зъ леху—чуе—

тупотъ;—догадалась, что то вернувшись Довбушъ зъ своею шайкою десь зъ охоты, та й не мала куды, сковалась скорише пидъ идну постпль.

А то было вже вечеромъ; вже смеркалось. Війшовъ Довбушъ, а за нымъ его хлопци. Отъ Довбушъ и каже до своихъ товаришивъ: «псось не прыхала до мене въ гости моя пани; не хотила прыхаты до мене,—то я завтра поилу до неи остатній разъ; вечеромъ щобъ остатыся у неи ночуваты,—будимъ заслабну; а въночи впушу васъ—и тоди моя пани, а ваше все, що найдете въ доми». А пани лежыть пидъ постелью того самого Довбуша, ни жива—ни мертвa, и все то яде. Повечеравъ Довбушъ зъ своими хлопцими, та й ляглы спаты, и скоро поспулы, ажъ стали храпиты. Тоди пани тыхенъко вылизла зъ пидъ постили, тыхенъко выбралась зъ дому,—та давай Богъ ногы зъ лису; добигла до повоза, та скорише до дому, та й заразъ послала запыску въ городъ,—«прышлатъ роту москаливъ, бо въ мене ценъно буде Довбушъ зъ своею шайкою». Прыслалы ій роту москаливъ; она ихъ попрятала, де могла: а тутъ прыизжае и Довбушъ—все тимъ же грабью зъ козачкомъ, локаемъ, форысемъ и хурманомъ. Вечеромъ графъ заболивъ и зостався у пани ночуваты; а въночи тилько що Довбушъ одчынывъ двери и виустывъ своихъ 11 товаришивъ,—якъ зо всіхъ сторонъ повыходыли москали и всіхъ ихъ половылы и повязали,—а черезъ короткий часъ Довбушу и его 11 товаришамъ видтилы головы.—

Совершенно такой же, подобный вышеприведенному, рассказъ мнѣ разказывалъ кр. с. Рыхты Алексѣй Гнатышинъ, съ той лишь вариацией, что вдовушка не знала, что ея гость Довбушъ, а поѣхала къ нему въ гости, потому что дѣйствительно безумно влюбилась въ него. Это, можетъ быть, вѣроятнѣе и ближе къ правдѣ.

Вообще рассказы о Добрушѣ или Довбушѣ мнѣ приходилось слыхать отъ крестьянъ въ селяхъ 3 волостей: Гавриловецкой, Рыхтецкой и Должецкой, каменецкаго уѣзда.

И. Вѣнѣковскій.

Стоянка и мастерская каменного вѣка въ могилевской губерніи, изслѣдованная лѣтомъ 1893 года. Въ началѣ іюля 1893 г. прибылъ въ с. Кистени, рогачевскаго уѣзда, могилевской губерніи, профессоръ университета св. Владимира П. Я. Армашевскій, производившій геологическій взысканій въ могилевской губерніи. Въ числѣ прочихъ вещей, доставлявшихся г. профессору для определенія, учи-

тель сувалкской женской гимназии П. М. Цитовичъ принесъ фрагментъ орнаментированного сосуда съ просьбой определить степень его древности, при чёмъ сообщилъ, что на мѣстѣ находки онъ оставилъ нѣсколько подобныхъ фрагментовъ, такъ какъ всѣ они одинаковы, и число ихъ весьма незначительно. При внимательномъ осмотрѣ принесенного г. Цитовичемъ фрагмента я убѣдился, что онъ относится къ каменному вѣку, а потому на другой-же день отправился въ сопровожденіи г. Цитовича осмотрѣть мѣсто находки. Найдка была сдѣлана г. Цитовичемъ въ уроцішѣ «Залозье», находящемся на 3 версты выше с. Кистеней, на томъ-же правомъ берегу Днѣпра. Мѣстность представляетъ собою наносное образованіе (дюна) и тянется сажени на 3—4 по берегу, оканчиваясь обрывистой горой, на которой расположена усадьба А. Н. Молчанова. У подножья горы берегъ силошь усыпанъ валунами, высывавшимися при сползаніяхъ горы; по мѣрѣ приближенія къ подошвѣ горы число валуновъ уменьшается, и въ томъ мѣстѣ, где гора понижается до уровня остальной мѣстности, валуны сразу прекращаются, но за то здѣсь берегъ покрытъ фрагментами сосудовъ, кремнями и кухонными остатками, которые идутъ вплоть до ручья, вытекающаго изъ-за горы, и занимаютъ собою около 15 квадратныхъ саженей. Такимъ образомъ нельзя было сомнѣваться, что здѣсь была стоянка каменнаго вѣка. Распределеніе предметовъ на стоянкѣ было довольно неравномерно: между тѣмъ какъ фрагменты сосудовъ попадались на всемъ пространствѣ стоянки, кремни и кости встречались ближе къ рѣкѣ, а раковины сосредоточились главнымъ образомъ въ серединѣ стоянки. Такимъ образомъ наша находка распределается на слѣдующія 3 группы: 1) кремневыя орудія, 2) керамика и 3) кухонные остатки ¹⁾.

Кремневыя издѣлія встрѣтились намъ въ небольшомъ количествѣ, именно 20 предметовъ, и распределются по типамъ слѣдующимъ образомъ: 7 ножей, 5 острій, 5 скребковъ и 3 ядрища. На изготавленіе всѣхъ этихъ предметовъ употреблялся или темно-серый или свѣтло-лиловый кремень. Ножи ограничены 3 плоскостями и отбиты мелкими ударами; всѣ среднаго размѣра; изъ нихъ 4 ножа сохранились въ цѣломъ видѣ, отъ трехъ-же остались только половинки. Острія (pointes de dards, Pfeilspitzen) ограничены 3 плоскостями и

¹⁾ Большая часть найденныхъ здѣсь предметовъ хранится въ археологическомъ кабинетѣ университета св. Владимира за №№ 5893—5910, остальные же поступили въ мою коллекцію.

отбиты мелкими ударами; вся небольшого размѣра. Скребки или скребла (*grattoir, racloir*) отбиты мелкими ударами и весьма невелики. Нуклеусы (*nucleus*) не велики и легки.

Кухонные остатки (*kjockkenmoedding*) состояли главнымъ образомъ изъ обломковъ раковины *Unio pictorum*; только у рѣки намъ попались одна цѣлая кость, зубъ и нѣсколько осколковъ кости какогото, вѣроятно, домашняго животнаго. Къ сожалѣнію, цѣлая кость и зубъ были утеряны, и такимъ образомъ мы не можемъ дать болѣе точнаго опредѣленія, какому животному они принадлежали.

Керамика ¹⁾ выразилась въ огромномъ количествѣ фрагментовъ сосудовъ, изъ которыхъ только немногіе не имѣютъ орнаментики. Среди этого огромнаго количества фрагментовъ намъ встрѣтились только 2 днища и нѣсколько обломковъ верхнаго края сосуда; остальную-же массу фрагментовъ трудно отнести къ какой-либо опредѣленной части сосуда. Сосуды были сдѣланы безъ гончарного круга, поэтому внутри они довольно шероховаты; днища имѣли или острыя, или круглые; верхній край мало выдавался. Обжигъ сосудовъ не одинаковъ: между тѣмъ какъ одни сосуды обожжены и внутри и снаружи очень хорошо, въ другихъ наружный слой хорошо обожженъ, внутренній-же почти не обожженъ, поэтому такие сосуды внутри чернаго цвѣта и сильно зубчаты. Всльдѣствіе различія въ обжигѣ сосуды и снаружи не одинакового цвѣта: одни довольно свѣтлы, между тѣмъ какъ другіе имѣютъ темно-бурый цвѣтъ.

Несомнѣнно, что керамика составляетъ самую важную часть нашей находки, какъ по большому количеству ея представителей, такъ и по разнообразію орнаментовъ, представляющихъ собою первыи произведенія искусства доисторическаго человѣка. Сначала человѣкъ, поставленный лицомъ къ лицу съ враждебной ему природой, долженъ былъ заботиться о томъ, какъ бы лучше устроиться, поэтому все его вниманіе обращено на усовершенствованіе средствъ, служившихъ ему для защиты и для добыванія пищи, на отысканіе болѣе или менѣе сноснаго жилья и т. д. Только ознакомившись съ природой и устранившись среди нея, онъ сталъ замѣтить различіе между предметами по степени ихъ красоты. Такимъ образомъ у доисторическаго человѣка возникло эстетическое чувство, а вмѣстѣ съ тѣмъ явилась потребность удовлетворить ему. Памятниками этого являются немногого-

¹⁾ Керамика помѣчена въ университетскомъ каталогѣ однимъ общимъ № 5910.

численные рисунки на кости¹⁾ и на камъ²⁾). Но этотъ видъ искусства не могъ достигнуть высокой степени развитія, такъ какъ доисторической человѣкъ обладалъ весьма несовершенными орудіями. Появленіе и развитіе гончарства дало человѣку болѣе удобный для его эстетическихъ заштатъ матеріалъ. «Въ археологіи, особенно первобытной», говоритъ гр. Уваровъ³⁾, «всѣ эти памятники гончарства, сдѣланные еще неумѣлою рукою, пріобрѣтаютъ для наблюдателя особое значеніе. Понятно, что гончарный издѣлія, приготовленныя изъ дурной смѣси глины, при незнаніи условій хорошаго обжига, имѣли такую хрупкость, что не допускали даже мысли о перевозкѣ ихъ на дальнее разстояніе. Но память не приходится жалѣть обѣ этой чрезвычайной хрупкости, которая, вслѣдствіе именно такого недостатка, и служить удостовѣреніемъ, что всѣ издѣлія изготовлены на тѣхъ мѣстахъ, на которыхъ мы ихъ теперь находимъ. Такимъ образомъ, гончарный памятникъ прежде всего является, какъ мѣстное произведеніе. Затѣмъ, на немъ отражается вполнѣ умѣніе или неумѣніе гончара, что кладеть на самое издѣліе особый, личный отпечатокъ. При этомъ гончаръ придаетъ ему форму, которая была общепринята въ извѣстной мѣстности и украшаетъ его такъ, какъ поимали украшенія другіе члены того-же поселенія. Вообще личный отпечатокъ гончара, въ древнѣйшія времена, могъ выказаться вполнѣ ясно, такъ какъ не было тогда тѣхъ фабричныхъ инструментовъ, которые механически подводятъ всякая издѣлія подъ одинъ общий, безцѣнный образецъ. Въ первобытныя времена, напротивъ того, инструменты, которыми пользовался гончаръ, были такие простые, такие незатѣльные, что никакъ не могли изгладить личное влияніе мастера на издѣліе. Однимъ словомъ, гончарство въ первобытныя времена развилось у всѣхъ народовъ какъ мѣстное ремесло, весьма даже своеобразное и, выѣзжая съ тѣмъ, служившее нещественнымъ отпечаткомъ культурнаго развитія этихъ народовъ». Къ сожалѣнію, въ русской археологіи мало обращали вниманія на гончарство каменнаго вѣка, особенно-же печальна участъ орнаментики этой эпохи. Орнаменты

¹⁾ Гр. Уваровъ. Археология Россіи. Гаменій веріодъ. I. M. 1881, стр. 226, № 30.

²⁾ Ibid, II, таб. 27, № 250; таб. 48, № 2835 и т. д.

³⁾ Ibid, I, стр. 253.

сосудовъ каменпаго вѣка, найденныхъ въ Россіи, до сихъ поръ не были описаны и классифицированы по типамъ, по способу производства и по степени древности ихъ; поэтому мы не имѣемъ даже строго установленныхъ терминовъ для определенія того или другого типа орнамента, и способъ описанія ихъ еще не выработанъ. Между тѣмъ изученіе орнамента каменаго вѣка, по справедливому замѣчанію кн. Путятинѣ¹⁾, составляетъ одну изъ важнейшихъ задачъ доисторической археологии, а также, по нашему крайнему убѣждѣнію, исторіи искусствъ. Изученіе же только одной стороны быта доисторического человека,—развитія, практическихъ знаній у него, при совершенномъ игнорированіи другой столь же важной стороны быта,—развитія эстетическихъ стремленій, стоящихъ въ прямой связи съ появлениемъ первыхъ зародышей пластическихъ искусствъ, является сильнымъ проблѣмъ въ нашей археологии²⁾.

Встрѣтившіеся на нашей стоянкѣ орнаменты, по способу производства, раздѣляются на 3 группы: орнаментъ ямочный, парѣзами и наколами; при чемъ каждая изъ этихъ группъ имѣеть иѣсколько разныхъ типовъ, а каждый типъ—массу вариантовъ. Ямочный орнаментъ встрѣтился намъ на большей части фрагментовъ; онъ производился или орудіемъ съ гладкимъ концемъ, или орудіемъ съ слегка закругленнымъ концемъ. Въ первомъ случаѣ, ямочки очень глубоки, имѣютъ видъ полаго цилиндра, разстояніе между ямочками велико, и они идутъ только въ одинъ рядъ³⁾. Этотъ типъ орнамента встрѣтился намъ только на 5 фрагментахъ верхнаго края сосуда, при чемъ на 2 изъ нихъ замѣтны слѣды какого-то другого болѣе мелкаго орнамента. На одномъ фрагментѣ такая ямочка идетъ пасквиль, но въ этомъ случаѣ она сдѣлана скорѣе для подвѣшиванія сосуда, чѣмъ для украшенія. Во второмъ случаѣ ямочки довольно мелки, суживаются ко дну и густыми рядами покрываютъ весь сосудъ; они бываютъ почти круглые и сильно продолговатыя, при чемъ все 3 типа

¹⁾ Ориаментация древняго гончарства (Труды VI Археол. съѣзда. Г. I. Одесса. 1886, стр. 85).

²⁾ Въ нашей замѣткѣ мы опредѣляемъ типы орнаментовъ тѣми терминами, какіе употребляетъ кн. Путятинъ въ упомянутой выше замѣткѣ.

³⁾ Ср. Гр. Уваровъ. Археология Россіи. II, таб. 18. №№ 4006, 4007, 4009, 4010 и т. д.; таб. 20, № 4034а и т. д.

представляют еще и варианты по величинѣ ямочекъ¹⁾. Этотъ видъ орнамента встрѣтился намъ на громадномъ количествѣ фрагментовъ. Орнаментированіе *нарѣзами* производилось или крупнымъ, вѣроятно, кремневымъ орудіемъ, или мелкимъ орудіемъ и, вѣроятнѣе всего, рыбьей костью. Въ первомъ случаѣ, нарѣзы мелки и коротки, идутъ густо другъ подлѣ друга и въ иѣсколько рядовъ оноясываютъ сосудъ. Орнаментъ второго типа встрѣтился намъ только на 3 очень небольшихъ фрагментахъ; онъ узокъ, глубокъ и въ 2 ряда тянется во всю длину фрагментовъ. Къ этому же типу можно отнести, по способу производства, очень изящный, ромбовидный орнаментъ, встрѣтившійся на одномъ только фрагментѣ. На одномъ фрагментѣ часть покрыта ямочками, а часть — нарѣзами. Орнаментъ *наколами* встрѣтился на значительномъ количествѣ фрагментовъ и представляетъ массу типовъ. Иногда наколы группируются по 4—6 въ рядъ, при чёмъ эти ряды наколовъ идутъ въ 5—7 рядовъ; на плохо сохранившихся фрагментахъ наколы такъ сливаются, что могутъ быть приняты за нарѣзы. Такими-же наколами произведенъ и такъ называемый елочный орнаментъ, который представляетъ 2 варианта: 1) линіи, образующія елочку, не сходятся въ вершинѣ, и такимъ образомъ остается пустое пространство и 2) черезъ вершину елочки проведена углубленная черта. Совершенно похожъ на елочный орнаментъ, такъ называемый, діагональный орнаментъ; различіе его съ елочнымъ состоитъ въ томъ, что линіи елочекъ сходятся другъ съ другомъ и образуютъ такимъ образомъ зигзаги. На иѣкоторыхъ фрагментахъ наколы идутъ густо въ 3—5 рядовъ и образуютъ треугольники, и т. д. Наконецъ, на иѣсколькихъ фрагментахъ намъ встрѣтился мелкий, густой, силошь покрывающій фрагменты наколъ.

Общій выводъ, къ которому можно прійти, на основаніи представленного нами выше описанія обстоятельствъ находки и найденныхъ предметовъ, заключается въ слѣдующемъ: хорошая отдѣлка орудій и присутствіе изящно орнаментированныхъ фрагментовъ сосудовъ показываютъ, что наша находка относится къ такъ называемой неолитической эпохѣ; присутствіе ядрищъ позволяетъ намъ заключить, что здѣсь была не только стоянка, но и мастерская кремневыхъ орудій; наше мнѣніе подтверждается и тѣмъ обстоятельствомъ, что тутъ

¹⁾ Ibid, таб. 23, № 4286; таб. 35, №№ 495 и 499 и т. д.; 3.0. Оссовской. Опыт хронологической классификаціи находокъ каменного века въ Россіи (Труды VI Археол. С. Т. I), таб. 6, №№ 1, 3 и 14.

на берегу попадается много кремня; такимъ образомъ доисторическій человѣкъ имѣлъ нужный ему материалъ подъ рукою; значительная степень развитія гончарства показываетъ, что культура людей, посѣщавшихъ эту местность, была довольно высока¹⁾.

Киевъ, 1894 г.

В. Е. Данилевичъ.

Женитьба разбойника Гаркуши послѣ бѣгства его съ каторги. Слѣдующее распоряженіе графа П. А. Румянцева говоритьъ объ этой женитьбѣ знаменитаго разбойника²⁾.

«Преосвященнѣйшій господинъ Епископъ Переяславскій и Бориспольскій, мой милостивый архиастыры!

Наблюденіе общаго покоя и безопасности есть одно изъ славныхъ артикуловъ моей должности, а потому и главнымъ же предметомъ моихъ стараній быть должно, и кои не могутъ имѣть своего надлежащаго дѣйствія, если издаваемыя на то установленія не повсемѣстно наблюдаются, а вольми паче пренебрегатся будуть тѣми, коихъ непосредственной есть долгъ не только самимъ наблюдать, но и иныхъ въ томъ поучать и наставлять. Въ томъ разсужденіи принужденъ я его преосвященства г. архієпископа митрополита Киевскаго и Галицкаго Самуила просить, чтобы онъ по изслѣдованіи благоволилъ съ священникомъ слободы Ромодановки³⁾ владѣнія г. генераль маюра Шамшевича приказать поступить по законамъ, который, какъ представляетъ мяѣ лубенскій земскій исправникъ, въ той слободѣ въ воровской шайкѣ бывшаго, бѣжавшаго съ каторги и имѣющаго на лицѣ знаки, дѣлаемые на казнь осужденнымъ, цвнаго разбойника Семена Горкушу, и о поимкѣ котораго не разъ, но многажды притвержаемо было, съ крестьянскою дѣвкою Меланіею Чвиркаловною обвѣчалъ, а ваше преосвященство покорнѣйше прошу всѣмъ епархіи вашей духовнымъ, а особенно нарочіальнымъ священникамъ предписать, дабы они что къ свѣдѣнію, наблюденію и исполненію народа надле-

¹⁾ Обращаемъ вниманіе гг. археологовъ, что предметы каменнаго вѣка часто встречаются въ окрестностяхъ нашей стоянки, напр., въ с. Кистеняхъ, въ д. Мадорѣ, въ с. Нижней Тощацѣ, въ с. Шапчинчахъ и т. д.

²⁾ О Гаркушѣ наиболѣе полны свѣдѣнія собраны въ статьѣ И. А. Маркевича, напечат. въ Русск. Словѣ 1859 г., № 9, стр. 138—244.

³⁾ Теперь никакой слободы Ромодановки не существуетъ, а есть лишь хуторъ Ромодановскій, въ дохвіцкомъ уѣздѣ.

житъ, какъ я о томъ вашему пр—ву отъ 26 апрѣля 1779 г. сооб-
щилъ, при собраніи въ церквахъ, по окончаніи божественной літур-
гію, читали и парохіянъ ихъ всячески въ благоправію и благочинію
наставляли.

Пребывающій съ истиннымъ къ вамъ почтеніемъ вашего прео-
священства покорнѣйшій слуга (Румянцовъ). 9 генваря 1784 года.
(Съ черновика въ бумагахъ М. О. Судѣнка).

БИБЛІОГРАФІЯ.

Херсонскія Епархіальныя Вѣдомости (Прибавленія) 1885—1894 г.

Десять лѣтъ назадъ въ «Кiev. Старинѣ» мы дали бібліографіческий обзоръ матеріаловъ по географіи и исторії южной Россіи въ «Прибавленіяхъ» къ Херсонск. Епарх. Вѣд. за первые 25 лѣтъ изда-
нія послѣднихъ¹⁾). Въ настоящее время мы имѣемъ въ виду продолжить этотъ обзоръ, познакомивъ читателей съ новыми матеріалами, напечатанными въ «Прибавленіяхъ» съ того времени.

Нельзя не отнести съ глубокимъ сочувствіемъ къ обыкновенію духовенства составлять и печатать историческія записки о церквахъ и ихъ приходахъ. Сколько намъ известно, въ херсонской епархіи ініціатива въ этомъ дѣлѣ принадлежитъ епархіальному начальству. Но пріятно убѣдиться, что распоряженіе епархіального архіерея вызываетъ перѣдко живое сочувствіе исполнителей, которые, не ограничиваясь сухой, канцелярской отпиской, относятся съ интересомъ и вниманіемъ къ своему труду, описываютъ памятники, роются въ архивахъ, записываютъ преданія и тщательно сопоставляютъ собранія разными путями, иногда съ немалымъ трудомъ, крохи. Этотъ родъ литературы въ епархіальныхъ вѣдомостяхъ самый интересный; съ него мы и начнемъ нашъ обзоръ.

«Историческая записка объ Очаковскомъ Николаевскомъ соборѣ» прот. Гр. Судковскаго (1885 г. №№ 20 и 22) составлена по документамъ церковного архива. Соборъ перестроенъ изъ турецкой мечети; 12 праздничныхъ иконъ перенесены сюда изъ старой греческой церкви, существовавшей въ Очаковѣ во времена турецкаго владычества; иконы: Воскресеніе Лазаря (на правой стѣнѣ) и Благословеніе дѣтей (на

¹⁾ „Кiev. Ст.“ 1885 г., октябрь.

львой) — работы некоинаго академика Р. Г. Судковскаго, бывшаго тогда воспитаникомъ Академіи художествъ (похороненъ въ оградѣ собора); въ церковно-приходской школѣ Очакова (съ 1812 г.) первымъ учителемъ былъ Гонта, братъ извѣстнаго въ исторіи уманской рѣзни Гонты.

«Историч. записка о Грушевской церкви и ея приходѣ» свящ. П. Торскаю (1886 г. №№ 17 и 18). Село Грушевка лежитъ при р. Базавлукѣ, въ ближайшемъ сосѣдствѣ съ посѣднимъ копцемъ Запорожской Сѣчи, нынѣ селомъ Покровскимъ екатериносл. губ. По преданію, первыми поселенцами Грушевки были бродяги, а отчасти запорожцы; по замѣчанію автора, здѣсь и теперь есть много лицъ, носящихъ извѣстныя запорожскія фамиліи, какъ то Кулікъ, Головатый, Глоба, Довбышъ; при этомъ о нѣкоторыхъ изъ пихъ старожилы положительно утверждаютъ, что они происходятъ отъ лично извѣстныхъ имъ запорожцевъ; близъ села сохранились два камогильныхъ креста, съ надписями — на одномъ: «зде опочива рабъ Божии Семенъ Вѣлій козакъ вѣска запорожского ку...ю коренѣвъ», на другомъ: «зде погребенъ славнаго войска запорожскаго... куреню.. войск.. Григорія Никитов... братъ рабъ Божи 1748 г. 9 августа»; часть праваго берега Базавлука у самой Грушевки и теперь носить название *рядка Колнашиха*, по имени посѣднаго кошевого Калнышевскаго; село Грушевка получило название отъ грушевыхъ деревьевъ, въ изобилии росшихъ здѣсь; часть ихъ сохранилась и до настоящаго времени.

«Историч. записка о свято-Покровской церкви с. Возсіятскаго и ея приходѣ» свящ. П. Поручики (1887 г. № 19). С. Возсіятское расположено на югѣ елисаветград. у.. По преданію, первымъ поселенцемъ въ этой мѣстности былъ выходецъ изъ Молдавіи Розмарина¹⁾; позднѣе сюда стали переселяться жители изъ курской и полтавской губ., въ составъ возсіятскаго прихода входить д. Васильевка, названная по имени первого ея владѣльца Василія Хмельницкаго, который будто бы былъ потомкомъ знаменитаго Богдана Хмельницкаго. Въ 1827 г. Возсіятское обращено въ военное поселеніе. Весьма любопытны простодушные разсказы старожиловъ о ихъ построженіи въ поселанъ: «Когда по требованію военнаго начальства безотлагательно должны были все крестьяне склонуть съ головъ длинные волосы и брить запущенные бороды, то горе и отчаяніе ихъ не знало

¹⁾ Въ елисаветгр. уѣздѣ есть иѣскоілько деревень, носящихъ название Розмарина.

предѣловъ. Между тѣмъ по требованію начальства идуть они въ комитетъ, но идутъ, точно на смерть; платить старинки, какъ дѣти, а ихъ стригутъ, какъ овецъ. Выпустятъ—бѣгутъ домой, и свѣтъ Божій не тотъ. Причутъ головы и лица; страшно, стыдно, и сами не знаютъ, куда дѣваться. Вотъ добрали до своей хатенки, а тутъ жена въ плачѣ, дѣти въ крикѣ, не узнаютъ своего отца родного, бѣгутъ отъ него, причутся. Горе отца еще болѣе усиливается; горше и онъ злится слезами» ...

Лѣтопись прихода с. Ольшанки св. Іоанна Милостиваго церкви свящ. Вл. Лобачевскаго (1888 г. №№ 13, 18, 23; 1891 г. №№ 10, 11, 12, 13, 14; 1892 г. №№ 17, 18, 19) по своей разносторонности и обстоятельности принадлежитъ къ выдающимся проповѣдіямъ этого рода. Въ свое время мы познакомили читателей «Кiev. Стар.» съ рукописью «Лѣтописи» о. Лобачевскаго въ извлечениіи¹⁾, а потому здѣсь было бы излишнимъ вдаваться въ подробности о ней. Но не можемъ отказать себѣ въ удовольствіи подѣлиться съ читателями вѣкоторыми чертами изъ частырско-просвѣтительной дѣятельности почтенного автора. «Когда мнѣ пришлось ближе познакомиться съ своими прихожанами, какъ настырю съ часомъ, и узнать ихъ религіозное состояніе, говорить о. Владимиѳ, то я изумился, нашедши ихъ совершенными младенцами въ вѣрѣ. Большинство изъ нихъ не умѣло вовсе Богу помолиться, ибо не знало первѣйшихъ молитвъ, о заповѣдахъ понятія не имѣли, а о происхожденіи міра, человѣка, его назначеніи, загробной жизни существовали какія то легендарныя отрывочные сказанія до христіанской эпохи... На всѣ мои... вопросы они обыкновенно отвѣчали мнѣ: «а Богъ его знаетъ! мы люди темные, за поселенія намъ не до этого было, отъ насъ требовали службы, работы»... Опыты церковнаго проповѣдничества не приводили ни къ чему и даже служили поводомъ для созданія новыхъ легендарныхъ сказаний, будто бы выслушанныхъ изъ церковныхъ проповѣдей. «Однажды, напр., разсказываетъ о. Лобачевскій, возникла молва въ приходѣ, будто батюшка говорилъ въ церкви, что чрезъ двѣ недѣли наступитъ конецъ міра, будетъ страшный судъ, каждый долженъ приготовиться къ смерти и приготовить для себя чистую белую рубаху, о чёмъ меня затѣмъ въ приходѣ неоднократно осаждали вопросами. Въ другое время циркулировалъ слухъ въ приходѣ, будто батюшка объяснялъ въ церкви, что лѣтомъ будетъ большой моръ на людей,

¹⁾ Бугское казначейство и военные поселенія. „Кіев. Ст.“. 1887 г. № 12.

Что оудеть большой урожай хлѣба, но некому будетъ убирать его, много народа вымреть». Прихожане о. Лобачевского были болгары, но, правду сказать, и при другихъ условіяхъ ироновѣдникъ могъ оказаться точно въ такомъ же положеніи. Добрый пастырь, однако, не опустилъ рукъ; онъ утѣшался евангельскимъ изреченіемъ: «иго бо Мое Благо, и бремя Мое легко есть». Онъ начинаетъ по праздникамъ посѣщать дома своихъ прихожанъ и бесѣдоватъ съ ними за-просто, на болгарскомъ языке; бесѣды эти имѣли успѣхъ; когда стало увеличиваться количество желавшихъ участвовать въ бесѣдѣ съ батюшкой, то онъ назначилъ для того особый просторный домъ, въ которомъ по праздничнымъ вечерамъ и вель продолжительная собесѣданія, названные его прихожанами «свето горо» (священное собраніе). «Часто случалось, говорить онъ, что я, послѣ 2—3 часовъ бесѣды въ домѣ, въ которомъ и на печи, и въ сѣнахъ было биткомъ набито слушателей, уставалъ и заканчивалъ собесѣданіе; тогда слушатели, не подозрѣвая, что миѣ тяжело уже, наивно и искренно обращались ко мнѣ съ просьбой: «батюшка, посидите еще съ нами, расскажите намъ, темнымъ, еще что-нибудь! Уступая просьbamъ, я оставался еще, еще увлекался бесѣдою, до того, что уже силъ не доставало, и читать становилось невозможнымъ отъ темноты, ибо свѣчи, которыхъ зажигали по нѣсколько штукъ, отъ тѣноты народа и скопленія углекислоты, совершенно тухли. Тогда мы, часовъ около 10—11 зимней ночи расходились по домамъ». Внослѣдствіи, при со-дѣйствіи организованного о. Лобачевскимъ приходскаго братства, выстроено новое зданіе для школы; въ немъ изъ двухъ классныхъ ком-натъ, раздѣленныхъ деревянною раздвижною стѣною, на время на-родныхъ собесѣданій составляется одна большая зала; «теперь, го-ворить о. Лобачевскій, въ школу собирается на собесѣданіе слу-шателей.. до 500 и болѣе душъ»; собесѣданія сопровождаются общимъ пѣніемъ молитвъ и псалмовъ и демонстрируются тѣневыми картинами при собственномъ братскомъ фонарѣ.

«Краткія свѣдѣнія о Шамовской Рождество-Богородичной церкви (ко даю столѣтіи этой)» свящ. В. Иващенко (1888 г. № 17). Церковь выстроена въ 1788 г. стараліями и средствами подполковника Са-муила Хорвата, основателя села Шамовки (1760 г.)—нынѣ александ-рійскаго уѣзда.

«Краткая записка о Елисаветградскомъ Успенскомъ соборѣ» прот. Ф. Еленевскому (1888 г. № 22).

«Историческая записка о городѣ Очаковѣ и Очаковскомъ Николаевскомъ соборѣ» (1889 г., №№ 2, 6, 9, 10 и 11). Статья юбилейная. Глава о завоеваніи Очакова составлена главнымъ образомъ по Соловьеву; глава о соборѣ есть перепечатка статьи, напечатанной раньше (въ 1885 г.); послѣдняя глава: «старый и новый городъ» написана, повидимому, по личнымъ наблюденіямъ автора.

«Мѣстечко Дмитровка александрийскаго уѣзда» свящ. Г. Сорокина (1891 г. №№ 17, 21 и 23). Сообщаются довольно подробныя свѣдѣнія по топографіи, исторіи, этнографіи и статистикѣ названаго мѣстечка, при чемъ авторъ пользуется документами церковнаго архива и личными наблюденіями. По преданию, которое онъ считаетъ достовѣрнымъ, въ 1736 г. въ Дмитровкѣ татары сожгли церковь, что можетъ служить свидѣтельствомъ сравнительно древняго существованія мѣстечка. Народонаселеніе—малороссы и великороссы; они живутъ отдельно, не смѣшиваясь ни въ семейной, ни въ хозяйственной жизни. Изъ упоминаемыхъ и описываемыхъ авторомъ обрядовъ, указемъ на существование обычая побратимства и посестримства—какъ у великороссовъ, такъ и у малороссовъ.

«Церковно-историческая лѣтопись объ Ананьевскомъ Свято-Николаевскомъ соборѣ и его приходѣ» свящ. Ф. Тиховскаго (1892 г. №№ 13 и 15).

Столѣтіе первой въ Одессѣ церкви, нынѣ кафедральнаго собора» А. Л. (1892 г. № 18). Перепечатка изъ «Новор. Телегр.».

«Къ описанію приходовъ заштатнаго города Новогеоргіевска» александрийскаго у. свящ. В. Шахова (1893 г. №№ 13, 15, 17, 18, 24; 1894 г. № 19; статья пока не закончена). Трудъ въ высшей степени обстоятельный и исполненный съ большимъ вниманіемъ и умѣлостью. Въ немъ читатель прежде всего найдетъ подробнѣя свѣдѣнія по топографіи города, при чемъ сообщается довольно мѣстныхъ названий; затѣмъ слѣдуютъ историческія данныя. Прежнее название Новогеоргіевска—Крыловъ; съ 1615 года это—укрѣпленное мѣсто, въ эпоху руины уничтожено, но скоро снова стало заселяться выходцами съ кievской стороны и раскольниками; много народа переселилось сюда изъ кievскаго (польскаго) Крылова, лежащаго напротивъ херсонскаго, на лѣвой сторонѣ Тасьмина. Послѣ сообщенія общихъ свѣдѣній, авторъ переходитъ къ частному обозрѣнію церквей и ихъ приходовъ. Первая, Покровская церковь, перенесена сюда изъ польскаго Крылова; на перестройку ея переяславскій епископъ Гервасій выдалъ въ 1767 году просительную грамоту и книгу для сбора по-

жертвованій въ Сѣчи Запорожской (приведена въ статьѣ цѣликомъ); конецъ церкви былъ не совсѣмъ обыкновенный: по преданію, окружной командиръ военныхъ поселеній полковникъ Антоновъ устроилъ изъ обетшавшей церкви винокуренный заводъ около Глинска... При церкви была пасѣка и садъ; въ день храмового праздника на церковныя средства варили медъ, покупали мясо и водку и угожали народъ; расходы эти, впрочемъ, дополнялись прихожанами; изъ церковныхъ доходовъ въ прошломъ столѣтіи обращаютъ на себя вниманіе «любочное» и «съ мертваго за сукно». Успенская церковь гор. Новогеоргіевска первоначально также перенесена изъ кіевскаго Крылова; въ инвентарѣ ея находится нѣсколько церковныхъ книгъ, напечатанныхъ въ концѣ XVII и въ XVIII в., и колоколъ съ слѣдующей надписью: «сдѣланъ сей звонъ въ Россійскій Крыловъ до храму Успенія Пресвятой Богородицы стараніемъ протоіона Симеона Петрова и брата его іерея Димитрія, а коштомъ бывшихъ запорожскихъ козаковъ Кошового Григорія Лантуха, Деміана Платнеревскаго, Ивана Похола и прочихъ доброхотныхъ дателей 1767 г. по разбитіи въ Кіевѣ перелить въ 42 пуды 29 ф. 1772 г. маї 14».

Покончивъ этимъ съ историческими описаніями церквей и приходовъ, укажемъ на статьи о штундизмѣ, какъ извѣстно, появившемся раніе всего въ херсонской епархіи и здѣсь свившемъ себѣ гнѣзда.

«Происхожденіе малорусскаго штундизма и его сущность» П. Л. (1885 № 5). Перепечатано изъ «Кіевлянина». «Въ мірѣ штундистовъ» свящ. И. Зубова (1887 г. №№ 3 и 4). «Новыя свѣдѣнія о штундизмѣ» П. Петрова (№№ 13 и 16). «О прошедшемъ и настоящемъ положеніи штундизма въ Елисаветградскомъ міссіонерскомъ районѣ» свящ. И. Зубова (№ 18). «Краткія свѣдѣнія о прошломъ и настоящемъ штундизма въ Любомирѣскомъ приходѣ Елисаветгр. у.» свящ. И. Автономова (№ 20) (въ Любомирѣ живетъ извѣстный Рябошапка). «О положеніи штундизма въ Елисаветградскомъ міссіонерскомъ округѣ въ 1887 году» свящ. И. Зубова (№ 21). «Свѣдѣнія о положеніи штундизма въ с. Андріановкѣ тираспол. у.» свящ. А. Шостака (1891 г. № 20). Въ томъ же номерѣ свящ. И. Филипповичъ сообщаетъ о молоканахъ с. Катериновки ананьевск. у.

Біографическая свѣдѣнія о лицахъ церковной іерархіи находимъ въ слѣдующихъ статьяхъ:

«Пятидесятилѣтіе священства прот. М. Павловскаго» (1886 г. №№ 1 и 2). Протоіерей Павловскій—мѣстный уроженецъ, заслуженный

професоръ и почетный членъ Новороссійскаго университета. «Изъ воспоминаній бывшаго уніатскаго ієромонаха» архим. Владил. Терлецкаго (1887 г. №№ 7 и 8; 1888 г. №№ 18, 24). «Миїніе архіеп. Іннокентія о ви. М. С. Воронцовѣ» И. Палимпестова (№ 12). «Изъ воспоминаній о почившемъ въ Бозѣ архієпископѣ Дмитріѣ и знаменательный сонъ» (№ 24). «Слова и рѣчи, произнесенные у гроба въ Бозѣ почившаго архіеп. Никанора» (1891 г. № 1). «Гр. А. Г. Строгановъ» (№ 17). «Черты изъ жизни въ Бозѣ почившаго митроп. Платона, бывшаго архієпископомъ въ Одесѣ» (1892 г. № 12). «Изъ исторіи церковной іерархіи и духовнаго просвѣщенія въ Новоросс. краѣ и Одесѣ» Евг. Лотинова (1894 г. № 18)—читано 23 авг. 1894 г. въ залѣ Одесского епарх. женск. училища. «Письма А. С. Стурдзы къ архіеп. Іннокентію» сообщ. Н. Барсовоѣ (№№ 20, 21, 23 и 24). Стурдза, оставивъ государственную службу и поселившись въ Одесѣ, отдался духовно-литературной дѣятельности и благотворительности; къ этимъ двумъ сферамъ его дѣятельности относится содержаніе писемъ, напечатанныхъ здѣсь и извлеченныхъ изъ собранія бумагъ преосв. Іннокентія, принесенныхъ въ даръ Импер. Публ. Библіотекѣ Н. Х. Палаузовымъ.

Духовно-учебныхъ зведеній касаются статьи А. Помицкаго «Историч. записка объ открытии елисаветградскихъ духовныхъ училищъ» (1889 г. №№ 20, 21, 22, 23, 24 и 1890 г. №№ 1, 2, 5, 6, 10, 11, 19) и Л. Мацьевича «Историч. замѣтки объ одесской духовной семинаріи» (1894 г. №№ 10 и 11, пока не кончена). О первой изъ нихъ въ свое время данъ былъ отзывъ въ «Кiev. Стар.»¹⁾.

Исполнившійся въ прошломъ году юбилей юр. Одессы отмѣченъ въ «Епарх. Вѣдомостяхъ» также нѣсколькими статьями, а именно:

«Одесса въ первыя эпохи ея существованія» прот. А. Л. (изъ «Новор. Тел.»; 1894 г. № 1). Авторъ полемизируетъ съ проф. Надлеромъ (отчетъ о книгѣ послѣдняго см. въ «Кiev. Ст.» за прошлый годъ): ссылаясь на официальный документъ, напечатанный въ исторіи Одессы Смольянинова, онъ утверждаетъ, что основаніе города состоялось дѣйствительно 22 августа; однако мнѣніе прот. А. Л., что того же числа былъ заложенъ одесский соборъ, не доказано имъ въ окончательномъ видѣ. Далѣс укажемъ статьи. «Празднованіе столѣтней жизни Одессы», «О сочиненіяхъ и брошюрахъ, вышедшихъ въ свѣтъ по случаю столѣтія Одессы» (№ 17) и «О сочиненіяхъ свящ.

¹⁾ 1891 г. № 2.

С. Петровского къ столѣтнему юбилею Одессы». Сочиненія о. Петровского носятъ слѣдующія заглавія: 1) «Одесскій каѳедральный Преображенскій соборъ» и 2) «Семь херсонскихъ архіепископовъ». Объ обоихъ рецензентъ отзывается съ большой похвалой.

Изъ другихъ событий въ краѣ отмѣчено открытие памятника проф. В. И. Григоровичу на могилѣ его въ Елисаветградѣ описаніемъ торжества и рѣчами, сопровождавшими его (1892 г. № 21 и 22).

В. Ястребовъ.

Матеріали для біографії Гоголя. В. И. Шенрока. Томъ третій. М. 1895.

Мы уже имѣли случай на страницахъ «Кievской Старины» (1892, № 4 и 1893, № 3) говорить о двухъ первыхъ томахъ капитальнаго труда г. Шенрока о Гоголѣ. Если принять въ соображеніе ту добросовѣстность, съ которой относится авторъ къ своей задачѣ, и ту массу труда, которую онъ полагаетъ на ея выполнение, то должно признать, что «матеріали для біографії Гоголя подвигаются довольно быстро (I томъ вышелъ въ 1892 году, а II—въ 1893-мъ). Вновь вышедший III томъ заключаетъ въ себѣ изложеніе жизни и литературной дѣятельности Гоголя за шесть лѣтъ, съ 1836 по 1842 годъ, т. е. двѣ его побѣдки за-границу, когда были написаны «Мертвые Души», и затѣмъ—пребываніе въ Москвѣ, во время которого Гоголь былъ занятъ печатаніемъ своей великой «ноэмы», а также обработкой иѣкоторыхъ другихъ, болѣе мелкихъ трудовъ, задуманныхъ и частію набросанныхъ имъ за границей. Большая часть содѣржанія этого тома, по принятому авторомъ порядку, уже была напечатана, въ два послѣдніе года, въ «Вѣстникѣ Европы» и «Артистѣ», но независимо отъ того въ вышедшій томъ введено и немало новаго и чрезвычайно интереснаго матеріала. Подобно двумъ первымъ, третій томъ «матеріаловъ» г. Шенрока очень богатъ фактическимъ содѣржаніемъ; можно сказать, что въ этомъ отношеніи авторъ даже идетъ впередъ, углубляясь въ изученіе своего предмета и овладѣвая все болѣе и болѣе обширными средствами для его всесторонняго разслѣдованія и освѣщенія; вирочемъ, тутъ помогали автору и иѣкоторые независимѣшіе отъ него обстоятельства: источники для указанной поры жизни и дѣятельности Гоголя получаются значительную полноту, дающую автору возможность слѣдоватъ за нимъ дѣйстви-

тельно почти «по пятамъ»; кроме того, во времена III-го тома «материаловъ» г. Шенрока въ самое послѣднее время опубликовано было несолько важныхъ историко-литературныхъ мемуаровъ, оказавшихъ большую услугу автору въ уясненіи той обстановки, среди которой жилъ Гоголь въ періодъ созданія и печатанія «Мертвыхъ Душъ»; самъ г. Шенрокъ особенную цѣну въ этомъ отношеніи даетъ «Запискамъ» А. О. Смирновой. Впрочемъ, говоря о материалахъ, которыми пользовался нашъ авторъ для своего изложенія, нельзя забывать, что весьма значительная доля этихъ материаловъ впервые пущена въ литературный оборотъ самимъ же г. Шенрокомъ, или будучи ранѣе опубликована имъ въ рядѣ другихъ материаловъ, или употребленная лишь для настоящаго третьаго тома его труда: тутъ въ особенности должно назвать письма Гололя къ А. С. Данилевскому и взустные разсказы послѣдняго о Гоголѣ, письма Гоголя къ матери, къ В. А. Жуковскому, къ Аксаковымъ, письма Н. М. Языкова и М. П. Погодина, письма къ г. Шенроку А. В. Гоголь, сестры поэта, семейныя преданія Вельгорскихъ, рукописныя воспоминанія С. М. Соллогубъ (рожг. Вельгорской) и проч. Эти важныя, большую частію документальныя данныя придаютъ многимъ страницамъ «материаловъ» г. Шенрока цѣнныи характеръ первоисточника и, независимо отъ изложенія автора, навсегда обезпечиваются ихъ литературное значеніе и авторитетъ. Вообще, читая «Материалы для біографіи Гоголя», чувствуешь на каждомъ шагу увлеченіе автора своимъ предметомъ, педантическое желаніе собрать возможно больше данныхъ, пронѣрить ихъ посредствомъ сопоставленій другъ съ другомъ, освѣтить по возможности всѣмъ подходящимъ къ данному случаю материаломъ и дать т. о. возможно подробную исторію жизни великаго писателя.

При тѣхъ условіяхъ, которыми г. Шенрокъ обставилъ свою работу, зачастую являясь въ роли добывателя совершенно новыхъ данныхъ и усердно занося ихъ на страницы своихъ «Материаловъ», трудно поставить ему въ упрекъ тѣ неровности изложенія, которыми страдаетъ его книга, какъ научное сочиненіе. Съ этой послѣдней точки зрењія иное нужно бы сократить, многое выпести изъ текста въ примѣчанія, устрашить встрѣчающіяся кое-гдѣ повторенія; мы думаемъ, однако, что авторъ очень хорошо понимаетъ эту сторону своего труда, выразивъ это въ названіи его «Материалами» и предупредивъ тѣмъ многія возраженія, которыхъ безъ этого можно было бы противъ него выставить. Это свойство труда г. Шенрока, отнимая

у него нѣкоторую долю привлекательности въ глазахъ обыкновеннаго читателя со среднимъ интересомъ къ предмету, дѣлаетъ его для специалиста историка литературы нашей тѣмъ болѣе цѣннымъ: тутъ находять себѣ оправдание и непомѣрно длинная выписки изъ «Записокъ» А. О. Смирновой (стр. 16—22), и новые письма Гоголя къ А. С. Данилевскому (стр. 229 и слл.), и даже вставки пропущенныхъ мѣстъ въ тѣхъ изъ этихъ писемъ, которыхъ не въ цѣльномъ видѣ были ранѣе напечатаны (стр. 203—205). Относясь строже къ характеру своего изложенія, касательно котораго цѣль «Матеріаловъ» давала автору очень большую свободу, г. Шенрокъ, по всей вѣроятности, не внесъ бы въ настоящій томъ (стр. 23—24) разсказа о чтеніи Гоголемъ «Желѣзъбы» въ домѣ И. И. Дмитріева, переданного со словъ г. Пашкова, такъ какъ такой разсказъ былъ бы умѣстнѣе въ II томѣ, гдѣ (стр. 324 и слл.) шла рѣчь объ упомянутой комедіи.

Къ числу положительныхъ достоинствъ третьаго тома «Матеріаловъ» мы склонны отнести ту болѣе широкую постановку біографического разсказа, въ которой нуждалось начало труда г. Шенрока; этому плодотворному пріему обязаны мы, между прочимъ, прекраснымъ очеркомъ вліянія Пушкина на Гоголя и вообще отношеній между ними (стр. 51—75). Вполнѣ подобающее мѣсто отведено въ настоящемъ томѣ авторомъ изученію собственно сочиненій Гоголя: на стр. 413 и сл. данъ прекрасный сводъ наблюдений надъ «Мертвыми Душами» съ точки зрѣнія цѣлей біографа; но отчего г. Шенрокъ, печатая критическое отзыва современниковъ о «Ревизорѣ» (стр. 479 и слл.), не помѣстилъ также въ своей книгѣ и свода отзывовъ о I томѣ «Мертвыхъ Душъ», который былъ уже опубликованъ имъ въ «Русской Старинѣ» 1894 № 10, тѣмъ болѣе, что главное литературное содержаніе III-го тома «Матеріаловъ» составляютъ именно «Мертвые Души»?

Должно съ удовольствиемъ отмѣтить также въ III-мъ томѣ отсутствіе того преувеличеннаго полемического тона, который такъ не выгодно отразился на второмъ томѣ «Матеріаловъ» г. Шенрока; но мы все-таки отказались бы, на мѣстѣ автора, отъ столь спѣшныхъ выражений порицательного свойства, какъ «литературные негоды» (стр. 91) и т. п., безъ которыхъ изложеніе столь цѣнныхъ и важныхъ въ историческомъ отношеніи «Матеріаловъ» только бы выиграло.

Еще одно замѣчаніе. Въ разныхъ мѣстахъ своей книги г. Шенрокъ говоритъ о томъ «страшномъ фіаско» (стр. 36), о той «неу-

дачъ» (стр. 39) и пр., который постигли «Ревизора» при постановкѣ этой комедіи на сценѣ; но факты, представляемыи самимъ г. Шенрокомъ, не оправдываютъ въ полной мѣрѣ этого заключенія. Онъ приводитъ выдержку изъ «Хроники Спб. театровъ» Вольфа (стр. 29) и изъ воспоминаній И. И. Панаева (стр. 30), гдѣ успѣхъ первого представленія піесы названъ «колossalнымъ»; на представленіи былъ самъ Государь и остался очень доволенъ; лучшіе представители литературы должностными образомъ отнеслись къ комедіи, и она сдѣлалась репертуарной. Гдѣ же тутъ фiasco? Правда, самъ Гоголь въ письмѣ М. С. Щепкину (стр. 44) жалуєтся на непріятности отъ «Ревизора» въ Петербургѣ; правда, что некоторые журналы отзывались о комедіи Гоголя крайне несправедливо и пристрастно (стр. 479—485), но эти и кое-какія другія данныя, представленныя г. Шенрокомъ въ оправданіе своей мысли, не могутъ, какъ намъ кажется, перевѣсить благонріятнаго отношенія къ «Ревизору», съ другой стороны, несомнѣнно заслуживавшаго, и въ глазахъ самого Гоголя, наибольшаго уваженія (ср. стр. 24—32 и др.). Мы вынесли изъ чтенія этого мѣста книги такое впечатлѣніе, что авторъ своимъ заключеніемъ какъ бы становится въ противорѣчіе съ фактами, которые самъ онъ приводитъ, какъ точный и добросокѣстный біографъ. Не слишкомъ ли положился въ данномъ случаѣ г. Шенрокъ на тотъ болѣзнейший субъективизмъ Гоголя, благодаря которому онъ принималъ вещи обратно дѣйствительности или, по крайней мѣрѣ, сильно ихъ преувеличивалъ, и не слѣдуетъ ли объяснять недовольство Гоголя успѣхомъ «Ревизора» именно этими его крайне повышенными требованіями къ себѣ, къ публикѣ и къ литературѣ? Вѣдь самъ г. Шенрокъ говоритъ о дающемъ уже себя знать въ это время «психическомъ (или правственномъ) изнеможеніи» Гоголя (стр. 50, 447).

Мы не излагаемъ здѣсь содержанія книги г. Шенрока, заслуживающей цѣлникомъ внимательного чтенія и изученія. Описанный въ ней періодъ изъ жизни Гоголя полонъ высокаго біографическаго и литературнаго интереса. Въ это время въ Гоголь подготавляется, во всѣхъ своихъ частяхъ, тотъ печальный психіческій процессъ, которымъ отмѣчено послѣднєе десятилѣтіе его жизни: «если вспомнить — говорить г. Шенрокъ — всю горечь неудачно сложившейся жизни и эти тоскливыя сумерки преждевременного ея угасанія; если вспомнить болѣе, чѣмъ десятилѣтнюю упорную борьбу съ безощаднымъ процессомъ разрушенія и временами сознаваемое роковое несоответствіе между взятой на себя колоссальной задачей и невозможностью

исполнить ее, то трудно сказать, найдется ли не только въ русской, но и во всемирной литературѣ еще писатель, личная судьба которого была бы такъ безпредѣльно несчастна. Въ ужасномъ увиданіи Гоголя въ послѣднее десятилѣтіе его жизни, по нашему мнѣнію, никакъ не менѣе трагизма, нежели въ его эффектномъ, сильно дѣйствующемъ на воображеніе истребленіи трудовъ многихъ лѣтъ въ порывѣ отчаянія, охватившаго его въ предсмертный часъ» (стр. 416). Этому-то крайне интересному періоду «увиданія» Гоголя, имѣвшему мѣсто въ послѣднее десятилѣтіе его жизни г. Шенрокъ и обѣщаетъ (стр. 353) главнымъ образомъ посвятить четвертый томъ своего труда, который онъ продолжаетъ вести съ такой настойчивостью, учѣнью и знаніемъ дѣла.

Е. Пѣтуховъ.

Русскіе художники. Илья Ефимовичъ Рѣпинъ. Спб. Экспедиція заготовленія государственныхъ бумагъ. 1894.

Уроженецъ Малороссіи (г. Чугуева), одинъ изъ талантливѣйшихъ художниковъ нашего времени, Илья Ефимовичъ Рѣпинъ частью своей художественной дѣятельности также принадлежитъ Малороссіи, будучи авторомъ нѣсколькихъ картинъ и многихъ этюдовъ и рисунковъ изъ малорусского быта, какъ современного, такъ и ушедшаго въ область исторіи; почему и нельзя на страницахъ «Кievskoy Stariны» не отмѣтить появленія изданія, название котораго мы выписали.

Мысль этого изданія, какъ видно изъ краткаго предисловія къ книгѣ, своимъ возникновеніемъ обязана случайнymъ обстоятельствамъ. Редакція вѣнскаго журнала «Die Graphischen Künste», извѣстнаго своими изящными иллюстраціями, обратилась къ Экспедиціи заготовленія государственныхъ бумагъ съ предложеніемъ принять на себя приготовленіе клише для воспроизведенія въ этомъ журналѣ работъ одного изъ наиболѣе выдающихся русскихъ художниковъ, по выбору Экспедиціи. Принявъ заказъ и остановивъ свой выборъ на И. Е. Рѣпинѣ, Экспедиція предоставила себѣ право воспользоваться этой работою для самостоятельного изданія, которое яныѣ и вышло въ свѣтъ, являясь такимъ образомъ послѣдствиемъ заказа, сдѣланнаго Экспедиціи редакцію вѣнскаго журнала.

Экспедиція объясняетъ, что она выбрала творенія И. Е. Рѣпина не потому только, что онъ считается однимъ изъ наиболѣе вы-

дающихся и своеобразныхъ современныхъ русскихъ художниковъ, но и потому еще, что, находясь съ Рѣпинъмъ въ довольно частыхъ сношенияхъ, Экспедиція могла разсчитывать получить отъ него богатый материалъ рисунковъ и этюдовъ, воспроизведеніе которыхъ представляетъ особый интересъ,—аковыя ожиданія И. Е. Рѣпинъ вполнѣ оправдалъ, предоставивъ въ распоряженіе Экспедиціи всѣ свои богатые портфели и чомогая совѣтами при исполненіи работъ. Какъ бы ни случилось, но едва ли можно было сдѣлать удачнѣе выборъ, чтобы познакомить европейскую публику съ произведеніями одного изъ наиболѣе выдающихся и своеобразныхъ художниковъ.

Съ виѣшией стороны изданіе Экспедиціи не оставляетъ желать ничего лучшаго; бумага (формата большого *in-quarto*), шрифтъ и въ особенности снимки съ произведеній художника представляются на столько безукоризненными, что по изящной виѣшиности это изданіе ни въ чемъ не уступаетъ лучшимъ заграничнымъ иллюстрированнымъ изданіямъ. Для воспроизведенія снимковъ употреблены самые разнообразные пріемы, смотря по характеру передаваемыхъ оригиналовъ; здѣсь можно найти почти всѣ способы репродукціи оригиналовъ: гравюру рѣзцомъ, офортъ, ксилографію, фотогравюру, фототипію и литографію, какъ въ одинъ, такъ и въ нѣсколько цвѣтовъ.

Кому именно принадлежитъ текстъ изданія—неизвѣстно: никакой подписи нѣть; въ предисловіи же въ очерку «Илья Ефимовичъ Рѣпинъ», помѣщенному вслѣдъ за предисловіемъ отъ Экспедиціи, неизвѣстный авторъ его, заявляя: «прежде чѣмъ говорить о творчествѣ Рѣпина, мы постараемся вкратцѣ описать его жизнь»,—вслѣдъ затѣмъ прибавляется: «свѣдѣнія для этого разсказа заимствованы нами изъ интересной статьи г. Нордена, помѣщенной въ журналѣ «Die Graphischen Künste». Какъ бы статья г. Нордена ни была интересна, но составлять въ Петербургѣ біографію выдающагося русскаго художника для русскаго изданія, специальнно ему посвященнаго, исключительно по одной только статьѣ, напечатанной въ какомъ либо изъ нѣмецкихъ журналовъ, мы не находимъ цѣлесообразнымъ. Еще болѣе страннымъ это кажется послѣ сдѣланнаго въ предисловіи заявленія о частыхъ сношеніяхъ Экспедиціи съ Рѣпинъмъ, который, казалось-бы, могъ предоставить въ распоряженіе Экспедиціи не одни только богатые портфели рисунковъ своихъ, а и интересный біографическій материалъ, и послѣ выраженной въ томъ же предисловіи благодарности, за живое участіе въ изданіи, В. В. Стасову, который не одинъ разъ писалъ о Рѣпинѣ, вель съ нимъ пе-

реписку и, вѣроятно, обладаетъ гораздо болѣе богатымъ матеріаломъ для біографії Рѣпина, чѣмъ тотъ, какимъ могъ располагать какой либо изъ сотрудниковъ вѣнскаго журнала. Самыи отношенія Стасова къ Рѣпину, но тому вліянію, какое онъ имѣлъ на послѣдняго, со-составляютъ интересный фактъ въ жизни художника; но обѣ этихъ отношеніяхъ въ біографическомъ очеркѣ вовсе не упоминается. Во-общѣ, какъ и слѣдовало ожидать при тѣхъ скучныхъ источникахъ, которые послужили матеріаломъ для біографії и которые заключаютъся въ одной нѣмецкой статейкѣ, біографія эта во многихъ отноше-нія представлена неполною.

Заключающееся въ томъ же очеркѣ обозрѣніе художественной дѣятельности Рѣпина составлено препримущественно въ отношеніи къ тѣмъ его произведеніямъ, снимки съ которыхъ помѣщены въ изда-ніи, и такъ же, какъ и разсказъ о жизни художника, не отличается полнотою. Притомъ, оно имѣетъ характеръ компилятивный и не обна-руживаетъ въ авторѣ его самостоятельности во взглѣдахъ какъ на искусство вообще, такъ и на произведенія Рѣпина въ частности. Существеннымъ недостаткомъ изданія слѣдуетъ признать то, что въ немъ нѣтъ полнаго списка произведеній Рѣпина, многія изъ кото-рыхъ вовсе не упомянуты, а также нѣтъ никакихъ бібліографи-ческихъ указаній. Изъ изложенного видно, что, если къ изготавленію снимковъ съ работъ Рѣпина были приложены всевозможныя заботы о томъ, чтобы эти снимки отличались наибольшимъ совершен-ствомъ, то относительно текста изданія далеко нельзя сказать то же самое.

Впрочемъ, справедливость требуетъ прибавить, что изданіе по-дробной и обстоятельной біографіи Рѣпина не могло входить въ задачи Экспедиціи и что, воспользовавшись сдѣланымъ редакціею вѣнскаго журнала заказомъ для того, чтобы дать русской публикѣ коллекцію снимкомъ съ произведеній Рѣпина, Экспедиція главнымъ предметомъ своихъ заботъ имѣла эти снимки, а на литературный очеркъ, которымъ она снабдила свою коллекцію и который имѣть значеніе лишь объяснительного текста къ снимкамъ, почему къ нему нельзѧ и предъявлять большихъ требованій. Имѣя это въ виду, нельзѧ не быть благодарнымъ Экспедиціи за выпущенное ею изда-ніе, и можно пожелать каждому русскому художнику такого же изящ-наго изданія коллекціи снимковъ съ его произведеній. Общее на-званіе, которое дала Экспедиція своему изданію («Русскіе художни-ки»), какъ будто бы указываетъ на то, что одніи Рѣпинъ Экспе-

диція не думаетъ ограничиться и что вслѣдъ за этимъ выпускомъ будуть такимъ же образомъ изданы снимки съ произведеній другихъ русскихъ художниковъ, но мало надеждъ на это даетъ предисловіе, въ которомъ Экспедиція заявляетъ, что «возможность приступить къ подобному труду зависитъ не только отъ степени сочувствія, которое встрѣтитъ въ публикѣ настоящее изданіе¹⁾), но и отъ того, найдеться ли Экспедиція, преслѣдующая на первомъ планѣ другія цѣли, достаточно свободнаго времени для исполненія подобной работы».

Изъ помѣщенныхъ въ изданіи снимковъ съ произведеній Рѣшина слѣдующіе имѣютъ отношеніе къ южнорусскому краю. 1. Запорожцы, картина писанная масляными красками (фотогравюра),—2, Казакъ-пластунъ, акварель (хромолитографія),—3, Деревенскій скрипачъ, рисунокъ карандашомъ съ натуры для картины «Вечерницы» (фотогравюра),—4, Хата въ Новороссії, рисунокъ карандашомъ (веллографія),—5, Типъ козака (пластина), этюдъ съ натуры (въ Шашковской станицѣ), рисунокъ карандашомъ (фотогравюра),—6, Другой типъ козака, этюдъ съ натуры (въ Кочановкѣ), рисунокъ карандашомъ (фотогравюра),—7, Запорожскія пушки, рисунокъ карандашомъ (цинкографія) и 8, Портретъ М. И. Драгомирова, писанный масляными красками (фотогравюра).—Пожалѣли мы, что въ числѣ помѣщенныхъ въ изданіи снимковъ не нашли себѣ места другія картины и этюды Рѣшина, относящіеся къ южно-русскому краю, какъ напримѣръ: Вечерницы, Малороссіянка, Волостной судъ въ Чугуевѣ, разные пейзажные этюды (Бокша, въ окрестностяхъ Кременчуга, Донецъ въ Чугуевѣ, святныя горы на Донцѣ, Порогъ Ненасытецъ, Остатки Запорожскихъ укрѣплений въ Цокровскомъ, Могилы козаковъ тамъ-же и др.), нѣкоторыя портреты, какъ Н. В. Гоголя, Т. Г. Шевченка, И. И. Костомарова, М. С. Щепкина, А. И. Рубца и въ особенности умѣстный для приложенія къ біографіи портретъ матери художника, старушки-малороссіянки, о которомъ писалъ Стасовъ въ «Пчелѣ» 1875 года, сравнивая его съ Рембрандтовскими портретами.

¹⁾ Это заявленіе объ ожидаемой отъ публикіи степени сочувствія изданію, обусловливающей возможность его продолженія, не совсѣмъ ладится съ тѣмъ фактомъ, что изданіе выпущено въ очевидно небольшомъ количествѣ экземпляровъ, почему, какъ заявляютъ въ своихъ объявленіяхъ П. Шибановъ и нѣкоторые другіе книгопропавцы, вслѣдъ за своимъ появлениемъ оно быстро исчезло изъ продажи; вслѣдствіе этого публикѣ, сочувствующей сему изданію, упомянутые книгопропавцы предлагаютъ теперь, вмѣсто этого изданія, нѣмецкое изданіе вѣнскаго общества поощренія искусства, издающаго журналъ „Die Graphischen Künste“, съ текстомъ Нордена.

Изъ помѣщенного въ изданіи литературнаго очерка мы узнали, что, въ настоящее время Рѣпинъ, работая надъ повтореніемъ прежней темы, снова пишетъ «Запорожцевъ», дѣлая въ этой картинѣ существенные измѣненія.

Н. Ш.

„Сельскій кредитъ въ Полтавской губ.“, выпускъ I. „Статистическое бюро Полтавского Губернского Земства“. Полтава 1894 г.

Подъ такимъ заглавиемъ вышла помѣченная 1894 г., но только что полученная нами книжка о положеніи сельскаго кредита въ Полтавскомъ краѣ, имѣющая своимъ предметомъ мелкій организованный кредитъ: ссудосберегательныя товарищества, волостныя кассы и сельскіе банки. Книжка эта составляетъ только первый выпускъ работы полтавскаго земскаго статистическаго бюро по изслѣдованію сельскаго кредита въ Полтавщинѣ. Бюро обѣщаетъ дать по этому вопросу еще два выпуска настоящаго изданія, посвятивъ ихъ изслѣдованію частнаго неорганизованнаго мелкаго кредита (второй выпускъ) и изслѣдованію ипотечнаго кредита въ губерніи (выпускъ третій).

Цитируемая брошюра, включающая въ себѣ 160 стр. съ приложеніемъ особыхъ таблицъ, рассматриваетъ положеніе сельскаго кредита въ Полтавской губерніи весьма обстоятельно; составлена она очень добросовѣстно и съ очевиднымъ желаніемъ уяснить для читателя положеніе сельскаго кредита во всѣхъ деталяхъ, но въ тоже время она страдаетъ и нѣкоторыми недостатками.

Прежде всего надо сказать, что она составлена не на основаніи данныхъ мѣстнаго изслѣдованія, а почти исключительно на материалахъ, полученныхъ, путемъ переписки, почтою, отъ ссудосберегательныхъ товариществъ и волостныхъ правленій. Благодаря этому брошюра, можно сказать, переполнена «сожалѣніями» о недостаточности и недостовѣрности положеннаго въ основу ея выводовъ материала. Не дальше, какъ на стр. 10 при самомъ началѣ изслѣдованія о положеніи полтавскихъ ссудосберегательныхъ товариществъ, говорится уже, что «къ сожалѣнію, материалъ, которымъ мы могли воспользоваться, оказался съ большими дефектами».

То и дѣло встрѣчаются фразы, въ родѣ: «къ сожалѣнію, мы будемъ поставлены здѣсь въ затрудненіе по неимѣнію достаточныхъ данныхъ», (стр. 42) или: сюда не вошли свѣдѣнія о такомъ то товариществѣ, «за неимѣніемъ данныхъ» (стр. 27, 35, 42, 62 и т. д.), а въ заключеніи главы о ссудосберегательныхъ товариществахъ говорится: «что же касается внутренней стороны организаціи и дѣятельности ихъ, то для заключенія обѣ этомъ и вообще для выясненія вопроса о значеніи этихъ кредитныхъ учрежденій у насъ *не имѣлось материала*: для этого пришлось бы сдѣлать спеціальное изслѣдованіе каждого товарищества».

Послѣ такого заявленія, идущаго, такъ сказать, отъ самаго статистического бюро, намъ, въ свою очередь, остается только пожалѣть, что бюро, сознавало необходимость спеціального изслѣдованія ссудосберегательныхъ товариществъ для предпринятаго имъ (въ трехъ помянутыхъ выпускахъ) спеціального изслѣдованія сельскаго кредита, все таки не произвело этого изслѣдованія. Это—совсѣмъ не въ духѣ земскихъ статистическихъ бюро, которыя обыкновенно дѣлаютъ свои описанія и выводы исключительно, или по крайней мѣрѣ преимущественно, на основаніи данныхъ *мѣстнаю* изслѣдованія. Въ данномъ случаѣ такое мѣстное изслѣдованіе ссудосберегательныхъ товариществъ, которыхъ, по увѣренію самаго бюро, всего 19, считая и «*неосуществившіяся*» (стр. 11—12) представлялось бы весьма доступнымъ и легко осуществимымъ.

Приблизительно тоже самое приходится сказать и относительно главы о волостныхъ кассахъ. Въ началѣ этой главы сказано, что «предположенія губернской управы, выраженные въ докладѣ земскому собранію очередной сессіи 1893 г. обѣ организаціи статистико-экономического бюро, заслужившія одобренія собранія, между прочимъ коснулись и вопроса о лучшей постановкѣ народнаго кредита. Въ этихъ цѣляхъ статистическое бюро, собирая данныя о настоящемъ положеніи этого дѣла, благодаря любезному участію губернскаю присутствія, получило материалъ о положеніи волостныхъ кассъ отъ волостныхъ правленій». Указавъ на происхожденіе материала, статистическое бюро сейчасъ же считаетъ нужнымъ оговориться, что «само собою разумѣется, разсчитывать получить особенно обстоятельный даныя отъ этихъ учрежденій было нельзя, а потому пришлось ограничиться *minimum'омъ* вопросовъ.... «*тѣмъ не менѣе, и такой ограниченный материалъ имѣть свое значеніе*»... «Напередъ можно было ожидать, что даже и въ тѣхъ узкихъ предѣлахъ, ко-

торые поставило себѣ статистическое бюро, нельзя было разсчитывать на вполнѣ удовлетворительный материалъ... «Къ сожалѣнію, свѣдѣнія оказались въ дѣйствительности не вполнѣ удовлетворительными»... «оказались явныя ошибки въ подсчетахъ процентовъ, ошибки въ подведеніи итоговъ, нѣсколько счетовъ оказалось вовсе никуда не годными»... И въ заключеніе: «вообще на получение и разработку нашего материала нужно смотрѣть, какъ на несовершенный опытъ, несовершенство котораго объясняется вышеуказанными условіями»... и т. д. и т. д., а затѣмъ опять рядъ: «къ сожалѣнію, материаъ не отличается полнотой и однообразiemъ» (125) «къ сожалѣнію, по нашимъ даннымъ нельзѧ выяснить» (131) «къ сожалѣнію, достоинство этого материала не позволяетъ разсчитывать»... «а потому эта работа имѣетъ значеніе опыта и опыта, по фактическимъ условіямъ, очень не совершенного» (150) и рядъ новыхъ и новыхъ указаній на недостовѣрность положенныхъ въ основу изслѣдованія материаловъ (стр. 137, 138, 147, 148 и т. д.).

Все это выходить очень откровенно и правдиво и, съ этой точки зрењія, большое спасибо статистическому бюро, что оно ни мало не утаиваетъ недостатковъ имѣвшагося въ его распоряженіи материала (благо, не оно его собирало), но въ тоже время все это производить довольно странное впечатлѣніе. Страннымъ кажется это настойчивоеувѣреніе въ недоброкачественности материала, не рѣдко безъ особой нужды повторяющеся страница за страницей (тогда какъ въ предисловіи можно бы было разомъ указать степень достовѣрности или недостовѣрности материала въ главнѣйшихъ изъ отдѣльныхъ его частей), и параллельно съ этимъ еще болѣе страннымъ кажется это настойчивое пользованіе негоднымъ материаломъ: «къ сожалѣнію, по нашимъ даннымъ, нельзѧ выяснить этой стороны дѣятельности кассъ съ опредѣленностью. Все таки раздѣлимъ наши кассы на двѣ группы» (131)... и слѣдовательно (сказали бы мы) посмотримъ, что выйдетъ изъ негоднаго материала, изъ котораго ничего «нельзѧ» выяснить!.. По менѣшей мѣрѣ удивительно, право, почему это бюро, имѣя, какъ таковое, полную возможность командировать своихъ членовъ для мѣстнаго изслѣдованія кредита, остановилось все таки на его изслѣдованіи по завѣдомо для него самого невѣрнымъ даннымъ, а если наличный составъ бюро былъ нынѣ занятъ другими срочными работами, то почему оно не выждало болѣе свободного времени и сочло все-таки нужнымъ такъ спѣшно приняться за разработку вопроса о кредитѣ по «несовер-

шеннымъ», «неоднообразнымъ», «никуда негоднымъ» даннымъ для составленія «очень несовершеннаю опыта»?

Другой недостатокъ этого опыта заключается въ значительной растянутости изложенія, въ повтореніи не только «сожалѣній», но и разныхъ выводовъ и объясненій (ср., напр., стр. 94, 102 и 139), въ излишне длинныхъ, мало разъясненныхъ и въ данномъ случаѣ не совсѣмъ идущихъ къ дѣлу отклоненіяхъ въ область *исторіи кредитныхъ учрежденій вообще въ Россіи*, когда брошюра имѣеть цѣлью изслѣдованіе этихъ учрежденій по одной только полтавской губ.

Кромѣ того самый слогъ брошюры не отличается живостью и легкостью; встречаются, напр., неудобочитаемыя фразы въ родѣ: «гдѣ отмѣченъ большой наплывъ кандидатовъ, замѣчается (и ?) большее количество и забаллотировокъ»; «мы извлекали кое что и о функционированіи нашихъ кассъ для того, чтобы судить о значеніи ихъ въ жизни деревни»; «мы выше, въ началѣ этого обозрѣнія, говорили, но для большинствъ (?) заемщиковъ не имѣющихъ пая»; «такое неудобство бываетъ лишь при возвращеніи крупныхъ вкладовъ, такъ какъ наши кассы обыкновенно все же (не ?) остаются *не безъ денегъ*»; «это приводить къ тому на практикѣ, что»... и т. п., при чемъ чуть не половина периодовъ начинается въ брошюрѣ съ излюбленныхъ словъ «посмотримъ», «посмотрѣвши», «просматрива», при разсмотрѣніи, и «обращаясь къ разсмотрѣнію», «остановимся».

Благодаря недоброкачественности материала, очевидно, и выводы изъ данной работы не имѣютъ достаточно твердой почвы, вслѣдствіе чего къ нимъ надлежить относиться съ осторожностью. Тѣмъ не менѣе, по интересу своему, некоторые изъ нихъ заслуживаютъ вниманія, и потому, сдѣлавъ только что приведенную оговорку, мы считаемъ себя вправѣ указать на нѣкоторые изъ нихъ читателю.

Въ общемъ, положеніе ссудосберегательныхъ товариществъ полтавской губ. немного ниже средняго уровня положенія ихъ въ въ остальныхъ частяхъ Россіи; лучше поставленными въ губерніи оказываются городскія товарищества и тѣ изъ сельскихъ, существованіе и развитіе которыхъ обязано внимательному отношенію учредителей и почетителей, являющихся, конечно, людьми болѣе интеллекутуальными, чѣмъ остальная масса. Съ другой стороны, замѣчается, что болѣе удовлетворительно ведущими свои дѣла являются тѣ товарищества, члены которыхъ обязаны болѣе крупными паевыми

взносами, т. е. товарищества, составленныя изъ людей болѣе состоятельныххъ. Оба эти обстоятельства имѣютъ серіозное значеніе въ вопросѣ объ организаціи кредита для маломощной, умственно малоразвитой массы населенія, которой, вслѣдствіе своей темноты и бѣдности, трудно вести это дѣло самостоятельно и на болѣе или менѣе солидныхъ основаніяхъ.

Оказываемый товариществами кредитъ является непомѣрно дорогимъ и малодоступнымъ; пользуется имъ сравнительно болѣе состоятельная часть сельскаго населенія,—наименѣе же состоятельная этого рода кредитомъ не пользуется. Число членовъ товариществъ не имѣть неизмѣнной тенденціи возрастать, а во многихъ и при томъ болѣе солидныхъ товариществахъ оно даже уменьшается, между прочимъ вслѣдствіе болѣе строгаго выбора членовъ при баллотировкѣ и существующей во многихъ товариществахъ «естественной ихъ тенденціи ограничиться небольшимъ кругомъ участниковъ». Условія кредитованія въ ссудосберегательныхъ товариществахъ являются наиболѣе тяжелыми какъ разъ для наименѣе состоятельныхъ заемщиковъ (не могущихъ составить пая въ достаточномъ размѣрѣ). Словомъ, выходитъ то, на что, основываясь между прочимъ на фактахъ, приведенныхъ въ книгѣ И. М. Ревы «Кievskij крестьянинъ и его хозяйство», говорили мы въ отзывѣ объ этой работѣ (Киевская Старина, 1894, № 5): подобного рода помощь крестьянству, идущая главнымъ образомъ на пользу средне-и болѣе состоятельныхъ только способствуетъ происходящей на нашихъ глазахъ дифференціації, на существование которой указываетъ и цитируемая работа полтавскаго бюро (88).

Что касается волостныхъ кассъ, то, по заключенію брошюры, «безъ всякаго сомнѣнія, значеніе ихъ для деревни, въ смыслѣ удовлетворенія потребностей населенія въ кредитѣ, и несравненно значительнѣе (?) ссудосберегательныхъ товариществъ, но, съ другой стороны, оказывается, что волостныя кассы, распространяя свою дѣятельность и относительно и абсолютно на большое количество населенія, (вол. кассы имѣются въ большей части волостей полтавской губ.), обезпечиваютъ его кредитъ въ меньшей степени, чѣмъ товарищества своихъ членовъ». Кредитъ въ товариществахъ обходится населенію гораздо дороже, чѣмъ въ кассахъ; число кассъ ростетъ, и волостныя кассы являются повидимому учрежденіями, болѣе приспособленными къ условіямъ и требованіямъ крестьянской жизни, чѣмъ ссудосберегательные товарищества.

Изъ 262 волостей губерніи волостныя кассы имѣются въ 249, т. е. въ 13 волостяхъ кассъ не существуетъ; въ свою очередь ссудосберегательныхъ товариществъ, если не считать городскихъ, имѣется въ полтавской губерніи тоже 13, въ 13 различныхъ волостяхъ губерніи. Интересно было бы знать, тѣ ли это волости, въ которыхъ нѣтъ волостныхъ кассъ и существуетъ ли вообще какая нибудь зависимость между учрежденіемъ тѣхъ и другихъ въ однихъ и тѣхъ же мѣстностяхъ; устраиваются ли товарищества тамъ, гдѣ уже имѣются кассы, или, наоборотъ, кассы учреждаются тамъ, гдѣ уже есть товарищества; одни ли и тѣ же лица являются болѣе или менѣе постоянными фактическими участниками тѣхъ и другихъ, или разные? Интересно было бы также сравнить и экономическую состоятельность заемщиковъ кассъ и заемщиковъ товариществъ; впрочемъ это возможно было бы только при специальному мѣстномъ изслѣдованіи, котораго, къ сожалѣнію, не сдѣлано. Благодаря этому, многіе изъ выводовъ критикуемой книжки о достоинствахъ и недостаткахъ ссудосберегательныхъ товариществъ и волостныхъ кассъ представляются малообоснованными, до извѣстной степени голословными.

Во второй выпускѣ работы «О сельскомъ кредитѣ полтавской губ.» войдетъ, какъ сказано въ предисловіи къ первому выпуску, «изслѣдованіе частнаго неорганизованнаго мелкаго кредита, для чего въ распоряженіи земства имѣется разнообразный материалъ, собранный при экспедиціонномъ изученіи экономического положенія всѣхъ уѣздовъ губерніи въ 1881—1889 гг. и полученный отъ корреспондентовъ статистическаго бюро въ 1886—1894 гг., а также болѣе 500 ответовъ частныхъ лицъ на запросъ статистическаго бюро объ условіяхъ частнаго сельскаго кредита въ разныхъ мѣстахъ губерніи». Если это такъ, если неорганизованный кредитъ уже былъ изслѣдованъ на мѣстахъ, то для статистическаго бюро не такъ ужъ много было бы труда произвести и мѣстное изслѣдованіе кредита организованнаго, устроивъ для этого даже специальный поѣздки по волостнымъ правленіямъ. Если же для бюро необходимо было начать разработку кредита немедленно, то почему было не начать ее именно съ кредита неорганизованнаго, по которому материалъ не только вполнѣ готовъ, но начинаетъ уже и старѣться (данныя 1881—1889 г.), отложивъ изслѣдованіе организованнаго кредита до времени, когда можно будетъ произвести его специальное изслѣдованіе?

Л. С. Л.

ЖИВОПИСНАЯ УКРАЙНА.

(Дополнение¹⁾.

Поместивъ въ февральской книгѣ «Кievskoj Старины» указатель рисунковъ изъ малорусского быта въ иллюстрированныхъ журналахъ за 1894 годъ и указавъ въ немъ на рисунки въ чешскомъ журналѣ «Světozor» на основаніи свѣдѣній, найденныхъ нами въ другихъ журналахъ, мы по разсмотрѣніи этого журнала, котораго не могли видѣть раньше, считаемъ нужнымъ, въ дополненіе къ нашему указателю, привести здѣсь полный списокъ рисунковъ изъ малорусского быта, помѣщенныхъ въ журналѣ «Světozor» за 1894 годъ.

Рисунки эти слѣдующіе:

A. Снимки съ картинъ: 1. Vernyhora, věstec ukrajinský, pro-
rokuje osud Polsky. Ryto dle obrazu *Jana Matejky* (№ 1).—2. Na
stopě. Ryto dle obrazu *Józeфа Brandta* (№ 20). 3. Taras Ševčenko
nad Dněprem. Dle obrazu *Kosta Trutovského* (№ 21).—4. Před zvě-
řincem. Maloval *S. Kostenko* (№ 28).—5. Kozacký ataman. Studie
Ilje Repina (№ 48).

B. Рисунки къ статьѣ Fr. Rechořа «Z cest po Halicské Rusi»:
1. Dřevěna cerkov rusinska v Jsdorovce (okr. stryjský).—2. Rusin-
ské deti z Dydušic (okr. stryjský).—3. Ruční obilni mlýnky vystave-
ne na týdennim trhu v městečku (Židačově).—4. Zděna cerkov ru-
sinska v Lesenich (okr. Ivovský).—5. Rusinska škola starsiho razu v
Jvanovcích (okr. Židačovský).—6. Maloměstka selska chata starsiho
razen v Židačově.—7. Rusinska škola moderni v Turadach (okr. Žida-
čovský).—8. Naměsti v Židačově.—9. Maloměstke měšťanske domky
(v Židačově).—10. Rusinska divka v kroji narodnim.—11. Hrnčířy na
tydenuim trhu v Židačově.—12. Mlýn v Berežnici Kralovskie.—13. Fa-
ra v Jvanovcích.—14. Selský kroj v Volčňova.—15. Stohovani sena v
Uniži u Horodenky.—16. Strašak v jecmeni u Berežnice Kralovskie.—
17. Hrabani sena v Zabolotcích u Židačova.—18. Selka ze Židačova
jdouci na plevel.—19. Stahovani sennych kup do stolu (ze Zarohizny
u Židačova).—20. Omajený kříž z Kulinek u Kaluše.—21. Kříž před
Tejsarovem u Stryje.—22. Kříž při silnici u Žuravna.—23. Zahorod-
nykova chata v Zabolotcích.—24. Partie z navsi v Dydušicích.—
25. Rusini od Stanislavova.—26. Na pastvě u Židačova.—27. Hřbitov

¹⁾ См. Kievsk. Стар. 1895 г., № 2.

v Melnyči u Žuravna.—28. Nadvoži statku v Tyškovcích u Horodenky.—29. Šatlava v Turadach.—30 и 31. Rusinští braňci na cestě.—32 и 33. Most v Zabołotcích —34. Rusini z okoli Kołomyje.—35. Selský statek v Kosově.—36. Chuda selska chata v Kosově.—37. Pouliční partie z Kosova.—38. Navrat z lesního pychu.—39. Cerkev v Kosově.—40. Naměsti v Kalomyji.—41. Prodavačka papriky na trhu v Kosově.—42. Rusinsky sitar na trhu v Kosově.—43. Vzory rusinské ornamentiky z nadob kosovského hrnčire.—44. Rusinští manžele na tržisti.—45 и 46. Židovský kramec.—47. Stankys s bůstkami a cetkami toaletními pro Rusinny.—48. Z týdenního trhu v Kosově (№№ 21—23, 38—40 и 49—52).

B. Виды: 1. Вotivni chram Spasiteluv u stanice Borek na draze kursko-charkovsko-azovskie (№ 38).—2. Z haličske zemské výstavy ve Lvově (14 видовъ, №№ 33 и 34).

ОБЪЯВЛЕНИЯ.

Своевременно вышли
ЯНВАРЬСКАЯ и
ФЕВРАЛЬСКАЯ
книги журнала

„ВОСХОДЪ“.

I. ЖЕНИТЬБА МЕЙЕРОВИЧА. Повесть. С. О. Ярошевского.—II. ДОЧЬ ФИДОСОФА. Рассказъ. Макса Ринга.—III. КЪ ВОПРОСУ О РЕФОРМѢ ВЪ ОБЛАСТИ ЕВРЕЙСКОЙ РЕЛИГИИ. А. Брагина.—IV. ПОЛОЖЕНИЕ О ЕВРЕЯХЪ 1804 ГОДА. Опытъ исторического изслѣдованія оснований и мотивовъ этого законодательного памятника. На основаніи источниковъ. Проф. С. А. Бершадского.—V. РАНДУЛЬФЪ И БЕРНАРДЪ. Изъ хроникъ XII вѣка. Поэма въ стихъ Аполлона Коринфскаго.—VI. СЕНДЕРЪ ГЛАТЕЗЪ. Романъ. К. Э. Францоза.—VII. ИСТОРИЧЕСКІЯ СООБЩЕНІЯ. Жертвы ложныхъ обвиненій въ Люблинѣ, Краковѣ и Ленчицѣ въ 1636—39 г. С. М. Дубнова.—VIII. BET-ALMIN. (Эпитафія). Стихотвореніе. С. Г. Фруга.—IX. НА НОВЫЙ ГОДЪ. Стихотвореніе. X. Зингера.—X. ИЗЪ МОИХЪ ВОСПОМИНАНИЙ М. Г. Моргулиса.—XI. РЕЛИГІОЗНО-ФІЛОСОФСКОЕ СОЧИНЕНІЕ СААДІІ ГАОНА. Г. Г.—XII. ИСПОВѢДЬ. Стихотвореніе. X. Зингера.—XIII. ИЗЪ ОГНЯ ДА ВЪ ПОЛЫМЯ. (Записки эмигранта). М. Эттингера.—XIV. ЮВАЛЬ. Библейское сказавіе. Стихотвореніе. Аполлона Коринфскаго.—XV. КАКЪ ХОРОШО! Я ВНОВЬ ОДИНЪ. Стихотвореніе. Юлія Гессена.—XVI. О ДРЕВНОСТИ ІУДЕЙСКАГО НАРОДА. ПРОТИВЪ АПІОНА. Сочин. Флавія Йосифа, перев. съ греческаго Я. И. Израэльсона. (Въ особ. приложеніи въ концѣ книги).—СОВРЕМЕННАЯ ЛѢТОПИСЬ. XVII. ПОСЛѢДНИЕ ГОДЫ ВОЛО-

ЖИНСКАГО ЕШИБОТА. Очерки съ натуры. М. Рыбкина.—XVIII. МНИМЫЙ УЧЕНЫЙ О МНИМЫХЪ БОЛѢЗНЯХЪ. (Д-ръ К. В. Орловъ. Основы діегновстики искусственныхъ и притворныхъ болѣзней у призываемыхъ къ военной службѣ и солдатъ; съ приложеніемъ описанія различныхъ способовъ уклоненія евреевъ отъ воинской повинности. Спб. 1894 г.). Д-ра С. О. Грузеверга.—ЛИТЕРАТУРНАЯ ЛѢТОПИСЬ. XIX. ОХРАНИТЕЛИ СТАРИНЫ. Исторія евреевъ въ Россіи. Посмертное сочинение М. Ф. Шушурова («Русский Архивъ» 1894 г., №№ 1—5). Критика.—XX. В. В. СТАСОВЪ ВЪ ЕГО ОТНОШЕНИЯХЪ КЪ ЕВРЕЙСКОМУ ИСКУССТВУ (Собрание сочинений В. В. Стасова 1847—1866 съ приложениемъ его портрета и снимка съ поднесенного ему адреса, въ 3 томахъ in 4°. Спб. 1894 г.). Барона Д. Г. Гинцбурга.—XXI. БИБЛIOГРАФІЯ. Эфраимъ Ку. Еврейскій переводъ романа «о-, этъ и Купецъ» Б. Ауэрбахъ, сдѣланній И. Х. Тавьевымъ. Изданіе «Ахіасафа», въ 2 хх частяхъ. Варшава, 1893—94 г. С. М.—XIV. ЗАПРОШЛЫЙ ГОДЪ. Ретроспективный взглядъ на положеніе еврейского вопроса въ прошлое царствованіе.—Комиссіи графа Палена и фонъ Плеве.—Ограничительный характеръ постановленій о евреяхъ.—Раввинская комиссія, ея дѣятельность и результаты.—Толкованіе администрацией постановленій о правѣ жительства.—Выселенія и ходатайства объ ихъ пріостановкѣ.—Экономическое положеніе евреевъ и ограниченіе разныхъ отраслей труда. Эмиграція и ея значеніе.—Участіе евреевъ въ земледѣльческомъ труде въ качествѣ рабочихъ.—Порождаемый этимъ вопросъ.—Заключеніе. Л. З.—XXII. ЛИТЕРАТУРА И ЖИЗНЬ. Знаменіе времени: «Новое Время» и проповѣдь доброты.—Мечтанія литературнаго Чичикова и «Маленькия письма» А. Суворова.—Теорія и практика доброжелательства.—Можетъ ли «Новое Время» держаться программы своего редактора?—Доброжелательство въ публицистикѣ и беллетристикѣ.—Новый романъ И. Ясинского «Юрьева могила». Ос. Гр.—XXIII. ОБЪЯВЛЕНИЯ.

Цѣна на годъ журнала «ВОСХОДЪ» и газеты «НЕДѢЛЬНАЯ ХРОНИКА ВОСХОДА» 10 р., на полгода 6 р., на 3 мѣс. 3 р. За границей на годъ 12 р., на полгода 7 р. Разсрочка подписанной платы допускается только для лицъ, подписывающихся съ 1-го Января на годъ, на слѣдующихъ условіяхъ: при подпискѣ 4 р., къ 1 Марта 3 р., и къ 1-му Іюля 3 рубля.

Подписка принимается: въ главной конторѣ редакціи, С.-Петербургъ.
Театральная Площадь, 2, и во всѣхъ книжныхъ магазинахъ.

Газета весьма важна и удобна для публикацій.

НОВЫЕ ПОДПИСЧИКИ получаютъ бесплатно 1-ю часть романа К. Е. ФРАНЦОЗА «Сендеръ Глутейзъ», составляющую КНИГУ ВЪ 20 ПЕЧАТНЫХЪ ЛИСТОВЪ слинкомъ. Но при этомъ они должны уплатить при подпискѣ не менѣе ШЕСТИ руб. и заявить о томъ, что они новые подписчики.

1—1

**ЗАПИСКИ
ИМПЕРАТОРСКАГО Харьковскаго Университета**

(Адресъ Редакціи: Харьковъ, Университетъ).

ВЫХОДЯТЬ ЧЕТЫРЕ РАЗА ВЪ ГОДЪ

(1-го Января, 1-го Марта, 1-го Мая и 1-го Ноября).

ПРОГРАММА ИЗДАНІЯ.

1) Часть официальная: извлечения изъ протоколовъ Совѣта, а также и другіе официальные акты и документы.

2) Часть неофициальная а) научный отдѣлъ (ученія исслѣдованія, сообщенія и наблюденія, публичныя членія, отчеты объ ученыхъ командировкахъ и т. п.); б) критика и библіографія; в) Харьковская университетская лѣтопись (статьи и материалы по истории Харьковскаго Университета, біографіи и векрологи профессоровъ и почетныхъ членовъ Университета, отчеты о диспутахъ и пр.); г) приложения, заключающія въ

себѣ болѣе обширныѣ труды, какъ-то: дисертаціи, курсы, каталоги, описи музеевъ, архивовъ и пр.

Подписанная цѣна 4 руб. безъ пересылки, 5 руб. съ пересылкою въ годъ;
для студентовъ Харьковскаго Университета 2 руб. въ годъ.

Редакторъ Д. Овсяннико-Куликовскій.

3—3

Cornelii alapides. in 12 prophetas... Žywoty (?) оус. Historia europea и проч. мелеція. У Шовкуна, козака Сварковскаго, купилемъ гродъ (?) и поле и заплатилемъ 26 р. съ полтиною. Остану Свѣтаку далемъ 42 р. съ полтиною на заплатку его долгу кредитору его Кролевецкому. Зъ Тулиголовъ кухва гор. привезена простой, посатка и пол... Молявка Чернѣговскій у Москву отъ п. обозного енер. зъ вѣдомостми о маєтностяхъ и екстрактами зъ слѣдствія старшиною енералной и полковниками чиненнаго.

Во втор. 26. День былъ холодновать и ночь серень билъ Рано ездилемъ до Батурина просить о пропускѣ вправи моей въ Царицинъ, оттуду заехалемъ до п. Михайла. Леону Іванову, подрадчику Сѣвскому, за жито далемъ 100 р., за 300 четвертей моихъ, а четверть всякая по 7 гривенъ и по 2 копейки. У вечеру били у сестри и играли въ карты, зъ выигратомъ моимъ. Тѣлний пріехаль зъ Москви, служитель сестринъ.

Середа. 27. День былъ вѣтрянъ, вѣлботний, ночь зъ жесточайшимъ вѣтромъ, мокра. Рано билемъ у брегадира, п. Михайла, обѣдалемъ у сестри. Далемъ господареви да Климу на доплатку жита 200 р. Остану Свѣтаку далемъ на заплатку фурманамъ другіе 20 р., итого 40 р., да на дорогу для потребностей ему 5 р. По обѣдѣ ездилемъ до Количова и п. обозного енер. и простилемся. Тутъ отъ него увѣдомилъ, что идутъ 3 полка пѣхотныхъ съ Москви въ Кіевъ, для оправки города. Да у его жъ видѣлъ инструкцію, данную нѣкоторому Хрущову Алексѣеви, въ Малой Россіи описать заводи селѣтряніе, желѣзпіе и другихъ мѣнераловъ, зъ бергъколегіи. Подрадилъ зъ преждереченнымъ посадскимъ Сѣвскими Леономъ еще на 200 четвертей, четверть по 23 а. безъ денежки. У вечери, въ дому отправившись, поехалемъ къ сестрѣ, где она подарила перстень, и позно поехалемъ отъ неи въ Тулиголови. Повернулся Василь молодикъ отъ архиерея Чер. зъ отвѣтомъ, что будетъ розискъ о попу Крисковскому. Приказъ далемъ на писмѣ, господару, Климу и Вѣжевскому.

Четвер. 28. День вѣтрянъ зъ дожчомъ, ночь безъ дожчу, мокровата, а къ свѣту морозъ. Роману, старостѣ, далемъ 60 р.

для отдачѣ господареви и Климу Пѣщанскому, за жито подрадчи-
кови 53 р., а 7 р. на ячмѣнь. Поехалиемъ зъ Тулиголовъ и прі-
ехалиемъ въ Каменъ посля полдня, где пообѣдавши, поехалиемъ и
и пріехалиемъ въ Козацкое, и тутъ у попа Козацкого ночовалемъ.

Пятокъ. 29. День холодній зъ сухимъ морозомъ и ночь
такова жъ. Зъ Козацкой рано поехавши, пріехалиемъ у Корсаковъ
объ 8-и часу, а знову оттуду отехалемъ о полъ 10 часа, пріеха-
халиемъ до Чернецкой слободы о 12-го часу и 30 мѣнутъ; отоль
знову поехавши, пріехалиемъ до Смѣлой о полъ 4 часа по полудни;
зъ Смѣлого виехалиемъ о полъ 7-го часа и пріехалъ въ Роменъ
11 часу, въ самую полночь. У жени было теченіе крови излишнее.

Субота. 30. День и ночь похмурнѣ и тепліе, зъ дождемъ.
Обѣдалисмо приватно зъ родителми, а у вечеру пріехаль молодій
Якимъ Троцкій зъ веселими зъ Лубенъ, да на веселле жъ прі-
ехали Кролевчане свойственики наши, Чуйкевичъ, Бутовичъ и проч.

Неделя. 31. День быль зъ силнимъ дождемъ, ночь такъ же
мокра. Сестра моя Олеся зъ Якимомъ Троцкимъ вѣнчана зде въ
Ромнѣ, протопоною Роменскимъ Василіемъ Савѣцкимъ. П. Яковъ
Полуботокъ, швакгеръ мой, пріехалъ въ Роменъ. У жени знову
излишнее кровоточеніе. Веселле сестри моей кончилось. Дядя и
Федоръ зъ панею пріехалъ.

Февруар. м-ць. Понеделокъ. 1. День мокроватъ зъ малымъ
дождемъ, ночь зъ морозомъ, къ свѣту силнимъ. П. Якову позичи-
лемъ 5 таляр. бит. Сестрѣ подарилемъ пукаль сребраний, позоло-
чуваний, и 10 таляр. бит. Женѣ кровъ зъ медіяни пускалъ Хо-
дощкій, а теченіе было жъ.

Вовтор. 2. День свѣтлій, холодній и ночь такова жъ, а къ
свѣту снѣгъ и морозъ. Сватба началась Ивана Максимовича, запо-
рожца, зъ Олесею, унucoю г-жѣ Михайловой Воронѣжской; свати
попи, Савѣцкій протопошъ да отецъ памѣсникъ, дружки Несторо-
вичъ да Огіевскій Григорій.

Середа. 3. День быль свѣтлій и холодній, и ночь такова жъ.
Банкетъ примѣромъ прежнихъ дней. Сватба Ивана окончилась. Мол-
ебствіе о тезоименитствѣ імператрицѣ праздновано.

Четвер. 4. День свѣтлій, холодній и сухій, почъ такова жъ зъ снѣгомъ. Банкетъ, примѣромъ прохожихъ же дней. Сестра Олеся зъ мужемъ своимъ Якимомъ Троцкимъ и свати Лубенскіе отехали зъ Ромна къ Лубнямъ, и ночовали на Засуллю. А мы зъ женой на квартерѣ п. Якота швакgra, зъ дядкомъ п. Федоромъ и панею его вѣчерилисмо и долго просидѣли, да тамъ же и зъ п. Стефановою Миклашевскою. Марку брату подарилемъ 10 таляр. бит. Зъ Глухова писма принесени, между которими ко мнѣ отъ господаря, старости Крисковскаго и Пѣщанскаго. Да при томъ же получени писма отъ Желязи и щотъ отъ Камѣнскаго. Ивана новоодружившо-гось дарили, въ коемъ числѣ и я 15 овецъ. П. Яковъ уступилъ намъ шинкъ свой Коровинскій. По листу старости Сухоносовскаго показано, что въ генвар. 25-го числа послалъ онъ въ Глуховъ горѣлки куфу у 6 носат., табаки сеголѣтной 1000, тогорочного та-баку 940 попушъ, маку четверть четверика Роменскаго, курей рѣ-занихъ 32, яблукъ сутеніхъ.

Пятокъ. 5. День былъ холодаий, ночь мало теплѣшай, къ свѣту снѣжокъ. Ярема посланъ въ Глуховъ зъ писмами до Бузин-скаго и Пѣщанскаго, о прїездѣ сюда Свѣтаковомъ. Веселная компа-нія зъ Засулля поехала далѣй въ путь свой, такъ же и гостѣ порозездились и банкетамъ конецъ. Я поехалъ въ футортъ Гама-лѣевскій и прїехалъ за полъ 4 часа, шляхомъ Ромадановскаго, а ночовалъ въ Андрѣевцѣ. Тамъ, у футортъ осмотрувалъ воловъ купленіхъ 22, а тамошнихъ рабочихъ 16.

Субота. 6. День былъ похмурний отчасти холодноватъ, ночь такова жъ да свѣтла. Пріехалъ зъ Андрѣевки на обѣдѣ въ Роменъ, и обѣдалисмо зъ родителями. У жени боль превеликій былъ у череслахъ и въ крижу, потому теченіе крове, посля жестокой боли и рѣзь, а посемъ вишало уровище и мѣстцище, и посля сего ускромился соль. Сватба у сотника Роменскаго Семена Остапенка дочери его зъ Черняковимъ синомъ, на якую наасъ запрошувалъ. Староста Сухонос. и Грицко Дядя прїехали въ Роменъ и привезли куфу гор. у полъ 6 носатки. Писма зъ Глухова отъ п. Михайла

брата и зъ Москви отъ Люки получилемъ о нѣкоторихъ моихъ потребахъ писаніе.

Неделя. 7. День свѣтлій и холодній, и ночь такова жъ, къ свѣту снѣгъ. Сухоносовскому Грицку Дядѣ на воли далемъ 50 р. Писалемъ писма въ Глуховъ до п. Михайли, тако жъ и до Люки, въ Москву, о покупкѣ медикаменту, апології Будеевой и двохъ книгъ Морерѣ. До стар. Крисковскаго о присилцѣ людей по прежнему въ Глуховъ, 10 человѣкъ, и 3-хъ варахъ пива Коронскаго. Родитель поехалъ рано въ Глуховъ. У сотника здешнаго Роменскаго сватба была, на которой родителка и я были, а жена болна въ дому оставалась.

Понеделокъ. 8. День тепловать, снѣгъ малий ишоль, ночь холоднѣйшая. Женѣ тяжче боль у боку сталъ докучать правомъ. Обѣдалисмо дома. Получилемъ писмо отъ Лоренцова, прикажчика Хоружевскаго, въ якомъ проситъ нашего туда прибитія для имѣющаго отправоватись дочери его Катеринѣ зъ синомъ сотника полк. Старод., Семена Галецкаго, завтрійшнаго дня обрученія. Былъ у мене Данило Савоско зъ атаманомъ Роменскимъ Войтенченкомъ и говорили о взятиихъ деньгахъ еще въ 1723-мъ году, 350 зол., на покупку горѣлки, якая послана была въ Сулакъ на подарки. Василь Дѣня зъ Сизономъ били, чтобъ Ілку Важниченку ионоровить въ дооправляючомся долгу отъ его 40 р., мнѣ доводячихся. Отъ швакгра п. Якова зъ Коровинськъ пріехалъ Войцеховичъ Иванъ. Василь молодикъ пріехалъ зъ Глухова зъ тимъ, что виправа задержана.

Вовторникъ. 9. Сей день холодновать и похмуренъ, ночь свѣтла съ жестокимъ морозомъ. П. Яковъ швакгеръ пріехалъ и обѣдалъ съ нами. Женѣ легше. У вечеру быль я у п. Якова и позпо прійшолъ въ домъ. Василь молодикъ посланъ зъ листомъ до Якубовича, упоминаючимся о долгѣ мнѣ доводячій 900 р. зъ неболшимъ, да черезъ его жъ писано и до п. Федора, дядка, о присилки водки рожевої. Протопопъ билъ у мене у вечеру и припомянулъ, что тіе денги, о якихъ вчора упомянулось, употреблены на куплю гор. въ даръ Кропотову и протчимъ. Ярема да Остапъ пріехали, молодики, и по обѣдѣ Остапъ знову отправленъ къ виправѣ зъ листами.

Середа. 10. День и ночь таковіо жъ были, якъ и вчора. П. Яковъ вчора пріехавшій, у вечеру сегодня, а не вчора, обѣдалъ, и Василь слуга до Якубовича отправленъ. Купилемъ 2 кухви гор. Коропской, пѣнной, за 20 р.

Четвер. 11. День и ночь свѣтліе зъ жестокимъ морозомъ. Обѣдалисмо вкупѣ зъ п. Яковомъ, который по обѣдѣ и отехалъ. Въ лазнѣ кровъ пускалемъ и милемся. Брать Марко и проч., ездивши за сестрою въ Лубнѣ, повернулись оттуду. Подводчики зъ запасомъ моимъ, въ Астрахань нараженнимъ, прійшли на ночь въ Роменъ. Кухву гор. простой позикою взялемъ у Павла Бабака, чтобы ему тую же кухву отдать и придать гор. вѣдерко.

Пятокъ. 12. День и ночь свѣтліе и холодніе велми, въ ночь вѣтеръ. Обѣдалисмо вкупѣ зъ братами и родителкою. Писма отправилисмо въ Глуховъ, черезъ Петра Воротеляка, 2 писма до родителя, до господара обѣ исполненіи приказовъ, до п. Михайла о пересилкѣ пакета въ Москву, до Люки о куплѣ книгъ Морерѣ и апології Булдесевой, и взятою па то денегъ 20 р. зъ неболшимъ у людей моихъ, албо у сестри, до Желяза—о продажѣ вина, спороженню покупокъ и отобранию 2-хъ кух. гор. у Донского архим. Камѣнскимъ положенной и до архим. того о семъ же, чтобы видаль. Тамъ же и до сестри Уляни Ів. Толстой. Осталъ Свѣтакъ, служитель, да Гаврило Оксененко, мужикъ Сухоносовскій, отправлени въ дорогу низовую съ запасомъ; дано имъ на дорогу денегъ на всяkie експенса 125 р., да ефимковъ 45, борошна всякого сани, да запасу гор. двойной 8 кух., вѣдеръ на 320, одна простой, вѣдеръ 43, тютюну и бокуну 180 пуд., пашушъ на 9000, и данъ имъ приказъ, якого коція оставленна. Родителка кунтушъ златоглавый гранит. подарила женѣ. На покупку бокуну въ дорогу зъ Осталомъ далемъ Алексѣеви 11 ефимковъ и пол. Алексѣеви о должникахъ, що зъ ними дѣлать, а Тарасови о куплѣ соли, на якую далемъ 2 р. на воли. О звареню меду, обѣ отдачѣ гор. куєи Павлу Бабаку далемъ прикази. Осталось гор. на 2 корхи у бочцѣ тоей, якую почили. По обѣдѣ, поехалисмо у вечеру зъ Ромна, я жена, братъ

Семенъ и Несторовичъ заблудили были до Родинецъ, а около 10-го часу пріехали въ Бубни, где и почовали у отца Павла Свѣта.

Субота. 13. День быль холодній, вѣтряний, ночь теплѣйшая зъ отлигою, якбы на снѣгѣ. По службѣ Божій поехалисмо зъ Бубновъ и ехали людомъ, поузъ Липовое и Красний Колядинъ, и пріехали на обѣдъ до Дмитровки, отстоящей отъ Бубновъ миль за 3. По обѣдѣ поехавши, уехали милю до Гайворонона, отъ Гайворона верстъ 5 уехавши до Григоровки, тутъ и почовали.

Неделя. 14. День зъ отлигою и зъ дожчикомъ и туманомъ, и ночь такова жъ. Рано зъ Григоровки вставши, уехали верстъ зъ 15 и пріехали до Куренъ, где и службы Божій слухали; по службѣ уехали съ полтори миль до Стрѣлниковъ, зъ Стрѣлниковъ съ полъ мил. до Миколаевки, зъ Миколаевки до Борзни добрую милю, где и обѣдалисмо. Отъ Борзни по обѣдѣ уехали милю до Оленовки, отъ Оленовки до Комаровки милю, где и почовали у попа отца Федора.

Понеделокъ. 15. День сперва съ туманомъ и до конца, ночь съ полночи вияснилась была, а къ свѣту знову стала похмурина зъ туманомъ. Зъ Комаровки до Британовки верстъ 5 уехали, зъ Британовки до Кладковки верстъ 8, отъ Кладковки до Хибайловки верстъ 14, где и обѣдали у козака Гарбуза, близъ греблѣ. По обѣдѣ зъ Хибайловки до Вересочи верстъ 4, отъ Вересочи до Берестовецъ верстъ зъ 4, отъ Берестовецъ до Муравейки верстъ зъ 6 уехавши, тамъ и почовали.

Вовтор. 16. День сперва зъ мокримъ туманомъ и малимъ дожчомъ, ночь такова жъ. Отъ Муравейки уехали до Вибель верстъ 25, зъ Вибель до Чернѣгова верстъ зъ 10 уехавши, пріехали до швакгровъ Полуботковъ, которыхъ обоихъ не застали, кромѣ п. Андрѣевой. У лазнѣ милися мы зъ братомъ и Докторовичемъ; тогда п. Яковъ швакгеръ зъ деревнѣ своей Жукотокъ пріехалъ.

Середа. 17. День быль безъ морозу, однако жъ и безъ отлиги, свѣтлий воздуха сухого, а ночь была зъ морозомъ, частю свѣтла, а частю похмурина. Обѣдалисмо зде, въ Чернѣговѣ, у п. Якова и съ нами судія Чорн. Каневскій, и подпіяхомъ.

Четвер. 18. Морозъ въ день зъ сухимъ воздухомъ, похмурно, такъ же и вночѣ было. Рано передъ обѣдомъ поехалисмо обще всѣ зъ п. Яковомъ швакромъ въ село его Жукотки, где онъ зъ дѣтми своими и жилле имѣсть. А пріѣхали туда за полъ 3 часа, ехавши: я съ женою, братъ п. Семенъ и Несторовичъ, застали тамъ сына п. Яковового Семена и дочь Агафью и пріѣхавши туда, тамъ обѣдали и ночовали.

Пятокъ. 19. День зъ ранку холоденъ зъ морозцемъ, а по обѣдѣ стало роставать, а ночь едва не черезъ всю дождь ишолъ. Обѣдалисмо у Жукоткахъ, а по обѣдѣ пріѣхалисмо въ Чернѣговъ, припознившись за занесаннемъ дороги. Тамъ, въ Жукоткахъ, отезднаго далемъ синови швакровому 2, а дочерѣ 1 червонн., а п. Яковъ дарилъ мене сребранимъ пукаломъ. Василь, молодикъ, по силанній до Якубовича, повернулся ко мнѣ въ Чернѣговъ и привезль отвѣтъ его, по якомъ видно, что отбитись мислить отъ долгу; онъ же привезль отвѣтъ отъ п. Федоровой и бутилку водки рожевой, отъ родителя и п. Михайла зъ Глух. писка, въ якихъ не совѣтують мнѣ ехать въ Чернѣговъ теперъ.

Субота. 20. День сей былъ мокрий сперва, поневажъ дождь до самого полудня исполь густий, и отъ полудня сяѣгъ съ метелицею и вѣтромъ холоднимъ, который чрезъ всю ночь тривалъ, для сего померзло. Былъ я зъ братомъ п. Семеномъ у архиерея здешнаго Чернѣговскаго, который нась ласкаво принималъ. Повернувшись, обѣдалисмо у п. Андрѣевой, куда и п. Яковъ пріѣхавши зъ Жукотокъ, пріѣшолъ, и подпияхомъ. Несторовичъ посланъ въ Седневъ зъ предложеніемъ до обозной енер., взглядомъ брата и ея сыновной Корсаковой ¹⁾.

Неделя. 21. День похмурний зъ вѣтромъ сухимъ и велми холоднимъ, ночь свѣтла, тиха, однакъ збить холодна, отчего все на дворѣ крѣпко померзло. Рано ездилисмо зъ швакромъ п. Яковомъ и братомъ п. Семеномъ до монастыря Троецкаго, на службу

¹⁾ Рѣчь идетъ о сватовствѣ брата Марковича на вдовѣ Ильиша Яковлевича Ливогуба, Анаѣ Михайловнѣ Корсакъ.

и въ келії архимандрита Германа, а повернувшись обѣдалисмо у п. Якова. По обѣдѣ Несторовичъ повернулся зъ Седнева зъ тимъ извѣстіемъ, что оная Корсаковна положила себѣ намѣреніе во вдовствѣ жить. Былъ у вечеру писарь полк. Янушевичъ. Вечералисмо вкупѣ всѣ, толко п. Андрѣева и обѣдала, и вечерала у себе.

Понеделокъ. 22. День свѣтлій и холодній очинъ, ночь такъ же холодна, однакъ пополамъ свѣтла. Черезъ Несторовича въ Троецкій монастырь на молебствіе за усопшихъ 4 р. Обѣдалисмо всѣ обще у п. Якова и писарь пол. Черт.; по обѣдѣ простившись зъ п. Андрѣевою, такъ же зъ п. Яковомъ, братомъ, и Несторовичомъ, опровергавшими мене, поехали зъ женою и дѣтьми и пріехалъ въ Седневъ, за 4 години, а далекости 4 миль отъ Чернѣгова въ Седневъ мѣрнихъ.

Вовтор. 23. День свѣтлій сперва и холодній, потомъ, въ сединѣ дня и къ вечеру стало таяти, у вечеру и въ ночь сильный морозъ, а ночь свѣтла и тиха. Зъ Седнева рано поехали до Руднинскихъ млиновъ миль 2, оттолъ до Руднѣ миль 1, где рѣку Смячъ переехали черезъ греблю, оттолъ до Петровой слободы верстъ зъ 4, отъ Петровой слободы до села Хотуничъ, судейскаго жъ Чернѣг., отъ Хотуничъ до Боровичъ верстъ зъ 7, где и ночовали.

Сореда. 24. День свѣтлій сперва и велми холодній, потомъ вѣтрянай зъ полудня, а потомъ знову тихъ и зъ малою отлигою до полночи, а зъ полночи снѣгъ ишоль до свѣта хороший, який покриль землю, и отъ сеей ночи стала вновъ дорога снѣжная, добрая вновъ. Зъ Боровичъ до Илкучи, швакровъ моихъ слободки, верстъ зъ 3, до Тури, ихъ же, верстъ зъ 3, до Лозовой, брата п. Михаила, верстъ зъ 3, до Чепелюва, Антоновиччиного села, миль 1, до Наумовки верстъ зъ 4, уехавши, тутъ обѣдали у попа. По обѣдѣ уехавши миль зъ полтретъ до Гути швакровъ моихъ Полуботковъ, тамъ ночовали.

Четвер. 25. Зъ ранку до полудня ишоль снѣгъ густий, ко торий добре покриль землю и отлига стала, а къ вечеру морозъ, ночь холодна и ясна отчасти, а къ свѣту снова снѣгъ густий. Отъ Гути до другой Гути Гурковскаго, зовемой Олешня, верстъ зъ 6,

зъ Олешнѣ до села черноцкого, Рихловскихъ законниковъ, верстъ зъ 4, до Жуклѣ, футора гетманского, верстъ зъ 5, до Овдѣвки миль 1 великую уехавши, тамъ обѣдали у дворѣ п. Михайла. По обѣдѣ отъ Овдѣвки до Шабалтасовки верстъ зъ 3, зъ Шабалтасовки до Крисіокъ верстъ зъ 6, где уехавши, тутъ у своеимъ дворѣ ночovalисмо.

Пяточъ. 26. День быль мѣрно холодний сперва, але зъ густимъ снѣгомъ и метелицею, а по полудиѣ, въ 4 часа вияснилось и випогодилося, къ вечору зъ жестокимъ морозомъ, который тривалъ и черезъ всю ночь. Зъ Крисіокъ до Иванкова, Печерского монастира села, верстъ зъ 3, до Розлестовъ, канцелярийскаго села, зъ полтори мил., оттоль черезъ Десну, до Погорѣловки, верстъ зъ 3, до Обтова верстъ зъ 4 уехавши, тамъ обѣдали у дворѣ Ивана Забѣли. Тудажъ, въ Обтовъ, прїехалъ протопопъ Стародубовскій Подгурскій, привезль дѣвчатъ сиротъ, ио смерти отца своего Прокопа Березовскаго и матки Забѣловни, оставшихся. Зъ Обтова до Дубовичъ миль 3, год. зъ 3 ехали, а оттоль до Тулиголовъ верстъ зъ 4 уехавши, тамъ въ своеимъ дворцѣ ночovalи.

Субота. 27. День быль холодний велми и сперва до полудня тихій и свѣтлій, а по полудиѣ до вечора и черезъ ночь вѣтрянъ велми, полудневимъ вѣтромъ, передъ свѣтомъ утихлъ. Нисалемъ зъ Тулиг. до Крисковскаго стар. о зробленню 20 куєвъ по 13 носат. и о висланномъ Черн. архиерея, чтобъ мнѣ даль анатъ. Рано зъ Тулиг. поехавши, уехалъ 3 миль, за поль 3 часа, и прїехалъ въ Глуховъ, где застали родителя и брата Ивана, где и обѣдали. Быль у вечеру у п. Михайла, отъ которого отобразлъ писмо Люкино и Epistola apologetica Buddei на Камень Вѣрѣ. Получилемъ писмо отъ стар. Сухонос. и Перервинскаго. Увѣдомился, что ясневел. дано красную ленту Александра Невскаго.

Неделя 28. День вѣтрянъ отъ полночи, а къ вечеру тихъ и очиль холденъ. Ночь хочай пасмурна, однакъ холодна, а къ свѣту вѣтеръ и снѣжокъ малий. Рано ездилемъ зъ род. до брегадира, княгинѣ, и. гетмановой, а обѣдалисмо у себе, зъ понами Астрковскимъ и Василіемъ. У день я ездилъ до Бока, доктора, отъ которого при-

няль я лекарства, прошлого году декавр. 22-го приписаніе, прошокъ absorbens и oleum cephalicu, за 2 р. и 5 копѣекъ купленіе. Уговорилъ коня заносатѣвшаго вновъ лѣчить, а коновалу за то 2 р. У вѣчеру былъ я у п. Михайла, а вечерали у себе зъ родителемъ и тими же попами. Отдано зъ Москви присланной рыбы: осетеръ пудъ 1 и полъ 12 фунта, пуду цена 75 копѣекъ, лосось 1, фунтъ 18 и пол., по золоту, сюмга 1, фунтъ 12, по 1 а., икры полпуда 1 р. безъ 5 копѣекъ, судно 5 копѣекъ, за провозъ 50 копѣекъ, а сее отъ Желязи, и 2 штановъ давнихъ моихъ лосинихъ.

Постъ вел. М-ць мартъ. Понеделокъ. 1. День сперва зъ снѣгомъ и вѣтромъ полунощнимъ, потомъ свѣтлий и холодний, ночь тоже свѣтла, але еще холоднейшая. Рано былъ у мене Александръ Левицкій и отошелъ, а мы все въ дому были. О заборѣ п. Павловой Девейзбахомъ учиненномъ вѣдаеть Назарь, мужикъ и староста Андріяшовскій, войтъ Мисникъ, бывшій староста Андріяшов. умре, стадникъ Гладкій, который умре.

Вовтор. 2. День былъ свѣтлий, тихій, но велми холодний, ночь тоже тиха, холодна. Козакъ Перервинскій, отчимъ кучеровъ, отправленъ въ домъ, а чрезъ него писалъ я до Несторовича и родителки. Такъ же до Сухонсовскаго стар. о Лукомскомъ сотнику, чтобы не сумнился о пригнattю въ Гамал. футортъ 50 валаховъ, 200 овецъ и 10 коровъ, о мужикахъ, чтобы грунтовъ не продавали; о содержаніи винницѣ безъ упущенія, о соли, что излишній оной расходъ, о олію, которого зъ Перер. въ Сух. послано 3 пуда безъ 4-хъ фунт., а онъ послалъ полъ 3, а тутъ заважили полъ 2 пуда, о выдачѣ гор. стар. Перер. за роспискою, объ умноженіи левадъ тютюнныхъ; о присилкѣ пшона всего сюда, о бывшомъ дворнику Василю, чтобы выправить що доводится, о роздачѣ грошей на сѣно до 50 скиртъ, по 150 кошицъ, и послани ему на нужди 10 р. А до Перервинскаго старости — о куплѣ стѣнки Ивана Жили, на що и на сѣно роздавать послалъ 40 р. да 10 ефимковъ, о витертю виннихъ на сѣно жъ зъ реестра шинкарскаго¹⁾, о тор-

¹⁾ Говорится, чтобы шинковые долги были употреблены на сѣно и чтобы затѣмъ должники были вычеркнуты изъ долговыхъ списковъ шинкарей.

говлѣ стѣнки Ворониной, дешевѣй, о сѣнѣ сколько было за него и есть теперь, въ Яблуневъ—человѣка искать, пріѣжджимъ не шинковать, о коняхъ ему на поездку впередь, на Свѣтличномъ ему доправить, що доводится. Купчай форма послана до его жъ. П. Кондзеровскій былъ рано и Якимъ маляръ, который отобралъ на свои руки золота битого книжокъ 193, а семи не достаетъ, и расписался, что порожнихъ книжокъ 100 долженъ возвратить. Черезъ тогожъ Якима писалъ я въ Стародубъ, до Валкевича, о куплѣ мѣнодовъ и вина ладонскаго, на що далемъ 10 ефимковъ¹⁾). Тертичнику далемъ до крайней рахуби 3 р. Алексѣй Полуденскій пріѣхалъ зъ Ромна и привезъ зъ собою задолжившагося котляра, а отъ другого мѣди отобралъ 85 фунт., якую теперь привезъ же. Да онъ же Алексѣй виправивши у Ілка 20 р., отдалъ Тарасу въ Ромнѣ, да отъ Романчука 4 р. опъ же взялъ на сѣно. Алексѣй докупилъ табаку чили бокуну Остапу Свѣтаку 1800 папушъ.

Середа. 3. День былъ свѣтлій зъ жестокимъ морозомъ, ночь похмурна зъ отлигою. Зборщики Глуховскіе явились, которимъ за 3 казани заплатилемъ 3 талар. На службу зъ женою ездилемъ до до ст. Анастасіи, а по службѣ у Гапки были.

Четвер. 4. День былъ похмурний и вѣлдотний, для чего снѣгъ сегодня началъ таяти, у вечеру приморзло, а къ свѣту мокро и ночь похмурна. Въ дому были, обѣдалемъ зъ род. и дѣтми, и у лазнѣ мились. Василь Вел., молодикъ, посланъ въ Ямполь пиво варить, на що ему дано 2 р. и писмо до Карпова, прикажчика тамошнаго. До Крисюкъ послано, черезъ подводи отправленіе зъ житомъ, о пивѣ, брусахъ, улляхъ, бочкахъ и объ исполненю всего того, что еще прежде приказано. Зъ Астраханѣ отъ Архипа писмо генвар. 4-го отпущенное, въ якомъ пишеть, что онъ въ Астраханѣ и весь запасъ съ нимъ въ цѣности и что отъ 4-хъ бугровъ указомъ назадъ завернемъ онъ сталъ.

Пятокъ. 5. Сей день былъ вѣтряний, похмурний и сперва снѣгъ густий ишоль, а потомъ стала таяти велми, ночь также была

¹⁾ На Стародубской ярмаркѣ

похмура зъ вѣтромъ полуденнымъ, а къ свѣту морозецъ и вѣтеръ холодний. На службу ездилемъ въ городъ до церкви ст. Михаила. Купилемъ дровъ 60 воз. за 3 р., по 5 копѣекъ возъ, да гречки два четверики, по 8 зол. зъ 4 коп.

Субота. 6. День быль вѣтряний велии зъ ранку, безъ морозу, а къ полудню стало таяти, къ вечеру морозъ и чрезъ всю ночь примерзло добре, день быль похмурний, къ вечеру вияснилось и чрезъ всю ночь. Были зъ родителемъ на службѣ у княжай церквѣ, где и коммунѣковались, а по коммунѣ заходили до княгинѣ, которая сказала вѣдомость, что панъ гетманъ віехалъ зъ Москви февр. 26, а князь, ея супругъ, марта 2-го. Обѣдалисмо у себе и никуда зъ дому не ездили.

Неделя. 7. День быль рано зъ морозомъ, около полудня и посля стало велии растовать. Такъже было чрезъ всю ночь похмурно да мокровато. У брегадира былисмо рано, оттолъ на службѣ у ст. Анастасіи, посля у п. гетмановой, где и п. Петра, полк. Луб., пріехавшого зъ Москви видѣлъ. Тамъже я и обѣдалъ, а по обѣдѣ зъ п. Петромъ, отехавшимъ въ Лубнѣ, простился, а по отездѣ его долго у брата п. Михайла сидѣлъ зъ Роцаковскимъ. Ясневелможний гетманъ Данило Павловичъ Апостоль повернулся зъ Москви передъ вечеромъ, а на немъ красная лента, то есть кавалерія святого Александра Невского, отъ ея величества данная.

Понеделокъ. 8. День быль похмурний, вѣтряний, мокроватий зъ дожчемъ, почъ свѣтла и къ свѣту морозъ. Обѣдалисмо у себе и не ездили никуда. Новий приказъ далемъ Вѣжевскому ведлугъ шинковъ, и отъ того часу мѣеть отдача напитку шинкарамъ и пріемъ грошей отъ шинкарей у его записоватись впредъ.

Вовтор. 9. День быль свѣтлій зъ ранку, зъ морозомъ, тихій, къ полудню стало роставать и похмурно, снѣгъ ишоль, къ вечеру морозъ, вѣтеръ по полудневомъ полунощний насталъ, випогодило у вечеру и чрезъ всю ночь. На службѣ былисмо у ст. Анастасіи и у ясневел. на водцѣ, а у себе обѣдали. Князь Алексей Ивановичъ Шаховскій, генералъ-маіоръ, пріехалъ въ Глуховъ, 10-го часа, пе-редъ полноччю.

Середа. 10. День былъ холодний зъ морозомъ, и чрезъ весь день и ночь такъ было, вѣтряніе и похмуріе были. Рано были у князя зъ поздравленіемъ и обѣдалисмо тамъ, род. и я, братъ п. Михайло, брегадиръ, Количовъ и Жураковскій. Рассказывалъ князь о послахъ китайскихъ, въ Москву присланнихъ: 1) своего государя называютъ булдуханомъ, 2) якъ были на авдіенціи, то идучи въ государинъ, трижды въ землю кланялись; 3) одѣяніе, шапки, волосы и физиономія во всемъ подобни колмикамъ, понеже они не суть цраміе китайцы, но мансурѣ, завоевавшіе китайцовъ. Желязо пріѣхалъ съ Москви и привезъ рибы: осетровъ двохъ, бѣлорибицу и лосося, да отъ Люки—Max. le grand dictionnaire за 20 р. Отъ сестри чрезъ Федора Гайдука писмо зъ Москви получилъ и бочонокъ мѣндовъ. Вимѣрали вино кримское, Демяномъ привезенное, якого намѣрали окъ 1282. Мякининъ пріѣхалъ съ Москви.

Четверг. 11. День былъ холодноватъ, зъ малою отлигою, и похмуренъ, у вечеру болше того отлигло, въ началѣ ночи снѣгъ якъ сталъ ити, то черезъ всю ночь ишоль зъ силнимъ вѣтромъ, и потому знову зимняя дорога стала. Обѣдалъ я дома, а родитель у князя, писалемъ по предложенню княжомъ до сестри п. Чарнишевой, чтобъ пріѣздила сюда въ Глуховъ мириться съ пасинкомъ своимъ Петромъ Чарнишомъ, и послалемъ съ тимъ молодика Гаврила къ ней въ Подоловъ. Окончилемъ Вѣжевского щотъ, и що показалось на особливомъ есть патерь описано. Поляка Янѣшевскаго принялемъ на службу.

Пятокъ. 12. День зъ ранку до вечора зъ силнимъ вѣтромъ и метелицею былъ, зъ чего снѣгъ прибавился, ночь вѣтрана жъ, але безъ снѣгу, зъ силнимъ морозомъ, свѣтла и къ свѣту тиха. Былемъ на службѣ у церкви ст. Михаила, оттолъ у склепу. Отъ брата п. Семена получилемъ листъ, въ якомъ просить резолюціи моей на отзывъ Глинскаго сотника, бывшій къ нему о поятіи дочери ихъ въ жену ему, брату¹⁾). Демянъ перелѣчили дерево все, где въ Глуховѣ обрѣтающеся, которого реестрикъ приложенъ тутъ.

¹⁾ Глинскимъ сотникомъ въ это время былъ Жуковскій.

Субота. 13. День былъ зранку свѣтель и холоденъ, и до вечора такъ, ночь тихажъ, свѣтла и холодна. Обѣдалисмо зъ род. у себѣ, а по обѣдѣ ездилемъ до брата п. Михайла и былъ у князя. Савѣ, писареви артилерійному, далемъ на медъ въ доплатку 4 р. до далшого порахунку, понеже взятого меду не виважили. Климъ посланъ въ Чернѣговъ до швакровъ за денгами, да черезъ егожъ послалемъ въ Криски, на роздачу на жито до новини, 40 р. Писалемъ черезъ его до обоихъ швакровъ о видачѣ денегъ; до п. Якова особливо и чаю послалъ, и ему далъ приказъ. Сестра п. Чарнишева пріехала.

Неделя. 14. День былъ зранку холоденъ и похмуренъ, къ полуудню и посля полуудня вѣтеръ и тепло, для чего снѣгъ знатне роставалъ, ночь тепла также и хмурна, къ свѣту випогодилось зъ морозомъ. У церкви ст. Анастасіи, оттолъ у яневел., при котормъ ездилемъ до генерала апшефа Вейзбаха, теперъ пріехавшаго въ Глуховъ, а простуючись зъ Варшави въ Москву. Обѣдалемъ въ дому у сестри п. судіної, а родитель у княгинѣ, где былъ у дворецкого дитяти кумомъ, зъ Вассою, асаулкою генералною¹⁾). Получилемъ писма отъ п. Якова швакра и отъ архиерея Чернѣг. обѣ отправленнихъ розицикахъ въ Криски, Мануйловичу и намѣстнику Рихловскому.

Понеделокъ. 15. День былъ свѣтель, зъ ранку зъ мороземъ, тихъ, въ день теплъ отъ слонца, ночь теплажъ и ясна, къ свѣту похмурно зъ маленкимъ снѣжкомъ. Рано былъ у мене Петро Чарнишъ и разговорували о мирѣ зъ мачехою его. Былъ же п. Федоръ Савичъ и п. Кондзеровскій. Обѣдалисмо у себѣ, а род. у князя. Боку масла дѣжечку послалъ. П. Михайло былъ у вечеру. Писмо до архиерея Чернѣговскаго отписалемъ, чтобы намѣстникъ Рихловскій не былъ въ розицикахъ и въ листѣ до п. Якова отослаль.

Вовтор. 16. День былъ похмурний зъ снѣгомъ и холоденъ, и съ метелицею. Ночь свѣтла, зъ жестокимъ морозомъ. Івану Осипову,

¹⁾ Женою Мануйловича.

жителеви батуриинскому, сестренцеви сотника Батуриинского Стожка, заплатилемъ за лавку въ Кролевцю, помѣжъ зъ мою лежачою, 30 р., а онъ мнѣ купчую зъ ураду Кролевецкого привюзъ. Сестра, и. судіина, била у насъ и обѣдала, а по обѣдѣ споражали вѣдомости ея імѣнія, зъ которими билисмо, зъ братомъ п. Михайломъ, у князя у вечеру.

Середа. 17. День былъ зранку свѣтель и холодноватъ, по томъ похмуренъ, ночь похмуруна жъ, зъ мороzemъ хорошиль. Рано былемъ у ясневел., а для тезоименитства княжего обѣдали многіе и я у князя, и подпіахомъ. Писма къ сестрѣ Толстой отправилемъ къ Ладинскому, едучому въ Москву, а писалемъ, даруючи ей горѣлку мою въ Москвѣ имѣючуюся, а именно: двойной двѣ куои, 82 ведра, простой куоу, а другую кухью Курбатову, чтобы переслала До Люки также писалемъ, дакуючи за присланніе Могері. О видачи однихъ двохъ куоъ простой гор. писалемъ до архимандрити Донского Иларіона Рогадевскаго. По сказкѣ Демяна и Алексѣя, имѣется въ Ромнѣ бокуну купленного 21 пуд. да зъ Гамалѣевскаго футора 27 пуд.

Четвер. 18. День сей былъ сперва свѣтель и холоденъ до вечера, ночь свѣтла и холодна была. Рано былемъ у князя, а обѣдалемъ у себѣ зъ женою. Ясневелможный по вчорайшомъ банкетѣ княжомъ шуменъ будучи, тогда въ себѣ упалъ на землю и забиль себѣ правий бокъ, отъ чего заболѣлъ. Ходилемъ до переводчиковъ права и посѣщалъ ихъ въ дворѣ Вѣлополон. гети. Ефимковъ 10 данихъ Якову маляру, отбражемъ. Демянъ Кузмѣнскій посланъ въ Роменъ и далъ за денгами и проч., о чомъ приказъ.

Пятокъ. 19. День сей сперва былъ свѣтлій отчасти, а побольшому похмурний, а до самого вечора хмуренъ, ночь хмурнахъ, а отъ полночи снѣгъ великий зъ вѣтромъ и зъ силою метелицею ишолъ ажъ до свѣта, съ чего много снѣгу стало. Жена поехала въ Тулиголови зъ дѣтми меду варить. У Сави, писара артилерійного, купилемъ меду пудовъ 7 и 14 фунт., которому до ращоту далемъ 6 р., понеже медъ безъ дерева купили, а пудъ меду по 40 з.

безъ шага. У день билъ у князя, где засталемъ пріехавшого Хрущова, полковника Нѣжинскаго.

Суббота. 20. День сей отъ ночи былъ похмуренъ, снѣгъ великий ишолъ зъ вѣтромъ и зъ великою метелицою, зъ ранку до вечора. Такъже и черезъ всю ночь до свѣта ишолъ, зъ чего снѣгу много стало и санная дорога показалась. Ивановиѣ, московцѣ, далемъ 80 ефимковъ на покупкѣ въ Борзнѣ, которимъ и реестрикъ написаний вручилемъ ей же. Оболонскій Демянъ обѣдалъ у мене, а призванъ биль взглядомъ дѣла Заруцкаго, о млинѣ Ясманскомъ, якіе читалисмо оба зъ п. Михайломъ. Князь зъ княгинею мился у лазнѣ нашей, а Хрущовъ такъ сидѣлъ. П. Михайлу брату отославлемъ 40 ефимковъ, якіе я рублями позичилъ биль у походѣ низовомъ у его, а еще 10 р. осталемъ ему жъ виноватъ. Петру кухару на расходъ столовий 2 р. вновъ и первимъ разомъ далемъ.

Неделя. 21. Рано снѣгъ исполъ, день похмуренъ, однако холдоватъ, къ вечеру и черезъ ночь вилогодилось, зъ морозомъ среднимъ. Обѣдалисмо у князя зъ род., оттолъ ездилемъ къ сестрѣ п. Чарнишевой на пастовникъ, а оттуду до п. обозного енерал-наго, у которого доволно посидѣвши, позно пріехалисмо у домъ ской.

Понеделокъ. 22. День былъ сперва зъ снѣгомъ, а потомъ вияснился зъ морозомъ. Ночь такъже ясна была и велми холодна. Купилемъ дровъ 43 вози, 2 вози сѣна за 2 р. и 19 а., а въ Сварковѣ сторжили скирту сѣна за 2 р. Сестра п. Чарнишева и Петро Чарнишъ были у меня и посида и поговоря, ведлугъ миру своего, розехались. Былъ и п. Михайло. Отъ п. Григоріевой (Журавковой) зъ Новгородка получилемъ вѣдомость о ея великой слабости. Юрченку за четверикъ жита по полтора четверика братъ казаль зъ людей русскихъ.

Вовтор. 23. День былъ похмурний и ночь такова же до половины, метелица до свѣта зъ вѣтромъ. Рано былемъ у князя, где и Чарнишъ былъ. Отъ князя писарь Печерскій ко мнѣ зайшолъ. Въ дому обѣдали зъ род. и женою, пріехавшою зъ Тулиголовъ, которая по обѣдѣ знову поехала въ Новгородокъ до п. Григоріевой болной. Мануйловичъ, чернецъ Чернѣговскій, опредѣленій на ро-

взята оныхъ въ Подоловъ), съ Новгородка уже по смерти матери еи, Фридрикевичевой, къ ней тетки еи, Фридрикевичевой, сундуковъ да и безъ сундуковъ, какихъ вещей и прочего разновремено послано или дано, и все ли то, что было у ней, привезено по смерти матери еи, Фридрикевичевой, въ Подоловъ, она, Фридрикевичева, неизвѣстна и знать ей тогда нѣпочему было, яко про все то мать еи, Фридрикевичевой, вѣдала; 2, по смерти матери еи, Фридрикевичевой, какъ упоминаемою теткою взята она, Фридрикевичева, въ опеку въ еи домъ, въ Новгородокъ, изъ Подолова, куда опять нею и сундуки еи, Фридрикевичевой, взяты, то она тетка еи зъ сыномъ своимъ разновремено слюсаровъ списывала, (по причинѣ той, что у дядѣ еи, Фридрикевичевой, прописаного Ширая, ключи отъ сундуковъ содержались) сундуки отпирала, а одна баула, гдѣ серебро содержалось, къ описѣ, когда отдачу еи, Фридрикевичевой, дѣлано, чрезъ показаного Заводовскаго, принесена была отъ показаной тетки незамѣнutaл и замка при оной не было и сие де, какъ оной Заводовскій, такъ и хоружий Налягака и прописаной Иванъ Суденковъ видѣли и знаютъ; 3, не-меншимъ сумнительствомъ состоять и сие, что тетка еи, Фридрикевичевой, Суденкова и синъ еи Иванъ Суденковъ вскормленого въ домѣ матери еи Фридрикевичевой, малого, именемъ Карпа, при еи, Фридрикевичевой, въ еи домѣ бывшего по выходѣ еи, Фридрикевичевой, въ замуже, ей, Фридрикевичевой, неотдала и при виездѣ еи, Фридрикевичевой, съ мужемъ своимъ изъ еи дому, зъ Новгородка, прошедшего февраля 18 д., оного малого оковала въ зелѣзи и не выпустила изъ своего дома, которой де малой, яко съ младенчества воспитанъ и безотлучно жилъ при матери еи, Фридрикевичевой, то знать можетъ о многихъ съ еи, Фридрикевичевой, имѣній вещахъ, за коимъ малимъ мужъ еи, Фридрикевичевой, къ тетки еи, Фридрикевичевой, обѣ отдачи его хотя и писалъ, но оная не отдала и численного отвѣту не учнила, а чрезъ посланого де отъ 6 февраля къ мужу еи, Фридрикевичевой, въ Подоловъ, Андрея Ярошевича, вѣльла сказать, что тотъ малой Карпъ посланъ уже въ Питербурхъ къ сину еи и отданъ не будетъ, а сверхъ де того подданого еи, Фридрикевичевой, Савку Шпачка означена тетка еи отъ неи, Фридрикевичевой, насилино взяла и въ Питербургъ, въ прошедшомъ 764 году, въ декабрѣ м-цѣ, отправила. А въ сообщеномъ при ономъ протестномъ доношении реестрѣ написано, что по доношению еи, Фридрикевичевой, 1764 году, марта 4 д., поданому отъ сотенной Кро-

ловецкой канцелярии съ описникъ наслѣдникъ еи движимыхъ имѣній, въ сохранение опекунами ей, Фридрикевичевої, взятыхъ, при здачі еи, Фридрикевичевої, за выходомъ еи въ замуже, не явилось вѣщій, а имено: подноса сребряпого малого, обуха сребромъ оправленого, въ сребрѣ вѣсу три фунта съ половиною и четью недостаетъ, въ ланцюжкахъ золотихъ недостаетъ десяти лотовъ двохъ золотниковъ съ половиною, перевѣнѣ половатой тридцати аршинъ, грезети алой на юнику, приставки ценованой, мартировъ двохъ, рубашекъ кужелнихъ пяти, кроватѣ одинакой железной съ занавѣсками трема, одною тафтиною, половатою, другою полотниною шитою, а третою серпанковою, совѣмъ съ подушками четырьмя и пуховикомъ, плахотъ левити, ручниковъ шитихъ пяти, ручниковъ тканыхъ двохъ, рубашекъ галанскихъ четырохъ, швабскихъ скатертей штуки, скатертей простыхъ трохъ штукъ, сѣдла зеленого бархатного, гаптованого, зъ платкомъ такимъ же, подъ ящуромъ, хомутовихъ кришокъ красныхъ суконныхъ шести, попони одной барсовой, соболевого хутра поли одной, сѣдла краснога гаптованого, чогребца Гданского, часовъ золотихъ, козирка сукномъ синѣмъ выбитого, запаски бѣлой грезетовой, шитой серебромъ, отъ юпки такой же, которую у портного Подоловского нашли своровануу, и взята теткою Суденковою, ронда одного дорогого, а сверхъ того двохъ рондовъ позолоченныхъ и двохъ сагайдаковъ, подъ сомнѣнiemъ тутъ означаются до надлежащей винравки. О чёмъ всѣмъ предизображеномъ суду полковому Нѣжинскому чрезъ сие протестное доношеніе заявить, просила она, Фридрикевичева, оной протестъ принявъ, отъ слова до слова уписать въ протоколную книгу, а еи, Фридрикевичевої, съ оного видать, въ силѣ правъ Малороссійскихъ, урядовую винись, о чёмъ де отъ еи, Фридрикевичевої, и въ ровной силѣ въ суда войсковий генералний и въ земскій Глуховский заявлено. Того ради опредѣленихъ полкового Нѣжинского суда оной протестъ зъ реестромъ въ полковомъ Нѣжинскомъ суде въ протоколную книгу, подъ № 160, вписанъ, съ которого протеста и реестра отъ слова до слова въ засвидѣтельствование та-ковой еи, Фридрикевичевої, протестаціи, за подпомъ рукъ и за печатю урядовою, изъ полкового Нѣжинского суда спя винись и дана, 1765 году марта 26 днѧ. Полковникъ Петръ Разумовскій. Судия полковий Василь Кулаковскій. Писарь суда полкового Нѣжинского Иванъ Стасевичъ. Полков. Нѣжинск. суда подканцеляристъ Александръ Скибовскій. (Съ подлинника).

10. Дарственная запись жены Григорія Фридрикевича, Анны Яковлевны, на все ея имущество, бунч. тов. Ивану Степановичу Леонтовичу. 1769 г., 16 мая.

Въ земскій повѣту Батуринского судъ доношеніе. Каковъ вѣчистой запись на всѣ наслѣдственное мои недвижимыи и движимыи добра, со влитьемъ и права, за подицомъ моимъ и за печатю, такъ же за подицомъ очевисто отъ мене во свѣдѣтельство упрощеннихъ г.г. шляхтичовъ, которое на ономъ запыѣ, пры своихъ печатехъ, руки приложили, зъ доброй моей волѣ бунч. тов. Ивану Степановичу Леонтовичу мною данъ, оной подлинной вичистой запись земскому повѣту Батуринского суду очевисто жъ сознаю и при семъ моемъ доношениіи въ тотъ судъ самоперсонально представляя, прошу оного земского суда тотъ мой вѣчистій запись ему, Леонтовичу, доброволно отъ мене на всѣ мои недвижимыи и движимыи добра данній, въ земскій оного суда повѣтовиіи книги вписать и изъ оныхъ обыкновенную по правамъ Малороссійскимъ изъ того моего вѣчистого запису выдать ему Ioану Степановичу Леонтовичу урядовую выпись. На подлѣнномъ доношениі подпись таковъ: надворного совѣтника Григорія Фридрикевича жена Анна Фридрикевичева.

Помѣтка: 1769 году, мая 18 д., прынявъ записать, а представленной самоперсонально отъ прописанной г.-жы Фридрикевичевой въ судъ земскій при семъ доношениіи уступной вѣчистой запись, яко по разсмотренію суда земского является по точности правъ Малороссійскихъ исправленій, вписать въ земскіе повѣту Батуринского книги, видать пры урядовой обыкновенной выписи потребуючай сторонѣ, упомянутому г. бунч. тов. Леонтовичу, на вѣчное и спокойное ему значащимъ по тому запису движимыми и недвижимыми дарами владѣніе. На ономъ опредѣленіи подписались: Петръ Забѣла, Самойло Гриценко.

Въ данномъ же отъ упомянутой г.-жы Фридрикевичевой уступномъ записѣ написанно тако:

1769 г., мая 16 числа. Я ниженаписавшаясь всѣмъ, кому о семъ вѣдать надлежить и всякому суду и праву, симъ моимъ доброволниятъ вѣчистимъ записомъ обявляю, что во вѣчное и потомственное владѣніе уступила я бунч. тов. Ивану Степановичу Леонтовичу наслѣдственно мною владѣміи недѣвижимыи имѣнія, а именно: въ полку Нѣжинскомъ, село Митченки, съ подданными, съ пріезжимъ дворомъ, съ мелницами въ ономъ же селѣ состоящими, съ шынками, пахотными и сѣнокосными землями, съ лѣсами, съ озерами съ ху-

торомъ прозиваемимъ Сѣжковскимъ и съ прочими всѣмы прынадлежности, подъ городомъ Батуриномъ, на Сеймовой плотинѣ, два кола мучніи съ имѣючимися тамо, въ Батурина, пустыми шлещами, въ селѣ Поповки, мелница и сукновалня, на рѣчки Веровки соето-ящая, съ дворомъ пры оной находящимися; полку Ірилукскаго, подъ с. Гайворономъ и за Куренею, степнай землѣ, въ трехъ мѣстахъ со-стоащіи, изъ коихъ на едномъ и хуторъ издавна быль устроенъ, да въ полу жъ Нѣжинскомъ, с. Подоловъ зъ слободкою Голубовою, съ подданными, съ жиллии дворомъ и всѣмы въ томъ дворѣ имѣю-щимися вещами, разнимы уборами, меблями и всякими налично-стями, съ мелницами на рѣчкѣ Ретѣ, Дейнековскою, Аверковскою и Горишнею, да на рѣчки Свиднѣ состоящими, съ пашенными сѣно-косними и лѣсними землями до онихъ прынадлежащими, съ хуто-ромъ Падалковскимъ, съ пасѣкою близъ онаго находящуюсь, съ лесами, сѣнними и пашенными землями, до тогожъ хутора прынадле-жащими, въ г. Кролевецѣ двори, лавки, комори и пустіе плацы, ху-торъ прозиваемїй Красный, съ мелницами, на рѣчкѣ Османѣ состоя-щими, съ имѣючимися тамо пріезжимъ дворомъ и всякими въ ономъ находящимися наличностями, съ подусѣдскими хатамы, съ борами, лѣсами, съ пашенною и сѣнокосною землею и другими до онаго принадлежитостями, въ г. Глуховѣ, на большой проезжой дорогѣ, двѣ крамніи лавки, да на Усовки пастовникъ, и въ окличности Глухова, въ разныхъ местахъ, пашеннии и сѣнокосніи земли, и въ полку Стародубовскому два хуторца, прозиваеміи Голота и Ягодное, съ мелницами, съ имѣючимися пры онихъ дворами и всѣмы къ нимъ прынадлежитостями. А сверхъ всего вышепрописанного, ему же Леон-товичу уступила я во вѣчное и потомственное владѣніе и всѣ мои движимости, сколько онихъ имено. И тѣмы всѣмы вишише сего выра-женными наслѣдственно мною владѣеммы недвижимыми добрами и всякими вещами и наличностями ему, Леонтовичу, даю волю, какъ своимъ добромъ, вѣчно владѣты, користоватись и кому хота дать, продать, даровать и записать, родственниковъ же моихъ близкихъ и далекихъ отъ техъ имѣній вѣчне отдаляю. И ради вѣчного и спо-койного ему Ивану Степановичу Леонтовичу тѣмъ всѣмъ по его волѣ владѣнія, сей мой вѣчыстій запись ему, Леонтовичу, даю, тутъ же и то докладаю, что по имѣвшемусь въ судѣ генеральному между си-нами умершаго бунч. тов. Ивана Чарниша умершими же Иваномъ, Даниломъ и Александромъ Чарнишами и между маткою мою, умер-шою Марфою Степановною Чарнишевою, а по второму мужу Скоро-

падскою, дѣлу о раздѣлениі добръ Чарнишовскихъ заводному, кото-
рое въ ономъ генералномъ судѣ 1755 году, апрыля 14-го, рѣшенно,
искать или ответствовать о надлежащомъ въ правный дѣлъ оныхъ
лобръ Чарнишевскихъ раздѣлениі и о протчемъ гдѣ надѣжитъ, а
раздѣлясь на вѣчно всемъ темъ, что на мою часть по оному раздѣлу
принадлежыть, владѣть и корыстоватись за силу права Малороссій-
скаго въ книгѣ Статутѣ, въ розд. 7, арт. 4 напечатанному, ему,
Леонтовичу, влила мое право, въ чёмъ пры упрощенныхъ отъ мене
свѣдѣтелехъ, своеурочно подпишую и печать прылагаю. На подлѣн-
номъ тако: падворного совѣтника Григорія Фридрикевича жена Анна
Яковлева дочь Чарнишева Фридрикевича. Къ сему вѣчистому за-
пису, по очевыстому прошенію, г. надв. сов. Григорія Григоріевича
Фридрикевича жены Анны Яковлевны изъ Чернишовъ Фридрикевич-
вой, пры моей печати руку прыложилъ бунч. тов. Прохоръ Забѣла.
Возній сотнѣ Батурина Степанъ Бойченковъ къ сему вѣчистому
запису.... руку прыложилъ. Повѣта Батурина, сотнѣ Второ-Бор-
зенской возній Александъ Комашинскій. Значк. полку Лубенского
тов. Павелъ Веспертинскій. А понеже въ правѣ Малороссійскомъ, книга
Статутѣ, розд. 1, арт. 1-мъ, узаконенно, яко волно всякому имѣнія
свои отчестіе, материстые, выслуженніе, купленніе и якимъ нибудь
способоиъ набѣтіе и названніе всѣ или часть съ нихъ, недвижиміе,
что хотя, по своей мысли и воли, отдать, продать, даровать запи-
сать, заставить, отдалившы отъ оныхъ дѣтей и близкихъ своихъ
сродственниковъ, кто запись утвердыть, сознавши ону на урядѣ
земскому и подлежащую выцись взявшы, по якому праву, тако же
и розд. 3, по арт. 4!, что оної ей г-жи Анны Яковлевни Фридри-
кевичевой вѣчыстой тихъ движимыхъ и недвижимыхъ лобръ запись
по разсмотренію суда земскаго признается во всемъ за дѣйствителной,
такъ и быть ему въ своей силѣ вѣчне ненарушымо; того ради вы-
шеписанной уступной запись такъ же и поданое самоперсонално
отъ упомянутой г-жи Фридрикевичевой съ представлениемъ оного
доношенія въ земскіе повѣту Батурина книги, подъ номеромъ
7-мъ, сего 1769 году, мая 19 д., на стр. 15, 16, 17, 18, 19 и 20,
за силу показанныхъ Малороссійскихъ правъ и вышеписанного суда
земскаго на ономъ г-жи Фридрикевичевой доношеніи состоявшагося
опредѣленія, точно отъ слова до слова вписаны, и изъ оныхъ книгъ
земскихъ за требованіемъ ея г-жи Фридрикевичевой предписанному
г. бунч. тов. Ивану Степановичу Леонтовичу, ведлугъ оныхъ же правъ
арт. 1 и 2 7-го розд. да розд. 4 артык. 13 и 103 пункта, сія выпись

за урядовымъ суда земского подпомъ и печатми утвержденiemъ, на спокойное и вѣчное ему г. Леонтовичу или кому отъ него достается имѣеть, всѣми вышеписанными уступными отъ реченої г-жи Фридрикевичевої движимими и недвижимыи добрами владѣніе, выданъ году, м-ца и числа вышеписанныхъ. Судия земскій повѣту Батуринскаго Петръ Забѣла. Подсудокъ земскій повѣту Батуринскаго Семёно Гриценко. Писаръ земскій Федоръ Порохонскій. Канцеляристъ Иванъ Несторовычъ. (Съ копией).

11. Духовное завѣщаніе отпіста. статск. совѣтника Григорія Григорьевича Фридрикевича. 1797 г., 28 апрѣля.

1797 года, апрѣля 28 дня. Я нижеподписанійся во всякомъ правителствѣ и судѣ и кому о семъ впредь вѣдать надобность уважетъ, съмъ моимъ духовнимъ распредѣлителнимъ тестаментомъ объявлю: болѣзнь, которою я частѣ страдаю, заставляетъ мыслить о кончинѣ жизни моей, и чувствую и то, что приобрѣтши доволное по состоянію моему недвижимое и движимое имѣніе, не оставляю однофамильного по мнѣ наслѣдника, но имѣю по законамъ полную волю и свободу распределить оное ближайшимъ родственникамъ моимъ и указать имъ прянадлежитость ихъ, тако жъ дать въ ономъ участіе и тѣмъ, кого я, по истинному усердію мнѣ оказываемому, признаю достойнымъ, къ чemu приступая, за нужное почитаю обласнить въ имѣніи, какъ оное досталось во владѣніе мое и кто ближайшіе къ оному наслѣдники.

1. Умершая жена моя Анна Яковлева дочь Чарниша, за жизни своей, вѣчистимъ записомъ 1769 года, мая 16 дня учиненнымъ, недвижимое и движимое имѣніе, какъ-то Новгородско-Сѣверскаго намѣстничества уѣзда Короповскаго село Митченки съ принадлежитостями, да Кролевецкого уѣзда село Подоловъ съ слободкою Голубовкою, съ мелницами въ разныхъ мѣстахъ и хуторомъ Подоловскимъ, жилой домъ въ селѣ же Подоловѣ, со всѣми въ томъ домѣ имѣющими вѣщами, разными уборами, меблями и всякими наличностями, въ городе Кролевецѣ дворы, лавки, коморы и пустіе пляцы, въ городе Глуховѣ, при большой проѣжжей дороги, двѣ крамніе лавки, да на Усовки пастовникъ, и въ окличности Глухова, въ разныхъ мѣстахъ, пашенныя и сѣнокосніе земли, и прочое все недвижимое и движимое имѣніе въ томъ записѣ поименованное, уступила родному по матери брату моему бунч. тов. Ивану Степановичу Леонтовичу, которій оныи

и владѣль по смерть свою, а потомъ братья его и мои, полковникъ Степанъ и бунч. тов. Василій Леонтовичи, и я тѣмъ имѣніемъ владѣли. Когда жъ и сіи оба братья мои умерли и съ нихъ послѣдній Василій Леонтовичъ, предъ кончиною своею, духовнимъ тестаментомъ 1791 года, августа 19 дни, сочиненнымъ, какъ вышепроисписанное имѣніе, такъ и прочое имъ приобрѣтенное и ему по отцу его, а моему отчиму хоружому полковому Степану Леонтовичу наследственное, имъ отчимомъ и матерью моими, а къ тому и братомъ моимъ же Иваномъ Леонтовичемъ приобрѣтенное и купленное, именно: Киевскаго намѣстничества, Переяславского уѣзда, деревня Золотоношка, населенная и составленная изъ хуторовъ, купленныхъ онымъ отчимомъ моимъ Степаномъ Леонтовичемъ, съ принадлежащими до той деревни разными угодіями, по купчимъ крѣпостямъ значащимися, хуторъ прозиваемой Трактирій, въ мѣстечки Глемазовъ, на рекѣ Супони, мелница о трехъ колахъ матери моей Феодосіи Леонтовичевої, отъ брата ея бунч. тов. Василія Томари уступленные, и прочие хуторы всѣ, земли пахотные, сѣнокосные и разныя угодія, отчимомъ и матерью моими къ вышеизясненному имѣнію куплею приобрѣтенные, село Нехайка и хуторъ Криштоновскій у бунч. тов. Степана Томары братомъ моимъ Иваномъ Степановичемъ Леонтовичемъ обополно со мною купленные, и къ сему селу и хутору, такъ и къ вышеписаннымъ хуторамъ, имъ самимъ, братомъ моимъ, обополно же со мною купленные земли и разнія угодіи, какъ по купчимъ крѣпостямъ явствуетъ. Все сіе имѣніе, что только наследственно оному брату моему Василію Степановичу Леонтовичу принадлежало и собственно имъ приобрѣтвенное, тако жъ и денегъ въ кредитъ по различнымъ обязательствамъ десять тысячъ восемь сотъ сорокъ пять рублей, о которыхъ реестръ подписаный имъ же братомъ моимъ явствуетъ, онымъ духовнымъ тестаментомъ предоставилъ мнѣ въ полное владѣніе и распределеніе, которымъ я и донынѣ владѣю.

2. Къ оному вышеизначеному, отчимомъ и матерью моими, тако жъ и братьями моими жъ приобрѣтенному недвижимому и движимому имѣнію, по законамъ признаю и правними наследниками родныхъ по матери сестеръ моихъ, ихъ дѣтей и потомкомъ, какъ-то: умершаго бунч. тов. Семена Полуботка жену Настасію Степановну Полуботкову, маіора Лаврентія Андреевича Раковича жену Пелагію Степановну Раковичеву, дѣтей умершихъ сестеръ моихъ, надв. сов. Василія Ивановича Силича жены Катерины Степановны Силичевої и бунч. тов. Павла Ивановича Лисенка жены Аны Степановны Ли-

сенковой, а потому и усердію моему къ нимъ все оное имѣніе, тако жъ и собственно мною приобрѣтенное къ тому же имѣнію присоединенное, всѣ заводы лошадиные и скотскіе и всѣ всякаго рода и названія движимости, каковы только въ ономъ имѣніи по смерти моей останутся, за исключеніемъ изъ оныхъ имѣній и движимостей ниже сего показанныхъ, предоставлю и утверждаю въ вѣчное и потомственное владѣніе очымъ сестрамъ моимъ и ихъ дѣтямъ и потомкамъ, которыхъ таковыми моими къ нимъ расположеніемъ обязываю ненарушимо сохранить и исполнить слѣдуемое за сымъ завѣщаніе мое.

3. Обнадеживаясь чувствителнимъ усердіемъ ко мнѣ, добродушiemъ и правотою сестри моей Настасіи Степановны Полуботковой, поручаю ей во избереженіе всѣ крѣпости на вышепрописанное имѣніе служащіе, въвѣраю ей полное право по смерти моей принять въ свое содержаніе, какъ оное все имѣніе, недвижимое и движимое, такъ наличніе и въ кредитѣ по обязательствамъ мнѣ принадлежащіе деньги, сколько ихъ по мнѣ же въ жиломъ домѣ моемъ Смяцкомъ останется, а къ тому и разніе вещи пзъ дома Подоловского принадлежавшіе, по запису жены моей брату моему Ивану Степановичу Леонтовичу и въ домѣ Смяцай ввезенные, каковы по реестру, отъ меня сочиненному и подписанному, мною показаны будутъ, съ означеніемъ, кому что съ нихъ опредѣлю я дать, а до того все то въ волѣ моей и моемъ домѣ оставляю, что же затѣмъ въ остаткѣ будетъ къ общему раздѣлу, то все оное завѣщаю безъ и малѣйшаго отъ кого препятствія, съ помощію вышепрописанныхъ сего имѣнія участниковъ, оная сестра моя принявъ исполнить должна распределеніе, волю и желанія мои ниже изѣясненныя.

4. Извѣстно оной сестрѣ моей Настасіи Степановнѣ, что по смерти брата ея и моего полковника Степана Степановича Леонтовича, оставшаясь во удовствѣ жена его Софія Василіевна, урожденная Дунинова Борковская, не получила по мужу своему никакова имѣнія и оного, чо усердію своему ко мнѣ и снисхожденію, доселе не требуетъ, но я обязаннъмъ себя почитаю доставить ей принадлежащое, опредѣляю по согласію ея, во мѣсто слѣдуемой ей части изъ вышепрописанного недвижимого имѣнія, оставляемого мною въ дѣлѣ однѣмъ сестрамъ моимъ и ихъ дѣтямъ, удовлетворить ея единожды навсегда и безъповоротно деньгами сѣмь тысячъ рублей съ наличной суммы, и въ займы мною розданной, по обязательствамъ числимой, сколько оной по мнѣ останется; буди жъ сей суммы недостанеть, то дополнить число денегъ мною опредѣляемое должны оные сестри мои

и ихъ дѣти, приемлющіе недвижимое имѣніе, а къ тому видѣлить ей же, братовой моей, изъ заводовъ лошадиного и рогатого скота, въ томъ недвижимомъ имѣніи находящихся, пятую часть и такову же часть отдать и со всѣхъ движимостей въ ономъ же имѣніи держащихся, но таково удовлетвореніе денгами и означенную видѣлку обязаны сестри мои и ихъ дѣти, не приступая къ общему дѣлежу недвижимого и движимого имѣнія, непремѣнно выполнить, ибо въ подтвержденіе въ семъ воли моей я прошу во всѣхъ урядахъ, въ каковы по принадлежности того имѣнія представлены были бы дѣлчіе реестри, онихъ не принимать и за дѣйствителніе не признавать, поколь со-знаетъ братовая моя въ совершенномъ еи удовлетвореніи; въ противномъ же случаѣ, (чего я и не ожидаю), кто съ нихъ сестрѣ моихъ и ихъ дѣтей оказался бы столь неблагодарнимъ въ моемъ имѣ пособіи и изъяснилъ каковы оспариванія въ вышеозначенномъ удовлетвореніи оной братовой моей, то тогда предоставлю и утверждаю ей, братовой моей, полное право во всемъ ономъ недвижимомъ и движимомъ имѣніи получить во вѣчное и потомственное ея владѣніе пятую часть и тогда уже совершить по законамъ дѣлежъ тому имѣнію, изъ которого изъключаю я: уезда Кролевецкого, при селѣ Подоловѣ состоѧщую на рекѣ Реть плотину, называемую Оверковскую съ мелницами мучными, о трехъ колахъ, и всею къ онимъ принадлежащестью, да въ деревнѣ Дулевкѣ шинковой и для вынокуренія устроенные дворы, на купленныхъ мною и братьями моими земляхъ, и каковы только въ той деревнѣ Дулевкѣ во владѣніи моемъ находятся, которыя такъ и вышепроисписанную плотину Оверковскую съ мелницами, опредѣляю въ вѣчное и потомственное владѣніе родственнику моему г. кол. ассесору Антону Андреевичу Войцеховичу, за его ко мнѣ отличныи усердія, на что все и право мое утверждаю.

5. За предпоказаннымъ удовлетвореніемъ братовой моей Софіи Василіевнї Леонтьевичевой, я признаю законнымъ порядкомъ и завѣщеваю оной старшей сестрѣ моей Настасіи Степановнѣ Полуботковой все вышеизъясненное недвижимое и движимое имѣніе, за исключениемъ Оверковской плотини съ мелницами и дворами Дулевскими, означенныхъ Антону Андреевичу, раздѣлить на равные части съ соблюденіемъ всей справедливости, согласія и спокойствія, которое, какъ первѣйшое основаніе къ благополучію, дабы ненарушимо утвердить, симъ лишаю въ томъ имѣніи части того участника, которой бы суднымъ процессомъ поискивалъ болше ему принадлежащаго и тѣмъ разривалъ общественное спокойствіе.

6. Учпнivъ расиредѣлениe вышепронисанному имѣнію, за нужное признаю сказать тутъ и о другомъ мною владѣемомъ недвижимомъ имѣніи моемъ Черниговскаго намѣстничества, уездовъ Городницкаго и Березинскаго состоящемъ, въ селѣ Смачи, деревнѣ Конотопѣ, мѣстечки Седневѣ, слободѣ Грязной и слободѣ Богородицкой да въ селѣ Хрипковѣ, что къ сему имѣнію вышеупоминаеме отчимъ мой, мать, братья мои и самъ я многіе куплею приобрѣли земли и угодія, о которыхъ купчія крѣпости доказываютъ, такъ и о томъ, что оннымъ приобрѣтенiemъ сіе имѣніе довольно распространено, но я всѣхъ оныхъ приобрѣтеніи отъ сего жъ имѣнія не отдалю, но какъ ихъ, такъ жилой домъ мой въ селѣ Смачи со всѣмъ движимымъ имѣніемъ и прочими многими хозяйственными заведеніями, по кончинѣ моей, предоставлю во владѣніе наслѣднициѣ, право къ тому по законамъ имѣющей двоюродной сестрѣ моей Ульянѣ Константиновнѣ г-жѣ Енковой, ея дѣтамъ и потомкамъ, а изключаю только изъ сего имѣнія въ селѣ Хрипковѣ 52 душѣ мужескаго пола, по послѣдней ревизіи за мною записанные, съ ихъ семействами и жилими дворами, пахотными и сѣнокосными землями, мелницѣ о трехъ колахъ на плотинѣ тамошней, купленной отчимомъ моимъ, устроенные шинковой и приказчикой дворы, со всѣми ихъ хозяйственными заведеніями, всѣ земли пахотніе и сѣнокосные на дворъ мой служащіе и протція угодія, что только въ ономъ и при ономъ селѣ Хрипковѣ владѣніе моемъ находится, все то. оного и что многіе земли въ срединѣ дачь деревнѣ Пѣвневщинѣ, владѣнія родственника моего кол. ас. Антона Андреевича Войцеховича, находятся, по разнимъ сосѣдственникамъ здѣлкамъ моимъ съ нимъ и по моей къ чему особливої обязанности, уступаю и поручаю заразъ ему г. Войцеховичу во вѣчное и потомственное владѣніе, что все и крѣпостью утвердить имѣю, а во обнаруживаніе сего моего непремѣнного положенія, далъ я ему г. Войцеховичу отъ себя правный обликъ на сумму шесть тысячъ рублей денегъ, съ тѣмъ, что когда я не устою совершить оной крѣпости, то приемники прописанного имѣнія моего, безъ малѣйшаго прекословія, обязаны такову крѣпость ему, г. Войцеховичу, въ замѣну вышепоказанныхъ въ семь 6-мъ пункта отчима моего и братьевъ моихъ и собственно моихъ приобрѣтеній отъ себя дать, а въ случаи какова противу сей моей воли сопротивленія, то предоставлю ему г. Войцеховичу право—взыскивать изъ имѣнія моего села Смачи, по вышепоказаному обязательству, значащіесь деньги, тако же и всѣ

онъя приобрѣтеныя угодія, исключивъ по крѣпостямъ, отдать ему г. Войцеховичу во вѣчное и потомственное владѣніе.

7. Въ заключеніе сего моего тестамента, по собственной воли моей и здравому разсудку, на основаніи правъ книги Статутъ раздѣла 3-го, артикула 41 го и раздѣла 8 го, артикула 2-го, сочиненнаго, въ ненарушимое предохраненіе всѣхъ изъясненныхъ распределеній моихъ, я долженъ напомянуть всѣмъ участвующимъ въ ономъ, что имѣніе я приобрѣлъ, сохранилъ и довольно распространилъ, не по обизанности моей какой интересующей къ оному и не на тотъ конецъ, чтобы съ онымъ оставить или чрезъ оное произвѣсть ссоры, процессы и разорителные тяжбы, но для того, чтобы всякъ участникъ по мѣри распределенія моего онымъ ползовался, продолжалъ его императорскому величеству службу и полезенъ былъ отечеству. Буди же кто изъ участниковъ оныхъ противо тому поступить, окажеть себя неблагодарнымъ въ такомъ пособіи моемъ, дерзнетъ въ чемъ оснаривать сей духовній тестаментъ мой и по оному завѣщаній моихъ не исполнивъ, заводить процессы, разривать спокойствіе и воискивать чего болше отъ опредѣленного мною, такового во всѣхъ судебніхъ урядахъ прошу признавъ неблагодарнымъ, неспокойнимъ и завистливымъ, отдать изъ имѣній части ему принадлежащую, и поручить во всегдашнее содержаніе Малороссійскому приказу общественнаго призрѣнія для благополезного употребленія, въ чемъ предоставляю право мое оному жъ приказу. А дабы совершенно предохранить отъ всѣхъ нечестивыхъ споровъ и тяжбъ, то въ таковомъ случаи сіе распределеніе предоставляю новинующимъ волѣ моей наследникамъ поднести оное его императорскому величеству, всемилостивѣйшему нашему монарху, и всеподданнѣйше просить воуваженіе продолжителной службы моей и полезного расположенія въ наследникамъ моимъ, высочайшаго подтвержденія сего духовнаго тестамента моего, которій подписомъ руки моей при печати удостовѣраю. Подѣянной подписаль дѣйствителный статскій совѣтникъ Григорій Григоріевичъ сынъ Фридрикевичъ.

1797 года, апрѣля 28-го днія, уѣздный Городницкій судъ, по поданному въ оной отъ его пр-ства г. дѣйств. ст. сов. Григорія Григоріевича Фридрикевича, чрезъ уполномоченнаго порутчика Василія Силича прошенію и по учиненному онимъ судомъ сего числа определенію, съѣхавъ Городницкого уезда въ село Сміявъ, въ домъ сочинителя сего тестамента оного г. Фридрикевича.....

По узаконенію въ правѣ Статута розд. 8, арт. 2-мъ, находился при сочиненіи онаго тестамента и что сей духовной распорядительной тестаментъ, по волѣ и по словамъ его г. Фридрикевича, въ здравой его памяти и совершенномъ смыслѣ сочиненъ и собственно ручно имъ, Фридрикевичемъ, съ приложениемъ его печати, подписанъ и за прочетомъ предъ нижеподписавшимися присутствующими, во всей точности утвержденъ, въ томъ уездвій Городницкій судъ подпись присутствующихъ въ ономъ и судовою печатю свидѣтельствуетъ. Подлѣнное подписали: судья титул. сов. Иванъ Лисенко. Засѣдатель порутчикъ Иванъ Максимовичъ. Секретарь Андрей Глинскій.

1797 года, июля 3-го дня, по сему духовному тестаменту определенное мнѣ завѣщателемъ г. дѣйст. ст. сов. Григоріемъ Григоріевичемъ Фридрикевичемъ недвижимое имѣніе бывшаго Городницкаго уѣзда, а нынѣ Черниговскаго повѣта, въ селѣ Хрипковки, 52 души мужеск. п. да Кролевецкаго уѣзда, а нынѣ Глуховскаго повѣта, въ деревнѣ Дуловки, мелницы, называеміе Аверковскіе оставляю я въ прежнемъ владѣніи и кому онѣ по завѣщателю слѣдуєть, возвращаю при томъ и облѣкъ въ семъ же духовномъ тестаментѣ прописанный, съ тѣмъ, что я до всего онаго имѣнія впредь ни по чemu и никакой претенсіи имѣть не буду, что утверждаю подпісомъ руки моей, при печати и подпісомъ упрощеніхъ мною свидѣтелей. Подлѣнную подписалъ: подкоморій повѣта Черниговскаго Антонъ Войцеховичъ. Во свидѣтельство сего при цечатехъ подписались: кол. ас. Иванъ Медведевъ. Коллежскій протоколистъ Яковъ Рославецъ. (Съ копією).

12. Условія дѣлежа наслѣдства, оставшаюся послѣ Ивана, Василия и Степана Степановичей Леонтьевичей. 1799 г., 9 сентября.

1799 г., сентября 9 дня. Мы нижеподписавшіеся, имѣя наслѣдственno сиадшія намъ и въ общей между нами раздѣлъ подлежащіе недвижимѣ и движимѣ разніе имѣнія, находящіесь губ. Черниговской, въ повѣтахъ: Глуховскомъ, село Подоловъ, Конотопскомъ, село Митченки и въ Золотоношскомъ, деревня Золотоношка, съ принадлежащими къ нимъ угодію, футорами, разными строеніями и трунтами, водяніе и вѣтренніе мелницы, вынокурной заводъ, пахатніе и сѣнокосніе земли, лѣсы, деньги, въ разныхъ вещахъ, золото и серебро, жемчугъ, дорогое камѣнья, ичелніе пасѣки съ пчелами, лошадиные, рогатою и другого скота заводы, поѣздніе экипажи и приборы и прочіе разніе и подъ разнимъ названіемъ движимости, оставшіесь по

умершомъ безъ наслѣдно съ нась Анастасія Полуботковой и Нелагії Раковичевої, родныхъ по отцу и матери нашихъ братьяхъ, а прочіихъ участниковъ родныхъ по матерямъ дядяхъ, бунч. товарищахъ Ивану, Василію, полковнику Стефану и ротмистру Николаю Стефановыхъ синахъ Леонтовичахъ (бывшіе предъ симъ, по волѣ и согласію нашему, въ сохраненіи и избереженіи у г. дѣйств. ст. сов. Григорія Григоріевича Фридрикевича, до времени проключившейся ему неизлѣчимой паралѣческой болѣзни, которую онъ и теперь одержимъ, лишась совершенного смысла и памяти, къ немалому и чувствителнѣйшему нашему сожалѣнію), какъ оные между нами по подлежащему въ равнѣ части состоять нераздѣленны, то чтобы за нераздѣлкою ихъ, будучи въ нашемъ общемъ владѣніи, въ случаѣ чрезъ какіе-либо участниковъ могущіе быть беспорядки и неустройства, не могли прийти недвижимости и крестьяне въ разореніе, а движимости въ расхищеніе и чрезъ то бѣ участники одицъ предъ другимъ не претерпѣли обиды и лишняго затруднѣнія, а затѣмъ не вошли бѣ въ судебнѣ тяжбы, волокиты и напрасніе невозвратніе убытки, по общему нашему согласію и условію, сего сентября 10-го числа, сѣѣхавсь повѣта Чернѣговскаго въ село Боровичи, въ домъ съ нась участниковъ Анастасіи Полуботковой, гдѣ всѣ вообще поговоря между собой дружески, согласились раздѣлить оное недвижимое и все движимое до наймалѣйшей вещи, со крестьянами обоего пола, имѣніе на четыре части.

До начатья таковой раздѣлки, въ твердость оной, здѣлали сіе постановленіе съ таковимъ неизрѣложнимъ обовязателствомъ, что 1-е, между нами участниками кто именно точно и дѣйствително съ показанного Леонтовичевскаго въ общій роздѣлъ подлежащаго имѣнія въ Подоловѣ, въ с. Митченкахъ, въ д. Золотоношки или гдѣ индѣ, самъ мимо другихъ участниковъ, безъ согласія ихъ, какія движимости, какъ-то денги, сребро, золото, жемчугъ, дорогое каменія, разнія мебели, домовія уборы, лошади, рогатой и другой скотъ, поѣздніе екіпажи и приборы, разной хлѣбъ, горячое вино, вынокурную, мѣдную, деревянную и оловянную разную посуду и проптие разніе вещи и подъ разнымъ названіемъ всякие движимости, словомъ сказать, что бы то ни было, забралъ, тотъ все оное забратое до и наймалѣйшей вещи, безъ всякой утайки, обязанъ и долженъ есть, не извиняясь ничѣмъ, представить въ общій подѣлъ къ уравненію всякаго участника, въ то мѣсто, отколь что имено взято, слѣдующаго октября на 10-е число сего года, а недалѣе, а затѣмъ все оное представленное должны мы, участника, между собой дружески, безъобидно, раздѣлить на четыре

части. 2-е) Если кто съ насъ участниковъ всего забратого движимого имѣнія къ общей раздѣлки въ назначеннное мѣсто не представить, по неимѣнію въ него налице, то зачтать ему на его часть самими тѣми вещами или по стойной ценѣ за оніе денгами. 3) Буди жъ кто изъ забратыхъ движимостей всего до инаймалѣшь вещи по упорству не представить или утаитъ, а послѣ по реестрамъ и забратымъ справкамъ окажется то на немъ явственно, тотъ участникъ другимъ съ насъ долженъ пополнить изъ собственной своей части денгами или недвижимымъ имѣніемъ, которое до заплаты нимъ и оставатся должно въ участниковъ, обиду отъ него въ томъ имѣющіхъ. 4) За раздѣлкою всѣхъ движимостей, имѣніе недвижимое какъ-то: показаніе селенія, футори съ крестьянами, ихъ строеніями и грунтами, водяніе съ прудами и вѣтренніе мельницы, лѣсы, пахатніе и сѣнокосніе земли, мельницы и все до послѣдка въ господскихъ домахъ строеніе, на всякую часть достались числомъ по равной долѣ, что и росписать вѣрно и обстоятельно ко всякой части по способности, для таково же росписанія и уравненія всѣхъ четырехъ частей, обще всѣ мы, участники, должны собрать и уполномочить знающаго надежного и способного въ сему человѣка, а за росписаніемъ и уравненіемъ всѣхъ четырехъ частей, мы участники должны принимать части по жребіямъ безъпрекословно и кроме всякой ссоры и ролтанія, гдѣ что кому доведется въ принявши оніе части, всякъ въ свое владѣніе, въпредъ одинъ другому во владѣніи помѣшательства, убытка и никаково безъшкодствія дѣлать не должны, въ противномъ случаи за неустойку посему обще всѣ мы между себя полагаемъ на выновнаго заруку подъ платежемъ обидимой сторонѣ десяти тысячъ рублей денегъ. Наконецъ 5), если жъ бы кто съ насъ участниковъ, послѣ учненія сего нашего постановленія, могъ поступить не по предписанному, т. е. забратого и захваченного всего денегъ сребра и прочего въ общей раздѣлѣ надлежащаго въ назначениое мѣсто недоставилъ и недоставленного нимъ въ засчетъ на свою часть принять, въ раздѣлку вступить и уравнится зъ другими на похотѣль, либо вступивши въ раздѣлку, учниль какое упорство, азартность, всякую неблагопристойность, помѣшательство и остановку въ раздѣлки и притомъ причинилъ бы какову кому обиду, безчестіе и ругательство, тотъ обязанъ и долженъ будетъ непремѣнно заплатить обидимому заруку, столько, сколько четвертая часть Леонтовичевскаго имѣнія по оцѣнки денегъ стоитиметъ. Для лучшей же и неноколебимой таково нашего постановленіемъ заключенія ненарушимости, утверждаемъ сіе собствен-

ными нашими и свидѣтельскими, при печатехъ, подпісами и представляемъ ураду къ надлежашей правной конфірмації. Подлѣнное подписано: къ сему постановленію участникъ вышписанного имѣнія, съ согласія всѣхъ моихъ соучастниковъ, при печати подписался надворный совѣтникъ Александръ Навловъ синъ Лисенко. Къ сему постановленію по уполномочію участници вишеписанного имѣнія, жени моей Пелагіи Степановой дочери Леонтичевны Раковичевой, при печати подписался примеръ маоръ Лаврентій Андреевъ синъ Раковичъ. Къ сему постановленію участникъ вышеписанного имѣнія при печати подписался капитанъ Григорій Василіевъ синъ Силичъ. При учиненіи сего постановленія били и во свидѣтельство персональной прозби гг. участниковъ вышписанного имѣнія, при печатехъ подписались: въ отставки порутчикъ Василій Тищекинъ. Сенатскій регистраторъ Семенъ Политковскій. (Съ копии).

13. „Выписка изъ реестра имѣнію и разнымъ вещамъ, принятымъ въ опеку Ульяною Константиновною Енѣковою, оставшимся по Григорію Григорьевичу Фридрикевичу“ 1799 г.

Денегъ налачныхъ, въ мѣдной монетѣ—138 р. 77 к. Писменные обязательства разныхъ должниковъ въ занятыхъ ими у г. дѣйств. ст. сов. Григорія Григорьевича Фридрикевича деньгахъ, взятые въ сохраненіе Ульяною Константиновною Енѣковою 1798 года, декабря « » дня. 1) Обликъ ассессора Ивана Латышова 1782 г., декабря 24 дня писанный, безъсрочный, на—25 р. 2) Обликъ Черниговскаго мѣщанина Максима Бѣлавскаго, писанный 1789 г., марта 15 дня, съ срокомъ того же 1789 г., июня по 28 ч., на 25 р. 3) Обликъ Черниговскаго уѣзда изъ села Зайцовъ дворянина Ивана Доброгорскаго, писанный 1789 г., ноября 10 дня, съ срокомъ по 10 декабря того же 789 г., на 50 р. 4) Вексель Добрянского посада купца Алексея Семенова сына Образцова, писанный 1791 г., марта 10 ч., съ срокомъ на 12 мѣсяцей, на 636 р. Сей вексель за уплатою 327 р., переписанъ 1799 г., маія 18 ч., суммою на 309 р. 35 к., съ срокомъ въ 7 мѣсяцей. 5) Вексель Черниговскаго купца Григорія Яковлева сына Здора, писанный 1792 г., маія 29 дня, съ срокомъ въ 12 мѣсяцей, съ протестомъ на 105 р. 6) Обликъ войск. тов. сына Ивана Войцеховича, написанный 1793 г., сентября 1 дня, зъ срокомъ на одинъ годъ, на 60 р. 7) Обликъ секундъ маоръ Фомы Андреевича Туманского, писанный 1797 г., апреля 1 ч., съ срокомъ 799 г., апреля

по 1 ч., на 1150 р. 8) Обликъ умершаго тит. сов. Василія Петровича Лизогуба жены Анны Михайловой дочери Лизогубовой, писанный 1796 г., декабря 5 ч., съ срокомъ на одинъ годъ, на 1800 р., въ сie число уплачено 1798 г., сентября 15 ч., управителемъ упоминутаго Лизогуба села Буровки порутчикомъ Григорiemъ Нѣговскимъ 200 р., а остается 1600 р. 9) Обликъ умершаго генерала маіора князя Петра Александровича Прозоровскаго супруги княгини Софії Ивановны Прозоровской, урожденной Скоропадской, писанный 1798 г., маія 1 ч., съ срокомъ по 1806 г., маія по 1 ч., на 1700 р. 10) Обликъ Черниговскаго жителя Демяна Гриба жены Евдокії Павловой дочери Грибовой, писанный 1798 г., сентября 1 ч., съ срокомъ на одинъ годъ, на 100 р. 11) Обликъ Черниг. мѣщ. Степана Иванова сына Макотрина, писанный 1798 г., октября 1 дн., съ срокомъ на одинъ годъ на 100 р. 12) Обликъ губ. секр. Якова Оболонского, писанный 1796 г., октября 1 ч., съ срокомъ на 4 года, на 1000 р.; по сему облику Григорій Григоревичъ 250 р. оставилъ безъ взысканія, а осталось на немъ 750 р. 13) Росписка карбѣта Андрея Васильева сына Силича, писанная 1798 г., февраля 3 д., съ срокомъ того жъ 1798 г., маія по 1 ч., на 2000 р. Итого—7974 р. 35 к.—Сверхъ сего, найдень реестръ, при обликахъ и векселяхъ, наличными деньгами, содержащимся въ красномъ сундуке, въ разной монетѣ, писанный 1798 г. марта 1 д. Въ золотѣ: имперіаловъ—160, еще одинъ имперіалъ изъ кошелька 1; полуимперіаловъ—22, червонцовъ галандскихъ—97; въ сребрѣ: старихъ рублей—120, новыхъ рублей—944, четвертьми—15 р. 75 к., двадцати копѣчниками—35 р. 80 к., пятнадцати копѣчниками—21 р. 15 к., въ кошелькѣ разною монетою—9 р., ассимиацію—5 р. Часы англинскіе золотые, съ золотою печатью Григорія Григоревича и мѣдною цѣночкою. О сихъ золотыхъ и сребреныхъ деньгахъ бунч. тов. жена Настасія Степаповна г-жа Полуботкова мнѣ сего 799 сентября 5 ч., будучи въ г. Фридрикевича домѣ, объявила, что оной сундучокъ съ прописанными деньгами и золотыми часами она, прошлаго 1798 года, къ себѣ взяла для заплаты лѣкарямъ, ползующимъ г. Фридрикевича и на покупку лѣкарствъ.

На этой же запискѣ приведены слѣдующій родословникъ Фридрикевичей.

1. Фридрикевичъ Христофоръ Самойловъ сынъ, бунчук. товарищъ¹⁾.

¹⁾ Христофоръ Фридрикевичъ былъ пасынокъ гетмана Мазелы.

О ТЪ РЕДАКЦІИ.

Въ „Кіевской Старинѣ“ печатаются: самостоятельный изслѣдованія по исторіи южной Россіи и разнообразные материалы для нея, въ видѣ особо цѣнныхъ историческихъ документовъ, мемуаровъ, хроникъ, дневниковъ, записокъ, воспоминаній рассказовъ, біографій, неврологовъ и характеристиекъ, описаній, вещественныхъ памятниковъ южнорусской древности и замѣтокъ обо всемъ вообще, что составляетъ принадлежность и характерную особенность исторически сложившагося народнаго быта или служитъ проявленіемъ народнаго творчества и міровоззрѣння, каковы неизслѣдованные обычаи религіозные, правовые и т. д., исчезающіе древніе напѣвы, незаписанныя думы, сказки легенды, пѣсни и проч.

Бібліографическая свѣдѣнія о вновь выходящихъ у настѣ и за границею изданіяхъ, книгахъ и статьяхъ по исторіи южной Россіи, сопровождаемыя критическими замѣчаніями.

При журналѣ, по мѣрѣ надобности, будутъ помѣщаться портреты замѣчательныхъ дѣятелей въ исторіи южнорусскаго народа, виды древнѣйшихъ монастырей, церквей и другихъ зданій, имѣющихъ значеніе для мѣстной исторіи, снимки съ древнѣйшихъ гравюръ и произведеній живописи, рисунки и изображенія всякаго рода украшеній одеждъ, оружія, предметовъ домашняго обихода и проч.

Рукописи, доставленныя въ редакцію для напечатанія, подлежатъ, въ случаѣ надобности, сокращеніямъ и измѣненіямъ. Рукописи, признанныя для печатанія неудобными, хранятся въ редакціи въ теченіи шести мѣсяцевъ; обратной высылки ихъ авторамъ редакція на свой счетъ не принимаетъ.

Редакція просить авторовъ доставлять книги и брошюры для рецензій.

КИЕВСКАЯ СТАРИНА

**ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ
ИСТОРИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛЪ.**

ГОДЪ ЧЕТЫРНАДЦАТЫЙ.

ТОМЪ XLIX.

1895 г.

М А Й.

Ж Т В Ъ.

Типографія Г. Т. Кортакъ-Новицкаго, Михайловская ул., домъ № 4.

1895.

СОДЕРЖАНИЕ.

ОТДѢЛЪ I-й.

	СТР.
+I. ИЗЪ МОЕГО ДАВНОПРОШЕДШАГО. Д. Мороза	131—164
+II. ОЧЕРКИ ИСТОРИИ ПРАВОБЕРЕЖНОЙ УКРАИНЫ. По И. Ролле. А. Ефименко. (<i>Окончание</i>).	165—185
+III. СОВРЕМЕННАЯ МАЛОРУССКАЯ ЭТНОГРАФИЯ. Н. Ф. Сумчова. (<i>Продолжение</i>)	186—198
+IV. ДѢТСКІЙ ЭДЕМЪ ДО ВКУШЕНІЯ ПЛОДА ОТЪ ДРЕВА ПОЗНАНІЯ ДОБРА И ЗЛА. (Изъ дѣтскаго міра деревенскаго мальчика). М. Щ. (<i>Продолжение</i>)	199—213
+V. ИЗЪ ВОСПОМИНАЙ, ИЗДАННЫХЪ НЕ ДЛЯ ПУБЛИКИ. (<i>Pro domo sua</i> . Кіевъ 1893 г. 8°. 122 стр.). Н. Ш.	214—238
+VI. ЧАСТНАЯ ПЕРЕПИСКА ГРИГОРІЯ АНДРЕЕВИЧА ПОЛЕТИКИ. (<i>Продолжение</i>).	239—262

ОТДѢЛЪ II-й.

+I. ДОКУМЕНТЫ, ИЗВѢСТИЯ И ЗАМѢТКИ. а) Къ библіографії малорусскихъ сказокъ. В. Ястребова. б) Собраніе древностей Ч. В. Хвойки въ Кіевѣ. Ник. Бѣляшевскаго. в) Запорожецъ Константинъ Вира. М. Комарова г) Утѣсненіе кіевскихъ мѣщанъ военнымъ постомъ въ 1763—64 г.г. А. А. д) Обычаи и повѣрья, пріуроченные къ «Велыкодню». Ив. Бѣньковскаго. е) Мелкая извѣстія.	51—78
+II. БІБЛІОГРАФІЯ: а) Матеріали къ оцѣнкѣ земель полтавской губернії. Естественно-историческая часть. Выпускъ XVI. Орографія, геологія, почвы, климатъ и флора полтавской губернії. Съ гипсометрической и почвенной картами. П. А. б) Al. Czechowski. Samuel's von Skrzypna Twardowski «Wojsna domowa». Doctordissertation. Н. М. в) Русскіе народы. Наброски первомъ и карандашемъ. Рисунки Л. Л. Бѣлянкина. Текстъ подъ редакціею проф. Н. Ю. Зографа. Часть I. (Выпуски 1—3). Европейская Россія. В. Я. г) Историческій очеркъ Умани и Царскаго Сада (Софіевка). В. Иванченка. Кіевъ. 1895. 8-о. 57 стр., съ 2-мя портретами, 4-мя рисунками, однимъ планомъ и однимъ снимкомъ съ рукоп. д) Книги кіевской и львовской печати въ Москвѣ въ третью четверть XVII в. Виталія Эйнгорна. е) Столѣтіе учрежденія православной епархіи въ Подолії. (1795—1895). Составилъ свящ. П. Викуль. ж) Историческая свѣдѣнія о бывшихъ въ м. Шаргородѣ (могилевскаго уѣзла) духовной семинаріи и духовномъ училищѣ. Н. Чарнецкаго. з) Жизнь и труды М. П. Погодина. Н. Барсукова. Книга девятая. А. Л.	79—106
III. ПРИЛОЖЕНИЕ: 1) Дневникъ генерального подскарбія Якова Марковича. Часть третья. (97—112).	
ОБЪЯВЛЕНІЯ.	1—2

КІЕВСКАЯ СТАРИНА
ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ
ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

ГODЪ ЧЕТЫРНАДЦАТЫЙ.

ТОМЪ XLIX.

1895 Г

КІЕВЪ.

Типографія Г. Т. Корчакъ - Новицкаго, Михайловской улицы, домъ № 4-й
1895.

Дозволено цензурою. Киевъ, 2 Мая 1895 года.

ИЗЪ МОЕГО ДАВНОПРОШЕДШАГО¹⁾.

Пережитыя пятьдесят лѣтъ даютъ мнѣ нѣкоторое право оглянуться назадъ и вспомнить мое давнопрошедшее. Было бы странно писать мнѣ автобіографію, такъ какъ въ ней не нашлось бы ничего сколько нибудь интереснаго и поучительнаго. Въ моей памяти и въ моемъ портфелѣ сохранились кое-какія свѣдѣнія о прошлыхъ явленіяхъ и о сопѣдшихъ уже со сцены людяхъ, имѣющія историческій и бытовой интересъ. Этими то свѣдѣніями я и хотѣлъ бы подѣлиться съ моими земляками, я и хотѣлъ бы сохранить ихъ для нарождающагося поколѣнія, ожидающаго уже ваканціи на мѣста, отсиживаляемыя еще пока нами—стариками.

Оканчивая въ первой половинѣ 60-хъ годовъ киевскій университетъ, я помѣстилъ въ длинномъ рядѣ номеровъ „Киевлянина“, издававшагося покойнымъ историкомъ В. Я. Шульгінымъ, „Записки объ университетской жизни“, которые составлялись мною при участіі „незабутняго“ моего друга, а затѣмъ профессора В. Б. А—ча. Когда я просматриваю эти всѣми давно забытыя записки, въ памяти моей воскресаютъ годы юности, лучшіе въ человѣческой жизни годы. Затѣмъ, въ теченіе 20 лѣтъ я исписалъ массу тетрадей, живя въ Царствѣ Польскомъ и на Кавказѣ, замѣтками о текущихъ дняхъ. Тетради не

¹⁾ Авторъ этихъ воспоминаній, Даниилъ Константиновичъ Мороэзъ, служившій въ послѣднее время на Кавказѣ, умеръ около года тому назадъ. Изъ напечатанныхъ имъ сочиненій, кроме отмѣченныхъ въ этихъ запискахъ, намъ известны слѣдующія: 1) Арихметика, або щотацца. Киевъ 1862; 2) Безталанія; оповідання (Основа, 1862, 8); 3) Бувъ кинъ та збиздывся; комедія въ 3-хъ діяхъ. Киевъ 1864. Подпись: Данило Константиновичъ, т. е. имя и отчество автора; 4) Какъ справили черноморцы свое новоселье на Тамани (Кiev. Стар. 1883, 1); 5) Воспоминанія о Н. И. Костомаровѣ. Подпись Д. К. М. (Кiev. Стар. 1891, 7).

имѣютъ никакой цѣны, такъ какъ содержаніе ихъ лишено общественного интереса и отличается субъективностью, могущею интересовать только составителя замѣтокъ. Единственная цѣль ихъ ограничивалась желаніемъ сохранить память о лучшихъ людяхъ и о тѣхъ явленіяхъ, которыхъ представляли собою, по тѣмъ или инымъ поводамъ, личный интересъ. Поэтому-то, приготовивъ одну изъ тетрадей для внесенія замѣтокъ, я и написалъ на ней такой mot d'ordre:

Отказъ, якъ ничего робыты,
Згребаю все зъ свой души,
До купы складую.. читаты
Колись-то прайдется,
Ясь получу отставку чисту
Видъ диль громадскихъ.
Мо слезы радощивъ
Зъ очей моихъ подаютци,
Або нудьгой охоньт душу прошле,
Що вже не вернется николы...

О всѣхъ сопшедшыхъ уже въ могилу лицахъ въ моемъ давнопрошедшемъ я сохраняю самую наилучшую память, а поэтому позволяю себѣ называть ихъ полными именами, или полными прозвищами (неофиціальными именами, по-уличному). Наши старики любили прозвища и не оскорблялись ими. Одного изъ нихъ называли Базарнимъ, другого—Тараканомъ, третьяго—Бабіемъ и пр. Я не боюсь потревожить имъ заброшенныя и давно позабытыя могилы, сознавая вполнѣ, что надъ трупами ихъ, выражаясь ихъ собственнымъ языкомъ, „земля перомъ лежыть“.

Кто были мои предки—сказать я „не скажу“, а не скажу потому, что и самъ не знаю. Шокойный нашъ историкъ Н. И. Костомаровъ, встрѣчая меня въ своей квартирѣ, на 11 линіи Васильевскаго острова, въ д. Корманова, всегда привѣтствовалъ словами нараспѣвъ одной народной думы, увѣряя, будто бы воспѣваемый ею народный герой является моимъ предкомъ. Мнѣ же кажется, что ни сопешій въ могилу историкъ, ни достойнѣйшій его преемникъ А. М. Лазаревскій не смогутъ возсоздать моего родословнаго древа, хотя бы оно и могло за-

интересовать ихъ. Я живо помню изъ моего дѣтства, что у родителей моихъ сохранялась доставшаяся отъ бабушки Софії Федоровны „скрынка“ съ „бомагами“, запиравшаяся двумя замками. Безъ сомнѣнія, въ ней были богатыя данные для составленія никому ненужнаго нынѣ моего древа. Гдѣ дѣлалась эта „скрынка“, гдѣ лежали изъ нея „бомаги“, одному Богу вѣдомо. Изъ нея дошли ко мнѣ и нынѣ благополучно сохраняются только четыре бумаги, т. е. какая-нибудь сотая частица.

Прадѣдъ мой Иванъ Морозъ умеръ до 1783 года въ гор. Березномъ¹⁾ въ чинѣ значковаго товарища, оставилъ по себѣ двухъ сыновей: Матвѣя (моего дѣда) и Ивана. Оба они были уже женаты, и жены ихъ носили имя Софіи.

Изъ сохранившейся у меня „добровольной раздѣлки“ 8-го декабря 1783 года „движимаго и недвижимаго имѣнія, оставшагося по умершему значковому товарищу Ивану Морозу“, оказывается, что таковое раздѣлено было по реестрамъ на 3 части, „по согласію всѣхъ трехъ сторонъ“, т. е. „коллежскаго канцеляриста Матвѣя, жены его Софіи (Федоровны) и брата его войскового товарища Ивана“, именемъ котораго дѣйствовала жена его Софія.

Иванъ Морозъ и жена его не оставили послѣ смерти наследниковъ, и такимъ образомъ все имущество Ивана досталось сыну его Матвѣю, моему дѣду. Изъ сохранившихся документовъ видно, что мѣстожительство его было въ городѣ Березномъ, а земли лежали при хуторахъ Рогозки и сел. Сахновкѣ, а также въ дачахъ селеній Дирчина, Локниста, Гусавки и Горици и при Домницкомъ мужскомъ монастырѣ.

Въ записной книжкѣ отца моего „о родословной Константина Мороза (его самого), жены и дѣтей его“ рукою моей покойной матери отмѣчено такъ: „Матвѣй Ивановичъ Морозъ скончался 1795 года 29 марта, отъ рода 49 лѣтъ“, т. е. 12 лѣтъ спустя послѣ раздѣла имѣнія.

Изъ сохранившагося у меня аттестата, выданнаго „въ Малой Россіи, въ городѣ Глуховѣ, октября 20-го дня 1787 года, дѣду моему, видно, что онъ, Матвѣй М—зъ, „бывшаго войска

¹⁾ Нынѣ и. Березно, черниговскаго уѣзда.

малороссійскаго Черниговскаго полку изъ войсковыхъ товарищѣй его сіятельствомъ, высоко - повелительнымъ господиномъ генераломъ-фельдмаршаломъ, сенаторомъ и разныхъ орденовъ кавалеромъ, графомъ Петромъ Александровичемъ Румянцовымъ-Задунайскимъ, по силе Всевысочайшаго Имяннаго Ея Императорскаго Величества указа 783 года іюна въ 28 день состоявшагося, отъставленъ отъ службы съ награжденіемъ порутчикомъ". За симъ 20-го іюня 1785 г. ему была выдана на пергаментѣ „грамота уѣздныхъ дворянскихъ депутатовъ“. „Разсмотрѣвъ предъявленныя отъ него М—за о дворянскомъ его достоинствѣ доказательства... онъ и родъ (его) внесенъ въ дворянскую родословную черниговской губерніи книгу во вторую ея часть“.

У дѣда моего было два сына—Даниилъ и Константинъ и двѣ дочери—Марія, по мужу Шендюхъ, и умершая дѣвицею 5-го ноября 1869 г. 85-ти лѣтъ отъ рода Анна.

Когда родился мой дядя, свѣдѣній у меня не имѣется, во всякомъ случаѣ раньше моего отца. Сколько помню, онъ окончилъ съ отличиемъ Харьковскій университетъ, женился въ Москвѣ на очень богатой дѣвушкѣ, отдалъ свою родовую часть моему отцу и умеръ сенаторомъ въ 1848 г. Какъ человѣкъ свѣтски - образованный и богатый, онъ вращался въ высшемъ московскомъ обществѣ и побѣждалъ сердца дамъ и дѣвицъ.

Тетка Анна, или какъ всѣ ее называли „Ганна“, жила постоянно при моемъ отцѣ. Она отличалась, сколько я припомню, необыкновенною кротостью и смиреніемъ. Она жила въ „старомъ бабушкиномъ“ дворѣ со своею старою служанкою-другомъ Килиною Давидихою.

1811-го года декабря 10-го дня Софія Федоровна, „имѣя у себя двухъ сыновей, находившихся на службѣ въ Санктпeterбургѣ, коллежскаго совѣтника и кавалѣра Даниила, и подпорутчика Константина, отъ которыхъ чувствуя всю ихъ сыновнюю приверженность и уваженіе и желая за то вознаградить матернимъ къ нимъ благословеніемъ, и въ знакъ того, будучи въ здравомъ смыслѣ и разсудкѣ, учинила распределеніе въ части имѣнія, владѣемаго ею черниговскаго повѣтту въ селѣ Сахновскѣ“.

Списокъ крестьянъ въ этомъ завѣщаніи указываетъ ясно, что у бабушки было собственное имѣніе въ сел. Сахновка, независимо отъ имѣній, перешедшихъ въ ея пользованіе отъ свекра. Какъ кажется, она сама была родомъ изъ с. Сахновки, отстоящей отъ Беренаго верстъ на 7 и отъ ближайшихъ хуторовъ въ Рогозкахъ—верстъ на 6. Если я не ошибаюсь, она была изъ рода Ячного или Ячницкаго.

Въ духовной своей она позволяетъ сыновьямъ записать крестьянъ „за собою въ сочиняемую нынѣ на 1812-й годъ ревизскую сказку и владѣть ими со всѣмъ правомъ въ хозяйственномъ распоряженіи съ тѣмъ, что отнюдь до моей (ея) смерти они не вправѣ ни продать, ни заложить“. Бабушка оставила за собою „право и перемѣнить оное“ (дух. зав.), „но когда сего не учиню“, говоритъ она, „по смерти же моей оны, сыны мои, усмотрятъ части своей одни противу другой неровною, то могутъ оны между собою обѣ сіи части уравнѣрить на законномъ основаніи такъ, чтобы одна противу другой были безъобидны“.

Похоронивъ мужа, бабушка почему то переселилась въ Рогозки, отстоящіе отъ Беренаго на 8 верстъ. Возможно предполагать, что перемѣна мѣста жительства вызвана была воспрещеніемъ „гнать горилку“ въ городахъ.

Рогозки во времена моего дѣтства, лѣтъ 40—45 тому назадъ, изображали собою „сорокопановку“ покойнаго Г. П. Данилевскаго. Они тянулись въ то время верстъ на 8—10. Въ составъ ихъ входило 12 панскихъ хуторовъ, при чмъ каждый хуторъ именовался фамиліею пана. Вокругъ панской усадьбы утопали въ „вишневыхъ садкахъ“ крестьянскія хаты, а за ними „городы“, лѣсъ, нивы, сѣнокосы, левады, болота, а тамъ снова панскій хуторъ и опять „вышневіи садочки“, лѣсъ и пр.

Ничего подобнаго теперь не существуетъ: панскіе роды сошли со сцены, хутора исчезли, „моя корова языкомъ злизала“, лѣса вырублены, крестьяне скучились въ центрѣ и собираются строить свою церковь, жидовскіе шинки перемежаются съ крестьянскими хатами, нѣтъ и „вышневыхъ садковъ“.

Хуторъ моего отца былъ самый большой, самый уютный. Нѣтъ и слѣда его теперь: старый домъ съ постройками былъ нѣкогда разобранъ, а новый дворъ сгорѣлъ...

Оглядываясь на это давнепрошедшее, невольно скажешь о немъ словами Семена Палія у Т. Шевченка:

Загине все, ты й самъ загинешь
И не згадають, щобъ ты зновъ...

Бабушка моя устроила въ Рогозкахъ большой панскій дворъ. Въ глубинѣ двора она построила фасадомъ къ проѣзжей дорогѣ домъ въ 9 кімнатъ съ сѣнями по срединѣ. Поодаль отъ него сбоку—пекарня, людская, стайня (конюшня), сарай, колодецъ и пр. и пр. Задняя часть дома выходила въ громадный (десятинъ въ 6) тѣнистый фруктовый и цвѣточный садъ. Лѣтъ 40 тому назадъ въ концѣ этого сада шла аллея старыхъ липовыхъ деревьевъ, и за нею тянулся дубовый лѣсъ, молодой, чистый, большой... куда ходила Килина „по губы“, т. е. за бѣлыми грибами. Сбоку сада стоялъ „амшеникъ“ для пчель, а поодаль его шли клуни и „кошары“ съ колодцемъ по срединѣ. Цанска оселя, т. е. дворъ, садъ игороды, окружена была съ трехъ сторонъ строевыми сосновыми, съ одной стороны, а лиственными, съ другой, лѣсами. Только къ западу, въ сторону ровчака, горизонтъ былъ открытъ, и тутъ же проглядывали „мужичи“ хатки „зъ вышняку“. Къ сторонѣ же крестьянскихъ усадьбъ, не доходя ровчака, стояла „вынчыпя“.

Устроивши хуторъ, бабушка жила въ немъ вдовою со своею кроткою Ганнусею, тихо, въ полномъ удовольствії. Въ ея рукахъ находились большія имѣнія, недостатку не было ни въ чемъ. Лѣтъ сорокъ тому назадъ, и даже больше, „стара Давыдыха“, т. е. Килина, говорила мнѣ, мальчику, посадивши на свои колѣни:

— „Отто була пани, такъ пани!.. Мижъ панями була найбильша пани. Що недили запряжутъ ій рыдванъ, понасидаютъ у него ажъ зверхомъ, та ій идуть до Сахновки молытысь Богу. Батюшка ій службы не починають правыть, поки мы не прыйдемо. А якъ прыйдымо, выходять зъ крестомъ назустрічъ... У двохъ було скучно имъ, хочъ и челяди було богато, отъ

вонь й гостей збираютъ коло себѣ. Иноди гости такъ и живуть и тыждень, и другой. Усе було свое — и мясце, и птыца, и горилка, и рыба, и чого схочете. Добре життя було колысь за бабушку!..

А я сижу и слушаю, пока не засну на колѣняхъ у Килины, а старуха-тетка сидитъ тутъ же, молча плететь мнѣ носки и иногда вставить въ разсказы Дубинихъ:

— И чого жъ то згадуваты старее?..

— Иноди прыйдуть зъ Черныгова Маша Матвіевна зъ дитими... Такъ зъ саду й не выходуть... Сусиды зберутся на беседу и бенкетують...

Нужно думать, дни шли у бабушки за днями тихо, бого-боязненно, безмятежно... Но на горизонтѣ показалась туча, нависла надъ головою, грянулъ громъ, и полились... горькія слезы.

Живя вдвоемъ съ Ганнусею, бабушка постоянно переносила мысленно то къ своему Данилку, то къ Костюку, вытавшимъ гдѣ-то далеко, далеко... чуть ли не тамъ, гдѣ земля съ небомъ сходится...

Въ записной книжѣ красивымъ почеркомъ рукою моего отца написано: „Родился я 1793 года марта 6-го дня и именины мои въ тогъ же день. Отданъ во второй кадетскій корпусъ 1805-го года марта 20-го дня, выпущенъ изъ корпуса въ офицери 1811-го года августа 4-го дня въ Нижегородской пѣхотной полкѣ и изъ онаго переведенъ въ Нѣжинской конно-егерской въ 1814-мъ году“. Судя по цвѣту чернилъ, необходимо допустить, что родословную отецъ завелъ только въ 1832 году, а поэтому запись его о самомъ себѣ недостаточно полная. Изъ сохраняющагося у меня, какъ свитыя, аттестата объ отставкѣ отца, выданнаго ему въ Кіевѣ 23 іюля 1834 года за подписями главнокомандовавшаго 1-ю арміею князя Сакена и дежурнаго генерала, генераль-маіора Карпова, видно, что онъ въ военную службу поступилъ „изъ кадетъ инженернаго корпуса прапорщикомъ 1810 года, августа 4 съ состояніемъ по арміи и съ оставленіемъ при томъ же корпусѣ, произведенъ въ подпоручики 1812 г. февраля 1 съ определеніемъ въ Нижегородскій пѣхотный полкъ, въ коемъ порутчикомъ іюня 14, штабсъ-капитаномъ

сентября 26 тогожъ года. Переведенъ въ бывшій Нѣжинскій конно-егерскій полкъ 1814 декабря 30 и въ ономъ капитаномъ 1816 іюля 22. Въ 1809 и 1810 годахъ былъ въ практическомъ походѣ во время нахожденія въ инженерномъ корпусѣ, и за оказанное въ ономъ отличіе по службѣ произведенъ въ прaporщики; тогожъ 1810 года октября 10 и 11-го—въ Сербіи въ сраженіи противъ вылазки непріятеля изъ г. Рущука подъ начальствомъ Муллы-Чаши; 1812—въ Россійскихъ предѣлахъ противъ французскихъ войскъ при переправѣ чрезъ рѣку Неманъ; у г. Николаева—подъ миромъ (?); іюля 11—при с. Дашковкѣ, отколь командированъ для удержанія пункта Малороссіи въ м. Чечерскѣ, и былъ въ сраженіи: августа 4 и сентября 26 подъ м. Гайсеномъ, Пропойскомъ, Кормою и г. Рогачевымъ, гдѣ раненъ пулею въ лѣвую ногу на вылетѣ и штыкомъ въ лѣвую руку; тамъ-же былъ въ стрѣлкахъ за отличіе произведенъ въ штабс-капитаны; потомъ въ преслѣдованіи непріятеля; въ 1813 и 1814 годахъ—за границею и тамъ при блокадѣ кр. Майнца; по переправѣ же черезъ рѣку Рейнъ—въ дѣйствительныхъ сраженіяхъ подъ г. Кейзенштейномъ, въ ночной коммуникаціи подъ г. Нанси, Бріенъ, Ле-Шато, м. Лаономъ, Ди-сомъ, Мо и при взятіи г. Парижа, оттуда обратно чрезъ Баварію, Саксонію, Силезію и Царство Польское въ предѣлы Россіи, а 1815 іюля съ 27 по 16-е сентября—за границею въ Царствѣ Польскомъ и Силезіи. Имѣетъ серебряныя медали: за участіе въ кампаніи 1812 года и установленную въ память вступленія арміи 19 марта 1814 года въ Парижъ. Въ отпуску былъ 1819 года августа съ 2 къ минеральнымъ водамъ для излеченія ранъ".

Мы пока остановимся на этой выпискѣ изъ аттестата, заключающей въ себѣ періодъ съ 4-го августа 1810 г. по 2 августа 1819 года.

Не трудно понять изъ этой выписки душевное состояніе бабушки. И дни, и ночи она переносилась думкою куда-то далеко, далеко, гдѣ былъ ея Костя. Данилко былъ у нея на второмъ планѣ. Какъ старшаго сына, она его цѣнила выше, нежели младшаго, но этотъ послѣдній былъ еще отрокъ, „дитя

молодее“, требовалъ и большихъ заботъ, и болѣе строгаго руководства. По понятіямъ бабушки, онъ состояль еще „въ среднемъ родѣ“, не достигъ еще полной зрѣлости. Бабушка не привыкла еще относится къ нему, какъ ко взрослому: „воно молодее ще“!

Данилка она ставила на второмъ планѣ и потому еще, что онъ пошелъ по гражданской, а Костя былъ воиномъ и при томъ находился въ пороховомъ дыму. Помимо того, Данилко, по понятіямъ бабушки, жилъ подъ счастливою звѣздою.

— „Бувало, лепечеть мнѣ беззубая Килина со словъ „старої пани“, якъ пійдемо у гай по губы, никто не знайде й червивого, а у него повна шапка, та яки ще—хочъ самому гетьману! И усякихъ надере винъ: и сыроижокъ, и пиддубны-кivъ, и маслюкivъ, и опенекъ. Щасливe у мене дитя Данилко“!

Бабушка успокаивалась письмами отъ младшаго сына. Я отлично помню, что у матери моей въ „кованій скриньцѣ“ сохранилась порядочная связка писемъ отца моего къ своей матери.

— Это военные письма твоего отца, говорила мнѣ мать, когда я заглядывалъ бывало, къ ней въ отиерту скриньку съ „бомагами“. Она раскрывалась очень рѣдко, только по какому либо особому событию.

Понятно, бабушка не могла удовлетвориться только однимъ прочтениемъ письма. Она скликала „усидивъ“ и читала имъ, они возили ихъ читать своимъ знакомымъ. Она знала каждое письмо наизусть, прочитывая ихъ сотни разъ.

Но одни письма не могли облегчить душевныя страданія. У бабушки:

„За думою дума роемъ вылитае,
Одва давыть сердце, друга роздырао,
А третая тыхъ-тыхесенько плаче
У самому сердци, щобъ никто не бачивъ¹⁾.“

Нужны ей были утѣшенія конкретныя, извнѣ. Лучшее утѣшеніе у нашихъ прадѣловъ и дѣдовъ представляла „Церковь Божа“. Бабушка молилася предъ десятками образовъ въ ея

¹⁾ Т. Г. Шевченко, Кобзарь.

спальнѣ, угловой комнатѣ на востокъ, выходившей окнами въ садъ. Предъ семейнымъ образомъ, который я свято сохраняю у себя, теплилася неугасаемая лампада. Подъ толстою серебряною „ризою“ съ золотыми вѣнками и съ дорогими камнями нарисованы святые, у коихъ виднѣются только лики и руки. По срединѣ въ архіерейскомъ облаченіи—св. Николай (патронъ семьи), съ одной стороны—св. Матвѣй и царица Софія, а съ другой—пророкъ Даніїлъ и царь Константинъ. Но одного моленія передъ образами было для нашихъ бабушекъ недостаточно: Софія Федоровна їздila съ Ганною до Сахновки въ церковь слушать литургію и „править молебны“. Если была ненастная погода, или нездоровилось, она посыпала за батюшкою бричку.

Но.... нужно было искать еще гдѣ-нибудь облегченій. Бабушки наши угадывали будущее по явленіямъ природы: „солнце закатилось за тучи—вѣтеръ будетъ, вокругъ полнаго мѣсяца кругъ появился—одна бѣда, а на звѣздномъ небѣ „метелька“¹⁾ появилась—другая бѣда, а тутъ „курка пивнемъ засипивала“—новое несчастье и т. д. Донесеніямъ не было конца, вслѣдствіе многочисленной челяди.

— „Бувало прыйде зъ Сахновки Левко (Реусъ) капоты, чи що інше, щить, та почне брехати, то бабушка ажъ голосомъ заголосять“. А винъ бувъ такій, куды хочъ: и швецъ, и кравецъ, куды хочешь мытесь. Отце почне про війну розказувати, то и киньця не знайти: то билый царь бье чорного, то чорний билого... И чого винъ не бачивъ на своему вику: и безголовыхъ людей, и итиць зъ чоловичою мовою, и чорныхъ людей, и живыхъ, и усякихъ.

Безъ сомнѣнія, бабушку осаждали своими предложеніями и „ворожки“: одна ворожила днемъ, а другая въ полночь, одна—на водѣ, а другая—на огнѣ. Вѣроятно и воскъ выливали на „непочатую“²⁾ воду, и „пивня зъ сидала здймалы и иисты ему давалы“.

¹⁾ Т. е. комета, метеоръ.

²⁾ Т. е. первую съ утра выпнутую изъ колодиа.

Словомъ, бабушка приняла всѣ имѣвшіяся нѣкогда въ Малороссіи средства для выясненія какъ невидимаго настоящаго, такъ и будущаго. Одни средства облегчали ея душевное горе, а другія—„выливали слезы зъ очей“, гнали сонъ, тревожили и днемъ, и ночью, или, говоря современнымъ языкомъ, разстраивали нервную систему. Нервы у напихъ бабушекъ были крѣпкіе, крѣпче даже, нежели у Тарасова Кобзаря, который

Заспивае веселой,
А на журбу зверне.

Бабушка то радовалась, то „нудылась“. Но война 12-го года счастливо окончилась. „Двунадесять языковъ“ разбиты, русскія войска прошли по бульварамъ Парижа и возвращались домой съ музыкою и пѣніемъ. Бабушка все время „вытирала окошечко, вызирала сына“... Конечно, сынъ прѣхалъ живымъ, здоровымъ, хотя пуля его не минула и штыкъ кольнуль. Онъ живъ и здоровъ, только благодаря „матерынымъ молитвамъ“!

Бабушка глядѣла на сына—не наглядывалась, радовалась имъ—не нарадывалася... О немъ уже она говорила „винъ“, а не „воно“, онъ уже былъ штабсъ-капитаномъ и чуть-чуть не капитаномъ!.. У меня сохранился образцово-вышитый самыемъ мелкимъ бисеромъ чехолъ отъ чубука, изъ котораго мой отецъ постоянно курилъ табакъ чуть ли не единственной въ то время фирмы Василія Ивановича Жукова. За работу этого чехла дали бы 1-й призъ на любой художественной выставкѣ, это—chef-d'oeuvre!. Безспорно, это—работа бабушки, ей было тогда 51 годъ, а это небольшіе годы для того времени, когда крѣпкіе люди зачастую доживали „свій викъ“, т. е. свои 100 лѣтъ.

Подъ теплымъ крыломъ у матери отецъ мой гостили, нужно допустить, не мало времени, а потомъ, отслужили „напутствіе“, т. е. напутственный молебень, она благословила „штабсъ-капитана“ въ дорогу. Молебень служилъ батюшка изъ Сахновки, дѣдъ или отецъ батюшки „отца Васыля“ Ячницкаго, который меня крестилъ. Слушать напутствіе собрана была вся челядь и скорѣе даже—„уси зъ хутора“, и старые и малые. По этому случаю наканунѣ были убиты: „теличка и третячокъ¹⁾,

¹⁾ Бычокъ по второму году.

свинка и кабанчикъ“¹⁾. Чоха пріїхалъ изъ Сахновки батюшкя, во дворѣ передъ домомъ „столъ готовуали“, т. е. клали доски и „обаполки“¹⁾. Можетъ быть, старуха пригласила по этому случаю батюшкя изъ с. Кучиновки, къ приходу церкви которой принадлежала большая часть хуторовъ, и изъ самого Березна. Конечно, „попрощатись зъ капитаномъ“ пріїхали и соседи: вдовецъ Левъ Андреевичъ Спицкій, Хведоръ Пилиповичъ съ Клавдією Миколаевною, Юрій Степановичъ зъ Наталей Прокопівной, Аристархъ“ и остальные.

По благочестію своему, бабушка, конечно, своевременно їздila „зъ Константиномъ“ „у Домницю до Божої Матери, у Городище“²⁾, гдѣ икона спускается на лентѣ и вдѣлана въ середину деревянного орла, „до Святого Миколая у Рыхлы“ и пр.

Послѣ „напутствія“ пошелъ пиръ горой, „гармидеръ и у шокояхъ, и на двори“. Прежде нежели выпить „по чарци“, батюшка благословилъ „брашно и питіе“. Главный предметъ „беседи“ вращался возлѣ „капитана“. Молодой, 22-хъ лѣтній герой разсказывалъ своимъ многочисленнымъ слушателямъ о Варшавѣ, Дрезденѣ, Мюнхенѣ, Парижѣ и о всякихъ диковинкахъ Западной Европы. Слушатели молчали, ловили каждое слово и только болѣе почетные иногда издавали звуки удивленія. Бабушка сияла отъ радости. Уже поѣли и малороссійскій борщъ со сметаною, и караси въ сметанѣ, и телятину. Обѣдъ длился уже два часа. Погода стояла превосходная. Обѣдающие во дворѣ выпили уже и „другу, щобъ прогнаты тугу, выпылы пьяту за пьянтыю прокляту“. Шумъ между ними усиливается больше и больше. „Молодыи“ уже начали хмѣлѣть и „заводыты писень“. Левко Реусъ показываетъ „якъ черта зъ горилки выгнаты“, или разсказываетъ „про жонатого черта“.

У „пански будынки“ несли „заморожене“. Характеръ разговора тамъ быстро смѣнялся. Капитанъ рассказывалъ о своихъ ранахъ. Фантазія его расширяла невольно предѣлы дѣйствительности.

¹⁾ Крайніе обрѣзки бревна. Изъ бревна — 4 обаполка.

²⁾ Сосницкаго уѣзда.

Отце, Боже мій мылый, ажъ слухаты страшно!—воскликнетъ то одна старушка, то другая.

Старый „козарлюга—сусидъ“ съ подбитыми висками охлаждаетъ слушателей рассказами „якъ винъ самъ воюавъ и якъ ему ребра поламано“. Бабушка его укрощаетъ, сдерживаетъ. Для нея нѣтъ никого и ничего кромѣ Коли.

Принесли „запиканку й варенуху“ собственнаго издѣлія бабушки. Ужасный шумъ во дворѣ сразу замолкъ.

— Подывысь, Горынко, чого се воны такъ замовкли? спрашивается бабушка у своей горничной.

— „Та се Терешко зъ бандурой прыйшовъ. Отъ воны его й годують, щобъ то заспивавъ краще...“

— „Сюды Терешку, сюды его! кричитъ Филаретъ Городицкій“.

За нимъ потребовали Терешку и другіе гости. Слѣпого Терешку вводятъ и садятъ на „килымку“¹⁾, лежащемъ близъ „канапки“²⁾) Онъ настраиваетъ бандуру и заводитъ думы: „про Мороза, про трохъ бративъ, про Саву Чалого и пр.“. Торжественные мотивы козацкихъ думъ замолкли. Терешку угощаютъ „и запиканкою, и варенухою“. Онъ не выдержалъ и весело запѣлъ „про чечитку, про попадью и т. д.“.

-- Ще про попадью! кричать ему сосѣди батюшки.

Терешко выпилъ „ще солоденькой“ и началъ:

Журилася попадя,
Шо пипъ зъ бородою:
— Бидно моя головонько,
Загиву зъ тобою!..

Смѣхъ, шумъ, беспорядокъ.

А время идетъ. Уже „четыре прокукало“, нужно собираться въ дорогу. Рыданъ, запряженный четверкою откомленныхъ лошадей, давно уже стоитъ, „била рундука“³⁾). Молодой

¹⁾ Коврикъ

²⁾ Диванъ.

³⁾ Крыница.

капитанъ суетится, перечисляетъ всѣ вещи, идущія въ дорогу. Бабушка укладываетъ съѣстное, изготовленное и уложенное по плану, давно уже ею составленному.

— Мовчить, мовчить!.. кричать съ „рундуком“ на подгутлившую компанію.

Все смолкло! Настала торжественная минута прощанія.

— Сидайте, гости мылы, щобъ усе добре у хати сидало... сказала бабушка.

Всѣ сѣли, кто на чемъ смогъ. Ганнуся прижимается къ брату. Глаза ея переполнились слезами. Первымъ всталъ батюшка и, обратясь къ повѣшенному въ углу образамъ въ серебряныхъ „шатахъ“¹⁾, провозгласилъ напутствіе. Всѣ усердно стали креститься, а кроткая Ганнуся положила земной поклонъ, чтобы „выщечкомъ вытерты слёзы долонею“. Костя обратился къ бабушкѣ, поцѣловалъ ей пухлую руку, обнялъ ее и сталъ цѣловать. Бабушка крестила его:

— Ограды тебе сыла честна и Твій крестъ животворный отъ всякой напасти, отъ усего злого,—сквозь слезы проговорила Софья Федоровна.

Къ капитану стали подходить для цѣлованія всѣ по очереди. Сперва бросилась ему на шею сестра, бросилась и зарыдала. Затѣмъ подошелъ батюшка и, перекрестивъ путника и трижды облобызавъ, проговорилъ:

— Не иди по пути нечестивыхъ и на сидалищѣ гримыхъ не сиды.

За гостьюми прощалась дворня, хуторяне. На рундукѣ бабушка снова благословляла „свое молодое дитя“, снова его цѣловала и милувала. Приказчикъ Пилипъ подсадилъ панича въ рудванъ, и четверия рванулась со двора и выѣхала на большую дорогу черезъ хуторъ, мимо крестьянскихъ хатъ, откуда всѣ вышли на улицу поклониться молодому паничу.

Бабушка долго стояла на крыльцѣ, все время осѣнняя крестомъ уѣзжавшаго сына.

¹⁾ Окладахъ.

Начался разъездъ гостей. Въ воздухѣ стояла тишина, и пѣвчія птицы приступили до пѣвѣтъ въ саду свои пѣсни. Солнце склонялось уже къ западу. У бабушки чувство гордости смѣнялось чувствомъ печали. Всѣ старались ее утѣшить, пророчествуя сыну ея въ близкомъ будущемъ генеральскій чинъ. Панскіе похороны мало по малу пустѣли. А Ганнуся, проводивши брата, убѣжала въ липовую аллею „выливать слезы“.

Съ отъездомъ молодого воина въ полкъ жизнь въ Рогозкахъ на бабушкиномъ хуторѣ вошла въ старую колею и потекла тихо, мирно. Тревоги за жизнь любимаго сына смѣнялись гордостью и расчетами на быстрое повышеніе его въ чинахъ.

Все описанное выше въ 3-хъ частяхъ реестра имѣніе находилось въ рукахъ бабушки. О какой-нибудь нуждѣ не могло быть и рѣчи: бабушка жила „панею на всю губу“. Не разъ къ ней приѣзжали сваты по Ганнусю, но Ганнуся „пручалась“, она была далека отъ семейной жизни. Бабушкѣ и самой не хотѣлось оставаться одной, „на самоти, сыротыною“. Ганнуся боялась выйти изъ-подъ теплого материнскаго крыла. Всѣ ея помыслы укладывались въ рамкахъ желаній ея матери. Она поѣлымъ днамъ шила, вышивала, мережала, ходила по садочку, пѣла пѣсни съ Акулиною. Придетъ „свято“, работать грѣшно—она молится Богу, читаетъ церковныя книги. Бабушка не разъ замѣчала ей, что пора пришла и проходитъ уже замужъ идти, что ей уже скоро „стукне три десятка“.

— На що мени замижъ ийти? Хиба мени тутъ погано, чи що? отвѣчаетъ стыдливо дочка.

— А старистъ приайде, до кого ты прыхильшися, хто тебе боронытыме видѣ лыхои годыны?..

— Братья заборонять, неувѣренно отвѣчаетъ она.

— А колы золовкы грызты тебе почнуть?

— У черныци пїду... рѣшительно отвѣчаетъ Анна Матвѣевна.

Противъ такого аргумента бабушка не можетъ найти возраженія: она сама была глубоко набожная

— Уже чого-чого не робылы, говорила мнѣ-мальчугану старуха Килина, щобъ тётиньку заміжъ выдать, ничего не зробылы...

— Такій вже мій таланъ несчастный, про себя замѣчаетъ тетушка, вертя спицами съ начатымъ чулкомъ.

Она была крайне молчалива, даже безразлична, сколько я могу припомнить изъ моего давнопрошедшаго.

Вѣроятно, живя съ бабушкою, она была ниже травы, тише воды, была во всемъ покорна волѣ матери. А воля у бабушки была твердая. Она привыкла, чтобы ей всѣ поклонялись, стояли съ пути, Она чуяла и сознавала, что довела своихъ „сынивъ-соколивъ до розуму“. Старшій изъ нихъ блестательно окончилъ университетъ и служилъ въ Москвѣ въ сенатѣ, а „менышенькій буде генераломъ“.

Каждый праздникъ бабушка ъздила въ Сахновку обѣдню слушать и помолиться на могилѣ Матвѣя Ивановича. Его тѣло лежитъ подъ самою церковью, а памятникъ—большой камень съ желѣзнымъ крестомъ на немъ,—пріотился въ уголку между „бабинцемъ“¹⁾ и церковью. Съ нею, конечно, ъздила всегда и Ганнуся. Въ церкви она имѣла свое мѣсто, на „килимку“²⁾. Послѣ обѣдни батюшка выносилъ бабушкѣ большую просфору съ вынутыми частичками. Она стояла передъ своимъ большимъ, въ серебро оправленнымъ образомъ. Ей одной подносился священникомъ крестъ, а затѣмъ онъ становился снова въ царскихъ вратахъ. Сахновскіе и рогозинскіе паны, пани и панночки отъ креста шли привѣтствовать бабушку. Въ ненастную погоду она молилась Богу дома, при чемъ каждый разъ батюшка присыпалъ ей просфору, или большую частью привозилъ самъ и оставался со своею семьею обѣдать на хуторѣ.

Какъ кажется, съ Березномъ она не имѣла особыхъ сношенній. Если тамъ и остались дальніе „родичи“ мужа, то она ихъ игнорировала, вслѣдствіе ихъ невысокаго происхожденія. Въ Березно она посыпала приказчика на базарѣ за покупками, на

¹⁾ Сѣверное и южное крылья (пристройки) крестообразной церкви, въ которыхъ стоять бабы-старухи въ „памиткахъ“.

²⁾ Коврикъ.

почту „за листами“; земные произведения, какъ то: хлѣбъ, „худобу“, кабановъ и пр. она продавала на мѣстѣ скупщикамъ.

Бабушка любила общество и была постоянно окружена приживалками. Понятно, онѣ предъ нею работѣствовали, рассказывали „про старовину“, отгадывали сны, гадали, „звеселялы“ и „разгонялы тугу“. Въ праздничные дни къ ней съѣзжались сосѣди изъ хоторовъ на „бенкеты“.

— Бувало, якъ зберутся гости, то нигде ихъ и розмистыты, рассказывала мнѣ „стара Давыдыха“.

Жизнь шла тихо, мирно, безмятежно. Въ известные сроки бабушка получала письма отъ сыновей „зъ Москвы и зъ полку“. Она ихъ читала, перечитывала, прочитывала своимъ сосѣдямъ, и, вдоволь начитавшись, складывала съ ранѣе полученными, перевязывала тесьмою и запирала въ „ковану скрынку“.

Но чорная туча появлялась на ея горизонтѣ; она надвигалась ближе и ближе, угрожала и ливнемъ, и грозою... Бабушка это чуяла материнскимъ чутьемъ, инстинктомъ. У нея „за думою дума роемъ вылитала“, она томилась, ночи не спала. Она испытывала такое состояніе, какое испытываютъ нервные субъекты предъ наступленіемъ грозы.

Основаніе чуття было осозательно: „немас тры мисяци листу“.

— Може й вмеръ мій голубъ сзыый, говорить бабушка сосѣдкѣ.

— А вы отто зробить, добродійко. Скажить батющци, щобъ по нему панихиду одправыть: заразъ звистка прыйде, чы винъ жывъ, чы ни.

У бабушки и сонъ процалъ, а заснетъ—страхи снятся. Являются гадальщицы, а за ними и ворожеи. Она уже приказывала „старцівъ¹⁾ на обидъ склыкатъ“. Явилось человѣкъ пятьдесятъ „старцівъ и старчихъ“. Слѣпой Терешко атамановалъ за обѣдомъ, а послѣ обѣда пѣль „божественне: Иисуса Прелюбезного, про Почаевску Божу Матирь, про Иржавецьку, що голосила²⁾, про той свитъ и др. Бабушка посыпала на часточку и у Домницу, и у Городище, и у Рыхлы. А письма нѣть и нѣть.

¹⁾ Нищихъ.

²⁾ Плакала.

Насталъ и 1819-й годъ. Зима была холодная, снѣжная. Въ серединѣ марта проглануло солнышко и своими лучами немного согрѣло холодный воздухъ. Пришелъ воскресный день, и бабушка поѣхала съ Ганнусею въ Сахновку къ обѣду. Изъ Сахновки она пріѣхала домой къ обѣду безъ гостей, хотя изъ Березна привезено было много свѣжей рыбы, такъ какъ т�ль великий постъ. Въ одно время съ нею возвратился съ рыбой и посланецъ ея.

— А що нема лыста?

— Немае, пани, отвѣчалъ посолъ.

Она сѣла за обѣдъ съ Ганнусею, но ничего не могла ъсть: мрачныя думы овладѣли всѣмъ ея существомъ.

Послѣ обѣда Ганнуся ушла въ свою комнату, а бабушка сѣла раскладывать пасьянсъ — „колодезя“. Карты складывались уже къ старой и счастливой развязкѣ пасьянса, какъ къ ней стрѣлою влетѣла Килина.

— Якись руськи прыйихали зъ хурамы и богато-богато чогось прывезлы. Кажуть, що видъ Константина Матвіевича.

Бабушка смѣшала карты, велѣла позвать руськихъ, а сама стала поправлять на головѣ „очипокъ“¹⁾.

Фуры вѣхали во дворъ. Ихъ сопровождало нѣсколько подводъ съ женщинами и дѣтьми. Физіономіи и костюмы пріѣхавшихъ были непривычными для бабушки. Вошли 2—3 музика въ полушибукахъ, а съ ними и дворня бабушкина. Старшій мужикъ выступилъ впередъ, отвѣсилъ поклонъ старухѣ и проговорилъ:

— Молодой король вашъ и молодая королева челомъ бьють вамъ, сударыня.

Бабушка строго посмотрѣла на него, выпрямившись.

— Якій тамъ король зъ королевою?

— Константинъ Матвіевичъ, послѣдоватъ отвѣтъ.

— Се мій сынъ меньшій. Може прыйихавъ винъ?

— Никакъ нѣтъ, сударыня.

Бабушка остолбенѣла. Кровь то приливалась къ ея лицу, то отливала.

¹⁾ Чепчикъ или правильнѣе — повязка, головной уборъ.

— Шо це таке: никакнитъ?

Обѣ стороны съ трудомъ понимали другъ друга. Наконецъ выяснилось, что отецъ мой женился безъ родительского благословенія, женился въ воронежской губерніи и прислалъ приданое своей молодой жены съ десятками крѣпостныхъ. Такое извѣстіе возмутило бабушку до глубины души. Она бросилась въ комнату къ Ганнусѣ и вдвоемъ съ нею горько зарыдала. Ея материнская гордыня была поругана, опозорена. Ея сынъ, ея „дытына“ рѣшился жениться безъ ея „порады“, безъ ея „материного“ благословенія. Она рѣшилась не признавать этого брака и рѣшила твердо. Нѣжная материнская любовь у неї уступила свое мѣсто чувству негодованія, злобѣ, мести. Привезенное богатство, по приказанію бабушки, было свалено въ сарай (возовню).

— Хай вони згніютъ тамъ, у мене ѹ своего добра довольно, такъ рѣшила бабушка.

Переселенцы разбрелись съ лошадьми и повозками по хutorу.

Событіе это приблизительно такъ разсказывала мнѣ и покойная моя матушка, и прислуга. Въ записной книжѣ моего отца событіе это отмѣчено такъ: „женился 1819-мъ году февраля 5-го дня въ воронежской губерніи на дочери маюра Василія Елисѣевича М—ева, Прасковьѣ Васильевнѣ. Именины ея 26-го іюля“.

Материнское сердце переполнилось желчью. Громовой ударъ вызвалъ горячія слезы, которые текли ручьями по ея морщинистому покрытому холоднымъ потомъ лицу. Она не могла объяснить себѣ поступокъ Кости, она не могла вѣрить ни пришлымъ „руськимъ“, ни привезеннымъ богатствамъ. Ей трудно было мириться съ мыслью, что всѣ ея расчеты стерты въ одинъ мигъ. А какіе же были ея расчеты? Она ожидала, что сынъ ея пріѣдетъ генераломъ и съ нею поѣдетъ „на поглядьны“ въ извѣстныя богатыя мѣстныя семьи, съ молодыми девушками: „до Лизогубивъ, Тарновскихъ, до Скоропадскихъ, до Ханенкивъ, до Борковскихъ и пр.“ Таковы были ея мечты, ея расчеты. Бабушка рѣшила не признавать брака; ей каза-

лось, что бракъ сына безъ разрѣшенія родителей не можетъ быть признанъ законнымъ, что это не бракъ, что жена ея Кости не жена его, а „полюбовныця“.

Всепрощающая Ганнуся мирилась съ фактомъ брака ея брата, не анализировала его, не вступала въ пререканія съ матерью. Ее интересовали другіе вопросы: „яка іи братова?“ не злая ли она? не сварливая ли? „чи чорнява, чи русява? Чи висока, чи низенька?... Словомъ, ее интересовали будущія отношенія къ ней ея новой родственницы.

Бабушка никого не принимала къ себѣ изъ сосѣдей и со-сѣдокъ, ссылаясь на нездоровье. Она заключилась въ самое себя. Она приготовилась ко встрѣчѣ съ сыномъ, съ его молодою женой.

Но дни шли за днами. Снѣгъ сошелъ, деревья стали зеленѣть, покрылись бѣлымъ душистымъ цвѣтомъ. Пришла весна:

Идетъ, гудеть зе виній шумъ,
Зелений шумъ, весеній шумъ!..

Со всѣхъ сторонъ до бабушки доносится весенняя пѣсня:

Люби, покуда любится,
Прощай, пока прощается,
И Богъ тебѣ судья!..

Бабушка любила сына, любила больше прежняго, но не хватало у ней силъ простить ему. Она не обращала вниманія даже и на то, что за ея невѣсткою дали 60 тысячъ рублей ассигнаціями, не считая драгоцѣнностей.

Солнце уже закатывалось къ западу. Въ воздухѣ разносился ароматъ изъ сада, гдѣ цвѣли и „стокротки“, и васильки, и кануперъ, и роза, и „братки“, и „барвинокъ, и усяки-всяки квитки“. Бабушка сѣла на „рундукъ одпочивать“. Она стала поджидать „товару зѣ паши“, смотрѣла, какъ таскали изъ колодца „журавлемъ“ воду въ корыта для питья скоту и овцамъ, разглядывала проходившихъ и проѣзжавшихъ по большой дорогѣ мимо двора. Вокругъ нея разливался такой благодатный

миръ, такая тишина, что старуха отрѣшилась отъ самой себя и обратилась въ частицу окружавшей ее природы, стала инертнымъ существомъ. Но она очнулась вдругъ, услышавъ доносившіеся издали голоса и завидѣвшія поднявшуюся за хуторомъ пыль столбомъ. Она стала ловить голоса, начинала разбирать звуки:

— „Трогай, голубчики, трогай!..

На хуторѣ показался тяжелый большой экипажъ восьмерикомъ, съ двумя, „хвалеторами“. Тяжко забилось у ней сердце, сперлось дыханіе. Она вскочила, какъ ужаленная змѣю, съ „дзыглыка“¹⁾ и ускользнула въ цоколи, когда дорожній дормезъ заворачивалъ къ ней во дворъ.

Наступила потрясающая сцена...

Я не въ силахъ передать эту сцену со словъ моей покойной матери. Извѣстя ея разсказа въ моей дѣтской головѣ остались одни обрывки. Нужно имѣть особый даръ воспроизвести эту сцену, имѣвшую мѣсто 72 года тому назадъ...

Бабушка не допустила къ себѣ на глаза молоденькую жену любимца сына.

— „Вона московка, я й не зрозумію іи“, рѣшительно заявила она сыну.

Молодой четѣ отведены были три комнаты въ домѣ справа, зала, кабинетъ и гостинная съ выходомъ въ садъ. Мать моя рыдаетъ, бабушка рыдаетъ, Ганнуся рыдаетъ, а отецъ то утѣшаетъ и ласкаетъ молодую жену, то обнимаетъ и цѣлуетъ старуху мать.

Проходитъ день за днемъ, но все остается по старому. Бабушкинъ дворъ принялъ характеръ зачумленнаго мѣста: никто не решается завернуть въ него, никто не решается громко сказать въ немъ. Все въ немъ словно замерло, покрылось чернымъ савапомъ. Даже проголодавшіеся любимцы—псы бабушкины, Кундель и Лисичка, перестали лаять и бросаться на прохожихъ и проѣзжихъ.

Но съ фактамъ нужно мириться, нужно было искать выхода...

¹⁾ Стула.

Выходъ былъ найденъ. Бабушка согласилась вырубить сосновый боръ отъ копаръ по „ривчакъ“, дорогу и до самаго хутора, т. е. на площади около десяти десятинъ. Она благословила устроить „новый двиръ“. Она взяла даже на себя постройку дома и службъ, а также разведеніе фруктоваго сада. Рѣшено было построить на каменномъ фундаментѣ домъ изъ 8-ми комнатъ съ двумя сѣнями, лакайскою и кладовою и съ „выходомъ“¹⁾ подъ домомъ; поварскую съ комнатою для повара и хозяйствкою; кухню съ людскою для челяди; красную кладовую; четыре амбара въ саду съ четырьмя надъ ними комнатами (т. е. горницею); черный дворъ съ амбарами, ледникомъ, каретнымъ сараемъ, конюшнею, колодцемъ, „повитками“ для телѣгъ и орудій, хлѣбнымъ магазиномъ и колодцемъ. Въ саду избрано было мѣсто для бани съ предбанникомъ. Короче сказать, бабушка не жалѣла ничего для своего сына.

Отецъ мой повелъ, секретно отъ матери, Ганнусю къ своей молодой женѣ. Ганнуся бросилась къ ней на шею, обняла ее, прижала къ своей груди, согрѣла своимъ поцѣлуями сиротку на чужой дальней сторонѣ. Мать моя, женщина 15—16-ти лѣтъ, плакала и день и ночь. Ее не могъ утѣшить любимецъ ея мужъ и отецъ будущаго ея ребенка. Она очутилась въ роли затворницы, преступного существа. Ее согрѣла только Ганнуся, за что она отплатила ей первою своей улыбкою въ домѣ свекрови.

Все, все разбивалось о козацкую твердую волю моей бабушки, все покорялось ея волѣ!

Жить у свекрови лишній день было не подъ силу больной молоденькой женщинѣ. Снова подъ крыльцо подъѣхалъ восьмерикъ и унесъ съ собою молодую чету. Бабушка обняла своего любимца, целовала его, обливала слезами, но... не хотѣла видѣть „московку“.

Проводивши сына въ полкъ, бабушка взгрустнула, а затѣмъ энергически принялась рубить до самаго „ривчака“ старый сосновый боръ, чтобы очистить мѣсто подъ „селитьбу“²⁾,

¹⁾ Подваломъ.

²⁾ Усадьбу.

т. е. подъ дворъ, и садъ. Все у ней было свое: „и майстри¹⁾, и деревня²⁾, и цегла³⁾. Пильщиковъ она выписала изъ Добринки⁴⁾. Пошла заготовка бревенъ, досокъ, шелевки, выкорчевка пней. Бабушка цѣлые дни проводила на новомъ дворѣ, направляла каждую работу, присутствовала во время „снідання⁵⁾, обида и вечери“⁶⁾ рабочихъ. Ёда безъ чарки не обходилась: пили рабочіе за ея здоровье, за здоровье молодого пана, молодой пани. Бабушка стала примиряться мало-по-малу съ мыслю о женитьбѣ сына. Она благодарила рабочихъ за тосты, шутила.

— Побачите ще, яка буде молода пани. Можетъ така выйде зъ неи злюща, що усихъ зъисть, шутила она. До мене прыыкли, а до неи ще прыыкать треба.

Къ работѣ были привлечены и крѣпостные матери. Имъ въ Рогозкахъ было лучше, нежели въ Россонкахъ⁷⁾. Они сошлись съ крѣпостными бабушками. Они получили уже новыя прозвища: Голубятникова уже называли Голубомъ, молодого парня Романова—Романченкомъ и пр.

Огечъ мой ёздилъ въ августѣ мѣсяцѣ къ минеральнымъ водамъ для излѣченія ранъ, конечно за границу. Онъ показывалъ чужія страны своей молодой женѣ. Они посѣтили европейскія столицы. Въ родословной рукою моего отца записано: „Родилась дочь Софія 1819-го года ноября 27-го дня; именины ея 17-го сентября“⁸⁾.

Съ наступленіемъ весны 1820-го года бабушка „заходылась сыну будынки будовать, сады садыты, города городыты“. Съ восходомъ солнца она была уже на работахъ. Она была польщена, что внучкѣ дали ея имя. Она торопилась постройками, чтобы

¹⁾ Мастера.

²⁾ Лѣсной материалъ.

³⁾ Кирпичъ.

⁴⁾ Слоб. Добринки, городянскаго уѣзда, населенная старовѣрами.

⁵⁾ Завтра.

⁶⁾ Ужина.

⁷⁾ Сел. Россонки, нижне-дѣвицкаго у., воронежской губ.

⁸⁾ Нынѣ благополучно здравствуетъ съ правнуками въ Казани вдовомъ Дороховой.

,,осадить сына зъ унучкою“. Она рисовала въ своемъ воображеніи портретъ малютки: „русява—въ мене и втишна, якою я була маленькою. Моя у неи кривъ, мое тило, моя душа“. Бабушка тосковала за внучкою и, посыпая въ церковь на часточку, писала въ заздравіи свое имя первымъ, а на концѣ писала „младенца Софії“. Ради этого младенца, она увеличила и приношенія на церковь и вознагражденіе священнику, „щобъ краще молыся“.

Къ зимѣ постройка новаго дома со всѣми службами была окончена. Бабушка торопила сына выйти въ отставку, ссыпалась въ письмахъ къ нему на лѣта, на недуги, опасалась за здоровье своей маленькой внучки, въ которой сосредоточивались всѣ ея радости и надежды, вслѣ ея любовь, вся вѣра: Ганнуся обрекла себя на роль нянѣки:

— Буду сама пеленать и пестыть¹⁾), никому не дамъ и подывыться на дытыну, заявляла она.

Въ аттестатѣ отца значится: „Въ штрафахъ и подъ судомъ не бывалъ. Женатъ на дочери отставнаго маюра М—ева, Прасковѣй. Къ повышенню чиномъ аттестованъ достойнымъ.—1821-го года генваря въ 23 день по Высочайшему приказу уволенъ отъ службы за ранами маюромъ съ мундиromъ и пенсіономъ полнаго жалованія“.

Возможно предполагать, что отецъ мой, подавши прошеніе обѣ оставкѣ, тотчасъ же двинулся въ путь къ себѣ на родину съ красавицей женой и годовымъ ребенкомъ, тезкою бабушки. Путь былъ далекій изъ Россопекъ въ Рогозки, хотя и не особенно трудный—санный. Бабушка въ окочечко вызирала внучку, обставляла новый домъ мебелью, снабжала всякою утварью. Все въ домѣ бросалось въ глаза своею новизною и только въ углу въ спальнѣ, гдѣ она устроила „Божницу“²⁾, выдѣлялся старый фамильный образъ пяти святыхъ подъ серебряною ризою. Передъ нимъ и день и ночь теплилась лампадка. Только по осмотрѣ ею закрывались выюшками печи, изъ опасенія угару.

¹⁾ Пилючить.

²⁾ Мѣсто, где висятъ образа.

Домъ стоялъ въ глубинѣ двора; на срединѣ его было большое широкое крыльцо съ навѣсомъ на четырехъ столбахъ; входная дверь вела въ сѣни, направо—лакейская, а за нею—большая зала; изъ залы шла дверь въ прихожую, а изъ нея направо въ кабинетъ, а налево—въ гостинную. Изъ гостинной выходъ былъ въ садъ на балконъ и въ спальню; изъ спальни одна дверь вела въ угловую комнату—дѣтскую, выходящую фенами въ садъ, а другая—въ столовую, глядѣвшую во дворъ; рядомъ со столовой по фасаду и дѣтской по разрѣзу была „дивоча“¹), а изъ нея—выходъ въ сѣни, рядомъ съ которыми находилась кладовая. Часть сѣней была отгорожена толстыми досками, закрывавшими ходъ на „гору“²) и тѣсный уголокъ—для нуждъ хозяевъ.

Молодая чета должна былаѣхать чрезъ Березно, гдѣ уже находился нѣсколько дней конный „вартовый“³), обязанный заранѣе сообщить бабушкѣ о выѣздѣ молодого пана изъ этого крайняго пункта. Челядь новаго двора была уже на своихъ мѣстахъ. Она организована была изъ крѣпостныхъ матери. Бабушка ожидала молодыхъ, или точнѣе—внуки, къ обѣду. Ее стѣсняла нѣсколько первая встрѣча съ „московкой“, но въ представленіи ея „московка“ была на послѣднемъ планѣ. Вартовый прискакалъ и заявилъ, что „молоди“ переѣхали уже „царскій шляхъ“⁴). Бабушка вышла на крыльцо встрѣтить гостей въ дорожномъ шелковомъ „шушунѣ“ и въ „канурѣ“ на головѣ. Ганнуся раньше еще стояла на крыльце и „мила“ отъ нетерпѣнія.

День былъ тихій, морозный. Послышался на хуторѣ звонокъ, и крытый возокъ тройкою съ выносными вѣхалъ въ новый дворъ. Вся челядь выскочила на встрѣчу.

Возокъ подѣхалъ къ крыльцу. Настали трогательныя минуты встрѣчи. Ганнуся выхватила у матери изъ возка малень-

¹) Для дѣвушекъ.

²) Чердачъ.

³) Сторожъ.

⁴) Обсаженная деревьями широкая дорога на полпути между м. Березновъ и м. Рогожками.

кое существо и стремглавъ направилась съ нимъ въ покой. Бабушка цѣловала сына и съ неохотою дала поцѣловать себя моей матери. Она приняла ее сухо, не проронивъ ни звука. Когда всѣ вещи были положены на свои мѣста, старуха приказала пригласить изъ старого двора пріѣхавшаго еще спозаранку сахновскаго священника съ причтомъ. За нимъ ввалилась въ залу вся челядь обоихъ дворовъ. Сперва совершино было освященіе дома и окропленіе его святою водою, а затѣмъ молебень о здравіи. Молились о здравіи „Софії, воина Константина, Параскевы и младенца Софії“.

Послѣ молебствія сѣли всѣ за обѣдъ. Въ тоже время сѣли за импровизированный возвлѣ кухни обѣдъ вся дворня и хуторяне. Распорядитель „люскогого обиду“ былъ старый войтъ (приказчикъ) Пилипъ Евхименко.

Ганнуси не было за обѣдомъ: она возилась съ Сонею въ дѣтской, укладывала ее въ маленькой липовой кроваткѣ, сдѣланной по указанію бабушки, на каткахъ подъ ножками. Она кормила Соню манною кашкою на молокѣ. Бабушка была въ воссторгѣ отъ Сони.

— Така-жъ русява, якъ и я була колысь.

Она воображала самое себя въ своемъ дѣтствѣ, она переносилась въ свое далекое прошлое, въ свое давнопрошедшее.

Обѣдъ прошелъ скоро. „Отецъ батюшка“ разсказывалъ семейную хронику рода М—въ, про жизнь въ Березномъ. Одной только матери моей было не по- себѣ. Она видѣла вокругъ себя все чужое, она чувствовала крайнюю усталость. Ссылаясь на нездоровье, она ушла послѣ третьяго блюда изъ-за стола въ свою комнату.

— Ты бережы іи, сказала бабушка сыну, вона молода ще, до розуму не дошла, та ще й послидни дни ходыть.

Мать моя дѣйствительно переживала послѣдній мѣсяцъ беременности. Еще наканунѣ была приглашена по этому поводу матеръ войта „бабкою“¹⁾.

Дальность пути, тревожныя ожиданія встрѣчи, разлука съ родными въ Россоспкахъ, все это тяжело отражалось на моло-

¹⁾ Акушеркою.

дой женщинѣ. Она слегла въ постель и запершись толковала долго вдвоемъ съ старою „войтыкою“! О Сонѣ она не беспокоилась, зная, что при ней находится новая мать—Ганнуся. Въ ночь на 1-е февраля у матери появились сильные боли въ крестцѣ. Войтыха ни на шагъ отъ нея не отходила. Въ теченіе дня къ больной нѣсколько разъ приходила бабушка, сидѣла возлѣ нея, брала за руку, цѣловала въ голову. Отца не впускали въ спальню, „бо це бабське дило“. Къ вечеру страданія усилились, больная металась, кричала. Выходя отъ нея, бабушка объявила сыну, чтобы не называть, если родится мальчикъ „Матвійкомъ“, такъ какъ онъ сильно мучить мать свою. Она предоставила Костѣ дать имя мальчику, какое захочетъ „Параска“, т. е. сама мать. Войтыха примѣняла уже многія средства, но страданія не уменьшались. Она подкурила больную „яловцемъ“¹⁾, разорвала у больной рубаху черезъ ноги; заставляла отца снять свою сорочку черезъ ноги; по ея требованію, отецъ пролазилъ подъ кроватью больной. Къ ночи боли усилились. Войтыха зажгла „родовыцю“²⁾ передъ образами, приказала растворить всѣ двери въ домѣ, послала за ворота узнать имя первого „старца“, чтобы дать его новорожденному. Ничего не помогало. Рано утромъ 2-го февраля была послана въ Сахновку за священникомъ „ниточанка“³⁾.

Всльдѣ за прѣздомъ священника настали роды; минуту спустя, появился на свѣтъ Божій слабый мальчикъ. Въ родословной моего отца записано такъ: „Родился сынъ Василій 1821-го года февраля 2-го дня и умре, поживъ только 3 часа и окрещенъ“.

Матушка начала скоро оправляться. Недѣли черезъ двѣ войтыха позволила ей оставить постель. Отецъ мой не отходилъ отъ нея ни на шагъ, ласкалъ свою Парашу, цѣловалъ. Съ выздоровленiemъ матери складывалась мало по малу новая жизнь въ новомъ дворѣ. Въ первыхъ числахъ марта мать моя отпра-

¹⁾ Можевеловые ягоды.

²⁾ Вербная свѣча. Ее зажигаютъ, надѣясь, что младенецъ явится на свѣтъ такъ легко, какъ Иисусъ Христосъ вошелъ въ Йерусалимъ.

³⁾ Плетеная изъ прутьевъ бричка.

вилась въ первый разъ въ старый домъ. Бабушка встрѣтила ее непривѣтливо, сухо. Весь разговоръ ихъ ограничивался отрывочными фразами. Главною темою разговора служила маленькая Соня, проводившая большую часть дня въ старомъ домѣ возлѣ Ганнуси, которая обрекла себя добровольно на роль ея няни.

Наступила ранняя, теплая украинская весна, принесшая новый запасъ силъ разслабленной матери моей. Отецъ познакомилъ жену со всѣми хуторными панами; єздилъ съ нею къ окрестнымъ дворянамъ, въ Черниговъ—къ замужней сестрѣ своей. Съ наступлениемъ лѣта сложилась вполнѣ жизнь обособленныхъ двухъ дворовъ, старого и нового. Бабушка не желала вмѣшиваться въ жизнь сына, выдѣлила ему часть пахоты, лѣса, сѣнокоса, пастбищъ. Близъ усадебъ лежали два огорода—старый и новый. На старомъ огородѣ была „сажалка“¹⁾, огороженная частоколомъ; на новомъ—двѣ копанки. И тамъ, и тамъ водились въ большомъ количествѣ караси, линь, выны, раки и пьявки. Вокругъ сажалки росли кусты малины, были грядки съ клубничкой, съ черною смородиною. Усадьбы матери и сына были отгорожены плетнемъ, черезъ который устроенъ былъ перелазъ. Чтобы попасть изъ старого въ новый дворъ, нужно было сперва выйти на проѣзжую дорогу. Мать моя скоро сроднилась съ новою ея родиною и нисколько не тяготилась недружелюбнымъ отношеніемъ къ ней свекрови. Проходили мѣсяцы, а бабушка и ногой не ступила въ новый дворъ. Появленіе ея у сына связывалось только съ появлениемъ на свѣтѣ внука или внучки. Мать мою она признавала если не вполнѣ чужою, то разбившою ея завѣтныя мечты имѣть свою невѣстку изъ важнаго малороссийскаго рода. Отецъ мой часто посѣщалъ свою мать, ходилъ къ ней за „порадою“²⁾, за разрѣшеніями. Сознавая свое первенство, она жила прежнею жизнью. Всѣ старые знакомые ее по прежнему посѣщали, пользовались ея гостепріимствомъ, ея помощью. Молодое поколѣніе тянуло больше на новый дворъ, гдѣ чувствовалась молодая жизнь, гдѣ больше было раз-

¹⁾ Прудъ.

²⁾ Советомъ.

влечений, больше шуму и смѣха. На Рождество и на Пасху прѣѣзжали съ поздравленіемъ сперва къ бабушкѣ, а потомъ уже къ отцу моему. Бабушка выѣзжала изъ дома очень рѣдко и, главнымъ образомъ, въ Сахновку помолиться въ церкви, или „отправить панихиду“ на могилѣ „старого“, т. е. моего дѣдушки. Она служила панихиды на его могилѣ въ день его рождения, въ день именинъ и въ день смерти. Ее сопровождала всегда въ поѣздкахъ Ганнуся, проводившая всѣ дни съ утра до вечера у брата возлѣ Сони. Соня росла „якъ утятко на водѣ“, болтала, слушала „казки“.

Господь Богъ благословилъ моихъ родителей дѣтьми. Въ родословной книгѣ отцемъ написано: „Родилась дочь Варвара¹⁾ 1822-го года января 2-го дня, именины ея 4-го декабря“. Вслѣдъ за этою записью слѣдуетъ: „Родилась дочь Надежда²⁾ 1823 го года октября 27-го дня, именины ея 17-го сентября“. Далѣе, записано: Родилась дочь Вѣра 1825-го года апрѣля 14-го дня, именины ея 17-го сентября“. За Вѣрою показано: „Родился сынъ Василій³⁾ 1826 года іюня 30-го дня, именины его 12-го апрѣля“. Послѣ Василія „родился сынъ Матвѣй 1828-го года апрѣля 23-го дня; 1829-го марта умре“.

Смерть послѣдняго сына вызвала много слезъ и въ новомъ домѣ, и въ старомъ. Въ лицѣ его бабушки видѣла портретъ своего покойнаго мужа.

— Отце и батькинъ синъ, и дида, и прадида, говорила она, по словамъ моей покойной матери.

Въ лицѣ старшаго своего внука она не находила знакомыхъ и дорогихъ ей чертъ своего мужа.

— „То матчинъ сынъ“, отзывалась она о немъ. „У него уся матчина врода“.

Въ слѣдующемъ году родились двойни. Въ родословной о нихъ записано такъ: „Родилась дочь Любовь⁴⁾ 1831-го года

¹⁾ Нынѣ вдова доктора Лучинская.

²⁾ Умерла дѣвицей.

³⁾ Нынѣ здравствующій.

⁴⁾ Умерла 22 іюля 1853 года, въ замужествѣ Тищенко.

февраля 15-го; того же числа родился сынъ мертвой, коего нарекли Константиномъ».

Такимъ образомъ, въ первые двѣнадцать лѣтъ супружества у родителей моихъ было девять душъ дѣтей, а на лицо шестеро: пять дочерей и сынъ. Забота о дѣтяхъ была не подъ силу одной теткѣ; къ дѣтямъ были приставлены старухи-няни изъ хутора, изъ крѣпостныхъ сахновцевъ. Бабушка видимо стала дряхлѣть. О выѣздахъ ея не могло быть и рѣчи. Она жаловалась на боли въ ногахъ и съ трудомъ переходила изъ комнаты въ комнату. Дѣтскій шумъ раздражалъ ея нервы, почему дѣтей приводили только въ большиѣ праздники къ ручкѣ бабушки. Она не отпускала отъ себя Ганнусю. Такимъ образомъ, жизнь двухъ семей болѣе и болѣе обособлялась. Завѣданіе всѣми землями, лѣсами и лугами бабушка передала въ руки сына. Хозяйственныя заботы ея ограничились одною только усадьбою.

Съ наступленіемъ новаго 1832 года боли въ ногахъ у бабушки увеличивались, при чемъ проявились признаки водяной. Изъ Березна привозили къ ней подлѣкаря, по совѣту котораго больная пила отваръ яловцовъ. Съ наступленіемъ великаго поста она уже не оставляла постели. Ее навѣщали старухи-сосѣдки, рассказывали ей случаи тяжкихъ заболѣваній и выздоровленій. Бабушка не вѣрила въ возможность выздоровленія и спокойно заявляла.

— Ни, вже мени не топтаты земли, це моя до мене прыйшла.

Всю ночь съ 21-го на 22-е апрѣля 1832 г. не тушили въ старомъ домѣ свѣчей; лампадки теплились уже около недѣли во всѣхъ комнатахъ передъ образами. Отецъ не отходилъ отъ постели умирающей матери. Рано утромъ 22-го апрѣля посланы были въ Сахновку экипажи за священникомъ и причтомъ. Всльдь за прїездомъ священника она пригласила къ себѣ всѣхъ членовъ семьи для благословенія. Сперва упалъ на колѣни передъ нею мой отецъ и горько рыдалъ. Бабушка твердынь головомъ дала ему нѣсколько наставлений. За отцемъ стала на колѣни мать. Она завѣщала ей любить ея сына:

— Воно у мене хороша дытына и добра людына. Дывысь за нымъ, доглядай дитокъ маленькихъ, доводь ихъ до розуму.

Благословила бабушка Ганнусю, благословила внучекъ и внука, за ними прислугу, дворню. Каждому она давала наставление. Всѣ окружавшіе ее стояли молча, хотя у каждого слезы лились ручьями. Прощанье съ близкими истомило бабушку, довело до обморока. Она откинула на подушку голову, закрыла глаза, изъ которыхъ выкатились двѣ крупныя капли. Обморочное состояніе продолжалось минутъ пятнадцать. Передъ семейнымъ образомъ горѣла „четвергова“¹⁾ свѣча. Въ комнатѣ умирающей стояла мертвая тишина, каждый затаилъ дыханіе, боялся шелохнуться. Многіе думали, что бабушка испустила уже духъ свой, но румянецъ игралъ на морщинистомъ лицѣ ея, а грудь тихо колебалась отъ медленнаго и неровнаго дыханія. Когда она очнулась, то тотчасъ выразила желаніе исповѣдаться и причаститься. Всѣ были удалены изъ спальни; остался при умирающей только священникъ. Послѣ исповѣди снова наполнилась комната близкими, въ присутствіи которыхъ бабушка причастилась. Послѣ причастія начался обрядъ соборованія. Казалось, бабушка стала свободнѣе дышать, и тусклыя глаза ея просвѣтѣли. Но она больше не говорила и только нѣжно гладила голову стоявшему на колѣняхъ у ея изголовья отцу моему. Взоры всѣхъ присутствовавшихъ не сходили съ закрытыхъ глазъ старухи. Лицо ея было полно покоя, полно довольства; на блѣдныхъ губахъ ея выражалась улыбка. Нервно она отбросила свою руку на грудь отъ головы сына, вытянулась и тяжело вздохнула... То былъ ея послѣдній на землѣ вздохъ.

Похоронили ее въ Сахновкѣ близъ церкви, рядомъ съ могилою ея мужа. Похоронный обрядъ совершили нѣсколько священниковъ. Тѣло ея провожали всѣ рогозинскіе хутора въ нѣсколько сотъ душъ. Крестьяне и большинство сосѣдей-помѣщиковъ шли всю дорогу пѣшкомъ.

Она похоронена въ дубовомъ выдолблennомъ гробѣ, приготовленномъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ. Въ головахъ въ могилѣ положили съ одной стороны жбаночокъ жита, а съ другой—„суллю горилки, щобъ душечка помершой не голодна була“²⁾.

¹⁾ Зажигаемая во время чтенія 12-ти евангелій.

²⁾ Жито и водка пайдены были 12 мая 1850 г. при копавіи могилы моему отцу.

Въ родословной рукою моей матери записано по этому поводу такъ: „Умерла Софія Федоровна М—зъ 1832 года 22-го апрѣля, имѣя отъ рожденія 69 лѣтъ“.

Само собою разумѣется, оба двора, и старый и новый, были разгорожены другъ отъ друга. Въ старомъ дворѣ на доскахъ отправлялись „ховтуры“ ¹⁾, на которыхъ участвовало человѣкъ свыше двухъ сотъ. Изъ винницы была выкачена бочка водки. Въ старомъ домѣ поминальный обѣдъ совершали въ залѣ и столовой. Особенно много собралось во дворѣ со всѣхъ сторонъ „старцовъ“. Для нихъ былъ приготовленъ особый столъ, за которымъ „атаманувавъ“ Терешко. Передъ обѣдомъ „старцы“ пропѣли хоромъ „псалты“²⁾. Обѣдъ продолжался до поздняго вечера. День былъ свѣтлый и теплый. „Частовали“ хуторянъ и нищихъ нѣсколько человѣкъ, и женшинъ и мужчинъ. Послѣ первой „стравы“ ²⁾, за столами во дворѣ началось пѣніе вѣчной памяти, а затѣмъ многая лѣта. Пѣніе одного и другаго тоста повторялось много разъ. Старцы пѣли хоромъ „Про святу пятницу“, „про царицу Софію“ и др. Имя покойной бабушки занесено было священникомъ въ поминальную книжку и исключено изъ первого ея отдѣла „за здравіе“. Послѣ обѣда послѣдовало распоряженіе родителей моихъ пригласить крестьянъ „на сорокоустъ“ ³⁾. Смерть бабушки вызвала глубокій трауръ во всемъ домѣ. Ганнуся дала завѣтъ носить все черное до самой смерти. Она заявила съ большою настойчивостью о своемъ желаніи поступить въ монастырь „у черныци“. Отцу моему стоило много труда убѣдить ее отказаться отъ этого намѣренія. Ганнуся заперлась въ старомъ домѣ со своею Килиною и придала этому дому характеръ монастыря. Первое время она вовсе не выходила изъ этого монастыря: ей носили туда и „снданне“ ⁴⁾, и обѣдъ, и „вечерю“ ⁵⁾. Она жила мыслю о покойной матери, ее не при-

¹⁾ Поминальный обѣдъ.

²⁾ Кушанья.

³⁾ Обѣдъ поминальный на 40-й день.

⁴⁾ Завтракъ.

⁵⁾ Ужинъ.

тягивали уже къ себѣ ни Соня, ни другія племянницы. Смерть матери до того сильно потрясла ея духовный міръ, что она обратилась мало-по-малу въ молчальницу, прервала всѣ знакомства, сдѣлалась нелюдимою и даже психически больною въ глазахъ простыхъ людей, не способныхъ различать духовный міръ человѣка отъ физического.

Въ родословной книжѣ далѣе слѣдуютъ записи: „Родилась дочь Шелаге 1832-го года июля 27-го дня“, а ниже: „Родилась дочь Анна 1834-го года июня 10-го въ 7 часовъ вечера“. Къ послѣдней записи рукою моей матери сдѣлана приписка: „Померла 1835-го года августа 12-го дня“. За симъ идутъ слѣдующія записи: „1835-го года октября 10-го родилась дочь Евлампія¹⁾ въ четвергъ въ вечеру 10 половинѣ“; „1837-го года генваря 26-го дня родился сынъ Митрофанъ²⁾ по утру въ 11 съ половиною часовъ, во вторникъ“; „1838 году декабря 8 дня родилась въ четвергъ противъ пятницы ночью 3-мъ часу дочь Анна“³⁾; „1840 года генваря 28 дня родилась дочь Клеопатра“; „1841 года августа 23-го дня въ 3 часа по полудни родился сынъ Даниилъ“. Послѣдними дѣтьми у моихъ родителей были двѣ дочери, изъ коихъ Софія „родилась 1844 года марта 18 дня въ 10 часу вечера“ и Аграфена—1847 года іюля 16 дня.

Такимъ образомъ, у моихъ родителей было 18 дѣтей, а въ томъ числѣ 6 сыновей и 12 дочерей. Мать моя заявляла постоянно, что у нея было 22-е дѣтей, изъ коихъ четверо, не-записанныхъ въ родословную книгу, были мертворожденными, появившимися на свѣтъ двойнями. Послѣ выхода замужъ старшей дочери, у матери было нѣсколько еще дѣтей, почему иногда случалось, что она кормила своимъ молокомъ внука, а старшая сестра—младшую свою сестру. Замужняя сестра моя съ мужемъ и дѣтьми перѣѣхала въ концѣ тридцатыхъ годовъ изъ Малороссіи въ г. Казань, т. е., по тому времени, чуть ли не на тотъ свѣтъ. При такихъ обстоятельствахъ послѣднимъ дѣ-

¹⁾ Нынѣ вдова Страховская.

²⁾ Умеръ въ возрастѣ 10—12 лѣтъ.

³⁾ Умерла въ замужествѣ за докторомъ Вишневскимъ.

тамъ моихъ родителей не пришлось всю жизнь видѣть своей старшей сестры. Переселеніе за три-девять земель побудило моихъ родителей назвать родившуюся затѣмъ дочь именемъ ея старшей сестры, какъ бы въ воспоминаніе о ней.

Д. Морозъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

ОЧЕРКИ ИСТОРИИ ПРАВОВЕРЕЖНОЙ УКРАИНЫ¹⁾.

По І. Ролле.

(Окончание).

Что же дѣлалъ между тѣмъ народъ, не благородный шляхетско-польскій, католической народъ, а тотъ украинской гминѣ, закостенѣло-упрямый въ преданности къ своему хлопскому языку и своей хлопской вѣрѣ? Конечно, онъ былъ лишь подстилкой подъ шляхетскими ногами, той сѣрою почвой, которая предназначена была свыше питать и взращивать радужный цвѣтъ шляхетской культуры. Но—увы! онъ слишкомъ часто принималъ въ глазахъ шляхты и ея легко воспламеняющемся воображеніи образъ огненнаго дракона, рыкающаго льва... Гербовные, правда, беспечно ъздили на этомъ чудовищѣ; но лишь только дикий звѣрь показывалъ зубы,—что случалось время отъ времени—паническій ужасъ смѣнялъ вчерашнюю веселую беззаботность.

О правовомъ положеніи украинскаго народа не можетъ быть серьезной и рѣчи: удѣломъ его было полное безправіе, граничащее съ безправіемъ раба въ любомъ варварскомъ обществѣ. „Крестьяне едва смѣютъ дышать безъ воли своихъ пановъ, они не имѣютъ никакого права, они не могутъ никоимъ способомъ уклониться отъ притѣсненій или жестокости, уже не говоря о несправедливостяхъ, которыхъ они терпятъ постоянно“.. Такъ пишетъ изъ Украины Костюшко, этотъ великий патріотъ, недосыгаемо высоко поднимавшій свою благородную голову надъ

¹⁾ См. „Кіев. Стар.“ 1895 г., № 4.

шляхетскою массой. Польское право во всемъ отказывало украинскому хлопу; но жизнь вырывала у этого права нѣкоторыя смягченія и уступки, правда, ограниченныя мѣстомъ и временемъ: въ общемъ, конечно, фактическое положеніе тяготѣло къ правовому, какъ къ своему естественному предѣлу.

Главнѣйшаи данниа для характеристики фактическаго, собственно экономического, положенія украинскаго народа уже даны выше, при описаніи нового заселенія Украины. Только въ началѣ второй половины столѣтія истекли послѣдніе сроки слободъ; слѣдовательно, до тѣхъ порь были подданные—правда, во все убывающемъ по направленію съверозапада на юго-востокъ количествѣ—которые пользовались почти полной свободой отъ экономическихъ обязательствъ. Затѣмъ, конечно, тяготы панчины наступали не вдругъ: паны имѣли осторожность наблюдать нѣкоторую постепенность. Такимъ образомъ, въ каждый данный моментъ можно было наблюдать на территорії Украины много различій въ экономическомъ положеніи населенія: въ то время, какъ на отдаленныхъ юго-восточныхъ окраинахъ богатые крестьяне Щенснаго-Потоцкаго благоденствовали, на Подоліи и Волыни мы встрѣчаемъ такія степени обремененія, которые заставляютъ уже задумываться о физическихъ предѣлахъ. Да и въ самомъ дѣлѣ, что кромѣ грубыхъ мотивовъ разсчета и страха могло удерживать зауряднаго шляхтича въ его стремленіи выжимать изъ подданныхъ возможно большие средства, такъ необходимыхъ ему на удовлетвореніе его все возрастающихъ жизненныхъ потребностей? Общій шляхетскій взглядъ на подданнаго находилъ себѣ на Украинѣ поддержку и какъ бы оправданіе въ той обоюдной враждебности, которую воспитала недавняя кровавая исторія, въ взаимной ненависти „католика“ и „схизматика“, постоянно поддерживаемой политикой прозелитизма, враждой темнаго духовенства. Не мудрено поэтому, что масса шляхты, особенно темной шляхты первой половины вѣка, искренно не могла видѣть въ украинскомъ хлопѣ человѣка, точно такъ, какъ не видѣлъ его американскій плантаторъ въ негрѣ.

„Инвентари имѣній“ даютъ намъ очень вѣрныя, точныя описанія и очень краснорѣчивыя въ своей сухой безыскусствен-

ности свѣдѣнія объ экономическомъ положеніи украинскаго подданного. Подданные дѣлились на очиншованныхъ и неочиншованныхъ, т. е. оброчныхъ и барщинныхъ, по русской терминологии; всѣ, кромѣ того, по размѣру живаго инвентаря, подраздѣлялись на паровыхъ, поединковъ и пѣшихъ.

Вотъ какъ рисуетъ одинъ инвентарь 1760 г. положеніе чиншеваго крестьянинъ подъ Каменцомъ Подольскимъ. Паровой крестьянинъ вносилъ, вмѣсто повинностей работой и натурой, въ панскую казну 46 золотыхъ 68 грошей; кромѣ того десятину отъ пасѣки, 2 куръ, 20 яицъ, 20 пасомъ прядива. Въ переводѣ на рабочіе дни, по тогдашнимъ цѣнамъ рабочаго дня, принятаго инвентаремъ, это составляетъ 218 го-довыхъ дней. Положеніе нечиншеваго крестьянина такъ опредѣляется инвентаремъ того же времени и той же Подольской территории, а именно одного имѣнія около Шаргорода: паровой крестьянинъ отрабатывалъ ежегодно 104 дня панчины, давалъ, сверхъ того, одного каплuna, 2 куръ, 12 яицъ, мотокъ пряжи, что все въ совокупности составляло 111 дней. А сверхъ всего шли всѣ эти безчисленные „заорки, объорки, закоски, обкоски, зажинки, обжинки, заграбки, ограбки, завозки, обвозки“—отдѣльные рабочіе дни, яко-бы въ силу экстремной необходимости вырываемые панской властью у хлопской беззащитности. Въ маленькихъ имѣніяхъ, где владѣльческій контроль, а, слѣдовательно, и вымогательство были легче, владѣльцы заставляли хлопа платить за всякую мелочь: четвертый кошъ грибовъ, третью кварту земляники, орѣховъ и т. д.

Это были середнія цифры для такой середней территории, какой было Подольское воеводство, и для половины столѣтія, серединнаго пункта описываемой эпохи. Отсюда видно, какими гигантскими шагами шелъ процессъ обращенія крестьянъ въ рабочее „быдло“: еще на кievской Украинѣ не выжиты были окончательно сроки слободъ, какъ на Подольѣ уже экономическое отягощеніе приближалось къ своимъ крайнимъ предѣламъ.

Но было еще одно условіе, которое чрезвычайно ухудшало материальное положеніе украинскаго народа: это посредничество евреевъ.

Какое-то естественное средство, какъ-бы законъ роковой внутренней необходимости, дѣлалъ для польского шляхтича вообще, для украинского въ частности, помощь еврея совершенно неизбѣжной. И евреи тянулись на Украину упорно, постоянно забывая, что они всегда дѣлались первыми жертвами народной ненависти. Они заполняли мѣстечка, захватывали въ свои руки всю мелкую торговлю, развозили спиртные напитки, спаивая народъ, часто на свою собственную гибель. Неутолимая страсть къ наживѣ дѣлала изъ трусливаго еврея отчаянную голову, которая не отступала даже передъ ножемъ. Въ описываемую эпоху евреи затянули всю Украину сплошной сѣтью арендъ. Дѣло въ томъ, что всюду на Украинѣ былъ обычай отдавать въ аренду известные виды доходовъ съ имѣнія. Къ такимъ по обычаю арендуемымъ доходамъ принадлежали продажа водки, „мита“, т. е. пошлина отъ проѣзда или провоза товаровъ, помоль, разные виды попаса. Никто, кромѣ еврея, не могъ и не умѣлъ пользоваться этими арендами, извлекая изъ нихъ большие доходы для пана, еще большие для себя. Но для народа эти аренды являлись самымъ тяжелымъ и несноснымъ обдирательствомъ. Назойливый еврей совалъ свой носъ въ каждый возъ, вѣзжающій въ городъ, считалъ каждую штуку скота, выведенного на продажу, разбрасывалъ сухую рыбу, сторожилъ при вѣсахъ, чтобы ни одинъ гарнецъ хлѣба не проскользнулъ безъ оплаты; а притѣсненія при помолѣ? Всякое выраженіе неудовольствія евреи зажималъ угрозой пожаловаться въ замокъ; а наготовѣ всегда былъ и доносъ о бунтѣ: онъ не стѣснялся извлекать доходы и изъ политики.

Больше всего выгоды для пана и еврея, больше всего разоренія и всяческого зла для подданного вытекало, конечно, изъ питейной аренды. Жидовская корчма, ненавистная и вмѣстѣ съ тѣмъ неотразимо привлекательная, была самымъ яркимъ и типическимъ явленіемъ, выражающимъ собою весь ужасъ положенія, созданного исторіей для несчастнаго украинскаго народа. Евреи и панскій дворъ обнаруживали самую трогательную солидарность въ извлечениі доходовъ изъ спаиванія народа. Всѣ взаимные отношенія по этому предмету оговаривались и обу-

словливались. Разумѣется, всякое стремленіе крестьянина какъ-нибудь обойти своего арендатора преслѣдовалось очень жестоко. Если у крестьянина не было денегъ на-пропой, опять-таки арендаторъ не долженъ былъ страдать отъ этого: онъ могъ смѣло давать пить въ долгъ, дворъ гарантировалъ ему уплату до известной цифры, напр. отъ 16 злотыхъ для пароваго до 4 злотыхъ для пѣшаго. Но это не значило, что дворъ уплачивалъ уговоренную сумму за должниковъ, беря на себя разсчетъ съ нами; это значило только, что дворъ обязывался назначить „экзекуцію для выплаты долговъ“. „Экзекуціей же называлось слѣдующее: дворъ высылалъ на неисправныхъ должниковъ своихъ слугъ, которые должны были жить на счетъ этихъ должниковъ до уплаты долга, при чемъ допускались разные вымыслы“, по выраженію документовъ, т. е. вымогательства. Въ силу арендаго договора арендаторъ не имѣлъ права брать въ уплату долга скотъ—куда бы годился крестьянинъ безъ инвентаря,—но за то могъ свободно брать все остальное: хлѣбъ, живность, одежду и пр. Точно также въ силу договора крестьянинъ имѣлъ право пить „могаричъ“ только въ корчмѣ: если припомнить, что такое могаричъ въ крестьянскомъ быту, то понятно, какимъ это отзывалось лишнимъ и тяжелымъ стѣсненіемъ. И этому-то ненавистному притѣснителю, жиду, крестьянинъ долженъ былъ то давать по полѣну съ каждого воза дровъ, вывезенного изъ лѣсу, то поставлять пахолка въ его корчму, то, наконецъ, даже давать ночную сторожу, особенно въ беспокойное время. Мудрено-ли, что сторожа эти, случалось, грабили корчму, сваливая потомъ вину на неизвѣстныхъ разбойниковъ, которые яко-бы успѣли скрыться; но еще не успѣвали очистить стѣнъ корчмы отъ еврейской крови, которою онѣ были забрызганы, какъ уже водворился въ ней новый арендаторъ, и все шло по-старому. Однимъ изъ самыхъ тяжелыхъ оскорблений для украинской женщины было назвать ее „жидовской наймычкой“; однимъ изъ самыхъ энергическихъ проклятий: „о, щобъ ты жидамъ воду носила“!—такъ глубоко назрѣла въ народной душѣ ненависть къ этому племени.

Едва ли не единственнымъ исключениемъ изъ среды украинского дворянства былъ Щенсный-Потоцкій: онъ уничтожилъ въ своихъ имѣніяхъ еврейскія аренды, желая уменьшить среди подданныхъ пьянство. Впрочемъ, этимъ не ограничивались его заботы о народѣ: онъ уменьшилъ панщину и потомъ совсѣмъ уничтожилъ ее, замѣнивъ очень легкимъ чиншомъ; устроилъ администрацію, простую и удобную по отношенію къ контролю надъ притѣсненіями подданныхъ со стороны панскихъ офиціалистовъ. Конечно, изъ всего этого едва-ли выходила арендная идилія, описанная Хржонщевскимъ, который увѣряетъ, что подданные Потоцкаго сами рвались къ работѣ, а дивчата платили надсмотрщикамъ, чтобы тѣ выгоняли ихъ на панщину. Однако традиція о благожелательствѣ магната къ подданнымъ до сихъ поръ живетъ въ средѣ мѣстнаго населенія. На материальномъ благосостояніи не останавливался Потоцкій, по крайней мѣрѣ въ идеалахъ и планахъ: онъ думалъ, что благосостояніе вызываетъ потребность въ просвѣщеніи, а просвѣщеніе неизбѣжно приведетъ къ ополяченію. На лицо были и историческія доказательства въ томъ процессѣ, коимъ русскія земли обратились въ польскую шляхту. Иначе не умѣли думать и благороднѣйшіе изъ польскаго шляхетства.

Несомнѣнно, положеніе украинскаго народа въ описываемую эпоху не было въ общемъ хорошо, а, главное, оно ухудшалось съ чрезвычайною быстротой. Но и независимо отъ этого, могъ-ли народъ такъ скоро забыть свою исторію и безропотно тянуть накинутое на него ярмо? Положимъ, что населеніе было сплошь сдвинуто съ своихъ мѣстъ; но богатый запасъ словеснаго народнаго творчества и въ особенности пѣсни и думы, съ ихъ носителями кобзарями и лирниками, легко поддерживали въ воспріимчивой народной душѣ живую нить исторической традиціи.

Козачество въ предѣлахъ Рѣчи Посполитой было уничтожено. Въ силу указа Петра Вел. 1711 г. часть козаковъ выселилась на лѣвобережье, часть сѣжала на Запорожье; но осталась горсть, разсѣянная по всѣмъ воеводствамъ, которая не захотѣла покинуть родину, но не захотѣла и перейти на неза-

видное положение панскихъ подданныхъ. Это былъ первый ферментъ для того длительного явленія, которое подъ названиемъ гайдамачества характеризуетъ собою украинскую жизнь втечение всего столѣтія.

Несомнѣнно, гайдамачество не могло бы существовать— по крайней мѣрѣ въ томъ видѣ, въ какомъ оно существовало— еслибъ Украина не имѣла подъ бокомъ политически-самостоятельного Запорожья и его дикихъ и раздольныхъ степей. Запорожскія паланки съ ихъ многочисленными, разбросанными въ степяхъ хуторами-зимовниками, пасѣками и другими пристаницами доставляли въ изобиліи предпріимчивыхъ людей, которые составляли ядро каждого гайдамацкаго отряда. Какъ только наступала весна, эти степныя пристаницы высыпали или рыболовныя ватаги на Бужскій, Днѣпровскій и Тилигульскій лиманы, или военные отряды на сѣверъ, на разореніе и гибель ляхамъ и жидамъ. Въ предѣлахъ Польши отрядъ подкрѣплялся мѣстными жителями, и въ количествѣ нѣсколькихъ сотъ человѣкъ шелъ пускать дымомъ села и панскія усадьбы, убивать, грабить добро ненавистныхъ притѣснителей. Не было деревни, которая не имѣла бы воспоминаній объ этихъ кровавыхъ посѣщеніяхъ; не было въ краѣ католической святыни, которая бы не подверглась ограбленію. Въ особенности привлекали гайдамаковъ костелы, славившіеся чудотворными иконами, которыхъ было особенно много на Подольѣ, и ни одна изъ этихъ святынь не миновала гайдамацкаго нападенія и грабежа. Съ награбленной добычей, навьюченной па лошадяхъ, „батовней“, съ стадами отогнаннаго панскаго скота, поспѣшно скрывались гайдамаки въ запорожскую степь и тамъ паевали добычу. Край жилъ подъ вѣчной угрозой гайдамацкаго нападенія. Какъ только наступалъ, такъ сказать, гайдамацкій сезонъ, всѣ, кто имѣлъ основаніе опасаться гайдамаковъ, т. е. не русское и не православное населеніе края, приходило въ тревогу. Кто не могъ спасаться подъ военной охраной, тотъ выискивалъ какихъ-нибудь иныхъ способовъ: напр., на ночь уходили изъ домовъ въ степь, попрятавши цѣнное имущество и скрываясь другъ отъ

друга, по одиночкѣ, изъ опасенія, чтобы другой, хотя и близкій, человѣкъ не выдалъ гайдамакамъ въ мукахъ пытки.

Въ меморіалѣ кн. Чарторижскаго русскому послу убытокъ отъ гайдамакъ для десятилѣтія 1750—60 гг. вычисляется въ 4 миллиона, такъ какъ за это, относительно спокойное, время было разорено 80 деревень, 14 мѣстечекъ и убито 600 человѣкъ.

Въ иные годы, когда въ знаменитомъ Черномъ лѣсѣ и бужскихъ очеретахъ накопилось слишкомъ много бродячаго населенія, которое нуждалось въ пищѣ и одеждѣ, гайдамацкое нападеніе принимало видъ татарскаго набѣга. Гайдамаки разбѣгались по краю небольшими, но многочисленными партіями, загонами: слѣдя традиціонной хищнической тактикѣ, загоны эти не дѣлали нападеній вблизи границъ, а пробирались въ глубь края, широко пользуясь покровительствомъ и содѣйствиемъ мѣстнаго населенія. Если было въ виду трудное предпріятіе, напр. надо было овладѣть богатымъ мѣстечкомъ, маленькая партія соединялась въ одну. Но такія предпріятія предполагали организацію. Во главѣ ихъ долженъ былъ стоять опытный и вліятельный ватажокъ, который долженъ былъ составлять планъ кампаніи. Онъ могъ и не принимать личнаго участія въ предпріятіи, а сидѣлъ где-нибудь въ Черномъ лѣсѣ: тамъ устраивалась засѣка, а то закладывался настоящій концъ, куда сбѣгались загоны и сносились добыча. Типическимъ ватажкомъ гайдамацкимъ былъ, напр., запорожецъ Медвѣдевскаго куреня Игнатъ, который прозванъ былъ Голымъ за то, что при дѣлѣ добычи оставлялъ себѣ лишь ничтожную часть, ни въ чемъ не нуждаясь: куртка изъ телячьей кожи, баранья шапка, на цѣлый годъ одна рубаха, вымоченная въ дегтю, самопалъ, немного свинцу, тютюнъ и люлька—вотъ и всѣ его потребности. Иванъ Голый дѣйствовалъ въ началѣ сороковыхъ годовъ и пользовался большой популярностью между гайдамаками и народомъ, который много рассказывалъ о его смѣлости и жестокости. Вообще, гайдамацкимъ ватажкомъ могъ быть только человѣкъ отчаянной храбрости, ловкій въ разныхъ тонкостяхъ степныхъ фігелей и фортелей, знающій, какъ свои пять пальцевъ, всѣ яры, очерета и пущи.

Что же дѣлало Польское государство, чтобы побороть это хроническое зло, подтачивавшее жизнь ея окраинъ? Да почти ничего, или очень мало. „Украинская партія“ постоянного войска съ региментаремъ во главѣ должна была держаться на Украинѣ; но силы эти были слишкомъ ничтожны по сравненію съ огромной линіей открытой для набѣговъ границы. Главная забота предоставлена была панамъ. Правда, магнаты дѣйствовали не только какъ частные собственники, но въ качествѣ старостъ и какъ органы государственной власти: въ ихъ рукахъ находилась цѣль староствъ—Хмельницкое, Чигиринское, Бѣлоцерковское, Богуславское и Черкасское, — которая обхватывала Украину съ юго-востока.

Первое мѣсто по организаціи защиты занимали Потоцкіе и Любомирскіе, какъ могущественные владѣльцы самыхъ опасныхъ окраинъ. Но и мелкій владѣлецъ нѣсколькихъ деревушекъ не могъ не содержать на свой счетъ хоть нѣсколько десятковъ вооруженныхъ людей: таково было положеніе.

Типъ организаціи былъ приблизительно одинаковъ. Панская милиція состояла изъ пѣхоты и конницы. Пѣхота служила гарнизономъ для замковъ и мѣстечекъ и состояла почти всегда изъ поляковъ или нѣмцевъ. Конница состояла изъ надворныхъ козаковъ, которые набирались изъ мѣстныхъ жителей, тѣхъ же самыхъ подданныхъ. Пѣхота была немногочисленна: 60—100 человѣкъ для укрѣпленія. Исключенія составляли лишь большиѳ замки, напр.—Баръ, гдѣ Любомирскіе держали 200 человѣкъ инфanterіи, или Могилевъ на Днѣстрѣ, гдѣ Потоцкіе имѣли гарнизонъ даже въ 500 челов.

Многочисленнѣе и важнѣе по своему значенію, въ силу мѣстныхъ условій, была козацкая конница. Извѣстное число дымовъ, т. е. податныхъ единицъ, должно было поставлять на козацкую службу одного человѣка: этотъ человѣкъ освобождался отъ панчины и другихъ обязательствъ, получалъ отъ панского двора обмундировку, оружіе, состоявшее изъ копья, рушницы и пистолетовъ, коня, а иногда еще, сверхъ того, небольшое жалованье. Но важнѣе жалованья была добыча, отнятая отъ гайдамакъ, которая предоставлялась въ пользу такого надворнаго

козака. Козаки эти дѣлились на сотни: во главѣ отряда стоялъ непремѣнно полякъ, шляхтичъ, но сотники и поручики (начальники полсотень) выбирались изъ самихъ же козаковъ. Заслуженнымъ козакамъ магнаты давали, случалось, въ державу деревушку—двѣ, и такимъ образомъ они получали сами какъ-бы значеніе шляхтичей: бывали случаи и настоящей нобилитациі, по ходатайству магнатовъ. Подобнымъ шляхетскимъ положеніемъ пользовался на службѣ у Любомирскихъ извѣстный Савва Чалый, который паль жертвою преданности долгу своей службы отъ руки упомянутаго выше Игната Голаго; также и злосчастный Гонта, еще болѣе извѣстный уманскій сотникъ. Кіевскій воевода Салезій Потоцкій обратилъ цѣлую уманскую волость въ своего рода военное поселеніе: съ ней обыкновенно выбиралось для военной службы больше трехъ тысячъ человѣкъ; Грановщина князей Чарторижскихъ тоже отбывала только козацкую службу. Для охраны Побережскаго государства князей Любомирскихъ служило около трехъ тысячъ козаковъ, кроме маленькой польской хоругви, предназначеннай собственно для наблюденія за этими козаками, и волошскихъ отрядовъ, набираемыхъ изъ волоховъ, поселенныхъ вдоль Днѣстра.

Надворные козаки были главной силой въ преслѣдованіи гайдамакъ. Никто другой не могъ такъ хорошо выслѣдить загонъ въ степяхъ, предусмотрѣть какой-нибудь фортель, отбить батовню, захватить гайдамаковъ врасплохъ при дѣлѣ добычи. Только такой козацкій отрядъ могъ рѣшиться разыскивать гайдамаковъ даже въ глубинѣ запорожской степи, „разгнать шершней въ самомъ ихъ гнѣздѣ“, какъ это дѣлалъ, напр., Савва Чалый. Но эти же козацкія милиціи были, съ другой стороны, и Ахиллесовой пятой въ системѣ панской военной обороны края.

Въ самомъ дѣлѣ, надворные козаки, соблазняемые выгодами своего привилегированнаго положенія, могли преслѣдоваться гайдамаковъ, ревностно сторожить захваченныхъ, спокойно глядѣть, какъ болтались на шибеницѣ передъ стѣнами замка трупы казненныхъ, забывая, что все это братья по крови и вѣрѣ. Такъ было въ обыкновенное, спокойное время. Но насту-

пиль моментъ возбужденія, когда народная масса поднималась, обхваченная общей идеей, общимъ чувствомъ,—и это искусственное козачество разомъ забывало и о выгодахъ своего положенія, и о долгѣ службы, вязавшемъ его съ панскимъ дворомъ, и тогда наступала катастрофа, ужасный образчикъ которой мы видимъ въ Уманской рѣзни.

Не одинъ разъ въ теченіе столѣтія поднимался украинскій народъ. Волненія эти всегда примыкали къ гайдамачеству, имѣли его своимъ базисомъ; но обнаруживали въ своемъ развитіи и нѣкоторая особенности. Самое главное то, что народъ поднимался лишь тогда, когда получалъ толчки со стороны политическихъ событий и непремѣнно съувѣренностью въ сочувствіи и помощи со стороны Россіи. Что-то фатальное было въ этомъ отношеніи въ его судьбахъ.

Въ 1734 г. русскія войска вступили на Украину, чтобы поддерживать избраніе Августа III: между украинской шляхтой было много противниковъ „Саса“, сторонниковъ Станислава Лещинскаго. Русскій полковникъ Поляновскій расположился квартирой въ Умани и сдѣлалъ обращеніе къ надворнымъ козакамъ, чтобы они организовались въ полки и дѣйствовали противъ сторонниковъ Лещинскаго. Обращеніе это было принято украинскими народомъ, какъ лозунгъ въ такомъ смыслѣ: „дана воля грабить жидовъ и убивать ляховъ“. Всѣ три украинскихъ воеводства сразу были охвачены волненіемъ. Къ надворнымъ козакамъ и волошскимъ отрядамъ, которые тоже поднялись, руководимые жаждой добычи, присоединились подданные въ надеждѣ на свободу. Главнымъ вождемъ восстания былъ Верланъ, волошскій полковникъ службы князей Любомирскихъ. Возставшій народъ, разумѣется, никакъ не думалъ о сторонникахъ Лещинскаго или Саксонскаго курфирста: для него существовали только паны вообще, и какъ ихъ дополненіе, евреи. Въ одномъ брацлавскомъ воеводствѣ было убито девяносто владѣльцевъ. Масса цѣнной движимости и денегъ перешла въ руки бунтовщиковъ. Одни изъ нихъ обращали преимущественное вниманіе на kostелы и вообще католическая святыни; другіе на имущество крупныхъ пановъ; трети занимались тѣмъ, что грабили и крестили

евреевъ; наконецъ были и такие, какъ напр. наказный атаманъ Грива, которые всю свою ненависть обращали на шляхетскія бумаги. Множество мелкихъ загоновъ разбѣжалось по краю; на Подольѣ собралось и настоящее войско бунтовщиковъ въ количествѣ десяти тысячъ. Вообще, это волненіе, очень широкое по захваченной территории, не отмѣчено большими жестокостями, тѣми кровопролитіями и всяческими ужасами, какими такъ часто отмѣчались свои вспышки украинскій народъ. Больше всего отличались жестокостью не украинцы, а волохи. Въ самый разгаръ движенія появилось распоряженіе начальника русскихъ войскъ, расположенныхъ на Украинѣ, въ томъ смыслѣ, что всѣ войска, какъ регулярныя, такъ и нерегулярныя, т. е. поднявшіеся козаки, обязаны охранять шляхту, такъ какъ она признала власть Августа III. Волненіе было подавлено при дѣятельномъ содѣйствіи русскихъ войскъ. Цѣлый край покрылся сѣтью шибеницъ и палей. Специальные суды *boni ordinis* или *causarum exorbitantiarum* такъ же, какъ и всѣ гродскіе суды, были завалены работой. А сколько виновныхъ было просто повѣшено безъ всякаго суда на первой попавшейся вѣткѣ; если же жаль было веревки, то такого несчастнаго просто кидали въ степи съ переломанными ребрами, чтобы изыхалъ себѣ по немножку... Но страхъ потери „живого реманента“ превозмогалъ иногда въ шляхетской душѣ даже и мстительное чувство. Когда подольскій воевода Гумецкій вытѣснилъ изъ яровъ между Рашковымъ и Смотричанскимъ Устьемъ засѣвшую тамъ вольницу, которая отдалась на его произволъ, и хотѣлъ приступить къ экзекуціи, къ нему явилась шляхта съ просьбой отдать ей виновныхъ. Шляхтичи просили воеводу „знакомить“ преступниковъ, но обрѣзать имъ уши; но тотъ, человѣкъ доброго сердца, рѣшилъ такъ отпустить плѣнниковъ, предоставивъ панамъ самимъ расправляться съ своими подданными. Такимъ образомъ на этотъ разъ дѣло обошлось безъ палей, четвертованій, шибеницъ,— одними батогами, да и то не черезмѣрными, такъ какъ реманентъ требовалъ вниманія: зато уже было покончено разомъ и навсегда съ свободами и иными льготами.

Значительно меньше по району захваченной территорії, но несравненно сильнѣе по размѣрамъ было народное волненіе 1768 г., такъ называемая колівиціна, кульминаціонный пунктъ которой извѣстенъ подъ именемъ Уманской рѣзни: оно захватило лишь Кіевщину и Брацлавщину, почти не тронувъ Волыни и Подолья.

Въ началѣ 1766 г. выступила Барская конфедерація съ своимъ вооруженнымъ протестомъ противъ короля Понятовскаго и его русской политики, въ результатѣ которой была сеймовая конституція, возвратившая права диссидентамъ, слѣдовательно, и православнымъ. Всѣ польскія военные силы Украины стянуты были подъ Баръ. Туда же двигались и русскія войска на помощь войскамъ королевскимъ. А между тѣмъ на Украинѣ, предупреждая открытие военныхъ дѣйствій, ходила вѣсть, что русская царица намѣренна дать волю украинскимъ хлопамъ, и, слѣдовательно, они должны рѣзать жидовъ и ляховъ. Богуславскій сотникъ Шелестъ, точныя показанія котораго дошли до насъ, обстоятельно разсказываетъ, какъ еще за четыре мѣсяца до разыгравшейся катастрофы вѣсти эти ему сообщили запорожцы, предлагая участвовать въ военной экспедиції противъ жидовъ и ляховъ. Шелестъ, человѣкъ положительный, долго раздумывалъ, какъ ему быть, и наконецъ надумался: если правда, что царица хочетъ дать свободу польскимъ хлопамъ, то обѣ этомъ долженъ знать кіевскій намѣстникъ. До Кіева рукой подать, разомъ можно и мощамъ святымъ поклониться: и вотъ Шелестъ идетъ въ Кіевъ и прямо направляется за разъясненіями къ генерал-губернатору Войкову. Тотъ похвалилъ козака за его предусмотрительность и сказалъ, что „ monархия россійская очень далека отъ того, чтобы покровительствовать преступникамъ“. Шелестъ вернулся домой и во время волненія твердо стоялъ на польской сторонѣ. Но такие благоразумные люди были рѣдки даже и между старшиной надворныхъ козацкихъ отрядовъ.

Располагалъ въ довѣрію и источникъ, изъ котораго выходили слухи на этотъ разъ.

На югѣ Кіевской Украины, выходя за ея предѣлы и примыкая къ Днѣпру, начинался и тянулся рядъ лѣсовъ. Всѣ эти

льса, мотренинскій, лебединскій, смилянскій, лисянскій, звенигородскій, уманскій, корсунскій, каневскій, таращанскій, соединяющіеся между собой цѣпью зарослей, подходили подъ Киевъ. Здѣсь лежалъ тотъ путь или „гайдамацкое окно“, черезъ которое можно было совсѣмъ незамѣтно проникать изъ запорожскихъ степей въ глубину края. Лѣса эти кишѣли людомъ, которому не было мяста подъ польскимъ правовымъ строемъ. Надъ обрывистымъ же берегомъ Днѣпра или на его островахъ были разбросаны небольшіе православные монастырки, скиты: въ скитахъ этихъ, а въ особенности на укромныхъ хуторахъ и мельницахъ по днѣпровскимъ притокамъ, гдѣ жили монастырскіе подданные, также былъ свободный пріютъ этому люду. Вотъ отсюда-то, изъ этихъ скитовъ, какъ бы освященная благословеніемъ церкви, и пошла по Украинѣ нагубная вѣсть.

Игумену монастыря, расположеннаго въ мотренинскомъ лѣсу, Мельхиседеку Значко-Яворскому приписываются большую роль въ появлениіи и распространеніи этой вѣсти. Вѣроятно, въ этомъ есть своя доля правды. Мельхиседекъ былъ человѣкъ образованный, предпріимчиваго характера, какъ правитель украинскихъ церквей, глубоко заинтересованный въ торжествѣ православія на Украинѣ, возбужденный столкновеніями съ темнымъ униатскимъ духовенствомъ, которое съ своей стороны предпринимало разныя наступательныя дѣйствія на „шизму“, отражая на себѣ толчки отъ высшей политики, взволнованной диссидентскимъ вопросомъ. Но могъ ли Мельхиседекъ благословлять толпу на рѣзню? поддѣлывалъ ли золотую грамоту, якобы манифестъ Екатерины, однимъ словомъ какой-то документъ, который былъ несомнѣнно въ рукахъ у вожаковъ восстанія? Повидимому, ничто подобное не могло имѣть мяста уже по одному тому, что Мельхиседекъ былъ въ то время, когда разыгривалась бурая, не въ своемъ монастырѣ, а въ Переяславлѣ. Яростная вспышка народнаго гнѣва о мести, известная подъ названіемъ колівщины, такъ поразила умы, что дала поводъ для множества всяческихъ вымысловъ, наряду съ массой и точно константируемыхъ фактовъ. Кто не писалъ о ней въ свое время? И темные монахи, и мящене, и официалисты, и даже женщины; пи-

сали не только прозой, но и стихами: нѣсколько томовъ составилось бы изъ этихъ разсказовъ современниковъ, обнародованныхъ и необнародованныхъ. Но тѣмъ не менѣе полнаго изслѣдованія этого событія, изслѣдованія, удовлетворяющаго требованіямъ исторической беспристрастности, до сихъ поръ нѣть.

Весь этотъ ужасный эпизодъ "разыгрался" съ необычной быстротой. Ничтожный гайдамацкій отрядъ, напавшій на Жаботинъ, по пути въ Смѣлу выросъ до 300 человѣкъ; по дорогѣ къ Лисянкѣ въ немъ насчитывали уже больше тысячи. Толпа росла, какъ катящаяся съ горы лавина, росла не только съ каждымъ днемъ, почти съ каждымъ часомъ. Подъ Уманемъ было уже двадцать тысячъ народу; а въ то же время мелкіе загоны разсыпались по Украинѣ, на сѣверъ до Кіевскаго Полѣсся, на югъ до Дашева, Кальника, Балты. Сопротивленіе оказывала только надворная пѣхота. Козацкія милиціи почти всѣ безъ исключенія покинули свои польскія знамена. Шляхта не проявила ни малѣйшей готовности къ отпору, никакой энергіи. То-ли, что лучшіе ея представители были въ войскахъ конфедерациі, то-ли, что вообще въ ея средѣ мужество шло на убыль, только она ничего не сумѣла сдѣлать лучшаго, какъ попрятаться за укрѣпленіями Умани или бѣжать вмѣстѣ съ евреями, сломя голову. На всемъ захваченномъ волненіемъ пространствѣ нашелся только одинъ шляхтичъ на Волыни, гродскій судья Дубровскій, который собралъ горсть охотниковъ и оказалъ съ ними противодѣйствіе бунту: онъ охранилъ Житомиръ, Бердичевъ и цѣлый Овручскій повѣтъ, а потомъ съ Полѣсся двинулся и въ степь; наряду съ нимъ дѣйствовали для усмиренія волненія не шляхтичи, а нѣсколько человѣкъ надворныхъ козаковъ, въ ихъ числѣ упомянутый выше сотникъ Шелестъ.

Нечего останавливаться на тяжелыхъ подробностяхъ Уманской рѣзни, которая воспроизводить собою ужаснѣйшіе изъ эпизодовъ хмельницини. Она была описана много разъ. Исторія возлагаетъ ответственность за всѣ эти потоки пролитой крови на головы Железняка и Гонты, справедливо ли это? Не имѣемъ-ли мы здѣсь дѣло просто съ однимъ изъ тѣхъ многочисленныхъ, извѣстныхъ исторіи, случаевъ колективнаго безу-

мія, когда человѣческія души моментально обхватываются неутолимой жаждой мукъ и крови? Рядомъ съ этими, далеко не ясными, фигурами яко-бы главныхъ вождей возстанія, стоять Швачка и Неживый, страшные, облитые кровью фантомы—въ польскихъ изображеніяхъ, мужественные и самоотверженные борцы и защитники угнетеннаго православнаго люда—по украинскимъ думамъ и преданіямъ, на самомъ дѣлѣ, конечно, лишь минутные герои своей увлеченной толпы.

Укрощеніе волненія опять таки вышло на долю русскихъ войскъ: извѣстно, какъ дѣйствовалъ подъ Уманью генераль Кречетниковъ. Ловчій коронный Браницкій, исполнявшій обязанности региментаря, стоялъ на Днѣстрѣ; его помощникъ, коронный обозный Стемпковскій, дѣлалъ видъ, что занять усмиреніемъ, но на самомъ дѣлѣ лишь таскался то съ отрядами Кречетникова, то Апраксина. И тотъ и другой представитель польской военной силы нашли болѣе удобнымъ все предоставить русскимъ, на себя же взяли болѣе легкое дѣло вершителей правосудія. Оба эти человѣка были настоящія дѣти своего времени, времени упадка, безнравственные эпикурейцы, для которыхъ въ жизни было только два дѣйствительныхъ побужденія, успѣхъ и чувственное наслажденіе. Они предпочитали, сидя спокойно на мѣстѣ, „гасить украинскій пламень въ хлоп-ской крови“...

Кречетниковъ прислалъ изъ-подъ Умани семьсотъ человѣкъ болѣе виновныхъ, и въ томъ числѣ Гонту, въ деревню Сербы, недалеко отъ Могилева. Браницкій отправился наблюдать за исполненіемъ казни надъ этими виновными. Они были сброшаны въ огромныя ямы: до сихъ поръ можно еще видѣть среди поля слѣды этихъ ямъ въ нѣсколько десятковъ сажень длины. Конная стража и полкъ пѣхоты стерегли эти ямы. Дальше шли длиннымъ рядомъ висѣлицы, единичныя для болѣе важныхъ преступниковъ, и общія для менѣе важныхъ. Посреди висѣлицъ былъ остроконечный, тонкій и высокій столбъ, паля, на которой долженъ былъ кончить свою жизнь Гонта. За висѣлицами подъ лѣсомъ бѣлѣлись шатры, гдѣ расположился панъ ловчій съ по-рядочной свитой войсковыхъ чиновъ. Здѣсь онъ задавалъ скром-

ные обѣды и вечеринки, на которые приглашалась шляхта изъ окрестностей. Все это ъло и очень много пило, слушая вопль несчастныхъ... Милое развлеченіе продолжалось двѣ недѣли.

Казалось-бы, какой еще надо мести? Но для шляхты этого было слишкомъ мало. Ея традиціонная ненависть, скрытый страхъ передъ дикимъ звѣремъ, страхъ, отъ которого она никогда не могла отдѣлаться,—все вырвалось теперь въ слѣпомъ порывѣ неутолимой мстительной злобы. „Всѣ сосѣди“, пишетъ тотъ-же Браницкій королю по этому поводу, „шляхта, жиды бѣгутъ ко мнѣ; одни совѣтуютъ четвертовать ихъ, другіе жечь, вбивать на колъ, вѣшать безъ милосердія... Возьми, распни!“ Только нѣсколько позже, когда чувства поостыли, выступила на сцену старая забота о живомъ реманентѣ.

На другомъ концѣ края, на сѣверѣ его, въ Житомирѣ заѣдалъ родъ экстренной судебнай комиссіи подъ предсѣдательствомъ упомянутаго выше Дубровскаго, который вмѣстѣ съ Браницкимъ и Стемпковскимъ имѣлъ дарованное отъ короля *jus gladii*, право меча. Дубровскій былъ человѣкъ отважной души, неумолимый судья для виновнаго хлоца, но все-таки судья: онъ отсыпалъ осужденныхъ въ Кодню, мѣстечко, лежащее въ трехъ миляхъ отъ Житомира, гдѣ ихъ принималъ для экзекуціи Стемпковскій, которому больше нравилась роль палача.

Но Стемпковскій не могъ ограничиться только исполненіемъ судебныхъ приговоровъ; онъ хотѣлъ и самостоятельно воспользоваться своимъ правомъ меча для пользы края и его благородныхъ „обывателей“. Какъ ангель-истребитель прошелъ онъ по Полѣсью. Путь свой онъ обозначалъ висѣлицами; хлопъ шелъ на висѣлицу по самому ничтожному подозрѣнію. У него не было рѣчи о судѣ, о томъ, чтобы разбирать степени виноградности: стоилъ-ли хлопъ, чтобъ утруждать себя такими мелочами? Всѣ его подначальные заняты были тѣмъ, что разыскивали подозрительныхъ людей по Полѣсью. Всякій, кто укрывался, былъ подозрителенъ, слѣдовательно, преступникъ, слѣдовательно, достоенъ смертной казни.

Такимъ образомъ, въ Коднѣ набралось нѣсколько тысячъ людей, частью присланныхъ изъ Житомира, т. е. осужденныхъ,

частью нахвачанныхъ безъ всякаго слѣдствія и суда. Никого изъ важныхъ преступниковъ, изъ козацкой старшины, изъ воожаковъ возстанія здѣсь не было; наоборотъ, было не мало старииковъ, дѣтей, даже женщинъ. Все это подъ рядъ шло подъ топоръ. Палачи смѣяли одинъ другого, щербились топоры на хлопскихъ шеяхъ, наблюдающіе за казнью теряли счетъ отрубленнымъ головамъ, а панъ обозный все сидѣлъ на удобномъ креслѣ надъ ямой, куда бросались отрубленныя головы, и курилъ свою трубку. Цѣлый курганъ высится теперь на томъ мѣстѣ, гдѣ падали эти несчастныя головы. Нѣсколько дней тянулась экзекуція. Сколько головъ пало тамъ? Противные лагери разно опредѣляютъ эту утрату: польскіе писатели принимаютъ ихъ въ 1000—2000, русскіе—въ 4000; первая цифра, повидимому, слишкомъ мала, другая слишкомъ велика. Шляхта сама пошла просить обознаго о пощадѣ, по крайней мѣрѣ такъ заявилъ Стемпковскій, да и не мудрено: эти казни происходили уже въ сентябрѣ, т. е. три мѣсяца спустя послѣ совершенного преступленія: можно было пооостыть и обдуматься. Вѣдь если въ самомъ дѣлѣ принести въ жертву Немезидѣ весь реманентъ, то сами гербовные, сотворенные для короны и сабли, должны будутъ ходить за плугомъ: перспектива печальная... И шляхта умоляла Стемпковскаго вложить въ ножны свой грозный мечъ правосудія. Стемпковскій пріостановилъ казни; но уцѣлѣвшихъ онъ все-таки приказалъ „значковать“ десятаго. Значковать не такъ, какъ значковали когда-то въ началѣ столѣтія,—нѣтъ: отрѣзали не ухо, а руку и ногу, при чемъ если шла на отрубленіе правая рука, то вмѣстѣ съ ней лѣвая нога, и обратно. Трудно поверить такой ужасной и безцѣльной жестокости, но все это несомнѣнныя факты, никѣмъ не оспариваемые. Долго Кодня и страшный Іосифъ, который рубилъ головы невиннымъ людямъ, какъ маковки, жили въ потрясенномъ воображеніи мѣстнаго народа. Уже заросли травой и могилы казненныхъ въ Коднѣ, одно поколѣніе вымерло, а другое и третье все еще повторяло, какъ проклятие недоброму человѣку, „колыбъ тебе не минула святая Кодня“! Надо замѣтить, что общественное мнѣніе Польши было противъ Стемпковскаго и его возмутитель-

ной жестокости. Чарторижские, Замойские, Любомирские, даже самъ Салезій Потоцкій, наиболѣе пострадавшій материально во время этихъ волненій,—всѣ высказывались съ громкимъ порицаніемъ. И король, вообще очень благосклонный къ коронному обозному, охладѣлъ къ нему на нѣкоторое время.

Результаты колівщины и ея усмирениія въ окончательномъ, хотя неточномъ, подсчетѣ даютъ такія приблизительныя цифры. Подверглось разоренію около 230 населенныхъ мѣстъ и погибло до 200 тысячъ человѣкъ, въ томъ числѣ шляхтичей и евреевъ вырѣзано шестьдесятъ тысячъ. Да кромѣ того, отъ чумы, которая страшно разыгралась тотчасъ же послѣ катастрофы, погибло приблизительно еще столько же народу.

Что сказать о „хлопскихъ бунтахъ“ 1789 г.? Мы знаемъ, что украинская шляхта снова была обхвачена тревогой; что въ одной Лабуни подъ крыломъ у коденского героя укрывалось четыре мѣсяца до 200 человѣкъ шляхты; что были учреждены военные суды и наставлены висѣлицы, однимъ словомъ, было все... кромѣ самихъ бунтовъ, повидимому. Вѣдь нельзя же считать за хлоискіе бунты убийство шляхтича Вылжиньского съ семьей, тѣмъ болѣе, что судебнѣмъ слѣдствіемъ было уяснено это убийство, какъ обыкновенный случай разбойническаго нападенія; или тѣ бумажные ножи громадныхъ размѣровъ, которые появлялись неизвѣстно откуда на вечеринкахъ у Стемпковскаго, при чемъ дамы падали въ обморокъ, а кавалеры усиленно угощались старымъ венгерскимъ; или, наконецъ, тѣ темные слухи о какихъ-то указахъ, когда-то, гдѣ-то, кѣмъ-то подхваченные... Все дѣло было явно дутое; самъ король смотрѣлъ на него, какъ на выдумку, какъ на интригу своихъ политическихъ враговъ, которымъ выгодно было смятеніе въ качествѣ нѣкоторой диверсіи. Но хлопы были все-таки виноваты тѣмъ, что пугаютъ пановъ, хотя и безъ своего вѣдома: вѣчное повтореніе въ лицахъ басни о волкѣ и ягненкѣ. А потому только и нашелся на всемъ пространствѣ Рѣчи - Посполитой одинъ шляхтичъ, Игнатій Потоцкій, который протестовалъ на сеймѣ противъ пешужныхъ висѣлицъ; да еще Костюшко, изъ своихъ

американскихъ принциповъ, громко высказывался противъ произвола устроенныхъ на этотъ случай военныхъ судовъ.

Украинскій народъ уже не могъ больше подниматься: Сѣчъ не существовала, и не было у него старой опоры въ степной вольнице.

Польша, а вмѣстѣ съ нею и Украина, преобразованная ею по своему образу и подобію, быстро приближалась къ завершенію послѣдняго цикла своихъ историческихъ судебъ. Правда, идея о необходимости основныхъ измѣненій въ государственномъ и общественномъ строѣ уже зародилась въ сознаніи лучшихъ людей польского общества; появилась на свѣтѣ и партія „реформы“, въ главѣ которой стояли Чарторижскіе. Но пагубныя историческія привычки и эгоизмъ, сословный и личный, стояли на стражѣ, всегда готовые выбросить столь привлекательное для шляхетской массы знамя „золотой вольности“ поперекъ дороги всякому серьезному реорганизаціонному стремленію. Много должно было пройти времени, чтобы подготовительный процессъ внутренней работы пересоздали настроенія. Можетъ быть, все это и совершилось бы; но история не хотѣла ждать.

Какъ Барская, такъ и Тарговицкая конфедерациія—эти двѣ ступеньки, черезъ которыхъ Польское государство валилось въ пропасть,—по какой то роковой ироніи судьбы обѣ возникали на почвѣ Украины, на ней разворачивали свои силы, питались ея соками. Казалось-бы, глубокое различіе отдѣляетъ эти два проявленія шляхетскаго автократизма: различны были мотивы возникновенія этихъ конфедераций, различны программы, различны цѣли. А въ томъ впечатлѣніи, какимъ отразились онѣ на душахъ современниковъ и потомства, это различіе вырастаетъ въ полярную противоположность. Дѣятели Барской конфедерациіи, эти поэтическіе „рыцари Марії“ съ ихъ ксендзомъ Маркомъ, героическая фигура котораго какъ-бы перенесена въ 18-ый вѣкъ изъ сѣдой средневѣковой древности, въ яркомъ и горячемъ свѣтѣ симпатіи являются великодушными патріотами, самоотверженными борцами за національное дѣло. Дѣятели

конфедерациі Тарговицкой выступаютъ, какъ мрачные злодѣи, измѣнники, обремененные проклятіями погубленной ими родины, преслѣдуемые этими проклятіями даже въ своихъ чадахъ. Но безпристрастный судъ исторіи долженъ дать иной приговоръ. Приговоръ этотъ предвосхищенъ въ нѣкоторомъ смыслѣ реги-
ментаремъ подольскимъ Тадеушомъ Дзѣдушицкимъ, который такъ высказывался одному изъ „барщанъ“: „Только на легальной
дорогѣ можетъ Рѣчь Посполитая достигнуть улучшенія, а вы
дѣйствуете нелегально; безправье васъ сгубить: все очарованіе
героизма спадетъ съ васъ, какъ внѣшняя оболочка, и вы пред-
станете передъ судомъ внуkovъ ничтожными эгоистами“! Правда,
между дѣятелями Барской конфедерациі были люди высокихъ
достоинствъ сердца и характера; но вѣдь и Щенснаго Потоцкаго,
вождя Тарговицкой, никто не упрекаетъ въ томъ,
что онъ руководствовался въ своихъ дѣйствіяхъ мотивами лич-
ныхъ выгодъ: въ иномъ положеніи и иномъ освѣщеніи онъ
могъ бы легко занять място въ пантеонѣ самоотверженныхъ
патріотовъ. Тотъ же духъ разложенія проникалъ собою дѣй-
ствія и Барской конфедерациі: каждый повѣтовый маршалекъ
былъ королькомъ своего повѣта, предводитель каждого отряда—
гетманомъ, а каждый повѣтъ представлялъ собою Рѣчь-Посполитую въ миніатюрѣ: сколько повѣтовъ, столько враждебныхъ
партий... Нѣтъ, не здѣсь лежаль путь къ спасенію. Молодежь,
воспитанная Барской конфедерацией, четверть вѣка спустя ока-
залась въ рядахъ Тарговицкой; не будь первой, не было бы,
вѣроятно, мяста и второй.

Результатомъ Барской конфедерациі былъ первый раздѣль
Польши; результатомъ Тарговицкой—второй раздѣль, то есть
присоединеніе Украины къ Россіи.

А. Ефименко.

СОВРЕМЕННАЯ МАЛОРОУССКАЯ ЭТНОГРАФІЯ¹⁾.

В. Н. Ястребовъ.

18 октября 1892 г. въ Елисаветградѣ былъ открытъ памятникъ на могилѣ похороненнаго тамъ извѣстнаго слависта В. И. Григоровича. На открытии присутствовали и говорили рѣчи профессоры Новороссійскаго университета А. И. Кирпичниковъ и ѡ. И. Успенскій. Высокая личность и дѣятельность покойнаго В. И. Григоровича, какъ широко образованнаго и талантливаго профессора, какъ ученаго ветерана-слависта, византиниста и южно-руссскаго этнографа и археолога, разносторонне одѣнены его собратьями по наукѣ и преемниками по университету. Тогда же преподаватель мѣстнаго реальнаго училища В. Н. Ястребовъ сказалъ рѣчъ „о значеніи памятника для мѣстнаго общества“. „Когда, по окончаніи курса въ одной отдаленной гимназіи, говорилъ г. Я., я пришелъ проститься къ учителю словесности и сказалъ ему, что йду въ одесскій университетъ, онъ, просіявъ лицомъ, сказалъ мнѣ: „тамъ Григоровичъ“! Когда потомъ я за тѣмъ же пришелъ къ учителю исторіи, онъ повторилъ: „тамъ Григоровичъ“!--Я замѣтилъ, что онъ завидовалъ мнѣ. Оба они были слушателями покойнаго въ Казанскомъ университѣтѣ. И вотъ я, духовный внукъ его, въ свою очередь имѣлъ счастье сдѣлаться его ученикомъ. Быстро пролетѣли короткіе четыре года. Я кончилъ курсъ въ университетѣ и пріѣхалъ учительствовать въ Елисаветградъ—и Викторъ Ивановичъ въ томъ же

¹⁾ См. „Кievsk. Стар.“ № 2. 1895 г.

году вышелъ въ отставку и поселился тоже въ Елисаветградѣ. И я былъ у него здѣсь на окраинѣ города, въ его маленькой, болѣе чѣмъ скромной квартирѣ, переполненной книгами, видѣть его совершенно, повидимому, здоровымъ, слушалъ его, по обыкновенію, оживленную бесѣду, а черезъ короткое время помогалъ нести гробъ его на мѣсто послѣдняго упокоенія...

Памятникъ знаменитому ученому открыть, освященъ и сдѣлался достояніемъ города; кладбище опустѣло; торжество наше близится къ концу; дороги гости скоро покинутъ насъ, и жизнь нашего города снова пойдетъ своимъ чередомъ... Позволю себѣ откровенно высказать опасеніе: не прійдуть ли кому либо изъ отѣзжающихъ гостей такія мысли: зачѣмъ Елисаветграду достался этотъ прекрасный памятникъ? не лучше ли было бы этому памятнику находиться въ какомъ-нибудь центрѣ? Для кого здѣсь будетъ онъ выполнять свое назначеніе и не будетъ ли онъ забыть и самъ, и забыть очень скоро?

Мнѣ пріятно думать, что открытый нынѣ памятникъ выполнить свое назначеніе и для нашей ближайшей округи, и я полагаю, что имѣю достаточныя основанія для такого ожиданія. Вотъ они.

Во вновь открытый Новороссійскій университетъ покойнаго привлекла, главнымъ образомъ, разноплеменность нашего края, въ связи съ географической и исторической близостью его къ Византіи и Славянамъ. Въ зависимости отъ общаго направленія его трудовъ, въ Одессѣ онъ началъ усердно заниматься мѣстной этнографіей и исторіей: ставилъ новые вопросы, открывалъ новые перспективы, объѣхалъ лично напрѣдъ югъ отъ Днѣпра до Азовскаго моря, осматривалъ церкви и архивы, прислушивался къ особенностямъ мѣстныхъ говоровъ, записывалъ названія уроціщъ,—рекомендовалъ и студентамъ темы по этнографіи для сочиненій. Самое переселеніе его въ нашъ городъ было дѣломъ обдуманнаго выбора. Не на покой пріѣхалъ къ намъ отставной профессоръ, а для новыхъ трудовъ. Сюда влекли его воспоминанія о Новой Сербіи, которая была колонизаціоннымъ ядромъ для Новороссійскаго края, сюда манила его перспектива знакомства съ вѣрными хранителями старины—

старообрядцами, владѣющими здѣсь драгоцѣннымъ лицевымъ евангелемъ и другими рукописными старопечатными книгами, Елисаветградъ представлялся ему городомъ, въ меньшей степени, нежели многие другіе города Новороссіи, поглощеннымъ меркантильными интересами. Вскорѣ по прїездѣ сюда онъ собирался предпринимать, если даже и не предпринималъ на дѣлѣ, поѣздки по селамъ, съ цѣлью личныхъ опросовъ мѣстныхъ жителей, и пастойчиво призывалъ къ тому же встрѣтившихъ его здѣсь учениковъ. Онъ дѣятельно искалъ помощника въ собираніи свѣжаго матеріала, какъ будто хотѣлъ начать жизнь сначала. Древній мудрецъ, Викторъ Ивановичъ, всегда носилъ въ себѣ искру Божію и тоже искалъ,—искалъ коренного новороссійского туземца, хранителя старины и производителя въ великомъ дѣлѣ народнаго самосознанія,—искалъ—и не одинъ разъ находилъ такихъ туземцевъ. Какою свѣтлою радостію блестѣли его глаза, когда говорилъ онъ намъ о трудахъ одного мѣстнаго священника по географіи и исторіи края, трудѣ, изобилующемъ фактическими свѣдѣніями, старательно и съ любовью собранными!

Съ тѣхъ поръ прошло всего 16 лѣтъ, но и въ этотъ незначительный промежутокъ времени мы можемъ насчитать цѣлый рядъ такихъ скромныхъ, но полезныхъ трудовъ мѣстныхъ дѣятелей и убѣдиться, что пытливость къ родной станицѣ и къ современному быту растетъ въ мѣстномъ населеніи, хотя и тихо, но неизмѣнно. Правда, въ большихъ городахъ, научныхъ центрахъ, работниковъ науки больше, чѣмъ въ нашей глухи, но тамъ есть для нихъ руководство и совѣтъ живыхъ людей, тамъ есть университеты, ученыя общества. У насъ ничего этого неѣтъ. Такъ не жалѣйте же, что, въ замѣнѣ всего этого, у насъ останется одна дорогая могила!

Не забудетъ ея, прійдетъ къ этой могилѣ туземецъ, обнажитъ голову и помолится объ упокоеніи души покойнаго. У подножія этого памятника почерпнетъ онъуваженіе къ знанію, интересъ къ окружающему населенію и къ его проплому и, какъ тяглый работникъ, по выраженію покойнаго, примкнетъ

къ общей дружной работѣ на пользу народнаго самосознанія”¹⁾.

Рѣчь В. Н. Ястребова мы привели почти цѣликомъ, для обрисовки нравственныхъ и научныхъ симпатій самого г. Ястребова. Въ теченіе многихъ лѣтъ г. Ястребовъ въ скромномъ положеніи преподавателя въ Елисаветградскомъ реальному училищѣ продолжаетъ дѣло Григоровича. Онъ работаетъ для науки, для народнаго самосознанія и просвѣщенія, и въ итогѣ получается такая сумма дѣятельности, что мы имѣемъ полное основаніе считать г. Ястребова не только „тяглымъ работникомъ“, но „собратомъ по наукѣ“. По разнообразію и достоинству научныхъ трудовъ г. Ястребовъ является прямымъ продолжателемъ своего достойнаго учителя-профессора. Г. Ястребовъ поддерживаетъ живыя связи съ наиболѣе дѣятельными учеными обществами, работаетъ далѣе, какъ практикъ педагогъ, не забывая простого народа, для духовныхъ потребностей котораго г. Ястребовъ составилъ недавно популярную книжку о дѣтствѣ Петра Великаго.

Почтенная научная дѣятельность В. Н. Ястребова служитъ живымъ опроверженіемъ мнѣнія о невозможности работать въ провинціи. Работать можно, хотя, разумѣется, провинциальному ученому приходится затрачивать на научныя изслѣдованія болѣе энергіи, болѣе труда, при недостаткѣ пособій, и потому такая дѣятельность заслуживаетъ особеннаго общественнаго одобренія и признанія. Научное достоинство трудовъ г. Ястребова въ достаточной мѣрѣ опредѣляется уже тѣмъ, что археологическая его изслѣдованія изданы петербургскимъ и московскимъ археологическими обществами, а этнографической—историко-филологическимъ обществомъ при Новороссийскомъ университѣтѣ. Наиболѣе крупныя изслѣдованія г. Ястребова посвящены археологии; здѣсь мы не будемъ на нихъ останавливаться. Отмѣтимъ только обширное изслѣдованіе о *Лядинскомъ и Томниковскомъ могильникахъ* тамбовской губ., изданное петербургской археологической комиссіей въ 1893 г. съ 15 таб-

¹⁾ Оттискъ изъ III-го тома „Лѣтоаписи Историко-Филологического Общества при Императорскомъ Новороссийскомъ Университетѣ“.

лицами рисунковъ и съ 51 политипажемъ въ текстѣ, и весьма цѣнныи „Опытъ топографическою обозрѣнія древностей Херсонской губерніи, нап. въ XVII т. „Записокъ Одесского Общества Исторіи и Древностей“ 1894 г. Нельзя не пожелать, чтобы и въ другихъ „губерніяхъ“ оказались такие „Опыты“. Трудъ г. Ястребова можетъ служить образцомъ и руководствомъ. Книга составлена отчасти по матеїаламъ, бывшимъ уже въ печати, большей частью, по свѣже-собраннымъ матеріаламъ, доставленнымъ 56 корреспондентами изъ сельской интеллигенціи. Кроме того, авторъ собралъ много новыхъ свѣдѣній путемъ личнаго опроса мѣстныхъ жителей. Собранныя такимъ путемъ свѣдѣнія г. Ястребова расположилъ въ такомъ ясномъ и систематическомъ порядке: 1) находка оружія и орудій, 2) находки монетъ, 3) менгиры, изображенія и надписи на камняхъ, каменные бабы, 4) находки древностей разнаго рода, 5) мастерскія и копи, 6) находки костей и могиль, 7) пещеры и подземные ходы, 8) дольмены, 9) земляные валы, 10) городища и селища и 11) курганы. Детальное распределеніе матеріала идетъ по уѣздамъ и селамъ въ алфавитномъ порядке. Вообще книга эта имѣеть значеніе настольной справочной книги при изученіи южно-русской археологіи, въ особенности археологіи херсонского края.

Небольшія статьи по археологіи напечатаны въ „Кiev. Стар.“ (большей частью рецензіи) и въ Археол. Изв. и Зам. Особенno интересна статья о Херсонесѣ Таврическомъ въ Kiev. Стар. 1883 г. № 5 и ст. „Попѣдка на остроу Каменоостровскомъ“ (на Днѣпрѣ) въ Археол. Изв. и Зам. 1894 № 5.

Этнографический матеріалъ собранъ г. Ястребовымъ въ двухъ сѣверныхъ уѣздахъ херсонской губерніи въ теченіе десяти лѣтъ. Херсонская губернія, какъ видно изъ изданныхъ описаній ея уѣздовъ, отдельныхъ селеній (Балай одесского уѣзда, Дмитровка Александровскаго) и волостей (Евтеньевская, Щербаповская волости) отличается разнообразіемъ этнографического состава населенія, большинство котораго составляютъ малоруссы; здѣсь рядомъ съ послѣдними живутъ и белоруссы, и великоруссы, и молдаване, и нѣмцы, и поляки, и евреи, и греки, и болгаре.

Переселившись изъ разныхъ концовъ Россіи и Европы (напри-
мѣръ—изъ плензенской, харьковской, кіевской и могилевской
губерніи, изъ Виртемберга, Пруссіи, острова Даго, изъ Турціи,
Македоніи, Румыніи и т. п.), въ теченіе послѣдняго столѣтія
они сжились одни съ другими и вошли въ болѣе или менѣе
близкія отношенія, смотря по большей или меньшей обществен-
ности народного характера. Одни изъ народовъ обнаруживаютъ
склонность къ обмалоруссиванію (наapr. молдаване, болгары,
отчасти поляки изъ Галичины и Юго-западнаго края), другіе
(какъ нѣмцы, евреи) удерживаютъ извѣстныя черты своей на-
ціональности; но все уже почти умѣютъ говорить по малорусски, и языкъ малорусскій сталъ для нихъ какъ бы между-
народнымъ, въ родѣ того, какъ на Кавказѣ такимъ языкомъ
для сношеній между собой разныхъ народностей сталъ языкъ
татарскій. Смѣшанный характеръ населенія отразился въ языкѣ
и содержаніи малорусскихъ пѣсенъ и сказокъ въ смыслѣ при-
внесенія новыхъ элементовъ и порчи старыхъ.

Въ 1893 г. вышла весьма интересная статья г. Ястребова
„Малорусскія прозвища Херсонской губерніи“. Тема эта едва
была ранѣе затронута въ печати. Матеріалъ приходится соби-
рать по крохамъ. Г. Ястребовъ въ елисаветградскомъ и александрійскомъ уѣздѣ собралъ до 400 прозвищъ съ объясненіями
и расположилъ ихъ по внутренней связи ихъ съ разными про-
явленіями крестьянской жизни, личной и общественной. Въ
статьѣ разобрано много любопытныхъ замѣтокъ о значеніи про-
звищъ для изученія языка, о томъ, когда, кѣмъ, при какихъ об-
стоятельствахъ они даются, объ отраженіи въ прозвищахъ пред-
ставленій о физическихъ и духовныхъ свойствахъ, народныхъ по-
рокахъ, религіозно-нравственныхъ понятіяхъ, о переходѣ личныхъ
прозвищъ въ топографическія названія, о превращеніи про-
звищъ въ поговорки, пословицы, дѣтскія пѣсенки и пѣсенные
перебранки. Въ статьѣ 17 страницъ, но при мелочности отдѣль-
ныхъ фактовъ статья въ 17 стр. представляется большой и
содержательной.

Вышедшіе въ 1894 г. „Матеріалы по этнографіи Ново-
российскаго края“ состоятъ изъ 2 частей: въ 1-ю вошли „суе-

вѣрія и обряды“, во 2-ю „легенды, сказки и рассказы“. Въ совокупности это книжка въ 202 стр. довольно разнообразнаго содержанія. Ориентироваться въ книгѣ при справкахъ довольно легко, благодаря приложенному въ концѣ предметному указателю. Матеріалъ распределенъ въ такомъ порядкѣ: представлениія о виѣшнемъ мірѣ (сюда вошелъ и народный календарь); представлениія о человѣкѣ (народная медицина, демонологія, свадьба и пр.), легенды, сказки и топографическая названія съ мѣстными объясненіями. Кое-гдѣ, преимущественно въ сказкахъ, сдѣланы ссылки на другіе сборники малорусскихъ сказокъ. Вообще, въ сборникѣ видна редакторская рука, заботливость о распорядкѣ и системѣ, внимательное отношеніе къ интересамъ науки и читателя. „Изъ того сырья (говорить г. Ястребовъ въ краткомъ предисловіи), которое накопилось у насъ за десять лѣтъ, мы предлагаемъ здѣсь только то, для чего или вовсе не нашли прямыхъ аналогій въ печатныхъ сборникахъ, или нашли варианты, различающиеся въ подробностяхъ. Отъ такой осторожности сборникъ лишь выигралъ. Затѣмъ, по части языка записей, г. Ястребовъ высказываетъ мнѣніе, на мой взглядъ весьма основательное, которое и я высказалъ немного раньше въ печати (въ рецензіи на Бѣлор. Сборникъ Романова), что „записи, ставящія себѣ цѣлью изученіе діалектовъ, должны быть производимы особо отъ этнографическихъ въ собственномъ смыслѣ, спеціально къ тому подготовленными и особенно въ этомъ заинтересованными лицами“. Какъ трудно записывать образцы діалектовъ съ спеціально филологическими цѣлями и какъ мало тутъ значитъ количество записей передъ качествомъ ихъ, можно наглядно убѣдиться на записяхъ спеціалистовъ филологовъ *M. E. Халанскало* и *A. B. Ветухова* въ „Рус. Фил. Вѣстникѣ“ и г. *Будде* въ XXI кн. „Этногр. Обозрѣнія“.

Остановимся подробнѣе на нѣкоторыхъ частностяхъ:

На стр. 9 находится нѣсколько сообщеній объ антидемоническомъ значеніи мартовскаго щенка, что подтверждаетъ предположеніе, что и название такой собаки „Ярчукъ“ должно быть произошло изъ „марчукъ“. О ярчухахъ кое-что уже было въ сборникахъ Аѳананасьева, Чубинскаго, Садовникова, Иванова. Спе-

діальное изслѣдованіе о противодемоническомъ значеніи собаки принадлежитъ проф. В. О. Миллеру (преимущественно объ иранскихъ повѣрьяхъ); кое-что любопытное въ этомъ отношеніи было въ *Revue d. trad. populaires* 1890 г.

На стр. 11 попала *нисенитныця*, „отчего зайцы құцы“, которой умѣстнѣе быть въ концѣ книги, на стр. 178—180, въ ряду съ двумя другими нисенитныцями. Объ этомъ своеобразномъ видѣ народной словесности мы вкратцѣ упоминали въ ст. о Д. И. Эварницкомъ въ 1 ч. „Современ. Малор. Этн.“. Нисенитныця или небылица—панизываніе глупостей встрѣчается въ словесности славянскихъ, романскихъ и германскихъ народовъ, причемъ даже въ этой области обнаруживаются любопытныя черты совпаденія и сходства.

На стр. 19 находится любопытный разсказъ о выборѣ птицами царя, о полетѣ маленькой птички выше большой (сидѣла на спинѣ большой), что частями напоминаетъ малорусскую сказку про кукушку у Чубин. I, 763 и монгольскую сказку про то, какъ журавль несъ на спинѣ маленькую птичку богоргоно, у Потанина въ Очеркѣ сѣв.-зап. Монг. IV 629.

Сказаніе о положѣ на стр. 19 можно пополнить тѣмъ, что ранѣе сообщено о положахъ у *Манжурьи*, *Новицкаю* и г. *Каллаша* (упом. въ 1 ч. Соврем. малор. этнogr.).

Небезынтересны краткія сообщенія о писанкахъ на стр. 28—29, какъ дополненіе къ моей ст. о писанкахъ въ Кіев. Стар. Болгарскія названія писанокъ на стр. 29, повидимому, заимствованы у малоруссовъ.

Въ сборникъ вошло иѣсколько любопытныхъ заговоровъ; но они слишкомъ разбросаны (стр. 11, 14, 45 и др.).

Г. Ястребовъ обратилъ вниманіе на иѣкоторыя подробности народнаго быта, ранѣе упомянутія изъ виду, напр., на проклятія и брань (стр. 41), освященіе колодцевъ (63), дѣтскія игрушки (88), дѣтскія шутки-шалости (89), народныя карточныя игры (106).

Сказанія объ одноглазыхъ людоѣдахъ песиголовцахъ на стр. 80—83 болѣе относятся ко второму отдѣлу, чѣмъ къ первому. Здѣсь довольно близко воспроизводятся сказки о Лихѣ одногла-

зомъ, известная по болѣе раннимъ сборникамъ, причемъ обнаруживается большое сходство съ гомеровскимъ сказаниемъ о Полифемѣ.

Всѣхъ сказокъ, легендъ и анекдотовъ 41; содержаніе большей частью известное; по формѣ варианты слабые и малозначительные, съ краткими и невыдержаными мотивами. На новороссийской почвѣ сказки, повидимому, упрощаются и сокращаются. Легенды о дружбѣ бога съ чортомъ, о женскомъ господствѣ и др. (№№ 1—5) изъ общезвестныхъ о сотвореніи мира Богомъ и сатаной, о томъ, какъ злая жена побила апостола на ночлегъ. Малорусские варианты указаны самимъ издателемъ.

Сказка про баранчика (№ 6) и про царильника (№ 22) представляютъ краткіе пересказы широко распространенной сказки, малор. варианты которой указаны г. Ястребовымъ, а болѣе полные западно-европейскіе въ большомъ числѣ собраны у *Cosquin*, *Contes popul. de Lorraine* §§ 4, 39, 42, 56, 59, 71 и въ сборнике франц. легендъ *Miguel* см. по указателю въ концѣ III т. подъ сл. *baguette*. Добавимъ здѣсь еще белорусскую у *Добровольского* I 693 и польскую въ сборникахъ *Хэльховского* №№ 24, 38 и *Цишевского* 168.

Сказка о чортахъ (№ 10) представляетъ вариантъ любопытнаго цикла сказокъ о мученіи хлѣба, съ замѣной хлѣба прядивомъ. Мнѣ известны сходные сказки белорусская (въ Бѣлор. сб. Романова) и румынская (въ сб. Кремнитцъ).

Сказка „Зализный вовкъ“ (№ 13), повѣствующая о помощи, оказанной герою чудесными собаками Чутко и Важко, хорошо известна и западно-европейскимъ народамъ, какъ видно изъ сборника *Коскена*.

Въ сказкѣ подъ № 15 „про змія“ воспроизводится широко-распространенный мотивъ о запрещенной комнатѣ, о чёмъ см. подробности у *Cosquin* № 38.

Сказка про двоихъ бративъ (№ 27) говорить о переносѣ трупа, чрезвычайно популярная тема, о чёмъ подробно у *Cosquin* подъ № 80 и кромѣ того у *Афанасьева* Рус. нар. сказки IV 502, *Bedier Les fabliaux* (*Le cristain du Cluny*), *Kolberg Pokucie* IV 252, *Zbiór wiadomości* VIII 301.

Сказка подъ № 33 про лихую жипку—отзвукъ западнаго фабльо о притворномъ мертвѣцѣ, о чёмъ подробно мы говорили въ Кіев. Стар. 1894 г.

Сказка подъ № 34 („Дѣдъ и баба“) относится въ весьма популярной темѣ о бабахъ до неба и мѣнѣ съ пониженіемъ предметовъ; обширная литература отчасти указана намъ въ академич. рецензіи на Бѣлор. сб. Романова.

Аnekdotъ о литвинѣ, которому медвѣдь откусилъ голову (подъ № 41), встрѣчается въ Бѣлоруссіи (во 2 т. Матеріаловъ II. В. Шеина) и у болгаръ (въ VIII т. Сборника Шапкарева).

Въ сборнике г. Ястребова встречается нѣсколько оригинальныхъ сказокъ и анекдотовъ, повидимому, впервые записанныхъ изъ народныхъ устъ; такова юмористическая сказка про Чепурыся (№ 26), или о томъ, какъ глупый мужикъ отдалъ своего бычка дѣячку въ обученіе и потомъ повѣрилъ, что его бычекъ сдѣлался человѣкомъ и сталъ губернаторомъ, затѣмъ анекдотъ про лѣнивыхъ мужа и жену (№ 30), и двѣ или три другихъ малозначительныхъ. Вообще, сборникъ г. Я., на ряду съ другими сборниками, свидѣтельствуетъ, что народъ живетъ традиціонными запасами народнаго творчества, почти ничего не прибавляя къ nimъ.

Изъ небольшихъ этнографическихъ замѣтокъ г. Ястребова, разбросанныхъ въ Кіевской Старинѣ, отмѣтимъ здѣсь, какъ наиболѣе интересныя, пѣсню о сербѣ въ „Кіев. Стар.“ 1884, XII (сербъ обрисованъ щеголемъ и бездомнымъ кутилой), гайдамацкую пѣсню о лѣсѣ Чутѣ въ „Кіев. Стар.“ 1885 XII, варіанты сказки о невѣрной женѣ въ „Кіев. Стар.“ 1884 IV, и пародыя пѣсни Херсонскаго края въ „Кіев. Стар.“ 1894 III (колыбельныя и свадебныя), святочныя пѣсни ib. 1894 II.

Въ небольшой замѣткѣ г. Вейсенберга о малорусскихъ писанкахъ, напечатанной въ Zeitschrift fr Ethnologie 1894 V стр. 340, находится интересное сообщеніе, что В. Н. Ястребовъ собралъ большую коллекцію писанокъ и готовить о нихъ специальное изслѣдованіе.

С. А. Чернявская.

Въ то время, какъ этнографические труды г. Ястребова знакомятъ насъ съ сѣверной частью херсонщины, Софья Андреевна Чернявская даетъ любопытный материалъ для ознакомленія съ крайнимъ югомъ херсонской губерніи, съ бытомъ, повѣрьями и пѣснями малоруссовъ села Бѣлозерки херсонскаго уѣзда. Сборникъ г-жи Чернявской, объемомъ около 3 печ. листовъ, изданъ въ 1893 г. въ V т. Сборника харьковскаго историко-филологического общества. Материалъ собранъ въ 1888 – 1889 годахъ, по этнографической программѣ Русского Географического Общества, и, согласно съ этой программой, распадается на календарь народный и сборникъ пѣсенъ; въ началѣ сборника находится краткое описание села.

Дневникъ мало интересенъ, такъ какъ эта сторона весьма подробно ранѣе была представлена у Чубинскаго, Терещенка и Калинскаго. Въ дневникѣ вошла популярная легенда о воскресшемъ пѣтухѣ (обширнѣйшая литература приведена у Child, The english and scot. ballads въ 1 т. подъ № 23) и повѣрья о вѣдьмахъ.

Гораздо болѣе интересны пѣсни, снабженныя со стороны редакціи библіографическими ссылками на сборники Максимовича, Антоновича и Лысенка. Сюда вошли 112 пѣсень свадебныхъ въ порядкѣ весильного ритуала, краткія, большей частью уже известныя по сборникамъ Чубинскаго, г-жи Марковой въ альманахѣ „Степь“, Николайчика въ „Кiev. Старинѣ“, Головацкаго и др. Далѣе слѣдуютъ 9 сухихъ колядокъ школьного происхожденія, 7 щедривокъ, 3 веснянки, 1 обжинковая, десять историческихъ (про Савву Чалаго, про Нечая, о паденьѣ Запорожья, о Джемберѣ, о Платонѣ, т. е. Платовѣ). Мѣстами въ историческихъ пѣсняхъ попадаются любопытныя мелочи, напр.: въ думѣ про Нечая сказочный мотивъ о полетѣ Нечая выше дерева, взятый изъ сказокъ о вѣдьмахъ. Далѣе идутъ 82 пѣсни рекрутскія, солдатскія, чумацкія и семейно-родственныя, при чемъ нѣкоторыя очень слабыя и искаженыя. Отмѣтимъ балладную пѣсню на стр. 150 „И по той бикъ гора“ въ двухъ вари-

антахъ обѣ уводѣ дѣвицы. Редакція (А. А. Русовъ) указала на варіантъ у *Чубинскаго* и *Кошичинскаго*. Встрѣчается эта пѣсня въ *Pokusie Kolibera II* 84, *Купчанки* (подъ редакц. Лоначевскаго) стр. 407 № 61, „*Kievsk. Стар.*“ 1892 VI 407, *Омельченка* подъ № 1, *Головацкаго I* 130, *Zbior Wiadomosci VIII*. Всѣ эти варіанты идутъ отъ польскихъ пѣсенъ, а послѣднія отъ западноевропейскихъ, которая подробнѣ упомянуты въ *The english ballads Child'a*.

Если не считать небольшого сборника пѣсень г-жи Марковой въ „Степи“, то сборникъ г-жи Чернявской представляется первымъ крупнымъ женскимъ вкладомъ въ этнографію; по полнотѣ и содержательности сборникъ г-жи Ч. уступаетъ лишь сборникамъ г-жи Мошинской на польскомъ языкѣ. Нѣсколько странно, что русская женщина, столь блестяще заявившая о себѣ на трудныхъ поприщахъ филантропіи, медицины и педагогіи,сторонилась до сихъ поръ отъ этнографіи, т. е. такой области знаній, где женскій трудъ можетъ быть въ особенности замѣтенъ. Женщина можетъ ближе подойти къ народу, чѣмъ мужчина, въ особенности къ крестьянкамъ—этой главной хранительницѣ традицій пѣсень и обрядовъ. Въ польской этнографіи женскіе труды занимаютъ очень видное мѣсто, и въ частности собирались малорусскихъ пѣсень занимались г-жи Мошинская, Томашевская, Рокасовская, Малиновская. Остается только пожелать, чтобы примѣръ г-жъ Марковой и Чернявской въ дѣлѣ собиранія памятниковъ народнаго словеснаго творчества не остался безъ подражанія.

М. Ф. Комаровъ.

А. Н. Пыпинъ въ III т. Ист. рус. этн. (стр. 411) замѣчаетъ: „упомянемъ еще о трудахъ М. Комарова, который въ альманахѣ М. Старицкаго „Рада“ (Кievъ 1889) помѣстилъ весьма полезный „Показчикъ“ т. е. указатель новой украинской литературы, участвовалъ своими трудами въ „Кiev. Стар.“ и издалъ новое собраніе малорусскихъ пословицъ, загадокъ и заговоровъ: „Нова збирка etc.“ (Одесса 1891), гдѣ въ послѣ-

слові читатель найдеть подробный указатель литературы предмета, начиная съ 1829¹. Къ этому добавимъ слѣдующее:

Михаилъ Феодоровичъ Комаровъ родился въ м. Дмитровкѣ павлоградскаго уѣзда екатериносл. губ., воспитывался въ екатеринославской гимназіи, потомъ въ харьковскомъ университѣтѣ, гдѣ окончилъ курсъ по юридическому факультету въ 1867 г., служилъ при острогожскомъ окружномъ судѣ, потомъ былъ присяжнымъ повѣреннымъ въ Острогожскѣ и затѣмъ въ Кіевѣ, съ 1883 г. нотаріусомъ въ Умани и въ послѣднее время состоитъ нотаріусомъ въ Одессѣ. Въ 60-хъ годахъ во время студенчества, г. Комаровъ былъ учителемъ сельской школы въ с. Гавриловкѣ изюмскаго у. харьк. губ., и здѣсь началъ собирать произведенія устнаго народнаго творчества, что продолжаль въ Німецинѣ ново-москов. уѣзда екатериносл. губ. Изъ этого собранія два варианта думы про Савву Чалаго (съ замѣткой) напечатаны въ № 22 Екатериносл. Губ. Вѣдом. 1865 г. Сборникъ пѣсенъ былъ переданъ въ распоряженіе Юго-Зап. Отдѣла Геор. Общ.; но вскорѣ отдѣлъ былъ закрытъ, и сборникъ г. К. въ числѣ другихъ матеріаловъ исчезъ безследно¹). Часть матеріаловъ, сохранившихся у г. К., издана въ 1891 г. въ „Новой Збиркѣ“. Сохранились значительные матеріалы для русско-украинскаго словаря, которые въ полѣднее время и печатаются по частямъ въ видѣ приложения къ галицкой „Зорѣ“ подъ заглавиемъ „Россійско-украинскій словарь, зибрали и впорядкували М. Уманецъ и О. Спилка“. Небольшія статьи г. К. въ Кіев. Стар. (см. по указателю 1893 г.) относятся къ исторіи литературы. Были мелкія статьи въ період. изданіяхъ „Дило“, „Зоря“ и „Правда“. Г. К. напечаталъ нѣсколько хорошихъ книгъ для народнаго чтенія („Розмова про небо та землю“, „Розмова про земни силы“, изд. въ Кіевѣ 1874—1875 г.). Рецензію г. Степовича на „Нову Збирку“ см. въ „Кіев. Стар.“ 1890 № 11. Н. Ф. Сумцовъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

¹) Недурно было бы разъяснить эту „безследную“ пропажу этнографическихъ матеріаловъ. Прим. Н. С.

Дѣтскій Эдемъ до вкушенія плода отъ древа познанія добра и зла¹⁾.

(изъ дѣтскаго мира деревенскаго мальчика).

Въ тѣ времена, недалекія отъ насъ по лѣтамъ, но отдаленнѣйшія по первобытному строю удобствъ жизни,—въ тѣ времена у крестьянъ свѣчей не было. Свѣчи были только у пановъ, и то сальныя, а о керосинѣ въ ту пору еще и не снилось сельскому люду, какъ не приснится нынѣшнему крестьянину скалка - лучина или „каганецъ“. Тогда мы кололи изъ березового, высущенного на печкѣ полѣна „скалки“—лучину, зажигали её, вставивъ предварительно вмѣсто подсвѣчника въ дырки, проткнутыя пальцемъ въ глиняномъ комкѣ, называемомъ „бабкою“, и такъ освѣщали комнату, ежеминутно зажигая новую скалку. А Рождественскими праздниками, если только къ празднику отецъ кололъ кабана, мы свѣтили „каганцемъ“—плошкою, налитою свинымъ саломъ. Сѣрыя спички въ ту пору еще не были въ употребленіи у крестьянъ. Огонь добывали „кресаломъ“, огнивомъ. „Кресало“ состояло изъ стальной четырехгранной пластинки, толщиною въ $\frac{1}{4}$ дюйма, длиною около $3\frac{1}{2}$ дюймовъ, изъ тонкаго острограннаго кусочка кремня и изъ трута, который приготовлялся изъ особой породы грибовъ, называемыхъ губками, растущихъ, на стволахъ старыхъ фруктовыхъ деревьевъ. Эти губки толклись обухомъ топора, долго вываривались въ кипячей водѣ, въ которой предварительно вымывалась овечья шерсть отъ сѣры, затѣмъ сушились и дѣлались такимъ обра-

¹⁾ См. „Кiev. Стар.“ № 3 1895 г.

зомъ чрезвычайно легкими, мягкими и легко воспламеняемыми. Вытопивши варистую печь, хозяйка никогда не оставляла въ ней пепель съ огнемъ, чтобы огонь не угасъ, а выгортаивала изъ печи горяцій пепелъ въ „кубашку“—печурку, находившуюся при устьѣ каждой варистой печи, плотно сбивала пепель, нарочно для того, чтобы не угасалъ огонь въ теченіе сутокъ, дабы имѣть готовый огонь подъ рукою во всякую пору дня и ночи и на всякую потребу. Бѣда хозяйствѣ, если огонь въ ея „кубашкѣ“ погасъ, а „кресало“ взялъ хозяинъ съ собою въ поле. Тогда она, скрѣпя сердце, шла къ сосѣдкѣ „позычать“ огня. Благо ей, если у сосѣдки не отелилась корова, не окотылась овечка ягненкомъ, не лупятся цыплята подъ насѣдкою; тогда она получала отъ сосѣдки ложку тлѣющаго пепла, прятала пепель въ паклю коноплянную, а паклю въ „крутины“ (скрученный жмутъ) соломы и несла черезъ улицу къ себѣ въ домъ. Но если у сосѣдки на ту пору вылупливаются изъ яицъ цыплята, то она вмѣсто огня получить еще выговоръ:

— „А хиба жъ вы не знаете, что у мене курка на яйцахъ сыдыть и курчата уже лупляться? Аже позапикаются яйца пидъ куркою, якъ тилько я позычу вамъ огню, и прыйдется по-выкидать яйца собакамъ“.

Пошла съ досадою хозяйка въ другую хату до кумы по-зычать огня.

— „Съ дорогои души, кумю, далабъ огню, та Богъ мени давъ, що отелилась корова и окотылась овечка, то боюсь, що теля и ягня не будуть до дому ходыты съ череды“, якъ тилько я дамъ вамъ огню.

Но несчастнѣе всѣхъ та хозяйка, у которой въ домѣ нестанетъ огня въ великие праздники Рождества Христова, Новаго года и Велыкодня. Въ томъ домѣ непремѣнно будетъ „мрецъ“. Да кромѣ этого горя, еще такая хозяйка и не достанетъ огня ни у кого изъ сосѣдей и прослыветъ навсегда вѣдьмою въ мнѣнїи своихъ селянъ, потому что только „однѣ вѣдьмы позычаютъ огонь на Велыкъ-день, на Риздво и на Новый-рикъ“. Да и вообще небезопасно одолжать какія бы то ни было вещи другому человѣку. Иной злой человѣкъ „зъ мухами въ носи“

(знахарь), если захочетъ, чтобы его сосѣдъ „звився хозяйствомъ“, т. е. разорился, обнищалъ, то нарочно на „молодыку“ приходитъ къ нему позычать, кажется пустую вещь, но еслисосѣдъ одолжитъ ему ту вещь, то у него все добро его за тою вещью мимо его „прахомъ пиде“, „росповзется“. Равно и сѣмена огородныхъ растеній хорошая хозяйка ни за что „не позычить“ никому, пока сама не обсѣть и не засадить огородъ, а иначе у нея самой „зведется“ то растеніе съ огорода. Кстати замѣчу при этомъ, что до освобожденія крестьянъ отъ крѣпостной зависимости, когда хлѣба было вволю, но копѣйку добыть трудно было, когда ремесла были въ зачаточномъ состояніи и торговля скорѣѣ была мѣновая, чѣмъ при посредствѣ денежныхъ знаковъ и производилась только периодически—въ ярмарки, бывавшія черезъ двѣ недѣли,—тогда народъ болѣе, чѣмъ теперь, нуждался въ самыхъ необходимыхъ потребностяхъ и волей-неволей дѣлился всѣмъ, что у него было, съ своими сосѣдями, такъ какъ у каждого изъ нихъ не все было то, что имѣлъ сосѣдъ. Горшокъ-ли разбился, сито, или рѣшето порвалось, буравъ или долото поломалось, сапоги порвались или что иное, каждый день необходимое, все это можно было купить только въ ярмаркѣ и то чрезъ 2 недѣли, а та вещь сейчасъ вужна; поневолѣ приходилось идти къ сосѣду и просить; равнымъ образомъ не приходилось отказывать и тому сосѣду, если онъ взаимно у него что либо проситъ. Необходимость такой взаимопомощи свидѣтельствуется даже существованіемъ спеціальной поговорки: „Кывъ кывъ ручка, паньска сучка, кто дасть, то пання, а кто не дасть, то свынѧ“. Дѣлились даже одеждою и обувью, въ особенности дѣтскою. Нерѣдко бывало, что въ однихъ и тѣхъ же дѣтскихъ сапожкахъ всѣ дѣти одной улицы ходили въ церковь исповѣдываться, поочередно одолжая у счастливца, обладателя сапожковъ. Нерѣдко бывало, что даже хозяинъ-бѣднякъ въ чужой „позычаной“ свиткѣ ходилъ въ церковь отговѣться. Дѣлились, или правильнѣе одолжали, сосѣдки одна у другой почти еженедѣльно и печеньи хлѣбъ, но это уже вызывалось не недостаткомъ хлѣба, а отсутствіемъ мельницы въ селѣ Ярешкахъ, вслѣдствіе каковаго отсутствія почти каждый крестьянинъ имѣлъ у

себя въ сѣняхъ жерновъ и ступу. И мнѣ приходилось частенько молоть муку въ жернахъ и „тovкты“ просо въ ступѣ на пшено. „Позычанье“ было настолько нормальное условіе крестьянской жизни того времени, что никому и въ голову не приходило осудить за него сосѣда или придать ему значеніе попрошайства. Вмѣстѣ съ тѣмъ вошло въ привычку народа добровольно, любя, дѣлиться съ сосѣдями тѣмъ, что у кого было доброго. Такъ напримѣръ: хозяйка „напарила квашу“, и если только послѣдняя удалась, то она долгомъ своимъ считаетъ подѣлиться квашею со всѣмисосѣдями, для чего и парить квашу въ количествѣ не менѣе двухъ ведеръ и затѣмъ разносить квашу и сама, и дѣтьми разсылаетъ. Такъ же поступали хозяева, заколовши кабана къ празднику и обѣлувавши барана осенью. А кто имѣлъ пасѣку, то на „Спаса“, 6-го августа, посыпалъ сосѣдямъ по „стильничку мёду“ „на посвачинѣ“. Пироговъ ли напечетъ съ горохомъ, или такъ — одинъ только горохъ, намоченный предварительно, сжарить на сковородѣ, вареники-ль съ грушами сварить, всѣмъ этимъ подѣлиться съсосѣдями хозяйка считала своимъ долгомъ: „такъ годится“. А если ужъ сосѣдкѣ далъ Богъ „родыны“, то всякая сосѣдка шла съ хлѣбомъ къ ней и приносила ей на родыны пшена горшечкъ, или варенныя сухія груши, или муки пшеничной, а кто бѣдный, тотъ несъ хустку зерна пшеничнаго; а уже если кто принесетъ на родины миску варениковъ со сметаною, то таковой была великая честь отъ хозяевъ. Къ матушкѣ на родины шли всѣ хозяйки, какія были въ селѣ, съ хлѣбомъ, съ курицей и яйцами и получали угоженіе отъ батюшки. Такъ въ ту пору сельская нищета дѣлилась своими убогими достатками и поддерживала и скрашивала свое жалкое прозябаніе взаимною отзывчивостью и любовью. „Не красна была изба углами, да красна пирогами“.

Лучше-ли теперь въ 90-хъ годахъ живется крестьянину? Сравнивая нынѣшній наружный видъ села Ярепекъ съ наружнымъ видомъ того же села въ панщинное время, приходится сказать: да, теперь лучше живется крестьянину, только... только въ одномъ, но зато въ самомъ существенномъ теперь ему жи-

вется хуже—теперь крестьянинъ живетъ впроголодь, и то только растительною пищею.

Прежде у крестьянъ строились избы шириною *maximum* въ 5½ аршинъ и длиною *maximum* въ 12 аршинъ и дѣлились по длини такъ: 5½ аршинъ подъ жилую комнату, 2½ подъ сквозныя сѣни съ двумя дверьми—одной на улицу, другой сзади на огородъ, и 3 или 4 аршина подъ „комору“—кладовую. Теперь крестьяне ставятъ избы шириною не менѣе 6 аршинъ и до 12 аршинъ, длиною отъ 16 до 22 арш. и дѣлять по длини также на три части: жилую половину комнаты, сѣни и кладовую, но съ тою разницей, что жилыхъ комнатъ дѣлаютъ уже двѣ или даже три и сѣни перебиваются стѣною по длини дома на-двоє, выгадывая такимъ способомъ еще одну небольшую комнату или же кладовку. Въ „панщинно“ время только жилая половина дома строилась изъ бревенъ, а сѣни и комора дѣлались изъ лозового плетня, теперь же весь домъ дѣлаютъ изъ дубовыхъ или сосновыхъ брусьевъ. Въ избахъ панщинного времени двери не дѣлались выше 2¼ аршинъ, а самыя большія окна имѣли въ высоту 8 вершковъ, въ ширину 7 вершковъ; въ настоящее время не дѣлаютъ дверей ниже 2¾ аршин. и окошекъ меныше 1-го арш. въ высоту. Въ старыхъ домахъ надъ сѣнными никогда не дѣлали потолка, и куры свободно взлетали на чердакъ на ночь, садясь на перекладинахъ стропиль и образуя подъ собою на потолку пѣлые горы гуano; равно и ласточки, свободно влетая двумя дверьми сѣнными на чердакъ, дѣлали десятки гнѣздъ тамъ. Теперь надъ сѣнными всюду лежитъ потолокъ, и ни курица, ни ласточка уже не кладутъ своихъ гнѣздъ на чердакѣ, тамъ уже складъ разныхъ хозяйственныхъ вещей, и на чердакѣ можно взойти, только отворивъ ладу—дверцу. Въ домахъ панщинного времени печь съ грубкой занимала чуть ли не 3-ю часть, или даже ¼ всей жилой комнаты; въ домахъ настоящаго времени печь варистая съ печкою занимаетъ не болѣе ¼ части жилой комнаты. Въ старыхъ домахъ вмѣсто стульевъ вдоль стѣнъ ложились „лавки“, доски толщиною въ 2 вершка на сваяхъ, вкопанныхъ въ земляной полъ; теперь эти лавки во всю длину стѣны дѣлаются со спинками; въ прежнихъ домахъ никогда не

встрѣчались кровати, а дѣлались нары изъ 4 или 5 досокъ, теперь же встрѣчаются не рѣдко кровати, но за тѣ въ старину на постели въ каждомъ домѣ были подушки, а теперь очень нерѣдко вмѣсто подушки сложены кожухи и свиты, служащіе возглавиемъ. Въ панцирныхъ домахъ иконъ было не много, но за то онѣ писались масляными красками на деревянныхъ доскахъ, а въ теперешнихъ домахъ—иконы, печатанныя на бумагѣ заграничнаго изданія и рисунка, дешевыя, и потому въ иномъ домѣ зажиточнаго крестьянина такихъ иконъ будетъ 20 и болѣе, расположенныхъ въ два ряда по обѣимъ сторонамъ отъ краснаго угла. Въ старину иконы убирались цвѣтами васильковъ, а теперь убираются и васильками и цвѣтами георгины, и покупными полотенцами бумажнаго холста съ фигурами фантастическихъ птицъ, вытканныхъ красною заполочью. Въ старину, за исключеніемъ иконъ, никакихъ другихъ изображеній не было на стѣнкахъ; теперь нерѣдко попадаются портреты царской фамиліи, Скобелева, Гурка и ярко раскрашенныя картины на тему: „была жинка мужика“, картины страшнаго суда. Прежде зеркаломъ служилъ кусочекъ зеркального стекла, вмазанный въ глину стѣны; теперь попадаются зеркала въ рамкахъ до полуаршина. Прежде были полицы вдоль стѣны надъ входлою дверью и вдоль стѣны надъ окнами у потолка для складыванія на нихъ горшковъ, мисокъ, печеннаго хлѣба и всякой другой посуды; теперь дѣлаютъ вмѣсто полицъ „мысныки“—шкафы безъ дверецъ для посуды. О вилкахъ и тарелкахъ въ прошлое время крестьяне и понятія не имѣли, теперь же попадаются у крестьянъ и тарелки, и вилки, и столовые ножи, рядомъ съ „кисками“—ножами, сдѣланными изъ негодной къ своему назначению косы. „Жертки“—жерди для складыванія повседневной верхней одежды надъ постелью у потолка, какъ раньше были, такъ и теперь есть. Кромѣ того, теперь въ рѣдкомъ селѣ не увидите одного или двухъ крестьянскихъ домовъ, крытыхъ желѣзомъ, чего никогда не встрѣчалось въ крѣпостное время. Хозяйственные постройки: клуны, „коморы“, хлѣбные амбары, кладовыя и хлѣбныя для скота прежде были также меньшихъ размѣровъ, сравнительно съ теперешними, и стѣны дѣлались или плегеные изъ лозы и „лищины“—орѣшника; или обшивались соломенными

снопами или „очеретяными дидами“ (камышевыми снопами); теперь же тѣ же хозяйственныя постройки дѣлаются большихъ размѣровъ съ досчатыи стѣнками въ заметъ, или же со стѣнками изъ нетолстыхъ бревенъ, обмазанныхъ вальками глины съ соломою,—точь въ точь такія же стѣны, какъ и въ домѣ. Теперь увеличилось число отдельныхъ хозяевъ, увеличилось и число домашняго скота, за исключениемъ овецъ, которыхъ теперь далеко меныше. Священники въ прежнее время держали сотнями, а теперь почти никто изъ нихъ не держитъ овецъ по трудности корма и догляда за маленькими ягнятами. Прежде крестьяне держали большие воловъ, незамѣнимыхъ въ „чумацтвѣ“ и въ обработкѣ земли, а также благодаря отсутствію извозичьяго промысла, а теперь крестьяне большие держать лошадей, предпочитая ихъ воламъ главнымъ образомъ потому, что съ открытиемъ желѣзной дороги открылся новый промыслъ: извозный для доставки хлѣба на жел. дорогу и разныхъ товаровъ съ желѣзной дороги въ окружающіе мѣстечка и города; равнымъ образомъ, съ открытиемъ свеклосахарныхъ заводовъ, имѣющихъ свекловичныя плантаціи почти въ каждомъ селѣ, потребовался каждую осень громадный спросъ на подводы для перевозки свеклы въ заводы; въ каждомъ селѣ среднимъ числомъ было свеклы на три тысячи подводъ, которая и перевозится мѣстными крестьянами въ теченіе двухъ мѣсяцевъ, сентября и октября, но часто мѣстные крестьяне не въ состояніи были въ такой срокъ доставить свеклу,—тогда сахарозаводчики пріискивали извозчиковъ изъ далекихъ уѣздовъ, напр.—уманскаго. Доставка свеклы скорѣе производится на лошадяхъ, а потому крестьяне охотнѣе держать лошадей; кромѣ того, для лошади всегда есть подножный кормъ, такъ какъ лошадь зубами сгрѣзаетъ траву подъ ногами, при самомъ корнѣ травы, какъ бы ни была она коротка и низка, а для вола требуется трава не ниже вершка, такъ какъ волъ не зубами схватываетъ траву, а языкомъ и губами, и что окажется уже во рту, то онъ и откусываетъ. Въ панщинное время земледѣльческія орудія состояли изъ тяжелаго на шесть воловъ деревянаго плуга, рала и бороны, теперь же нерѣдко попадаются фабричные же-лѣзные плуги и экстирпаторы—Крумера. Въ панщинное время

ремесла не были распространены въ народѣ въ видѣ отдельныхъ ремесленниковъ, исключительно ремесломъ живущихъ, за исключениемъ дворовыхъ: сапожниковъ, кузнецовъ, рымаровъ, печниковъ, столяровъ, которыхъ помѣщики специально для себя отдавали въ науку киевскимъ нѣмцамъ ремесленникамъ, остальные же каждый самъ себѣ дѣлалъ сапоги и шилъ свиту, кожухъ, упряжь, дѣлалъ печь, мастерилъ столъ, возъ и сани по первобытному образцу и способу. Я живо помню, какъ мой отецъ самъ чинилъ себѣ и всей семье своей сапоги и заставлялъ меня дѣлать „дратву“ (сапожные нитки), самъ дѣлать возъ и сани конныя, самъ дѣлать себѣ печку, грубку. Теперь же въ каждомъ селѣ есть крестьяне-ремесленники, которымъ уже некогда заниматься земледѣліемъ; въ каждомъ селѣ есть двѣ или три кузни, десятокъ или болѣе „шевцівъ“—сапожниковъ, кравцівъ портныхъ, шьющихъ по модному „лейбы“ или „гвалты“—куртки изъ бумажныхъ матерій, названные „гвалтами“ отъ того, что зимою въ нихъ такъ холодно, что приходится кричать: гвалть! (караулъ!); шьющихъ суконныя свиты до стану (таліи) и гуньки и набѣленные снаружи кожухи. Кравци—портные переходятъ изъ дома въ домъ и шьютъ одѣжды въ домѣ заказчика, а не въ своемъ домѣ, потому что заказчикъ ни за что не рѣшился дать сукно, или бумажную матерію, или овечью кожу на домъ портному, боясь, что портной украдетъ часть сукна или шкуру, но портные ухитряются украсть часть матеріала даже въ домѣ заказчика и пришивая украденные части сукна къ изнанкѣ своей свитки или рубашки, о чёмъ ходить въ народѣ не мало смѣшныхъ анекдотовъ. Въ каждомъ селѣ есть паръ десять и болѣе плотниковъ, три или четыре столяра, умѣющихъ дѣлать столы, длинныя скамьи съ спинками на ножкахъ, сундуки, шкафы для посуды, двери, окна и рамы для иконъ—ни на какія другія столярныя издѣлія нѣтъ спроса отъ крестьянъ. Въ каждомъ селѣ найдется одинъ и не болѣе двухъ рымарей-шорниковъ. Они умѣютъ дѣлать только узечку, недовуздокъ, полушорки—и только, и то по старой формѣ. Есть еще и специальные мастера возовъ, санокъ, есть специалисты „бондаря“. Отсутствие ремесленниковъ изъ крестьянъ въ панцирное время объясняется тѣмъ, что никто изъ крестьянъ не

имѣль свободнаго ввемени—все время крестьянина, какъ и самъ онъ, принадлежало пану. Если и были тогда ремесленники, то они принадлежали къ свободному классу крестьянъ одноворцевъ или къ отставнымъ Николаевскимъ солдатамъ, а таковыхъ, т. е. одноворцевъ и солдатъ, было мало. Изъ промышленныхъ производствъ (заведеній) въ панщинное время были только однѣ маслобойни, по мѣстному „олійныи“, а также и станки съ кругами, гдѣ мили кожи для выдѣлки конской упряжи; въ настоящее же время, кромѣ „олійныи“ и станковъ кожемяцкихъ, есть еще у крестьянъ „сѣчкарни“, гдѣ рѣжутъ мелко солому для корма скота, есть и драчки—мельницы, для приготовленія изъ проса пшена, съ коннымъ приводомъ, есть теперь у крестьянъ, хотя очень рѣдко (на нѣсколько сель одна), чухральни, гдѣ расчесывается овечья шерсть.

Въ одеждѣ и обуви крестьянъ панщинного времени и нынѣшняго тоже большая разница. Мужскія рубашки давняго времени не были вышиты узорами, и воротники на нихъ имѣли двоякую форму, стоячіе узенькие, въ полъ вершка ширинъ, а широкіе въ полтора вершка, отложные; пазуха длинная была, такъ что грудь была вполнѣ открыта и для солнца, и для дождя, рукава широкіе, немного меньше рукавовъ въ священническихъ рясахъ; въ настоящее же время почти у каждого крестьянина рубашка съ узенькимъ стоячимъ воротникомъ, вышитымъ узоромъ, грудь также вышита узоромъ, пазуха короче, рукава съ „choхлами“,—узенькими манжетами; въ панщинное время рубахи дѣлались изъ толстаго—„двадцатки“, „штырнадцатки“, а у богача и „двадцатки“—полотна собственнаго издѣлія, а теперь носятъ и изъ покупнаго тонкаго бумажнаго коленкора, ради тонкости рубашки и дешевизны ея. Штаны въ старину дѣлались широчайши: „мотни“, связывающая „колошни“ штановъ, была такъ длинна, что только на одну пядь не хватала до земли; въ верхней части своей, гдѣ поясъ, штаны не имѣли паска, а собирались въ морщины и стягивались и растягивались „очкуромъ“—ремешкомъ, затянутымъ въ морщины. Теперь штаны шьются уже, клинья, связывающія колошни—малыя, вместо сборокъ съ очку-

ромъ, встрѣчающихся теперь рѣдко, дѣлаются паски на пуговицахъ. Свитки въ старину имѣли двѣ формы—короткую съ обхватомъ въ талии, удобную для работъ—домашнюю, и длинную до пять также съ перехватомъ въ талии („до стану“) съ „каптуромъ“—башлыкомъ на спинѣ. Въ этихъ свиткахъ, такъ сказать форменныхъ, крестьяне ходили въ церковь, являлись передъ очи „ясневельможного пана“ и зимою надѣвали сверхъ „кожуха“—тулуна, а каптуръ надѣвали на шапку, какъ башлыкъ. Теперь этихъ длинныхъ свитокъ съ каптурами уже нигдѣ не видно, остались только свитки короткія до стану, со сборомъ въ талии. Кожухи (длинные) и кожушки (короткіе) и тогда, и теперь шьются по одинаковой модѣ. Шапки въ старину были съ „зеленымъ дномъ“—верхушкою изъ зеленаго плису съ *распоръхомъ* на затылкѣ, а у паробковъ распоръха на затылкѣ связывалась красною „бындою“, концы которой для красоты опускались на шею; теперь такихъ шапокъ уже нигдѣ нѣтъ. Лѣтъ восемь назадъ я видалъ такую шапку на ярмаркѣ на крестьянинѣ изъ Галиціи. Лѣтомъ крестьяне крѣпостнаго времени носили капелюши собственнаго издѣлія изъ стеблей житней и пшеничной соломы, картузовъ же никогда не носили. Картузы составляли привилегію пановъ, священниковъ (съ уродливо широкими козырьками), одподворцевъ, именовавшихся шляхтою, и жидовъ. Теперь капелюпи соломенные носятъ только старики крестьяне, всѣ же среднихъ лѣтъ мужчины и парубки носятъ лѣтомъ только картузы, зимою же шапки черныя, а кто побагаче, щеголяетъ въ сивыхъ шапкахъ.

Обувь въ старое время состояла изъ „постоловъ“ для лѣта и сапогъ зимою; сапоги съ низко откоченными голенищами, на одной подошвѣ, безъ подметокъ, были съ круглыми носами, очень вмѣстительные. Зимою въ сапогъ вкладывалась устилка изъ мятої соломы, толщиною въ полъ дюйма, затѣмъ уже входила нога, обернутая онучкою суконною, имѣвшая аршинъ въ квадратѣ. Подборы на сапогахъ состояли изъ трехъ листковъ вожжи. Теперь же крестьяне носятъ сапоги съ высокими голенищами охотничьями—бутылками, узенькими ради красоты, на двухъ подошвахъ съ высокими подборами до $1\frac{1}{2}$ вершка, съ

задниками, разукрашенными рисункомъ изъ маленькихъ мѣдныхъ гвоздей, лѣтомъ же носять и постолы, и ботинки, хотя послѣдніе рѣдки еще. Въ панщинное время за пошивъ сапоговъ сапожникъ получалъ двадцать гротей—10 коп., а если заказывались сапоги до подковъ, то сапожникъ получалъ „пивъ золотого“ $7\frac{1}{2}$ коп., а кузнецъ за подковы получалъ три грона ($1\frac{1}{2}$ коп. с.). Въ настоящее время сапожникъ получаетъ за пошивъ сапоговъ новыхъ $2\frac{1}{2}$ рубля и за пошивъ „прышитковъ“, головокъ, не менѣе $1\frac{1}{2}$ рубля. За сапожный товаръ закащикъ сапогъ платилъ отдельно разныя цѣны, смотря по достоинству кожи. Готовые же новые сапоги въ ярмаркѣ продаются отъ $3\frac{1}{2}$ рублей до 6 руб.¹⁾ Такимъ образомъ вся одежда панщинного крестьянина состояла изъ рубашки и штановъ толстаго домашняго полотна, двухъ свитокъ: короткой куртки и длинной съ каптуромъ свитки, кожушка и кожуха, капелюша соломеннаго и шапки; обувь же изъ постоловъ и сапогъ. Одежда же вынѣшняго крестьянина разнообразна и состоитъ изъ вышитой узорами рубашки изъ своего домашняго холста и изъ цокунного каленкора, штаны изъ домашняго толстаго холста, изъ различныхъ фабричныхъ бумажныхъ, прочныхъ издѣлій разныхъ цвѣтовъ, и теплые изъ домашняго, только не валеннаго, сукна сѣраго и краснаго цвѣтовъ. Верхняя одежда для лѣта состоитъ изъ лейбика, гвалта, изъ пиджака, сдѣланныхъ безъ подкладки изъ фабричныхъ бумажныхъ матерій; коротенькой суконной куртки, суконнаго пиджака; для зимы—лейбикъ изъ фабричной бумажной матеріи, теплый съ паклею, вместо ваты, на подкладкѣ, свита домашняго сукна, на 1 вершокъ ниже колѣнъ; и бѣлые кожушки для работъ и кожухи длинные съ сывимъ воротникомъ съ красivoю отделькою изъ красной и зеленої кожи на верхней полѣ кожуха отъ шеи до ногъ и вдоль подола, равно и въ талии. А крестьяне болѣе богатые носятъ кожухи той же формы, но крытые еще фабричнымъ сукномъ сѣраго и чернаго цвѣтовъ.

¹⁾ Въ крѣпостное время сапожники не умѣли дѣлать тѣгской обуви, потому что на нее и спроса не было. Дѣти и взрослые зимою го сиѣгу перебѣгали черезъ улицу въ сосѣдніи босые. Въ каждомъ домѣ было не болѣе двухъ-трехъ паръ сапоговъ на семью, состоящую изъ 6—8 человѣкъ.

Шапки у вывѣшнихъ крестьянъ различной формы изъ черныхъ и сывыхъ—подкрашенныхъ смушковъ—(шкуръ маленькихъ ягнать), лѣтомъ же картузы изъ чернаго, синяго или голубого сукна; соломенные капелюши выводятся изъ употребленія и замѣняются шляпами битой валеной шерсти и старыми шляпами городскихъ разныхъ фасоновъ. Обувь же лѣтомъ состоить изъ постоловъ, башмаковъ, ботинокъ, а зимою изъ сапогъ, съ длинными голенищами разной формы и неширокихъ въ копылѣ, съ высокими подборами, а также начинаютъ входить въ употребленіе валенки изъ битой—валеной бѣлой и черной шерсти. Вспомнилось еще, что мальчики и дѣвочки въ крѣпостное время почти до десяти лѣтъ ходили въ однихъ рубашкахъ: мальчики безъ штановъ, а дѣвочки безъ юпокъ, а теперь нѣть ни одного мальчика на сельѣ, который бы, имѣя два года отъ роду, не щеголялъ на Вѣлыкденъ въ „крамныхъ“ штанахъ, и нѣть дѣвочки тѣхъ же лѣтъ, которая бы не красовалась „червоную“ юпкою и черевычками. При этомъ не лишнимъ нахожу сказать и о томъ, что въ сельѣ Ярешкахъ и окружающихъ его сelaхъ къ сѣверу женщины никогда не носили обуви желтаго или краснаго сафьяну, обувь такихъ цвѣтовъ носятъ женщины болѣе южныхъ сель сквирскаго уѣзда за мѣст. Ружиномъ и въ другихъ южныхъ уѣздахъ.

Въ одѣждѣ женщинъ минувшаго и настоящаго времени также большая разница. Въ крѣпостное время женщины строго держались старинной простой одѣжды изъ тканей собственнаго домашняго издѣлія; теперь женщины сельскія охотно разстаются съ одѣждою старинною и еще охотнѣе перенимаютъ новыя моды отъ мѣщанъ и всѣ верхнія одѣжды дѣлаютъ изъ покупныхъ фабричныхъ тканей. Вотъ одѣжда женщинъ стараго времени: рубашка домашняго холста съ отложнымъ воротникомъ, не вышитая узорами, съ пидтычкою (до пояса изъ тонкаго холста, ниже отъ пояса доточена грубымъ холстомъ); другая рубашка съ узенькимъ, вышитымъ узоромъ, воротникомъ и съ полыками—вышитыми узоромъ рукавами. „Спідныця“—юпка грубо домашняго бѣлаго холста и другая изъ домашняго же холста, но тканаго въ двѣ полоски изъ бѣлыхъ и свѣтло синихъ нитокъ. Затѣмъ изъ шерстяной

матеріи въ полоскахъ разныхъ цвѣтовъ домашняго ткавія и окраски дѣлались „литныкъ“—юпка, и запаска—фартухъ. Свитка бѣлаго сукна (мужчина никогда не носить свиты бѣлаго сукна, а всегда изъ чернаго) и кожухъ съ „видлогимъ“, лежачимъ, воротникомъ, почти одинакового покрова съ мужескимъ кожухомъ. Головной уборъ. „Каптуръ“—„очипокъ“ родъ коробки, изъ матеріи съ крупными желтыми и красными цвѣтами, каптуръ плотно прикрывалъ остриженную голову женщины и тщательно закрывался платкомъ или намиткою. Сверхъ „каптура“ въ будніе дни надѣвалась „хустка“—платокъ изъ бѣлаго полотна домашняго тканья, съ узенькими, въ $\frac{1}{8}$ дюйма, каймами краснаго или синяго цвѣта; фабричныхъ платковъ въ ту пору не покупали. Сверхъ того же каптура въ воскресные и праздничные дни женщины надѣвали „намитку“. Намитка дѣлалась изъ пѣльного куска марли, длиною въ 5 аршинъ, плотно обвязывала голову съ каптуромъ, цвѣты котораго просвѣчивались сквозь прозрачную ткань марли, обходила подъ подбородокъ и обратно къ затылку и оттуда спускалась двумя концами ниже колѣнъ и даже до пятъ. Жесткая обувь того времени состояла изъ простыхъ сапогъ. Вотъ и весь уборъ женщины: рубашка, спидныця, литныкъ, запаска, свитка, кожухъ, бѣлый платокъ и намитка. Лѣтомъ женщины и дѣти приходили въ церковь босые. Дѣвушки того времени носили тѣ же одежды; головы же убирали лѣтомъ (въ праздники) живыми цвѣтами „повяяка“, „чернобривцівъ“, „рожи“—мальвы и „шовковою травою“; на затылкѣ же къ косѣ пришипиливали до десяти и болѣе разноцвѣтныхъ бындѣ—лентъ, спускавшихся до пятъ; зимою же въ тѣ же дни украшали голову, за неимѣніемъ живыхъ цвѣтовъ, покупными вѣнками искусственныхъ цвѣтовъ и тѣми же лентами. Въ будніе дни не носили ни лентъ, ни цвѣтовъ, а только „кисныки“—шнурочки изъ красныхъ шерстяныхъ нитокъ домашняго издѣлія, называемыхъ „торочеками“.

Одежда же женщинъ нынѣшняго времени много разнообразнѣе и богаче. Женскія рубашки всегда вышиты узорами. У иной женщины почти во всю длину рукава вышиты прекрасными узорами, узенькой воротничекъ и манжеты вышиты

узоромъ, соотвѣтственнымъ узору рувавовъ, хотя, нужно скажать, матеріалъ рубашки не стоитъ такой вышивки, потому что онъ—бумажный каленкоръ самаго дешеваго разбора; рубашки же изъ тонкаго холста домашняго издѣлія бывають у рѣдкой хозяйки, такъ какъ рѣдкая хозяйка умѣеть прядь тонкую нитку; въ крѣпостное время для помѣщика и для себя пряли нитку на „двадцатку“—очень тонкое полотно. Юпокъ бѣлыхъ теперь нѣтъ, „литныки“ и „запаски“ можно видѣть на старухахъ, и то очень рѣдко. „Молодыци“ и „дивчата“ имѣютъ теперь не менѣе шести, а нѣкоторыя и сверхъ десяти юпокъ бумажныхъ и шерстяныхъ лѣтнихъ и теплыхъ изъ бумажной байки разнообразныхъ яркихъ цвѣтовъ. Каждая юпка внизу обложена каймою изъ дешеваго чорнаго плюша, а у нѣкоторыхъ и каймою изъ парчеваго посеребренного или позолоченаго галуна. Затѣмъ теперь у каждой женщины есть кофта, которой не было вовсе въ панцинное время; кофты по преимуществу шьются изъ бумаги темнаго рисунка, шьются также изъ чёрнаго шерстяного рипсу; кроме того, носятъ теперь курточки, пальто длинныя—кулемъ, какія раньше носила одна шляхта—однодворцы, изъ чёрной шерстяной матеріи, люстраина и рипсу на паклѣ вмѣсто ваты, съ подкладкою. Свита, бѣлая и чаще чёрная, и кожухъ на зиму также носятся женщинами, но кожухи женскіе нерѣдко бывають покрыты чорнымъ или синимъ сукномъ. Старинаго головнаго убора—бѣлой намитки—теперь совсѣмъ не носятъ женщины, и если гдѣ въ какомъ селѣ увидять на женщинахъ намитки, то наスマхаются надъ тѣми женщинами и надъ тѣмъ селомъ; да и въ селахъ, удаленныхъ отъ такихъ цивилизующихъ центровъ, какъ желѣзная дорога и сахарные заводы, женщины, и то стахрухи, надѣваютъ намитки, только идя въ церковь говѣть, и завѣщаютъ, чтобы въ „домовину“ не ложили ее въ „хустци“, а убрали бы ее въ намитку. „Ніяково передъ Богомъ статы въ чырвони хустци“. Теперь сверхъ „каптура“, придающаго желанную форму головы, надѣваютъ только платки, рѣдко бумажные, обыкновенно же „терновые“, чисто шерстяные, яркихъ цвѣтовъ, и шелковые, таковыхъ же цвѣтовъ. Такихъ платковъ у иной хозяйки набе-

рется до десятка и болѣе. Бѣлыхъ же холщевыхъ платковъ головныхъ теперь не только не носять женщины, но даже и не ткутъ ихъ.

Въ старину поясомъ служилъ часто „рушникъ“—утиральникъ полотняный, кромѣ шерстяного пояса, сдѣланнаго руками изъ разноцвѣтной яркой шерсти, такъ что яркія полоски цвѣтныя идутъ длинными скрученными нитками по длинѣ пояса; теперь же, кромѣ этого шерстяного, своего издѣлія, пояса, носятъ еще и покупные шерстяные въ одинъ цвѣтъ—красный, или синій, или зеленый. Шею крестьяне въ старину ничѣмъ не повязывали, теперь же не увидите ни одного парубка, у котораго не была бы повязана шея шерстянымъ разноцвѣтнымъ шарфомъ не только зимою, но даже и въ жнива, среди самаго жаркаго лѣта.

Женщины же молодыя и дѣвушки, какъ въ старину, такъ и теперь, украшаютъ шею „кораллями“—коралловымъ ожерельемъ и „намѣстами“—стеклянными бусами, съ тою только разницею, что въ старину ожерелье было изъ крупныхъ коралловъ, а теперь болѣе въ ходу изъ такъ называемой коралловой сѣчки.

М. ІІІ.

(Продолженіе слѣдуетъ)

ИЗЪ ВОСПОМИНАНИЙ, ИЗДАННЫХЪ НЕ ДЛЯ ПУБЛИКИ.

(„*Pro domo sua. Kievъ 1893 г.“ 8°, 122 стр.).*

Если жизнь не только каждого общественного деятеля, но и частного человѣка,ская обстоятельно и правдиво, представляя собою то, что съ легкой руки Золя получило название „человѣческихъ документовъ“, и вмѣстѣ съ тѣмъ давая материалы для исторіи того общества, къ которому принадлежала личность,—можетъ заинтересовать любознательного читателя, то тѣмъ больше интереса можетъ представить жизнь семьи, захватывающая нѣсколько поколѣній, и тѣмъ болѣе материаловъ для исторіи данной мѣстности и общества она можетъ заключать въ себѣ. Еслибы наши дѣды и прадѣды оставили по себѣ болѣе или менѣе подробные разсказы о своей семейной жизни, еслибы отъ прошлаго времени сохранилось побольше семейныхъ хроникъ, намъ было бы гораздо легче понять это прошлое и живѣе представить себѣ, какъ жили въ старину; эти хроники могли бы послужить драгоцѣннымъ материаломъ для бытовой исторіи края.

Эти мысли пришли намъ въ голову при чтеніи книжки, названіе которой мы выписали и которая, по содержанію своему, представляетъ собою семейную хронику одной малорусской фамиліи.

Хотя эта книга, напечатанная въ небольшомъ числѣ экземпляровъ и не поступавшая въ продажу, составлялась и издана не для публики, но, кромѣ свѣдѣній, имѣющихъ особый инте-

ресь для лицъ, близкихъ упомянутой фамиліи, которымъ книга эта и предназначена, она заключаетъ въ себѣ немало общепривлекательныхъ свѣдѣній, съ которыми мы и считаемъ нужнымъ познакомить читателей „Кievской Старинѣ“, причемъ въ виду того, что они не могутъ пользоваться самою книгою, позволимъ себѣ сдѣлать изъ нея пространныя извлеченія.

Эти свѣдѣнія заключаются главнымъ образомъ во второй части книги, въ воспоминаніяхъ М. И. Л. (род. 1788 † 1857 г.) къ сожалѣнію не оконченныхъ за смертью автора, прервавшую составленіе его записокъ. Занимая скромное общественное положеніе, авторъ жилъ и дѣйствовалъ въ предѣлахъ черниговской губерніи, къ которой преимущественно и относятся его воспоминанія. Писалъ онъ не для печати, будучи побужденъ къ этому просьбою одного изъ своихъ сыновей.

Не мудрствуя лукаво, авторъ, симпатичный характеръ которого всего яснѣе рисуется изъ помѣщенного въ концѣ книжки завѣщанія, представляющаго по своей оригинальной формѣ и содержанію одинъ изъ рѣдкихъ документовъ этого рода когда-либо нами видѣнныхъ, просто и правдиво разсказываетъ о томъ, что ему было известно по личнымъ впечатлѣніямъ или по рассказамъ другихъ лицъ; и прежде, чѣмъ начать излагать свои воспоминанія, считаетъ нужнымъ бросить легкій взглядъ на родной край, о которомъ такъ выражается: „страдалица по преданіямъ, но славная и благословенная Малая Россія“. Опуская факты общеизвестные и не касаючись тѣхъ частей книги, которые имѣютъ характеръ интимный или исключительно семейный, постараемся извлечь изъ нея побольше свѣдѣній, которыхъ могутъ быть интересны читателямъ исторического журнала.

Такъ какъ разсказъ о личныхъ впечатлѣніяхъ автора начинается съ м. Батурина, о которомъ мы недавно помѣстили статью въ „Кievской Старинѣ“¹⁾, то прежде всего, въ дополненіе къ свѣдѣніямъ, изложеннымъ нами въ этой статьѣ, приведемъ изъ названной книги свѣдѣнія о прежнемъ состояніи Батурина, какъ его рисуетъ авторъ.—„Батуринъ“, говорить онъ, „красо-

¹⁾ 1894 г., № 9.

вался въ свое время гетманскими обширными дворцами, домами, садами, искусственными рыбными прудами, каменными мостами, оградами, оранжереями. Остатки еще и теперь существуютъ, или въ запустѣломъ видѣ, или въ развалинахъ, подъ названіемъ: 1) графскій садъ, гдѣ былъ жилой домъ Разумовскаго,—2) Ко-чубейскій дворецъ и садъ, здѣсь древнее каменное строеніе о 6-ти небольшихъ комнатахъ, занимаемыхъ экономическою кан-целяріею. Въ этомъ домѣ по преданію жилъ, за гетмана Ма-зепы, генеральный судья Кочубей, пострадавшій невинно смерт-ною казнью за доносъ на Мазепу, оправдавшійся впослѣдствії измѣною сего послѣдниго.—3) Тепловскій каменный домъ об-ширный о 3-хъ этажахъ, съ флигелями, нѣкогда богато укра-шенный, но всегда впустѣ бывшій.—4) Апраксинскій домъ, вовсе разрушившійся; въ немъ жила племянница Разумовскаго графиня Апраксина, распоряжавшаяся во всемъ по дому Разумовскаго и имѣвшая большое влияніе на самого его.—5) Названный из-древле Мазепинскій замокъ возлѣ Батурина, на противополож-ной сторонѣ отъ р. Сейму, по дорогѣ къ Конотопу, влѣво; мѣсто сіе заключаетъ нѣсколько десятинъ земли, обрѣтой кру-гомъ глубокимъ землянымъ валомъ, въ правильномъ четверо-угольникѣ, съ четырьмя по угламъ высокими бастіонами; внутри примѣтны остатки каменныхъ погребовъ. Въ теперешнее время здѣсь разнородная лѣсная заросль и фруктовыя деревья.—6) На правой сторонѣ сказанной Конотопской дороги, на песчаномъ грунтѣ, сосновая роща, насаженная отъ Разумовскаго, прямыми аллеями на пространствѣ нѣсколькихъ десятковъ десятинъ, надъ рѣчкою Шелковицею, черезъ которую сдѣлана каменная пло-тина.—7) Лѣтъ слишкомъ за 40 передъ этимъ, видѣлъ я въ имѣніи Разумовскаго, за м. Бахмачемъ, близъ х. Поросючки, въ березовомъ лѣсу, деревянный домикъ весьма древній и вет-хій. Его называли бывшею увеселительною дачею гетмана Ма-зепы, куда онъ вѣжалъ изъ Батурина для прогулокъ. По пре-данію, въ этой Мазепинской дачѣ, гетманскомъ Бахмацкомъ замку, имѣла пребываніе несчастная дочь Кочубея, увезенная отъ родителей соблазнителемъ Мазепою; но ни мѣстность, ни

сказанный домикъ ничего замѣчательнаго или отличительнаго тогда не представляли“.

Описаю прежній Батурина, авторъ говорить о Разумовскихъ, память о которыхъ соединяется съ Батуриномъ, причемъ кромѣ того, что уже известно изъ книги Васильчикова „Семейство Разумовскихъ“, даетъ нѣкоторыя свѣдѣнія о сынѣ гетмана Андреѣ Кир. Разумовскомъ и продажѣ имѣній его въ копотопскомъ уѣздѣ. Отличившись, какъ разсказываетъ авторъ, еще въ молодости тѣмъ, что, когда однажды петербургскій портной подалъ счетъ на 20 тыс. руб. и графъ Кириллъ Григорьевичъ, замѣтивъ сыну, что онъ слишкомъ много тратитъ на гардеробъ, велѣлъ показать свой, то Андрей Кирилл. отвѣтилъ отцу: „между нами есть разница, вы сынъ пастуха, а я сынъ фельдмаршала“,—этотъ сынъ фельдмаршала и гетмана, какъ известно, построилъ на свой счетъ въ Вѣнѣ великолѣпный мостъ черезъ рѣку, стоявшій ему огромныхъ суммъ¹⁾); такъ вотъ для этого вѣнскаго дорогого сооруженія въ копотопскомъ уѣздѣ въ 1811—1813 годахъ производилась продажа значительной части обширныхъ имѣній Разумовскаго. По разсказу автора, при совершеніи въ повѣтовомъ судѣ купчихъ крѣпостей на эти продажи, покупщики щедро вносили въ доходъ судей и за труды канцелярскимъ положенную въ статутѣ „акциденцію“; спѣшно и охотно трудились всѣ и усердно желали продолженія, но изъ гетманской худобы на послѣднія лучшія поселенія—въ двухъ Самборахъ, Корибутовѣ и значительныя заведенія, фабрики и заводы въ Батурина,—не нашлось покупщиковъ съ требовавшимися капиталами, почему они остались непроданными, къ сожалѣнію чиновъ повѣтоваго суда, пользуясь которымъ рѣдкимъ случаемъ. Однако многія деревни были куплены и очень выгодно, потому больше, что имѣнія Разумовскаго состояли въ залогѣ въ кредитныхъ учрежденіяхъ, вслѣдствіе чего долгъ переводился на новыхъ владѣльцевъ и, слѣдовательно, покупщики

¹⁾ Упомянувъ объ этихъ деньгахъ, брошенныхъ Разумовскими на постройку моста въ Вѣнѣ, авторъ говоритъ: „замѣчательно, что Разумовские, обладавшиѣ недвижимыми имуществами весьма въ большихъ размѣрахъ, не оставили чо себѣ никакихъ памятныхъ заведеній въ Русскомъ царствѣ“.

доплачивали наличными деньгами только некоторую часть цѣны купленного имѣнія. Такимъ образомъ некоторые мелкопомѣстные дворяне кролевецкаго уѣзда, подъ названіемъ „Коропчанъ“, наживъ капиталецъ мелочными, но прибыльными винокуренными заводами, сдѣлались впослѣдствіи отъ покупки имѣній Разумовскаго помѣщиками въ конотопскомъ уѣздѣ. Въ числѣ приобрѣтшихъ населенныя имѣнія изъ маестпостей княжескихъ были: Тарнавскій—въ с. Кошарахъ и д. Юрьевкѣ, Кромида—въ д. Рубанкѣ, Чернявскій—въ м. Бахмачѣ и д. Поросючкѣ, Кулябка—въ с. Подлипномъ, Острянскій—въ с. Поповкѣ и х. Сарановкѣ, Лихошерстовъ—въ с. Митченкахъ, Соломки—въ с. Красномъ, Грановскій—въ с. Гутахъ, Заики—въ с. Голенкѣ, Костырка—въ х. Марientаль, Езучевскій—въ с. Старой и хут. Степномъ и Песочномъ. Даже некоторые изъ крестьянъ Разумовскаго, бывшия приказчиками, управителями, наживши деньги и будучи отпущенны на волю, приобрѣли изъ его имѣній значительныя осѣдлости и сдѣлались богатыми мыщанами, куццами, а другіе—личными дворянами черезъ полученные разными изворотами гражданіе чины. Такъ вышли въ новыя званія: Новохацкіе, Бодилевскіе, Очатенки, Бойковы, Потураевы, Заводки и др. Словомъ, продажа Разумовщины осчастливила многихъ. Авторъ удивляется, что коренные конотопские помѣщики, какъ Кандибы, Скоропадскіе, Гамалѣи, Костенецкіе и другіе, ничего не приобрѣли изъ имѣній Разумовскаго, и говоритъ, что въ объясненіе причины, дѣлавшей помѣщиковъ равнодушными къ случайному приобрѣтенію смежныхъ имуществъ, едва-ли не можно указать на малороссійское невниманіе къ извлечению доходовъ изъ своихъ помѣстій, ставившее старинныхъ пановъ въ невозможность имѣть въ запасѣ копѣйку, или—на прямое пренебреженіе къ расширенію „дѣдизныхъ“ своихъ вотчинъ.

Послѣ описанной продажи значительной части своихъ имѣній Андрей К. Разумовскій въ 1819 году приѣзжалъ изъ Вѣны въ Батуринъ вмѣстѣ съ молодой супругой, принцессой Австрійскаго дома, и осматривалъ свои деревни въ предположеніи передать въ собственность супругѣ лучшія изъ оставшихся непроданными имѣнія и фабрики, причемъ, желая озна-

комить свою жену съ малороссиянами, давалъ для сосѣднихъ дворянъ и чиновниковъ званный обѣдъ, на который и авторъ былъ приглашенъ. При всей своей старости Разумовскій казался еще бодрымъ и красивымъ и имѣлъ привлекательное обращеніе; онъ угощалъ гостей добрымъ и рѣдкимъ въ Малороссіи заграничнымъ виномъ, любопытствовалъ о доходахъ съ имѣній малороссийскихъ и другихъ предметахъ, касавшихся этого края. Остававшееся негласнымъ намѣреніе передать имѣнія въ собственность жены, вслѣдствіе ли казенного долга¹⁾ или по другимъ причинамъ, не осуществилось, а въ 1836 году вдова Разумовскаго отказалась отъ обремененныхъ долгомъ мужниныхъ имѣній, которыхъ затѣмъ поступили въ опекунское управление и были предназначены къ публичной продажѣ, но въ виду того, что объявленная покупщиками цена не покрывала увеличившагося долга, обращены въ 1855 году въ число государственныхъ имуществъ, и название гетманщины, Разумовщины—изгладилось.

Покончивъ на Разумовскихъ съ гетманщиною, авторъ даетъ нѣкоторая свѣдѣнія о малороссийскихъ генераль-губернаторахъ, изъ которыхъ памятнѣе другихъ былъ графъ Румянцевъ-Задунайскій. По отзыву автора, этотъ полководецъ-вельможа, имѣя благотворительное попеченіе объ вѣрѣнномъ ему краѣ, старался измѣнить существовавшіе изстари и вводить новые порядки, совмѣстные съ духомъ русскаго правительства, и искоренять вкравшіяся злоупотребленія.

Бывал въ малороссийской коллегіи и замѣтивъ, что канцелярскіе чиновники ходили по городу въ нетрезвомъ видѣ, Румянцевъ далъ коллегіи предписание о воздержаніи отъ предосудительныхъ поступковъ. Чиновники обидѣлись этимъ, и одинъ изъ нихъ, шедши въ коллегію и увидѣвъ ѿхавшаго туда-же Румянцева, послѣднію подошелъ къ корпусу коллегіи и у подъѣзда обхватилъ обѣими руками одну изъ колоннъ; на вопросъ замѣтившаго это Румянцева, онъ смыло и рѣзко, какъ бы въ упрекъ графу, отвѣтилъ: „воздерживаюсь, ваше сиятельство, отъ

¹⁾ Изъ государственного казначейства Разумовскому было выдано 450 тыс. руб. сер. въ видѣ займа, но съ тѣмъ, чтобы по жизни его не требовать ни процентовъ, ни капитала.

пьянства". Упомянувъ о канцелярскихъ чиновникахъ коллегії, авторъ говоритъ, что они издревле выказывали свою удаль, и въ подтверждение этого разсказываетъ такой случай: когда въ царствование Анны Ioannovны¹⁾ армейскій пѣхотный полкъ церемоніально переходилъ черезъ полковой городъ Нѣжинъ и ему не было сдѣлано никакой встрѣчи со стороны мѣстнаго начальства, то по жалобѣ обидѣвшагося такимъ невниманіемъ полкового командира, въ малороссійскую коллегію было прислано съ курьеромъ повелѣніе о присылкѣ объясненія, причемъ въ этомъ повелѣніи были помѣщены по адресу членовъ коллегіи такія выраженія: „какъ вы можете о сю пору жить на свѣтѣ, когда у васъ такія безчинія дѣлаются“? Президентъ коллегіи, получивъ это грозное велѣніе и поспѣшная исполнить его, приказалъ написать Нѣжинскому полковнику указъ съ требованіемъ донесенія о томъ, какъ и почему допущенъ такой случай, и попенять его. Секретарь поручилъ это повытчику Соболевскому, а этотъ послѣдній, припавъ приказаніе и понимая выраженіе „попенять“ по своему, включилъ въ указъ браныя площадныя слова до с. с—на. При чрезвычайной поспѣшности, указъ подписали и отправили, не читавши. Полковникъ, исполнивши предписанное, обратилъ указъ къ президенту, спрашивая съ удивленіемъ о сказанныхъ бранныхъ словахъ. Президентъ, увидѣвъ это, вспылилъ и приказалъ позвать писавшаго и, по существовавшему порядку, посадить на пушку. Соболевскій, представъ предъ президента со страхомъ и принимая притворно взысканіе будто бы за то, что онъ мало написалъ бранныхъ словъ,убѣдительно просилъ простить его, поставляя въ извиненіе, что какія могъ вспомнить браныя слова, всѣ помѣстилъ въ указъ, а другихъ не зналъ. Выслушавъ это изворотливое оправданіе, президентъ разсмѣялся, простила Соболевскаго и освободилъ его отъ пушки.

Канцелярію Румянцева управлялъ секретарь Дубовикъ, который, пользуясь довѣріемъ вельможи, между другими неблаго-

¹⁾ Въ царствование Анны Ioannovны коллегіи, какъ известно, не существовало; быть можетъ, здесь слѣдуетъ разумѣть генер. канцелярію или же врема Екатерины Второй. Н. Ш.

видными изъ корыстныхъ видовъ дѣйствіями имѣлъ спекуляцію такого рода: кто изъ малороссійскихъ козаковъ могъ взнести ему сто серебряныхъ цѣлковыхъ, тому давалъ онъ (разумѣется за подписью Румянцева) патентъ на чинъ корнета¹). Хотя деньги были тогда дороги и трудно было собрать простому козаку такую сумму отъ землемѣщества, но нѣкоторые изъ козачества не упускали благопріятнаго случая получить въ службѣ оберъ-офицерскій чинъ. Въ числѣ ихъ козакъ сотеннаго с. Поповки, въ конотопскомъ уѣздѣ, по прозванію Забіяка, собравъ сто рублей, отправился къ Дубовику въ д. Вишеньки²) и, вручивъ благодѣтелю-секретарю положенную дань, имѣлъ счастье быть обнадеженнымъ въ полученіи желаемаго. Но для нѣкоторыхъ видовъ Забіякѣ нужно было представиться Румянцеву, или, лучше сказать, быть въ извѣстное время въ пріемной графа, куда онъ утромъ другого дня явился съ прочими просителями, какъ соискатель чина за вѣрную службу, заключавшуюся въ многозаботливыхъ трудахъ по земледѣлію; и когда графъ въ отсутствіи Дубовика, по допедшей очереди, спросилъ Забіяку о его надобности, онъ, не обинуясь, заявилъ требованіе о томъ, чтобы ему былъ данъ чинъ корнета. Разсердившись на это требованіе, Румянцевъ сказалъ ему: „поди вонъ, с—нъ сынъ“! Забіяка удалился изъ фельдмаршалскихъ палатъ, но на переходѣ многосложныхъ лѣстницъ раздумалъ и, возвратившись къ графу, еще не ушедшему изъ пріемной, рѣшилъ сдѣлать слѣдующій вопросъ: „ваше сиятельство, въ какомъ классѣ с—нъ сынъ?“ Этотъ повидимому дерзкій вопросъ разсмѣшилъ Румянцева, и онъ пожаловалъ Забіяку въ корнеты.

Къ преданіямъ Румянцевскаго генераль-губернаторства относится еще слѣдующее: жители м. Смѣлаго, въ роменскомъ уѣздѣ, изстари были извѣстны своею буйной жизнью и своевольными проступками; заботясь объ искорененіи этого зла

¹⁾ Румянцеву предоставлена была власть производить въ малороссійскихъ козачихъ полкахъ *эти* оберъ-офицерскіе чины; потомки Румянцевскихъ корнетовъ есть еще и теперь и носятъ званіе дворянъ.

²⁾ Мѣстопребываніе, главная квартира и вотчина Румянцева, въ кролевецкомъ уѣздѣ.

чрезъ мѣстныхъ сотниковъ, которые по недобросовѣтности сво-
ей потворствовали смѣлянамъ, Румянцевъ напослѣдокъ назна-
чилъ сотникомъ въ Смѣлое самаго благонадежнаго чиновника изъ
своего штата, но этотъ послѣдовалъ примѣру своихъ предмѣст-
никовъ, и, когда графъ, вызывавъ его къ себѣ, сказалъ: „какъ
же и ты, на котораго я столько надѣялся, сдѣлался бездѣль-
никомъ?“ то онъ отвѣтилъ: „ваше сіятельство, тамъ такая зе-
мелька, что хоть святыхъ посѣй, то чорты уродятся“. Фактически
извѣстно, что въ Смѣломъ, а еще болѣе въ хуторахъ Смѣлян-
скихъ, существовали притоны для бѣглыхъ воровъ и разбойни-
ковъ. Тамъ долгое время цередерживался и укрывался страш-
ный въ Малороссіи (въ 80-хъ годахъ прошлаго столѣтія) раз-
бойникъ Гаркуша, по преданию уроженецъ с. Алтыновки, кро-
левецкаго уѣзда, а по собственному его показанію (ложному)
быдто-бы вывезенный въ малолѣтствѣ изъ Польши въ Черно-
морію и тамъ взросшій. Онъ въ продолженіе многихъ лѣтъ
производилъ въ Малороссії разбойническіе грабежи. Изъ нихъ
авторъ помнить такой случай, разсказанный при допросѣ са-
мимъ Гаркушею: лѣтомъ 1787 г., сдѣлавъ нападеніе на домъ
городничаго Базилевича въ Конотопѣ, Гаркуша перевязалъ ку-
хонную прислугу и двухъ инвалидныхъ солдатъ, которые, ис-
полняя обязанности часовыхъ у крыльца, заснули, и отнялъ у
Базилевича богатую движимость, причемъ велѣлъ хлопцу (та-
кому же разбойнику, какъ и самъ) шморгнуть (ударить) вѣ-
сколько разъ нагайкою жену городничаго за то, чтобы по сре-
дамъ и пятницамъ скоромнаго не ъла¹⁾, а затѣмъ отправился
по Глуховской дорогѣ. По сдѣлавшейся немедленно тревогѣ коно-
топскіе жители погнались за разбойниками и настигли ихъ
верстахъ въ 10-ти отъ Конотопа въ лѣсныхъ мѣстахъ; но здѣсь
Гаркуша и товарищи его скрылись въ болотѣ, въ камышахъ.
Только одного изъ нихъ догналъ конотопскій козакъ Зимовецъ

¹⁾ По разсказу автора, эта городничиха отличалась такою дородностью и красотою, что когда она была въ Москвѣ и показывалась тамъ въ малороссійскомъ костюмѣ, то москвичи засматривались на нее, какъ на чудо. Послѣ того, какъ Базилевичъ съ испуга, названаго нападеніемъ Гаркушки, заболѣлъ и вскорѣ умеръ, она вторично вышла замужъ за Паршу и была извѣстна своимъ богатствомъ.

и, не могши взять его, рѣшился застрѣлить; сомнѣваясь однажды по народному повѣрю въ томъ, чтобы пуря могла убить разбойника (ибо они, какъ кудесники, могутъ заговаривать обыкновенные пули), зарядилъ ружье серебряною пуговицею, которую тутъ-же священникъ Бялопольскій далъ отъ своей рясы, и этимъ зарядомъ убилъ разбойника, за что, по приговору суда, понесъ церковное покаяніе. О поимкѣ Гаркуши были сдѣланы повсемѣстныя распоряженія, но земскія и городскія полиціи, при всемъ стараніи, долго не могли поймать его; наконецъ, по указанію одной Роменской торговки-булочницы, онъ былъ схваченъ въ Ромнѣ, наказанъ впукомъ въ пѣсколькихъ мѣстахъ, въ которыхъ производилъ разбой, и сосланъ въ каторжныя работы. Интересно, что, давая при допросахъ показанія о своихъ многосложныхъ, долголѣтнихъ злодѣяніяхъ, онъ опредѣлялъ время совершеннія ихъ по мясобѣдамъ, постамъ, праздникамъ и т. п.; такъ напримѣръ говорилъ: въ „недѣлю“ былъ тамъ-то, въ понедѣльникъ и вторникъ халъ туда-то, въ среду производилъ разбой въ такомъ то мѣстѣ и т. д.

Изъ преемниковъ Румянцева авторъ говоритъ о Куракинѣ, Лобановѣ-Ростовскомъ и Гепнинѣ. При Куракинѣ была открыта вторая малороссійская губернія въ Полтавѣ и сооружены въ этомъ городѣ значительныя строенія, а также монументъ Петру Великому. По отзыву автора, князь Куракинъ благотворительно дѣйствовалъ въ видахъ полезныхъ учрежденій въ малороссійскихъ губерніяхъ и между прочимъ заботился объ улучшеніи г. Ромна, а въ особенности существовавшей въ немъ Ильинской ярмарки. Цѣня его благотворительно-полезныя дѣйствія, дворяне черниговской губерніи поднесли ему, чрезъ губернского маршала Н. М. Стороженка, золотую вазу. Свидѣтельствуя въ самыхъ лестныхъ выраженіяхъ свою признательность и благодарность дворянамъ, Куракинъ въ письмѣ къ Стороженку отъ 4 февраля 1809 г. изъявилъ желаніе воспитывать на своемъ иждивеніи 20 дѣтей недостаточныхъ дворянъ въ домѣ воспитанія бѣдныхъ, по избранію и назначенію дворянства черниговской губерніи, причемъ прибавилъ, что „благосклоннымъ принятиемъ сего усерднаго пожертвованія дворянство вновь удо-

стовѣрить его въ благорасположеніи къ нему". Въ бытность Куракина въ Конотопѣ произошелъ такой курьезный случай, характеризующій нравы того времени: замѣтивъ на площади между конотопскими зрителями пригожую дѣвицу, опятно одѣтую въ малороссійскомъ вкусѣ, и узнавъ, что она дочь соборнаго діакона („и нынѣ въ живыхъ сущая"—прибавляетъ авторъ), Куракинъ пожелалъ дать ей десятирублевку на ленты; діаконовна была въ восторгѣ отъ этого, но злые языки распустили изъ-за этого слухъ, обидный для честной дѣвушки.

Лобановъ-Ростовскій, дѣйствуя къ повсемѣстному неослабному исполненію правительственныхъ распоряженій, отличался такой чрезвычайной строгостью, какую могли проявлять только всевластные вельможи того времени. Напримѣръ, по одному случаю, вовсе не заключавшему въ себѣ важнаго преступленія, онъ велѣлъ истребить огнемъ цѣлое село. Поводомъ къ этому было донесеніе Роменскаго комисара о томъ, что жители м. Смѣлаго уклоняются отъ исполненія новаго постановленія, воспрещавшаго оптовую продажу горячаго вина на скатной площади въ ярмарочного времени. Получивши этотъ рапортъ, Лобановъ въ пылу горячности написалъ Роменскому комисару бумагу, въ которой идетъ рѣчь о сожжениі всего мѣстечка при неисполненіи жителями его упомянутаго требованія, хотя изъ этихъ жителей едва десятая часть могла быть виновата, да и она не подлежала лишенію жилищъ и имуществъ чрезъ нарочитое сожженіе¹⁾). Будучи вспыльчивымъ, Лобановъ съ подчиненными чиновниками обращался рѣзко и бранилъ ихъ самыми грубыми словами. За однимъ изъ нихъ гоняясь по комнатѣ вокругъ стола, онъ въ догонку даваль ему удары собственнымъ нижнимъ платьемъ, которое тутъ же схватилъ; а въ Конотопѣ, высказывая чиновникамъ свое неудовольствие по поводу разныхъ непорядковъ, онъ обратился къ стряпчему съ такимъ вопросомъ: „а ты чего смотришь, поросенокъ?", что дало поводъ этому стряпчему, по отъѣздѣ Лобанова сказать: „свинья

¹⁾) Относящейся къ этому случаю ордеръ Лобанова-Ростовскаго напечатанъ въ „Кievskoy Stariinѣ“ 1895 г. № 3, стр: 97.

поѣхала, а поросенокъ остался⁴. Ходили слухи, что, получивъ присланную изъ столицы записку о его неблаговидныхъ, дѣйствіяхъ, Лобановъ самъ на этой же запискѣ прибавилъ, что сверхъ того дѣлаю то и то, и возвратилъ ее. Отличаясь строгостью въ отношеніи къ подчиненнымъ, Лобановъ по отношенію къ наступавшему въ 1812 году непріятелю придумалъ такую мѣру: когда Наполеоновскими полчищами были заняты губерніи, смежныя съ черниговскою, и распространились опасенія, что и малорусскій край подвергнется такому же бѣдствію, то Лобановъ въ предупрежденіе ожидаемаго общаго несчастія, предписалъ городскимъ полиціямъ, чтобы всѣ города черниговской губерніи были вокругъ своего населенія обойдены и заораны плугами, воображая, что эта мѣра можетъ остановить нашествіе непріятеля. Въ заключеніе авторъ приводитъ любопытный образчикъ офиціальныхъ сношеній Лобанова, выписывая его подлинныя выраженія изъ бумаги, которая была послана маршалу сурожскаго повѣта по дѣлу дѣвицы Покорской-Журавко, о ненадлежащемъ учрежденіи опеки надъ ея имѣніемъ, слѣдующаго содержанія: „На запросъ мой я чаяль видѣть признаніе ваше въ ошибкѣ, нежели подобно навращенный оборотъ къ оправданію просьба. Просители тѣмъ болѣе даютъ поводъ мыслить о вапнемъ пристрастіи, поелику въ толико неосновательномъ требованіи оставалось вамъ образумить ихъ и сократить насильственное употребленіе артикуловъ изъ статута; я рѣшилъ ожидать, что вы, руководствуясь духомъ истины, признаете неосторожность и прегрѣщеніе свое, цѣль же равнозначнаго повторенія вашего къ оправданію будетъ мнѣ невольный способъ предать поступокъ сей разбору уголовнаго суда“.

Князь Репнинъ въ званіи военнаго губернатора управлялъ малороссійскими губерніями гораздо долѣе своихъ предмѣстниковъ и преемниковъ. Въ первые годы своего управлениія Репнинъ въ дѣйствіяхъ своихъ выказывалъ жесткость и самовластие, что во многихъ случаяхъ объясняли вліяніемъ правителя княжеской канцеляріи Новикова, человѣка весьма неблагонамѣренного, чрезъ которого могли достигать важныхъ должностей люди, недостойные того, а нѣкоторые получали ордена безъ

всякихъ заслугъ, лишь потому, что имѣли женъ красавицъ. Поступки этого правителя готовили ему заслуженную кару; но смерть его освободила отъ нея. Впослѣдствіи, когда Новикова не стало, когда Репнинъ близже узналъ Малороссію и самъ сдѣлался мѣстнымъ помѣщикомъ, по имѣніямъ супруги своей изъ фамиліи Разумовскихъ, тогда управлѣніе его высказалось благодѣтельнымъ; онъ входилъ въ положеніе края, защищалъ его предъ высшими властями и ходатайствовалъ за него.

При производствѣ въ сенатъ дѣла по отзыву министра финансовъ отъ 15 мая 1821 г. о земляхъ малороссійскихъ казаковъ, Репнинъ представлялъ сенату исторически изложенные доводы о правахъ малороссійскихъ казаковъ и въ тоже время писалъ министру внутреннихъ дѣлъ, убѣждая его „принять во уваженіе и то вліяніе, которое измѣненіе правъ, существующихъ нѣсколько вѣковъ, можетъ сдѣлать на народъ малообразованный, воинственный и сильно привязанный къ своей собственности“. Этотъ отзывъ къ Кочубею Репнинъ оканчивалъ слѣдующими словами: „я не скрою, что молва о семъ запрещеніи уже возродила глупые толки между козаками, конечно, въ сильномъ государствѣ, каково наше, съ приверженностью къ вѣрѣ и царю, всякия послѣдствія могутъ быть отвращены, но приятно ли сердцу государя употребить силу и укрощеніе противъ его подданныхъ? Тяжко для меня столь часто возвращать мужамъ, призваннымъ Государемъ быть у кормила государственного управлѣнія¹⁾, но измѣнилъ бы я вѣрности Государю, чести имени моего и долгу службы, еслибы не огласилъ смыло то, что почиталъ правдой“.

Старателъ занимался дѣлами по управлѣнію малороссійскими губерніями, Репнинъ велъ обширную переписку съ губернскими и повѣтовыми судебнми и административными мѣстами и въ тѣхъ случаяхъ, когда видѣлъ нарушеніе порядковъ или поползновеніе къ недобросовѣстнымъ дѣйствіямъ, исправлялъ неправильное, причемъ иногда писалъ чиновникамъ повѣтовыхъ мѣстъ довольно щекотливыя бумаги. Авторъ даетъ некоторые

¹⁾ Намекъ на министра Гурьева.

образчики такихъ бумагъ. Переяславскому маршалу, по поводу обмѣренія городской дистанціи, Репнинъ писалъ: „Не подлежало бы мнѣ вразумѣвать васъ, но, уважая званіе ваше, а съ другой стороны опасаясь, чтобы за рѣшеніемъ уголовнаго суда не довелось бы вамъ встрѣтить и виѣ городской дистанціи непріятность важнѣе той, коею нынѣ оскорблаетесь, рѣшился напомнить вамъ поступокъ вашъ слѣдующими замѣчаніями: ваше высокоблагородіе обязаны вѣдать и имѣть объявляемые отъ губернскаго правленія указы; слѣдовательно, что не прочли вы тотъ, коимъ двуверстное обмѣреніе объявляется—есть ваше собственная вина; во вторыхъ, донесу вамъ, что вы сказали въ бумагѣ своей, будто не вѣдаете, почему чинится обмѣръ, не уваживъ, что въ семъ случаѣ никакой судья не затруднится обрѣсть ложный поступокъ и прописать, что о томъ въ законѣ касательно дворянъ сказано; въ третьихъ, сказать вамъ имѣю, что въ 36-ти городахъ, подъ вѣдѣніемъ моимъ по высочайшей волѣ состоящихъ, вы одни, который понили дѣло хуже всѣхъ и не удержались написать бумагу, коя ничто иное есть, какъ безчинія образецъ. Маршалу—ль отличаться онымъ? И мнѣ ли въ томъ случаѣ останавливаться безъ дѣйствія. Предоставляю соображенію вашему и одолжаюсь убѣждать васъ—удалиться отъ должности; въ противномъ случаѣ вынужденъ буду предать то уголовному суду, чего не желаю я по снисхожденію моему къ вамъ самимъ и по уваженію къ избравшимъ васъ; малѣйшее упорство почту новымъ нарушеніемъ довѣренности, вамъ сдѣланной, и поспѣшу исполнить долгъ свой“.—Другому маршалу—конотопскаго повѣта, по дѣлу двухъ братьевъ дворянъ Прасоловъ, о поведеніи которыхъ предписано было произвестъ повальный обыскъ по поводу разныхъ жалобъ и доносовъ, Репнинъ писалъ: „Маршалъ, чувствующій важность своего званья, долженъ быть первый помощникъ главному въ губерніи начальнику; онъ облегчаетъ труды его, говоря ему во всемъ правду, открывая злоупотребленія, беспорядки, развратные поступки и т. п. безъ всякихъ лицепріятія и боязни; скрывая же что-нибудь, онъ не только не исполняетъ долга своего, но и измѣняетъ Богу и государю. Обращаюсь теперь къ г.г. дворянамъ, отказавшимся

подписать повальный обыскъ, который вы дѣлали о Прасолахъ; поступокъ ихъ и вашъ требуютъ строгаго со стороны моей посужденія и принуждаютъ меня не послѣдовать на нѣкоторое время тѣмъ правиламъ, которыя я наблюдаю во всѣхъ отношеніяхъ къ поченному малороссійскому дворянству прочихъ повѣтовъ".

Помѣщикъ конотопскаго уѣзда извѣстный генералъ XII-го года Костенецкій, имѣя многія тяжебныя дѣла, тяготилъ разныхъ лицъ своими неправильными притязаніями на сосѣднія земли, по поводу чего и автору воспоминаній пришлось просить у Репнина,透过其人, чрезъ своего повѣтowego маршала Демчинскаго, защиты отъ разорительныхъ дѣйствій Костенецкаго. Репнинъ, внимательно выслушавъ личную жалобу автора, потребовалъ отъ него докладную записку, а Демчинскому сказалъ: „а вы вотъ что сдѣлайте—при предстоящихъ выборахъ, когда генераль явится въ собраніе, не допустите его участвовать и постановите о семъ опредѣленіе съ дворянствомъ; вѣдь не важно не допустить какого-нибудь простого дворянина,—нѣтъ, вы не допустите генерала, какъ неблагонамѣренного и неспокойнаго въ общежитіи человѣка, а я поддержу васъ!“—Однако, хотя Костенецкій и былъ въ Черниговѣ во время выборовъ, но въ собраніе дворянъ не явился.

При Репнинѣ же, во время дворянскихъ выборовъ 1829 года въ Черниговѣ, случилось такое происшествіе: въ послѣдній день занятій дворяне, торопясь окончить свои дѣла, не разъѣзжались для обѣда изъ дома собранія и закусывали въ особыхъ комнатахъ, а въ губернской залѣ оставались дворяне городницкаго повѣта. Въ это время къ маршалу этого повѣта Тризинѣ пришелъ братъ его, чиновникъ губернскаго правленія, одѣтый непарадно, почему часовой воспретилъ ему входъ, что подтвердилъ и церемоніймейстеръ Глѣбовъ. За это чиновникъ и братъ его маршалъ обидѣлись на церемоніймейстера, поднялся шумъ; сошлись въ залу дворяне другихъ повѣтовъ и, претендуя на церемоніймейстера за обидное для дворянина непозволеніе, рѣшились выгнать его самого изъ залы, закричавъ: „вонъ его, вонъ!“.—вследствіе чего церемоніймейстеръ долженъ былъ

удалиться. По донесеніи объ этомъ Репнину, который тогда находился въ Черниговѣ, онъ распорядился арестовать маршаловъ тѣхъ повѣтovъ, которыхъ дворяне принимали участіе въ происшествіи. По докладѣ Государю донесенія объ этомъ Репнину, послѣдовало къ нему высочайшее повелѣніе: созвать въ Черниговѣ повѣтовыхъ маршаловъ и сдѣлать въ присутствіи всѣхъ внушеніе тѣмъ, вѣдомства которыхъ дворяне оказались виновными въ описанномъ поступкѣ, чтобъ они смотрѣли за молодыми дворянами; а Бенкендорфъ особо писалъ Репнину, что хотя эти маршалы и другіе дворяне заслуживали примѣрнаго посужденія, но какъ князь поспѣшилъ предварительно о взысканіи наложеніемъ на нихъ домашняго ареста (чѣмъ Государь остался недоволенъ), то и ограничиться повелѣніемъ внушеніемъ. Кажется, этотъ случай, говоритъ авторъ, далъ поводъ къ состоявшемуся впослѣдствіи новому постановленію о порядке дворянскихъ выборовъ, по которому личное участіе въ выборахъ стали принимать только владѣющіе не менѣе, чѣмъ стали душами крестьянъ, мелкопомѣстные же участвуютъ чрезъ своихъ уполномоченныхъ.

Послѣ изложенныхъ свѣдѣній о малороссійскихъ губернаторахъ авторъ даетъ нѣкоторая свѣдѣнія о черниговскихъ гражданскихъ губернаторахъ. Изъ нихъ баронъ Ив. Вас. Френсдорфъ былъ памятенъ своею трагическою кончиною. Въ 1812 или 1813 году, возвратившись ночью изъ Глухова, онъ утромъ слѣдующаго дня скончался, получивъ 18 сабельныхъ ударовъ отъ неизвѣстнаго убийцы. Происшествіе это совершилось среди губернского города, днемъ, въ виду часовыхъ губернаторской квартиры, но убийца не былъ открыть. Подозрѣніе пало на дворянина кононтопскаго уѣзда С. О. Купчинскаго. Генералъ-губернаторъ Лобановъ, поспѣшившій по поводу этого события въ Черниговъ, самъ производилъ слѣдствіе и строго допрашивалъ Купчинскаго, который, утверждая свою невиновность, объяснялъ, что, имѣя надобность получить подорожную, онъ шелъ тогда къ губернатору, но не успѣлъ еще войти во дворъ, какъ на улицѣ, у калитки, его схватили. Купчинскій въ тюрьмѣ и умеръ, прежде окончанія дѣла объ этомъ убийствѣ. Френсдорфъ былъ безсе-

мейный, но у него жила какая то племянница—нѣмка и учитель полякъ. Оба они, по смерти губернатора, уѣхали изъ Чернигова вмѣстѣ и дали поводъ къ подозрѣнію въ совершении тяжкаго преступленія изъ корыстныхъ или любовныхъ видовъ. Надо добавить, что на другой или третій день послѣ описаннаго происшествія часовой солдатъ повѣсился, а вслѣдъ затѣмъ губернаторскій кучерь утопился.

Губернаторъ, впослѣдствіи сенаторъ, Фроловъ - Багрѣевъ постоянно, каждый годъ ревизовалъ, и весьма строго, повѣтовыя присутственные мѣста; но въ послѣднее время своего губернаторства, женившись на дочери Сперанскаго, онъ большею частію жилъ въ Петербургѣ. Однажды, проѣзжая съ молодою женою изъ своего имѣнія въ полтавской губерніи въ Петербургъ черезъ Конотопъ, онъ при перемѣнѣ лошадей не выходилъ изъ кареты. Въ это время Конотопскій купецъ Нефедьевъ подалъ ему жалобу на городничаго, о которомъ и прежде этого губернаторъ имѣлъ невыгодное представлѣніе. Разсердившись на городничаго, тутъ же бывшаго, Фроловъ-Багрѣевъ, по обыкновенію, хотѣль было громко кричать, но, вспомниль, что сидящая рядомъ съ нимъ жена его спитъ въ каретѣ, чтобы не разбудить ее, сталь шепотомъ и жестами дѣлать внушеніе городничему, послѣ чего видѣвшіе это конотопцы долго вспоминали смѣшное затрудненіе губернатора.

Вступившій на мѣсто Фролова - Багрѣева Шереметьевъ, впослѣдствіи министръ, очень не любилъ неисправныхъ по службѣ чиновниковъ, а въ особенности такихъ, которые дѣйствовали съ корыстными видами, и строго преслѣдовалъ ихъ. Шо его распоряженіямъ, нѣкоторые изъ чиновниковъ были отданы подъ судъ, но почти всѣ оправданы съ выездомъ Шереметева въ Петербургъ. Онъ два раза ревизовалъ присутственные мѣста черниговской губерніи, причемъ обращалъ большое вниманіе на принятые въ нихъ порядки и правильность производства дѣлъ. Авторъ разсказываетъ нѣсколько эпизодовъ изъ ревизіи конотопскихъ присутственныхъ мѣстъ. Наиболѣе характерные изъ нихъ слѣдующіе: будучи предваренъ съ невыгодной стороны относительно дѣйствій предводителя П. П. Скоропадскаго по опекѣ

надъ имѣниемъ князя Разумовскаго, Шереметевъ, когда по пріѣздѣ его въ Конотопъ предводитель прежде всѣхъ явился къ нему на квартиру, не принялъ его и заставилъ ожидать въ передней до прибытія другихъ чиновниковъ, чего прежде никогда не бывало; затѣмъ, ревизуя дѣла дворянской опеки, онъ потребовалъ дѣло объ имѣніи Разумовскаго и приказалъ найти послѣдній отчетъ опекуновъ. Письмоводитель предводителя, перелистывая дѣло, второпяхъ не находилъ требуемаго отчета, почему губернаторъ, потерявъ терпѣніе, закричалъ на письмоводителя: „тебѣ отчетъ этотъ долженъ быть весьма примѣтенъ и ты не отыщешь его!“ и схвативши у него дѣло, самъ началъ искать, спрашивая предводителя: „гдѣ вы взяли такого колпака?“ Получая затѣмъ неудовлетворительныя объясненія на свои вопросы, онъ наконецъ вскрикнулъ: „что жъ мнѣ дѣлать?“ предводитель молчитъ, а письмоводитель ничего не разумѣеть отвѣтить!“—Въ уѣздномъ судѣ, считая наличныя денежныя суммы и сдѣлавъ ошибку, губернаторъ нашелъ лишнихъ 50 рублей и, узнавъ, что счетъ вѣдетъ секретарь, обратился къ послѣднему съ вопросомъ; секретарь объяснилъ, будто онъ, записавъ въ расходъ свое жалованье за послѣднее время, не вынулъ этихъ денегъ изъ сундука. Отдавая секретарю 50 рублей, Шереметевъ сказалъ: „вотъ какой миллионеръ! я сотнями тысячъ получаю, да знаю счетъ деньгамъ“. Послѣ вторичнаго перечета тѣхъ же денегъ, оказалось недостача 50 рублей, изъ чего стало ясно, что сумма денегъ была показана вѣрно и что секретарь совралъ, почему, требуя отъ него возвращенія отданныхъ ему 50 рублей, губернаторъ поздравилъ его мошенникомъ, а автору, служившему тогда уѣзднымъ судьею, сказалъ: „онъ у васъ молодой мошенникъ, но, если вы не будете за нимъ смотрѣть строго, то впослѣдствіи сдѣлается старымъ мошенникомъ“. Авторъ прибавляетъ, что это предсказаніе вполнѣ оправдалось.

Очень интересны сообщаемыя авторомъ свѣдѣнія о жизни прежнихъ чиновниковъ, относящіяся къ тому времени, когда авторъ начиналъ свою службу. Тогда члены и канцелярскіе служители повѣтовыхъ судовъ не получали жалованья; даже на канцелярскіе материалы казна не отпускала содержанія. Потреб-

ность на эти материалы, по принятому порядку пополняли отъ тяжущихся лицъ, которые обязывались представлять писчую бумагу, сургучъ и другіе материалы на производство своего дѣла, причемъ каждый разъ взималось больше, чѣмъ слѣдуетъ, и этими излишками удовлетворялась отписка по дѣламъ уголовнымъ и и казеннымъ. Такими средствами, теперь странными и невѣроятными, повѣтовые суды долгое время существовали, и нельзя сказать, чтобы неисправно, несмотря на большое число дѣлъ, умножившихся отъ изобилия „писателей“ изъ отставныхъ коллежскихъ регистраторовъ, вовлекавшихъ простыхъ людей въ тяжбы по ничтожнымъ спорамъ объ имуществѣ или по поводу драки въ шинкахъ. Члены и канцелярскіе повѣтовыхъ судовъ, вмѣсто жалованья, пользовались доходомъ отъ дѣлъ тяжебныхъ и крѣпостныхъ, подъ наименованіемъ *пересудовъхъ*. Доходъ этотъ былъ установленъ въ статутовомъ законѣ, и притомъ весьма неопределѣтельно, вслѣдствіе чего приходилось относительно количества его условливаться или просто торговаться съ лицами, обязанными вносить этотъ сборъ.

Члены подкоморскихъ судовъ также не получали жалованья, а пользовались правнымъ доходомъ—такъ называемыми *концевыми* съ виновной стороны. Размѣръ этихъ денегъ опредѣлялся слѣдующимъ образомъ: при снятіи спорныхъ дачъ на планъ дѣлались, чрезъ известное число концевъ землемѣрской цѣпи, земляные концы, прямые по линіи и угловатые на поворотахъ, причемъ взималось: за первые по 24, а за послѣдніе по 48 копѣекъ. Подкоморскіе суды часто дѣлали выѣзды на спорныя между тяжущимися земли для установленія границъ, возобновленія старыхъ и постановки новыхъ межевыхъ знаковъ, причемъ соблюдался такой порядокъ: подкоморій (межевой судья), коморникъ (засѣдатель), возный и землемѣръ, выѣхавъ въ назначенный пунктъ, составляли присутствіе подъ открытымъ небомъ, засѣдая за столомъ подъ краснымъ сукномъ съ судовымъ зерцаломъ, и разбирали споры лицъ участвующихъ въ дѣлѣ, по которому выѣздъ состоялся, при этомъ отбирали у присяжныхъ понятыхъ показанія и осматривали межи, землемѣръ снималъ плоскость земли на планъ; тутъ же дѣло рѣшали

и объявляли приговоръ тяжущимся. Эти полевые присутствія подкоморскихъ судовъ имѣли своего рода важность.

Не смотря на то, что жалованья не полагалось, а установленные вмѣсто него сборы были незначительны по количеству, при тогдашней дешевизнѣ на жизненные потребности служащіе могли жить безъ крайней нужды, особенно члены дѣловые (т. е. тѣ, которые дѣйствительно служили, а не числились только на службѣ), секретари и повытчики. Содержаніе тогда стоило очень недорого, напримѣръ: годовая квартира въ повѣтовомъ городѣ—отъ 15 до 25-ти рублей ассигнаціями, обыкновенно на хозяйственныхъ харчахъ, причемъ на обѣдъ давались: борщъ, каша, изрѣдка жаркое, по праздникамъ—пироги, поляницы съ сыромъ и сметаною; чай пили только въ высшихъ слояхъ. Одѣяніе составляли: сюртукъ, пара низкихъ, пара жилетовъ, чуйка (лѣтняя шинель или верхній зипунъ), славянка въ видѣ теплой шинели или тулуна на барашковомъ мѣху; бѣлье носили изъ домашняго холста. Высшіе чиновники съ лучшими средствами имѣли лучшее платье, и даже фраки, но послѣдніе были рѣдкостью въ повѣтѣ. Члены судовъ засѣдали въ присутствіяхъ въ обыкновенныхъ домашнихъ сюртукахъ, а въ мундиры наряжались только по необходимости, при проѣздахъ начальниковъ, причемъ неимѣвшіе своего мундира (что случалось часто) старались достать его у другихъ, необязанныхъ представляться начальству или уже исполнившихъ это.

Въ повѣтовыхъ судебныхъ и полицейскихъ мѣстахъ состояло очень значительное число канцелярскихъ служителей—отъ 30 до 60-ти человѣкъ. Многіе пристраивались на службу единственно для полученія чиновъ, а вмѣстѣ съ ними и дворянства, ибо имѣвшіе классные чины уже считались дворянами. Изъ числившихся въ спискахъ канцелярскихъ едва половина исполняла дѣйствительную службу, но и изъ этихъ нѣкоторые лѣтнею порою имѣли отъ членовъ или секретарей словесныя разрѣшенія отлучаться отъ служебныхъ обязанностей домой для хозяйственныхъ занятій, нерѣдко на продолжительное время, безъ всякихъ отпусковъ. Другая же часть канцелярскихъ, т. е. только числившіеся на службѣ, постоянно находились въ домахъ при

своихъ обычныхъ дѣлахъ, за что обязывались вещественною благодарностью членамъ, секретарямъ, повытчикамъ и повѣтвымъ стряпчимъ. Они являлись въ судъ только для подачи прошений объ определеніи на службу и для присяги; затѣмъ необходимость заставляла ихъ быть при ревизіяхъ губернаторскихъ. Для этого они призывались неофиціально, а въ спискахъ дѣлались установленныя отмѣтки о томъ, чѣмъ каждый изъ нихъ занимается по службѣ. Послѣднее обстоятельство ставило членовъ и секретарей въ довольно затруднительное положеніе: затруднялись именно въ томъ, какія занятія назначать нѣсколькимъ десяткамъ этихъ лицъ, не имѣвшихъ и понятія о тѣхъ предметахъ, которые были обозначены противъ ихъ фамилій въ спискахъ; отмѣтки эти были такого рода: въ перепискѣ журналовъ, протоколовъ, отпусковъ, въ подшивкѣ бумагъ къ дѣламъ, въ разборѣ архивныхъ дѣлъ и т. п. Тѣхъ же, которые, при первомъ взглядѣ на нихъ, казались вовсе непохожими на канцелярскихъ служителей, по лѣтамъ своимъ или наружному виду, показывали отсутствующими: въ отпускѣ на мѣсяцъ, или по случаю смерти отца на восемь дней, или по болѣзни. Черезъ три года они получали чинъ коллежского регистратора и впослѣдствіи прѣѣзжали въ повѣтовый городъ для милостивой отставки и полученія за вѣрную службу атtestата. Прѣѣзды ихъ ознаменовывались подарками, пирушками и составляли события для сослуживцевъ, несшихъ за нихъ службу. Объ этихъ получателяхъ чиновъ безъ службы знали частнымъ образомъ чиновники губернскихъ правленій, но ничего не дѣлали для того, чтобы прекратить это.

Въ то время въ Малороссіи многіе зажиточные козаки и другія податныхъ сословій лица какъ бы за правило приняли: выучивъ сынка мужичка въ сельской дѣячковской школѣ читать и писать, пристроивать его въ судъ для полученія безъ службы чина коллежского регистратора, а иногда губернскаго секретаря и выше. Вышедшіе такимъ образомъ въ чины, равно какъ и потомство ихъ, уже навсегда освобождались отъ податныхъ, рекрутскихъ и другихъ повинностей, женились на дочерахъ дворянскихъ и священническихъ съ болѣе или менѣе значи-

тельнымъ приданымъ и послѣ жили припѣваючи между своими селянами на праѣ дворянъ.

При такомъ, охватившемъ населеніе стремлениѣ достигать чиновъ безъ дѣйствительныхъ заслугъ, многіе члены, секретари и другіе чиновники повѣтовыхъ мѣстъ старались выводить своихъ сыновей въ чины въ самыхъ молодыхъ лѣтахъ, показывая, при опредѣленіи на службу, возрастъ ихъ по своему произволу (материческихъ свидѣтельствъ о рожденіи тогда не требовалось при опредѣленіи на службу), вслѣдствіе чего сыновья такихъ чиновниковъ или ихъ близкихъ родственниковъ почти во младенчествѣ были уже коллежскими регистраторами. Авторъ зналъ одного титуллярного совѣтника въ такихъ лѣтахъ, въ которыхъ едва могла начинаться дѣйствительная служба; а одинъ секретарь (земскаго суда Тарасевичъ), имѣя жену въ интересномъ положеніи и полагая, что она родить сына, опредѣлилъ его, чрезъ губернское правленіе, на службу въ земскомъ судѣ, но вышла неудача—родилась дочь, и пришлось употребить новую ложь, заявляя, что будто бы новоопредѣленный на службу умеръ.

Воспитаніе тогда было преимущественно домашнее, такъ какъ въ большей части городовъ не было никакихъ училищъ. Въ Конотопѣ проживалъ тогда пѣмецъ Гроссъ, бывшій прежде домашнимъ учителемъ у богатаго мѣстнаго помѣщика Кандибы. У этого Гросса получали образованіе Драгомировы, Коропчевские и другіе мѣстные дворяне. Многіе священники воспитывали своихъ сыновей также дома, послѣ чего они дѣлались дьячками, изъ дьячковъ посвящались въ діаконы и затѣмъ—въ священники. Тогда не обращали большого вниманія на то, удовлетворительно ли они обучены, а требовали лишь (подвергавшіе ихъ предварительному испытанію), чтобы они знали изъ ермоля и другихъ церковныхъ постановленій тѣ относящіяся къ священнодѣйствію правила, о которыхъ обыкновенно предлагалъ вопросы архіерей при испытаніи способностей. Такимъ образомъ, успѣхъ въ достижениѣ желаемаго часто зависѣлъ не отъ познаній и нравственныхъ достоинствъ, а отъ качества и количества приношеній. Достигши такимъ путемъ священнослу-

жительскихъ званій, эти поповичи и дьяконенки старались въ сельскихъ приходахъ вознаградить свои издержки предосудительными вымогательствами отъ прихожанъ церковныхъ требъ, а въ особенности при бракосочетаніяхъ, такъ что не имѣвшіе въ наличности требуемаго количества денегъ, чтобы уплатить за вѣнчаніе, бывали принуждены продавать часть земли или рабочій скотъ.

За то и священники въ свою очередь порядочно отплачивались въ губернскомъ городѣ, такъ какъ секретари декастерій (прежня консисторії) умѣли хорошо оббирать ихъ. Эти секретари играли тогда не малую роль, благодаря тому, что члены декастеріи или слабо или вовсе не занимались разсмотрѣніемъ производившихся въ ней дѣлъ, обыкновенно предоставляя секретарю дѣйствовать по своему усмотрѣнію. И они дѣйствовали такъ, что многіе изъ нихъ въ короткое время составили себѣ на этой должности значительные капиталы. Сельскіе священники на столько страшились попасть по какимъ-либо преткновеніямъ въ руки дѣйствовавшаго самовластно секретаря декастеріи, что когда одинъ священникъ конотопскаго уѣзда, обвинявшійся въ томъ, что похоронилъ дворовую женщину съ знаками побоевъ, получивъ за то мзду въ видѣ рябой свини отъ лица, причинившаго эти побои,—узналъ, что дѣло обѣ немъ, находившееся въ уѣздномъ судѣ, подлежитъ передачѣ духовной власти для рѣшенія, то со слезами сталъ умолять судить его свѣтскимъ судомъ, не предавая въ руки секретаря декастеріи. Входъ просителей священниковъ въ домъ декастерійскихъ секретарей былъ такъ частъ и интересенъ, что у одного изъ нихъ (Васильевскаго) евреи откупали калитку у двора съ порядочнымъ платежомъ, и эта аренда была не безвыгодна для евреевъ, взимавшихъ отъ священниковъ, которые имѣли частыя надобности къ секретарю, пошлину за входъ черезъ калитку. Конечно, отъ тѣхъ священниковъ, которые за какія нибудь привинности подлежали духовному суду, секретари получали весьма значительную дань, за что и избавляли ихъ отъ отвѣтственности. И на столько сильны были власть и вліяніе секретарей декастеріи, что бывали случаи почти невѣроятныхъ оправданій свя-

шениковъ, несомнѣнно виновныхъ, но не скучившихся на приношенія. Напримѣръ, въ конотопскомъ уѣздѣ одинъ изъ двухъ священниковъ, состоявшихъ при одной сельской церкви и враждовавшихъ между собою, наканунѣ великой пятницы тайно унесъ или похитилъ изъ церкви плащаницу, желая этимъ повредить своему собрату, который тогда служилъ; а въ другомъ селеніи того-же уѣзда три приходскихъ священника, состоявшихъ при одной церкви, раздѣляя между собою принесенные прихожанами на Фоминой недѣлѣ для поминокъ съѣстные припасы, въ томъ числѣ и крашенныя яйца, не соспились въ дѣлѣ и, заспоривъ, стали бросать другъ въ друга яйцами, часть которыхъ, не попадая въ лица противниковъ, ударялась въ церковныя стѣны, оставляя на нихъ видимыя пятна. Какъ о святотатственномъ похищеніи плащаницы, такъ и о дракѣ, произошедшемъ между священниками, были произведены духовной властью слѣдствія, но виновные не подверглись никакимъ взысканіямъ по милосердному покровительству и защитѣ секретаря декастеріи. Характернымъ также представляется слѣдующій случай: помѣщикъ конотопского уѣзда П. П. Скоропадскій, вознамѣрившись жениться на любимой дѣвушкѣ при несогласіи на то ея родителей, рѣшилъ обвенчаться съ нею тайно, а предварительно этого, для лучшаго успѣха, счелъ нужнымъ запастись отъ секретаря декастеріи (упомянутаго выше Василевскаго), за хорошую дань, позолотойю запискою, удостовѣряющею, что священникъ, который обвенчаетъ Скоропадскаго, не подвергнется за это отвѣтственности чрезъ посредство его, секретаря. И такое большое значеніе имѣла эта записка, что первый же священникъ, къ которому обратился Скоропадскій, увезя невѣstu изъ дома родителей и уѣхав отъ гнавшихся за нимъ людей, поспѣшилъ немедленно обвенчать его. Затѣмъ при всѣхъ усиленіяхъ родителей невѣсты подвергнуть священника, совершившаго тайное бракосочетаніе, отвѣтственности, они не успѣли въ томъ—благодаря заступничеству мѣстнаго секретаря.

Интересный разсказъ о декастеріяхъ добраго стараго времени занимаетъ послѣднія страницы записокъ, составленіе ко-

торыхъ, какъ мы упоминали выше, было прервано болѣзнью и смертью автора. Еще разъ пожалѣемъ, что эта смерть помѣшила автору окончить начатый трудъ и поразсказать о другихъ временахъ, болѣе къ намъ близкихъ.

Н. Ш.

Частная переписка Григорія Андреевича Полетики.¹⁾

(1750—1784 г.).

96) Георгія Конисского, архієпископа Могилевскаго, изъ Могилева, 1782 г., 3 іюня.

Высокородный господинъ, коллежскій совѣтникъ! Милостивый государь и благодѣтель мой! Сегодня имѣль я честь получить почтеннѣйшее писаніе ваше и въ любезнейшихъ вашихъ сыновьяхъ, какъ самаго васъ видя, радовался. Annales Rudawscy прошу принять въ число книгъ вашихъ, при коемъ еще посылаются Piasecy Chronicon и Starowolscy, Tractatus tres, по требованію вашему, да сверхъ того два томы Длугоша, съ коихъ въ послѣднемъ приданы старые польскіи писатели, какъ то: Кадлубко, Sarnicius, Orechowius etc., и еще посылаются жъ Regenwolscy, Systema Chronologicus, и Pastory, Historia Polona plenior. Kojalowicza и Кобержицкаго, какъ и Старовольскаго, Eques Polonus, не находится у мене. Равно жъ къ благоденствію вашему не могутъ (sic) услугить вамъ ни однимъ гербарамъ, понеже самъ не имѣю. Въ слѣдующемъ сентябрѣ нужда будетъ мнѣ посыпать нарочно въ Варшаву. Какія вамъ надобны книги, извольте прислать мнѣ реестръ. Васъ поздравляю искренноѣше и усерднѣйше новымъ дворянствомъ: промыслили вы благорѣменно. Если не думаете дѣтей посыпать туда, откуду дворянство, для ученія, то совѣтовалъ бы я напредъ послать ихъ въ Вильню,—

¹⁾ См. „Кіевск. Стар.“ № 10, 1894 г.

тамъ сего году открылся новый университетъ и академія новымъ порядкомъ ученій и весма похвальнымъ; жалко, что не имѣю при себѣ печатныхъ о томъ рѣчей и расположенія, послать преосв. Смоленскому, а получа обратно, пришлю вамъ; а тамъ можно бѣ дѣятъ и въ монастырѣ нашемъ квартиру имѣть. Не пишу больше, не хотя удерживать птенцовъ любезнѣйшихъ, спѣшащихъ въ гнѣзда свое. И такъ, желая вамъ со всѣмъ домовствомъ истиннаго благоденствія, остаюсь съ истиннымъ моимъ почтеніемъ и усердіемъ високородія вашего, милостиваго государя и благодѣтеля моего, покорнѣйшій слуга Е. Георгій¹⁾.

97) *Брата Андрея Андреевича, изъ Оксютинецъ, 1782 г., 1 августа.*

М. г. мой, братецъ Григорій Андреевичъ. Исполняя данное мною вамъ слово, сего числа трактовалъ я о дѣлахъ зъ братомъ Иваномъ Андрѣевичемъ; чтобы за оними ездить поочереди, никакъ не соглашается, представляя всякіе по должностіи его неудобства, съ тѣмъ чтобъ если ездить, то я охотно ихъ радъ потерять, а чтобы совмѣстно имѣть повѣренного и другія издержки,—на то соглашается. Нѣмецкимъ дворянствомъ весма недоволенъ по причинѣ платежа до четырехъ сотъ рублей денегъ. Обявивъ, пребываю зъ должнѣйшимъ высокопочитаніемъ, вашъ, м—аго г—ра моего братца, покорнѣйшій слуга Аѳдрей Полетика.

98) *Григорія Ивановича Полетика, изъ Вѣны, 1782 г., 10/21 августа.*

М. г. мой, братецъ Григорій Андреевичъ! Требованіе ваше, ученоное мнѣ письмомъ отъ 20-го марта, которое получилъ я маія 27 числа, безъ сумнѣнія казалось вамъ такимъ, которое не трудно исполнить; я и самъ не токмо съ первого взору, но и тогда, когда уже началъ освѣдомляться о предметахъ онаго, принялъ его точно въ такомъ же видѣ и разумѣ; спустя жъ нѣсколько времени, а именно недѣль около трехъ послѣ того

¹⁾ Это письмо было уже разъ напечатано въ „Кievsk. Стар.“ (1891 г., № 4); здесь оно перепечатывается для полноты.

уже, какъ я даль мои вопросы на бумагѣ одному изъ секретарей, находящихся здѣсь при имперской канцеляріи, изъ которой выдаются всѣ дипломы, неожиданнымъ образомъ нашелъ я въ полученіи отвѣта на оные вопросы великія затрудненія, кои произошли отъ того, что въ помянутой канцеляріи разныя были воображенія о моемъ любопытствѣ, и не зная точныхъ оного причинъ и обстоятельствъ, долго колебалися въ въ томъ, чтобы меня въ немъ удовольствовать; а наконецъ, по неоднократныхъ моихъ домогательствъ убѣжденіяхъ, довелъ я до того, что самъ оной канцеляріи референдарь (или оберъ секретарь) баронъ Лассоль,—тотъ самый, котораго подпись находится въ отправленныхъ мною, сими днями, для Ивана Андреевича и для Андрея Андреевича императорскихъ дипломахъ на дворянство римской имперіи, здѣлалъ своеуручный отвѣтъ на каждый изъ часто реченныхъ моихъ вопросъ, кои мною по вышеозначеному вашему письму составлены, и которые купно съ оригиналнымъ на оные отвѣтомъ, найдете вы на приложенной при семъ бумагѣ.

Теперь слѣдуетъ мнѣ сказать вамъ, м. г. мой братецъ, въ отвѣтъ на послѣднее письмо ваше отъ 2-го числа прошедшаго маія, что я не токмо въ писмѣ моемъ отъ 7-го февраля нынѣшняго года изъяснилъ вамъ, сколь мало имѣлъ я тогда надежды къ доставленію дѣтямъ вашимъ иностранныхъ офицерскихъ чиновъ, но уже и за два, если не за три года, предъ симъ писалъ я къ вамъ о томъ же; и что съ того времени не оставался мнѣ ничего иного думать, кромѣ того, что вы приняли другія мѣры къ попеченію о дѣтяхъ вашихъ;—ибо мнѣ помнится, что около трехъ лѣтъ вы уже болѣе ничего не писали ко мнѣ о семъ дѣлѣ.—Какъ бы то ни было, я вскорѣ по отправленіи вышеозначенаго моего къ вамъ письма, отъ 7-го числа прошедшаго февраля, вновь освѣдомился въ Варшавѣ, у нашего резидента барона Аша, не можно ли родственникамъ моимъ получить польскіе офицерскіе чины, въ доказательство чего прилагаю при семъ, подъ numerомъ 2-мъ, экстрактъ изъ моего къ нему письма, а къ оному присовокупляю, подъ numeromъ 3-мъ, оригиналный его ко мнѣ отвѣтъ. Сего не довольно;

я дѣлалъ попытку и въ Копенгагенѣ, чрезъ находящагося здѣсь дацкаго секретаря посольства, у одного изъ членовъ тамошней военной коллегіи генерала графа Алефельда, который, въ послѣднюю мою бытность въ Сактпетербургѣ, находился тамо дацкимъ посланникомъ; какой же полученъ отъ него помянутымъ секретаремъ посольства отвѣтъ, оный при семъ найдете вы подъ нумеромъ 4-мъ. Равнымъ образомъ, не имѣлъ я, м. г. мой братецъ, удачи въ тѣхъ попыткахъ, которыя мною вновь же сдѣланы были со стороны прусской и саксонской; напротивъ чего, не безъ успѣха адресовался я наконецъ къ находящемуся здѣсь герцогскому Виртембергскому резиденту г. Бюллеру, ибо полученный имъ изъ Стутгарда отвѣтъ подаетъ вамъ надежду къ достижению желаемаго, какъ то усмотрите вы изъ приложеной при семъ бумаги подъ нумеромъ 5-мъ. Теперь остается мнѣ еще получить отъ него увѣдомленіе о потребныхъ къ сей моей комиссіи издержкахъ, а потомъ васъ обѣ оныхъ увѣдомить и просить васъ о переводѣ ко мнѣ денегъ, дабы я, имѣя оныя въ рукахъ моихъ, могъ уже смѣло адресоваться съ собственнымъ моимъ прошеніемъ къ самому герцогу, которому въ бытность его свѣтлости въ здѣшнемъ городѣ, что было въ началѣ нынѣшняго лѣта, я представленъ былъ отъ князя Дмитрия Михайловича, отъ чего можетъ быть происхожденіе свое имѣютъ тѣ ласкателныя для меня герцогскія слова, о которыхъ въ вышереченномъ Стутгардскомъ отвѣтѣ упоминается.

Обѣ извѣстной рѣчи я не оставилъ въ свое время сказать князю Куракину, что она сочинена вами; и онъ хвалилъ, такъ, какъ и другіе, кому я имѣлъ случай показать или прочесть оную. Я не премину стараться о полученіи учрежденій, касающихся до Стутгардскихъ училищъ и о доставленіи вамъ оныхъ, пребывая впрочемъ съ совершеннымъ, и къ вамъ самимъ и къ м. г.—нѣ моей Еленѣ Ивановнѣ, почтеніемъ и съ непремѣнною къ обоимъ вамъ преданностью, братъ и слуга Григорій Полетика.

P. S. При семъ случаѣ г. Кудрявскій (о пожалованіи котораго въ переводчики я уже, помнится, давно писалъ вамъ) просилъ меня засвидѣтельствовать вамъ, м. г. мой братецъ,

такожъ и м. г—нѣ моей Еленѣ Ивановнѣ, должное его почте-
ниe, а притомъ рекомендовать въ милость вашу и его самого,
и сожительницу, и дѣтей его, которыхъ уже двое имѣеть онъ,
а третie чрезъ нѣсколько дней намѣрено въ свѣтъ явиться. О
сей перемѣнѣ состоянія его я не могъ прежде увѣдомить васъ
потому, что онъ нѣсколько лѣтъ содержалъ ее въ разсужденіи
князя, а по просьбѣ его и я принужденъ былъ содержать въ
великой тайнѣ, которую наконецъ, по моему совѣту, открылъ
онъ здѣсь, въ недавнемъ времени, и теперь живетъ съ семьею
на своей квартирѣ. Жена его изъ здѣшняго мѣщанства, закона
католицкаго, женщина весьма добрая; а впрочемъ по смерти
матери своей имѣеть она получить до трехъ тысячъ рублей на
наши деньги.

НВ. Получа уже нѣсколько писемъ изъ Чернигова чрезъ
Могилевъ, и изъ Ромна чрезъ Черниговъ, и усмотря, что оныя
гораздо скорѣе сею дорогою, нежели чрезъ Петербургъ, дохо-
дятъ, я вздумалъ отвѣдать ее и для моей съ вами переписки,
и здѣлать теперь начало сему опыту, адресуя сіе письмо въ
Черниговъ, къ бывшему здѣсь нѣсколько разъ по купеческимъ
дѣламъ и потому мнѣ знакомому, тамошнему жителю и вой-
сковому товарищу Андрею Михайловичу Еньку, къ которому,
кажется, и вы, м. г. мой братецъ, можете адресовать ваши ко
мнѣ письма, если заблагоразсудите и если не найдете въ томъ
никакого помѣшательства или какой-либо неудобности¹⁾.

99) *Брата Андрея Андреевича, изъ Борзенки²⁾, 1782 г.,
13 августа.*

М. г. мой, братецъ Григорій Андреевичъ! Я весьма много
трактовалъ съ братомъ Иваномъ Андреевичемъ о дѣлахъ, но
болѣе онъ мнѣ въ отвѣтъ не сказалъ, какъ то, о чемъ я писалъ
къ вамъ; вы же меня пеняте, будто бы незная его нрава; развѣ было
поматерно съ нимъссорится; совсѣмъ тѣмъ, до убитку, какой
бы онъ ни былъ, онъ соглашается, а я беру на себя вѣсть

¹⁾ Упоминаемыя въ этомъ письмѣ приложения не сохранились.

²⁾ Хугоръ около Ромна.

счети и полагать на его двѣ доли, а намъ по одной, вразсужденіи, что онъ своею персоною трудится не будетъ. Пенковъ на стоянкѣ (для пчель) въ меня, въ Борзенки, сискалось пятдесятъ, кои я дозволиль и викопать. Пребываю впротчемъ зъ должнѣйшимъ высокопочитаніемъ, вашъ м. г—ря моего братца и покорнейшій слуга Андрей Полетика.

P. S. М. г—нѣ моей сестрицѣ Еленѣ Ивановнѣ свидѣтельствую нижайшое мое почтеніе и сердечно сожалѣю, что я не угодилъ выборомъ въ Николаевку приказчика, поелику не имѣю за собою ангелскаго знанія узнавать людей со взгляду; совсѣмъ тѣмъ, я еще не ошибся, что рекомендовалъ такого человѣка, который старается въ деревняхъ вашихъ болѣе умножить родъ человѣческій, нежели искоренить, коего ради пострадала коровниковна¹⁾), вмѣсто того, что у меня бы за то получила ординъ. Нинѣ время настало стараться умножить людей, и за умноженіе людей въ семъ искусствѣ награждать всячески, нежели немилосердно наказывать; я услышавши весма о бѣдной коровниковнѣ, сожалѣль, но такъ и быть, когда барыня сего не терпитъ; впредь не осмѣлюсь рекомендовать человѣка, слышачи неудовольствіе.

100) Кондоиди Николая Павловича, изъ Петербурга, 1782 г.,
22 августа.

М. г. мой Григорей Андреевичъ! Послѣднее благопріятнейшее письмо ваше отъ 20-го минувшаго июля мѣсяца, имѣль я честь получить и со вложенными въ ономъ ассигнаціями на 125 рублей, слѣдовавши ми въ уплату денегъ, издержанныхъ на надобности ваши. Здѣсь же изволите вы, м. г. мой, найти новой щетъ, изъ коего усмотрите, какія припасы для васъ уже куплены и по какой цѣнѣ. Протчія вѣщи, какъ то вино и аглиинское пиво, я вовсе не куплю, ибо они, какъ вы весьма спра-ведливо въ письмѣ вашемъ примѣчаєтъ, во всякое время въ одной цѣнѣ состоятъ, а потому вы никакого убытка не потерпите, когда сами ихъ купите будущую зимою, въ вашу здѣсь

¹⁾ Дочь коровника.

бытность. По дѣлу шурина вашего г. асессора Михайла Гамалѣи, здѣлавъ неукоснительно подробную и достаточную выписку изъ писма вашего, послалъ ея къ извѣстному вамъ человѣку, которой возвратилъ ея ко мнѣ съ слѣдующими своеручно написанными строками: „На сіе отвѣтствовать имѣю, что изъ изясненнаго дѣла евстрактъ не сочиненъ, да и повѣреннаго нѣтъ, а потому и скораго рѣшенія оному ожидать не можно“. Вотъ весь отвѣтъ, который я получилъ и который я вамъ сообщаю безъ всякой потери времени. Согласно съ волею вашею, отдалъ я уже человѣка вашего, по нынѣ въ смирительномъ дому содер- жавшагося, мужескому сапожнику, которой кажется быть человѣкъ честной и надежной, и далъ ему паспортъ срокомъ по 1-е число генваря мѣсяца будущаго 1783-го года, а какъ въ приложенномъ къ сему письму щѣть сказано, что за содерганіе его въ вышепомянутомъ дому заплачено по 5-е сентября, почему можетъ показаться, что издерѣжа сія здѣлана напрасно, то въ объясненіе долженъ я вамъ сказать, что деньги за каждый мѣсяцъ платятся напередъ и не возвращаются, хотя бы отданной человѣкъ цѣлаго мѣсяца въ смирительномъ дому не выжилъ. Сие самое случилось и съ сапожникомъ вашимъ. Месяцъ его въ смирительномъ дому начинался 5-мъ числомъ, почему и принужденъ былъ я 5-го нынѣшняго августа мѣсяца вновь отдать на его пищу за мѣсяцъ въпередъ, то есть по 5-е будущаго сентября мѣсяца. Письмо же ваше, въ коемъ вы изволите писать, чтобъ его отъ смирительного дома избавить, дошло ко мнѣ только 7-го августа, слѣдовательно не могъ я предузнать намѣренія вашего и не здѣлать издерѣжу, которая по обстоятельствамъ здѣлалася теперь всеконечно вовсе лишнею.

Письма ваши къ г. г. Шарапову и Вильковскому разнесены на другой день, по полученіи ихъ отъ васъ. Сестра, братъ, жена его и Ульяна Феодоровна, которая отъ сюда въ непродолжительномъ времени отправится намѣренна, свидетельствуютъ искреннѣе почтеніе свое вамъ и любезнейшей супруге вашей м. г—нѣ моей Елене Ивановнѣ, которую прошу васъ также уверить о непоколѣбимой моей къ ней преданности, съ

которою я по гробъ мой пребуду вашимъ, м. г. мой, покорнѣйшимъ слугою Н. Кондоиди¹⁾.

*101) Григорія Ивановича Полетики, изъ Віны, 1782 г.,
2/13 ноября.*

М. г. мой, братецъ Григорій Андреевичъ. Какъ ни старался я чрезъ того жъ самаго Виртембергскаго резидента, о которомъ я писалъ къ вамъ и прошедшаго августа ^{10/21} числа, узнать сколько будетъ коштовать каждый патентъ на офицерскіе чины для сыновей вашихъ, но не могъ я получить такого увѣдомленія по той причинѣ, что, по объявлению помянутаго резидента, никогда еще не было у нихъ подобнаго пожалованія офицерскихъ чиновъ такимъ людямъ, которые не въ дѣйствительной ихъ службѣ находятся, и что потому или отъ самаго герцога или отъ генералитета его зависѣть будетъ опредѣленіе денежнаго платежа за патенты, кои сыновьямъ вашимъ дани будутъ. Итакъ, теперь главное дѣло состоить въ томъ, чтобы вы, м. г., мой братецъ, безъ упущенія времени увѣдомили меня объ именахъ и лѣтахъ кандидатовъ нашихъ, о томъ мѣстѣ жительства вашего, о которомъ вы желаете, дабы оно въ помянутыхъ патентахъ означено было, такъ, какъ и объ уѣздѣ, въ которомъ то мѣсто щитается, о чемъ я и самъ долженъ упомянуть въ прошеніи, которое надобно мнѣ будетъ послать къ герцогу Виртембергскому чрезъ резидента его г. Бюллера, и чтобы при томъ взяли вы у жительствующаго въ Черниговѣ войскового товарища Андрея Михайловича Енька и ко мнѣ бы пайскорѣе прислали кредитивное къ которому нибудь изъ знакомыхъ ему здѣшнихъ банкировъ или купцовъ писмо, по которому тотъ банкиръ или купецъ далъ бы мнѣ столько денегъ, сколько мяѣ понадобится на комиссію вашу, за которую (не обинуясь признаюсь предъ вами) я не могу безъ того и приняться, не имѣя такихъ собственныхъ денегъ, кои бы можно мнѣ было на оную употребить безъ ве-

¹⁾ Сынъ грека Кондоиди, Павла Захаровича, бывшаго при императрицѣ Елизавѣтѣ Петровнѣ придворный зейбъ медикомъ.

личайшей тягости. Впрочемъ, я долженъ вамъ, м. г. мой братецъ, примѣтить, что Виртембергскій герцогъ по обявленію находящагося здѣсь резидента его свѣтлости, говорилъ только о капитанскомъ и поручицкомъ чинахъ, и что по мнѣнію тогожъ резидента, или лучше сказать по рѣчамъ самого герцога, надлежитъ вамъ сими двумя чинами довольствоваться, и изъ онихъ одинъ для одного или для двухъ сыновей вашихъ выбрать.— Даю же хотѣлъ я сообщить вамъ ту самую копію съ отвѣтнаго писма г. генерала прокурора къ князю Александру Борисовичу Куракину, которую сей послѣдній прислалъ ко мнѣ изъ Италии, но все позабывалося мнѣ послать ее къ вамъ, и хотя она теперь уже совсѣмъ для васъ не нужна, однако я не хотѣлъ скрыть ее отъ васъ, и потому при семъ ее посылаю, а къ ней присовокупляю копію съ записки, каѳова вручена мною г. лейбъ-медику Карлу Федоровичу Крузу о Тимофѣе Ивановичѣ (Полетикѣ), которому онъ, по прозвѣщѣ моей, обѣщалъ помочь въ нужныхъ случаяхъ, и который потому можетъ къ нему адресоваться, если ему въ чемъ случится нужда, о чемъ прошу васъ, м. г., мой братецъ, увѣдомить его и доставить ему ту самую записку, которая къ вамъ отъ меня для того и посыпается.— Съ княземъ Куракинымъ я вновь довольно говорилъ объ васъ и далъ ему копію съ извѣстной вашей рѣчи, которую обѣщалъ онъ показать великому князю; напротивъ чего не имѣль я никакшаго случая что либо сказать объ васъ его императорскому высочеству во время послѣдней его бытности въ здѣшнемъ городѣ.— Впрочемъ, пребуду всегда съ истиннымъ и совершеннымъ къ вамъ и къ м. г.—нѣ моей Еленѣ Ивановнѣ почтеніемъ и съ непремѣнною преданностью... Григорій Полетика.

P. S. Прилагая при семъ, подъ открытою печатью, писмо къ Велико-Бубновскому старостѣ Роману Жеребецкому, я покорно прошу васъ, м. г. мой братецъ, употребить стараніе, дабы оно вѣрно и скоро могло до него дойти посредствомъ Андрея Андреевича, который прочтя и припечатавъ, можетъ оное отослать къ нему, Жеребецкому, или призвать его къ себѣ, какъ

для отдачи ему того писма, такъ и для того, чтобы онъ въ непродолжительномъ времени отписалъ ко мнѣ въ отвѣтъ на оное.—Я не помню, писаль ли я къ вамъ или нѣтъ, что г. Кохъ взять отсюда въ коллегію, гдѣ уже онъ съ прошедшаго апрѣля мѣсяца находится на мѣстѣ статскаго канцеляріи совѣтника, и получаетъ жалованья по двѣ тысячи рублей на годъ.

102) *Николая Мотониса, изъ Липова-Рога¹⁾, 1782 г., 11 ноября.*

М. г. мой Григорій Андреевичъ! Пріѣхавъ я изъ Глухова, тотъ же часъ далъ я знать женѣ моей, что я условился съ вами о принятіи любезныхъ вашихъ дѣтей въ науку купно съ нашими дѣтьми. Она не только въ семъ согласна, но и весма рада, что будуть наши дѣти вмѣстѣ съ дѣтьми такихъ друзей, которыхъ мы между рѣдкими почитаемъ. Учителя я спрашивать—будетъ ли онъ доволенъ отъ каждой дочери вашей получениемъ въ годъ по сту рублей, причинъ не имѣю, ибо я съ нимъ договорился, кромѣ моихъ, чтобъ онъ обучалъ еще двоихъ, коихъ я ему препоручу. Слѣдовательно ему до сего дѣла нѣтъ, а я симъ доволенъ. Онъ учитъ читать, писать, исторіи, географіи, ариѳметики, а жена его разнымъ женскому полу приличнымъ руководліямъ. Приятное ваше писмо писано изъ Глухова 3-го октября, которое я получилъ сего дня, по чему поздно и отвѣчаю. При семъ покорно прошу пожаловать спросить Иванъ Андреевича Войцеховича получилъ ли онъ мое письмо 4 октября, съ приложеніемъ двухъсотъ рублей ассигнаціями, а другое, писанное къ нему въ началѣ сего мѣсяца, съ прошеніемъ, чтобъ онъ меня о семъ уведомилъ, но я и по сіе время остаюся въ невѣдѣніи, и что онъ вамъ скажетъ, прошу меня уведомить. Въпрочемъ, свидѣтельствуя вамъ и м. г-нѣ Еленѣ Ивановнѣ усерднѣйше наше почтеніе, со всегдашнею преданностію, есмь м. г. мой вашъ покорнѣйший слуга Николай Мотонисъ. Прошу пожаловать уведомить меня, въ которой деревнѣ будетъ зиму проводить Иванъ Михайловичъ Скоропадскій.

¹⁾ См. Опис. Стар. Малорос., II, 83.

*103). Кондоиди Наколая Павловича, изъ Петербурга, 1782 г.,
21 ноября.*

М. г. мой Григорій Андреевичъ. Дружеское письмо ваше отъ 29-го октября имѣль я честь получить исправно съ приложенными къ оному ассигнаціями на 150 рублей, въ уплату издержаныхъ мною на вашъ щетъ денегъ, изъ коихъ на васъ осталось теперь только 4 р. 46 коп., какъ вы сами о томъ въ помянутомъ письмѣ вашемъ изволите отзываться. Будьте увѣрены, м. г. мой, что я потщусь исполнить все, что вы мнѣ предписываетъ въ рассужденіи сапожника вашего и по дѣлу съ шуриномъ вашимъ, и есть ли касательно до сего послѣдняго узнаю что нибудь такое, что можетъ заслужить вниманіе ваше, то непремѣнно васъ о томъ уведомить безъ потери времени. Теперь же спѣшу сообщить вамъ, что требованной паспортъ для любезнѣйшихъ дѣтей вашихъ я никоимъ образомъ вамъ доставить не могу, ибо по силѣ имяннаго ея императорскаго величества указа, состоявшагося въ 4 день марта мѣсяца нынѣшняго года, коллегія иностранныхъ дѣлъ не имѣеть болѣе права давать паспорты для выѣзда за границу въ чужie краи, за исключеніемъ только вѣкоторыхъ случаевъ. Все сie увидитъ вы пространно изъ приложенной здѣсь статьи помянутаго имяннаго указа, а въ добавокъ долженъ я вамъ сказать, что хотя въ оной упоминается только о двухъ губерніяхъ Московской и Санктпетербургской, однакожъ право давать паспорты присвоено всѣмъ губерніямъ вообще, и есть уже примѣры, что малороссіянъ, имѣвшіе желаніе выѣхать въ чужie краи, получили паспорты изъ своихъ намѣстничествъ, почему и вамъ, м. г-рю моему, должно стараться достать въ губернскомъ правленіи намѣстничества вашего нужной паспортъ для дражайшихъ дѣтей вашихъ. Я крайнѣ жалею, что въ семъ случаѣ не могу вамъ служить и вы сами видите невозможность, которая мнѣ въ томъ препятствуетъ. Вся семья моя свидѣтельствуетъ вамъ и любезнѣйшей супругѣ вашей м. г-нѣ моей Елене Ивановнѣ искреннее почтеніе, о которомъ увѣряю я ея также отъ себя и пребываю на всегда съ непоколѣбимою и истинною дружбою, вашъ, м. г. мой, покорнѣйший слуга А. Кондоиди.

104) Максима Васильевича Дунинъ-Борковскаго¹⁾, изъ с. Вормина, 1783 г., 13 января.

М. г. мой Григорій Андреевичъ. Получивъ вчеращнаго днѧ благопріятное ваше письмо, на которое симъ моимъ отвѣтомъ васъ трудить осмѣливаюсь. Вы изволите, м. г. мой, отъ меня увѣдомленія требовать, какія вещи, изъ покупки моей, которую я васъ прежде сего трудилъ, съ нижайшимъ моимъ прошеніемъ, ее въ Санктпетербургѣ соблаговолить исправить, нужнѣе протчой покупки, то смѣю вамъ чрезъ сie донестъ, что скрыпичныя струны мнѣ всего нужнѣе, ибо мои уже сошли, и не имѣю нынѣ чѣмъ времени скучнаго проводить; для того прошу покорнѣйше мнѣ ихъ чрезъ вашихъ людей потрудиться переслать. Что же до чашекъ, чайнаго фарфорнаго прибора и протчой моей въ реестрику моемъ означенномъ покупки принадлежитъ, то естьлибъ вамъ не въ труда было меня изъ С.-Пбруга увѣдомить, сколько она вся станетъ, я бы вамъ осмѣлился въ Спб. достальную сумму денегъ почтою доставить. За присылку денегъ мѣдныхъ покорнѣйше благодарствую; за серебренными же я уже за нѣсколько дней въ Борковку²⁾ послалъ, но не уповаю, чтобъ они васъ застать могли, ибо прежде десяти дней я ихъ получить не надѣюсь. Прикащика же вашаго увѣрьте пожалуйте, что онъ неотмѣнно попомъ будетъ, по вашей рекомендаціи, въ Ворминѣ,³⁾ буди только послѣднихъ чиселъ сего мѣсяца или слѣдующаго пятаго числа у меня явится, чтобъ мнѣ ему здѣсь презента можно было дать, ибо послѣ означенаго срока не могу знать какъ долго забавлюсь. Притомъ прошу покорнѣйше быть увѣренными, что давши кому слово въ чѣмъ, никогда не перемѣняю; хотя же я и уговорилъ было, черезъ Иллю Афанасіевича, нѣкоторого студента на попы въ Орминѣ, изъ Киева, однакъ уже много времени прошло послѣ срока, на который ему у меня явиться надлежало было,

¹⁾ Въ актахъ Максимъ Д.-Б. именуется „польской коровы подполковникомъ“. См. Опис. Стар. Малор., I, 469.

²⁾ Село въ Суражскомъ уѣздѣ.

³⁾ Село въ Мглинскомъ уѣздѣ, принадлежавшее Максиму Дун.-Борковскому.

и по сей то причинѣ не прійму я уже его ни за что къ себѣ въ попы. Не погнѣвайтесь, пожалуйте, что я вамъ въ реестрику, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ моей покупки, цѣну предписалъ. Это я здѣлалъ для того, чтобы вамъ дать знать, что я на тѣ вещи больше денегъ употребить не намѣренъ. Чашекъ же, пожалуйте, потрудитесь двенадцать для меня купить. Я бы весьма доволенъ и радъ былъ, естьли бы соизволеніе было отъ Бога быть Иліи Афанасіевичу мужемъ Софіи Василіевны, сестры моей, и особенно щастливымъ себя почиталъ бы, но что же дѣлать, когда Богу не угодно было¹⁾). Весьма много одолжили обѣщаніемъ меня въ такомъ же степенѣ вашей дружбы имѣть, какъ и моего покойнаго отца имѣли, и буду стараться всегда заслуживать такого вашего одолженія, и себя достойнымъ онаго здѣлать. Въ ожиданіи присылки вашего прикащика, препоручивъ себя вашей дружбѣ, имѣю честь съ всякимъ почтеніемъ навсегда пребывать м. г-ря моего покорнѣйшій слуга Максимъ Дунинъ Борковски.

105) Степана Ивановича (?) Шешковскаго²⁾), изъ Петербурга,
1783 г., 28 февраля.

М. г. мой Григорей Андрѣевичъ. За приятнѣйшѣе ваше писмо, кое я чрезъ подателя сего получилъ, такъ и за присланное варенье, покорно благодарствую. Для меня весьма много удовольствія, что я вами припамятованъ, а потому ласкаю себѣ надеждою, что вы и впредь мое увѣдомленіемъ о вашемъ здоровье оставить не изволите. Въпрочемъ пожелавъ вамъ всякого благополучія и покорно прося о продолженіи вашей ко мнѣ благосклонной дружбы, пребываю съ искреннимъ почтеніемъ навсегда вашъ, м. г-ря моего, покорный и вѣрный слуга Степанъ Шешковскій.

¹⁾ Софья Васил. Д.-Борковская, унаследовавшая всѣми именами бывшаго брата своего Максима, была замужемъ за Ст. Ст. Леонтиевичемъ. См. Опись Стар. Малорос., I, 469.

²⁾ Извѣстнаго сыщика.

106) Івана Смирною (?), изъ Петербурга, 1783 г., 1 марта.

М. г. Григорій Андрієвичъ. Пріятное мнѣ писмо ваше я получиль, благодарю за оное. За великое удоволствіе почитаю, что вы съ любезнымъ вашимъ товарищемъ и всемъ сем'ействомъ находитесь въ вожделенномъ здравіи. Благодарю васъ и милостивую государыню Аліону Ивановичу за присылку масла и сухихъ фруктовъ. Чемъ же мнѣ прикажите служить? Я весма бы радъ былъ, но не знаю, что вамъ угодно, и на сей случай кромѣ благодарности не имѣю. Вы намѣрены построить баню, которую совѣтуя вамъ строить погодить, доколѣ вы въ Петербургъ не пожалуете. Мнѣ есть знакомой архитекторъ, онъ вамъ сдѣлаетъ планъ очень хорошей; а какъ человѣкъ вашъ сказывалъ, что оная будетъ на рѣкѣ, то можно будетъ придумать, чтобы была покойна и не уступала бы пышностю азіатскимъ. Княгиня Катерина Романовна Дашкарова, по высочайшему соизволенію, (назначена?) директоромъ по Академіи Наукъ, въмѣсто Сергія Герасимовича Домашнева. Ею всѣ довольны и благодарятъ. Симъ неожидаемымъ случаемъ общій нашъ пріятель Семенъ Кириловичъ и прочія освободились отъ сильнаго г. Домашневымъ угнетенія, которымъ велено жалованье производить по ихъ окладамъ и быть при ихъ должностяхъ. Господина же Домашнева дѣла изслѣдователь. Вотъ вамъ новизна. Потомъ свидѣтельствуя вамъ, м. г-нѣ Аліонѣ Ивановнѣ и любезнымъ вашимъ дѣтямъ, отъ себя, жены и дѣтей моихъ должное почтеніе, остаюсь, м. г., вашъ покорный слуга Иванъ Смирной.

107) Василия Александровича Шарапова, изъ Москвы, 1783 г., 18 марта.

М. г. мой Григорій Андреевичъ. Вчера съ женою для осмотра одной квартиры, встрѣтили мы нечаянно человѣка вашего и отъ него узнали, что имѣеть отъ доставить намъ два письма отъ васъ, м. г-ръ. Сіи письма получилъ я сегодня и приносимъ низайшую благодарность за поздравленіе новымъ годомъ и за гостинцы. Изъ моего сюда переселенія вы видите, м. г., что я съ новымъ годомъ получилъ отставку. Мое намѣ-

реніе, прося объ оной, было переѣхать куда либо и отпоее, для возстановленія здоровья жены моей, и для сего выбралъ было я полуденный провинціи Франціи, ея родину. Здѣланныя мнѣ при семъ случаѣ вашимъ нечестивымъ землякомъ (Безбородкомъ) пакости, заставили настѣ перемѣнить наше намѣреніе. Жена моя особливо уважа всѣ обстоятельства, убѣдила меня избрать лучшее сей городъ мѣстомъ нашего пребыванія. И хотя наконецъ и дано намъ дозвolenіеѣхать во Францію и малую на то и заплату долговъ—помочь, мы прїѣхали до времяни сюда. Здѣсь всѣ ухищренія двухъ злыхъ друзей будутъ тщетны; а тамъ много бы выдумали они небылицы. Итакъ, теперь, м. г., просимъ васъ употреблять настѣ услугамъ вашимъ во всемъ, что для васъ здѣсь нужно быть можетъ. Мы крайне сожалѣемъ о случающихся вамъ болѣзняхъ и беспокойствахъ, и сердечно желаемъ, чтобы впредь отъ нихъ чужды были. Новое ваше дѣло произошло, безсумнѣнія, отъ первого: имъ нужно завязать васъ большими хлопотами. Я сожалѣю, что не могу служить по вашему желанію г. Комаровскому. Дѣло ваше по мой отѣзду было спокойно, и я не слыхалъ никакихъ движений; да и думаю, что съ ихъ стороны его не пошевелятъ. Человѣкъ вашъ донесеть о томъ обстоятельнее. О себѣ донесь я вамъ, м. г., въ началѣ сего письма; а къ тому осталость присовокупить, что мы оба нездоровы и въ хлопотахъ, необходимыхъ при переселеніи. Мы уже здѣсь съ мѣсяцъ, и все еще у Василья Ивановича Баженова, не возмогши основать себѣ покойного уголка. Современемъ же, уповаемъ, мы здѣсь и здоровее и благополучнее будемъ тамошняго. По отѣзду моемъ, безсумнѣнія, случалось уже много нового, а потому я и ничего уже не могу съ основаніемъ сказать вамъ о дѣлахъ міра сего. Миръ между Франціи, Гишпаніи и Англіи вамъ известенъ, и кажется ускоренъ, сколько по собственнымъ обстоятельствамъ, столько же и по вооруженіямъ здѣсь и у австрійцевъ. Что они значатъ, Богъ вѣдаетъ. Турки спокойны, и соглашаются на все, что имъ ни скажутъ. Но теперь другія замирась могутъ уже мѣшаться. К. Гр. Ал. (Потемкинъ) єдетъ въ Херсонъ. Слуховъ здѣсь очень много, но много жъ, думаю, и пустыхъ.

Весна покажетъ ихъ яснее. Наши дѣла всѣ почти таковы жъ. Помянутая свѣтлость по своимъ дѣламъ, кажется, столь же сильна, какъ и прежде; но очень же силенъ и вашъ нечестивый (Безбородко). Все чрезъ его руки идетъ, а другія новыя и старыя ничто. Его италіанка, родня и любимцы продаются свои у него старанія по дѣламъ почти явно. Мимо сихъ двухъ дорогъ, равномѣрно трудныхъ и дурныхъ, едва что-либо здѣльть можно. Сей землякъ вашъ не таковъ уже съ своимъ другомъ, но наружно и въ общихъ видахъ еще хороши. Гр. Никита Ивановичъ потерялъ себя нездѣ. Путешественники съ своего возвращенія уже съ нимъ не таковы, каковы были прежде. Онъ рѣшился наконецъ ѣхать въ деревню. Давно бы пора; и лучше и почтнее для него было бы. Что касается до помѣщенія племянниковъ вапихъ въ инженерной корпусъ, я отпишу съ первою почтою къ Афонасию Федоровичу, и обѣ отвѣтѣ его вамъ донесу. Я не могу сказать, можетъ ли онъ что нибудь теперь въ ономъ, не зная, кто имъ править. Григорій Григорьевичъ (Орловъ) здѣсь и болѣнъ ослабленiemъ—и тѣла, и духа. Нѣтъ по сю пору надежды къ его исцѣленію. Мордвиновъ умеръ. Тотъ же, кто править теперь, можетъ быть и некоротко знакомъ г. Балѣ. Жена моя свидѣтельствуетъ вамъ, м. г—нѣ Олеѳ Ивановнѣ и любезнымъ дѣтямъ вашимъ нажайшее, вмѣстѣ со мною, почтеніе. О мытье шелковыхъ цвѣтныхъ и бѣлыхъ матерій поручила мнѣ донести вамъ слѣдующее: надобно взять нѣсколько мѣшечковъ говяжей жолчи, распустить въ корытѣ теплой воды и мѣшать, чтобы она вспѣнилась, какъ мыльная; она будетъ зеленовата и пахнуть мускусомъ, въ сей водѣ должно мыть все что надобно будетъ; а тѣ пятны, кои симъ мытьемъ не сойдутъ, натирать и мыломъ можно; и смыть въ сей водѣ, полоскать въ чистой водѣ, и провѣсить, не давъ высушить совершенно, а провяливъ только, надобно вытиюжить мытое, положа на тонкое полотно съ изнанки; тонкое полотно нужно, чтобъ отъ толстаго на утюженомъ ряды не отпечатались, а утюжение съ изнанки для того, чтобъ не заатласить. Симъ мытьемъ всѣ цвѣты оживляются, а бѣлое будетъ чище и ярче. Бумажное особливо надобно мыть съ жолчью, потому что въ обыкновенномъ мытье

желтъеть. Съ жолчю можно мыть все шелковое и бумажное, не исключая тафты и платковъ; атласы выходятъ удачнее всего. Григорій Ивановичъ (Полетика) прислалъ ко мнѣ предь моимъ отъездомъ два пакета къ вамъ, м. г., кои имѣю честь при семъ приложить. Я получилъ отъ него и здѣсь письмо отъ 13 февраля. Онъ здоровъ и жалуется недосугами. Оканчивая сіе, прошу васъ вѣрить, что я всегда пребуду съ истиннымъ и совершеннымъ къ вамъ почтеніемъ, м. г., вашъ покорнѣйший слуга Василий Шараповъ.

108) Якова Александровича Гамалти, изъ Нирятина, 1783 г.,
24 июля¹⁾.

М. г. мой Григорій Андреевичъ. Почтенѣйшое и благоприятнѣйшое писмо ваше отъ 14 д. сего мѣсяца пущенное, имѣль я честь, съ чувствительнымъ для меня удовольствіемъ, получить въчерашняго числа, за неоставленіе коимъ и за присилку кої грамотъ признательнѣйше вамъ, м. г., благодаря, въ отвѣтъ доношу: при подачи доказательства на дворянство или шляхетство мое въ описаніи рода Гамалѣвъ, во всемъ имѣю послѣдовать наставленію вашему, и надѣюсь ктому склонить и братей моимъ родного Федора и двоюродныхъ Ивана и Михайла Осиповичовъ Гамалѣй. Чгожъ касается до рода Гамалѣй, произшедшаго отъ дѣда моего асаула генералнаго Михайла Гамалѣи, то у него было синовъ пять: 1) Иванъ, 2) Степанъ, третій отецъ мой Александръ, 4) Осипъ, 5) Федоръ, искъ коихъ у Ивана было синовъ два, Иванъ и Андрей, кои оба померли, первій оставилъ сина по себѣ Дмитрія, а другій безнаслѣдія; у Степана было синовъ два, Василий и Степанъ, и оба безнаслѣдія померли, у отъца моего: умершій братъ Семенъ, я и Федоръ; у брата Семена остался синъ Михайло, а у меня шесть синовъ: Юрій, Алексій, Данило, Платонъ, Петръ и Елесей. Братъ же Федоръ холостъ; у Осица—Иванъ и Михайло, съ коихъ у первого синъ Яковъ у другого Дмитрій; у Федора жъ былъ синъ Михайло, но малолѣтнимъ умеръ. Вотъ увесь родъ отъ дѣда

¹⁾ См. выше письмо № 40.

моего Михайла проишедшій. А какъ и мнѣ надобно въ родословіе помѣстить господъ Гамалѣй Хлопецкихъ—Лаврентія, Василия и брата ихъ меншего, коего имени я незнаю, и Юдиновскихъ—Николая и Михайла, то о ихъ наслѣдіи описание мнѣ доставить всепокорнѣйше васъ, м. г., прошу! И къ Михайлу Ивановичу (Гамалѣю) попитаюсь написать, просячи у него копіи грамоты и чтобъ онъ единогласно съ нами родословную роспись къ доказательству шляхетства подалъ, и что потому послѣдуетъ, донестъ вамъ не промину. Я бъ вседушне радъ съ вами выдѣться и персональное о семъ наставление отъ васъ получить, но должность моя (городничаго), не позволяетъ мнѣ изъ города отълучится, а какъ отъ меня обуволненіи отъ городничества до сего мѣсяцъ за два поданна въ намѣстническое правленіе члобитна, и отъ тудова къ графу представлена, то сколь скоро получу уволненіе, такъ и радѣтиму всемѣрно персонально вамъ засвидѣтельствовать въ Ромнѣ или Николаевѣ (когда въ сихъ мѣстахъ бить изъволите) должностное мое высокопочитаніе, съ коимъ и непремѣнно преданностю во всю жизнь пребуду и есмъ вашего высокоблагородія, м. г.—ря, моего всепокорнѣйшій слуга Яковъ Гамалѣя.

P.S. М. г.—нѣ Еленѣ Ивановнѣ мое почтеніе засвѣдителствовать, пожалуйте, не оставте.

109) Ивана Ивановича Бороздны, отставн. генеральнаю бунчучайо, изъ с. Медведова, 1783 г., 13 октября.

М. г. Григорій Андреевичъ. Какъ я васъ, м. г.—ря, персональне просиль, такъ теперь и писменно нижайше прошу сождать тѣхъ денегъ, которыхъ вы изволите отъ мене требовать, хотя бы я вамъ и теперь за благодареніемъ могъ отъдать, но вѣрте, что ей крайняя нужда мнѣ и самому теперь въ онихъ состоить; ежели вамъ теперь отдать, то развѣ надобно въ кого другого занять, а какъ я на васъ надежду полагаю и отъ другихъ ни въ кого не хочу братъ, то и прошу покорнѣйше чрезъ четыри мѣсяца онихъ денегъ сождать, а въ генварѣ, среднихъ числъ, за благодареніемъ вашей дражайшей сожителницѣ имѣю отъдать; въпрочемъ какъ вамъ, такъ равно и всей почтенной

фамилії вашей свидѣтельствую мое нижайшое почтеніе, съ ко-
торимъ пребываю навсегда м. г., вашего высокородія покорній
слуга Іоанъ Бороздна¹⁾.

110) Григорія Ивановича Полетики, изъ Въны, 1783 г.,
8/10 апреля.

М. г. мой, братецъ Григорій Андреевич! Писмо ваше отъ 28-го декабря и присовокупленный ко оному постскриптъ отъ 27-го января съ маленькою цыдулкою, получилъ я минувшаго марта 27-го числа, по нашему календарю, и теперь пользуясь отправленіемъ въ Санктпетербургъ находящагося здѣсь при князѣ Дмитріѣ Михайловичѣ въ курьерской должности актуа-
ріуса г. Ермолаева, принужденъ я съ одной стороны просить васъ, м. г. мой, братецъ, чтобы вы, безъ дальнѣйшаго продолженія времени, приняли одно или другое намѣреніе о сыновьяхъ вашихъ, а съ другой объявить вамъ, что отнюдь не можетъ сіе здѣлаться, чтобы они получили такие чины, какихъ вы желаете, ибо сколько ни старался я уговорить Виртембергскаго рези-
дента, чтобы онъ попытался не можно ли выпросить для дѣтей вашихъ чиновъ, согласныхъ съ вашимъ желаніемъ, но онъ отъ того уклонился, объявляя, что мы можемъ испортить все дѣло новымъ, а притомъ такимъ требованіемъ, которое отъ герцога съ самаго начала предъупреждено даннымъ отъ его свѣтлости отвѣтомъ на учиненное ему внушеніе о моемъ намѣреніи, какъ то могли вы усмотреть изъ сообщенного вамъ отъ меня экстракта изъ писма, каково здѣсь изъ Стутгарда получено было въ свое время. Онъ же еще и тѣмъ доказывалъ невозможность успѣха въ новомъ вашемъ требованіи, что герцогъ въ прошедшемъ году принялъ въ свою службу двухъ имперскихъ прин-
цловъ неинако, какъ подполковниками, изъ которыхъ одинъ родной его племянникъ и братъ великой княгини нашей, и что первые еще будуть ваши сыновья, кои получатъ виртемберг-
скіе чины, не будучи въ тамошней службѣ. Впрочемъ разсуждалъ онъ, что гораздо легче имъ будетъ получить вышеописанные чины,

¹⁾ Объ этомъ Бороздинѣ см. „Кіевск. Стар.“ 1887 г., іюнь—іюль, стр. 393.

когда они пріѣдутъ въ Стутгартъ, и тамо нѣсколько времени послужать. Но какъ бы то ни было, пора вамъ, м. г. мой братецъ, рѣшиться и вывесть меня изъ стыда, въ который попался я чрезъ то, что здѣлавши Виртембергскому герцогу чрезъ резидента его предварительное виущеніе о намѣреніи моемъ къ предложенію его свѣтлости моей прозьбы, понынѣ я не произвелъ въ дѣйство сего моего намѣренія. Князя Адама Чарторижскаго здѣсь давно нѣтъ, да хотя бы онъ и былъ, то я не будучи ему знакомъ, не могу исполнить вашего твебованія. Содержаніе цидулки вашей, о которой въ началѣ сего писма упомянуто мною, подало мнѣ поводъ сообщить вамъ при семъ случаѣ копію съ полученнаго, въ прошедшемъ декабрѣ мѣсяцѣ, княземъ моимъ отъ посла графа Стакельбера отвѣтнаго писма; посему и прилагаю при семъ оную копію, какъ для любопытства вашего, такъ и для того, чтобы посредствомъ ея наибольше еще доказать вамъ давно уже воспослѣдовавшее пресѣченіе раздачи королевскихъ патентовъ. При семъ же посылаю списанныя у меня для Ивана Андреевича и для Андрея Андреевича двѣ копіи съ прошенія, которое подавалъ я здѣсь его величеству императору о пожалованіи ихъ дворянами Римской имперіи, и прошу васъ, м. г. мой братецъ, доставить вѣрнымъ образомъ каждому изъ нихъ по одной изъ тѣхъ копій, которые имъ у себя имѣть, кажется, не худо и неизлишно будетъ. Скажите, пожалуйте, имѣеть ли дворянство Черниговской губерніи мундиръ свой по примѣру прочихъ губерній? Естьли имѣеть (о чемъ намъ сказано здѣсь отъ проѣхавшаго предъ нѣсколькоими днями въ Венецію совѣтника посольства г. Брайна), то пожалуйте увѣдомте меня, или лучше сказать, пришлите мнѣ обстоятельное о цвѣтахъ онаго мундира описание, также и о прочемъ, въ чёмъ онъ состоитъ? Носите ли вы его? Правда ли, что тотъ только дворянинъ, по силѣ учиненнаго отъ государыни генералу прокурору письменнаго объявленія, можетъ носить мундиръ своей губерніи, который имѣеть въ ней помѣстье? и не можно ли достать и ко мнѣ прислать копію съ онаго объявленія. Бога ради! старайтесь, м. г. мой братецъ, окончить ваши дѣла и обеспечить имѣніе ваше такимъ

образомъ, чтобы уже ни вамъ, ни потомкамъ вашимъ не имѣть дальнѣйшихъ хлопотъ и беспокойствъ тяжебныхъ, и чтобы хотя при старости пожить вамъ въ покоѣ, чего я вамъ отъ всего сердца желаю, не менше какъ и совершенного и долголѣтнаго здоровья, а притомъ и того удовольствія, чтобы вы могли въ хорошемъ возрастѣ и состояніи видѣть вашихъ внуковъ и внучекъ, пребывая впрочемъ съ непремѣнною и ненарушимою къ вамъ преданностью, вашъ, м. г-ря... братъ и слуга Григорій Полетика,

Р. С. Другъ нашъ Василій Александровичъ Шараповъ благую часть избралъ, но я крайне сожалѣю для васъ и для себя что онъ не въ Санктпетербургѣ, ибо чрѣзъ сіе его удаленіемъ оба много теряемъ. Пожалуйте, м. г. мой братецъ, рѣшите сумнѣніе наше и изъясните намъ, сколько чиновныхъ классовъ по военнымъ рангамъ щитаются у насъ, и какимъ образомъ? а имянно: составляетъ ли капитанъ поручикскій рангъ особливый классъ, или нѣтъ? и не щитаются ли сержантскій чинъ въ какомъ либо послѣднемъ классѣ, то-есть въ четвертомнадесять или въ пятомнадесять? Въ заключеніи всего сего я еще прошу увѣдомить меня, освѣдомлясь вѣрнымъ образомъ, сколько лѣтъ всего навсегда былъ въ службѣ Василій Александровичъ или въ которомъ году вступилъ онъ въ службу?

111) Ивана Николаевича Ханенка¹⁾, (изъ Погара?), 1783 г.,
3 мая.

Высокоблагородный и достойнопочтенный господинъ коллежскій совѣтникъ, Григорій Андреевичъ. Повторяя прежнее мое и дворянъ уѣзда Погарского внесенное къ вамъ прошеніе о безъотрицательномъ принятіи на себя той депутациы, въ которую на основаніи всевысочайшаго соизволенія дворянское уезда Погарского общество избрать васъ честь имело, при ономъ за нужно изъяснить нахожу, что по резону объявленного вашимъ высокоблагородіемъ чаянія могущаго быть отъ другова

¹⁾ См. Опис. Смар. Марлор., I, 80.

уезда такова жъ на васъ выбора, хотя дворяне здешние согласились было на такой случай избрать въ депутацію г. уезднаго здѣшняго судію Петра Косача, но какъ по репорту моему г. губернскій предводитель въ резолюцію предлагаетъ, что занятого должности избирать въ сию депутацію дело есть сомнителное, притомже и выборъ отъ другова уезда можетъ статся наль на иного, то въ сѣмъ разсужденіи дворяне уезда Погарского оставшись при первомъ своемъ на васъ утвержденномъ выборе и находя въ особѣ вашего высокоблагородія те достоинства, съ коими по силѣ высочайшаго соизволенія въ комісіи о разборѣ дворянства депутату быть надлежитъ, темъ са-мимъ дали мнѣ право и повторить вышеписанное къ вамъ о безъотрицательномъ приемѣ на себя сей депутаціи прошеніе, которое я именемъ всего общества дворянскаго уезда Погарского усугубляю къ вамъ и въ той надеждѣ, что ваше высокоблагородіе общей прозьбы сей отрынутою не оставите. Репортовалъ уже о семъ и г. губернскому предводителю. Съ каковымъ прошеніемъ, при должностіи моемъ почтеніи, и пребыть честь имею, м. г., вашъ всепокорнейший слуга Иванъ Ханенко.

*112) Катерины Павловны Краминой, изъ с. Федоровки, 1783 г.,
19 мая.*

М. г. мой Григорей Андреевичъ! Чрезъ сію аказію не премину я вамъ донесть, што я оставшись после покойнова мужа моего Кондратія Петровича Битяговскаго с малыми сиротами, вышла замужъ за Абшеронсково пехотново полку подполковника Матвея Ильича Крамина, и неимъ никакова свѣдения о дѣлѣ съ господами Корсаками, а какъ вы тутъ же интересованы, то я покорно прошу меня чрезъ сево моево человѣка уведомить, какой успѣхъ вы имеете и решено ли оно и въ вашу ли ползу и прислано ли уже въ намесничество, штобъ васъ удовлетворовать. Я еду въ августѣ въ Петербургъ по другимъ моимъ деламъ, то нужно мне и о етомъ совершенное имѣть свѣдение.

Впрочемъ с почтениемъ навсегда останусь вамъ, м. г.—рю моему, покорная служница Катерина Крамина¹). (*Собственноручное*).

113) Василія Івановича Скоропадською, изъ Глухова, 1783 г., 16 іюля.

М. г. Григорій Андреевичъ. Между нѣкими сгорѣвшими облигами, тотъ который по справедливости мение меня тревожитъ, есть конечно вашъ, и въ сихъ мысляхъ пребывая, не посыпалъ до сего времени утруджать васъ, твердо увѣренъ будучи, что лишеніе его ничему меня не подвергаетъ. Естлиже сіе теперь творю, то единственно для того, что долженъ въ скромъ времени отправится въ полкъ, что и побуждаетъ меня послать вамъ сего человѣка, имѣющаго всю мою довѣренностъ, коему прошу поручить его на извѣстную вами сумму и быть увѣренну, что всегда буду съ совершеннымъ къ вамъ почтеніемъ, м. г., вашимъ покорнымъ слугою Василій Скоропадскій²).

114) Василія Івановича Скоропадською, изъ с. Локни (Кролевецк. у.), 1783 г. 30 іюня

М. г. Григорій Андреевичъ! Приятное письмо ваше, которое я имѣлъ честь получить 26 числа текущаго мѣсяца, тѣмъ больше для меня лестно, что происходит отъ такого человѣка, къ которому фамилья наша имѣла особливое почтеніе, и я нахожу себя щастливымъ, что сей случай открывши путь къ вашему знакомству, являетъ мнѣ, что удостоиваете меня тою любовью, опыты которой будучи извѣстны, побуждали искать вашего дружества, которое потщусь пріобрѣсть и учинится оного достойнымъ. А между тѣмъ увѣдомляю васъ, что хотя по учinenому между нами договору, достался облигъ вашъ сестрѣ

¹) Катерина Крамина—внучка старшаго сына гетмана Ивана и дочь прaporщика Семеновского полка Павла Ивановича Апостола. Иванъ Даниловичъ Апостоль былъ женатъ на Еленѣ Михайловнѣ Корсакѣ, почему Крамина и была участницей въ процессѣ съ Корсаками за наслѣдство своей бабки.

²) О В. И. Скоропадскомъ см. Опис. Ст. Маlor., I, 109.

моей, однако за особливое удовольствие поставить она себѣ угождать вамъ во всякихъ случаяхъ, тѣмъ же охотнѣе теперь, что будетъ въ состояніи доказать вамъ, что нещастныя наши приключенія не истребили того усердія, которое имѣла къ вамъ фамилья наша и съ коимъ пребуду всегда вашимъ покорнымъ слуга Василій Скоропадскій.

ДОКУМЕНТЫ, ИЗВЕСТИЯ И ЗАМѢТКИ.

Къ библіографії малорусскихъ сказокъ. Въ № 3 «Этногр. Обозр.» за 1893 годъ напечатанъ этюдъ Н. О. Сумцова «Малорусскія сказки по сборникамъ Кольберга и Мошинской». Въ настоящей нашей замѣткѣ мы имѣемъ въ виду дополнить статью г. Сумцова, указаніемъ на нѣкоторые печатные варіанты, опущенные имъ, и познакомить читателей съ нѣкоторыми новыми варіантами на затронутыя имъ темы, находящимися въ нашемъ рукописномъ собраніи и записанными въ елисаветградскомъ уѣздѣ херсонской губерніи.

Въ экскурсѣ о *зевистливой женѣ купца* (№ 8) г. Сумцовымъ не указанъ варіантъ Чубинскаго, стр. 71 № 17 («Царевичъ — па поптылыци звізда, а на лоби мисяць»). Въ нашемъ собраніи имѣется любопытный варіантъ, который находимъ нужнымъ привести цѣликомъ.

Про брата и сестру. Въ однимъ городи живъ купецъ со своею жинкою. Булы у нихъ диты, хлопецъ и дивчина. Купецъ бувъ такой богатый, что въ городи тимъ ны було такого человека, щобъ винъ богачимъ бувъ за нѣго. Купецъ бувъ всимъ счастливый, только одна въ нѣго була обида, что бувъ слабый. И де винъ не бувъ, каждого ликаря одвидавъ, а все таки вмеръ, а ёго жинка за нымъ затужила и худко умерла-жъ. Писля смерти купца и ёго жинки прышлы городски паны, все добро смысалы и подъ опеку виддалы, а дитеи, поки выростуть, добри люди розибрали. Не дуже гарно було дитямъ безъ батька и матери, но воны вырослы, взялы отъ опеки все свое добро и стали торговатъ, якъ ихъ батько. Брать любывъ свою сестру, якъ душу, а якъ прышла та годына, що треба брату женыцца, то винъ пы хотивъ и женыцца, щобъ не розійтись съ сестрою. Брать часто йиздывъ по базарахъ и торговавъ

всякымъ товаромъ, а сестра ёго дома робыла, що треба. Разъ прыйхавъ братъ зъ базару и сестри все рассказавъ, що чувъ й бачивъ, и скілько грошы втурговавъ, а потимъ сказавъ: «выходь, сестро, замижъ, або я буду женыцца». Сестри заразъ не наишовся молодый, а въ брата вже була молода,— и скоро було весилля. Зразу жилось сестри зъ братомъ и нывисткою добрѣ, а черезъ рикъ стала нывистка обижать сестру, та словами побрихала и задумала, щобъ чоловикъ іи прогнавъ зъ двору. Братъ не слухавъ жинки и систру все-таки любывъ. Разъ пишовъ братъ до одного чоловика въ гости, а жинка пишла въ хливъ и зарубала найлуччого коня, и якъ винъ прыйшовъ додому, то вона чоловикови сказала, що его сестра зарубала коня. Винъ и за це сестру не лаявъ. Баче жинка, що ныякъ ны може россердитъ чоловика, и стала прыдумуватъ таку брехню, щобъ поставитъ по своему. Цойихавъ винъ по базарамъ ість пивъ-року не бувъ дома. Ажъ прыйхавъ до дому—его жинка мала дытыну, заризала іи и на стиль положыла. Входе чоловикъ въ хату и дывиця; на столи заризана дытына! «А це що, жинко?»—А це наша дытына, що твоя сестра заризала!—Россердився братъ на сестру и заразъ завизъ іи въ лись и отрубавъ іи руки. Наробила крику вона и па іи крикъ заразъ прыбигъ сторожъ и, чымъ знавъ тымъ личивъ іи, поки не загоивъ руки. Не довго сторожъ державъ безруку дивку у себе; давъ іи въ торбу хлиба и прогнавъ съ хаты. Пишала безрука дивка по свиту п добры люди іи годували и дальше посыпалы, и такъ вона съ села въ село ходыла, поки дошла до того города, де живъ царь. На стену коло того города бувъ садокъ царскій, и безрука дивка зашла въ него и тамъ проживала. Въ тимъ садку було всякихъ ягодъ доволи,—вона ротомъ яблоки и груши доставала и богацько половынокъ оставляла. Прыйхавъ разъ въ садокъ царскій сынъ и дывиця, що яблоки и груши попсаны;—заразъ пишовъ по садку и найдовъ безруку—дивку. Довго просптувавъ винъ іи, видкиль вона и хто іи отрубавъ руки,—вона правди ему не сказала. А якъ йихавъ винъ до дому, взявъ съ собою безруку и такъ іи полюбивъ, що женыцся на неї. Скоро писля висилля була война и винъ съ солдатами пойихавъ на войну и довго тамъ бувъ. Черезъ рикъ его жинка близнятъ мала и обидва хлопци, и таки гарни, що такихъ и на свити ны було. Заразъ послала безручка москаля до царя извистыть, що вона породыла сынивъ, и, що знала, то въ письми написала. Москаль съ письмомъ пойихавъ до царя и йихавъ черезъ той городъ, де безручинъ братъ

живе. Идде москаль по городу и ставъ пытаты, де можно перепочуваты, бо бувъ уже вечеръ. Якъ разъ попавъ винъ въ той двиръ, де живъ безручкинъ братъ. Москаля ночуваты ны пускалы, а якъ росказавъ, куда идде, и видъ кого письмо везе, то заразъ его горилкою напоили и спать уложили. Спавъ москаль, ажъ хронивъ, а безручкинъ братъ и жинка его взялы письмо, прочитили, а друге написалы, что его жинка родыла двухъ цуцнятъ. Прокынувшись москаль и тогоничо ны знаявъ, и пойихавъ до царя. Царь письмо получивъ и якъ прочитавъ; то ны знаявъ, что ему робыты съ такою жинкою. Довго туживъ царь и письмо таке написавъ: «до мого прыйизду нычего іи ны робить». Идде москаль съ письмомъ до дому и зновъ заихавъ до брата безручки,—такъ его добре горилкою тамъ угостылы и просылы, щобъ, якъ буде назадъ йихать, то зайихавъ бы до нихъ. Прыйизжае москаль до безручкина брата; его зновъ угостылы горилкою, щелучче, якъ той разъ, и колы винъ заснувшъ, письмо въ него взялы и друге написалы: «до мого прыйизду щобъ ны было іи духу,—або вбыте, або повишайте!» Письмо министры получили и прочыталы, но пожалилы іи вбиты, а зробылы два торбыны, повисылы на шию и іи сынивъ въ ныхъ положили. Пишла безручка зъ двору, гирко заплакала и нызнала, за що іи такъ Богъ покаравъ. Выйшла вона зъ города и пишла дорогою. Попадалысь іи люде добры и не добры,—вона все терпила и Богу усердно молилася. Прыйшлось іи разъ переходить черезъ ричку, и нагнулась вона воды напыця, а диты у ней съ торбы и понадали въ воду. Скочыла вона въ воду и думала ихъ словиты, а чимъ, якъ нема рукъ? Но всякий знае, что Богъ мылосердный, то вона стала Бога просыты и іи Богъ давъ, что зновъ вырослы руки и вона половыла своихъ дитей, та й пишла въ той городъ, де живъ іи братъ, и наялася у него. Кончилась война, царь съ війскомъ вертався додому, и на счаствия остановився въ тимъ городи, де жила его жинка, и въти хати ночувавъ. Ему не хотилось спати и винъ спытавъ хозяина, кто въ него живе, и чи нема такого хлоцца, щобъ вмивъ сказки говорить? Хозяинъ прывивъ хлопца своеи роботыци, царь подышавъся на хлопца и каже; «ну, роскажи що ныбудь!» — «Я вамъ роскажу, тильки хто мене перебъе, то съ того сто рубливъ!» (Хлопецъ, въ присутствии хозяина и хозяйки, рассказываетъ судьбу своей матери; тѣ перебиваются его словомъ «брешешь» и платятъ штрафъ. Въ заключеніе они были повышены и царь снова соединился съ

своей женой). Запис. Ал. Школа въ пос. Новоархангельскъ елисаветградского у.

По другому варианту (запис. А. Янковскимъ въ д. Красноглавовой, бл. Елисаветграда), жена возненавидѣла сестру мужа за исключительное вниманіе, которое онъ оказывалъ послѣдней: «бо кажинъ разъ іи чоловикъ, якъ уходывъ у лавку, то прежъ сестри казавъ «прощай», а якъ приходывъ, то опять сестри казавъ прежъ «здравствуй». Злая жена действуетъ по внушенню волшебницы. Убивъ дитя, она вложила сестрѣ въ руку ножъ. Въ царскій садъ безручка проникаетъ ночью, черезъ водомоину подъ заборомъ; ее подстерегли и поймали сторожа. Солдата, везущаго письмо, отправляютъ въ башню, чтобы выкрасть письмо. Безрукой привязали спереди дитя и прогнали ее, согласно подложному распоряженію мужа. Она напоминается къ брату кучеромъ и, подъ видомъ кучера разсказываетъ царевичу исторію его жены.

На тему «*Три загадки* (№ 49) въ нашемъ собраніи имѣется слѣдующая сказка-загадка.

Мене маты ны родыла, ны поила, ны кормыла, и я іи ны почитаю, бо я іи на рукахъ маю.

Отиадка: Бунъ соби одынъ помѣщикъ и була у его жинка, та померла, и остався винъ вдовецъ, та ны довго горювавъ: нашовъ соби горнышну, и та горнышна у его служила, и до того дослужилась, що ны сегодня-завтра має родыты, та ны родыла вона ему ничего, бо померла, и вздумавъ той помѣщикъ іи поховать; та якъ побачивъ, що вона така гарна, що иеначе спить, то здумавъ заховать іи въ погреби; засвityвъ надъ нею лампадку и заперъ двери, а ключъ узявъ соби. Прыходе винъ одного дня подывыця на шокойвыцю, а вона ище лучча! И каже вона ему: «возьми ножъ, разрѣжь миъ грудь и возьми твоего ребенка!» А якъ винъ любывъ іи, то такъ и зробивъ,—вынувъ дытыну, зашивъ іи груды, а тимъ часомъ его сынъ выросъ на три сажени вгору и каже: «поеїжай въ тридцятое царство, тамъ моя невѣста, ты сдѣлай условіе, когда за ней прїѣзжать». Батько сказавъ: «хорошо», и отдавъ ключи сыну, а ключъ отъ погриба, де була его маты, сковавъ у себе пидъ пырну. Якъ уйихавъ батько, то сынъ ходывъ по хозяйствству и глядивъ, що тамъ е; та ны нашовъ ключа отъ одного погреба, и нашовъ его у спальні пидъ пырною. Оччыне погребъ и баче: горить лампадка; винъ злякався, одначе ввійшовъ у погриби, чуе, що хтось говорить у погриби

«мылое и драгоценное мое чадо, иды до мене, я хочу тебе что-то сказать: я сейчас должна умереть». Винъ пидійшовъ до неи, а вона каже: «отрѣжь мою грудь, отдай чинцю, пускай вычинить и здѣлай изъ нихъ (sic) перчатки, потому что, когда пойдешь сватать невѣсту, то вона загадає тебе загадку: «ихало добро, сострило зло и зло со зломъ начало битця, вынуто зло и разбороноло зло со злымъ», ты же скажешь: мнѣ самому это случилось,—я ъхалъ дорогою и увидѣль—змѣя дралась съ лягушкой, я вынулъ саблю и разрубалъ лягушку и змѣю», а теперь, скажи, послушайте мою загадку: мене маты ны родыла, ны кормыла, ны поила, и я іи ны почитаю, бо я іи на рукахъ маю». (Запис. В. Лутковскій, въ д. Алексѣевкѣ елисав. у.).

О брехачѣ и побрехачѣ (№ 52) не указанъ варіантъ Манжуры 81. У насъ имѣется три варіанта, но всѣ не важные.

Удачная продажа (№ 60). Опущенъ вар. Чубинскаго, 495 Драг. 332.

Мужъ и три любовника его жены (№ 65). Не указанъ варіантъ, напечатанный нами въaprѣльской книжкѣ «Кіевской Стар.» за 1894 г.; тамъ даны нѣкоторыя литературныя указанія.

Про дѣдовы козы (№ 70). Можемъ указать слѣдующіе варіанты: Рудченко I, 43 № 25, Мордовцевъ, Малор. лит. сб. стр. 361 № 9 Закревскій, Стар. банд. I, 35 № 34, Антоновичъ и Драг. I, 138 № 37, 134 № 36; у Чубинскаго, на котораго у г. Сумцова есть общее указаніе, можемъ указать №№ 128 и № 26 на стр. 947.

При разсмотрѣніи сборника Мошинской въ экскурсѣ № 6 «Про милосердного хлопца» опущенъ обширный вар. Чубинскаго. 52 № 14.

На тему о *мачихѣ и ея дочки* (№ 9) у насъ имѣется варіантъ который считаемъ нужнымъ привести цѣликомъ, такъ какъ, кроме сборника Мошинской, мало извѣстнаго русскимъ этнографамъ, другого малороссійского варіанта въ печати намъ неизвѣстно.

Дидъ и баба. Жили соби дидъ и баба, и у ихъ була дочка. Якъ было уже доцци восемнацять годъ, то іи маты умерла. Дидъ жинывся па другой жинци, и въ тни жинки була дочка тоже. Мачиха ны любыла дидовой дочки, вона же надоидала дидови, щобъ винъ выгнавъ дочку. Дидъ поклыхавъ до себе дочку и сказавъ ѿ; твоя матиръ тебе ны любе и каже мини, щобъ я тебе выгнавъ; иды куда ныбудь служить! Тоди дочка дидова попрощалась за батькомъ и пишла соби. Иде вона по полю, а передъ нею стоитъ обвалена пичь. Пичь та и просе іи: «споправъ мене, я тоби у прыгоди стану!»

Тогда дивка взяла, поправила пичь ишила дальше. Иде вона, а передъ нею стоить обвалена крыныця и каже іи: «поправь мене, поставь на мисто доски, я тоби колысь въ пригоди стану!» Та дочка взяла, поправила крыныцю ишила соби прямо въ городъ и наялась служить у однієї барыни. Служить вона у неї годъ, другій; на другій годъ барыня сказала іи: «попушкай у мене въ голови!» Та взяла грибинець и начала съкать. Въ то времія у дивки съ ока упала здоровая горича слеза, прямо барыни на лыце. Барыня тоди встала и пыта іи: «за кімъ ты скучила, за батькомъ, чи за матерью?» — «За батькомъ». — Барыня тоди іи сказала: «ну, колы ты скучила, то иди въ коморю, выбери соби лкій ты хочиш сундукъ и иди до дому». Якъ ишила вона въ коморю, то побачила, що тамъ есть багато разныхъ сундуківъ—ловкихъ и поганыхъ. Дивчина взяла найпаганішій сундукъ и ишила соби до дому. Иде вона додому, а іи навстрѣчу попалась крыныця, така ловка, що та ажъ злякалась, а паверхъ воды плаває золотая чашка. Дивка тоди взяла чашку, напылась воды, поблагодарила крыныця ишила въ путь. Иде вона, а іи навстричу попадаицца пичь,—вымазана, така брава, а въ іи лежать калачи и разны кушанья. Дивка тоди выняла все съ печі, наялась, поблагодарила ишила додому. Якъ прійшла вона додому, то показала батькови сундукъ. Батько оччывивъ сундукъ и побачивъ, що въ ему есть золото та серебро. Мачихина дочка позавидовала дідової доцци и сказала матери своєї: «я пиду служить, може и мини Богъ поможе достать золото!» Шишила вона въ той самий городъ служить. На дорози попалась іи та сама пичь и каже іи: «поправь мене, бачъ, яка я упять развалина!» А та іи сказала: «випь яка! буду для неї батькови та материны руки марать!» Та пичь ничего іи не сказала, а дочка мачихина ишила дальше. Иде вона, іи попадаицца на встрѣчу крыныця и каже: «подчыни мене, бачъ, яка я развалина!» Та сказала іи: «убирайся соби изъ своею поправкою! шо я для тебе буду руки марать!» —сказала и ишила дальши. Прійшла вона въ городъ и наялась къ тої самой барыни. Разъ барыня въ недилю ишила въ церкву, и роботници приказала сварить обидъ. Та роботници взяла у іи дитей поодразуvala u одного пальця, а u другого ногу, наварила обиду и поставила на стіль; тоди вийшла съ хаты, ишила въ коморю, выбрала самый лучший сундукъ и утикла. На дорози іи попадаицца крыныця, уже прибрана, ловка, и поверхъ воды плаває золота чашичка. Та хотила взять, напыцца воды, но тики простягне руку, чашка заразъ потоне. Довго вона морочилась, но не

могла піймати, такъ и пишла дальше. Иде, а навстречу іи пичь, а въ іи лежать брави булки. Вона хотила достать, но заслонка заразъ закрылась, такъ вона и тутъ ны могла достать и пишла до дому. Якъ прійшла вона до дому, то війшла швидче у хату и показала матери сундукъ. Мать роскрыла сундукъ, а въ сундуку булы тики мыши, жабы, крысы. То дивчина розызлилась, но ничего было ро- быть. Взяла, въ своей коморци выкопала кръныцю и выкинула все туда изъ сундука. Въ те время якъ прійшла вона до дому, дидова дочка уже вышла замижъ. Мачихина дочка була уже зла на дидову, узяла іи до себе въ хату и зробила ласточкою, а сама пишла до іи человека и стала жинкою замѣсто неи. У тиєї дочки уже була дытына, и роботници цилу ничъ коло неи сидила. Якъ прійде ничъ, то ластивочка заразъ прылетѣть до дверей и просыпца у ро- ботници въ хату покормить дытыну. Іи человекъ це замитывъ и якъ вона прылетила у хату, винъ схватывъ іи и додержавъ до свита, а днемъ роспытавъ іи все, и вона ему рассказала усе, якъ було. Тоди винъ россердывся на мачухину дочку и убывъ іи, а самъ живъ та поживавъ, та добра наживавъ. (Запис. отъ крест. мальчика изъ м. Плетеный Ташлынъ елисав. у.).

Про сучича (№ 10). Не указаны варр. Рудченко II, № 23. Манжуры 24); у Чубинского можемъ указать въ II т. № 68 на стр. 252 и № 99 на стр. 256 и въ I т. 312; конецъ сказки у Максимо- вича II, 487. Въ нашемъ собраниі есть вариантъ изъ д. Красногла- зовой, запис. А. Янковскимъ, изъ которого приводимъ оригинальное начало сказки.

Чабанъ Картоусовъ. Живѣ-бувъ царь, захотивъ винъ найзвять до свого стада овецъ чабана, пидъ тымъ условiemъ, щобъ у стади ни було ни убытку, ни прибытку, и щобъ винъ нась симъ литъ. Обозвался одинъ Чабанъ Картоусовъ: «я выпасу». Вышовъ у поле зъ вивцими и каже: «гей, штыри, быри, семъ сотъ и четыри, семъ годъ попасу, царя съ царьства ссадю!» Почулы де цареви слуги и до- несли до царя. Вюгоньти чабанъ на другій день вивци, и царь выславъ своихъ слугъ. Опять чабанъ каже: «гей, штыри, быри, семъ сотъ и четыри, семъ годъ попасу, царя съ царьства ссадю.» Слуги опять донесли до царя. На третій день вже самъ царь вый- шовъ послухать, чи правда тому, що ему казали его слуги. А ча- банъ, якъ выгнавъ вивци, та й каже опять и при царю: «гей, штыри, быри, семъ сотъ и четыри, семъ годъ попасу, царя съ царь- ства ссадю!» А царь и говорить: «ни, чабанъ Картаусовъ, ты мене

ни ссадыши съ царства». Чабанъ на це саме и каже царю: «дайте мини дванадцять совдатъ и двинадцать колодивъ картъ». Царь ему давъ то, чого винъ просывъ. Чабанъ узявъ исъ собою совдатъ и карти и пійшовъ до змія (Дальше слѣдуєть разказъ о борьбѣ со зміями съ общеизвѣстными подробностями, въ концѣ концовъ царь уступаетъ чабану царство). Въ приведенномъ варіантѣ, между прочимъ, обращаеть на себя вниманіе имя героя, которое не извѣстно печатнымъ варіантамъ. Въ другомъ, имѣющемся у насъ, варіантѣ фигурируетъ это же имя, въ нѣсколько измѣненной формѣ и въ приложеніи не къ чабану, а къ царю: «бувъ царь Картаусъ, безъ бороды и безъ вусъ, и не мавъ дитей»; далѣе слѣдуютъ извѣстныя подробности о чудесномъ зачатіи отъ съѣденной рыбы и о подвигахъ Ивана царевича, кобылевича и сучкевича.

В. Ястремовъ.

Собраніе древностей Ч. В. Хвойки въ Кіевѣ. Благодаря любезности владѣльца, намъ недавно удалось осмотрѣть его коллекцію мѣстныхъ древностей. Ч. В. Хвойка, чехъ по національности, задался цѣлью собрать все, болѣе или менѣе характеризующее прошлое древнейшей русской области. Результатомъ паталѣтникъ усилій явилась небольшая, но, во многихъ отношеніяхъ, очень цѣнная коллекція. Мы не намѣрены входить здѣсь въ детальное описание всѣхъ предметовъ, составляющихъ эту коллекцію, ограничимся лишь общимъ обозрѣніемъ съ цѣлью главнымъ образомъ показать, что можно сдѣлать даже единичными усиліями и при сравнительно небольшихъ средствахъ, умѣло и толково относясь къ дѣлу. Начнемъ съ первобытнѣйшихъ древностей. Два года тому назадъ, на Кирилловской улицѣ, случайно были открыты слѣды человѣка палеолитической эпохи; они подробно обслѣдованы профессорами Антоновичемъ и Армашевскимъ, и находку эту можно считать самой древней среди немногочисленныхъ другихъ такого рода, обнаруженныхъ до сихъ поръ въ Россіи. Умѣстнымъ будетъ здѣсь замѣтить, что благодаря именно г. Хвойкѣ, впервые обратившему вниманіе на эти рѣдкіе остатки первобытной культуры, и было возможно изслѣдовывать ихъ на мѣстѣ, въ нетронутомъ еще видѣ, что является необходимымъ для опредѣленія эпохи, такъ какъ въ подобного рода находкахъ громадное значеніе имѣть точное опредѣленіе геологического ихъ положенія; предметовъ изъ этой находки въ собраніи г. Хвойки немногого—нѣсколько отбив-

ныхъ кремней, вуски костей мамонта, вмѣстѣ съ которыми найдены кремни; самый цѣнныи экземпляр—кремневое ядро со слѣдами отколотыхъ орудій, ясно показывающее, что въ данномъ случаѣ мы дѣйствительно имѣемъ дѣло съ искусственной обработкой кремня. Гораздо полнѣе и разнообразнѣе, какъ и слѣдовало ожидать, представлена неолитическая эпоха.

Въ томъ же мѣстѣ, гдѣ найдены предметы палеолитического периода, только въ болѣе высшихъ слояхъ, г. Хвойкои собранъ довольно полный подборъ орнаментированныхъ черепковъ, кремневыхъ орудій и два очень интересныхъ экземпляра костяныхъ долотъ; изъ другихъ такъ называемыхъ стоянокъ неолитической эпохи, есть коллекція изъ песчаныхъ бугровъ, лежащихъ между м. Трипольемъ и с. Злодіевкой; стоянка эта открыта нами въ 1888 году¹⁾ и, по массѣ находимыхъ тамъ предметовъ, является одной изъ самыхъ богатыхъ среди другихъ приධѣпровскихъ. Сходная по содержанію небольшія коллекція есть также и изъ овруцкаго у. волынской губ. Превосходный образецъ посуды каменнаго вѣка представляетъ большои горшокъ, найденный на стоянкѣ, также открытой нами на берегу Днѣпра между Кіевомъ и Вышгородомъ. Предметовъ изъ стоянокъ въ общемъ немнога, но они вполнѣ достаточны для характеристики, такъ какъ вообще такого рода стоянки по составу даютъ все одни и тѣ-же типы. Въ гораздо большемъ числѣ собрана коллекція шлифованныхъ каменныхъ орудій; здѣсь можно встрѣтить всѣхъ представителей, начиная съ кремневыхъ клиньевъ (по большей части изъ овруцкаго у.), кончая превосходно сработанными топорами, молотами, украшенными иногда гравированнымъ или оброннымъ орнаментомъ; отмѣтимъ тутъ выдающіеся по величинѣ топоры-клины изъ кіевск. губ., иѣсколько недоконченныхъ орудій и очень рѣдкій экземпляръ шлифовального камня, на которомъ отдѣльвались оружія; повторяемъ—коллекція шлифованныхъ, спорадически найденныхъ орудій, по количеству и типамъ не оставляетъ желать ничего лучшаго. Нашъ край не богатъ бронзой,—это отразилось и на собраніи г. Хвойки; предметовъ этого периода всего иѣсколько штукъ, между ними заслуживаютъ вниманія часть широкаго бронзоваго браслета со спиральными орнаментомъ и бронзовая булава; въ собраніи было также

¹⁾ См. „Кіев. Стар.“ 1890 г., апрѣль—„Первобытный человѣкъ на берегахъ р. Днѣпра вблизи Кіева“.

два бронзовыя ножа, что представляетъ для вашей мѣстности положительную рѣдкость, но они поступили въ Имп. Археологич. Комиссію. Не останавливаясь на скифскомъ періодѣ,—предметовъ этого періода въ собраніи почти нѣть, и объясняется это тѣмъ, что г. Хвойка раскопками кургановъ не занимается (но той-же причинѣ отсутствуютъ и предметы языческаго славянства), переходиши къ велиокняжеской эпохѣ. Усложнившаяся жизнь, культура, слѣдавшая большіе шаги впередъ, имѣли результатомъ увеличеніе числа и формъ тѣхъ предметовъ домашнаго обихода, которые являются выразителями виѣшней стороны этой культуры; собрать все, такъ или иначе характеризующее эту эпоху, конечно не подъ силу не только частному лицу, но даже и общественному учрежденію,—г. Хвойка и не имѣлъ въ виду такихъ широкихъ цѣлей; ограничившись однимъ только видомъ предметовъ, онъ достигъ въ этомъ отношеніи блестящихъ результатовъ, предметы эти—гончарство велиокняжеской эпохи, главнымъ образомъ въ мелкихъ его представителяхъ; подборъ ихъ составляетъ очень цѣнную и, можно сказать, единственную въ своемъ родѣ коллекцію; особенно интересны тѣ фабричныя клейма, которыми снабжали сосуды, они ждутъ подробнаго и тщательнаго изслѣдованія. Довольно многочисленъ также отдѣльные желѣзныя предметы—разнаго рода орудія, вооруженія; есть также нѣсколько представителей типичныхъ для этого періода украшений, достигшихъ уже въ то время высокой художественности и изящества. Обращаемъ вниманіе на предметы, найденные на Флоровской горѣ (Киселевѣ); ихъ много—костяные, бронзовые, глиняные; многочисленны и своеобразны костяные издѣлія,—несомнѣнно, что на Флоровской горѣ существовало производство ихъ, на что указываютъ начатые отдѣлкой, недоконченные экземпляры, замѣчательную по рѣдкости вещь представляеть небольшая рѣзная изъ кости фигурка человѣка, играющаго на инструментѣ вродѣ балалайки; къ сожалѣнію, голова этой фигурки не сохранилась; другой рядъ предметовъ говорить о томъ, что тутъ же изготавливались и металлическіе предметы—крестики, украшения и т. д., въ собраніи г. Хвойки есть нѣсколько формъ для отливки ихъ; формъ, найденныхъ на горѣ Киселевѣ и пріобрѣтенныхъ г. Хвойкой, было гораздо больше, но большинство ихъ поступило въ Имп. Археол. Комиссію. Въ 1888 году, при осмотрѣ мѣстности, лежащей за оградой Флоровского монастыря, въ рытвинахъ и обвалахъ пами было подобрано нѣсколько мелкихъ вещичекъ велиокняжеской эпохи; впо-

следствіи число ихъ увеличилось, и въ свое время¹⁾ я высказалъ предположеніе, что гора Киселевка входила въ составъ древнаго Киева,— предположеніе это теперь подтверждается; мѣстность эта заслуживаетъ особаго вниманія, тамъ необходимо произвѣстъ правильныя раскопки и сохранить такимъ обр. ее отъ тѣхъ хищническихъ набѣговъ разныхъ промышленниковъ, которымъ она теперь подвергается. Великокняжеской эпохой и заканчивается собрание г. Хвойки. Изъ болѣе поздняго времени г. Хвойкой была собрана прекрасная коллекція малорусскихъ вышивокъ, представляющихъ верхъ совершенства какъ по узорамъ, такъ и по выполненію; вышивки эти относятся по прошлому столѣтію; сдѣланы шелкомъ на холстѣ и употреблялись обыкновенно для обшивки подризниковъ. 60 штукъ ихъ передано въ Пражскій музей. Г. Хвойка обратилъ вниманіе и на малоруссіе ковры, очень интересные по орнаменту, нѣсколько штукъ ихъ также отослано въ Прагу.

Для нашего края собрание древностей г. Хвойки представляетъ большой интересъ; ограничиваясь пространствомъ древностей киевской земли, собраніе даетъ богатый матеріалъ для характеристики тѣхъ ступеней культуры, которыхъ прошла данная мѣстность; помимо этого, оно вызываетъ также и специальный интересъ, заключая въ себѣ рѣдкіе и даже единственные въ своемъ родѣ предметы. Цѣнность собранія увеличивается еще и тѣмъ, что составлялось оно съ полнымъ значеніемъ дѣла,— фальшивыхъ вещи почти совершенно отсутствуютъ (чѣмъ не могутъ похвалиться другія частныя киевскія коллекціи), ведется точная регистрація поступаемымъ предметамъ, обозначается мѣсто ихъ находки (въ чемъ также можно упредвидѣть пѣкоторыхъ киевскихъ собирателей древностей), болѣе выдающіеся изъ нихъ зарисовываются.

Мы не знаемъ, какое назначеніе думаетъ дать своему собранію г. Хвойка; очень возможно, что предназначилъ онъ его для богатѣйшаго по содержанію музей родной ему Праги. Но во всякомъ случаѣ, мы должны быть очень благодарны ему за то, что своими усилиями и энергией онъ сберегъ отъ гибели, сберегъ для науки тѣ дорогіе остатки былой жизни нашего края, беречь которые мы сами еще не умѣемъ.

Ник. Вѣлашевскій.

¹⁾ См. „Кiev. Стар.“ 1888 г. № 8,— „Слѣды великокняжеской эпохи на горѣ Киселевѣ“; а также „Кievск. Стар.“ 1888 г. № 9.

Запорожець Константинъ Вира. Въ 1874 году, хорошо помню, въ нѣсколькихъ петербургскихъ газетахъ помѣщено было извѣстіе о смерти козака Константина Виры, умершаго въ томъ году, на 105 году отъ рожденія. О немъ сообщалось не только какъ о человѣкѣ, достигшемъ глубокой старости, но и какъ объ одномъ изъ послѣднихъ запорожцевъ. Послѣднее, конечно, не вѣрно, такъ какъ если К. Вира умеръ въ 1874 году на 105 году отъ рожденія, то родился онъ, слѣдовательно, въ 1769 году, т. е. всего за 6 лѣтъ до «зруйновання Сичи» (3 іюня 1775 г.), а, слѣдовательно, не могъ быть не только въ составѣ запорожского «товариства», но даже и такъ называемымъ «молодыкомъ при боку» какого либо запорожца. Но, по всей вѣроятности, происхожденіе его было запорожское, дѣтскіе годы проведены имъ были среди запорожской обстановки, и, оставаясь послѣ «зруйновання Сичи» на Запорожье, гдѣ долго еще жили запорожскія традиціи и воспоминанія, онъ могъ многое помнить и разсказать о Запорожье. Это, быть можетъ, и подало поводъ назвать его однимъ изъ послѣднихъ запорожцевъ. Къ сожалѣнію, въ тѣхъ газетныхъ извѣстіяхъ, на сколько я помню, не было никакихъ другихъ о немъ свѣдѣній, кроме указанныхъ выше. Разбирая недавно бумаги покойнаго одесского книгопродавца и издателя В. И. Бѣлаго, главнымъ образомъ материалы, предназначенные имъ для предполагавшагося къ изданію малорусскаго литературнаго сборника, и между прочимъ встрѣтилъ письмо отъ 5 апрѣля 1874 года, съ стихотворнымъ при немъ посланіемъ, писанное на листѣ сѣрой бумаги стариннымъ почеркомъ, подписанное: «Запорожець Константинъ Вира. Губернскій секретарь», съ собственноручною надписью В. И. Бѣлаго: «Останній Запорожець». Никакихъ замѣтокъ о происхожденіи этого письма и объ авторѣ его въ бумагахъ В. И. Бѣлага не оказалось, какъ равно и въ печатныхъ источникахъ, кроме указаннаго газетнаго сообщенія о смерти К. Виры, никакихъ свѣдѣній о немъ я не нашелъ. Но сопоставленіе содержанія письма и посланія съ газетнымъ сообщеніемъ, мпъ кажется, даетъ достаточно основаній къ догадкѣ, что авторъ письма и есть именно тотъ самый Константинъ Вира, о смерти котораго сообщалось въ газетахъ, такъ какъ самъ онъ называетъ себя запорожцемъ и жалуется на свою дряхлость. Къ сожалѣнью, разспросы мои о немъ въ Одессѣ не дали никакихъ положительныхъ результатовъ. По слухамъ однакожъ передавали мнѣ, что въ началѣ семидесятыхъ годовъ дѣйствительно появлялся иногда въ Одессѣ старый Запорожець, жившій гдѣ-то недалеко отъ Одессы. Онъ бывалъ у

товарища Н. И. Костомарова—Н. Савича, умершаго въ Одесскѣ въ 1892, и у другихъ одесскихъ старожиловъ, любителей мѣстной старины, которые помогали ему. Былъ онъ человѣкъ довольно грамотный, рассказывалъ о Запорожье, но по всей вѣроятности, въ разсказахъ его ничего особенно интереснаго не было, вслѣдствіе чего они никѣмъ и не записаны или, по крайней мѣрѣ, не опубликованы; по его разсказамъ, онъ дѣйствительно былъ козакъ, но конечно не запорожскій, а, вѣроятно, былъ въ составѣ такъ называемыхъ «вѣрныхъ козаковъ», организованныхъ княземъ Потемкинымъ изъ запорожскихъ «недобытковъ» въ 1788 г., изъ которыхъ впослѣдствіи образовано было Черноморское (нынѣ Кубанское) козачье войско; потомъ перешелъ въ гражданскую службу и служилъ въ какой-то цадатѣ, гдѣ и дослужился до чина. Эти отрывочные свѣдѣнія находятъ подтвержденіе въ приводимомъ ниже письмѣ К. Вирѣ и особенно въ стихотворномъ его посланіи, гдѣ онъ сообщаетъ нѣкоторыя автобіографическія свѣдѣнія и жалуется на свою тяжкую долю, замѣчая не безъ ироніи, что «губернскаго заслуживъ, а на хлібъ не заробывъ» и что «голодный не заснешь—погана натура». Посланіе это, какъ видно, и было для него средствомъ обращенія къ благотворительности разныхъ лицъ и такимъ образомъ могло попасть къ В. И. Бѣлагому или непосредственно отъ самого К. Вирѣ, или же добыто имъ отъ кого либо изъ тѣхъ лицъ, къ которымъ К. Вира обращался за помощью. Судя по тому, что въ бумагахъ В. И. Бѣлага вмѣстѣ съ оригиналомъ этого документа имѣются и копія, писанная такимъ же почеркомъ, коимъ списаны все материалы для упомянутаго, несуществившаго малорусскаго сборника, документъ этотъ предназначался для помѣщенія въ томъ сборникѣ, но повидимому безъ всякихъ объясненій, кромѣ приведенного заглавія: «Останній Запорожецъ», надписанного рукою В. И. Бѣлаго. Нечитаемъ этотъ, во всякомъ случаѣ любопытныи, документъ съ точнымъ сохраненіемъ правописанія подлинника.

М. Комаровъ. /

Милостивій Государь

Имя вашего иотечества незнаю, а прошу васъ всепокорнѣйше подательницею сего объявите имя ваше почтество и не оставьте моей прозьби пособить моему бѣдному состоянію, жертвуйтъ вчемъ только будетъ милость ваша на меня безъ помощнаго инемощнаго и пригла-

ситъ еще богомилящихъ Господъ неокажеть ли кто милости и напишть имена родителей вашихъ, тоя буду читать псалтирь за усобихъ какъ иза прочихъ, ибо тѣмъ только и пытаюсь. (*Далъе въ письме написано*):

Чувъ я вчора отъ панивъ
дають хлебъ голоднимъ,
а я три дни якъ неизъ
тотъ и благородній
кого просить я не знаю
А голодъ все мутить
Куска хлеба я не имею
мене бида жучить
колись було хоть христяни
мене поживили
теперь сами скотъ, жупави,
на хлебъ позбували.
Заробити нема сили
просити стидюся,
дуже старій и ставъ хилый
въ дугу изогнулся.
бо голодній не заснешь,
погана натура.
сь горемъ вистъ увесь живешъ
и стара нездужа.
нема кому заробити
на кусокъ святого,
добрі люди пособите,
подайте старому.
служивъ колись у козакахъ
носли у палати,
бувъ я часто на бувакахъ
якъ у теплій хати,
тоди бувъ я молодній
усе перевносивъ
а теперъ я ставъ старій
не бачу лідъ носомъ.
Губернскаго заслуживъ,
медальку на груди,
а на хлебъ иневаробивъ
хотъ би на три пуди.
пособите добри люди
подайте хто зможе,
заясъ Бога молитъ буду,
помилуй васъ Боже

Вашъ покорный слуга
Запорожецъ, Константина Вира.
Губернскій Секретарь

Апреля 5-го дня
1874 Года.

Утѣсненіе кіевскихъ мѣщанъ военнымъ постоеемъ въ 1763—64 г.г. Военные постои представляли въ прошлое время одну изъ самыхъ тяжелыхъ повинностей для обывателей вообще. Но тажесть эта была особенно чувствительна въ Кіевѣ, потому что кіев-скіе мѣщане признавали эти постои нарушеніемъ правъ и привил-легій города. Законнымъ признавалось лишь предоставленіе отъ города квартиръ «пребывающимъ» черезъ городъ чинамъ, посылаем-ымъ отъ высшаго правительства; затѣмъ мирились съ «переходя-щими» командами, но когда таковыя оставались въ городѣ долго—мѣщанство роптало, а когда такихъ «командъ» собиралось много—являлись и враждебныя съ ними столкновенія магистрата и всего мѣщанскаго населенія. Во второй половинѣ прошлаго столѣтія эти тагости военныхъ постоевъ чувствуются особенно рѣзко.

Найбольшою непріязненностю отличались отношенія кіевскаго магистрата и всего Подольского населенія къ пребывавшимъ довольно долго въ Кіевѣ гусарамъ, при самомъ расквартированіи которыхъ въ городѣ возникли большія затрудненія, при чемъ обнаружилось не малое самовольство гусарскаго начальства и явная по отношенію къ нему слабость власти кіевскаго генераль-губернатора.

Въ августѣ мѣсяцѣ 1763 г. Молдавскій гусарскій полкъ по- требовалъ отъ кіевскаго магистрата отвода 1489 квартиръ. Ожидая въ то же время вступленія въ городъ и коннаго полка и заботясь о томъ, чтобы при этомъ размѣщеніи полковъ «бѣдному народу на-расной обиды и утѣсненія не было», магистратъ распорядился про-извести предварительно «вѣрную опись дворовъ вѣдомства магистрат-скаго». Опись эту произвели три магистратскіе урядника совмѣстно съ полковыми квартемиstryами. Оказалось всѣхъ такихъ дворовъ 1947, изъ которыхъ и отведено было 878 для размѣщенія Молд. гус. полка. Квартиры были распределены такъ: артил. канон. полку, начавъ отъ Рождественской башни, лѣвою стороною по мостовую Притиско-Николаевскую улицу, а Молд. гус. полку отъ той же башни правою стороною по ту же улицу, выключая токмо улицу ту,

торая оставлена для имѣючаго возвратитись съ турецкой области по-сланника князя Долгорукова». Но военные люди, нарушивъ установленный магистратомъ порядокъ, сами занимали многія квартиры, почему и оказалось, что на квартирахъ, предназначенныхъ для гусаръ, стали артилеристы и обратно. Гусары самовольно занимали, между прочимъ, и нѣсколько такихъ домовъ, которые, принадлежа магистратскимъ урядникамъ, освобождались отъ постоя. Жалобы магистрата по этому поводу оставались безъ вскихъ послѣдствій. Не помогали и предписанія генераль-губернатора объ освобожденіи занятыхъ гусарами домовъ магистратскихъ чиновниковъ. Чтобы выжить гусарскаго маіора Бедрягу изъ самовольно занятаго имъ дома, магистратъ отвелъ этотъ домъ подъ помѣщеніе ожидавшагося тогда чрезвычайнаго посла и уведомилъ объ этомъ генераль-губернатора, который уже съ своей стороны предписалъ полковому командиру бригадиру Подгоричани очистить занятую Бедрагой квартиру. Но бр. Подгоричани вмѣсто немедленного исполненія этого предписанія представилъ въ своеемъ доношеніи такое затрудненіе: квартира де маіору Бедрагѣ была отведена письменнымъ генераль-аншефа Олица ордеромъ, «а въ которую ему нынѣ войти, въ повелѣніи В. В. П--ва не приказано». Испрашивая по этому вопросу особой резолюціи, бр. Подгоричани указалъ на нѣсколько домовъ не занятыхъ, въ которыхъ по его мнѣнію, какъ въ болѣе удобныхъ, и слѣдуетъ отвести помѣщеніе для ожидаемыхъ пословъ, Россійскаго и турецкаго, если же генераль-губернаторъ найдетъ это почему-либо невозможнымъ и желаетъ отвести именно то помѣщеніе, которое занялъ маіоръ Бедрага, то пусть этому послѣднему самъ же укажетъ квартиру въ одномъ изъ поименованныхъ домовъ¹⁾.

Если вмѣсто точнаго и немедленного исполненія приказанія генераль-губернатора бр. Подгоричани позволялъ себѣ дѣлать подобнаго рода представленія, то какъ онъ могъ относиться къ распоряженіямъ магистрата?

Весною 1764 г., уже по распоряженію генераль-губернатора, была сдѣлана новая обстоятельная опись домовъ и въ нихъ жилыхъ покоевъ на Подолѣ и въ его предмѣстяхъ. Опись эта была сдѣлана

¹⁾ „Изъ лутчихъ квартиръ, сказано въ донесеніи Подгоричани,—порожними стоять: 1) каменный домъ директора Карасева въ лутчихъ покояхъ, 2) купцовъ Степана Андреева и 3) Ивана Андреева, 4) избранника Доброгорского, 5) Капитанскаго, 6) войта Сычовскаго“.

секундъ-мајоромъ Ромадинымъ вмѣстѣ съ опредѣленными отъ магистрата урядниками съ тою же цѣлью—упорядочить расквартированіе ожидавшихся въ Киевѣ войскъ. По этой описи оказалось на Подолѣ 2139 дворовъ, въ Сырцѣ 28, въ Преоркѣ 148 и въ Куреневщинѣ 94, а всего 2454 двора, въ которыхъ можно было назначать постое¹).

Генералъ-губернаторъ предписалъ оставить сто дворовъ въ запасѣ для пріѣзжающихъ въ Киевѣ по разнымъ дѣламъ чиновъ, не отводя ихъ для прибывшихъ въ городѣ полковъ—перваго канонирскаго и Молдавскаго гусарскаго. Послѣдній, какъ видно, былъ особенно неумѣренъ и привередливъ въ своихъ требованіяхъ. Такъ, въ сентябрѣ мѣсяца 1764 г. командиръ Подгоричани представилъ генералъ-губернатору вѣдомость о числѣ необходимыхъ для его полка квартиръ. Генералъ-губернаторъ нашелъ его требованія черезмѣрными, а отводъ квартиръ для «партикулярныхъ онаго Молдав. гус. полка офицерскихъ служителей» незаконными и предписалъ «довольствоваться тѣмъ строеніемъ, какое у обывателей найдется можетъ, не чиня при томъ имъ никакова угѣсненія и отягощенія; что жъ принадлежитъ до рядовыхъ, то оные должныствуютъ разставлены быть на квартиры по толикуму числу, по коликуму въ которой домъ киевскій магистратъ по съѣдѣнію своему, смотря по состоянію жилья, назначитъ».

Въ этомъ распоряженіи нельзя не видѣть вѣкоторой защиты магистрата и его правъ по отношенію къ отводу квартиръ, правъ, которыхъ такъ безцеремонно нарушались такими квартирантами, какъ гусары.

Нѣкоторые изъ киевскихъ обывателей, имѣя въ виду указъ Пр. Сената отъ 19-го января 1764 г.²) и желая защитить собственное жилье отъ всякихъ состояльцевъ, строили въ своихъ дворахъ особы для солдатъ квартиры; но и это, какъ видно, не всегда избавляло ихъ отъ вторженія въ собственное ихъ жилье. Такъ, мѣща-

¹) Эта опись показала на Подолѣ значительно больше дворовъ, чѣмъ прошлого года (на 192 двора), что объясняется, по всей вѣроятности, тѣмъ, что въ послѣднюю опись могли войти не только „домовѣдомства магистратскаго“, но и принадлежавшіе лицамъ не магистратскаго вѣдомства, каковыхъ было на Подолѣ не мало, а кромѣ того вошли и дома, освобожденные отъ постою.

²) „Буде кто изъ обывателей пожелаетъ для постое солдатъ особы квартиры построить, въ тоиъ имъ позволить съ тѣмъ, что въ домахъ, где жительство они имѣютъ, постое никогда ставлено не будетъ“.

нинъ Петръ Дубровскій и мѣщанка Новицкая жаловались генераль-губернатору на то, что, не смотря на построенные ими въ своихъ дворахъ особыя квартиры для солдатъ, и собственное ихъ жилье занято было гусарами самовольно. Кроме того, гусары разобрали во дворѣ Новицкой новую избу и большой амбаръ, подъ которымъ отецъ Новицкой лилъ колокола, и построили на ея дворѣ для всего эскадрона конюшни, вымостиивъ ихъ досками изъ разобранаго забора. Генераль-губернаторъ послалъ ордеръ о неутѣсненіи Новицкихъ, но какъ это было выполнено — неизвѣстно.

Тогда же жаловался и магистратскій инстигаторъ Гаврілъ Ядрило на самовольное и насильное занятіе его дома канон. полка поручикомъ Татищевымъ, не смотря на то что домъ этотъ былъ оставленъ для пріѣзжающихъ чиновъ. Когда унтеръ-офицеры, доставивши во дворъ Ядрила сѣно и лошадей поручика Татищева, сказали послѣднему, что де Ядрило не хочетъ пускать къ себѣ постою безъ магистратскаго квартирмистра, то Татищевъ «слѣзъ съ лошади и, браня матерно его, Ядрилу, и беручи въ руки трость, сказывалъ: вотъ де ему, сукину сыну, дамъ знать магистратскаго квартирмистра». Боясь насилия со стороны команды Татищева, Ядрило нѣсколько ночей не ночевалъ дома, пока не послѣдовалъ, по его жалобѣ, ордеръ генераль-губернатора въ защиту его отъ такого утѣсненія.

Нѣкоторые изъ гусаръ, расположившихъ на квартирахъ въ мѣщанскихъ домахъ, завели у себя шинки, что и вызвало цѣлый рядъ жалобъ со стороны магистрата не только къ мѣстному начальству, но и Пр. Сенату.

Одинъ изъ кіевскихъ мѣщанъ, вѣкто Чернявскій, задолжавшись своимъ землякамъ, бѣжалъ за границу, а затѣмъ появился въ Кіевѣ уже въ качествѣ гусара. Опознавшіе его кредиторы представили его въ магистратъ, гдѣ онъ и былъ арестованъ, «незавѣдомо, что онъ состоитъ въ гусарахъ». Подъ арестомъ же Чернявскій «по своимъ шалостямъ и непостоянству» причинилъ сторожу побоя и обрѣзалъ ему ножомъ руку, почему и былъ, по жалобѣ сторожа, «въ страхѣ другимъ, дабы и прочие, смотря на него, того учинить не дерзали, легкимъ наказаніемъ наказанъ». Этотъ случай подалъ поводъ бр. Подгоричани жаловаться на самоуправство магистрата по отношенію къ гусарамъ, нѣсколько жалобъ которыхъ и препровождено было къ генераль-губернатору. Важнѣйшею изъ нихъ была жалоба поручика Лещкевича на райцу Іосифа Гудиму, въ домѣ котораго онъ квартировалъ.

Видя, что поручикъ Лешкевичъ занялъ весь дворъ своимъ сѣномъ, Гудимъ, находясь ако бы въ «безчувственномъ весьма пьяномъ образѣ», сталъ выражать по этому поводу свое неудовольствіе «съ немалою супровостію и съ велиkimъ крикомъ и съ поношениемъ чести, не снимая съ своей головы шапки, употребляя поносныя и грубыя рѣчи»; а на вопросъ офицера,—гдѣ же ему сложить сѣно, Гудимъ отвѣчалъ: «въ пазуху себѣ положи, а на моей бы землѣ не было». Поручикъ, «избѣгая худыхъ слѣствъ, съ немалымъ сожалительнымъ прискорбнымъ огорченіемъ троекратно принужденъ былъ отъ него отходить», при чемъ жена Гудима, по словамъ поручика, была на его, поручика, сторонѣ: «видя мою во всемъ предъ нимъ правость, а его въ нападеніе на меня напрасно винность, къ пре-кращенію почти со слезами его отзывала, но онъ не токмо отъ меня или отъ той супровости и отъ поношения чести моей себя воздержать, усматривая мою предъ нимъ смиренность, склонность и терпѣливо молчавіе, но и у вящую ярость впалъ, съ многократнымъ ко мнѣ порываніемъ прибѣгать начальъ, пріуготовляя руки, чтобы взять меня за грудь, сказывая супово: ты де поручикъ противъ меня не великъ человѣкъ, а я де магистратскій членъ, и никто мнѣ здѣсь не судья». Когда же поручикъ погрозилъ жалобой, Гудимъ «великимъ и супровымъ голосомъ кричалъ: что мнѣ вашъ аншѣфъ сдѣлаетъ? Тогда поручикъ пошелъ къ секундъ-маюру Бедрагѣ съ жалобой, а Гудимъ напустился на жену его, «чтобъ она болѣе по двору на земли его не ходила,—тотчасъ де, уграживая боемъ, себя покажу, почему бъ де вы знали въ Кіевѣ Гудима и какъ на его землѣ сѣно класть¹⁾». Ссылаясь въ своей жалобѣ на жену Гудима и другихъ свидѣтелей, поручикъ просилъ за такое «поношение чести» офицерской поступить съ обидчикомъ по законамъ, «почему бъ онъ впередь, да и другое на то смотря и вящихъ отважностей и непостоянствъ сдѣлать не возможнѣрились».

Еще чаще и грубѣе столкновенія происходили между рядовыми солдатами и мѣщанами. По жалобамъ послѣднихъ магистратъ, какъ видно, добивался иногда назначенія генералъ-губернаторомъ слѣд-

¹⁾ Этотъ Іосифъ Ивановичъ Гудимъ былъ позже бургомистромъ одновременно съ Іосифомъ Васильевичемъ Гудимомъ („Іст. мат. изъ арх. К. Г. Пр.“ вып. 7-й стр. 74) и имѣлъ, кроме дома на Подолѣ, сгорѣвшаго въ 1766 г. во время частыхъ пожаровъ въ апрѣль мѣсяцѣ (см. Ibid, стр. 81), значительный хуторъ на Куреневѣ съ прудомъ, мельницей и винокурней и березовой рощей (Ibid, вып. 3 стр. 75).

ствій, которые и обнаруживали дѣйствительно крайнее стѣсненіе киевскихъ мѣщанъ военными постами, особенно тяжелыми въ 60-тые годы. Результатомъ этихъ слѣдствій бывало иногда и наказаніе военныхъ чиновъ не только низшихъ, но и офицерскихъ¹⁾. Слѣдствія эти производились при депутатѣ со стороны магистрата, который въ генералъ-губернаторѣ Войковѣ нерѣдко находилъ поддержку и защиту.

Обычай и повѣрья, пріуроченные къ „Велыкодню“. Дни бѣгутъ за днями. Прошло уже «Сритене», на которое, по мнѣнію народа, зима съ весной должны встрѣтиться; прошли: Евдокій, Сорокъ Святыхъ, на которые каждая хозяйка обязательно должна спечь сорокъ пироговъ и на которые «сорокъ птахъ» прилетаютъ изъ-за моря». Минуло и «Теплого Олексы». Наконецъ, вотъ и «благовищенія», — по мнѣнію народа такой же важный и великий праздникъ, какъ и Пасха, и на который — по тому же народному вѣрованію — можно разговѣтиться и ёсть скромное, — «але невартъ на иденъ день паскудытысь» (подол. губ.).

Благовѣщеніе — такое «великое свято», что въ этотъ день птица гнѣзда не вьетъ, а если которая и завѣтъ, то все равно дѣтей въ немъ не выведетъ. (Подол. губ.). Народъ примѣчаетъ, что какова погода на благовѣщеніе; такова должна быть и на «Велыкдень» — (волын. и подол. губ.) и если на Благовѣщеніе дождь, будетъ урожай ржи. У пчеловодовъ малороссовъ есть старинный обычай — на Благовѣщеніе выставлять пасѣку изъ зимовниковъ и первый разъ закармливать ихъ «сытой» съ мелко, въ порошокъ истолченной благовѣщенской просфорой (т. е. просфорой, изъ которой на благовѣщеніе вынимались частицы), отъ этого пчелы будутъ хорошо роиться и вестись (вол. и подол. губ.) Всѣ недѣли великаго поста у нашего народа имѣютъ каждая свое особое название: четвертая — «середолистя» или «середописна», пятая — «білый тыждень», шестая — вербная или «вербыця», седьмая — какъ и вездѣ — «страстная».

¹⁾ Послѣ одного слѣдствія въ концѣ 1767 года — подпоручикъ Новосильцевъ былъ переведенъ изъ самовольно занятой имъ квартиры „съ крѣпкимъ ему о чёмъ надлежало подтверждениемъ, подпор. Соколовъ, за неупристойное его ночнымъ временемъ въ магистратскую почтовую избу хожденіе и неприличные поступки, пристойныи образомъ шрафованъ, а за битье магистратскаго шинкера и жены его канониръ Филипповъ наказанъ батоги, а впредъ нынешніи чинамъ сорокъ и дракъ чинить на крѣпко запрещено“. (Ист. мат. изъ арх. К. Г. Пр. вын. 8, стр. 205).

На пятой недѣлѣ или «билимъ тыждни», хозяїки обыкновенно бѣлять избы,—отсюда получилось и название недѣли. Также въ обычай у хозяекъ на «билимъ тыждни» сѣять разсаду капустную: капуста будетъ «билая», большая и твердая (волын. губ.).

Напротивъ, на вербной недѣлѣ нельзя ничего ни садить, ни сѣять въ огородѣ, такжь какъ все посѣянное и посаженное на этой недѣлѣ, поростетъ «буине и дыке, якъ верба» (волын. губ.).

Хозяїки двумя субботами раньше подсыпаютъ куръ, съ такимъ разсчетомъ, чтобы цыплята выходили какъ разъ въ вербную субботу: изъ этихъ цыплятъ выйдутъ носкія и выносливые куры (волын. и подол. губ.).

Страстной четвергъ зовется еще и «чистымъ» (во всей Волыни и Подоліи) потому, что въ этотъ день заведено въ обычай «чистить» (кастрировать) жеребцовъ и свиней. Въ чистый четвергъ есть обычай—до восхода солнца искупаться въ рѣкѣ, върья, что такое купаніе въ этотъ день очищаетъ не только тѣло, но и душу отъ грѣховъ (волын. губ.).

Чтобы узнать, кто въ селѣ вѣдьма, нужно въ чистый четвергъ до восхода солнца принести воды изъ колодца, налить въ горшокъ и положить въ него «пѣдилку» (холстинка, чрезъ которую хозяїки-крестьянки цѣдятъ молоко), всю, или какъ можно больше, утыканную иголками и булавками, и поставить въ печь на медленный огонь варить. Вѣдьма не замедлитъ прибѣжать къ продѣлавшей это хозяїкѣ и все будетъ допытываться, спрашивать, что та варитъ; совѣтовать, уговаривать, наконецъ, просить перестать варить «цидылку», такжь какъ иголки и булавки, натыканныя въ «цидылку» будутъ страшно колоть вѣдьму (волын. губ.).

Вечеромъ въ страстной четвергъ всякий—и старъ, и младъ—спѣшить въ церковь—«на страсть», а «послѣ страсти», каждый хозяинъ старается принести домой горящую страстную свѣчу, не потушивъ ее, и выжигаетъ на дверяхъ или потолкѣ дома крестъ, вѣруя, что отъ этого благодать Господня будетъ въ домѣ, а злой духъ уже не войдетъ въ домъ. Эта же страстная свѣча берется еще въ церковь и зажигается на всенощную и обѣдню подъ первый день Пасхи, затѣмъ прячется, сохраняется и бережется, какъ величайшая святыня, и потомъ въ разныхъ случаяхъ крестьянской жизни свѣча эта, какъ святыня или священный предметъ, играетъ важное значеніе. Такжь, напр., страстную свѣчу зажигаютъ предъ иконами при приближеніи лѣтомъ грозовой тучи, вѣруя, что въ такомъ случаѣ

грозовая туча благополучно пройдетъ мимо и не разразится ливнемъ или градомъ.

Если человѣкъ долго и мучительно умираетъ и не можетъ умереть, то ему даютъ тоже горящую страстную свѣчу въ руки и кладутъ его среди хаты на полу, на бѣлой простынѣ. Въ такомъ случаѣ человѣкъ скоро «пиде», куды наставывся иты: або сюды, оба туды», и мучиться перестанеть. Воскъ страстной свѣчи пьютъ и ъдятъ небольшими пилюльками отъ лихорадки. Ею же накуриваются отъ той же лихорадки и отъ «бешыхъ» (рожи), при чёмъ зелья, коими накуриваются, зажигаются страстной свѣчей. Когда кто-нибудь умираетъ тихо — страстную свѣчу зажигаютъ предъ иконами.

Страстная свѣча нашимъ народомъ называется еще заимствованнымъ у католиковъ словомъ «громница», какъ предохраняющая и спасающая отъ грома (т. е. громовой тучи — ливня и града) и пожара отъ молніи.

Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ волыни (ковельск. у.) въ обычай: возвратясь со страсти, вся семья при свѣтѣ страстной свѣчи, поставленной у иконъ, садится за «вечеру», специально, лучше и изысканнѣе, чѣмъ въ другіе дни, приготовленную, и на которой обязательно бываетъ рыба. Эта «вечера» устраивается въ память и воспоминаніе Тайной Вечери Спасителя.

Нѣкоторые религіозные старики-постники, поужинавъ въ страстной четвергъ, ъдятъ, только лишь разговляясь на первый день Пасхи.

Еще есть одинъ обычай у крестьянъ: когда вынутъ изъ печи паску, то сейчасъ сыплють въ печь «цыбулю на пиддымку, щобы не постреляла», т. е. не пошла въ стрѣлки или сѣмена (волын. губ.).

Въ великолѣпную субботу принято подсыпать домашнюю птицу: гусей, утокъ, куръ, — цыплята выйдутъ хороши и здоровы. (вол. губ.).

Подъ Свѣтлое Воскресеніе не принято, и даже грѣхъ, спать, потому что «хто не спить, тому Богъ дастъ щасте, а кто спить, той свое щасте проспить» (вол. и под. губ.). Есть также повѣрые, что кто не спить подъ Свѣтлое Воскресеніе, тотъ деньги найдетъ (вол. губ.).

Такъ или иначе, по той или другой причинѣ, но у нашего народа въ эту ночь спать только дѣти, а взрослые бодрствууютъ; равно всю ночь не тушатъ въ хатѣ огня, — грѣшно (болын. и подол. губ.).

Съ вечера въ субботу обыкновенно старики идутъ въ церковь на «одыяве» (чтение дьялній апостола); молодежь приходитъ только къ полуночи—на «всюношу».

О ночи подъ Свѣтлое Воскресеніе у крестьянъ есть нѣсколько повѣрій. Вотъ нѣкоторые изъ нихъ. На «вѣлыкдень», на «всюношу» нечистая сила и вѣдьмы не шатаются и не дѣлаютъ вреда и пакости людямъ; онѣ въ эту ночь безсильны. На великопостныя заговѣны, ложась спать, надо взять подъ языкъ или за щеку кусочекъ сыру и такъ уснуть, и проспать до первого дня великаго поста,—понедѣльника; тогда, вставши, этотъ сыръ вынуть изо рта и спрятать. Затѣмъ въ теченіе всего поста по праздникамъ дѣлать небольшой «стильчикъ» (табуретку); идя подъ Свѣтлое Воскресеніе въ церковь,—взять съ собою туда этотъ «стильчикъ» и спрятанный сыръ и, когда священникъ скажетъ первый разъ «Христосъ Воскресъ», нужно стать на эту табуретку и взять сыръ въ ротъ,—то можно видѣть всѣхъ находящихся въ церкви вѣдьмы: надъ головой каждой изъ нихъ будетъ какъ бы доѣнка. Продѣлавшему это человѣку, на обратномъ пути изъ церкви, явится нечистый и предложитъ ему деньги, богатства и свои услуги (вол. губ. староконст. уѣзда, с. Молчаны).

Также есть повѣрье, что если, идя ко всенощной подъ Свѣтлое Воскресеніе, взять съ собою—если охотникъ—то ружье, револьверъ или пистолеть, если портной или швея—то шитье, если сапожникъ, то сапогъ или башмакъ, если игрокъ—то колоду картъ и т. п.—и когда священникъ возгласитъ первый разъ трижды «Христосъ Воскресъ», то вместо «Воистину Воскресъ» охотникъ долженъ трижды отвѣтить: «а я стрѣляю», а портной, швея и сапожникъ должны трижды сказать: «а я шью», и при этомъ шить, а игрокъ: «а я въ карты играю» и тасовать карты. Послѣ этого охотникъ будетъ безъ промаха стрѣлять, бить дичь, и таковая вездѣ и на каждомъ шагу будетъ попадаться, портной или сапожникъ будутъ постоянно имѣть массу работы, заказовъ и быстро шить, а игрокъ въ карты постоянно будетъ выигрывать; всѣ такія лица скоро разбогатѣютъ, потому что всѣмъ такимъ будетъ помогать нечистая сила (волын. губ., староконст. у., д. Григоровка).

По другому дополненію того же повѣрія, продѣлавшему это человѣку, на обратномъ пути изъ церкви явится нечистая сила, предложитъ свои услуги, будетъ во всемъ помогать ему.

Въ пограничной части Подолія (каменец. у., Рыхтецкая волость) принято, что, какъ бы до церкви близко ни было, даже если всего шаговъ пять, всѣ имѣющіе лошадей пасху къ церкви святить не несуть, а везутъ на вымощенныхъ чистою соломою возахъ въnochвахъ, или по тамошнему «корытахъ», выстланныхъ бѣлой, чистой скатертью. Этимъ самимъ выражается уваженіе и почтеніе нашего народа къ Пасхѣ. Весь первый день Пасхи обыкновенно всѣ сидѣть дома, спать послѣ безсонной ночи и ни въ сельскій клубъ—ка-бакъ, ни другъ къ другу не ходятъ. На второй день Пасхи мальчики ходятъ по домамъ «христоваты»; придя въ домъ, мальчики или говорятъ, или, если умѣютъ пѣть, трижды поютъ «Христосъ Воскресъ» и поздравляютъ хозяевъ съ праздникомъ. Хозяева благодарятъ и одаряютъ мальчиковъ по одной или по парѣ крашанокъ (подол. и кіевск. губерн.).

Взрослые ходятъ особо «христоваты» или поздравлять съ праздникомъ. Подойдя къ какому-нибудь дому, «христовальщики» останавливаются передъ окнами въ слѣдующемъ порядке: на плечи четырехъ или цѣлой группѣ становится три, на плечи коихъ тоже въ свою очередь взлезть два, крѣпко держась другъ за друга; образуется такимъ образомъ живая, движущаяся башня изъ людей. Въ такомъ положеніи трижды поютъ или просто хоромъ дружно прокричатъ «Хр. Воскр.», затѣмъ башня разрушается, всѣ входятъ въ домъ и поздравляютъ хозяевъ съ праздникомъ (подол. губ., погран. полоса каменец. у.)

На второй день Пасхи дѣвушки платить долгъ парнямъ за угощеніе на великопостные заговѣны. Дѣлается это такъ: на великопостные заговѣны собирается число парней, равное числу дѣвушекъ, такъ что каждая дѣвушка имѣеть своего кавалера, а каждый парень свою дѣвушку; парни угощаютъ дѣвушекъ водкой, виномъ, пивомъ, сладостями,—а въ отплату за это каждая дѣвушка должна на второй день Пасхи приподнести своему кавалеру куличъ и полконы (30 шт.) крашанокъ и писанокъ (волын. и подол. губ.), при этомъ случается, что если дѣвушка приподнесетъ парню писанки сырье, не доваренные, онъ ее оскандалитъ: или пришлетъ ея гостище ей назадъ, или еще хуже: при встрѣчѣ всю ее обрызгаетъ присланными ею сырными яйцами.

Обычай «обливанія» существуетъ и въ Малороссіи, особенно въ подольской губерніи; въ нѣкоторыхъ уѣздахъ Подолія обливаютъ другъ друга, въ однихъ мѣстахъ на первый день Пасхи, а въ другихъ на второй. Въ пограничной же чертѣ ходятъ лишь парни на

второй день Пасхи по домамъ и обливаютъ дѣвушекъ: послѣднія должны откупиться отъ нихъ извѣстнымъ числомъ крашанокъ и писанокъ.

На второй и третій день обыкновенно возлѣ сельскихъ клубовъ—кабаковъ играетъ музыка, и за эти два дня все село перебываетъ здѣсь, а особенно сельская молодежь, которая оба дня здѣсь до глубокой ночи веселится и пляшетъ.

Остатки свѣченаго отъ Пасхи—кости и проч.—заканываются на межахъ и границахъ полей, чтобы предохранить ихъ отъ градобитія; куски свѣченой паски засушиваются и потомъ даются въ пойлѣ коровамъ послѣ отеленія, (волын. и подол. губ.).

Для того, чтобы вѣдьма не могла подступить къ коровѣ и отнять у нея молоко, въ рогу коровы продѣлываютъ отверстіе и туда вкладываютъ косточку отъ свѣченаго на Пасху—тогда вѣдьма уже ни за что не подступить къ коровѣ (волын. губ.).

Скорлупа свѣченыхъ яицъ сохраняется какъ средство для на-куриванія больныхъ лихорадкою (волын. губ.).

Въ волынской губерніи есть также обычай, практикуемый преимущественно дѣвушками, умываться на первый день Пасхи въ водѣ, въ которую ложатъ крашанки, чтобы быть «красной», т. е. румянной. И такъ какъ краска отъ яицъ водой обмывается, то умывающаяся въ такой водѣ дѣлается дѣйствительно «красной».

Одна изъ любимыхъ забавъ на «великденъ» нашихъ крестьянъ это—по-малорусски—«цокане» или по-русски битье яицъ. Особен-но эту забаву любить и занимается ею молодежь. Забава эта состо-итъ въ слѣдующемъ: двое выбираютъ изъ своихъ крашанокъ по са-мому крѣпкому яйцу, а крѣпость ихъ узнаютъ легкимъ стукомъ о зѣбы; и затѣмъ бьютъ слегка другъ другу яйцо о яйцо, сначала но-сками; если носокъ разбьется, тогда разбитое яйцо повора-чивается другой стороной «гузкой»; если и гузка разбьется, то вла-дѣлецъ крѣпкой крашанки, разбившій крашанку другому, береть себѣ битку, какъ знакъ, трофея побѣды, а потерявшій крашанку вы-бираеть другую покрѣпче и бой или состязаніе вновь продолжается. Въ этой забавѣ, или правильнѣе—для этой забавы особенно дорого цѣняются крѣпкія, съ твердой крѣпкой скорлупой яйца. Чѣмъ крѣп-че яйцо—тѣмъ лучше, тѣмъ дороже оно; нѣкоторые нарочно для «цока-нья» покупаютъ цесаркины яйца, которыя, какъ извѣстно, самыя крѣп-кія, платя по 10—15 коп. за одно. Другое для той же цѣли покупаютъ въ городѣ «гипсянки» или сами себѣ дѣлаютъ «вощенки», т. е.

налитыя воскомъ яйца, выпустивъ предварительно изъ нихъ содер-
жимое: бѣлокъ и желтокъ. Но при обнаруженіи обмана,—яйца отъ
обманщиковъ отбираются и уничтожаются, а обманщикамъ отъ об-
манутыхъ достается на орѣхи: здорово ихъ за это колотить. Нѣко-
торые, имѣющіе крѣпкія крашанки, такимъ образомъ въ эту забаву
выигрываютъ по 45 и 60 «битокъ», которыхъ потомъ продаютъ на
десяти желающимъ.

Во время этой игры или забавы бываетъ «минька не до зу-
бивъ»,—т. е. мѣна крашанками на удалую, безъ предварительной про-
бы или испытанія крѣпости ихъ о зубы,—и тогда, обмѣнившись яй-
цами, «цокаются имъ.»

Кромѣ «вѣлыкдня», наши крестьяне празднують еще одинъ
«вѣлыкдень»—это рахманскій вѣлыкдень котораго не найдете ни
въ одномъ календарѣ, но который существуетъ у нашего народа во
всей Волыніи и Подоліи и свято празднуется имъ. «Рахманскій
вѣлыкдень»—это праздникъ Преполовенія. Я долго доискивался, до-
капывался причины, почему Преполовеніе у нашего народа назы-
вается «Рахманскимъ вѣлыкднемъ»; наконецъ, нѣсколько стариковъ
на Волыніи и на Подоліи рассказали мнѣ слѣдующее: десь даже
далеко за моремъ, на другимъ краю свита есть царство Рахма-
нія, и живутъ въ нему люди Рахманы, таїжъ сами християне, якъ
и мы. Воны календаривъ не мають, и личты время такъ, якъ мы,
не вміютъ, не знаютъ; черезъ то воны не знаютъ, колы мае буты,
колы прыпадае вѣлыкдень, и вѣлыкдень справляютъ, святкуютъ то-
ди, якъ до ныхъ прыплыве водою видъ нась шкаралупа зъ крашан-
ки, що мы по третимъ днамъ святы зъ свяченыхъ іеци пускаемо на воду.

Ато бувае, що шкаралупа зъ крашанки видъ нась до ныхъ
прыпльвае якъ разъ черезъ день, тоди якъ у нась Преполовеніе:
тоди рахманы догадуюця, що десь у людей вже вѣлыкдень бувъ и
соби спрвляють, святкують вѣлыкдень. Тоди и мы разомъ зъ нымы
святкуемо ихній, рахманскій, вѣлыкдень (записано въ с. Молчанахъ
старок. уѣзда, вол. губ.; подобный же разсказъ слыхаль и въ с. Рых-
тѣ, каменецкаго уѣзда).

И дѣйствительно, нашъ народъ праздника Преполовенія не зна-
еть въ его не празднууетъ, а «Рахманскій вѣлыкдень» и празднують полож-
ительно во всей волынской и во всей подольской губерніяхъ.

Ив. Вѣньковскій.

Мелкія ізвѣстія.

Французскій ученый о Кіевѣ. По сообщеніямъ газетъ, въ большой залѣ городской ратуши въ г. Реймсѣ, при многочисленной публикѣ, среди которой были почти всѣ воспитанники высшихъ классовъ мѣстныхъ гимназій, баронъ де-Бай прочелъ недавно лекцію о Киевѣ. Съ помощью туманныхъ картинъ онъ прежде всего далъ собравшейся публикѣ понятіе о Днѣпрѣ и его мостахъ, о видѣ на Киевъ изъ-за Днѣпра и т. п. и затѣмъ сдѣлалъ сжатый, но обстоятельный очеркъ исторіи Киева, начиная съ древнѣйшихъ временъ. Для характеристики правокъ древнихъ славянъ баронъ де-Бай прочелъ во французскомъ переводе «Пѣснь о Вѣщемъ Олегѣ» Пушкина и въ видѣ иллюстраціи показалъ картину Семирадскаго, изображающую похороны у славянъ. Переходя потомъ къ христіанскому періоду, онъ оставилъ на крещеніи Руси, воспользовавшись при этомъ видами памятника св. Владимира и развалинъ Херсонеса, а также фресками Васнецова. Важное мѣсто въ изложеніи французскаго ученаго занялъ бракъ дочери Ярослава Анны съ французскимъ королемъ Генрихомъ I, причемъ лекторъ напомнилъ слушателямъ, что коронованье и вѣнчаніе русской княжны происходило въ ихъ родномъ городѣ Реймсѣ. Упомянувши затѣмъ объ упадкѣ Киева послѣ татарскаго погрома, онъ перешелъ къ эпохѣ Хмельницкаго, показалъ видъ памятника послѣднему, и потомъ закончилъ чтеніе короткой исторіей возрожденія Киева въ новѣйшія времена, иллюстрируя свой разсказъ видами Лавры, Софійскаго собора, университета и нѣсколькими этнографическими картинами съ изображеніями украинской деревни, хаты и т. п. Газеты прибавляютъ, что чтеніе имѣло очень большой успѣхъ.

Акварель Юлія Коссака «Встрѣча Хмельницкаго съ Тугай-Беемъ». Въ кіевскихъ магазинахъ, торгующихъ красками и другими принадлежностями рисованія, недавно появились въ продажѣ геліотипическая копія акварели извѣстнаго многими рисунками изъ малорусскаго быта польского художника Юлія Коссака: «Встрѣча Хмельницкаго съ Тугай-Беемъ», о которомъ Н. И. Костомаровъ говоритъ въ первой главѣ своего сочиненія «Богданъ Хмельницкій». Копія довольно недурно передаютъ содержаніе оригинала, написанного съ обычнымъ мастерствомъ, свойственнымъ талантливому художнику, о которомъ мы надѣемся современемъ поговорить болѣе подробно.

Картини изъ малорусскаго быта на кіевскихъ выставкахъ. Сравнительно съ прошлымъ годомъ, картины изъ малорусскаго быта на

кіевскихъ выставкахъ этого года были немногочисленны. Гостившая въ Киевъ и недавно закрывшися ХХII-я передвижная выставка творищества передвижныхъ художественныхъ выставокъ дала картину Н. К. Пимоненка «Паробки», уже знакомую кіевлянамъ по прошлогодней выставкѣ мѣстныхъ художниковъ, о которой мы своевременно говорили¹⁾, три картины Н. К. Боларевскаго: «Видъ на Днѣпръ изъ Царскаго сада», «Малороссійскій хуторокъ» и «Въ Малороссіи» и картину А. М. Васнецова «Михайловскій монастырь въ Киевѣ» — На открытой нынѣ III-й весенней выставкѣ мѣстныхъ художниковъ находятся слѣдующія картины изъ малорусскаго быта: И. Ф. Селезнева — «Огородница», В. И. Козловскаго а) «Предмѣстье Кієва», б) «Хаты» и в) «Зимній вечеръ», Л. И. Нестельбаха — «На огорode» и нѣсколько этюдовъ П. И. Васильченка.

Юліанъ Фалатъ, новий директоръ школы изящныхъ искусствъ въ Краковѣ. Остававшееся со смерти Яна Матейки вакантнымъ мѣсто директора школы изящныхъ искусствъ въ Краковѣ занялъ недавно Юліанъ Фалатъ, акварелистъ, уроженецъ Галиціи, известный многими рисунками изъ быта галиційскихъ русиновъ, какъ напримѣръ: «Z życia malego miasteczka», «Wielki Tydzień na wsi w Galicyi», «Kolendnicz z koga na Rusi», «Pastuszek huculski» и друг.

Новая опера на сюжетъ изъ «Тараса Бульбы». По сообщенію Одесского листка, въ Туринѣ съ немалымъ усіѣхомъ недавно была поставлена новая трехъ-актная опера итальянскаго композитора Берретти, написанная на сюжетъ изъ повѣсти Н. В. Гоголя «Тарасъ Бульба».

¹⁾ Киевская Старина 1894 г. № 4.

БИБЛІОГРАФІЯ.

Матеріалы къ оцѣнкѣ земель полтавской губерніи. Естественно-историческая часть. Выпускъ XVI. Оро-гидрографія, геология, почвы, климатъ и флора полтавской губерніи. Съ гипсометрической и почвенной картами. Изд. полтавского губернскаго земства. С.-Пб. 1894.

Въ 1887 году проф. Докучаевъ по предложенію Полтавскаго Губернскаго Земства принялъ на себя изслѣдованіе почвъ полтавской губерніи. Въ періодъ 1889—1892 гг. появилось пятнадцать отчетовъ (Матеріалы къ оцѣнкѣ земель полтавской губерніи, выпуски I—XV) по изслѣдованію отдѣльныхъ уѣздовъ губерніи, исполненному подъ руководствомъ проф. Докучаева двѣнадцатью его сотрудниками¹⁾. XVI выпускъ «Матеріаловъ», заглавіе котораго мы привели, является послѣднимъ и состоитъ изъ восьми отдѣльныхъ, сводныхъ главъ, принадлежащихъ слѣдующимъ авторамъ:

- I.—Оро-гидрографический очеркъ—*А. Отокому*.
- II.—Третичные образованія—*А. Афонову*.
- III.—Ледниковые отложения—*ему-же*.
- IV.—Геологический характеръ почвъ—*К. Глинкъ*.
- V.—Химический характеръ растительно-наземныхъ почвъ и солонцовъ—*ему-же*.
- VI.—Механический составъ и физические свойства почвъ—*А. Адамову*.
- VII.—Очеркъ климата—*Барановскому*.
- VIII.—Ботанико-географический очеркъ—*Краснову*.

¹⁾ Краткая замѣтка объ этихъ отчетахъ помѣщена нами въ февральской книжкѣ Кіевской Старинѣ 1893 г.

Къ послѣднему выпуску «матеріаловъ» приложены также двѣ карты полтавской губерніи десятиверстнаго масштаба, изъ которыхъ гипсометрическая составлена акад. Тилло, а почвенная—сотрудниками Докучаева подъ его редакціей.

Въ настоящей замѣткѣ мы постараемся изложить содержаніе XVI выпуска «Матеріаловъ», но при этомъ нужно замѣтить, что до его составленія проф. Докучаевымъ были напечатаны двѣ работы: 1) «къ вопросу о соотношеніяхъ между возрастомъ и высотой мѣстности съ одной стороны, характеромъ и распределеніемъ черноземовъ, лѣсныхъ земель и солонцовъ—съ другой» (Вѣстникъ Естествознанія, 1891 г. № 1—3) и 2) «Наши степи прежде и теперь» (напечатано первоначально въ «Правительственномъ Вѣстнике» за 1892 г. и въ томъ же году издано отдѣльной книжкой). Въ этихъ работахъ проф. Докучаевымъ высказаны многія общія положенія, касающіяся геологіи, орографіи, гидрографіи и почвъ полтавской губерніи, проводимыя также составителями большей части сводныхъ главъ, вошедшихъ въ XVI выпускъ «Матеріаловъ».

Въ основаніе первой главы, представляющей собою «оро-идро-графіческий очеркъ полтавской губерніи», легла прекрасно изданная гипсометрическая карта акад. Тилло. На ней для изображенія рельефа мѣстности послужили: 1) линии равной высоты, такъ называемыя горизontали или изогипсы и 2) закрашиваніе разными оттѣнками промежутковъ между горизонтальми. Горизонтали нанесены чрезъ каждыя 10 сажень, причемъ мѣстности, имѣющія абсолютную высоту 30—40, 40—50 и 50—60 с., покрыты тремя оттѣнками зеленої краски, а мѣстности съ превышеніемъ въ 60—70, 70—80, 80—90 и 90—100 с.—четырьмя оттѣнками коричневой. При этомъ получается, какъ справедливо замѣчаетъ почтенный составитель карты, весьма наглядная картина рельефа мѣстности, дающая возможность сразу опредѣливать мѣста низменныя и возвышенныя. Всѣхъ точекъ, послужившихъ для проведения горизонталей, имѣлось 1015, изъ которыхъ выводится приблизительно и средняя высота губерніи нѣсколько пре-восходящая 60 с.

Общая картина орографического строенія губерніи весьма проста. Вся площадь губерніи въ цѣломъ представляетъ правильный равнопологій склонъ къ Даїпу югозападной части Средне-Русской возвышенности, недавно установленной А. А. Тилло.

Приведенные данные взяты нами изъ краткаго объясненія, напечатаннаго на самой картѣ. Затѣмъ въ дальнѣйшемъ изложеніи содержанія первой главы мы будемъ слѣдоватъ г. Отоцкому. Онъ указываетъ, что паденіе поверхности губерніи съ СВ. на ЮЗ. въ общемъ равно 1 саж. на 4 версты. Отдѣльные уѣзды губерніи по мѣрѣ удаленія отъ Днѣпра являются болѣе возвышенными и могутъ быть расположены въ слѣдующемъ порядке: 1) Константиноградскій, Роменскій, Зеньковскій, Гадачскій (преобл. высоты 80—90 с.); 2) Лохвицкій, Прилукскій, Полтавскій, Миргородскій, Хорольскій, Переяславскій (60—80 с.) и 3) Ширитинскій, Лубенскій, Кобеляцкій, Золотоношскій и Кременчугскій (40—60 с.).

Полтавская губернія въ общемъ только представляетъ ровную площадь, наклонную къ Днѣпру, но рѣчныя долины, балки и овраги изрѣзываютъ ее въ различныхъ направленіяхъ и обусловливаютъ собою всѣ частности рельефа. Главнѣйшими элементами этого рельефа являются плато (междурѣчные пространства), рѣчныя долины, овраги и балки, описываемыя подробно авторомъ. Онъ намѣщаетъ слѣдующія плато, ограниченныя соотвѣтственными рѣками: 1) Орель—Берестовая, 2) Берестовая—Орчикъ, 3) Орчикъ—Ворскла, 4) Ворскла—Псѣль; 5) Псѣль—Хороль, 6) Хороль—Сула и 7) Засульское плато, причемъ разсматриваетъ ихъ отдѣльно въ отношеніи размѣровъ, высоты, паденія, изрѣзанности оврагами и проч.

Когда читаешь эти описанія плато, невольно приходитъ на мысль, что авторъ не воспользовался въ достаточной мѣрѣ тѣмъ положеніемъ довольно давно высказаннымъ въ геологической литературѣ, что въ составѣ нашихъ равнинъ входять два существенно различныхъ типа мѣстностей: *кругловозвышающіяся* надъ сосѣдней рѣчной долиной и *отлоювозвышающіяся* надъ ней. Какъ намъ кажется, это повело къ нѣкоторымъ недоразумѣніямъ при характеристикѣ плато, изъ которыхъ мы не можемъ не указать здѣсь на слѣдующее: въ нѣсколькихъ мѣстахъ своего описанія авторъ утверждаетъ (стр. 6, 9, 15), будто-бы изрѣзанность плато зависитъ отъ абсолютной высоты его, что, конечно, невѣро и что самъ-же авторъ опровергаетъ на стр. 19, говоря: «каждый данный рельефъ плато, при прочихъ равныхъ условіяхъ, есть результатъ равнодѣйствующей изъ 1) относительной высоты плато надъ дномъ прилегающихъ долинъ, 2) ширины водо-раздѣла и 3) угла паденія долинныхъ склоновъ».

Результатомъ подобнаго-же недоразумѣнія является, по нашему мнѣнію, в то утвержденіе автора, будто-бы Засульское плато большею

частью круто обрывается въ днѣпровскую долину на протяженіи болѣе 160 верстъ (стр. 12).

Въ дополненіе къ характеристицѣ плато авторъ останавливается на курганахъ и блюдцеобразныхъ углубленіяхъ полтавскихъ степей.

Курганы почти повсюду пріурочены къ наиболѣе высокимъ пунктамъ плато и только въ долинѣ Орчика они расположились на второй террасѣ долины. Подмѣтить какую либо правильность въ расположениіи кургановъ не удалось. Можно только указать на нѣкоторую тенденцію ихъ выстраиваться рядами, но частыя отступленія отъ этого порядка не позволяютъ узаконить его. Очевидно, при насыпкѣ кургана человѣкъ всецѣло приспособлялся къ данному рельефу мѣстности. Согласно г. Ферхмину, автору изслѣдованія кобеляцкаго уѣзда, можно различать 5 типовъ кургановъ, причемъ конусообразные и подковообразные (въ планѣ) являются болѣе простыми. Три остальныхъ формы болѣе сложны и скорѣе представляютъ собою городища. Описаніе каждого типа сопровождается соотвѣтствующими рисунками. Такъ называемыя блюдцеобразныя углубленія придаютъ оригинальный видъ нѣкоторымъ участкамъ полтавской степи ранней весною, или поздней осенью. Черная, обыкновенно вспаханная, безконечная равнина усыпана точно бисеромъ мелкими блестящими озерками, которые лѣтомъ превращаются въ ярко-зеленые пятна, рѣзко выдѣляющіяся на общемъ золотисто-желтомъ фонѣ степи. Эти блюдцеобразныя углубленія, наблюдавшіяся въ большей части уѣздовъ полтавской губерніи, повидимому пріурочены къ чрезвычайно широкимъ и пологимъ вершинамъ различнаго рода доловъ.

Разматривая *овраги и балки* полтавской губерніи, авторъ, для характеристики изрѣзанности поверхности ея, приводитъ изображеніе удачно выбранного небольшого участка карты трехверстнаго масштаба въ окр. Хитцовъ, хотя намъ думается г. Отоцкій преувеличиваетъ понятіе обѣ изрѣзанности полтавской губерніи, считая данный участокъ за средній (для высокихъ мѣстъ) въ губерніи по изрѣзанности. Средній размѣръ овраговъ по автору равняется 7,4 верстамъ въ длину, 23,6 с. въ ширину и 5,6 с. въ глубину, но не указано почему приняты эти цифры за среднія.

Допуская, что овраги въ нѣкоторыхъ случаяхъ могутъ перерѣзывать водораздѣлы, соединяя такимъ образомъ различные рѣчныя системы, авторъ высказываетъ между прочимъ предположеніе, что Хоролъ прежде впадалъ въ Днѣпръ и направился въ Пселъ благодаря оврагу, подошедшему со стороны Псѣла.

Касательно быстроты роста овраговъ удалось собрать только свѣдѣнія для 3-хъ отдельныхъ случаевъ, причемъ оказывается, что среднимъ числомъ въ годъ удлиненіе равнялось 1,6—2,5—3 саж.

При разсмотрѣніи рѣчныхъ долинъ полтавской губерніи авторъ раздѣляетъ ихъ на два типа: долины *оформленныя* и *неоформленныя*. Къ первому типу онъ относить долины Днѣпра, Орели, Орчика, Берестовой Ворсклы, Коломака, Псѣла, Хорола, Ташани, Груни, Грузькой Голтвы, Сулы, Удая, Б. Ромна и Сирой Оржицы. Долины этихъ рѣкъ слагаются изъ 3-хъ элементовъ: праваго—высокаго, крутого берега, аллювіальной долины и лѣваго, пологаго, террасовиднаго берега.

При описываніи поймъ (аллювіальныхъ долинъ) указывается, что площадь такихъ поймъ достигаетъ въ полтавской губерніи 6095 кв. верстъ, т. е. 14% всей площиади губерніи, тогда какъ площасть всѣхъ надземныхъ водъ, включая сюда рѣки, озера и болота едва достигаети 417 кв. верстъ (менѣе 1%). Остановившись затѣмъ на бложданія рѣчного русла, образованіи старицъ, озеръ и болотъ въ рѣчныхъ долинахъ, авторъ упоминаетъ также о плавленыхъ лѣсахъ, занимающихъ около 1600 кв. в., т. е. 26% всей площиади поймы.

Тогда какъ пойму можно назвать, говорить авторъ, царствомъ воды и зелени, вторая терраса—царство песковъ, часто представляющихъ собою настоящее песчаное море.

Относительно происхожденія песковъ этихъ террасъ авторъ дѣлаетъ два предположенія: 1) это обнаженные размыты отъ наносовъ, третичные пески, и 2) пески вторыхъ террасъ—надувные, принесенные съ высокаго берега и дна долинъ. Но ни съ однимъ изъ этихъ предположеній рѣшительно нельзя согласиться, такъ какъ пески вторыхъ террасъ представляютъ собою древнія отложения самыхъ рѣкъ, конечно въ иныхъ местностяхъ, съ поверхности, переработанные вѣтромъ.

Далѣе авторъ переходитъ къ описанію второго типа рѣчныхъ долинъ—*неоформленныхъ*, въ которыхъ рѣчной характеръ выраженъ весьма слабо, оба берега являются одинаково высокими, отлогими, часто задернованными и мало чѣмъ отличаются отъ береговъ большихъ балокъ. По нимъ протекаютъ не постоянныя рѣки, временные течеи, въ одни годы—болѣе богатыя водою, въ другіе—менѣе, въ зависимости отъ метеорологическихъ условій.

Въ концѣ своего очерка г. Отоцкій старается согласно, взглѣдамъ проф. Докучаева, нарисовать картину постепеннаго развитія рѣчныхъ долинъ, отправляясь отъ того воззрѣнія, что *неоформленныя*

долины представляются болѣе молодыми сравнительно съ долинами оформленными. Однако рѣшать вопросы о древности рѣчныхъ долинъ по степени оформленности не представляется возможнымъ, такъ какъ уже теперь существуетъ не малое число фактическихъ данныхъ, свидѣтельствующихъ, что неоформленность данной долины въ настоящее время является только слѣдствиемъ наполненія ея рѣчными и намывными отложеніями.

Геологическому строенію полтавской губерніи посвящены двѣ главы XVI выпуска «материаловъ», составленныя г. Агафоновымъ на основаніи данныхъ прежнихъ изслѣдователей, а также и данныхъ, добытыхъ экспедиціей проф. Докучаева.

Въ главѣ *«третичные образования Полтавской губерніи»* г. Агафоновъ указываетъ, что подъ ледниковыхъ отложеніями, покрывающими полтавскую губернію слѣдуютъ: 1) лѣпнныя или пестрыя глины, 2) бѣлые и сѣрые кварцевые пески, 3) глауконитовая песчаноглинистая образованія, 4) голубоватый мѣлонодобный мергель и 5) сѣрые и зеленоватосѣрые фосфоритовые пески.

Авторъ далѣе описываетъ петрографические свойства породъ этихъ ярусовъ, ихъ химический составъ, органические остатки, условія заlegenія и распространеніе, а затѣмъ сопоставляетъ различные взгляды, существующіе въ геологической литературѣ по вопросу о ближайшемъ возрастѣ третичныхъ образованій полтавской губерніи.

Въ главѣ *«ледниковые отложения Полтавской губерніи»* г. Агафоновъ прежде всего приводить краткую характеристику глетчерныхъ образованій въ области скандинаво-руssского ледника, принадлежащую проф. Докучаеву.

Переходя затѣмъ къ полтавской губерніи, авторъ указываетъ, что предшествовавшіе изслѣдователи между потретичными образованіями губерніи различали: 1) лѣссы, 2) валунные глины, суглинки и пески и 3) прѣноводный мергель, при чёмъ вопросъ о происхожденіи лѣсса и прѣноводного мергеля до сихъ поръ оставался спорнымъ. Всѣ эти потретичные образования авторъ зачисляетъ въ ледниковые и затѣмъ принимаетъ, что полтавскую губернію въ отношеніи ледниковыхъ образованій можно разбить на 5 районовъ, при чёмъ въ первомъ районѣ развитъ трехчленный наносъ, состоящій изъ а) лѣсса, б) моренныхъ глинъ или суглинковъ съ валунами и в) прѣноводного мергеля; во 2-мъ—двучленный наносъ, состоящій изъ а) лѣсса и б) моренныхъ суглинковъ и песковъ съ валунами; въ 3-мъ районѣ распространенъ лишь одинъ супесчаный

лессы и замѣщающіе его суглинки и пески; 4-й районъ характери-зуется двучленнымъ наносомъ, состоящимъ изъ а) лесса и б) раз-личныхъ безвалунныхъ глинъ и суглинковъ, и въ 5-мъ районѣ одно-членный наносъ является въ видѣ бурыхъ неслоистыхъ суглинковъ, безъ валуновъ. Границы этихъ районовъ указаны на приложенной къ 3 главѣ небольшой картѣ (60 в. въ дюймѣ) ледниковыхъ отло-женій полтавской губернії ¹⁾.

Въ дальнѣйшемъ изложенія авторъ рассматриваетъ пере-численныя породы каждого изъ районовъ, подробно характеризуя ихъ свойства въ петрографическомъ и отчасти въ химическомъ отношеніи, описываетъ ихъ мощность, способъ залеганія, распространеніе и органические остатки, руководствуясь преимущественно данными, изло-женными авторами при описаніи отдѣльныхъ уѣздовъ Полтавской губернії.

Покончивши съ образованіями, причисляемыми имъ къ ледни-ковымъ, авторъ останавливается на описаніи такъ называемаго ов-ражного аллювія, понимая подъ нимъ мощная отложенія, состоящія изъ мелкихъ и крупныхъ частей разнообразнѣйшихъ породъ, сноси-мыхъ къ подножію берега рѣки или оврага ²⁾.

«Геологический характеръ почвъ Полтавской губерніи», написан-ный г. К. Глинкою, составляетъ содержаніе IV главы «материаловъ».

Всѣ почвы полтавской губерніи по классификаціи, принятой проф. Докучаевымъ, распредѣляются въ четыре класса: А) расти-тельно наземныя, В) сухоцутно-болотныя, С) болотныя и F) аллю-віальныя, при чёмъ какъ по распространенію, такъ и по значенію первенствующая роль принадлежитъ почвамъ первого класса, описанію которыхъ и посвящена большая часть IV главы.

Изъ почвъ этого класса въ предѣлахъ полтавской губерніи встрѣчаются 1) горовой черноземъ, 2) долинный черноземъ (черноземъ пологихъ склоновъ), 3) почвы переходные отъ чернозема къ лѣснымъ землямъ (лѣсостепные суглинки), 4) лѣсные суглинки, 5) чернозем-ные супесси и 6) пески.

¹⁾ Въ легендахъ этой карты мы встрѣтили между прочимъ такое едва ли воз-можное название „моренная глина безъ валуновъ“.

²⁾ Ограничиваюсь въ настоящей замѣткѣ этимъ краткимъ изложеніемъ двухъ послѣднихъ главъ, касающихся геологии полтавской губерніи, мы надѣемся возвра-титься къ нимъ на страницахъ болѣе специальныхъ изданій, где будутъ указаны тѣ данные, которые не позволяютъ намъ согласиться со многими положеніями этихъ главъ, въ особенности касающимися послѣтретичныхъ отложенийъ полтавской губерніи.

Горовий черноземъ, занимающій большую часть полтавской губерніи, покрываетъ почти всѣ водораздѣльные пространства за исключеніемъ лишь сравнительно узкихъ полосъ правыхъ прибрежій нѣкоторыхъ рѣкъ. Суммируя наблюденія надъ общимъ характеромъ черноземныхъ почвъ, содержаніемъ въ нихъ гумуса, химическими и физическими свойствами ихъ, все черноземное пространство полтавской губерніи можно разбить на три полосы, идущихъ въ направлениі съ С.-З. на Ю.-В. Въ этомъ направленіи онѣ довольно строго слѣдуютъ теченію Днѣпра и болѣе или менѣе строго совпадаютъ съ изогипсовыми полосами. Первая наиболѣе удаленная отъ долины Днѣпра полоса пріурочена къ высотамъ отъ 70 до 100 с., вторая — къ высотамъ въ 50—70 с., и третья приднѣпровская полоса характеризуется высотами въ 30—50 с.¹⁾.

Несмотря на различнаго рода особенности горовыхъ черноземовъ губерніи, строеніе ихъ повсюду болѣе или менѣе одинаково, и три горизонта, принимаемые для характеристики почвъ — почвенный, переходной и подпочвенный, приблизительно сходны между собою. Давши общую характеристику этихъ горизонтовъ и изобразивши ихъ на рисункѣ (29-й), авторъ описываетъ затѣмъ болѣе подробно черноземы указанныхъ полосъ въ отношеніи содержанія гумуса, мощности и свойствъ подпочвы, при чёмъ оказывается, что между содержаніемъ гумуса въ почвахъ полтавской губерніи и высотою мѣстности существуетъ зависимость, которую можно формулировать въ такихъ положеніяхъ:

- 1) вмѣсть съ пониженіемъ мѣстности падаетъ процентъ черноземныхъ почвъ съ высокимъ содержаніемъ гумуса.
- 2) Черноземы съ максимальнымъ содержаніемъ гумуса (9—10%) встрѣчаются лишь въ константионградскомъ уѣздѣ, самомъ высокомъ, самомъ степномъ и имѣющимъ въ то же время въ восточной своей части очень глинистую подпочву.
- 3) Почвы, содержащія отъ 8 до 9% гумуса, точно также пріурочены къ наиболѣе высокимъ уѣздамъ губерніи.
- 4) Количество образчиковъ съ высокимъ содержаніемъ гумуса уменьшается по мѣрѣ уменьшенія абсолютной высоты, количество же

¹⁾ Границы этихъ полосъ указаны на почвенной карте полтавской губерніи, на которой кроме того обозначено распространеніе долиннаго чернозема, переходныхъ лѣсостепенныхъ суглинковъ, лѣсныхъ суглинковъ, пойменныхъ почвъ, песковъ и солонцевъ.

образцовъ съ среднимъ содержаніемъ, наоборотъ, возрастаетъ въ томъ-же направлениі.

Вторая группа растительно-наземныхъ почвъ—черноземъ *пологихъ склоновъ*—пользуется въ губерніи несравненно меньшимъ распространениемъ и пріуроченъ, обыкновенно, къ лѣвымъ берегамъ рѣкъ, занимая ихъ вторую надлуговую, пологую террасу. Почвы этой группы по строенію очень мало отличаются отъ горового чернозема, но характерной чертой ихъ является супесчаный, характеръ что находится въ зависимости отъ такого же характера подпочвы.

Что касается гумуса, то содержаніе его также находится въ довольно тѣсной зависимости отъ рельефа.

Выяснивъ общій характеръ долинного чернозема, авторъ далѣе рассматриваетъ распространеніе его по уѣзdamъ, отмѣчая характерные признаки той или другой мѣстности.

Третья группа—*переходные лѣсостепные суплики*, занимающая очень небольшую площадь губерніи, по своему характеру стоять на границѣ между типичнымъ горовымъ черноземомъ и столь-же типичными лѣсными суглинками. Образованіе ихъ происходило тамъ, где лѣсная и степная растительность прилагали совмѣстныя усиленія для образованія почвы. Почвы этого типа по своему строенію приближаются то къ чернозему, то къ лѣснымъ суглинкамъ, смотря по тому, какой растительности онъ больше обязаны своимъ происхожденіемъ—степной, или лѣсной. Рассматривая ихъ распространеніе, авторъ указываетъ, что наиболѣе изобилуетъ ими Зѣньковскій уѣздъ.

Лѣсные суплики занимаютъ нѣсколько большую площадь, чѣмъ предыдущая группа, пріурочиваясь къ тѣмъ-же уѣзdamъ, где распространены и лѣсостепные суглинки. Они встречаются только въ высокихъ и среднихъ по высотѣ уѣздахъ Полтавской губерніи, совершенно отсутствуя тамъ, где высота стени не превышаетъ 60—70 саж. Стараясь объяснить такое вліяніе абсолютной высоты мѣстности на распространеніе въ степи лѣсныхъ земель, а слѣдовательно, и лѣсовъ, какъ бывшихъ, такъ и современныхъ, авторъ видѣтъ причину этого явленія въ томъ, что солонцоватость почвы дѣйствуетъ весьма неблагопріятно на ростъ древесныхъ породъ, а такъ какъ приднѣпровскіе уѣзды весьма богаты солонцами, то это и служить препятствиемъ для существованія лѣса въ такихъ мѣстностяхъ. Представивши затѣмъ характеристику лѣсныхъ суглинковъ въ отношеніи строенія, мощности, содержанія гумуса и указавши области ихъ распространеніе, авторъ замѣчаетъ, что внѣшнимъ признакомъ присут-

ствія лѣсныхъ почвъ можетъ служить отсутствіе на нихъ кургановъ, которыхъ такъ много въ черноземной степи.

На описаніі пятой группы *песковъ*—авторъ останавливается очень кратко.

Почвы этого типа, почти не пригодны для культуры, представляютъ зачастую дюнныя холмы. Въ рѣдкихъ случаяхъ онѣ являются въ видѣ рыхлыхъ, свѣтлыхъ, сѣроватыхъ, но не летучихъ песковъ.

Заканчивая обзоръ растительно-наземныхъ почвъ полтавской губерніи, авторъ даетъ въ таблицѣ цифровыя данныя относительно мощности и количества перегноя, а также указанія на характеръ подпочвы; вывода затѣмъ *среднія* для каждого типа губерніи, онъ получаетъ слѣдующія величины:

	мощность	имусъ
Черноземъ плато	3'8" (100)	5,46% (100)
Черноземъ полог. скл.	2'9" (75)	3,93 (71,9)
Лѣсостепные суглинки	2'9" (75)	3,77 (69)
Лѣсные суглинки	2'5" (65,9)	2,77 (50,7)
Пески	4"—5" (10)	0,44 (8)

Ко второму классу почвъ—*сухопутно-болотнымъ*—авторъ относить такъ называемые солонцы, довольно распространенные въ полтавской губерніи и пріуроченные преимущественно въ наиболѣе пониженными уѣзда мѣстами губерніи. Авторъ полагаетъ, что такое распространение этихъ почвъ объясняется тѣмъ обстоятельствомъ, что въ эта именно мѣстности должны выноситься изъ вышележащихъ почвъ и породъ легко растворимыя соли, каковы хлористыя, углекислые, сѣрнокислые и др. Такъ какъ однако и высокіе уѣзды имѣютъ мѣстами замкнутыя котловины въ низинѣ, изъ которыхъ затрудненъ выходъ для стекающихъ водъ, то въ здѣсь нужно ожидать присутствія солонцовъ, что и наблюдается на самомъ дѣлѣ. Въ приводимой авторомъ таблицѣ показывается, что въ мѣстностяхъ съ высотой въ 60—69 с. солонцы уже встрѣчаются въ значительномъ количествѣ, наибольшее же число ихъ падаетъ на мѣстности съ абсолютной высотой 40—59 с.

Среди полтавскихъ солонцовъ несомнѣнно главную роль играютъ солонцы вторыхъ террасъ Днѣпра, Сулы, Цесела и Ворсклы (типи-ческие солонцы). Меньшая площадь приходится на долю солонцовъ, занимающихъ пониженные участки черноземного плато и, наконецъ, самыя незначительныя пространства заняты солонцами на сравни-

тельно пониженныхъ частяхъ рѣчныхъ поймъ. На почвенной картѣ губерніи нанесены лишь наиболѣе типичные солонцы; объ остальныхъ упоминается въ описаніи отдельныхъ уѣздовъ.

По мнѣнію автора солонцоватые черноземы могутъ считаться первой стадіей образованія солонца. Весенняя вода, вымывая изъ сосѣднихъ высотъ легко растворимыя соли, переносить ихъ въ котловины, где вода застываетъ, производя иѣкоторое заболачиваніе мѣстности и, по испареніи и просачиваніи, оставляетъ на поверхности небольшую корку, скоро даже нальетъ солей въ смѣси съ мелкимъ кварцевымъ пескомъ. Во влажномъ состояніи такіе солонцоватые черноземы не отличаются отъ обыкновенного горового чернозема, въ сухомъ-же они характеризуются чрезвычайной плотностью, болѣе темнымъ, иногда даже сизовато-чернымъ цвѣтомъ.

Типичные солонцы вторыхъ террасъ представляются вѣроятно конечное измѣненіе черноземныхъ почвъ подъ вліяніемъ временаго заболачиванія и обогащенія легкими растворимыми солями. Эти солонцы г. Безпалый, детально изслѣдовавшій лѣвые берега Сулы и Ворсклы, раздѣляетъ на два типа: 1) солонцы сухихъ котловинокъ, разбросанные по общей солончаковой низинѣ и 2) злостные солонцы береговъ соленыхъ озеръ.

Давши затѣмъ характеристику солонцовъ, въ отношеніи строенія, содержанія гумуса и мощности, авторъ вкратцѣ рассматриваетъ отдельные районы ихъ по уѣздамъ.

Болотныя почвы въ полтавской губерніи залегаютъ почти исключительно по рѣчнымъ поймамъ, и только въ иѣкоторыхъ уѣздахъ попадаются небольшая пространства и на степи вблизи солонцовъ.

Болотныя почвы рѣчныхъ поймъ обыкновенно имѣютъ характеръ мокрыхъ, а иногда и полуобсохшихъ торфаниковъ.

Почвы аллювиальныхъ, составляющія послѣдній классъ, представляютъ собою почти исключительно почвы рѣчныхъ долинъ и балокъ. Въ виду разнообразія признаковъ этихъ наносныхъ почвъ авторъ описываетъ ихъ *habitus* и свойства отдельно по мѣстностямъ причемъ оказывается, что эти почвы являются то тяжелыми, то легкими, то болѣе глинистыми, то песчанистыми, нанесенными дѣятельностью то атмосферныхъ, то рѣчныхъ водъ.

Въ пятой главѣ, приналежащей тому же автору, что и предыдущая, рассматривается «химический составъ растительно-наземныхъ почвъ и солонцовъ полтавской губерніи». И въ этой главѣ главное вниманіе обращено на характеристику самаго важнаго типа почвъ—

горовыхъ черноземовъ, для которыхъ имѣется 18 полныхъ анализовъ, произведеныхъ преимущественно въ Шешуковыи по тому-же плану, какой былъ принять при изслѣдованіи нижегородскихъ почвъ. Размотрѣніе данныхъ этихъ анализовъ заставляетъ автора разбить горовые черноземы на три группы—глинистыхъ, суглинистыхъ и супесчаныхъ. Сопоставивши затѣмъ химическій составъ этихъ почвъ съ абсолютной высотой мѣстности, авторъ снова находитъ, что почвы, наиболѣе богаты питательными веществами лежать въ наиболѣе высокихъ уѣздахъ, бѣднѣйшіе же черноземы пріурочены къ пониженнымъ уѣздамъ.

Въ дальнѣйшемъ изложеніи авторъ приводить анализы и рассматриваетъ химическія свойства: черноземовъ пологихъ склоновъ, лѣсостепныхъ суглинковъ, лѣсныхъ суглинковъ, песковъ, солонцовъ и солонцоватыхъ черноземовъ, сводя затѣмъ въ общей таблицѣ данныхъ о важнѣйшихъ составныхъ частяхъ растительно-наземныхъ почвъ.

Вторая часть главы посвящена «общимъ замѣчаніямъ о химическомъ характерѣ растительно-наземныхъ почвъ полтавской губ.» при чёмъ рассматриваются среднія величины для различныхъ моментовъ полтавскихъ почвъ.

Въ общемъ полтавскія почвы по сравненію съ нижегородскими являются болѣе супесчаными, и максимумъ глины въ нихъ достигаетъ лишь 28,44%, тогда какъ въ нижегородскихъ онъ доходитъ до 40%.

Различные типы растительно-наземныхъ почвъ въ отношеніи содержанія глины, песку, гумуса, цеолитовъ, а также поглотительной способности представляютъ слѣдующія данныя.

	глина	песокъ	гумусъ	цеолиты	погл. сп.
Черноземъ плато . . .	100	100	100	100	27,4
Долинный черноземъ . .	69	113	65	64	21,6
Переходные суглинки . .	82	—	63	62	—
Лѣсные суглинки. . . .	73	112	47	57	18,6
Пески	11	138	6	13	2,25

Изъ чего можно заключить, что лучшими почвами являются горовые черноземы, второе мѣсто принадлежитъ долиннымъ, за ними стоять лѣсостепные суглинки, затѣмъ лѣсные суглинки и наконецъ пески. Подобное отношеніе можетъ быть выведено для такой большей площади, какъ полтавская губернія, если брать для каждого почвенного типа нѣсколько образцовъ изъ различныхъ мѣстъ губерніи и

сравнивать среднія величины. Въ виду того однако, что для цѣлей губернскаго земства эти среднія, болѣе или менѣе отвлеченные, величины неподходящи, авторъ разбиваетъ всѣ почвы губерніи, по ихъ естественной правоспособности, на 11 классовъ, которые въ то же время, по мнѣнію автора, имѣютъ и извѣстное опѣничное значеніе. Такими классами являются:

- I. Горовой черноземъ 1-й полосы.
- II. Горовой черноземъ 2-й и долинный 1-й полосы.
- III. Переходные суглинки 1-й полосы.
- IV. Горовой черноземъ 3-й полосы.
- V. Лѣсные суглинки 1-й полосы.
- VI. Долинный черноземъ 2-й полосы.
- VII. Долинный черноземъ 3-й полосы и переходные суглинки 2-й полосы.
- VIII. Лѣсные суглинки 2-й полосы.
- IX. Переходные суглинки Переяслав. уѣзда.
- X. Соловцы.
- XI. Пески.

Въ приложенной таблицѣ для каждого класса за исключеніемъ III и X показаны важнѣйшія составные части почвъ.

Въ VI главѣ г. Адамовъ рассматриваетъ «механическій составъ и физическія свойства почвъ полтавской губерніи».

Указавши на значеніе для правильной опѣнки плодородія почвъ знанія ихъ физическихъ свойствъ, авторъ разсматриваетъ прежде всего ихъ строеніе. Оно опредѣляется относительнымъ содержаніемъ въ почвѣ преимущественно двухъ элементовъ: минеральныхъ частицъ, величина зеренъ которыхъ не превосходитъ 0,01 мм. (пла) и такихъ, величина зеренъ которыхъ равна отъ 0,01 до 2 мм. (песокъ).

Приводя затѣмъ механические анализы горовыхъ черноземовъ, позволяющіе опредѣлить въ нихъ относительное содержаніе указанныхъ элементовъ, авторъ также раздѣляетъ эти почвы на 3 подгруппы—глинистыхъ, суглинистыхъ и супесчаныхъ, при чёмъ и здѣсь проводится та мысль, что причины разнокартиности горовыхъ черноземовъ всецѣло лежать въ высотѣ мѣстности и связанныхъ съ нею геологическихъ особенностяхъ страны ¹⁾.

¹⁾ Сравнивая таблицы глинистыхъ, суглинистыхъ и супесчаныхъ черноземовъ приводимыя гг. Глинкой и Адамовымъ (стр. 256, 257 и 309), можно убѣдиться, что иногда одни и тѣ же черноземы являются въ роли то глинистыхъ, то суглини-

Далѣе г. Адамовъ разсматриваетъ отношеніе этихъ подгруппъ къ водѣ, характеризуя ихъ влагаемкость, капилярность, водо-пропускающую способность, гигроскопичность и испаряемость, а также ихъ поглотительную способность. Такимъ же изслѣдованіемъ подвергались образцы и другихъ почвенныхъ типовъ—лѣсныхъ суглинковъ, супесей, кварцевыхъ песковъ и солонцовъ.

Кромѣ того для нѣкоторыхъ образцовъ различныхъ типовъ почвъ приведены данные относительно удѣльнаго вѣса и объема, со- противленія раздавливанію и отношенія къ теплотѣ.

Въ заключеніе авторъ даетъ общую характеристику каждого изъ разобранныхъ типовъ почвъ съ точки зреія строенія и физическихъ свойствъ. Для примѣра мы приведемъ здѣсь характеристику *министаю чернозема плато*, представляющаго, говорить авторъ, почву тяжелую для обработки, быстро напитывающуюся капельно-жидкой водой и быстро высыхающую съ поверхности. Имѣя сравнительно хорошую водоемкость,—среднюю водопроводимость, онъ можетъ задержать значительное количество воды, но не надолго; наконецъ, занимая первое мѣсто по поглотительной способности къ амміаку (32, 4%), эти черноземы еще сохранили способность къ восприятію питательныхъ элементовъ для растеній и равномѣрному распределенію ихъ. Слѣдовательно, дайте такой почвѣ лишь подобающую обработку, дайте ей достаточное количество влаги, и вы получите высоко-культурную, десятирицею вознаграждающую трудъ, землю.

Въ томъ же родѣ давы характеристики и для остальныхъ типовъ.

Въ концѣ главы приложено графическое изображеніе поглотительной способности, содержанія гумуса и цеолитной части, а также физико-механическихъ свойствъ почвъ полтавской губернії.

Въ VII главѣ г. Барановскій представилъ «очеркъ климата полтавской губернії». Для этого ему послужили данныхъ 5 метеорологическихъ станцій, на которыхъ велись болѣе или менѣе продолжительныя наблюденія. Такія станціи находятся въ Полтавѣ, Кусто-

стыхъ, то супесчаныхъ, а именно: черноземы *Берестовки* и *Шадіевки* г. Адамовъ причисляетъ къ глинистымъ, г. Глинка къ суглинистымъ, черноземъ *Голотовщины* г. Адамовъ считается за суглинистый, г. Глинка за супесчаный, черноземъ *Филоновщины* г. Адамовъ относить къ суглинистымъ, г. Глинка къ глинистымъ. Въ виду важнаго значенія, какое придаютъ оба автора этими тремъ подгруппамъ, указывая напр. на связь ихъ распространенія съ высотой местности, подобная неопределенность едва ли допустима.

ловъ, Кременчугъ, Згурівкъ и Ромнахъ. Авторъ приводить описание ихъ и таблицы сдѣланныхъ наблюдений, а затѣмъ даетъ общіе выводы относительно температуры, влажности, облачности, осадковъ, давленія воздуха и вѣтровъ полтавской губерніи, изъ которыхъ мы приводимъ здѣсь главнѣйшіе.

Средняя годовая температура всѣхъ станцій повышается по мѣрѣ убыванія широты. Самымъ теплымъ мѣсяцемъ является іюль, самымъ холоднымъ январь. Наивысшая крайняя температура достигаетъ 38° , 2 ц. въ іюль (Полтава), низшая— 31° 2 ц. въ февраль (Кустолово).

Влажность, какъ годовая средняя, такъ и средняя влажность растительного периода въ сѣверной станції Згурівкѣ больше, чѣмъ въ Кременчугѣ и Полтавѣ. Минимумъ влажности падаетъ на май, максимумъ на ноябрь и декабрь. Облачность наибольшая въ холодное время года.

Среднее годовое количество осадковъ около 470 мм. Самое дождливое время — лѣто, самое сухое — зима.

Годовой ходъ давленія воздуха выражается наибольшимъ давленіемъ въ декабрѣ, наименьшимъ — въ іюнѣ, вообще, болѣе высокимъ давленіемъ зимою, чѣмъ лѣтомъ.

Наконецъ относительно вѣтровъ видно изъ приводимыхъ таблицъ, что зимою въ губерніи господствуютъ сѣверо-восточные вѣтры, весною-юго-восточные, лѣтомъ сѣверо-западные и за ними юго-западные, осеню — юго-западные. Преобладающее направленіе вѣтра въ году сѣверо и юго-западное,

«Ботанико-географіческий очеркъ полтавской губерніи», составляющей VIII главу, принадлежитъ проф. Краснову.

Разсмотрѣвши предшествовавшіе труды по изслѣдованію полтавской флоры и ихъ недостаточность для цѣлей характеристики растительности и ея отношеній къ почвамъ края, авторъ объясняетъ, что, приступая къ своимъ изслѣдованіямъ, онъ имѣлъ въ виду дать характеристику одного изъ тѣхъ почвообразователей, различной дѣятельностью котораго вызвано было, до позѣйстной степени, несходство въ почвенномъ характерѣ различныхъ частей губерніи, такъ какъ нормальная растительно- наземная почвы полтавской губерніи суть, болѣе или менѣе, продукты дѣятельности такихъ ботанико-географическихъ элементовъ, — такихъ «растительныхъ формаций», какъ лѣсъ, степь, лугъ, болото, боръ, пойма и дюнная flora.

Такъ какъ важнѣйшими почвенными типами губерніи были почвы степей и лѣсовъ, то главное вниманіе автора было устремлено на нихъ. Менѣе важные для оцѣнки почвъ элементы,— песчаные луга, пески, болота стояли на второмъ планѣ.

Насъ интересовалъ вопросъ, говорить авторъ, какова растительность степи положимъ Константиноградскаго уѣзда. Эта степная флора—того же ли она состава, что и у степей уѣзда прилуцкаго? Есть, ли различіе въ характерѣ степей, стоитъ-ли оно въ связи съ измѣненіемъ почвенного характера и есть-ли, вообще, какаянибудь законность въ этихъ измѣненіяхъ, если они наблюдаются?

При изслѣдованіяхъ былъ принятъ слѣдующій методъ. Въ избранной мѣстности отыскивались пункты, где природная растительность наименѣе искажена человѣкомъ. Она бралась за типъ. Зная составъ такой степи, лѣса или луга, авторъ, прерѣзжая съ мѣста на мѣсто, отмѣчалъ всѣ малѣйшія измѣненія въ характерѣ формаций и старался подыткать связь этихъ отклоненій съ измѣненіями въ рельефѣ страны, почвѣ и другихъ окружающихъ условіяхъ.

Авторъ различаетъ въ полтавской губерніи слѣдующія ассоціаціи растеній.

I. Черноземную прерію или травянистую степь, точно совпадающую съ областями развитія черноземныхъ почвъ.

II. Широколиственные лѣса, типично развитые только на сѣрыхъ лѣсныхъ суглинкахъ, но также кое-гдѣ спорадически раскиданные по старымъ поймамъ и, какъ исключеніе, по степнымъ балкамъ.

III. Суходольный лугъ, развитой на сѣрыхъ лѣсныхъ земляхъ, на старыхъ поймахъ и такъ называемыхъ степныхъ воронкахъ или баклужахъ.

IV. Хвойные лѣса и флору дюнныхъ песковъ, взаимно смѣняющіяся формациіи, пріуроченные, исключительно, къ различнымъ типамъ песчаныхъ почвъ.

V. Луговую флору съ ея оттѣнками—влажнымъ лугамъ, левадою, флорою стоячихъ или медленно текущихъ водъ, береговыхъ песковъ и гривъ, связанную съ областью заливныхъ луговъ или временно заболачивающихся мѣстъ.

VI. Генетически съ нею связанные, но рѣзко, по виду выдѣляются типъ обогащенныхъ солями почвъ и связанныхъ съ ними формациіи влажнаго и сухого періодическихъ солонцовъ.

VII. Отдѣльно стоитъ господствующій, созданный человѣкомъ типъ растительности культурныхъ полей, толокъ и бурьянинъ.

Затѣмъ авторъ подробно описываетъ эти ассоціаціи и въ концѣ статьи приводитъ списки растеній отдѣльныхъ ассоціацій, а также общій списокъ растеній полтавской губерніи.

П. А.

*

Al. Czechowski. Samuel's von Skrzypna Twardowski „Wojna domowa“. Doctordissertation. (Posen, 1894). Стр. 55.

Докторская диссертација г. Чеховскаго, представленнаа къ защите въ берлинскій университетъ, посвящена литературной характеристикѣ польскаго поэта и историка XVII в. Самуила Твардовскаго и въ особенности главнаго труда его «Wojna domowa». Для малорусской исторіографіи сочиненіе Твардовскаго имѣеть первостепенный интересъ между прочимъ и потому, что для периода 1648—1551 г. пополняетъ пропускъ, происходящій отъ утраты части рукописи Самуила Величка (лѣтопись С. Величка, изд. Кіев. Вр. Ком. для разб. др. актовъ. Кіевъ, 1854. Т. 4. стр. V); между тѣмъ, «Wojna domowa» была чуть-ли на единственнымъ источникомъ Величка при описаніи событий этой эпохи. Въ 1718 г. писарь Лубенскаго полка Стефанъ Савицкій изложилъ «малороссійскимъ нарѣчіемъ» первую и начало второй части «Войны», и Самуиль Величко пользовался этимъ переводомъ (тамъ же, стр. 84). Не лишнеъ интереса взглядъ переводчика на достоинство труда Твардовскаго. «Въ стихахъ онихъ — говорить Савицкій — аще отъ большемъ части и истину въ себѣ содержать явлюются, много обрѣтается и на Казацкую безчестныхъ, а на Ладскую страну надъ мѣру похвалнихъ словесъ и инхъ приложеній, къ наученію поэтическому надлежащихъ, въ чтеніи же и слышаніи прикрость наносящихъ». Поэтому въ прозаическомъ переложеніи своемъ Савицкій счелъ нужнымъ исключить «вишевзображенное непотребство, еже ко безчестію нашому, а похвалъ Лидской, самое ихъ дѣло превосходицей, отъ истини же далеко отступающей» (тамъ же, стр. 2).

Данныя для біографії Твардовскаго очень скучны, и трудъ г. Чеховскаго слабо пополняетъ этотъ пробѣлъ. Сынъ калишскаго гродскаго писаря Матвѣя Твардовскаго и Софія Рей, Самуиль Твардовскій родился около 1600 г. въ Вел. Польшѣ и вѣроятно посыпалъ калишскую іезуитскую коллегію архіепископа Карниковскаго. Въ 1621 г. онъ находился въ свитѣ Христофора Збаражскаго при посланствѣ въ Константинополь и затѣмъ оставался при дворѣ князя

до смерти послѣдняго. Г. Чеховскій отрицаєтъ фактъ поѣздки Тв. въ Италію и на Западъ въ 1624—25 гг. въ свитѣ королевича Владислава и полагаетъ, что въ эту пору, какъ почти всю жизнь, онъ состоялъ на службѣ при дворѣ какого-нибудь польского магната. Въ 1642 г. Тв. получилъ въ держаніе отъ Петра Сенюты имѣнія Старый Гродь и Держановъ въ Вел. Польшѣ, но постояннымъ пребывавіемъ писателя были Зарубинцы около Збаража, полученные отъ кн. Збаражскаго и оставленные за нимъ кн. Ереміей Вишневецкимъ, съ которымъ Тв. воевалъ противъ козаковъ. По случаю осады Збаража Тв. долженъ былъ разстаться съ Зарубинцами и переселиться въ свои великопольскія имѣнія, о чёмъ онъ съ грустью вспоминаетъ въ первой части «Войны». Около этого же времени сочиненіе Тв. «Владиславъ IV» было сожжено рукою падача по требованію московскаго царя, который настаивалъ на выдачѣ автора, какъ оскорбившаго въ своеемъ труде московское правительство, и на уплатѣ 100.000 р. вознагражденія за безчестіе¹⁾). Быть можетъ, это обстоятельство побудило Тв. въ 1655 г. перейти на сторону шведскаго короля, но не надолго, потому что уже въ 1656 г. по случаю вторженія шведовъ поэтъ долженъ былъ бѣжать изъ своихъ великопольскихъ имѣній. Умеръ Тв. вскорѣ послѣ мира при Оливѣ, закончившаго шведскую войну, и погребенъ въ бернардинской церкви въ Кобылинѣ (Вел. Польша).

Г. Чеховскій даетъ краткую характеристику трудовъ Тв. «Przewažna legacja», «Władysław IV», переводного романа «Nadobna Paszkowina», часторали «Daphnis» и интересной для культурной истории «Satyr na twarz Rzeczypospolitej», изд. въ 1640 г., которую воспользовался Хр. Опалинскій при составленіи своихъ сатиръ²⁾; далѣе, отмѣчены яѣкоторые мелкія лирическія поэмы Тв., изд. въ Калишѣ въ 1682 г., Вильнѣ въ 1771 г. и Краковѣ въ 1861 г. Что касается главнаго исторического труда Тв. «Wojna domowa», то позднѣйшіе историки литературы, за рѣдкими исключеніями, были о немъ не высокаго мнѣнія. Задача г. Чеховскаго—установить правильный взглядъ на эту историческую поэму.

¹⁾ Объ этомъ упомянутую частью въ „Войнѣ“, II, 7, по калишскому изд. 1681 г. далѣе въ Climacteres Коховскаго, I, 182 и у В. Потоцкого, Wojna Chocimska (Warsz., 1820), пред., стр. 58—60 и 85. Кажется, эти данные пополняютъ пробѣгъ, на который указано г. Брикнеромъ въ статьѣ „Россія и иностранная печать въ XVI и XVII ст.“. (Рус. Вѣд. 1895 г. № 80).

²⁾ Объ этомъ см. Wł. Rabski, Ueber die Satyren des Chr. Opaliński. Doctor-dissertation (Berlin, 1892).

«Война» обнимаетъ 12 лѣтъ борьбы Польши съ козацествомъ при Янѣ Казимирѣ (1648—1660 г.г.) При жизни автора появилась сперва вторая часть поэмы, въ 1657 г., въ Лиссѣ (утрачена); первая часть вышла въ Краковѣ въ 1660 г., полное изданіе въ Калишѣ въ 1681 г. Это послѣднее изданіе крайне неисправно. По содержанію своему поэма, состоящая изъ 16.000 стиховъ, страдаетъ нѣкоторою невыдержанностью плана и исполненія. Дѣло въ томъ, что четыре части ея написаны въ разное время, подъ вліяніемъ новаго порядка идей и фактовъ. Задумавъ въ 1650 г. описать первые два года козацко-польской борьбы (1648—9), авторъ не ожидалъ, что междоусобіе заполнитъ всю его послѣдующую жизнь, и не предвидѣлъ всѣхъ послѣдствій зборовскаго договора. Послѣ берестечской битвы и бѣлоцерковскаго трактата Тв. снова взялся за перо, чтобы воспѣть униженіе Хмельницкаго и торжество Польши и предсказать при этомъ покореніе Турціи и взятіе Константинополя. Надежды поэта не оправдались, овладѣть народнымъ востаніемъ Польша не успѣла, но впереди поляковъ ожидала еще шведская война. По мѣрѣ хода событий поэтъ продолжалъ свой трудъ, который такимъ образомъ составлялся подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ событий.

Наиболѣе слаба по конструкції 4-я часть поэмы, носящая характеръ стихотворного мемуара; отчастій тотъ же характеръ имѣеть и 3-я часть (1652—3 г.г.); болѣе единства въ первыхъ двухъ частяхъ: задача поэта — сложить хвалу двумъ героямъ, Іеремію Вишневецкому и королю Яну Казимиру,—эти двѣ центральныя фигуры объединяютъ дѣйствіе. Кульминаціоннымъ пунктомъ разсказа служатъ, разумѣется, осада Збаража и берестечская битва. Замѣтно при этомъ нѣкоторое подражаніе Лукану (*„Pharsalia“*), Петру Кохановскому (переводъ «Освоб. Іерусалима»), Энепдѣ и поэматъ Яна Кохановскаго; вирочемъ, «Война» въ этомъ отношеніи выгодно отличается отъ другихъ поэтическихъ произведеній Тв., въ ней больше самостоятельности въ рисункѣ, идеяхъ и сравненіяхъ. Г. Чеховскій отмѣчаетъ еще оригинальную особенность «Войны» — рядъ провинціализмовъ, заимствованіе многихъ словъ изъ малорусскаго языка и тюркскихъ нарѣчій; выборка этихъ словъ сдѣлана на стр. 24—26 диссертациі, съ филологическими поясненіями. Любовь къ сравненіямъ, нерѣдко оригинальный и удачный, оживляетъ изложеніе Тв., въ общемъ страдающее нѣкоторою тяжеловѣсностью и морализирующими тономъ.

Въ свое время «Война» не привлекла особаго вниманія публики, такъ какъ полное изданіе ея запоздало, утративъ современный

интересъ. Вліяніе еи чистью сказалось, напр., на произведеніи Вацлава Потоцкаго «Хотинская Война». Большее вліяніе имѣлъ Тв. на труды малорусскихъ хронистовъ, какъ можно видѣть изъ сравненія «Войны» хотя-бы съ лѣтописью С. Величка.

Но главное значеніе «Войны», помимо поэтическаго еи содержанія, заключается въ историческомъ матеріалѣ. Нужно удивляться той массѣ извѣстій, которая удалось собрать Тв. для построенія своей поэмы. Конечно, въ вихрѣ событий Тв. не стѣумѣлъ и не могъ сохранить полнаго безпристрастія и надлежащей обстоятельности, но благодаря этому поэма даетъ возможность судить объ уровняхъ развитія, настроенія и политическихъ симпатіяхъ польского шляхтича половины XVII в. Пристрасіе Тв. къ Іеремію Вишневецкому и Яну Казимиру вполнѣ понятно и объяснимо съ этой точки зрѣнія, какъ понятно и толерантное отношеніе его къ поведенію польской шляхты въ Устьи въ 1655 г. Прочіе дѣятели польские выступаютъ въ поэмѣ лишь мимоходомъ, насколько это нужно для связности рассказа. Въ отношеніи козаковъ Тв. проявляетъ извѣстнаго рода умѣренность. Онъ считаетъ козаковъ выселившими на окраину польскими крестьянами, которые въ борьбѣ съ пограничными хищниками достигли самостоятельности. Упрекая козаковъ за измѣну общему отечеству, Тв. не отрицаетъ ихъ военныхъ доблестей и готовъ признать, что причина усобицъ крылась въ справедливомъ недовольствѣ козачества противъ польскихъ притѣсненій. Поэтому Тв. совѣтовалъ не стремиться къ конечному истребленію козачества и возмущался молчаливымъ согласіемъ на уводъ въ неволю козацкихъ семействъ татарами въ 1653 г. (IV, 131). По поводу Гадачского договора Тв. даже высказалъ въ томъ смыслѣ, что все народы, македонянѣ римляне, и даже поляки, произошли отъ мужиковъ, почему нѣтъ основанія отказывать въ политическихъ правахъ козакамъ, которые заявили себя храбрыми воинами (IV, 264 – 5). Тѣмъ большее нерасположеніе и ненависть обнаруживаетъ Тв. въ отношеніи Богдана Хмельницкаго.

Въ вопросахъ религіи Тв. проявляетъ значительную терпимость, несмотря на все свое правовѣріе, и главную причину постигшихъ Польшу невзгодъ видѣть въ неудовлетворительности государственныхъ учрежденій, въ ошибкахъ, жадности и эгоизмѣ шляхты и не стѣсняясь указывать послѣдней на еи пороки и недостатки. Эта сатирическая черта красной птицы проходитъ во всей поэмѣ. Дурная организація польскихъ войскъ, грубость и недисциплинированность ихъ, вѣчные раздоры начальниковъ, честолюбіе и беззаботность magnatorvъ,

жадность земельной шляхты, которая высасываетъ всѣ соки изъ бѣдныхъ землеробовъ (Ш,72), безчеловѣчно обращается съ козаками и съ цѣлью обогащенія даже облагаетъ хлѣбъ ихъ (Ш,69), погоня за должностями и продажность послѣднихъ, бес силіе королевской власти, бес судье, ущадокъ торговли, общая продажность и пр. и пр.— все это отмѣчено въ поэмѣ, и такимъ образомъ «Война» краснорѣчиво дополняетъ картину, нарисованную Опалинскимъ и другими сатириками XVII в.

Таково въ общихъ чертахъ содержаніе живо и интересно написанной монографіи г. Чеховскаго, не лишенной значенія для литературной исторіи Польши. Разсмотрѣніе «Wojny Domowej» со стороны ея фактическаго содержанія, критика достовѣрности ея путемъ сопоставленія съ другими современными и позднѣйшими источниками не входила, къ сожалѣнію, въ задачи автора, почему и нельзѧ ему ставить въ упрекъ этотъ пробѣлъ его труда.

По установленному порядку, къ диссертациіи приложены тезисы. Ихъ всего три: 1) Неосновательно мнѣніе, будто Тв. принималъ участіе въ путешествії Королевича Владислава на Западъ и въ Италію въ 1624—5 г.г. 2) Въ польской литературѣ XIX в. сатирическое настроеніе значительно уменьшается сравнительно съ XVIII в., усиливаясь въ литературѣ русской. 3) Двѣнадцатилѣтнія войны при Янѣ Казимирѣ имѣли слѣдствіемъ полное разстройство внутреннихъ и вицѣвшихъ политическихъ отношеній Польши и представляютъ одинъ изъ самыхъ глубокихъ переломовъ въ исторіи польского государства, которое съ этой поры неудержимо стремится къ разрушенію.

По обычаю же, эти тезы почти вовсе не стоять въ непосредственной связи съ содержаніемъ диссертациіи г. Чеховскаго.

Н. М.

Русскіе народы. Наброски перомъ и карандашемъ. Рисунки Л. Л. Бѣлянкина. Текстъ подъ редакціею проф. Н. Ю. Зографа. Часть I. (Выпуски 1—3). Европейская Россія. Москва. 1894.
Цѣна 1 р. 80 к.

Настоящіе очерки имѣютъ цѣлью познакомить читателя, интересующагося населеніемъ Россіи, въ существенныхъ, общихъ чертахъ съ наружнымъ видомъ и бытовой обстановкой разныхъ народностей русскаго государства; въ интересахъ пониманія этнографическихъ

особенностей, сообщаются также историческая свѣдѣнія. Изложеніе текста толково и сжато (42 стр. in 4°); въ концѣ приложень списокъ литературныхъ пособій. Рисунки исполнены литографскимъ способомъ роскошно (18 таблицъ); оригиналами для нихъ послужили материалы Румянцевскаго и Публичнаго музея, при чемъ рисовальщикъ пользовался указаніями и совѣтами ученаго хранителя музея, проф. В. Ф. Миллера.

Югу Россіи и Бѣлоруссіи посвященъ почти весь второй выпускъ, который можно приобрѣсти и отдельно (60 к.). Что касается антропологической и собственно этнографической стороны описанія, то онѣ и здѣсь, какъ и въ другихъ частяхъ изданія, выполнены внимательно и съ знаніемъ дѣла. Къ сожалѣнію, въ историческихъ замѣчаніяхъ попадаются иногда неточности и ошибки. Такъ напр., мы не можемъ понять, какія права и привилегіи унаслѣдованы малороссіянами отъ своей беспокойной Запорожской Сѣчи (стр. 21); Сербы переселились въ Новороссійскія степи, какъ известно, изъ Австро-Венгрии, а не изъ Турціи, какъ говорится въ «Народахъ Россіи (ibid:)», и появились они со времени не Екатерины (стр. 24), а Елизаветы. Такихъ недосмотровъ, впрочемъ, не много. Малороссамъ отведено двѣ таблицы прекрасныхъ рисунковъ; бѣлоруссамъ, народамъ Бессарабіи и Таврическаго полуострова—по одной таблицѣ. Слѣдуетъ также упомянуть о схематическихъ рисункахъ древне-русской одежды и современныхъ костюмовъ великорусскаго и татарскаго, помѣщенныхъ на внутренней сторонѣ обложки третьаго выпуска.

Въ общемъ названное изданіе привлекаетъ къ себѣ серьезностью и добросовѣтностью, красотой и дешевизною и несомнѣнно принесетъ свою долю пользы.

В. Я.

Исторический очеркъ Уманы и Царскаго Сада (Софіевки). В. Иващенка. Киевъ. 1895. 8-о. 57 стр., съ 2-мя портретами, 4-мя рисунками, однимъ планомъ и однимъ снимкомъ съ рукоп.

Настоящая книжка заключаетъ въ себѣ исторический очеркъ г. Уманы и подробное описание извѣстнаго уманскаго сада, устроенаго Феликсомъ Потоцкимъ (р. 1750 † 1805) для своей жены, красота которой видна изъ приложеннаго тутъ же ея портрета. Описание

сада иллюстрировано четырьмя отлично сдѣланными свѣтописными картинками и планомъ. Очеркъ Уманщины и г. Умани составленъ, главнымъ образомъ, по Руликовскому (ст. *Himtań* — въ словарѣ Сулимирского), причемъ авторъ довольно подробно рассказалъ и о гайдамацкомъ восстании 1768 г. Въ дополненіе къ послѣднему разсказу, при книжкѣ приложены: портретъ Гонты, совершенно отличный отъ того, который былъ прложенъ къ № 11-му «Кievsk. Star.» 1882 г.¹⁾ и свѣтотипный снимокъ той еврейской молитвы въ память «уманской рѣзни», полный текстъ которой приведенъ въ мартовской книжкѣ «Kievsk. Star.» за настоящій годъ.

Интересная по содержанию книжка г. Иващенка издана такъ изящно и приложенные къ ней свѣтописные рисунки сдѣланы такъ отчетливо, что остается только радоваться тому совершенствованію книгоиздательской техники въ Кіевѣ, которому въ послѣдніе годы много помогла типографія и фототипія г. Кульженка.

А. Л.

Книги кіевской и львовской печати въ Москвѣ въ третью четверть XVII в. Виталія Эйнгорна. Москва. 1894. 8-о. 19 стр. (Отд. оттискъ изъ „Книговѣдѣнія“).

Брошюра г. Эйнгорна заключаетъ въ себѣ интересныя свѣдѣнія о распространеніи книгъ кіевской печати въ Москвѣ, во втор. полов. XVII в., при чёмъ Лазарь Барановичъ и Іоанникій Галятовскій умѣли очень искусно выправлять даже материальную помошь своимъ изданіямъ; такъ, Барановичу разрѣшено было печатать пресловутыя его «Трубы» на казенній счетъ въ московской типографіи, а когда это печатаніе почему то не состоялось, то государь пожаловалъ ему бумаги на печатаніе «Трубъ» въ Кіевѣ²⁾). Галятовскій поднесъ своего

¹⁾ Принадлежность портрета Гонты поясняется надписью — *Honta, atatam kożaków*, сдѣланной на оборотной сторонѣ холста. Портретъ пріобрѣтенъ у одного изъ кіевскихъ старьевщиковъ и, судя по красивой дубовой рамкѣ, могъ украшать прежде какой либодь богатый палацъ... Достовѣрность портрета сомнительна.

²⁾ По напечатаніи «Трубъ», Лазарь Барановичъ очень выгодно сбывалъ ихъ въ Москвѣ, выручивъ за одно это изданіе — по разсчету г. Эйнгорна — „на наши деньги“, будто бы „около 10 тыс. рубл.“ Къ сожалѣнію, г. Эйнгорнъ не указываетъ — во что онъ оцѣниваетъ рубль втор. полов. XVII в. Экз. „Трубъ“ продавался въ Москвѣ, безъ переплета, 2 р., а въ переплетѣ — по 2 р. 50 к.

«Мессію Правдиваго» государю и быль за то не только «милостиво похваленъ», но получилъ «соболей на 100 руб.» Печерскій архимандритъ Гиазель получилъ въ 1672 г. позволеніе продавать въ Москвѣ книги кіевской печати по «вольной цѣнѣ» и послалъ туда 539 экз. разныхъ книгъ и четыре стопы «печерскихъ листковъ». Между привезенными изъ Киева книгами было, между прочимъ: 50 польскихъ букварей, 50 грамматикъ русскихъ, 12 біблій, 58 часослововъ, 7 шатериковъ печерскихъ, 31 азбука, 320 кануниковъ, 4 полуустава. Торговля шла, повидимому, успѣшно, такъ какъ въ томъ же 1672 г. Кіево-печерскій монастырь открылъ въ Москвѣ особую свою лавку для торговли книгами, при чемъ въ ней продавались книги и львовской печати и даже извѣстная біблія «острожской печати». Интересно, что въ числѣ привезенныхъ при этомъ въ Москву книги были книги и на польскомъ языке, напр.—сочиненіе Барановича—*Żywoty Świętych* (1670 г.), *Lutnia Apollinowa* (1671 г.). Значить, находили и такія книги сбытъ въ Москвѣ; а вмѣстѣ съ ними, тамъ же, продавались и разные «элементаріи» на польскомъ и латинскомъ языкахъ, въ которыхъ, слѣдовательно, тоже была потребность въ Москвѣ. Такъ неизмѣтно совершалось вліяніе кіевской учености на московскую...

Столѣтіе учрежденія православной епархіи въ Подолії. (1795—1895). Составилъ свящ. П. Викуль. Вильна. 1895. 16-о. 48 стр.

Предисловіе коротевській исторический очеркъ Подолья до в. XVIII в., авторъ затѣмъ перечисляетъ главныхъ дѣятелей открытой въ 1795 г. подольской епархіи, при чемъ особенно отмѣчаетъ двухъ изъ нихъ—Іоанникія (1795—1819 г.), происходившаго изъ волинскаго крестьянства, и Кирилла (1832—40 г.). Современное Іоанникію «православное духовенство, лишенное всякаго образованія, или воспитанное въ базиліанскихъ школахъ, получившее посвященіе гдѣ нибудь въ Молдавіи или отъ заѣзжихъ архіереевъ, мало удовлетворяло своему назначению»; поэтому Іоанникій все свое вниманіе обратилъ на школу; не ограничиваясь семинаріей, онъ открылъ два духовныхъ училища, одно въ Шаргородскомъ монастырѣ, а другое при архіерейскомъ селѣ Привороты; въ этомъ послѣднемъ училищѣ Іоанникій учениковъ содерживалъ на свой счетъ. Епископъ Кирилль, заботясь объ улучшении быта приходского духовенства, заботился и объ участіи крестьянъ своей епархіи; «заботился онъ о томъ, чтобы

крестьяне освобождены были отъ работъ въ воскресные и праздничные дни, а также на время говѣнья, и чтобы пасхальный праздникъ они имѣли возможность праздновать, по древнему обычая, семь дней и проч. «Какъ сводъ разбросанныхъ въ Подольск. Епарх. Вѣд. свѣдѣній о подольской старинѣ очеркъ о. Викула небезполезенъ, пока существующій въ Кам.-Подольскѣ съ 1865 г. «комитетъ для историко-статистического описанія Подольской епархіи» собирается издать хотя бы краткое, но обстоятельное описание послѣдней,— необходимое для справокъ.

Исторический свѣдѣнія о бывшихъ въ м. Шаргородѣ (могилев-скаго уѣзда) духовной семинаріи и духовномъ училищѣ. Н. Чарнецкаго. Каменецъ-Подольскъ. 8°. 79 стр. (Отд. оттискъ изъ Подольск. Еп. Вѣд. 1894 г.).

Книжка г. Чарнецкаго заключаетъ въ себѣ обстоятельный, по архивнымъ источникамъ составленный, очеркъ, какъ замѣнялись прежде бывшія въ Подолії базиліанскія школы новыми. Въ м. Шаргородѣ устроена была въ 1797 г. семинарія для к.-подольской епархіи, потому что въ этомъ мѣстечкѣ въ бывшемъ униатскомъ Никольскомъ м.—рѣ) жилъ тогда и подольскій епископъ Іоанникій. Затѣмъ, когда семинарія переведена была въ Каменецъ-Подольскъ, въ Шаргородѣ устроено было духовное училище, которое продолжало существовать до нашего времени. (Нѣсколько лѣтъ назадъ оно переведено въ Тыровъ). Подробно разсказанная история этого училища за первую четверть вѣка представляетъ любопытныя подробности о крайней бѣдности учащихся и такомъ же невѣжествѣ учащихъ. Примѣровъ ужасного отношенія послѣднихъ къ учащимся книжка г. Чарнецкаго приводить множество. Въ 1820 г. одинъ священникъ жаловался архіерею, что «начальство Шаргородскаго училища начало жестоко обходитьсь съ его сыномъ за невнесеніе въ этомъ году учителямъ по 10 златыхъ въ учебную третью, что онъ, священникъ, обыкновенно аккуратно дѣлалъ съ 1815 г.»; жалобщикъ писалъ, что за

прекращеніе гонорара сынъ его получалъ 64 удара розгами... Въ 1826 г. учитель Щербацкій по поводу, жалобы другого священника за жестокое наказаніе его сына, объяснялъ своему начальству, что онъ «наказывалъ такъ, какъ къ тому навыкъ». Какія педагогическія мѣры принимались Шаргородскою школою для поддержанія нравственности учащихся, указываетъ слѣдующая подпись, отобранная начальствомъ отъ учениковъ старшаго класса въ 1825 г.— «Мы, нижеподписавшиеся, даемъ сю подииску въ томъ, что впередь будемъ себя вести честно и скромно, горячихъ напитковъ вовсе ни въ питейныхъ домахъ, въ которые ни подъ какимъ видомъ иходить не отважимся, употреблять не будемъ; съ квартиры въ непозволенное время, а особливо ночью не только на Масловку (предмѣстье Шаргорода), но даже и въ другое какое либо мѣсто, къ противному себѣ полу, отлучаться никогда не рѣшимся. Если же, въ случаѣ начальствомъ будуть замѣчены за нами или дурные поступки, или разсѣянность, или по квартирѣ или по классу въ чемъ либо неисправность, то подвергаемся всякому жесточайшему истязанію, строгому при всѣхъ ученикахъ подъ училищнымъ колокольчикомъ тѣлесному наказанію, кромѣ того обчерненію по вѣдомостямъ и представленію въ семинарское правленіе объ исключеніи насъ за дурное поведеніе». Подобная же подпись приходилось выдавать иногда и самому начальству шаргородскаго училища. Въ томъ же 1825 г. шаргородская мѣстечковая власть обратилась въ шаргородское училище съ требованіемъ о запрещеніи инспектору Александру Островицкому и учителю Филиппу Щербацкому— «впередь бить крестьянъ». И тотъ и другой дали подпись— «не бить», но очень скоро затѣмъ должны были деньгами отплачиваться за тяжкіе побои, нанесенные ими крестьянину Палашчу... Нельзя не поблагодарить г. Чарнецкаго за сохраненіе отъ архивнаго истлѣнія тѣхъ любопытныхъ для исторіи нашей первоначальной школы свѣдѣній, которыми наполнена его книжка.

**Жизнь и труды М. П. Погодина, Н. Барсукова. Книга девятая.
Спб. 1895. 8°.**

Въ этой книгѣ, посвященной событиямъ 1847 и 1848 гг., есть нѣсколько выписокъ изъ разныхъ книгъ, дополняющихъ свѣдѣнія о Костомаровѣ и Кулишѣ, напечатанныя въ Русск. Архивѣ 1892 г., № 7; но затѣмъ въ нынѣ изданной части непрерывнаго труда г. Барсукова фактовъ, относящихся къ южнорусской исторіи, почти не встрѣчается. Приводится только любопытное письмо къ Погодину «русскаго ученаго» Александра Григорьевича Яновскаго, написанное въ нач. 1847 г., послѣ путешествія по славянскимъ землямъ, при чѣмъ Яновскій, распространяясь о сходствѣ «нашихъ хохловъ» съ чехами и лужичанами, говоритъ: «Чехи и лужичане, которыхъ я наблюдалъ въ деревняхъ, имѣютъ съ нашими хохлами разительное сходство. Въ мужчинахъ оно еще не такъ замѣтно по различію занятій, образованія, особливо отъ столкновенія съ нѣмцами, которые зовутъ ихъ цопаками, отъ частыхъ отзывовъ ихъ: цопакъ (по малороссійски — що пакъ), но женщины, по физіономіи, костяму, пріемамъ, ухваткамъ, точь въ точь наши малороссійскія мѣщанки; глядя на нихъ, я переносился мысленно въ Малороссію. Постройка и расположение домовъ, утварь и пр.— все малороссійское, только чище и лучше. Я самъ малороссіянинъ, и для меня всѣ тонкія черты народности понятнѣе, чѣмъ для человѣка другой націи, даже русскаго, ибо русскіе очень и очень многимъ отличаются отъ малороссіянъ. Въ языкѣ чеховъ я находилъ всѣ слова малороссійскія и ни одного чисто русскаго. Не знаю, откуда русскіе набрали въ свой языкѣ такихъ словъ, коихъ нѣть ни въ одномъ словенскомъ нарѣчіи. Напримеръ, *влазъ*, *рубаха* и пр. Вездѣ говорять, какъ и малороссіяне, *око*, *сорочка* или *кошуля*. Слово *понимаю*—видимо, что русскіе составили сами, корень его замѣтенъ; а у всѣхъ словенскихъ племенъ говорить малороссійское *разумію*, слова: *лошиадъ*, *башманъ*, *кушакъ* и пр.—чисто татарскія, ихъ нѣть ни у малороссіянъ, кои тоже подвергались татарскому игу, ни у нашихъ западныхъ собратій. У тѣхъ и другихъ говорить одинаково: *конь*, *чевронка*, *пась*, (*поясъ*). Ваша московская *саіка* должна быть чухонскаго происхожденія, тамъ *саікъ* называется бѣлый хлѣбъ. Обычаи малороссіянъ болѣе сходны съ

чешскими, чѣмъ съ русскими. Для примѣра укажу на щедрый вечеръ (канунъ нового года), на дѣвичье цѣломудріе и пр.¹⁾ (стр. 153). Свѣдѣнія эти, не смотря на ихъ краткость, очень любопытны, особенно для вопроса—откуда шла колонизація лѣвобережной Малороссіи въ XVI и XVII в. в.

А. Л.

¹⁾ Никакихъ другихъ свѣдѣній объ авторѣ этого письма, А. Г. Яновскомъ, намъ не приходилось встрѣчать.

ОБЪЯВЛЕНИЯ.

ІЗВѢСТІЯ ОБЩЕСТВА АРХЕОЛОГІИ, ИСТОРИИ И ЭТНОГРАФІИ

При Імператорському Казанському Університету.

Въ 1895. г. «Ізвѣстія Общества Археологіи, Исторіи и Этнографіи при Імператорскомъ Казанскомъ Университетѣ» будутъ выходить шесть разъ въ годъ (1 выпускъ въ концѣ января, а слѣдующіе въ первыхъ числахъ марта, мая, іюля, сентября и ноября) книжками въ 7—8 листовъ in 8°.

Содержаніе книжекъ „Ізвѣстій“ составляютъ:

- 1) Оригинальныя и персидондныя статьи по общимъ вопросамъ археологии, исторіи и этнографіи;
 - 2) Спеціальныя изслѣдованія и статьи по археологіи, исторіи и этнографіи Восточной Россіи (Поволжья, Средней Азіи и Сибири);
 - 3) Матеріалы археологические, исторические и этнографические, относящіеся къ Восточной Россіи: мелкія оригиналныя сообщенія, акты, произведения народнаго творчества, словари инородческихъ языковъ и мѣстныхъ русскихъ говоровъ, извлечеія изъ періодическихъ изданій Восточной Россіи;
 - 4) Хроника: извѣстія о музеяхъ Восточной Россіи, о находкахъ, раскопкахъ, объ экспедиціяхъ археологическихъ, археографическихъ, антропологическихъ и этнографическихъ, и о прочитанныхъ въ засѣданіяхъ русскихъ ученыхъ обществъ рефератахъ, имѣющихъ отношеніе къ Восточной Россіи;
 - 5) Программы по спеціальнымъ вопросамъ археологіи, исторіи и этнографіи Восточной Россіи; отдельные вопросы редакціи;
 - 6) Бібліографія: обзоръ книгъ и статей мѣстныхъ, общерусскихъ и иностранныхъ періодическихъ изданій, имѣющихъ отношеніе къ археологіи, исторіи и этнографіи Восточной Россіи.
- Въ «Ізвѣстіяхъ» принимаютъ участіе: Н. Ф. Акаевовъ, проф. А. И. Александровъ, И. В. Аничковъ (Ауліэ-Ата), Г. Ахмаровъ, Ш. Г. И. Ахме-

ровъ, Н. Н. Бакай (Красноярскъ), проф. В. А. Богородицкій, проф. Е. Ф. Будде, К. В. Виклюндъ (Уисала), В. Н. Вялевскій, Г. Вихманъ (Гельсингфорсъ), К. И. Вороацевъ, К. Б. Газенвицель, А. О. Гейкель (Гельсингфорсъ), М. Е. Евсеевъ, И. А. Износковъ, Ф. И. Кардасевичъ (Будапештъ), Г. Е. Катаанаевъ (Омскъ). Н. Ф. Катановъ, С. И. Кедровъ (Саратовъ), Д. А. Кочневъ. А. К. Кулагинъ, акад. В. В. Латышевъ, Е. Ф. Литинскій (Самаркандъ), Н. М. Мартыновъ (Минусинскъ), П. Медоксъ, В. А. Мошковъ (Варшава), еписк. Никаноръ (Архангл.), П. М. Овчинниковъ (Иркутскъ), П. А. Пономаревъ, проф. И. Н. Смирновъ, А. А. Спицынъ, Ф. А. Теплоуховъ (Пермь), Н. З. Тиховъ, В. М. Терехинъ (Пенза), П. В. Траубенбергъ, П. О. Чупинъ (Барнаулъ), проф. А. А. Штукаенбергъ, проф. Н. А. Фирсовъ, пр.-доц. Н. Н. Фирсовъ и др.

Одной изъ основныхъ задачъ «Ізвѣстій» является всестороннее изученіе Урало-Алтайского міра. Для посильного осуществленія этой задачи редакція «Ізвѣстій» считаетъ необходимымъ держать своихъ читателей au courant всего, что является новаго въ этой области знанія, и приобрѣла корреспондентовъ въ Гельсингфорсѣ, Буда-Пештѣ и Упсалѣ для отчетовъ о новостяхъ венгерской и скандинавской литературы.

Въ видѣ приложений къ «Ізвѣстіямъ» будутъ печататься:

Материалы для этнографіи Поволжья. «Мордовско - русскій словарь» и «Мокшанская пѣсни» М. Е. Евсеева.

Цѣна годовому изданію 5 руб., каждая книжка отдельно по 1 руб. Желающіе могутъ внести подписную сумму (5 р.) въ два срока: три рубля при подпискѣ и 2 р. къ 1 іюля.

Дѣствительные члены Общества, внесшіе членскій взносъ въ размѣрѣ 5 р., получаютъ изданіе бесплатно.

Подписныя суммы адресуются: Казань, Университетъ, Секретарю Общества Археологіи, Исторіи и Этнографіи.

«Ізвѣстія» выходятъ подъ редакціей Секретаря Общества при ближайшемъ участіи членовъ редакціоннаго комитета.

Выписывающіе отдельные выпуски отъ Общества за пересылку не платятъ.

Секретарь Общества *Н. Ф. Катановъ*.

Члены редакціоннаго комитета:

И. Н. Смирновъ.

Ф. Г. Мищенко.

зискъ въ Крики, быль у мене. Дѣло мое зъ Кодиціями стискаю зъ суда въ министерскую канцелярію. Отъ Вѣжевскаго за позиченіе отъ мене 30 р. отбираемъ 8 р. и 94 копѣйки.

Середа. 24. День быль похмурый и сильная метелица тягала черезъ весь день, въ ночь такъ же жестоко великий снѣгъ ишолъ, и о полночи пересталъ, а до свѣта знову ишолъ. Рано быль у князя, на службѣ у святой Анастасіи и у ясневелможного. Якубовичъ пріехалъ въ Глуховъ. Обѣдалемъ у себѣ. Машталера принялъ вновь на службу, которому въ годъ габа, киндякъ, кожухъ, чоботъ и кошуль по 2 пари и 2 р.

Четверг. 25. День быль зранку снѣженъ зъ отлигою, якая въ день наипаче оказалась, а къ вечеру пересталъ снѣгъ, почъ была не зъ снѣгомъ, однакъ не холодна, а къ свѣту показался морозецъ. Рано были зъ род. у князя и съ нимъ на службѣ у церкви Веригинской, где писарь Печерскій зъ протчими служили, а Залузкій, пещерскій чернецъ, казанно говорилъ. Обѣдалисмо у князя, потомъ ездилемъ до п. Михайла.

Пятокъ. 26. День сей зранку тихъ и морозецъ показался зъ снѣгомъ, въ день до вечора разставало, ночь виногодила и зъ морозцемъ. Савѣ доплатилемъ зл. медъ полъ 6 зол. У день были у мене Кондзеровскій и Мировичъ Петро. Зъ Лубенъ, отъ швакга Троцкого, и зъ Ромна, отъ брата п. Семена, писма получилемъ.

Субота. 27. День быль холодновать и похмуренъ сперва, потомъ свѣтель и тепель. Ночь сперва свѣтла, потомъ похмурна зъ морозцемъ. Ездилемъ рано въ судъ подать челобитную на Якубовича, где не засталемъ судей великороссійскихъ, только Забѣлу, который показывалъ мнѣ челобитную отъ Казѣмирова, даппую на хоружого спер. Якима Горленка, за то, что якоби онъ називалъ артикули статута бездушными, чтобы ему не бить въ судѣ. Обѣдалемъ въ дому. Писма получилемъ отъ брата п. Семена и швакга Троцкого и отъ матери, о ея болезни.

Неделя. 28. День быль сперва холodenъ и похмуренъ, но-тому стало роставать. Ночь сперва зъ дожчемъ и до свѣта похмурна и мокровата. Рано у князя билемъ, который показывалъ

мнѣ искѣ Чарнишевъ въ 4-хъ пунктахъ: 1, о внесенію матки ихъ, 2, о показанію безъ утайки всѣхъ крѣпостей и скринь зъ вещами за печаттю, 3, чтобы маечка не интересовалась до того, что до ея отецъ ихъ нажилъ, 4, а що изъ нею нажилъ, и съ того бѣ ему ровная часть. На службѣ былъ у ст. Анастасіи и обѣдалъ у ясневел. О Танскомъ¹⁾ отъ Воронежскаго сотника вѣдомость получена, что теперь онъ за караулъ посаженъ въ Москвѣ, въ іностранной колегіи.

Понеделокъ. 29. День былъ похмурний, теплій и ночь таковажъ, къ свѣту морозецъ маленький. Подалемъ въ судъ чолобитную на Якубовича о 456 р. Обѣдали родитель и я у себѣ, у вечеру ездилемъ до брата п. Мих., а оттолѣ до князя, куда пріехалъ и Еронкинъ, швакгеръ. 14 коз. купилемъ дровъ по 4 копѣйки.

Вовтор. 30. День былъ свѣтлій; весняній и теплій бечоръ, ночь похмурна, такъ же тепла, передъ свѣтомъ морозецъ. Якубовичъ рано былъ у мене, и упросилъ мене, что я ему 106 р. уступиль, а онъ долженъ августа 1-го числа 250 р. отдать, а буде не отдаетъ, то мнѣ футоръ его заехать Артополотскій. Ездилемъ въ день до п. Михайла и попогравши у пѣкетъ, вернулся.

Середа. 31. День зъ самого ранку свѣтель зъ морозцемъ, потомъ хмуренъ зъ вѣтромъ холоднимъ и мокроватъ, ночь первой похмурна, потомъ свѣтла зъ морозцемъ малимъ. Обѣдалисмо вкупѣ зъ род. и никуда не ездилемъ.

М-ць Апріль. Четвер. 1. День похмурній и теплій, ночь таковажъ. Роздѣлку сегодня зъ Якубовичемъ исправилемъ и до-кончилемъ, о которой упомянулемъ марта 30-го. Билемъ у ясневел. и п. Михайла, где видѣлемъ вѣдомость отъ Штока, изъ Киева присланную, что якоби въ Цареградѣ знову бунтъ зъ тихъ мѣръ, что будто солтана нинѣшнаго детронїзовано. Обѣдалемъ у себѣ, а род. у князя.

Пятокъ. 2. День былъ тѣплій, отчасти похмурній, самій весняній, ночь также хмурна и тепла. Ездилемъ рано до князя,

¹⁾ См. виже, 9-е апрѣля.

оттолъ въ городъ, где служби божой у ст. Анастасіи слухалемъ. У вечеру билемъ у князя, а зъ Петромъ Чарнишемъ разговорували о ихъ зъ мачехою интерессѣ.

Субота. 3. День сперва похмуренъ и мокровать, а до того тепелъ. Ночъ отъ части похмурна да тепла. Тертичника зде уговорили дерева сотню рѣзать за 3 р. и три мѣрки хлѣба. За стогъ сена въ Некрас. далемъ 2 р. 20 к. Ставъ здешній Глуховскій до половини отъ ліоду очистился. На службѣ былисмо у князя и обѣдали зъ род. По обѣдѣ ездилемъ на Красную Горку и заездилемъ до Количова. Оттолъ заехадемъ къ ясневел., былъ на вечернѣ у Анастасіи. Зде, въ дворѣ гетманскомъ, увѣдомился я о приключившоїся скорбѣ намъ зъ преставленія Василія Делюка, секретара его велможности.

Неделя. 4. День былъ теплій, около обѣда дожчъ весняний теплій, потомъ стало хмурно, а въ вечеру вѣтеръ насталъ полунощний, холодній, который т्रиваль и черезъ ночь всю, и осталній ліодъ на ставу розбыль. Рано былемъ у князя, который на зубъ заболѣль, а на службѣ у ст. Анастасіи, и у ясневел., где и обѣдалемъ. По обѣдѣ играlemъ въ карти зъ п. Михайломъ въ пѣкеть до вечора.

Понеделокъ. 5. Вѣтеръ вчорайшій холодній черезъ увесь день триналъ, а съ полудня свѣтъ ишоль до полночи, зъ вѣтромъ и морозомъ, и къ свѣту морозъ. Карабутѣ Сварковскому позичили четверикъ овса. До жени въ Новгор. о пріездѣ ея сюда, а до Клима обѣ отездѣ ихъ въ Чернѣговъ зъ Шохомъ и обѣ постараннися осятра на суботу. Гротъ разобralъ лѣкарства и декоктъ ио реценту.

Вовтор. 6. День былъ вѣтряний, однако жъ ногодній и холодній зъ морозомъ, ночь свѣтла а холодновата. Рано былемъ у канцеляріи министерской за дѣломъ своимъ. Александръ обѣдалъ у мене, зъ которимъ ездилемъ въ городъ за виномъ продажнимъ, а потомъ были у нашемъ склепу, где бутилокъ б насипалъ.

Середа. 7. День былъ холодній сперве, але тихій, и свѣтлій, а потомъ теплій отъ солнца, ночь свѣтла зъ морозцемъ. Рано

былемъ у п. Михайла и на службѣ у ст. Анастасіи, а потомъ у лєснєвелможного, котоїй потомъ на колку и фебру забелѣлъ. Жена прїехала зъ Новгородка отъ п. Григоріевой, о которой сказала, что велми болна. Обѣдалъ родитель съ нами. По щоту показуется въ ямѣ овса въ Калюжнов. футорѣ четвериковъ 22. Писали род., п. Мих. и я до стар. Гамал. и до Дмитра о спрощанію жита.

Четвер. 8. День былъ холодноватъ зранку, але тихій и теплій и свѣтлій, такова жъ и ночь была, только зъ морозцемъ. Рано былемъ у князя, обѣдалемъ у себе въ дому, по обѣдѣ ездилемъ въ городъ до п. Михайла и съ нимъ въ пѣкетъ игралъ. Сего дня читано дѣло мое зъ Кодинцами у князя.

Пятокъ. 9. День былъ свѣтлій зперва, потомъ похмурій, вѣтряний и холодний, у вечеру тепло стало, ночь похмурна и тепла. Вѣдомо зде въ Глуховѣ, что Танскій Переяловскій Василь зъ подъ карауму иностранной колегія взять въ Преображенскъ, въ Москій. Скрицкій, племенникъ панеи гетмановой ¹⁾, прїехалъ зъ Польши. Писмо уступное отъ швакровъ моихъ данное на Криски, зде въ ратушѣ Глуховской уписано въ книгу и помѣчено. У Шавкуна, козака Сварк., купилемъ ниву другую за 20 р. Отъ Несторовича получилемъ вѣдомость, что воловъ 40 купленнихъ годуется у футорѣ Гамалѣвскомъ, а робочихъ 12, молод. 2, бугаевъ 2, сѣна та же скирть 3. Пасѣчникъ уговоренъ и ему дать 5 кон. грошей, кожухъ, чоботъ паръ 2, вовни 6 рунъ, день виорать на просо, харчъ сироваля.

Субота. 10. День сперва холодноватъ, потомъ тепель къ вечеру и похмуренъ. Ночь свѣтла и тепла. Панъ гетманъ на фебру захоровалъ терцянну. Обѣдали у мене протопонъ Романъ Степановичъ, Столповскій и Думитрашко. Вѣженскій зъ Обложокъ привезль кунчую отъ шинкара на гай и ниву, у Романа и Артема Латенковъ, жителей и козакой Тулиг., купленніе, за 8 р. и 50 кон. Отписалемъ до Несторовича и до Тараса зъ упомненнемъ, что

¹⁾ Петръ Искрицкій. Си. о чёмъ Судимъ. Архивъ, стр. XII.

онъ далъ сѣю брату, а другого конѣ принялъ, черезъ иротопону Ромен. Климентъ Пѣщанскій повернулся но по силѣ указу, за что наказанъ.

Неделя. 11. День былъ сперва тихъ и теплъ, а потомъ дождь пойшолъ, ажъ до вечора зъ вѣтромъ. Ночь холодна и мокровата. У князя рано и на службѣ у его церкви, обѣдалемъ въ дому; у вечсуру были Кондзеровская и Ганка.

Понеделокъ. 12. День былъ вѣтраний холодний и зъ дождемъ, мало ве до вечора, ночь тиха, однакожъ похмурна и хмурна, и мокровата. Романъ Тулиг. привезъ купчую на лѣсъ зъ берегомъ сѣнокоснимъ за 11 р. и 60 к., которому термѣну купчай далемъ и 6 р., а остатокъ посля самому иродавцеви отдано. Гор. въ Тул. З куoen. Юско посланъ въ Роменъ зъ 13 коими и машталеромъ Алексѣемъ, которому па овесъ далемъ 1 р. и 50 к. да на дорогу 15 к. Подданимъ Сварковскимъ опредѣленіе учинилъ, чтобы болше 15 человѣкъ не висилать на работу зъ села. Суддю и писара пол. Чернѣгов. привезено въ Глуховъ подъ карауломъ. Суддя доносить на епископа Чер., а писаря въ свѣдителя показуетъ¹⁾.

Вовтор. 13. День былъ похмурный, однакъ теплій и тихій, а къ вечеру и теплій и тихій, и свѣтлій, ночь тепла жъ и свѣтла, потомъ хмурна. На службѣ былъсмо у Астровского церкви. Машталѣръ Новотный поламалъ каретку Молчановскую. Анна Павловна Полуботковна, Григоріева Жоравкова, старѣйшая сестра жени моей, на уплави женскіе заболѣвшая, а потомъ и на шухливу, умре 11-го часа зъ полночи. Отъ Крисковскаго стар. писмо, въ якомъ объявляетъ, что З куoen гор. есть. Анна Полуботковна, Григоріева Журавкова, сестра жени, умре.

Серода. 14. День былъ похмурный, тепловатъ, потомъ вѣтраний, въ ночь дождь все исполъ. Вѣдомость отъ и. Якова швакгра, зъ Новгородка, о и. Григоріевой, что вчера преставилась полуучителъ и отишалемъ ему. Господарь повернувшись зъ Узицѣ сказалъ, что пчоли виставили зъ омшаника 310, а 21 пчола умерла черезъ зиму. Сѣна купилемъ 13 воз. за 9 зол.

¹⁾ См. ниже, 15-е мая.

Четвер. 15. День былъ сперва похмурый и холодноватъ, а отъ полудня тепель и свѣтель, такова жъ и ночь, къ свѣту туманъ. На службѣ у Михайла въ церквѣ былемъ, а по службѣ у Мануйловича, обѣдали у себѣ. Родитель и князь Шаховскій въ церквѣ его пріобщались ст. тайнамъ.

Пятокъ. 16. День былъ сперва свѣтлій, потомъ похмурній и холодноватъ, ночь теплѣйшая, хмурна жъ. Михаилъ Янѣшевскій далъ мнѣ на писемъ прошеніе, что желаетъ онъ благочестіе принять греческого исповѣданія, которого зъ особливимъ моимъ листомъ о томъ писаннымъ до отца протопопи посыпалемъ. Протопопиха у вѣчеру была въ насъ въ иступленіи ума. Барма молодицамъ дана по сукну и 1 р. Василцеви, кравцеви по 20 а., Васил. вел. 2 р. безъ сукна, Алексѣю возницѣ сукно рудое и 2 р., Яремѣ и Гавр. по 1 р. и по 50 к.

Субота вел. 17. День былъ велми вѣтрянъ и похмуренъ, ночь хмурна жъ и вѣтряна. Сегодня въ церквѣ ст. Михайла пріобщался ст. таинствамъ. Янѣшевскій миропомазанъ, въ мѣсто кумовей братъ Иванъ и дочь Ганнуся, исповѣданъ, а причастіе на завтре отложено. Отъ Вѣжевскаго за баню принялъ денегъ 5 р.

Воскресеніе. 18. День былъ свѣтель и тепель, однако жъ вѣтрянъ. Вечерь хмуренъ и зъ болшимъ вѣтромъ, ночь свѣтла и отчасти вѣтряна. Зъ родителемъ былъ я рано у князя, у гетмана, и обѣдали у себѣ, и съ нами п. Кондзеровская зъ тіоткою и Гапка.

Понеделокъ. 19. День былъ свѣтлій и хороший, ночь свѣтла и тепловата. Рано зъ род. былисмо у брегадира, на службѣ у черницъ, обѣдали у себѣ, а по обѣдѣ у Мякинина и Количова. Жена поехала въ Новгородъ для погребенія преставлшойся сестри п. Григоріевой. При женѣ поехалъ Пѣщанскій, которому приказъ далъ особливий, коего зде копія приложенна взглядомъ денегъ Чернѣ...

Вовторокъ. 20. День и ночь были свѣтліе, тепліе и погодніе. Рано былемъ у ст. Анастасіи на службѣ, а посля у ясневел. Род. и я обѣдали у князя, и съ нимъ по обѣдѣ ездили въ минѣстерскій дворъ загородний и копей смотрѣли Волинскаго. Янѣшевскому на справленне сѣдла далемъ 2 ефимки.

Середа. 21. День и ночь свѣтліе, тепліе и тихіе. Рано на службѣ у ст. Анастасіи обѣдалемъ у гетмана, а род. и многіе у брегадира. По обѣдѣ ездилемъ до Кондзеровскаго, оттолѣ къ сотнику заездилемъ, посля эъ братомъ ездилемъ на Бѣлополовку. П. Михайло прислали ко мнѣ писмо покойника Люки, якое онъ къ намъ обоимъ писалъ передъ своею смертью, обвиняющи себе, что иѣкоторое число денегъ его п. Михайловихъ, братнѣхъ и моихъ хотѣль удержать себѣ тайно и что за дикціонеръ Морелъ далъ 12 р., а не 20 р.

Четверг. 22. День и ночь были свѣтліе, тепліе и тихіе. На службѣ у ст. Анастасіи и у гетмана. Обѣдалемъ эъ род. въ дому. По обѣдѣ ездилемъ эъ братомъ въ Сварковъ, а ехаль год. 1 и 45 мѣнютъ.

Пятокъ. 23. День быль теплій и свѣтлій, эъ силнимъ громомъ въ первое, ночь похмурна и тепла. На службѣ у князя и на обѣдѣ. Гетманъ захоронвалъ зновъ на фебру.

Субота. 24. День быль похмурній эъ дожчемъ, ночь випогодилась мало. На службѣ у церкви княжой, а обѣдалемъ у себе эъ Денисовимъ и Шляковимъ, у вечеру ездилемъ до п. Михайла.

Неделя. 25 Туманъ рано, потомъ вѣтрано и помѣрно тепло и похмурно, къ вечеру холоднѣй и дожчъ. Ночь хмурна, вѣтряна эъ дожчемъ. На службѣ у ст. Анастасіи у гетмана, обѣдалемъ у себе и со мною Федоръ Саввичъ и Александръ. Ездилемъ у футоръ Калюжновскій, а ехаль полъ 2 часа. Тамъ видѣль живихъ 13 воловъ, коровъ 3, а 2 воли здохли теперь. Эъ Сухоносовки отъ Демяна писмо, что у Гамал. воловъ куплен. 40, а осталось денегъ у Дядѣ 23 р. и 40 к. У Сухон. робочихъ воловъ 7., а въ Перервин. 16, да прислали сюда на подводѣ эъ 6 кабановъ мясо, 4 гуси, квочокъ 20, лещъ копъ 2. Да эъ Перервина писмо другое отъ стар., что раздалъ 19 р. и 50 к. на сѣно, да шинкаръ розно же 6 р. и 25 к. и что у его остается готовыхъ денегъ 20 р. и же купиль зимио сѣна и соломи для статку за 11 р.

Понедел. 26. День быль сперва холоденъ, вѣтранъ эъ дожчикомъ, а потомъ свѣтель и тихъ, ночь тиха и тепла. Писмо отъ стар. Крисков., что пчоли поставлены въ пасѣцѣ и присилка, вашна и цибуля.

Вовтор. 27. День быль теплій и свѣтлій, и ночь такова жъ. На службѣ у ст. Анастасіи былемъ, обѣдалемъ въ дому зъ маткою, сего дня зъ Ромна пріехавшио. У день были у насъ п. Миклашевская и п. Кондзеровская, а у вечеру ходилемъ до князя.

Середа. 28. День былъ свѣтлій, тихій и теплій до полдня, а потомъ громъ и дожчъ и градъ, и въ вечерѣ и ночь были отчасти похмурніе, и вѣтряніе. Сего дня было молебствіе о коронацїи ея величества и въ князя Шаховскаго быль банкетъ, где и подніяхомъ, а гетманъ боленъ и слабъ быль.

Четвер. 29. День былъ вѣтряній, хмарний, по обѣдѣ болшій вѣтеръ полуденній, а потомъ до вечора дожчъ. Ночь хмурна жъ и холодновата. У церкви былемъ у ст. Михайла, оттолъ ездилемъ на Красную Горку и на Бѣлополовку. Обѣдали въ дому зъ родителми. По обѣдѣ поехалъ до Тулиг., ехалъ до Обложокъ часъ и 35 мѣнутъ, а отъ Обложокъ до Тулиг. полъ 2 часа, где видѣлемъ на точкахъ пчоли висталеной 28. А въ імбарѣ 2 куе. гор. Кристковцовъ 10 чаловѣка пріехало и войть.

Пятокъ. 30. День былъ вѣтрянъ сперва и хмаренъ, посля свѣтель и тепель, ночь тепла, однако жъ похмурна и вѣтряна. Тутже въ Тулиг. далемъ стар. 10 р. на тамошнє росходи, да за лѣсь доплатилемъ Бистрицкому козаку 3 р. 60 к. Велѣлемъ дать въ позику четверникъ жита Михайленку. Зъ Тул. поехалемъ въ насѣку Узицкую, а ехалъ полъ 3 часа, а зъ насѣки до Семеновки ехалъ полъ 2 часа, до Глух. полъ 2 часа.

М-ць Май. Субота. 1. День былъ вѣтрянъ на збитъ, однако жъ свѣтель и тепель, ночь вѣтряна жъ и холоднѣйшая зъ дожчемъ. Князь и род. ездили въ Семеновку до Мануйловича, на обѣдь. Писмо писалемъ до стар. Гамалѣвскаго о позицѣ хлѣба людямъ. Получилъ писмо и узваръ отъ п. Петра Апостола, что ему дочь Елена родилась 12 апр.

Неделя. 2. День вѣтрянъ, хмуренъ и холоденъ велми, и ночь такова жъ. Отписалемъ до пол. Луб. съ благодареніемъ за узваръ. Писалемъ же до Столповскаго отвѣтъ и до Несторовича.

На службѣ билемъ въ монастирѣ, по службѣ—у гетмана, обѣдали зъ маткою въ дому, а родитель у князя. Гетманъ прислалъ ко мнѣ газети францужскіе и при томъ получилъ я книжку противъ Каменя Вѣри, называющуюся Genius Stephani Javorscii.

Понедел. 3. День былъ холодний же велми, однако съ полудня потеплѣло и вѣтеръ утихъ, ночь тиха, похмура. Швакгеръ Якимъ Троцкій и жена его, сестра моя, пріехали сюда въ Глуховъ. Ездилемъ рано до гетмана, а пріехавши обѣдали въ дому всѣ. По обѣдѣ, у вечеру, знову ездилемъ до гетмана. Демянъ, конюшій, пріехалъ зъ степу и привезъ вѣдомости тамошнаго господарства.

Вовтор. 4. День былъ холодноватъ и похмурень, зъ полудня свѣтель, ночь свѣтла и тепла. Швакгеръ мой п. Андрѣй Полуботокъ пріехалъ, съ которимъ обѣдалисмо.

Середа. 5. День былъ теплій и тихій, и свѣтлій, у вечеру дожчикъ, ночь свѣтла, тепла и тиха. Яма дубовая докончена на Красной Горцѣ; обѣдалисмо зъ родителми и швакромъ п. Андрѣемъ, у вечеру били въ князя. За 3 коней футорнихъ купивши, дали 15 р.

Четвер. 6. День и ночь были безъ дожчу, противъ вчорайшого. Въ Сварковъ ездилъ рано, а обѣдалисмо въ дому. Матка и жена лѣкарство принимали. Дѣлоктъ знову сталъ нить. Ярема посланъ въ Новгородокъ купить човни и дано ему на то 2 р. 50 к.

Пятокъ. 7. День былъ теплій, свѣтлій и тихій и ночь такова жъ. Брусовъ 11 купили, на що панси далемъ 10 р. Ездилемъ въ футоръ Калюжновскій, оттолъ въ Сварковъ, где и ночовалемъ.

Субота. 8. День былъ свѣтлій, теплій и тихій, и ночь такова жъ. У Сварковъ службы Божіе слухалемъ, а у Глуховъ обѣдалъ зъ родителми. Маштабъ, новоприставшій зъ Седнева, ушоль.

Неделя 9. День былъ теплій, свѣтлій и тихій и ночь такова жъ. Рано былъ я у гетмана, потомъ у князя, где и службы слухалъ. Обѣдалъ у себе зъ маткою, у вечеру былъ у п. Махайла и въ тещи.

Понеделокъ. 10. День теплій, свѣтлій, тихій, и ночь такова жъ. Обѣдалисмо у себе зъ маткою и п. Федоромъ, дядкомъ,

По обѣдѣ билъ у князя и видѣлся зъ пріехавшимъ полков. Миргород. Алексея въ Роменъ послалъ для покупки коней, на що далъ 20 р., да черезъ его на футорніе нужди послалъ къ Несторовичу 5 р.

Вовтор. 11. День былъ свѣтлій и теплій до половины, а потомъ дождь зъ громомъ, посля вѣтеръ и холодно. Ночь свѣтла, холодна и вѣтряна. Пявки рано приставлялъ къ мѣсту геморгоидалному. Обѣдалисмо у себя зъ маткою и швакгромъ. Матка поехала въ Роменъ и съ нею сестра Олеся и п. Якимъ, Лука братъ, а жена поехала оправажать до Тулиг. Зъ вѣдомости господаря Чугутова Коленского показалось, что надъ 200 четвертей, на родителскую потребу, перебрано четвертей 7 и четверичковъ 7. Поднялемся за родителку заплатить долгъ Тишенцу 8 р., а облѣкъ господара до себе принадлемъ.

Середа. 12. Преполовленіе. День былъ вѣтряний, холодній и похмурній, до полдня, потомъ свѣтель ночь свѣтла и холодна. На службѣ Божой былъ у церкви ст. Михайла, отель у брегадира, а оттуду у гетмана. Обѣдалъ у себѣ съ п. Федоромъ, дядкомъ, потомъ у вечеру билъ у князя. Получилемъ писмо отъ стар. Крис., въ якомъ пишеть, что принялъ зъ Сваркова и купленного жита четвериковъ 104, да что отобраль у утекшихъ Крисковцовъ зъ села, худобу ихъ, а именно: у Грицка Кривопущенка—ключъ зъ санми и зъ возомъ, корова съ телямъ, бодня, коноплянихъ клубковъ 3, валовихъ 4, подушка 1, дѣжка пѣнная; а у Ивана, брата его, конь зъ возомъ, корова съ телямъ, подушокъ 2, дѣжочокъ 3.

Четвер. 13. День былъ свѣтлій, теплій и почъ такова жъ. Николай, мужикъ Крисковскій, наряженъ въ Гданскъ зъ волами, которому зъ другимъ далемъ 30 р. раздавать Крисковцамъ на жито, по 40 копѣекъ четверикъ Понорницкой мѣрѣ, да черезъ его жъ послалемъ до стар. Крисковскаго 20 р., 10 р. на плить и проч., а 10 р. присовокупить къ прежнимъ 40 р. и раздать на жито надежнимъ людямъ. Повернулись жена зъ Тулиг. и обѣдалисмо обще всѣ и п. Федоръ дядко и швакгеръ п. Андрѣй, а по обѣдѣ п. Федоръ отехалъ, а я передъ вечеромъ ездилемъ на ту сторону до п. Михайла. Получилемъ писмо отъ Несторовича,

что Тарасъ прокрался. Получилемъ писма: одно отъ стар. Перер-
винского, что Ворона просить за свой грунтъ 1400 зол. и двора
Яблуновскаго, а другое отъ козаковъ Перер., чтобъ стадо тамъ не
ходило, где ходить.

Пятокъ. 14. День былъ свѣтлій и теплій, только вѣтряний,
ночь такова жъ. П. Стефанъ Миклашевскій пріехалъ зъ Москви.
Отписалемъ Несторовича, чтобъ онъ о Тарасу слѣдоваль или брату
п. Марку здалъ, до которого въ запасъ писалемъ.

Субота. 15. День былъ холодній, вѣтряний и похмурній,
дождь передъ вечеромъ и у вечери. Ночь холодна жъ, вѣтряна
и хмурна. Писарь Янушкевичъ, судя Каневскій, Чернѣговскіе, и
Давидовичъ попровожени въ Москву, подъ арестомъ. Писареви Черн.
позичилемъ 20 р. денегъ. Обѣдалемъ въ дому, у вечеру зъ швак-
ромъ п. Андрѣемъ у князя, которого онъ пожекналь и поехалъ
въ Чернѣговъ.

Неделя. 16. День былъ противъ вчорайшаго, и ночь только
тихшая. Климъ Пѣщанскій посланъ въ Криски и отоль зъ ста-
ростою Крисковскимъ въ Чернѣговъ, до швакровъ, по деньги.
Обѣдалемъ сегодня у гетмана, а род. у князя. Господарь и За-
руцкій старий поехали осматривать займи его Заруцкого на Івотѣ
будучой.

Понеделокъ. 17. День былъ вѣтряний и холодній, и похмур-
ній. Ночь такова жъ да еще зъ дожчикомъ малимъ. Рано былемъ
у князя, а родитель у гетмана, где и унїверсалъ на селцѣ Калю-
жинцѣ получилъ. Декохъ знову сталъ я пить. Обѣдалемъ въ дому,
а род. у князя.

Вовтор. 18. День свѣтлій, теплій и тихій. Ночь тиха, зъ
сильнимъ дожчемъ. Князь Шаховскій и родитель віехали зъ Глу-
хова въ Роменъ. Трембачу Григорію за давній долгъ, за дуклю,
заплатилемъ 25 р. Обѣдалисмо въ дому сами и съ намъ п. Андрей
Кондзеровскій. Докончилемъ переводу зъ латинскаго на славенскій
язикъ слова ст. Григорія Нисского, на воскресеніе Х--во. У вѣ-
черу былемъ у брегадира, где заставши п. Павла, пол. Миргор.,
посидѣлемъ до позна.

Середа. 19. День былъ сперва теплій и свѣтлій, посля вѣтеръ, громъ, дожчъ и градъ, у вечери же тепло, тихо и отчасти смѣтло. Ночь отчасти свѣтла, тепловата и тиха. Забарѣ завластилемъ за женку зъ дѣти 24 р. Дочь Анастасія родилась брату п. Михайлу, о 7-мъ часу, рано, ва Бѣлооловцѣ, куда я зъ п. Савломъ Миргор. ездилемъ, а посля и самъ гетманъ прїехалъ и тамъ обѣдали. По обѣдѣ пожекнамъ ясновел. и поехалисмо зъ женою въ Сварковъ на ночь, и тамъ ночовали.

Четверг. 20. День былъ свѣтлій, сперва теплій на збыть, а у вечери хмарно. Въ ночь дожчъ силний зъ жесточайшимъ громомъ, потомъ стало холодно, вѣтряно и хмарно. Сего дня въ Сварковѣ обѣдалисмо. Зъ козакомъ Горломъ сторжилемся зъ грунтъ его за 22 р. Поехалисмо по обѣдѣ до футора Калюжновскаго, отоль на ночь въ Глух.

Пятекъ. 21 День былъ вѣтряний, холодний и отчасти похмурній, ночь холодна жъ, однако жъ свѣтла и тиха. Рано ездилемъ до брегадира, Макинина и княгинѣ, и простился съ ними. По обѣдѣ прїехали до насъ Кондзеровскій зъ женою и Гапка, для именинъ женивихъ, и простились. Приказы въ дѣлехъ домостроенія разнихъ далемъ господареви Вѣжевскому, войту Сварк. Забарѣ и Василю Филиппову (?), и деньги имъ далемъ, Вѣжев. 20 р., Забарѣ 20 р., Василю 6 р. Заплатилемъ козаку Свар. Горлу зъ увесъ его грунтъ 25 р. Поехалисмо зъ Глух. и прїехали въ Тулиг. на ночь.

Субота. 22. День былъ холодноватъ, дожеватъ по части и вѣтрянъ, ночь свѣтла холодна. Старостѣ Тулиг. далемъ на расходъ 5 р. и записалемъ. Велѣлемъ дать Тулиголовцямъ въ позику 25 четвертей жита, якое они новинни отдать въ повину и робить за четверть по 3 днѣ. Поехалисмо рано и прїехали на обѣдѣ въ Мутинъ, где перевезлись за пол. 2 мил. черезъ Сеймъ, ночовали за милю.

Неделя 23. День былъ тепель зъ дожчемъ и хмарами перехожими, и громомъ и градомъ два раза, ночь свѣтла и холодноватая. Обѣдалисмо у Тернахъ, а ночовали у Смѣломъ.

Понеделокъ. 24. День былъ свѣтель и тепель, ночь такова жъ. Прїехали на обѣдѣ въ Роменъ, где въ дому родителскому

квартирующего князя Шаховского застали, и при немъ маюра Хрицунова, капитана Неплюева, Грота и Шостака, и полк. Луб. и. Петра. По обѣдѣ, передъ вечеромъ, ездили на Засулло зъ княземъ и тамъ вечерали.

Вовтор. 25. День былъ холодній, вѣтряній зъ дождемъ и хмурами переходжими, ночь такова жъ. Обѣдалисмо тутъ же, въ дому, род., князь, и. Петро, пол. Луб., и притчіе, а по обѣдѣ ходили въ лавкахъ и покупки споражали. Коней возовихъ купилемъ 10, до футора способныхъ, за 40 р. Несторовичу далемъ 20 р., а у него взялемъ дуката въ 7 червонихъ.

Середа. 26. День былъ свѣтлъ, вѣтрянъ, въ день дождъ, ночь свѣтла, холодна, а барзбѣй къ свѣту. Обѣдали тутъ же всѣ въ дому род., по обѣдѣ ходилемъ зъ п. Петромъ, полк. Луб., до ого квартери, оттуду въ лавки.

Вознесеніе. Четвер. 27. День былъ свѣтлій и теплій, такова жъ и почт. Всѣ обѣдали въ дому род. и Еропкини оба, Юрій и Александеръ, а по обѣдѣ отехалъ князь изъ Глухоши, и мы опрѣважали его до Борзенки всѣ, и простившись, повернулись назадъ. Коня чалого купилемъ у атютанта за 15 р. и 50 коп.

Пятокъ. 28. День былъ свѣтлій и теплій, и тихій, ночь такова жъ. Старости мои оба, Сух. и Перер., явились, съ которихъ первого отпустилемъ и далемъ ему 200 р. на покупку воловъ въ Сданскъ. Поехалемъ въ Гамалѣнскій футортъ и пріехалемъ Ромаданомъ за 4 год. Засталемъ тутъ поселяющихся семействъ 8.

Субота. 29. День свѣтлій и теплій, только вѣтряній, ночь хмурна и холодновата. Дворнику новому футортному Павлу далемъ 5 р. да приказалъ ему о поправкѣ станѣ, о здѣланию погреба, (найти?) рикунью¹⁾, поправить гребелку, гайдая до воловъ, дать 5 рунъ Андрѣевскому попу, роздать коши на откосъ, купить улей 20. Пріехалемъ въ Роменъ на обѣдѣ и обѣдалемъ зъ родителми.

Неделя. 30. День былъ вѣтряній, похмурный зъ дождемъ и холодній, ночь хмурна жъ и холодновата. Алексѣеви полу приказъ

¹⁾ Рикунъ=коровница.

далемъ въ 10 пунктахъ и денегъ 28 р. и 50 к., и коней 6 во-
зовихъ запровадить въ Глуховъ. Генералъ Войзбахъ, графомъ Рос-
сийскимъ пожалованний, пріехалъ въ Роменъ зъ Москви. Мы зъ
Ромна поехали до Прилуки обое, зъ родителми и братами троима, и
пріехали до Срѣбного въ 40 верстахъ, на Довгополову и на Бац-
мани, а зъ Срѣбного уехали верстъ зъ 4, и стали на ночлѣгъ.

Понеделокъ. 31. День быль сперва холодноватъ, а потомъ
тепель свѣтель и вѣтрянъ, ночь свѣтла и тиха. Отъ ночлѣга уеха-
лисмо верстъ зъ 16 до села сотника Срѣбранского, отоль до Пере-
волочной городка верстъ зъ 20, всего отъ Срѣбного верстъ зъ
30, и переехавши Переволочную и уехавши верстъ зъ 2, стали
на обѣдъ. По обѣдѣ уехали верстъ зъ 20 и пріехавши въ При-
луку, стали въ Сорочинцахъ, въ дому дядиной, и. судиной вдов-
ствующой. Совершился акть веселній синови дядѣ п. Федора Марко-
вича Димитрія зъ дочерю судиной бывшої Лубенской Жуковской.
Зъ обѣда писалемъ до Алексея Полуд. (?) о купле меду квартъ 2-хъ
для ичоли Гамалѣевской и нанятю гайдая. Дарили молодого: я 4
өфимки, жена 2, а Кондзеровской на тежъ позичили 2 р.

Юнь мѣць. Вовтор. 1. День быль холодноватъ сперва, потомъ
свѣтель и тепель, зъ малымъ дожчикомъ. Ночь свѣтла и тиха.
Обѣдалисмо приватно у п. Федора, а вечерали публѣчно.

Середа. 2. День быль теплій, свѣтлій, вѣтряній, ночь свѣтла
и тиха. Зъ родителми ездилисмо до монастыра Густинскаго, где
обѣдали. Модель новій видѣли ведлугъ кухнѣ у п. Федора, а въ
монас. ведлугъ лазнѣ.

Четвер. 3. День быль свѣтлій, теплій, только вѣтряній, ночь
такова жъ, безъ вѣтру. Обѣдали у Андрѣя Горленка, потому что
посватана дочь его за сына Ічанского сотника Стороженка Григорія.
Вечералисмо у п. Федора. Зговоруvalи за брата п. Семена дочь
хоружого (Горленка) генер. меншу, Зѣновію.

Пятокъ. 4. День и ночь были противъ вчорайшихъ во всемъ
сходно. Поехали рано зъ Прилукы и уехавши миль полъ 2, прі-
ехаль до Толкачевки, отоль зъ полъ миль до Дѣвиць, где черезъ
гребелку переехавши, у Большой Дѣвицѣ понасоловали конѣ. Оттуду

уехавши до села Галицѣ милю, отъ Галицѣ до Талалаевки миль З, оттолѣ до Нѣжина милю 1, и сталъ квартирой у асаула полк. Нѣжинскаго Константія Левицкаго.

Субота. 5. День и ночь были во всемъ подобніе прошнимъ. Обѣдалемъ у войта Нѣжинскаго, а съ нами протопопъ Олховскій, асаулъ полк. Мойсей и грекъ Самойло. Войтъ подарилъ 2 оки тютюну турецкаго, и волочокъ олований рожевой водки.

Неделя. 6. День былъ свѣтлій, теплій и тихій, до половины дня, а зъ полдня 4-го часа вѣтеръ полунощний, дожчъ и громъ до вечора, вечеръ и ночь похмурніе, вѣтряніе и холодніе. Неви-кладались куцицы еще и потому нѣчего не купчовали¹⁾.

Понеделокъ. 7. День былъ зранку очинь холодній и похмурній. Такъ же и ночь холодна зъ дожчемъ. Обѣдалемъ у асаула полк. Нѣжин., а по обѣдѣ виехалемъ у вечеру зъ Нѣжина и уехавши верстъ зъ З, споткалемся²⁾ зъ Хрущовимъ, Нѣжинскимъ полковни-комъ, зъ которимъ позаставившись зъ часть, поехалемъ въ путь свой и проехавши село Талалаевку, уехаль милю зъ 2 и не доїжджа Монастирища городка, на степу заночовали.

Вовтор. 8. День былъ такъ же холодній, а послѣ полдня теплѣйшій, у вечеру знову холоденъ, ночь также холодна. Рано вставши зъ ночлѣга, пріехалъ до Монастирищъ городка, отстоящаго отъ Нѣжина въ 4-хъ миляхъ, а зъ Монастирищъ милю до села Бабичева, где и обѣдалъ. По обѣдѣ переехалъ Удай и тимъ бо-комъ ехалъ до Радковки, села Раковичеваго, зъ полъ милю, а оттолѣ милю 2 до Прилукъ и пріехалъ до п. Федора, где засталемъ Микла-шевскую и Кондзевскую. Черезъ Кондзевскую писалемъ до п. Михайла, мужа ея и господара. Тутъ и почовалемъ въ Прилукѣ.

Середа. 9. День былъ сперва свѣтлій, потомъ хмарній, вѣт-рянъ и холоденъ, передъ вечеромъ теплій. Ночь холодна жъ зъ дожчемъ невеликимъ. Рано поехалемъ зъ Прилукъ, невидѣвшись зъ дядкомъ п. Федоромъ и Саковичемъ, понеже они въ ту пору еще спали, и уехалемъ милю 2 до Линовицѣ, отъ Линовицѣ до

¹⁾ Разумѣется троицкая ярмарка въ Нѣжинѣ.

Махнуского млина сестри Толстой, до Новой Гребль належащего, полъ милѣ, а отоль до села Савиновки полъ 2 мил., где и обѣдалемъ у Морозовскому дворѣ. По обѣдѣ поехали до мосту именуемого Калиновскаго, где переехавши черезъ рѣчку Переводъ, ехалъ степомъ миль 2 и естрѣтился зъ родителемъ, въ Савиновку ехавшимъ, и поклоняясь пріехалъ въ Коровай, отстоящіе отъ Савиновъ въ 3-хъ миляхъ.

Четвер. 10. День былъ похмуренъ, а дожеватъ по полууднѣ и холоденъ, ночь свѣтла да холодна. Родитель зъ Савиновки пріехалъ на обѣдѣ въ Коровай сюда, где всѣ и обѣдалисмо, и дновали, и ночовали.

Пятокъ. 11. День былъ свѣтель и тепловать, ночь холодна зъ дожчемъ. Обѣдалисмо всѣ въ Коровайхъ, а по обѣдѣ родитель поехалъ въ Жостерскій футоръ, а мы обое зъ дѣтми и Несторовичемъ въ Перервинцѣ, отъ Короваевъ отстоящіе около 3-хъ миль, езди часовъ полъ 4, черезъ Сирую и Сухую Оржицѣ рѣчки. Родитель пожаловалъ намъ коровъ 15, зъ футора Оржицкаго. У Ивана Кучеровскаго купилемъ дрикгавта, масловатого, бѣлая грива и хвостъ, за 15 р., а наша пятая на шестую ему.

Субота. 12. День былъ холодноватъ, зъ вѣтромъ, хмарами и дожчомъ переходячимъ, ночь также похмурна и холодновата. Обѣдалисмо у Перервинцахъ и ночовали, а по обѣдѣ зъ Несторовичемъ ездили осматривать стѣнокъ родителскихъ, прозиваемыхъ Воронинихъ и особливе продажныхъ Воронинихъ, надъ Сухою Оржицею стоящихъ. Проежджали воронихъ цукъ молодыхъ. Демянъ составилъ реестръ коней стаднины и езджалихъ, и товару и овецъ.

Неделя. 13. День былъ погодній и теплій, ночь такова жъ. Въ Перервинцахъ службы Божіи отслушалисмо, а пріехали на обѣдѣ въ Коровай, где еще не застали родителя, але толко родителку, братовъ, швакра и Худолѣя, и не дождавшись род., обѣдали; о полууднѣ родитель повернулся въ Коровай зъ футора Жостерскаго. Родитель подарилъ мнѣ стѣнку именуемую Воронину, отъ попа Яблуновскаго Ворони купленную за 40 р., надъ Сухою Оржицею стоящую. Могорича брату и. Семену далемъ 5 таларъ бытихъ.

О ТЪ РЕДАКЦІИ.

Въ „Кіевской Старинѣ“ печатаются: самостоятельный изслѣдованія по исторіи южной Россіи и разнообразные материалы для нея, въ видѣ особо цѣнныхъ историческихъ документовъ, мемуаровъ, хроникъ, дневниковъ, записокъ, воспоминаній рассказовъ, біографій, неврологовъ и характеристиекъ, описаній, вещественныхъ памятниковъ южнорусской древности и замѣтокъ обо всемъ вообще, что составляетъ принадлежность и характерную особенность исторически сложившагося народнаго быта или служитъ проявленіемъ народнаго творчества и міровоззрѣння, каковы неизслѣдованные обычаи религіозные, правовые и т. д., исчезающіе древніе напѣвы, незаписанныя думы, сказки легенды, пѣсни и проч.

Бібліографическая свѣдѣнія о вновь выходящихъ у настѣ и за границею изданіяхъ, книгахъ и статьяхъ по исторіи южной Россіи, сопровождаемыя критическими замѣчаніями.

При журналѣ, по мѣрѣ надобности, будутъ помѣщаться портреты замѣчательныхъ дѣятелей въ исторіи южнорусскаго народа, виды древнѣйшихъ монастырей, церквей и другихъ зданій, имѣющихъ значеніе для мѣстной исторіи, снимки съ древнѣйшихъ гравюръ и произведеній живописи, рисунки и изображенія всякаго рода украшеній одеждъ, оружія, предметовъ домашняго обихода и проч.

Рукописи, доставленныя въ редакцію для напечатанія, подлежатъ, въ случаѣ надобности, сокращеніямъ и измѣненіямъ. Рукописи, признанныя для печатанія неудобными, хранятся въ редакціи въ теченіи шести мѣсяцевъ; обратной высылки ихъ авторамъ редакція на свой счетъ не принимаетъ.

Редакція просить авторовъ доставлять книги и брошюры для рецензій.

КІЕВСКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНИЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ЧЕТЫРНАДЦАТЫЙ.

ТОМЪ XLIX.

1895 Г.

КІЕВЪ.

Типографія Г. Т. Норчакъ - Новицкаго, Махайловская улица, домъ № 4-й
1895.

Дозволено цензурою. Кіевъ, 2 Іюня 1895 года.

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

18-го мая окончилось 30-тилѣтіе офиціальной служебной дѣятельности извѣстнаго представителя нашей исторической науки, профессора Кіевскаго университета, *Владиміра Бонифатьевича Антоновича*. По общепринятыму обычаю, въ такіе истекающіе сроки служебной дѣятельности лица такъ или иначе совершаются привѣты и чествованія его, въ болѣе или менѣе выразительной формѣ. Въ данномъ случаѣ, у насъ, въ Кіевѣ, чествованіе это приняло характеръ того сердечнаго проявленія чувствъ благодарности, которое естественнѣе всего и должно было сказаться въ сердцахъ студенчества, непосредственно воспринимающаго впечатлѣнія отъ своихъ профессоровъ. Мѣстныя газеты сообщили, что чествованіе этого момента въ жизни В. Б. Антоновича выражилось въ поднесеніи ему отъ студентовъ адреса и въ устройствѣ торжественнаго шествія съ зажженными свѣчами въ рукахъ къ его квартирѣ. Такое, сравнительно рѣдкое, явленіе въ нашей жизни, какъ намъ кажется, объясняется въ данномъ случаѣ тѣмъ, что 1895-ый годъ въ жизни уважаемаго нашего ученаго не только важенъ по исполнившемуся термину 30-тилѣтія офиціальной его службы, но гораздо болѣе по двумъ другимъ терминамъ: въ этомъ году истекаетъ 25 лѣтъ его профессорской дѣятельности и 35 лѣтъ—учено-общественной. Эти двѣ послѣднія роли—профессора и ученаго представителя общественной мысли—есть, по нашему мнѣнію, тотъ центръ тяжести, къ которому сводится проявившееся на этихъ дняхъ восторженное настроеніе нашей чуткой молодежи. Это же самое обязываетъ и нашъ журналъ, имѣющій счастіе

считать Владимира Бонифатьевича Антоновича въ числѣ своихъ постоянныхъ сотрудниковъ, посвятить его имени нѣсколько строкъ, какъ выраженіе нашей признательности ему въ роли профессора и ученаго. Говорить коротко о значеніи его, какъ профессора и ученаго—это значило бы повторять хорошо всѣмъ известное, а подробную оцѣнку этой его дѣятельности давать теперь не время, т. к. задачу эту гораздо лучше исполнить благодарное потомство, нежели современники. Въ виду этого мы напомнимъ только нашимъ читателямъ нѣкоторые факты изъ жизни В. Б. Антоновича и укажемъ тѣ стороны въ его дѣятельности, которыя ближе всего касаются интересовъ нашего органа.

В. Б. Антоновичъ родился въ 1834 г. въ бердичевскомъ уѣздѣ кievской губ. и по происхожденію принадлежалъ къ семье южно-русскаго дворянства, въ свое время подвергшейся общей участіи ополяченія. Дѣтство его прошло при обстановкѣ домашняго ученія, состоявшаго „въ заучиваніи польской исторіи въ стихахъ, миѳологіи, краткаго катехизиса, да въ чтеніи французскихъ путешествій“,—какъ обѣ этомъ читаемъ въ статьѣ о немъ, помѣщенной въ газетѣ „По морю и сушѣ“ (1895 г. № 20). Школьную науку Вл. Бон—чъ проходилъ въ одесской 2-й гимназіи, где прошли годы его первой юности и гдѣ, конечно, начали складываться и его первые общественные настроения. Извѣстно, что въ эти годы онъ особенно охотно читалъ представителей французской литературы, т. к. въ совершенствѣ владѣлъ французскимъ языкомъ—результатъ домашней науки. Въ 1850 г. Влад. Бонифат. поступаетъ въ кievскій университетъ на медицинскій факультетъ, какъ говорятъ, по желанію родныхъ, а не по своему собственному, такъ-какъ личная симпатія его влекли къ наукамъ гуманнымъ. Это и было причиной того, что, прослушавъ всѣ пять курсовъ медицинскаго факультета, В. Б. покинулъ навсегда медицину и поступилъ опять на первый курсъ, но уже историко-филологическаго факультета. Нужно принять во вниманіе, что это были годы общественнаго оживленія на Руси вообще, а въ Кіевѣ—въ частности: здѣсь, параллельно съ развитіемъ обще-русскихъ

вопросовъ жизни, сталъ среди молодежи выдѣляться вопросъ и въ мѣстномъ національномъ значеніи общественного дѣятеля. Для Вл. Бон—ча этотъ вопросъ имѣлъ особое значеніе, т. к. ему въ концѣ концовъ пришлось порвать связи со всѣмъ своимъ прошлымъ, шляхетскимъ, и написать извѣстный его отвѣтъ г. Падалицѣ подъ заглавиемъ „Моя исповѣдь“ (Основа 1862 г. № 1). Эта горячая общественная дѣятельность не отвлекла однако же Вл. Бон. отъ научныхъ студенческихъ занятій, и онъ окончилъ курсъ со степенью кандидата историко-филологическихъ наукъ въ 1860 году. Съ этого момента мы вправѣ считать начало его ученого-литературныхъ работъ, посвященныхъ какъ чисто научной разработкѣ вопросовъ исторіи, этнографіи и археологіи юга Россіи, такъ и публицистическому проведенію ихъ въ жизнь то путемъ устной рѣчи, то путемъ печатного слова. 35-тилѣтняя его дѣятельность въ этомъ направлениі успѣла создать ему славу первокласснаго русскаго ученаго, труды котораго по исторіи и археологіи составляютъ цѣнныій вкладъ въ науку и признаются таковыми, какъ у насъ, такъ и заграницей.

Дѣятельность его общественная послѣ окончанія университета долгое время шла по очень скромному пути сначала учителя въ 1-й гимназіи и въ кадетскомъ корпусѣ, а затѣмъ въ роли работника во временной комиссіи для разбора древнихъ актовъ, состоящей при Кіевскомъ Генераль-Губернаторѣ. Но если скромно было положеніе его общественное, то далеко не такъ выступалъ онъ въ то же время со своими научными статьями: имя его давно уже стало повторяться и цитироваться на страницахъ научныхъ изданій, а онъ все еще пребывалъ въ незамѣтной роли архивнаго чиновника. Мы видѣли его въ моментъ защиты имъ магистерской диссертациі, какъ всегда скромно и даже застѣнчиво высматривавшимъ и говорившимъ, а между тѣмъ тогда достаточно уже было сказать, что это авторъ „Изслѣдованія о козачествѣ“ (1863 г.), что это авторъ изслѣдованія „О происхожденіи шляхетскихъ родовъ въ юго-западной Россіи“ (1867 г.), что это, наконецъ, авторъ „Послѣднихъ временъ козачества на правой сторонѣ Днѣпра“ (1868),—достаточно, повторяю, было сказать это, чтобы каж-

дый образованный человѣкъ, по крайней мѣрѣ нашего юга Россіи, сразу узналъ, кого онъ видѣть предъ собою. Послѣднія изъ названныхъ нами работъ и была его магистерской диссертацией, открывшей ему въ 1870 году дорогу къ каѳедрѣ. И вотъ, прошло теперь 25 лѣтъ его профессорской дѣятельности, для характеристики которой достаточно сказать, что, не блестая краснорѣчiemъ, лекціи его всегда умѣли приковывать къ себѣ вниманіе слушателей не изяществомъ формы, не вычурностью въ построеніи мыслей, а исключительно своей содержательностью, вразумительностью, простотой и жизненностью. Какъ профессоръ, Влад. Антоновичъ, по признанію всѣхъ, создалъ свою школу историковъ и археологовъ южно-русскихъ. Привѣтствуя теперь 35-тилѣтнюю плодотворную научную дѣятельность его, а также 25-тилѣтнюю работу его на поприщѣ профессора—наставника молодыхъ поколѣній, пожелаемъ уважаемому нашему ученому профессору еще много лѣтъ подвизаться для блага дорогой ему и намъ родины, а школѣ, созданной имъ, выражимъ такое-же наше искреннее пожеланіе доблестно продолжить дѣло, начатое учителемъ ея, чтобы на склонѣ жизни почтенный наставникъ могъ, съ гордостью указывая на труды учениковъ своихъ, повторить слова поэта: „Exegi monumentum aere perennius“!

МИТРОПОЛИТЪ ТОБОЛЬСКІЙ ПАВЕЛЬ КОНЮСКЕВИЧЪ¹⁾.

Скончавшійся въ 1770 году въ Києво-Печерской Лаврѣ митрополитъ Тобольскій Павель Конюскевичъ, котораго тѣло до настоящаго времени остается нетлѣннымъ, родился въ г. Самборѣ, въ Галиції, въ 1705 году и при крещеніи нареченъ Петромъ. Обучался въ киевской академіи и по окончаніи въ ней курса наукъ оставленъ въ той-же академіи преподавателемъ шітики. На 28 г. жизни, согласно желанію своему, постриженъ въ монашество, съ именемъ Павла, въ Києво-Печерской Лаврѣ архимандритомъ Романомъ Копою; 5 декабря 1734 г. рукоположенъ въ санъ іеродіакона и 1-го января 1740 г. въ санъ іеромонаха митрополитомъ киевскимъ Рафаиломъ Зaborовскимъ. Въ томъ же 1740 г. онъ отправился въ С.-Петербургъ въ званіи „шафара“ или личнаго эконома, сопутствуя Києво-Михайлівскому архимандриту Тимофею Щербадцкому, избранному въ должность священно-архимандрита Києво-Печерской Лавры и по сему случаю вызванному въ Св. Синодъ. Для записи путеваго расхода Павлу Конюскевичу выдана была шнуровая книга изъ духовнаго собора лавры.

¹⁾ Составлено на основаніи статей профессоровъ Ф. А. Терновскаго и В. С. Иконникова, помѣщенныхъ въ Членіяхъ Истор. Общества Нестора Лѣтописца за 1873—1877 г. кн. 1, и за 1888 г. кн. 2., изъ коихъ 1-й пользовался свѣдѣніями изъ дѣлъ Архива Св. Синода, а послѣдній имѣлъ въ виду свѣдѣнія о. и. Павлѣ, заключающіяся въ сборникѣ Рус. Ист. Общества т. X, Перм. сборникѣ т. II, и въ дѣлѣ изъ Госуд. Архива у Соловьевъ XXVII, 150—160. Легенды о м. Павле Конюскевичѣ помѣщены графомъ М. В. Толстымъ въ Членіяхъ Моск. Общ. Ист. и Древностей за 1870 г.

Но ему не суждено было возвратиться въ лавру съ архимандритомъ Тимофеемъ, такъ какъ по указу Св. Синода въ 1741 г. послѣдовало назначеніе его въ московскую славяно-греко-латинскую академію на должность прооповѣдника. Въ 1743 г. іеромонахъ Павелъ Конюшевичъ, по указу Св. Синода, опредѣленъ въ новгородскую епархію, при чемъ предписано было новгородскому архіепископу Амвросію Юскевичу представить ему первую архимандритскую вакансію, на которую въ Новгородскій Юрьевъ монастырь и былъ онъ произведенъ въ архимандрита 18 февраля слѣдующаго 1744 года.

Чрезъ 14 лѣтъ послѣ сего, 5 мая 1758 г., архимандритъ Павелъ Конюшевичъ хиритонисанъ въ санъ митрополита Тобольского и Сибирскаго; прибылъ въ Тобольскъ 20 ноября того же года. Здѣсь онъ проявилъ свою архипастырскую дѣятельность первѣе всего открытиемъ богословскаго класса въ мѣстной семинаріи, въ которой до сего времени были только классы: русской, инфимической, синтаксической и пітической, а для занятія учительскихъ въ ней должностей въ генварѣ 1759 г., по его ходатайству, присланы были изъ Киева два іеромонаха—Савватій Исаевичъ и Веніамінъ Бялковскій¹⁾.

Построено было при немъ болѣе 20 каменныхъ храмовъ въ Тобольскѣ и въ другихъ городахъ Западной Сибири и значительное число деревянныхъ церквей во вновь открытыхъ приходахъ и при заводахъ. Но заботясь о благоповеденіи священно и церковнослужителей своей епархіи, Преосвященный Павелъ былъ строгъ къ своимъ подчиненнымъ и употреблялъ крутыя мѣры къ ихъ исправленію, требуя въ монастыри на черныя работы и подвергая даже тѣлесному наказанію какъ священнослужителей, такъ и учителей семинаріи. Ревностный пастырь смирялъ, по старому обычаю, не однихъ духовныхъ лицъ; не менѣе того взыскателенъ былъ и въ отношеніи къ мірянамъ: отлучалъ отъ церковнаго общенія, расторгалъ незаконные браки,

¹⁾ Французскій астрономъ, аббатъ Шаппъ, бывшій въ Тобольскѣ въ 1761 г. для наблюденія за прохожденіемъ Венеры противъ солнца, признаетъ митрополита Павла хорошимъ латинистомъ, очень юбжливымъ и пріятнымъ въ бесѣдѣ, мужемъ ученымъ, но не вѣрившимъ въ движение земли вокругъ солнца.

вдовыхъ священниковъ постригалъ въ монашество съ *понуждениемъ*. Наконецъ, стали доходить не только до Святѣшаго Синода, но и до самой Императрицы Екатерины слухи о неудовольствіяхъ архіерейскихъ крестьянъ на жестокое управлениѣ эконома архіерейскаго дома, архимандрита Іоакинѣа, подтверждены и донесеніемъ сибирскаго губернатора Соймонова. Архимандритъ Іоакинѣа, котораго совсѣмъ слѣдовалъ митрополитъ, своими дѣйствіями вызвалъ даже бунтъ крестьянъ въ монастырскихъ вотчинахъ, подавленный военною силою. Къ этому присоединились еще обнаруженныя въ тобольской епархіи злоупотребленія при обращеніи язычниковъ въ христіанство, которое сопровождалось частыми наездами міссионеровъ, спаиваніемъ, большими поборами, а иногда и неправильнымъ обвиненіемъ новокрѣщеныхъ въ отпаденіи отъ христіанства, хотя обращеніе ихъ въ христіанскую вѣру было только номинальное. По донесенію сибирскаго губернатора о такомъ положеніи міссионерскаго дѣла въ Сибири, составлена была комиссія, въ которой приняли участіе с.-петербургскій митрополитъ Дмитрій Сѣченовъ и Тепловъ. Въ этой комиссіи, принявшей во вниманіе и поступившія въ Св. Синодъ жалобы на управлениѣ митрополита Павла, число которыхъ простиралось до 30, решено смѣнить митрополита Павла, а міссионерамъ на будущее время дать инструкцію.

Для приведенія этого рѣшенія въ исполненіе, въ засѣданіі Св. Синода 22 іюня 1767 г., митрополитомъ новгородскимъ Дмитріемъ Сѣченовымъ объявлена высочайшая воля Государыни Императрицы о вызовѣ митрополита Павла въ Москву. Посланы были два о семъ указа, но митрополитъ не выѣхалъ ни по первому, ни по второму указу, продолжая жить въ Тобольскѣ и управлять епархиєю. Наконецъ, по настоянію Синодального обер-прокурора Мелиссино, Св. Синодъ въ засѣданіі 22 марта 1768 г. постановилъ: преосвященному Павлу, митрополиту тобольскому, подтвердить указомъ „буде его преосвященство, во исполненіе Ея Императорскаго Величества повелѣнія, по посланнымъ двумъ указамъ изъ Тобольска еще не выѣхалъ, то Св. Синодъ нынѣ послѣдній уже терминъ полагаетъ, чтобы не-

премѣнно въ путь отправился съ полученія того указа въ недѣлю, а буде и за симъ отправою своею въ путь продолжать медлѣть будетъ, то находящемуся въ Тобольскѣ губернатору онаго преосвященнаго выслать изъ Тобольска безъ всякихъ отговорокъ, о чмъ и къ нему—губернатору послать указъ“.

Преосвященный митрополитъ Павелъ однако выѣхалъ изъ Тобольска до полученія этого указа и 21 апрѣля 1768 года былъ уже въ Москвѣ, изъ которой отправилъ въ Св. Синодъ такое прошеніе: „По присланымъ мнѣ изъ Святѣйшаго Правительствующаго Синода прошлаго 1767 г., іюня отъ 25 и октября 10 чиселъ, Ея Императорскаго Величества указамъ, вѣльно мнѣ быть въ Москву. Почему я, учиня по долгу распоряженія и здравіемъ, коимъ весьма слабъ, укрѣпясь, имѣль не-премѣнное намѣреніе отправиться декабря въ послѣднихъ числѣхъ того жъ году въ путь, только за продолжающеюся болѣзнью до 11 нынѣшняго января 1768 г. выѣхать никакъ было невозможнно. А со онаго оправившись, съ возможною поспѣшнотю старанія прибыть въ Москву и явиться Вашему Святѣйшеству. Только отъ умножавшихся въ дорожномъ беспокойствіи во мнѣ болѣзней, по коимъ въ Екатеринбургѣ принужденъ былъ жить три недѣли и 5 днѣй, и еще не совсѣмъ выпользовавшись, по выѣздѣ въ дорогѣ различная имѣлъ припадки. А нынѣ, 2 апрѣля, прибывъ въ Москву и по учиненной мнѣ отъ конторы Св. Синода повѣсткѣ, апрѣля 7 дня явился въ оной конторѣ, гдѣ о ожиданіи мнѣ въ Москвѣ отъ Вашего Святѣйшества указъ объявленъ. А какъ я нынѣ найвающу по усилившимся во мнѣ болѣзнямъ слабость моего здравія ежедневно чувствуя, и по старости лѣтъ моихъ къ выполненію оныхъ мало надежды заключаю, почему въ правленіи епаршескихъ дѣлъ нахожу себе не въ состояніи; того ради Ваше Святѣйшество всепокорнѣйше прошу, за старостю и слабостю моего здоровья, отъ епархіи и правленія епаршескихъ дѣлъ въ Киево-Печерскую Лавру на обѣщаніе увольненія, и о семъ моемъ прошеніи учинить милостивое разсмотрѣніе“.

„Вашего Святѣйшства нижайшій послушникъ смиренный Павелъ, митрополитъ Тобольскій“.

1768 г. 8 апрѣля, Москва.

Святѣйшій Синодъ быль положить конецъ сложному и непріятному дѣлу и потому постановилъ: „всеподданѣйше просить, не соизволитъ ли Ея Императорское Величество онаго Тобольского митрополита Павла, для пресъченія происходящихъ въ той епархіи беспокойствъ, отъ оной и отъ правлениія епаршескихъ дѣлъ, какъ онъ и самъ просить, на обѣщаніе въ Киево-Печерскую Лавру уволить; а если по изслѣдованіи достальныхъ дѣлъ въ чемъ онъ митрополитъ виновнымъ явится, то Св. Синодъ надлежащее въ силу законовъ взысканіе и въ бытность его въ Киево-Печерской Лаврѣ учинить долженъ“. Императрица утвердила докладъ Синода, написавъ на немъ: „митрополита Павла отъ Тобольской епархіи на обѣщаніе по прошенію его уволить, а въ дѣлахъ, ежели впредь истцы будутъ, чинить Синодъ имѣетъ по законамъ производства“. „Екатерина. Іюня 4 дня 1768 г. Царское село“.

Изъ вышесказаннаго видно, что появившееся въ нѣкоторыхъ сказаніяхъ извѣстіе о протестѣ митрополита тобольского Павла противъ отображенія въ казну монастырскихъ имѣній и о судѣ за это надъ нимъ въ 1767 г. совершенно не вѣрно. Также къ области вымысловъ принадлежитъ и сказаніе о явленіи митрополита Павла ночью во снѣ, наканунѣ суда надъ нимъ митрополиту Сѣченову съ слѣдующею грозною латинскою рѣчью: *Quandoquidem patres nostri, e numero quorum quidam sancti, varia bona terrena dederunt, anathematis omnibus detractoribus istorum bonorum; etiam ego, homo peccator et Ecclesie Christi episcopus indignus, non meo quidem ore, sed ore patrum, tibi, detractori Ecclesiasticorum bonorum, anathema etinopinatam mortem profero.* Но совершенно вѣрно говорить профессоръ Терновскій, что для оцѣнки этой легенды достаточно вспомнить, что митрополитъ новгородскій Дмитрій Сѣченовъ скончался 11 декабря 1767 года, т. е. за 4 мѣсяца до грознаго сновидѣнія, предвѣщавшаго ему напрасную смерть; также справедливо замѣчаніе профессора В. С. Иконникова, что угроза митрополита Павла во снѣ митрополиту Дмитрію есть лишь вариантъ извѣстнаго разсказа объ угрозѣ тому же м. Дмитрію Сѣченову и

другимъ членамъ Синода, приписываемой обыкновенно м. Арсению Маціевичу за судъ надъ нимъ по поводу отобранія монастырскихъ имуществъ въ 1764 году. Равнымъ образомъ къ числу вымысловъ принадлежитъ разсказъ о присылкѣ императрицей Екатериной б. тобольскому митрополиту Павлу въ лавру 1.000 червонцевъ, которыхъ онъ якобы не захотѣлъ принять отъ пея въ С.-Петербургѣ и которая потому отдалъ на позолоту куполовъ великой лаврской церкви. Можетъ быть, онъ пожертвовалъ на этотъ предметъ известную сумму, но не царскую, а свою, привезенную изъ Сибири, такъ какъ пожалованія значительной суммы митрополиту Павлу лично императрицей Екатериной, судя по известнымъ ей отзывамъ о немъ, нельзя предполагать.

Поселившись въ Киево-Печерской Лаврѣ, преосвященный Павелъ не долго пользовался здѣсь земнымъ покоемъ: 31 августа 1768 г. онъ прибылъ въ лавру, а 4 ноября 1770 г. года скончался „со всякимъ христіанскимъ порядкомъ“, какъ доносилъ Св. Синоду Киево-печерскій архимандритъ Зосима отъ 6 ноября 1770 года, приписывая при семъ, что гробъ съ тѣломъ покойнаго, за отпѣтіемъ соборной панихиды, поставленъ въ придѣлѣ архидіакона Стефана въ склепу до полученія изъ Св. Синода указа о томъ, какъ и кому повелѣно будетъ отиѣть погребеніе. Оставшееся имущество, деньги и разныя вещи розданы покойнымъ митрополитомъ предъ кончиной своей, „при доброй памяти и изъ собственной воли“, какъ значилось въ оставленной имъ записи, названной въ рапортѣ архимандрита Зосимы завѣщаніемъ.

Погребеніе преосвященнаго Павла совершено 19 декабря, спустя полтора мѣсяца по его кончинѣ, при чемъ тѣло его, сохранившееся нетлѣннымъ, оставлено въ томъ же склепѣ непреданнымъ землѣ. Подобнымъ образомъ оставлялись тогда въ общемъ склепу въ Кіево - Софійскомъ соборѣ непогребенными въ землѣ до полученія указа Св. Синода и тѣла кіевскихъ митрополитовъ 18 вѣка, въ томъ числѣ и сохранившееся нетлѣннымъ тѣло митрополита Кіевскаго Рафаила Зaborовскаго (1731—1747 г.). Поступившій въ 1823 г. на Кіев-

скую каѳедру митрополитъ Евгеній устроилъ въ Софійскомъ соборѣ надъ каждымъ изъ митрополичьихъ гробовъ кирпичныя надгробія, и въ то же, вѣроятно, время захотѣлъ сдѣлать такое же надгробіе въ Кіево-Печерской Лаврѣ надъ гробомъ митрополита Павла, или перенести его гробъ въ другое мѣсто и предать землѣ, или же, наконецъ, поставить его въ общей усыпальницѣ подъ алтаремъ Стефановскаго придѣла лаврской великой церкви, но почему то не исполнилъ сего. Можетъ быть, онъ не рѣшился сдѣлать это перенесеніе безъ разрѣшенія св. синода, а можетъ быть, препятствіемъ къ сему послужило и то, что усыпальница лаврская переполнена гробами покойниковъ до того, что гробы стоятъ массою одни надъ другими, безъ промежутковъ, въ нѣсколько рядовъ. Неисполненіе такого предположенія, по всей вѣроятности, подало поводъ къ легендѣ о явленіи покойнаго митрополита Павла митрополиту Евгенію, но уже не во снѣ, а по пробужденію его отъ сна, при чемъ м. Павель угрожалъ м. Евгенію не по латыни, а по малороссийски, хотя оба митрополита были большие латинисты и могли бы объясниться между собою на классическомъ языке. *Чи даси намъ почивати, чи ни? Не даси намъ почивати, не дамъ тоби и я николы почивати,* сказалъ будто м. Евгенію б. тобольскій архипастырь, еще не забывшій матернаго языка.

Въ извѣстіи, помѣщенному во 2-й книжкѣ членій Московскаго Общества Исторіи и древностей графомъ В. М. Толстымъ, говорится, будто сохранилась и собственноручная записка митрополита Евгенія объ этомъ видѣніи. Но таковой собственно ручной записи митрополита Евгенія нѣть, и никто ея не видѣлъ, да и не таковъ былъ ученый митрополитъ Евгеній, чтобы останавливался въ своихъ распоряженіяхъ предъ какими либо сновидѣніями, а тѣмъ менѣе можно было ожидать отъ него записи подобныхъ видѣній и разсказовъ. Графъ В. М. Толстой, въ той же статьѣ своей, передаетъ, будто предъ явленіемъ м. Павла митрополиту Евгенію былъ устроенъ подъ великою лаврскою церковію новый склепъ, въ который велично было перенести всѣ гробы, какъ погребенные въ землѣ, такъ и поставленные въ склепъ подъ соборомъ. Но и это совершенно

не вѣрно, такъ какъ никакого, ни новаго, ни стараго, склепа подъ среднею частью великой лаврской церкви нѣтъ и не было. Большой склепъ или подвалъ имѣется только подъ алтаремъ Стефановскаго придѣла великой церкви, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ гроба митрополита Павла, мимо котораго и проходяты въ этотъ большой склепъ. Но этотъ склепъ устроенъ еще до 1729 г. при возобновленіи лавры послѣ пожара 1718 года, когда пристроенъ къ великой лаврской церкви придѣлъ во имя св. первомученика Стефана, на мѣстѣ древнѣйшаго, устроенаго здѣсь князьями Крецкими въ 16 вѣкѣ.

Графъ В. М. Толстой говоритъ еще, что о явленіи м. Павла разсказано самимъ митрополитомъ Евгеніемъ б. префекту кіевской академіи, архимандриту Мелетію Носкову. Но архимандритъ этотъ выбылъ изъ Києва въ 1817 г.¹⁾), за 6 лѣтъ до прибытія митрополита Евгенія въ Київъ, а возвратился въ Київо-Печерскую Лавру уже по смерти митрополита Евгенія, при его преемникѣ митрополитѣ Филаретѣ, и здѣсь скончался въ 1851 году.

Склепъ, въ которомъ находится гробъ митрополита Павла Конюшковича, рядомъ съ гробомъ фельдмаршала князя Прозоровскаго, не открывался ни для кого изъ посѣтителей лавры при митрополитѣ Евгеніѣ; при митрополитѣ Филаретѣ вводили въ этотъ склепъ и открывали гробъ митрополита Павла только для нѣкоторыхъ лицъ, съ дозвolenія намѣстника лавры; а со времени митрополита Арсенія стали водить туда и показывать нетлѣнное тѣло митрополита Павла всѣмъ желающимъ, допуская и къ цѣлованію его руки. Отъ частаго соприкосновенія съ наружнымъ воздухомъ лицо святителя, бывшее прежде совершенно блѣдымъ, значительно потемнѣло.

При митрополитѣ Платонѣ было предположеніе ходатайствовать предъ св. Синодомъ даже о причисленіи митрополита

¹⁾ Архимандритъ *Мелетій Носковъ* изъ префектовъ старой кіевской академіи, по преобразованію ея, назначенъ въ 1817 г. инспекторомъ черниговской семинаріи, потомъ былъ ректоромъ полтавской семинаріи и, иконопецъ, настоятель світлійского монастыря, казанской губерніи, откуда прибылъ въ 1841 году на покой въ кіево-печерскую лавру.

Павла къ святымъ, но оставлено въ виду того, что одно нетлѣніе не служитъ еще доказательствомъ святости.—

Подобнымъ образомъ, въ монастыряхъ Бѣлгородскомъ и Харьковскомъ и въ Черниговскомъ соборѣ допускаются бого-мольцы къ поклоненію предъ открытыми гробницами и къ пѣлованію нетлѣнно почивающихъ въ нихъ, но еще не прославленныхъ церковью мощей бѣлгородского епископа Іасафа Горленка, Харьковского архіепископа Мелетія Леонтовича и Черниговского епископа Феодосія Углицкаго.—

Украинскій філософъ Григорій Саввичъ Сковорода¹⁾.

ГЛАВА 2-я.

Значеніе Г. С. Сковороды.

Познакомивъ читателя съ міросозерцаніемъ и жизнью Сковороды, мы тѣмъ самимъ дали нѣкоторый матеріалъ и для сужденія о значеніи его. Но это на столько важный и сложный вопросъ, что на немъ нужно остановиться подробнѣе, ему необходимо посвятить отдѣльную главу, тѣмъ болѣе, что въ изслѣдовавіяхъ, касающихся его личности и ученія, обѣ этомъ мы находимъ только отрывочныя и далеко не всегда обоснованныя замѣчанія. Да и едва ли возможно было раньшѣ, когда большая часть его важнѣйшихъ трудовъ не была известна ученому міру, сдѣлать оцѣнку ихъ литературного значенія; тогда можно было говорить только о непосредственномъ вліяніи его личности и оригинального характера, да и то не съ такою полнотою и обстоятельностью, какія возможны теперь для настѣ, благодаря новымъ біографическимъ матеріаламъ.

Но мы ясно представляемъ себѣ затрудненія, ожидающія настѣ при рѣшеніи даннаго вопроса; мы прекрасно понимаемъ, какъ легко вообще впасть въ крайности при оцѣнкѣ общественныхъ и литературныхъ дѣятелей старого времени: размѣры всякихъ вліяній съ трудомъ вообще, по самому характеру своему, поддаются точному определенію, а между тѣмъ мы должны дать

¹⁾ См. „Кіев. Стар.“ № 3 1895 г.

именно опредѣленіе, которое представляло бы значеніе дѣятеля и не въ уменьшенномъ, и не въ увеличенномъ масштабѣ; въ одномъ случаѣ мы будемъ не правы передъ памятью покойника, въ другомъ—передъ современными читателями. Въ виду всего этого мы постараемся основывать свои выводы исключительно на документальныхъ данныхъ, руководствуясь въ сужденіяхъ тою осторожностью, которая обязательна для всякаго объективнаго историка.

Въ вопросѣ о значеніи Г. С. Сковороды нужно различать двѣ стороны—вліяніе его идей на общество и степень ихъ оригинальности. Въ предшествующей главѣ мы познакомились съ Г. С. Сковородой, какъ съ мыслителемъ. Онъ желалъ распространенія своихъ идей въ современномъ ему обществѣ, употреблялъ для этого извѣстныя средства и достигалъ своей цѣли, съ одной стороны, посредствомъ устной проповѣди, а съ другой—посредствомъ своихъ сочиненій; огромное значеніе въ этомъ дѣлѣ имѣлъ также живой, наглядный примѣръ его собственной жизни, въ которой онъ, какъ мы видѣли, совершенно осуществилъ требованія своего высокаго нравственнаго идеала. Правда, Сковорода при жизни не печаталъ своихъ трудовъ, но причину этого явленія мы объяснили уже выше¹⁾: это зависѣло главнымъ образомъ отъ условій его жизни и отъ свойствъ его характера. Тѣмъ не менѣе сочиненія его находили себѣ широкое распространеніе въ рукописяхъ и выходили такимъ путемъ далеко за предѣлы Украины. У многихъ лицъ были цѣлые коллекціи его рукописей, и они въ свою очередь давали ихъ списывать другимъ. Мало того: точно такимъ же образомъ распространялись и его письма, которыхъ списывались и перечитывались наравнѣ съ учеными трактатами, къ которымъ они впрочемъ и подходили по своему характеру и содержанію. Ведя въ теченіе 30 лѣтъ странническую жизнь, Сковорода сталкивался съ массою людей изъ всѣхъ слоевъ мѣстнаго слободско-украинскаго общества. У него были друзья и знакомые, у которыхъ онъ

¹⁾ Сочиненія Г. С. Сковороды, собранныя и редактированныя проф. Д. И. Багалѣемъ 1-е отд. стр. I—II.

останавливался и проживалъ подолгу или захаживалъ въ гости, и среди духовенства, и среди свѣтского общества: съ этими лицами онъ велъ переписку, присыпалъ и посвящалъ имъ свои сочиненія, велъ устныя бесѣды—и всѣмъ этимъ пользовался для распространенія своего ученія, для борьбы съ закоренѣлыми привычками и предразсудками.

Почти полное собраніе сочиненій Сковороды было, напримѣръ, у его ученика и друга М. И. Ковалинского; все это были автографы Сковороды, присланые ему въ даръ по большей части съ посвятительными письмами; въ 4-хъ сборникахъ, находящихся нынѣ въ Румянцовскомъ музѣѣ, ихъ содержится 12; въ 5-мъ заключаются письма Сковороды, при чёмъ заслуживаетъ вниманія то обстоятельство, что сюда внесены и нѣкоторыя письма, адресованныя не къ Ковалинскому (копіи 2-хъ писемъ къ В. М. Зембровскому, копіи письма къ какому то Ивану Васильевичу и неизвѣстному, оригиналъ письма къ нѣкоему Василію Максимовичу¹⁾). Коллекцію Сковородинскихъ трудовъ имѣлъ протоіерей Фед. Залѣскій; она была пожертвована въ библіотеку харьковского университета его сыномъ священникомъ о. Михаиломъ въ отвѣтъ на обращеніе Измаила Ивановича Срезневского. Любопытное письмо его, какъ отраженіе взглядовъ консервативнаго представителя послѣдующаго поколѣнія, мы приведемъ въ дальнѣйшемъ изложеніи. Усердно заботился о собраніи рукописныхъ трудовъ Г. С. Сковорода свящ. Іаковъ Правицкій, какъ это видно изъ ихъ переписки, опубликованной недавно Вс. Изм. Срезневскимъ. „Если ты уже переписалъ мои новыя сочиненія, пишетъ Сковорода Правицкому, то верни ко мнѣ оригиналы; также пришли вмѣстѣ съ оригиналами и тотъ мой діалогъ, который ты обыкновенно хвалишь болѣе другихъ; по перепискѣ онъ будетъ присланъ тебѣ обратно“²⁾. Въ другомъ письмѣ Г. С. Сковорода пишетъ: „Не печися о „Разговорѣ Марка“. Онъ всегда есть вашъ и возвратится въ твою книгохранку. „Лотову жену“ хочется докончать. Однакъ принесу съ собою, да

¹⁾ Сочиненія Г. С. Сковороды, 1-е отд., стр. CXI—CXII, 109—112, 116, 129.

²⁾ Письма Г. С. Сковороды къ св. Я. Правицкому, стр. 9, 10.

написанное выпишете¹⁾». Нѣсколько позже Григорій Саввичъ писалъ: „прости, любезный, что соглаль я прислатъ вамъ „Жену Лотову“ . Весною хощу васъ посѣтить, аще Богу угодно, и привезу. Аще же (желаете получить сейчасъ), тотчасъ перешлю. Въ зимнихъ трусостяхъ можетъ она потеряться; тѣмъ не даю чрезъ Григорія Юріевича (Сошальского). Не печальтесь. Она всегда у васъ. Другое то, что весною во пустынѣ можно подумать объ окончаніи ея²⁾“. Г. С. Сковорода, отдавая своимъ друзьямъ автографы, самъ подъ часть долженъ быль просить о возвращеніи ихъ, чтобы сдѣлать для себя новый списокъ. „Пришлите мнѣ, пишеть онъ Правицкому, симфонію „Аще неувѣси самую себѣ“. Шереписавъ паки отошли къ вамъ. Посылаю къ вамъ „Жену Лотову“³⁾). Четвертымъ извѣстнымъ намъ хранителемъ Сковородинскихъ трудовъ быль его почитатель, проживавший въ г. Острогожскѣ и переписавшій для себя его басни и письма къ пріятелямъ⁴⁾. Раньше мы высказали предположеніе, что это могъ быть другъ Г. С. Сковороды острогожскій помѣщикъ Тевяшовъ, отецъ котораго быль полковникомъ Острогожскаго Слободскаго полка и находился также въ дружескихъ отношеніяхъ съ Григоріемъ Саввичемъ; не будемъ повторять теперь соображеній, которыя мы приводили въ пользу своей догадки⁵⁾). Но этимъ, конечно, далеко не исчерпываются коллекціи рукописей Сковороды; ихъ было въ старину несравненно больше, но только мы не знаемъ именъ собирателей. Мы приводили выше письмо г. П. Д. Мартыновича⁶⁾, изъ котораго видно, что рукописи Сковороды были у очень многихъ священниковъ полтавской губерніи, гдѣ главнымъ образомъ дѣйствовалъ Сковорода. По всей вѣроятности, изъ этого источника составили свои собранія сочиненій Сковороды знаменитые харьковскіе преосвященные — Иппокентій (Борисовъ) и Филаретъ

¹⁾ Ib., стр. 11.

²⁾ Ibidem. стр. 13.

³⁾ Ibidem, стр. 14.

⁴⁾ Сочиненія Г. С. Сковороды, 1-е отд., стр. СХЧ.

⁵⁾ Ibidem, 1-е отд., стр. СХV.

⁶⁾ Ibidem, 1-е отд., стр. СХХIII.

(Гумилевскій), столь высоко цѣнившіе память Сковороды (первый передалъ свою коллекцію Гр. Петр. Данилевскому, а второй С. И. Миропольскому, отъ котораго она поступила въ церковно - археологический музей киевской духовной академіи). Къ сожалѣнію, мы ничего опредѣленного не можемъ сказать о происхожденіи коллекцій московской духовной академіи и хранилища покойнаго гр. А. С. Уварова. Во всякомъ случаѣ изъ всего того, что намъ извѣстно о рукописяхъ Гр. Сав. Сковороды, можно прійти къ заключенію, что друзья охотно собирали его труды, ибо и самая эта дружба въ значительной степени основывалась на уваженіи къ учености Сковороды. При томъ и самъ Сковорода обыкновенно посвящалъ свои труды пріятелямъ; и понятное дѣло, что тотъ, кто получилъ одно сочиненіе, хотѣлъ имѣть и списывалъ для себя и другія. Здѣсь мы должны сдѣлать одну оговорку относительно тѣхъ лицъ, среди которыхъ Сковорода желалъ распространенія своихъ сочиненій. Существовала несомнѣнная разница въ этомъ отношеніи между Сковородой и современными авторами. Современные писатели издаются свои книги, не имѣя въ виду опредѣленныхъ читателей, одинаково какъ для друзей, такъ и для враговъ своихъ мыслей. Иначе относился къ этому дѣлу Сковорода: онъ желалъ распространенія своихъ рукописей среди сочувствующихъ его воззрѣніямъ лицъ и не безъ основанія боялся, чтобы они не попадали къ его врагамъ, которые могли извратить его мысли и придать имъ такой смыслъ, какого онъ не имѣлъ, что могло повлечь за собою серьезныя для него непріятности. Доказательствомъ этого можетъ служить, напримѣръ, слѣдующее мѣсто изъ письма его къ Правицкому: „вы, снится мнѣ, переписали „Михайлову борьбу“ и паки требуете? Обаче посылаю, негли обрящете, чего ваша перепись не образуетъ. Не медлите же много, обаче чрезъ невѣрныя руки не! не! не! Mavolo apud te eam interire, quam voluntari manibus impioribus (Я предпочитаю, чтобы она погибла у тебя, чѣмъ вращалась въ нечестивыхъ рукахъ). Неудивительно, что, при такихъ условіяхъ, читатели Сковороды были по большей части и почитателями его; враги же его мнѣній судили о немъ повидимому больше по слухамъ и,

какъ увидимъ далѣе, выставляли противъ него такія обвиненія, въ которыхъ онъ былъ неповиненъ. Это, конечно, объяснялось главнымъ образомъ тѣмъ обстоятельствомъ, что сочиненія Сковороды не печатались при его жизни и, слѣдовательно, не могли вызвать печатной же критики. Въ силу этого, съ одной стороны, и въ силу ореола, которыи была окружена его личность, съ другой, явилось у многихъ почитателей его благоговѣйное, хотя далеко не всегда сознательное, отношеніе къ его идеямъ и трудамъ, желаніе хранить эти послѣдніе, какъ драгоцѣнность, какъ источникъ мудрости, какъ дань уваженія къ своему родному философу". Любопытнымъ доказательствомъ такого благоговѣйнаго отношенія къ сочиненіямъ Сковороды, характернымъ примѣромъ впечатлѣнія, которое они производили на современниковъ, можетъ служить надпись, найденная нами на одной изъ его рукописей въ Румянцевскомъ музѣѣ; она тѣмъ болѣе любопытна, что имѣеть точную хронологическую дату—1797 г. (протило, слѣдовательно, всего 3 года со дня смерти Сковороды). Рукопись эта—автографъ Сковороды и заключаетъ въ себѣ одинъ изъ самыхъ критическихъ трактатовъ его—*Потокъ Змінъ*. Въ концѣ ея на чистой страницѣ мы находимъ слѣдующую приписку, написанную другимъ почеркомъ: „О мужъ, умудренный свыше! Великое заслужилъ благодареніе! Но къ понятію ученія, тобою открытаго, потребенъ умъ небесный и животъ смерти не ожидающій. Вся духъ. Вся животъ. Вся Божественная и чувственности непричастная. Не трудно вѣрить, если въ точности міра сокровенного всѣ начала открыть. Благодарю за одолженіе... Аще не все сокровище ощутихъ, но крупицы златыхъ веществъ блещутъ въ глубокомъ положеніи. Декабря 16 дня 1797 году. Нижайшій слуга подвижникъ въ напастяхъ или паче искушеніяхъ извѣстный... Къ какому званію сословію и состоянію принадлежитъ авторъ этой приписки, съ точностью сказать нельзя, но можно догадываться, что это былъ монахъ; во всякомъ случаѣ, хотя онъ сознался, что не все уразумѣлъ, однако основную мысль сочиненія онъ усвоилъ вполнѣ (истинная жизнь есть жизнь духа).

Спрашивается теперь: въ чём заключалась сущность идейной проповѣди Сковороды, ея вліянія на современное ему общество. Намъ кажется, что мы едва ли ошибемся, если выражимъ ее въ двухъ основныхъ положеніяхъ: съ одной стороны, Сковорода пробуждалъ критическую мысль своихъ современниковъ, съ другой—настойчиво проводилъ въ обществѣ нравственный идеалъ. Правда, его критика была направлена исключительно на библейскіе тексты и вовсе, можно сказать, не затрагивала другихъ интересовъ тогдашняго общества—политическихъ, соціальныхъ, экономическихъ. Сковорода отмежевалъ себѣ извѣстную сферу жизни—религіозную и въ ней одной почти замкнулся (говоримъ *по чти*, потому что по связи съ религіей онъ касается и нѣкоторыхъ другихъ сторонъ, напримѣръ, воспитанія). Но не слѣдуетъ забывать, что эта религіозная сфера имѣла первенствующее значеніе въ тогдашней культурной жизни. При томъ, богословіе Сковороды, какъ мы видѣли, отличалось, во 1-хъ, очень универсальнымъ характеромъ, а, во 2-хъ, тѣснымъ органическимъ образомъ было связано съ философией т. е. наукой. Такимъ образомъ, по нашему мнѣнію, не правъ новѣйший рецензентъ¹⁾ сочиненій Сковороды, утверждавшій, что внутреннее содержаніе ихъ не имѣло особенного, важнаго значенія. Чтобы убѣдиться въ противномъ, стоитъ только стать на историческую точку зреїнія (обязательную въ данномъ случаѣ), стоитъ только вспомнить, какое огромное значеніе имѣли во *всемъ* слободскоукраинскомъ обществѣ XVIII в. (какъ духовномъ, такъ и *свѣтскому*) религіозные интересы, какъ тѣсно связаны они были съ просвѣщеніемъ, начальнымъ народнымъ образованіемъ и дѣлами благотворительности. И вотъ Сковорода является со своимъ *новымъ словомъ* въ этихъ именно религіозныхъ вопросахъ, имѣвшихъ первостепенное значеніе, вносить критическій духъ въ изученіе и пониманіе основного источника Богопознанія Бібліи, другими словами является въ извѣстномъ смыслѣ этого слова *религіознымъ рефор-*

¹⁾ Вѣстникъ Европы, 1895, январь; тоже самое нужно сказать и о статьѣ г. Никольского „Украинскій Сократъ“ (Исг. Вѣст. 1895, № 4).

матеромъ; ему были присущи нѣкоторыя черты, свойственные религіознымъ реформаторамъ вообще. Самъ онъ лично, несомнѣнно, шелъ въ разрѣзъ съ господствовавшимъ тогда внѣшнимъ, обрядовымъ отношеніемъ къ православной вѣрѣ и весьма замѣтно уклонился въ сторону чисто духовнаго пониманія христіанства. Но этого мало: если бы онъ остановился на этомъ, онъ остался бы только религіознымъ мыслителемъ; а между тѣмъ онъ сознательно стремился къ проповѣди своего ученія, къ живой и дѣятельной его пропагандѣ, какъ посредствомъ устныхъ бесѣдъ, такъ и посредствомъ сочиненій и писемъ. Такимъ образомъ, благодаря этому, ему удалось создать историческую обстановку для своего ученія—найти послѣдователей, выдерживать нападки оппозиціи и, наконецъ, оставить свое духовное наслѣдие ученикамъ и почитателямъ. Прежніе изслѣдователи преимущественно придавали значеніе этической сторонѣ въ проповѣди Сковороды; теперь, познакомившись съ его сочиненіями, мы убѣждаемся, что самъ онъ ставилъ на первый планъ умозрительную часть своей философіи; такое мѣсто она занимаетъ у него и въ дѣйствительности. Вотъ съ такой-то двухсторонней проповѣдью (умозрительного и этическаго характера) онъ обращался къ представителямъ всѣхъ классовъ слободско-украинскаго общества—и къ духовенству (черному и бѣлому), и къ дворянству, и къ городскому сословію, и къ казачеству, и къ крестьянству.

Связи его съ духовенствомъ были весьма прочны: можно сказать, что это была та общественная группа, къ которой у него было наиболѣе тяготѣнія, съ представителями которой онъ чувствовалъ себя лучше всего, какъ будто въ собственной семье. Хотя самъ Сковорода былъ казацкій сынъ, вышелъ изъ казацкаго сословія, но по воспитанію своему онъ совершенно сроднился съ духовенствомъ: сюда ввело его пребываніе въ кievской духовной академіи и послѣдующая педагогическая дѣятельность въ Переяславскомъ и Харьковскомъ духовномъ коллегіумахъ. Характерно въ этомъ отношеніи и то, что нѣкоторые изслѣдователи даже считали его сыномъ священника. Не менѣе характерны настойчивыя просьбы со стороны его друзей-монаховъ

о принятіи имъ монашества; очевидно, что его считали вполнѣ подходящимъ кандидатомъ на какую либо изъ церковно-іерархическихъ должностей. Да это и понятно; не нося монашескаго клобука, онъ по жизни своей былъ болѣе монахъ, чѣмъ настоящіе монахи. Живя въ мірѣ, онъ, можно сказать, вполнѣ удовлетворялъ тѣмъ требованіямъ, которые составляли основу монастырской жизни (полная нестяжательность, постъ, умерщвленіе плоти, удаленіе отъ женщинъ, молитва, благочестивыя размышленія, проповѣдь чистой любви къ Богу, материальная и нравственная помощь ближнему). Чтобы убѣдиться въ этомъ, стоитъ только вспомнить характеристику его образа жизни въ бытность преподавателемъ харьковскаго коллегіума, какъ ее изображаетъ Ковалинскій, и затѣмъ обратить вниманіе на дополнительный материалъ, доставляемый самимъ Сквородой въ его латинскихъ письмахъ къ тому же Ковалинскому. Тутъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ онъ является передъ нами даже какъ будто съ чертами монаховъ аскетовъ, вооружаясь, напримѣръ, въ одномъ стихотвореніи противъ трехъ враговъ христіанина—свѣта, женщины и діавола¹⁾ (въ дѣйствительности, впрочемъ, какъ мы видѣли, онъ не былъ аскетомъ). Монастыри вообще привлекали его къ себѣ, въ особенности такие, въ которыхъ онъ находилъ расположенныхъ или сочувствующихъ себѣ настоятелей и монаховъ. Послѣ изгнанія своего изъ Переяславскаго коллегіума, онъ, напримѣръ, охотно ѻдетъ съ приятелемъ своимъ Калиграфомъ (отправившимся въ московскую академію проповѣдникомъ) въ Троицко-Сергіевскую лавру и тамъ пользуется дружбою настоятеля ея Кирилла, отличавшагося глубокою ученоностью и бывшаго впослѣдствіи черниговскимъ епископомъ. Такъ разсказывается Ковалинскій²⁾. Мы къ этому прибавимъ, что этотъ Кирилль былъ землякъ Григорія Саввича; онъ былъ сынъ сотенного писаря Александра Ляшевецкаго, впослѣдствіи священника села Глинского; слѣдовательно, подобно Сквородѣ, также происходилъ изъ козацкаго званія. Вообще слѣдуетъ за-

¹⁾ Сочиненія Г. С. Сквороды, отд. 1-е, стр. 93.

²⁾ Ibidem, стр. 5.

мѣтить, что въ старой Малороссіи и слободской украинѣ въ духовное званіе поступали очень часто представители свѣтского общества (изъ рядовъ козацкой старшины и простаго козачества). Духовенство не было обособлено тогда такъ, какъ теперь; можно сказать, что ряды его замѣтно пополнялись лицами, вышедшими изъ свѣтского общества. Такимъ образомъ, и на Сковороду не смотрѣли, какъ на homo novus, какъ на представителя другой среды. Кирилль Ляшевецкій, по окончаніи курса въ кіевской духовной академіи, сдѣлался первымъ наставникомъ, префектомъ и ректоромъ Сергіевской семинаріи; сюда въ семинарію, онъ, очевидно, приглашалъ въ качествѣ наставника и Сковороду. Въ 1761 г. онъ занялъ епископскую каѳедру въ Черниговѣ, а умирая, оставилъ библіотеку изъ 555 книгъ на русскомъ и 380 на иностранныхъ языкахъ¹⁾). Сковороду всячески хотѣли оставить на постоянное жительство въ самой замѣтательной обители Московской Руси. По всей вѣроятности, къ этому Кириллу адресовано и напечатанное нами подъ № 15 письмо на латинскомъ языкѣ съ обращеніемъ γυγῆς amice, jucundissime Cyrille!, посвященное духовному пониманію христіанства. Оно весьма характерно, ибо свидѣтельствуетъ о томъ, что Сковорода не стѣснялся излагать свои идеи, далеко не сходныя съ господствующими взглядами, и передъ такими высокостоящими въ церковной іеархіи личностями, какъ намѣстникъ Троицко-Сергіевской лавры. Достаточно замѣтить, что здѣсь идетъ рѣчь о томъ, чтобы искать Бога не въ однихъ храмахъ, а и внутри себя, чтобы проникать въ сокровенный смыслъ таинствъ. И любопытно, что Кирилль поддерживалъ переписку со Сковородой, считалъ его своимъ другомъ, желалъ имѣть его у себя преподавателемъ. Онъ уважалъ Сковородинскую ученость, и это уваженіе, и эта дружба, конечно, были хорошо известны лаврскимъ монахамъ, передъ которыми Сковорода также, очевидно,

¹⁾ Такъ говорить арх. Филаретъ (Ист. Стат. опис. Черн. еп., кн. V—стр. 99—101. Но Аскоченскій нѣсколько расходится съ пр. Филаретомъ и утверждаетъ, что Кирилль былъ преподавателемъ духовной академіи, за тѣмъ префектомъ въ ней и только потомъ уже сдѣлался намѣстникомъ лавры (Кіевъ съ древн. его учил. ч. 2-я, стр. 126).

не скрывалъ (это не было въ его натурѣ) своихъ воззрѣній. Проживая въ лаврѣ, Сковорода предавался тутъ своимъ любимымъ научнымъ занятіямъ, на это намекаетъ онъ самъ въ одномъ изъ своихъ латинскихъ писемъ къ Ковалинскому: посылая ему свою латинскую эпиграмму (о томъ, что музы не должны служить Венерѣ), онъ прибавляетъ, что читалъ подобную среди греческихъ эпиграммъ, проживая въ Троицко-Сергіевской обители¹⁾). Уходя изъ лавры, Сковорода оставилъ тамъ по себѣ память, какъ ученый и другъ Кирилла²⁾). Вообще нужно сказать, что Сковороду уважали и цѣнили наиболѣе образованные и ученые представители церковной іерархіи. Такъ, извѣстно, что преподавателемъ въ харьковскій коллегіумъ его первоначально назначилъ, по рекомендаціи бывшаго Переяславскаго игумена Гервасія Якубовича, епископъ бѣлгородскій Іоасафъ Миткевичъ. „Іоасафъ, говоритъ Ковалинский, пригласилъ Гервасія раздѣлить съ нимъ епархиальные труды и дружественную жизнь. Гервасій пріѣхалъ въ Бѣлгородъ и, видя ревность Іоасафа къ наукамъ, представилъ ему о Сковородѣ одобрительнѣйше. Епископъ вызвалъ его къ себѣ чрезъ Гервасія. Сковорода немедленно прибылъ и по волѣ Іоасафа принялъ должность учителя поэзіи въ харьковскомъ училищѣ 1759 года³⁾“. Епископъ Іоасафъ Миткевичъ до 1748 г. былъ преподавателемъ новгородской семинаріи, а потомъ ректоромъ въ ней, архимандритомъ Хутынского монастыря и епископомъ Бѣлгородскимъ⁴⁾). О добрыхъ отношеніяхъ, которыя существовали между преосвященнымъ и Сковородой, свидѣтельствуетъ стихотвореніе этого послѣдняго (въ садѣ Божественныхъ пѣсней)⁵⁾ на память о посѣщеніи этимъ епископомъ харьковскаго коллегіума. Очевидно, Сковорода считалъ его образцовымъ духовнымъ пастыремъ, ибо обращается къ нему между прочимъ съ такими выраженіями:

Пастыры насть! Образъ Христовъ,
Тихъ, благъ, кротокъ, милосердный,

¹⁾ Сочиненія Г. С. Сковороды, отд. 1-е, стр. 99.

²⁾ Ibidem, стр. 5.

³⁾ Ibidem, стр. 9.

⁴⁾ Аскоченскій. Кіевъ съ его древн. училищемъ, II, стр. 127—128.

⁵⁾ Сочиненія Г. С. Сковороды, 2-е отд., стр. 281—282.

Зерцало чистое добротъ!...
 Ты садъ напой, сей святый садъ,
 Токомъ водъ благочестивыхъ
 Зъ самыхъ апостольскихъ ключей.
 Не допусти ересей ядъ.

Не листъ на немъ (на деревѣ) будетъ пустой
 Лицемѣрио листящъ, но вскорѣ
 Весь плодъ духовный принесеть
 Вѣру, миръ, радость, єротость, любовь
 И иный весь святый родъ таковъ.

Затѣмъ далѣе рго memoria прибавлено: „сей архіерей родился близь Кієва, во градѣ Козельцѣ. Былъ пастырь просвѣщенъ, кротокъ, милосердъ, незлобивъ, правдолюбивъ, престолъ чувства, любви свѣтильникъ. Въ вертоградѣ сего истиннаго вертоградаря Христова и я, свято и благочестиво, три лѣта—1760-е и 1763-е и 1764-е, въ кое представилъ отъ земли въ небесныи, былъ дѣлателемъ, удивлялся прозорливому его, щедрому и чистому сердцу съ тайною мою любовю. Сего ради именемъ всѣхъ, любящихъ Бога и Божіи книги и Божія други во память его и во благодареніе ему, сему любезному другу Божію и человѣческому, якоже лепту, приношу сю пѣснь отъ мене, любитель священныхъ Бібліі Григорій Вар-Сава Сковорода“. По всей вѣроятности ему же посвящено еще и другое стихотвореніе Сковороды на латинскомъ языке (In natalem Bilogodensis episcopi¹⁾), въ которомъ высказываются пожеланія долгой и счастливой жизни. Съ Гервасіемъ Якубовичемъ у Сковороды установились дружескія отношенія еще въ Переяславѣ; обѣ этомъ свидѣтельствуетъ стихотвореніе Сковороды, носящее слѣдующее заглавіе: „Пѣснь отходная (25-я) отцу Гервасію Якубовичу, отходящему изъ Переяслава въ Бѣлгородъ на архимандритскій и судейскій чинъ въ 1758 годѣ, изъ сего зерна Господь сохранихъ вхожденіе твое и исхожденіе твое, не дастъ во смятеніе ноги²⁾ твоеня. Начинается она такъ:

Ѣдешь, хощешь насть оставить?
 Ідь же веселъ, цѣлый, здравый!
 Будь тебѣ вѣтры погоды,

¹⁾ Ibidem, стр. 297.

²⁾ Ibidem, стр. 279.

Тихи, жарки, ни холодны:
Щастливъ тебѣ путь звездѣ отсель будь!

Шутны исчезнутъ страхи;
Спите подорожны прахи;
Скоропослушны кони
Да несутъ, какъ по доломи
Щастливымъ садомъ, какъ гладевскимъ льдомъ.

Оканчивается же ОНО такъ:

Радуйся страна щастлива!
Пріймешъ мужа добротлива.
Брось завистливые иравы!
Вѣренъ есть его познавый...

Быть можетъ, и Гервасій Якубовичъ имѣлъ какія либо отношенія къ Переяславскому коллегіуму, гдѣ преподавалъ Г. С. Скворода. Во всякомъ случаѣ эти добрыя отношенія продолжались и въ новомъ мѣстѣ служенія Гервасія. Гервасій былъ очень близокъ къ епископу Іоасафу и, по словамъ Ковалинского, „представилъ ему о Сквородѣ одобрительнѣйше“—и „епископъ вызвалъ его къ себѣ чрезъ Гервасія“. По окончаніи 1-го года преподаванія въ харьковскомъ коллегіумѣ, Скворода прѣѣзжаетъ на каникулы къ Іоасафу. Епископъ, желая навсегда удержать Сквороду при училищѣ, поручилъ Гервасію уговорить его принять монашество, обѣщаю довести его скоро до сана высокаго духовенства“. Гервасій сталъ убѣждать Сквороду, указывая на желаніе архіерея и на предстоящую ему честь и славу на этомъ поприщѣ. Но извѣстно, какъ рѣзко¹⁾ отвѣтилъ ему Скворода, „возвревновавъ по истинѣ“. Гервасій упрашивалъ его принять монашество во имя дружбы ихъ, ради пользы церкви; но Скворода остался непреклоненъ и, видя холодность къ себѣ Гервасія, попросилъ у него для себя благословенія и удалился изъ Бѣлгорода „въ пустыню“ къ одному изъ пріятелей. Іоасафъ, которому Гервасій доложилъ о происшедшемъ, не разсердился на Сквороду, а только пожалѣлъ объ его отказѣ; очевидно, онъ понялъ его побужденія въ этомъ дѣлѣ. Мало того:

¹⁾ Развѣ вы хотите, сказалъ Скворода, чтобъ я умножилъ число фарисеевъ?... Ёште жирно, лейте сладко, одѣвайтесь мягко и монашествуйте“, и затѣмъ изложилъ свой взглядъ на монашество.

не желая лишаться добросовѣстнаго и талантливаго преподавателя, дарованія котораго онъ сознавалъ во всей ихъ силѣ, Іоасафъ снова дружески предложилъ Сковородѣ мѣсто учителя въ харьковскомъ коллегіумѣ—и тотъ его охотно принялъ. Такимъ образомъ, и въ данномъ случаѣ Сковорода остался вѣренъ себѣ и своему характеру: онъ смѣло и рѣзко высказалъ свой взглядъ на современное ему монашество передъ представителями этого послѣдняго; его не остановили ни боязнь потерять мѣсто, ни дружба съ Гервасіемъ, который послѣ этого сдѣлался въ нему холоденъ; у него, очевидно, существовала потребность высказываться по поводу основныхъ вопросовъ церковной жизни и распространять свои идеи даже въ той самой средѣ, противъ консерватизма которой онъ вооружался; другими словами, мыслитель въ немъ соединялся съ проповѣдникомъ, пропагандистомъ. Любопытна въ этомъ дѣлѣ еще одна подробность—однимъ изъ побужденій для Сковороды снова принять на себя учительскую должность въ Харьковѣ явилось желаніе воспитать въ своемъ духѣ новаго молодого друга, М. И. Ковалинского¹⁾.

Точно также прямо и откровенно высказывался Сковорода во время пребыванія своего въ Києвѣ, въ Печерской Лаврѣ, куда онъ поѣхалъ съ Ковалинскимъ. „Онъ былъ ему истолкователемъ исторіи мѣста, нравовъ и древнихъ обычаевъ и побудителемъ къ подражанію духовнаго благочестія почивающихъ тамо усопшихъ святыхъ, но не жизни живаго монашества“. Не ограничиваясь, впрочемъ, Ковалинскимъ, Сковорода вель бесьды и излагаль свои возвѣнія и передъ многими другими. „Мноїе изъ соучениковъ его бывшихъ, изъ знакомыхъ, изъ родственниковъ, будучи тогда монахами въ Печерской Лаврѣ, напали на него неотступно, говоря: полно бродить по свѣту! пора пристать къ гавани; намъ извѣстны твои таланты, святая лавра приметъ тя, аки свое чадо; ты будешь столбъ церкви и украшеніе обители“. И что же отвѣтилъ имъ Сковорода? „Ахъ, преподобные, возразилъ онъ въ горячности, я столботоренія умножать собою не хочу, довольно и васъ, столбовъ не отесанныхъ въ храмѣ

¹⁾ Сочиненія Г. С. Сковороды, 1-е отд., стр. 12.

Божиемъ“. Старцы замолчали, а Сковорода продолжалъ: „Риза! риза! Коль немногихъ ты опреподобила! Коль многихъ окаянствовалъ! Миръ ловить людей разными сѣтями, накрывая оныхъ богатствами, честьми, славою, друзьями, знакомствами, покровительствомъ, выгодами, утѣхами и святынею; но всѣхъ несчастнѣе сѣть послѣдняя. Блаженъ, кто святость сердца, т. е. счастіе свое, не скрылъ въ ризѣ, но въ волѣ Господней“. Такъ разсказываетъ очевидецъ Ковалинскій, и такую именно рѣчь могъ и долженъ быть произносить Сковорода; она точно выражаетъ его отношеніе къ монашеству и вполнѣ гармонируетъ съ общимъ его міровозрѣніемъ. Ставя чрезвычайно высоко древнее киевское монашество, выказывая глубокое уваженіе къ тѣмъ подвижникамъ, мощи которыхъ лежали въ Печерской Лаврѣ, онъ относился отрицательно къ современному монашеству, потому что въ немъ было одно только наружное благочестіе, а онъ постоянно призывалъ всѣхъ ко внутреннему,—къ святости сердца. И его откровенное слово не могло пройти безслѣдно; оно должно было оказать извѣстное дѣйствіе на слушателей. И дѣйствительно, Ковалинскій разсказываетъ, что монахи перемѣнялись въ лицѣ, слушая такія рѣчи, а одинъ изъ нихъ попросилъ Сковороду и Ковалинского прогуляться съ ними за монастырь и тамъ, усадивши ихъ на горѣ надъ Диңпромъ, обнялъ Сковороду и сказалъ: „О мудрый мужъ! Я и самъ такъ мыслю, какъ ты вчера говорилъ предъ нашею братіею, но не смѣлъ никогда слѣдовать мысламъ моимъ. Я чувствую, что я не рожденъ къ сему черному наряду и введенъ въ оный однимъ видомъ благочестія, и мучу жизнь мою; могу ли я?... Сковорода отвѣтилъ: отъ человѣка невозможно, отъ Бога же вся возможна суть¹⁾“.

Въ 1766 году Сковорода снова занялся педагогической дѣятельностью въ харьковскомъ коллегіумѣ, состоявшемъ при харьковскомъ Покровскомъ монастырѣ, но на тотъ разъ преподавалъ обучавшимся здѣсь дворянскимъ дѣтямъ правила христіанского добронравія. Это открыло ему путь для широкой про-

¹⁾ Ibidem, стр. 21.

повѣди его оригинальныхъ идей. Мы имѣемъ полную возможность судить объ этихъ идеяхъ, потому что впослѣдствіи онъ написалъ сочиненіе („Начальнаѧ дверь ко христіанскому добродѣлію“)¹⁾, въ которомъ, въ сжатой, конспективной формѣ, изложилъ свои лекції. На этотъ разъ онъ вовсе отказался даже отъ платы за преподаваніе, полагая для себя достаточнымъ вознагражденіемъ сознаніе той пользы, которую будетъ приносить своими чтеніями слушателямъ²⁾; столь сильна у него была потребность имѣть аудиторію для распространенія своихъ мыслей среди молодого поколѣнія!

Но и оставивъ учительскую должность, порвавъ связи съ монахами въ педагогической сферѣ, устроивъ себѣ окончательно стравическій образъ жизни, Сковорода любилъ останавливаться въ монастыряхъ, находя тамъ для себя пріютъ и уединеніе и дружескую привязанность. Такъ, онъ еще разъ посѣтилъ Кіевъ и три мѣсяца прожилъ у своего родственника, настоятеля Київской пустыни, Густина. Удалившись изъ Кієва, онъ поселился въ Ахтырскомъ монастырѣ у своего пріятеля архимандрита Бенедикта; прекрасное мѣстоположеніе монастыря и расположение этого добродушнаго монаха дѣйствовали на него успокаивающимъ образомъ: тутъ онъ углублялся въ себя и предавался самопознанію³⁾. По словамъ Ковалинского, онъ проживалъ въ слѣдующихъ монастыряхъ—старохарьковскомъ, харьковскомъ училищномъ⁴⁾, ахтырскомъ⁵⁾, сумскомъ⁶⁾, святогорскомъ⁷⁾ сеннянскомъ⁸⁾ и, прибавимъ отъ себя, куряжскомъ⁹⁾,

¹⁾ Ibidem, 2-е отд., стр. 183—192.

²⁾ Ibidem, 1-е отд., стр. 24.

³⁾ Ibidem, стр. 27—28.

⁴⁾ Пра немъ возникъ коллегіумъ.

⁵⁾ Ахтырский Троицкій монастырь въ 4-хъ верстахъ отъ г. Ахтырки (уѣздный городъ харьк. губ.); отличается своимъ красивымъ мѣстоположеніемъ и уступаетъ въ этомъ отношеніи только Святогорской обители.

⁶⁾ Нынѣ упраздненный; прежде находился ведалеко отъ г. Сумъ.

⁷⁾ И нынѣ существующій.

⁸⁾ Упраздненный, нынѣ Сеннянскій Покровскій мон. въ 7 в. отъ б. города Сѣнного въ Богодуховскомъ уѣздѣ.

⁹⁾ О пребываніи въ этомъ послѣднемъ говорить онъ самъ въ письмѣ къ М. И. Ковалинскому. (Сочиненія Г. С. Сковороды, 1-е отд. стр. 103).

т. е. во всѣхъ важнѣйшихъ обителяхъ харьковской губ. Естественно, что пользуясь большимъ авторитетомъ въ глазахъ настоятелей и братіи и привыкнувъ всегда на всякомъ мѣстѣ высказывать свои убѣжденія, Сковорода велъ себя здѣсь такъ, какъ и въ Кіево-Печерской лаврѣ, т. е. говорилъ, что думалъ, поучалъ, проповѣдовалъ.

Съ бѣлымъ духовенствомъ у Сковороды также были постоянныя и дружескія знакомства и отношенія. Это былъ тотъ общественный слой, съ которымъ у Сковороды могло быть не мало точекъ соприкосновенія. Подобно Сковородѣ, священники жили въ мірѣ, но должны были служить примѣромъ для свѣтскаго общества; это были наставники народа, руководители его въ дѣлѣ религіи и нравственности; та духовная школа, которую они проходили, должна была вызвать въ нихъ живой интересъ къ богословско-философскимъ вопросамъ, волновавшимъ Сковороду. Само собою разумѣется, что далеко не всѣмъ имъ были доступны всѣ тонкости Сковородинской христіанской философіи; но были и такие, которые усвоили и ихъ, а большинство во всѣкомъ случаѣ съ глубокимъ интересомъ слушало его живое устное слово, а потомъ переходило и къ рукописнымъ трудамъ, воспринимая изъ нихъ болѣе доступное и понятное. Священники были близки Сковородѣ и по своему образу жизни: известно, что онъ не былъ и не хотѣлъ быть аскетомъ; вслѣдствіе этого его долженъ былъ болѣе всего привлекать къ себѣ простой, близкій къ народному, бытъ священниковъ, гдѣ подъ чась находили себѣ мѣсто и пирушки, приправленные домашнею наливкою и тихою назидательною бесѣдою. Ближе другихъ стоялъ къ Сковородѣ священникъ Іаковъ Правицкій. Къ счастію у насъ есть документальный материалъ для характеристики ихъ взаимныхъ отношеній въ видѣ писемъ Григорія Саввича къ о. Іакову. Іаковъ Правицкій былъ священникомъ въ сел. Бабаїхъ, находящихся въ вѣсколькихъ верстахъ отъ Харькова и принадлежавшихъ въ XVIII в. П. А. Щербинину. О. Іаковъ былъ въ очень дружескихъ отношеніяхъ со Сковородой: объ этомъ свидѣтельствуетъ дружескій тонъ ихъ переписки, встречающіеся въ ней эпитеты, и, наконецъ, собственное признаніе

Сковороды. „У друга нашею Бабайскаго іерея Іак. Правицкаго всѣ мои творенія храняются. По мнѣ бы они давно пропали“. И дѣйствительно, І. Правицкій, какъ мы видѣли выше, старательно списывалъ для себя все то, что выходило изъ-подъ пера Г. С. Сковороды. Такимъ образомъ, о. Іаковъ былъ, очевидно, не только почитателемъ самого Сковороды, но и почитателемъ и читателемъ его сочиненій. Мы узнаемъ между прочимъ изъ ихъ переписки, что онъ выше другихъ ставилъ его „Марка препростаго“. И конечно, вслѣдствіе этого Сковорода и посвятилъ ему одинъ изъ своихъ трактатовъ—„Жену Лотову“, въ особомъ письмѣ, которое должно было явиться какъ бы предисловiemъ къ самому сочиненію. Посылая ему рукопись, онъ писалъ: „да наречется же сія книжечка—„Женою Лотовою“! Предисловіе же да будетъ сіе мое къ тебѣ письмо, о возлюбленный друже! Тебѣ сію невѣсту безневѣстную и чистую голубицу въ даръ привожду первому и тебѣ обручаю именемъ Господа нашего Іисуса Христа“... Сія книжечка учить: какъ ли читать подобаетъ священное письмо. Аще ли единъ глаголь Божій уразумѣется, тогда весь храмъ Соломоновъ есть свѣтель. Въ примеръ сему взяль я сіе: „поминайте жену Лотову“, и, толкуя сіе слово, возмутилъ всю священнаго писанія купѣль. Да уразумѣютъ сиащіи на Біблії или, съ Павломъ сказать, „почивающіи на законѣ“, яко не многочтеніе дѣлаетъ насть мудрими, но многожваніе принудило сказать сіе: „какъ сей вѣсть книги не учився?“ и да познаютъ, яко „единъ день въ тысячи“ и вопреки 1000 глаголовъ Божіихъ во единомъ глаголѣ скрывається... Все дастъ вкусъ свой, и звѣзды въ сокровищахъ своихъ блеснутъ, аще есмы отъ числа оныхъ! „Ізраиль толчаше манну въ стукахъ“. Во блаженное число сихъ людей да впишеть Христосъ всѣхъ насть, желаю“. Для того, чтобы оцѣнить ту степень довѣрія, какую оказывалъ Сковорода къ Правицкому, слѣдуетъ вспомнить, что „Жена Лотова“ посвящена критикѣ священнаго писанія и заключаетъ въ себѣ рядъ положеній, которые не гармонируютъ со строго-ортодоксальнымъ направлениемъ религіозной мысли. И въ другихъ письмахъ Г. С. Сковорода излагалъ Правицкому свои задушевныя воззрѣнія и убѣжд-

денія, которые стояли въ органической связи съ основами его ученія, развитыми въ писаныхъ его сочиненіяхъ. Въ доказательство приведемъ нѣсколько выдержекъ изъ писемъ. Сказавъ, что Ковалинскій, вѣроятно, утонулъ въ глубочайшихъ волнахъ службы, Сковорода прибавляетъ: „о міръ, несчастнѣйшее море, кипящее страстями! Счастливъ, кто, подобно Петру, исторгается изъ этихъ волнъ! Поэтому станемъ избѣгать міра, оставаясь въ покойной гавани и всматриваясь въ коварства міра. Міръ есть алчность, честолюбіе, чувственное удовольствіе“. Въ другомъ письмѣ онъ является преданнымъ сыномъ Христовой философіи. „Кто знаетъ Христа, говоритъ онъ, то не важно, если онъ прочаго не знаетъ; а кто Христа не знаетъ, то не важно, если онъ прочее знаетъ. Всѣ въ самихъ себѣ видять смерть, а мы воскресеніе. Что бо есть любезнѣ на небеси или на землѣ точію поучатися святынѣ? Въ сей единой да живу и умираю. Цо малу малу отходимъ отъ тѣни плотскія, яже есть блаженная и вседневная смерть, и приближаемся ко Господу, иже есть святыця, кефа и воскресеніе наше“. Въ третьемъ онт, поздравляя съ новымъ годомъ, призываетъ къ возрожденію сердца. „Аще кто не имѣетъ новаго сердца, говоритъ онъ, тому весь міръ есть ветха ветошь.—Аще чіе сердце мучится и страдаетъ, тому весь годъ безъ праздника. Аще чій духъ оледенѣль, тому весь годъ безъ весны. Аще чій смыслъ мертвый, тотъ весь вѣкъ безъ живота. О любезный мой друже Іакове! Изблѣймо ветхій квасъ мырскій! Стажимъ новое сердце! Облечимся во одежду новыя нетлѣнныя надежды, во утробу братолюбія! Тогда нами вся тварь просвѣтится, весь мыръ возыграетъ и воскачетъ. Буде намъ всякий день великий день, не зайдетъ солнце намъ и луна не оскудѣеть намъ. Мы же наречемъ языкъ святы, люди обновленія. Благос сердце, любовь, Богъ, правды солнце, всю тварь весною новотворяшее, есть тожде“. Въ четвертомъ письмѣ, въ виду тяжкой болѣзни, постигшей Христину (жену Іакова), Сковорода утѣшаетъ своего друга и тутъ же излагаетъ свой взглядъ на смерть, вполнѣ гармонирующій съ тѣми возврѣніями на этотъ предметъ, какія встрѣчаются въ его сочиненіяхъ. „Аще уже вста отъ одра, пишетъ онъ о

Іакову, любезная наша Христина, радуюся всѣхъ насть ради. Аще же воскрылилася въ мырь первородный, отнюду же пріиде въ нижній, радуюся ея ради, насть же ради возмущюся, якоже оставляетъ насть въ сей плачевной юдоли". Въ латинскихъ стихотвореніяхъ, посвященныхъ свящ. Правицкому, мы находимъ также мысли и сужденія, стоящія въ прямой органической связи съ известнымъ уже намъ міросозерданiemъ Сковороды. „Все проходитъ, говорится въ стихотвореніи; сердцемъ вѣченъ человѣкъ. Чистое сердце въ любви пребываетъ, а любовь въ немъ остается. Любовь—это Богъ; отсюда вѣченъ человѣкъ. О люди! Зачѣмъ вы удивляетесь океану, зачѣмъ звѣздамъ? Идите, къ себѣ вернитесь, себя познайте: довольно этого! Божественный голубь вѣщаетъ: все является изъ глубины возвышенного сердца, все послѣ смерти вновь получаетъ начало. Такъ зерно вновь обращается въ солому; такъ оно скрывается въ землѣ. Чего ты боишься смерти?" Въ другомъ стихотвореніи читаемъ: „Все проходитъ, но любовь остается послѣ всего; все проходитъ, но не Богъ и не любовь. Все—вода. Друзья! Зачѣмъ вы надѣетесь на воды? Все—вода, но гавань будетъ другомъ. На этомъ камнѣ основана вся церковь Христова. Да будетъ она намъ и камнемъ, и скалою". Григорій Саввичъ обращался впрочемъ во всѣхъ этихъ письмахъ не къ одному І. Правицкому, а къ цѣлому кружку его добрыхъ знакомыхъ, сочувственно и доброжелательно относившихся къ ихъ общему пріятелю „старчику Сковородѣ". Кружокъ этотъ состоялъ въ дружеской перепискѣ и съ ученикомъ Сковороды М. И. Ковалинскимъ. „Что не пишеть ли чего Михайло ко мнѣ? спрашивалъ Сковорода у Правицкаго. „Что замолчалъ нашъ Михайль? И не пишеть, и не присыпаетъ ни очковъ, ни скрыпочки", пишетъ онъ въ другомъ письмѣ. „Сыръ нашего Михайла гдѣ то застрялъ, очки которыя мнѣ не по глазамъ, я подарилъ Іосифу. Въ обоихъ письмахъ онъ обѣщаетъ большую флейту. Когда она будетъ—мнѣ неизвѣстно. О еслибы помимо всего осталъного онъ самъ вернулся къ намъ!... О несчастный человѣкъ! Онъ потерялъ единственного семилѣтняго сына... Посмотри, какъ міръ въ началѣ листитъ, а подъ конецъ терзаетъ, точно

тигръ. Дорога міра мнится человѣку блага быти“, читаемъ мы въ 3-мъ письмѣ. Г. С. Сковорода всегда въ своихъ письмахъ къ Правицкому передавалъ привѣтствія ихъ общимъ друзьямъ—священникамъ сосѣднихъ селеній. „Отцу Василію, отцу Еустаєю, отцу Гуслистѣ отъ мене лобызаніе искренніе. О Наеманѣ, (Наеманъ Петровичъ—повидимому священникъ сосѣдняго сел. Жихоря), и тебе, друже мой, тутъ же духомъ истины лобызаю, да пребудете вы мнѣ и я вамъ во вѣки искреннимъ почитателемъ и другомъ“,—съ такимъ привѣтствіемъ обращается Григорій Саввичъ къ своимъ друзьямъ. „Наеману Петровичу миръ и благословеніе и всѣмъ собратіямъ нашимъ іереямъ. Щѣлуйте также духовную матерь мою игуменью Мареу. Писать облѣнился къ ней. Богъ мира да будетъ со всѣми нами. Аминь, Тебѣ и всѣмъ вамъ, истинный и неязыкоистивый другъ“; въ другомъ письмѣ Сковорода подписался такъ: всѣхъ васъ во Христѣ братъ“. „Христосъ воскресе! Друже Наемане! Да вкусиши и ты сота воскресенія и всѣ ангелы его, всѣ! Жихорайскій съ Бабаевскимъ и съ Воскресенскимъ, со всѣмъ клиромъ своимъ“—такъ привѣтствуетъ Сковорода своихъ друзей на праздникъ Пасхи. Вообще у него существовала сильная, можно сказать, непреодолимая потребность духовнаго единенія съ о. Іаковомъ и его друзьями. Вотъ любопытное признаніе самого Сковороды. „Ни старостна лѣнность, ни мракъ, ни хладъ зимній, ни неисправное перо со черниломъ, не могло мене удержать, чтобы не ублажить (*gratulor, soluto, graece μακαρίζω*) тебе въ новый сей годъ. Радуйся въ новый годъ! Да радуется и весь домъ твой и вся, елика суть твоя! Да радуется (имя стерто) и Еустафій, и Іоаннъ съ Наеманомъ. Да возвеселятся Бабай со всѣми своими отраслями, селами! Да возрадуются и горы ваши и рѣки да восплещутъ руками! Да обновляется и вся тварь, обстоаща васъ. Молюся“. И затѣмъ слѣдуетъ аллегорическое толкованіе Новаго года (какъ новаго сердца). О. Іаковъ и его друзья,сосѣдніе священники, были друзьями и братьями Сковороды „во Господѣ“ (какъ онъ самъ выражается), т. е. по духу, по внутреннему родству; они раздѣляли, слѣдовательно, его убѣждѣнія, если не вполнѣ, то по крайней мѣрѣ въ общихъ чертахъ, въ

нѣкоторыхъ положеніяхъ. И самъ Г. С. Сковорода отчасти намекаетъ на это, говоря, что одно письмо о. Іакова сильно порадовало его своимъ христіанскимъ духомъ. „Обрадовало душу мою любезное письмо твое, дышущее любовію и миромъ Христовимъ. Сей есть союзъ совершенства“. Но не всегда между Сковородой и Правицкимъ съ его кружкомъ существовало единеніе мыслей; подъ часъ, очевидно, Сковорода высказывалъ передъ этими іереями такія положенія, которыхъ смущали ихъ и вызывали оппозицію съ ихъ стороны. Сковорода въ такихъ случаяхъ не уступалъ, дѣлался рѣзокъ; въ результатѣ являлись размолвки, обѣ одной изъ которыхъ даетъ понятіе слѣдующее письмо Сковороды. „Возлюбленный во Христѣ братъ Іаковъ. Да будетъ съ тобою тотъ миръ, который превыше всякаго разума. Прости меня, если я тебя въ чемъ оскорбилъ, когда гостили у васъ. Ты знаешь, что я вспыльчивъ, но знаешь вмѣстѣ съ тѣмъ, что я отъ природы кротокъ и человѣченъ, а кротость главное достоинство человѣка. Добрый, т. е. истинный человѣкъ, всегда является доброе изъ сокровищницы доброго сердца. Несмотря на это, многіе изъ моихъ друзей готовы сейчасъ же язвить меня, какъ только я вздумаю смягчить ихъ бѣшенство, и не думаютъ, что я дѣлаю это изъ пріязни къ нимъ, ибо искренно человѣческое сердце и умъ отнюдь не можетъ желать людямъ злого. Также и я, если случайно когда разгорячусь или надѣймъ, то это дѣлаю не изъ зложелательства, но потому, что по правдивости своей считаю грѣшнымъ согласиться съ ложью или бороться противъ истины: какъ лѣченье бываетъ не всегда пріятно, такъ и истина часто бываетъ тягостна. И никто не можетъ постоянно соединять полезное съ пріятнымъ; но забудемъ взаимные обиды и примиримся. Подчеркнутая мною фраза не оставляетъ, кажется, сомнѣнія въ томъ, что здѣсь идетъ рѣчь не о какихъ либо личныхъ пререканіяхъ и скорахъ, а о разногласіи мнѣній, при чемъ Сковорода, по правдивости своей, не стѣснялся откровенно передъ друзьями своими высказывать такія мысли, которыхъ имъ не нравились. Эту черту Сковороды мы уже отмѣтили выше со словъ Ковалинского; теперь же только прибавимъ, что къ этому приводилъ его и сильно развитой у

него духъ прозелитизма: глубоко продумавъ свою религіозно філософскую систему, онъ еще укрѣпилъ ее въ себѣ чувствомъ; и понятное дѣло, что, при такихъ условіяхъ, у него являлось страстное желаніе распространять ее въ обществѣ. Вотъ почему онъ такъ стремился пріобрѣтать себѣ друзей, хотя дѣлалъ это съ большимъ разборомъ, руководствуясь при выборѣ ихъ преимущественно своимъ личнымъ впечатлѣніемъ, тѣмъ внутреннимъ голосомъ, къ которому онъ постоянно прислушивался и который его почти никогда не обманывалъ.

Мы объяснили размолвку Сковороды съ Правицкимъ тѣмъ, что они не сошлись во взглядахъ на извѣстные религіозно-філософскіе вопросы. Подтверждениемъ этого можетъ служить другой аналогичный случай, съ подобною же подкладкой. О. Іакову Правицкому до такой степени пришелся не по мысли трактать его пріятеля „Ізраїмскій Змій“, что онъ отказался отъ списка его, сдѣланного собственоручно Григоріемъ Савви-чевъ. Такъ говорить этотъ послѣдній въ письмѣ къ М. И. Ковалинскому. „Іаковъ мой къ сей моей дщерѣ простудился (остыль), замаравъ въ ней и мое и кому поднесена имя (а она поднесена Тевяшову). Откуду сіе? Не вѣмъ. Сего ради пересылаю къ тебѣ, другу, сей для него спианный списокъ. Уживай лутче его себѣ сію твоего Лиценціата душу“¹⁾). Сковорода заявляетъ (и по всей вѣроятности совершено искренно), что онъ не знаетъ, почему охладѣлъ Правицкій къ этому трактату; но мы теперь, принимая во вниманіе его содержаніе и имѣя свѣдѣніе о томъ, что Правицкій зачеркнулъ въ рукописи и имя автора ея, и фамилію Тевяшова, можемъ указать эту причину: Бабаевскій священникъ испугался вѣкоторыхъ смѣлыхъ взглядовъ и рѣзкихъ выраженій въ немъ и потомъ „простудился къ этой дщери“ своего друга. А другу, при его искреннемъ убѣждениіи въ истинѣ и пользѣ проводимыхъ имъ взглядовъ, и въ голову не могли прійти цензурныя соображенія, такъ какъ друзьямъ онъ привыкъ открывать всѣ свои задушевныя мысли. Впрочемъ, и это охлажденіе было временное, и скоро между

1) Молодыкъ за 1844 годъ, стр. 232.

друзьями снова установились прежнія отношенія. Письмо Сковороды къ Ковалинскому относится къ 1790 году, а мы имѣмъ другое письмо его 1792 г. (5 января), въ которомъ онъ писалъ: „возлюбленный друже и брате во Христѣ Іакове! Радуйся съ любезною Христиною и со чады въ новый сей годъ! О Боже! Ей! Мнѣ давно скучно, что съ вами не бесѣдую. Аще въ сію зиму или весну не совлеку моего тѣлеснаго бреннаго линовища (exuvium), потщуся видѣти васъ и насладитися бесѣдою во Христѣ, иже мя вѣсть и азъ его... Нынѣ же голубиными любви крилами васъ посыщаю. Прости, любезный, что на твое и на твоего чада письмо не отвѣтствовалъ. Сердце во истину желаетъ, но старость и лѣнность есть студенокровна. Пишу видь къ вамъ, обаче боленъ. Благословенъ Богъ мой. Егда не-моществую, тогда силенъ есмь съ Шавломъ. Болѣзнъ моя есть старость, токъ кровный и огневица, не столь изъ невоздержныя, какъ изъ несродныя пищи. Шуяча часть моя угризаетъ мя, а часть благая во бокахъ дому моего, Сарра моя, поглождается... O discors—concordia regum! Удивися разумъ твой отъ мене. Пришли, друже, Златоустаго рѣчъ о томъ, что человѣкъ есть всея бібліи конецъ и центръ и гавань. Онъ жертва, алтарь, юміамъ и вся прочая... Нынѣ васъ поручаю съ возлюбленною Христиною и со чадами Богу Авраамію и пребываю, любезный друже, вамъ всеусерднымъ старчикъ Григ. Сковорода. Изъ этого письма ясно видно, что Сковорода и Правицкій оставались друзьями по духу и братьями во Христѣ“. Не только самъ Правицкій писалъ письма къ Сковородѣ, а и его сынъ, воспитанный, очевидно, отцомъ въ уваженіи къ старчику Варсавѣ. Не даромъ и этотъ послѣдній проситъ у о. Іакова сочиненія Іоанна Златоустаго; это также указываетъ на сходство ихъ литературныхъ вкусовъ: Правицкій имѣлъ у себя въ бібліотекѣ труды этого церковнаго писателя, котораго особенно уважалъ и любилъ Сковорода. Самъ Сковорода объясняетъ намъ, почему ему такъ сильно хотѣлось видѣться съ Правицкимъ — онъ желалъ насладитися съ нимъ бесѣдою во Христѣ, и самое содержаніе его письма (о противоположности плоти и духа) на-

ходится въполномъ соотвѣтствіи съ основною мыслью его богословско-философской системы.

Въ такомъ родѣ, очевидно, были отношенія Сковороды и въ другимъ его пріятелямъ изъ среды бѣлага духовенства, хотя о нихъ мы не имѣемъ уже подробныхъ данныхъ. Здѣсь намъ слѣдуетъ назвать свящ. Ф. Залѣсскаго, который переписывался со Сковородой и у которого было собраніе его сочиненій. Объ этой перепискѣ свидѣтельствуетъ письмо его сына къ Иzm. Иван. Срезневскому, напечатавшему недавно передъ тѣмъ въ „Утренней звѣздѣ“ свои „отрывки изъ записокъ о старцѣ Сковородѣ“. Извѣстно¹⁾), какъ Иzm. Ив. Срезневскій интересовался личностью Г. С. Сковороды; извѣстно, какъ добросовѣстно онъ собиралъ о немъ всяkie материалы и живыя преданія. И вотъ, въ числѣ другихъ лицъ онъ обратился между прочимъ въ 1836 г. и къ священнику Михаилу Залѣсскому, отецъ которого былъ искреннимъ почитателемъ украинскаго философа. Въ отвѣтъ на это письмо Мих. Залѣсскій прислалъ нѣчто въ родѣ своихъ воспоминаній о Сковородѣ; на разборѣ ихъ мы остановимся еще впослѣдствіи, а теперь приведемъ только начало. „Прочитавши почтеннѣйшее письмо ваше, пишетъ о. Мих. Залѣсскій, 13 числа сего мая мною полученное, сейчасъ бросился прочитать въ „Утренней звѣздѣ“ отрывки о Сковородѣ, потомъ цѣлый день рылся въ письмахъ отца моего, зная одно къ нему письмо его по надписи на латинскомъ языѣ Grigorius Var Savin, Григорій сынъ Савинъ Сковорода (въ коемъ разсуждалъ что то о священномъ писаніи), не сыщу ли онаго или другихъ его же пера, но къ сожалѣнію не сыскалъ никакого²⁾“. Изъ дальнѣйшаго содержанія письма оказывается, что знакомство Сковороды съ Залѣсскимъ началось еще со времени пребыванія обоихъ ихъ въ Кіевѣ, въ Духовной Академіи. Сковорода, говоритъ Залѣсскій-сынъ, знакомъ былъ съ отцомъ моимъ еще въ Кіевѣ, почему весьма часто изъ Рябушекъ (селенія, гдѣ гостили у

¹⁾ Сочиненія Г. С. Сковороды, 1-е отд., стр. 129—130.

²⁾ Письмо о. Мих. Залѣсскаго къ Иzm. Ив. Срезневскому 1836 г 15 мая изъ Лебединъ; оно не было напечатано; за присылку приносимъ сердечную благодарность Вс. Иzm. Срезневскому.

мѣстныхъ помѣщиковъ Красовскихъ) посѣщалъ моего отца и иногда гостила по мѣсяцу, ибо отецъ мой познакомилъ его и съ Красовскими... Отецъ мой разсказывалъ мнѣ про него, что онъ былъ по лѣтамъ, ученія своего сотоварища бывшему кіевскому митрополиту Самуилу (Миславскому), у коего отецъ мой въ тоже самое время, когда Самуиль былъ еще архимандритомъ и преподавалъ въ академіи богословіе, былъ домовыми писцомъ и академическимъ письмоводителемъ, что Самуиль, будучи уже митрополитомъ, писалъ къ Сковородѣ письма, приглашая его къ себѣ, чтобы жить съ нимъ, какъ съ другомъ вмѣстѣ, но онъ отвергъ его прошеніе гордымъ и грубымъ отвѣтомъ". Можно предполагать, что гордый и грубый отвѣтъ Сковороды на приглашеніе Самуила Миславского (если таковое дѣйствительно имѣло мѣсто) состоялъ просто въ рѣшительномъ отказѣ его принять монашество. Такимъ образомъ, и тутъ Сковорода остался вѣренъ себѣ, своимъ взглядамъ. Отвѣчая категорическимъ отказомъ, онъ не боялся оскорбить высокаго іерарха, ибо обращался въ лицѣ его къ своему однокашнику, товарищу по академіи, можно сказать, другу юности, но само собою разумѣется, что постороннимъ его отвѣтъ могъ показаться и гордымъ. Какъ бы то ни было, о. Фед. Залѣскій, очевидно, очень уважалъ своего старого друга Григорія Саввича, принималъ его у себя, вѣль, конечно, бесѣды о христіанской філософії и съ 1762—1763 года сталъ собирать его сочиненія. Заслуживаетъ вниманія то обстоятельство, что среди нихъ мы встрѣчаемъ и такое критическое сочиненіе, какъ „*Ізраильский змій*“. Быть можетъ, собирателю принадлежитъ и стихотворная приписка на обложкѣ, взятая изъ сочиненія Сковороды „Борьба архистратига Михаила съ сатаною“. У Хиждеу напечатанъ отрывокъ одного письма Сковороды къ свящ. о. Федору Залѣскому слѣдующаго содержанія: „Согрѣлось сердце мое и въ поученіи моемъ разгорается огонь, ибо что я говорю, то глаголю отъ избытка сердца, и не для того только, чтобы говорить, или чтобы не молчать. Я цѣлую жизнь промолчалъ бы, колъ Минерва моя не велѣла бы мнѣ говорить и, колъ наболталъ много, amore recipiendum est, quod amore donatur. А

любо бы тебѣ узнать, кто моя Минерва и отколь взялъ ее? Прочитай, когда на память не заучилъ, что Цицеронъ говоритъ: *nec vero ille artifex, cum faceret formam Minervae, contemplabatur aliquam, e qua similitudinem duceret, sed ipsius in mente insidebat species pulchritudinis eximia, quam intuens in eaque defixus, ad illius similitudinem artem et manum dirigebat*¹⁾. Мы думаемъ, что слогъ этого письма подправленъ, но что оно все таки принадлежитъ Сковородѣ. Въ пользу подлинности его говорятъ, по нашему мнѣнію, слѣдующія соображенія: 1) то, что Сковорода велъ переписку съ о. Фед. Залѣсскимъ; 2) самое содержаніе письма: Сковорода любилъ говорить о Минервѣ и представлялъ ее именно такъ, какъ она изображена здѣсь у него словами Цицерона; 3) дата его: оно написано въ Обуховкѣ, въ 1763 г., 10 декабря; а известно, что именно въ это время Фед. Залѣсскій сталъ собирать творенія Сковороды.

Этими лицами однако далеко не исчерпывался кругъ сношений Сковороды съ бѣлымъ духовенствомъ; было, очевидно, множество другихъ священниковъ, съ которыми онъ также былъ въ перепискѣ или въ личныхъ дружественныхъ связяхъ. Въ пользу такого предположенія говорятъaprіорныя соображенія—широкая популярность Сковороды въ Украинѣ, какъ философа, странника и чудака, еще болѣе возраставшая отъ того, что въ немъ, въ его лицѣ сосредоточивались, главнымъ образомъ, всѣ высшіе, духовные интересы того времени; обѣ этомъ же свидѣтельствуютъ и апостеріорныя данныя—отрывочные указанія на дружескую переписку и личныя отношенія съ нѣкоторыми духовными osobами; такъ напримѣръ, когда онъ былъ еще преподавателемъ въ харьковскомъ коллегіумѣ, то у него былъ другъ, пользовавшійся его полнымъ довѣріемъ, какой то священикъ о. Борисъ. У этого о. Бориса жилъ на квартирѣ Ковалинскій, и Сковорода въ одномъ письмѣ изъ Бѣлгорода къ этому послѣднему прямо говоритъ: „*haec praeter hospitem tuum p. Borissum nemini vulgabis. Scis enim invidiosissimum esse ac mendacissimum vulgus hominum*²⁾. Изъ цитированного нами выше письма свящ. Мих.

¹⁾ Талескоинъ, 1835, ч. XXVI, стр. 154.

²⁾ Соч. Г. С. Сковороды, 1-е отд., стр. 58.

Залѣсскаго къ Изм. Ив. Срезневскому видно, что Сковорода вель переписку и съ преподавателями бѣлгородской семинаріи, что самое важное для нась, опять таки излагалъ тутъ не стѣсняясь свои взгляды на вопросы религії, хотя эти взгляды шли въ разрѣзъ съ общепринятыми въ церкви мнѣніями. „Я, пишетъ о. Михаилъ, продолжая въ Бѣлгородѣ съ 1790 по 1798-й годъ ученіе, читалъ его, Сковороды, нѣкоторыя письма на латинскимъ языкѣ къ тамошнимъ протоіереямъ, каѳедральному отцу Іоанну *Ільинскому* и префекту семинаріи и учителю богословія Ивану Трофимовичу *Савченкову*. Сей Савченковъ намъ, ученикамъ своимъ, читалъ оныя письма и однажды публично въ классѣ съ сожалѣніемъ, что Сковорода подъ старость (ибо тогда еще живъ онъ былъ) впалъ въ заблужденіе, явно не хранилъ ни постовъ, ни обрядовъ христіанскихъ, не ходилъ въ церковь, а наконецъ и не пріобщался, и когда ему при смерти его предложили пріобщиться Таинъ, онъ не захотѣлъ, сказывая, что это не нужно для него. Въ письмахъ тѣхъ къ Савченкову и Ильинскому называлъ онъ посты и таинства хвостами, кои должно отъ вѣры отсѣчь. Это свидѣтельство чрезвычайно важно, но оно требуетъ нѣкоторыхъ оговорокъ и поясненій. Мы не сомнѣваемся, что Сковорода писалъ такія письма названнымъ выше лицамъ, ибо въ томъ, что говорить о. Мих. Залѣскій, мы видимъ не только мысли Сковороды, но и его любимое выраженіе—что обряды есть нѣчто второстепенное въ религії—не глава, а хвостъ; едва ли только онъ говорилъ о необходимости отсѣченія этого хвоста¹⁾; тутъ, очевидно, Мих. Залѣскій или не понялъ подлинныхъ выраженій Сковороды, или запамятаешь ихъ (что впрочемъ и понятно: съ того времени, когда онъ слышалъ ихъ, до написанія письма И. И. Срезневскому прошло болѣе 40 лѣтъ!). Любопытно, что Савченковъ читаль получає-

¹⁾ Вотъ относащеся сюда мѣсто въ его „Начальной двери ко христіанскому доброизрію“. Характеризуя разницу между закономъ Божіимъ и человѣческими преданіями, онъ говоритъ: „сколько предверіе отъ алтаря и хвостъ отъ головы, столь далече отстоитъ преданіе отъ закона. У насъ почти вездѣ несравненнюю сю разность сравнивали“. Здѣсь рѣчь идетъ только о превосходствѣ закона надъ преданіемъ, вѣры надъ ея формой, а не объ исключеніи этой послѣдней.

мыя имъ отъ Сковороды письма въ классъ своимъ ученикамъ, вѣроятно, съ назидательною цѣлью, какъ письмо „любомудра“, но одинъ разъ долженъ былъ вооружиться противъ автора ихъ, хотя, какъ намъ кажется, слишкомъ далеко запелъ въ своихъ обличеніяхъ противъ „старчика Сковороды“, тѣмъ болѣе, что этотъ послѣдній тогда лежалъ уже въ могилѣ и не могъ ничего возразить противъ тѣхъ обвиненій, которыя съ особеною силою раздались послѣ его смерти, исходя отъ обличаемыхъ имъ противниковъ. Мы видѣли, что въ дѣйствительности Сковорода передъ смертью исповѣдывался и пріобщался, хотя сдѣлалъ это по просьбѣ друзей.

Д. Багалѣй.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ИЗЪ МОЕГО ДАВНОПРОШЕДШАГО¹⁾.

Изложивши, на основаниі письменныхъ документовъ и разсказовъ близкихъ мнѣ лицъ, все, что касается моей семьи, мнѣ приходится теперь перейти къ собственному давнопрошедшему, къ периоду моего дѣтства, и, руководствуясь при этомъ исключительно одними воспоминаніями, сообщать одни часто безсвязные отрывки, случайно уцѣлѣвшіе въ моей сѣдой головѣ и нестертыя массою воспринятыхъ въ теченіе пятидесяти лѣтъ въ разныхъ частяхъ Русскаго Царства и во всѣхъ почти государствахъ западной Европы впечатлѣній.

Первые годы моей жизни, какъ и у каждого человѣка, представляются мнѣ теперь въ густомъ, непроницаемомъ туманѣ. Безъ сомнѣнія, мое появленіе на свѣтѣ доставило много радостей и моимъ родителямъ, и всѣмъ окружающимъ меня. Старшій братъ мой, онъ же крестный мой отецъ, былъ, въ нѣкоторомъ родѣ, внѣ семьи. Онъ уже перешелъ въ это время въ пятый классъ черниговской гимназіи и принималъ характеръ молодого человѣка. Отца и мать окружали восемь дочерей, начиная съ старшей сестры моей Надежды 18-ти лѣтъ; они давно жаждали имѣть сына, признавая дочь—„чужою корыстью“. Такой взглядъ подтверждается реальными фактами: старшая сестра съ дѣтьми уѣхала въ Казань, а слѣдующая за нею перебралась на жительство съ мужемъ докторомъ и дѣвочкою Лизою—въ Нѣжинъ. Богъ не благословлялъ родителей моихъ носителями ихъ фамиліи: сыновья Матвѣй и Митрофанъ умерли

¹⁾ См. „Кievsk. Стар.“ 1895 г., № 5.

маленьками, а Костя родился мертворожденнымъ. Но вотъ, молитвы родителей моихъ были услышаны, и Богъ послалъ имъ сына въ 3 часа дня. Въ это время мой дядя занималъ уже высокое служебное положеніе въ Москвѣ и взялъ за жену въ приданое чуть ли не миллионъ рублей. По имени его и назвали меня при крещеніи.

Рожденіе пятнадцати дѣтей, какъ нужно думать, подорвало физическія силы матери моей. Она не могла кормить меня своимъ молокомъ, почему взята была мнѣ съ хутора кормилицею Ганна, жена крѣпостного матери моей, получившаго на хуторѣ фамилію Косого. У Ганны въ то время родился сынъ Юхимъ, который и явился моимъ молочнымъ братомъ. Мамка кормила въ одно время и меня, и своего сына, который, поэтому, явился ближайшимъ товарищемъ всего моего дѣтства. Сестры мои были переведены на жительство къ теткѣ въ старый дворъ. Онѣ являлись въ новый домъ пить кофе, чай, обѣдать, ужинать. Часто мать оставляла ихъ при себѣ и въ теченіе дня „для помощи“, варить варенье, ухаживать за цвѣтами, сушить фрукты, распорижаться по хозяйству и т. п. Тетка жила въ своей комнатѣ, чуждалась всего, искала уединенія, молилась Богу и вязала чулки чуть ли не на всю семью. Особая заботы обо мнѣ, кромѣ матери и Ганны, принимала сестра Надя, которой я досаждалъ своими капризами больше всѣхъ. Черезмѣрныя заботы обо мнѣ всѣхъ окружавшихъ развивали въ моею характерѣ упрямство. Какъ кажется, отецъ началъ интересоваться мною, когда мнѣ исполнилось пять лѣтъ. Онъ меня сажалъ на свое колѣно и, подталкивая имъ, возилъ ко всѣмъ знакомымъ. Мнѣ живо помнится, какъ, сидя у него на колѣнѣ, я бралъ его за усы и приговаривалъ; „но, косю, но!.. Или, бывало, возьмемъ мы съ Юхимомъ тихонько чубуки въ гостииной, слдемъ на нихъ верхомъ и скакемъ по всѣмъ комнатамъ. Третимъ товарищемъ находимъ быль Олексій, сынъ повара Гришки, тоже крѣпостного моей матери. Водворившись въ Рогозѣхъ, онъ женился на хуторской дѣвушкѣ Домнѣ, которая приготовляла прекрасные крендели, пироги, слободныя булки, а на страстной недѣлѣ лекла въ пекарнѣ старого двора папушки. Приготовленіе папушки

начиналось съ первого дня страстной недѣли и составляло особое въ домѣ событие: и матушка, и старшія сестры проводили цѣлые дни за приготовленіемъ тѣста. Кухня бабушки обращена была въ ткацкую, гдѣ ткали полотна и, главнымъ образомъ, ковры. Ткацкіе станки и всѣ принадлежности ткацкой переносились на это время во вторую половину зданія, которая при бабушкѣ играла роль людской, т. е. гдѣ помѣщалась ея дворня. Со смертью бабушки эта половина обращена была для разведенія пescovъ (пушистыхъ кроликовъ), изъ пуха которыхъ вязались для семьи теплые головные платки, чулки, носки и перчатки. Всю страстную недѣлю никто изъ мужчинъ не имѣлъ права входа въ ткацкую: она являлась царствомъ женщинъ, при чёмъ первая роль принадлежала Домнѣ. Въ свои помощницы она брала Василису, горничную сестеръ, или Стеху, горничную въ новомъ дворѣ.

Съ наступленіемъ теплыхъ весеннихъ дней я пропадалъ съ товарищами Юхимомъ и Олексіемъ въ саду; мы играли „у кони“, „у мяча“, переходили изъ саду въ сосновый лѣсъ за „ровчакомъ“, пробирались къ сажалкѣ, на поставникѣ, на новый огородъ съ копанками, который охранялъ въ своей будкѣ изъ соломы старый Иванъ. Здѣсь, у Ивана, намъ была „лахва“, раздолье. Въ его распоряженіи была и клубника, и малина, и агрусъ¹⁾, и смородина, и всякие плоды земные. Одна часть нового огорода ближе къ лѣсу была занята молодыми фруктовыми деревьями: вишнями, черешнями, яблоками, грушами. Фрукты въ саду сдавались въ аренду „русскимъ“ изъ Добрянки, т. е. старовѣрамъ. Для дому было оставлено нѣсколько деревьевъ близъ горницы.

Комнаты въ горницѣ обыкновенно занимались временно въ лѣтніе мѣсяцы сестрами. Въ старомъ домѣ было нѣсколько душно и тѣсно. При теткѣ оставались лѣтомъ двѣ старшія сестры. Собственно говоря, горница была выстроена для гостей. Здѣсь обыкновенно помѣщались лѣтомъ братъ-гимназистъ съ какимъ-нибудь товарищемъ; здѣсь устраивалось помѣщеніе и для

¹⁾ Крыжовникъ.

учителей гімназії, пріїжджавшихъ изъ Чернигова погостить къ родителямъ на мѣсяцъ другой. Въ моей памяти сохранились личности почтеннѣйшаго Іануарія Михайловича Невѣрова, съ которымъ я имѣлъ удовольствіе возобновить знакомство 40 лѣтъ спустя въ Тифлісѣ въ бытность его попечителемъ Кавказскаго учебнаго округа, а также учителя русскаго языка Лузганова, который собиралъ насъ всѣхъ вокругъ себя въ бесѣдкѣ, увитой персидскою лозкою, и декламировалъ стихотворенія. мнѣ памятно хорошо, какъ онъ выучилъ меня декламировать Бородино и какъ, бывало, поставилъ меня на обѣденномъ столѣ и заставилъ произносить стихи съ чувствомъ, съ толкомъ, съ разстановкой.

Въ раннемъ моемъ дѣтствѣ къ намъ переѣхалъ на постояннное жительство братъ матери Алексѣй Васильевичъ, оставивши свои богатыя имѣнія въ воронежской губерніи въ распоряженіе старшаго своего брата, тоже холостяка, Михаила. Личность дяди Алексѣя заслуживаетъ особаго вниманія съ психической стороны. По окончанію Московскаго пансіона, онъ поступилъ въ гвардію и, какъ богатый и свѣтски образованный человѣкъ, вращался въ высшемъ аристократическомъ кругу. Шумная жизнь, вино, псовая охота и, главное, женщины разстроили въ конецъ его нервную систему. Въ чинѣ ротмистра онъ вышелъ въ отставку и причислилъ себя къ числу великихъ грѣшниковъ. Будучи убѣжденъ, что его мучитъ „злой духъ“, онъ съ утра до вечера былъ постоянно на ногахъ, переходилъ изъ комнаты въ комнату и заявлялъ всѣмъ, что лишенъ сна и испытываетъ душевныя муки. Онъ помышдался до самой своей смерти, т. е. около 25-ти лѣтъ, въ кабинетѣ новаго дома. Обладая большими знаніями, слѣдя за политикою по Московскімъ Вѣдомостямъ и Сѣверной Пчелѣ, которая отецъ мой постоянно выписывалъ, принимая участіе въ бесѣдахъ, интересуясь всякими новостями, онъ не могъ отрѣшиваться отъ мысли, что его мучить день и ночь „злой духъ“. Переходя изъ комнаты въ комнату, Алексѣй Васильевичъ постоянно восклицалъ: „злой духъ мучитъ!“ Эти восклицанія онъ произносилъ постоянно и въ теченіе ночи, что удостовѣряли всѣ, кому приходилось спать въ сосѣднѣй комнатѣ. Никакія убѣжденія, никак-

kie доводы не могли разубѣдить его въ томъ, что „злого духа“ вовсе не существуетъ, что онъ грѣшилъ на свѣтѣ столько, сколько каждый грѣшитъ, что его можно признать скорѣе пра-ведникомъ. Всѣ доводы онъ отвергалъ, заявляя каждому, что присутствіе въ себѣ злого духа онъ чувствуетъ такъ же, какъ и присутствіе въ организмѣ его сердца, легкихъ, желудка, что злой духъ постоянно съ нимъ, не даетъ ему покоя ни днемъ, ни ночью, побуждаетъ его находиться въ движеніи, какъ вѣчнаго жида. Помимо указанной маніи, Алексѣй Васильевичъ былъ вполнѣ нормальнымъ человѣкомъ, отличался хорошею памятью, любилъ общество, интересовался новостями, отличался большою аккуратностью. Сколько помню, изъ дома онъ никогда не выѣзжалъ никуда. Въ молодыхъ лѣтахъ онъ былъ страстный охотникъ съ борзыми, а поэтому всегда любилъ говорить объ охотѣ. Пребываніе его въ нашемъ домѣ не только никого не тяготило, но было даже желаннымъ для всѣхъ. Старшій братъ его Михайло высылалъ по временамъ отцу моему небольшія суммы изъ доходовъ отъ имѣнія брата на его содержаніе. Нѣть сомнѣнія, что высылаемыя суммы составляли небольшую часть доходовъ изъ части имѣнія дяди Алексѣя.

Дядя и тетка, обрамляя собою нашу семью, составляли двѣ противоположности. Тетка была необыкновенно тучная, дядя — худой до крайности; она была безмолвна, онъ любилъ разска-зывать, вмѣшивался во всѣ разговоры, зналъ массу анекдотовъ, часто нецензурного свойства, заводилъ споры; тетка избѣгала людей, даже близкихъ, искала одиночества, дядя любилъ общество; тетка относилась къ костюму своему безразлично, дядя любилъ щеголеватость; всѣ интересы семьи были чужды теткѣ, а дядя вмѣшивался во всякія мелочи. Вмѣстѣ съ этимъ, оба они страдали душою, или, выражаясь современнымъ языкомъ — нервнымъ разстройствомъ. Оба они одинаково привязывали къ себѣ всѣхъ окружающихъ необыкновенною добротою и готов-ностью отказываться отъ всего въ нашу пользу.

Въ центрѣ семьи моей находилась мать. Она распоряжала-лась всѣмъ имѣніемъ, хозяйствомъ, домомъ и всѣми членами семьи. Проживши до моего рожденія двадцать лѣтъ въ Мало-

россии, она вполнѣ ассимилировалась съ окружающею ее средою и достаточно хорошо усвоила мѣстную рѣчь. Съ - молоду еще она знала всѣ роды самыхъ тонкихъ рукодѣльныхъ работъ. Сохранившійся у меня до настоящаго времени чехолъ на чубукъ къ трубкѣ отца, вышитый мелкимъ бисеромъ, поражаетъ своимъ изяществомъ и тонкостью работы. Въ длинные зимніе вечера, при отсутствіи гостей, семья моя изображала школу рукодѣлія. И мать, и сестры усядутся за большими столомъ въ столовой и работаютъ, имѣя каждый передъ собою сальную свѣчу. Та шьетъ бѣлье, другая вышиваетъ сорочки „заполочью“¹⁾ или мережитъ, третья гарусомъ, нанизываетъ бисеръ и пр. А въ „дивичой“ старая Стека съ Пелагеекою, горничная матери, а также молоденькия сестры Гапка и Надя, горничные сестеръ, прядутъ куделью на прялкахъ или на гребнѣ. Пелагея занимаетъ первенствующее мѣсто въ средѣ челяди, какъ стоящая ближе всѣхъ къ матери. Стека—помощница ея; къ ней относятся нерѣдко съ презрѣніемъ и Палагія и „дивчата“.

— Тымъ то тебе никто й замижъ не бравъ, бо дурна.

Гапка и Надя горничныя сестеръ, являлись двумя красавицами. Молча онѣ не смогутъ усидѣть зимній вечеръ. Большею частью имъ приходится сидѣть въ столовой за работою и распѣвать пѣсни. У нихъ былъ громадный репертуаръ народныхъ пѣсень. Что ни вечеръ—новая пѣсня. Обыкновенно, предъ началомъ пѣнія являются „перекоры“²⁾ о томъ, кому, „ заводыты“³⁾.

— А нуте, дивчата, пропойте: „ой чы цвить, чы не цвить“, заявляетъ мать.

— Нехай Гапка заводыть, замѣчаетъ Надя.

— Починай ты, отвѣчаетъ ей старшая сестра, се твоя писня, ты сама мене вывчыла іи.

Такъ, или иначе, черезъ минуту раздается хоръ:

„Ой чы цвить, чы не цвить
Калынопѣку ломыть,

¹⁾ Цвѣтная бумага.

²⁾ Споры.

³⁾ Начинать.

Ой чы сонъ, чы не сонъ
Головоньку клонить! и т. д.

Мать моя любила пѣніе. Съ пѣснею и работа спорится. Я тоже принималъ участіе въ пѣніи чуть ли не съ пяти лѣтъ, хотя нерѣдко засыпалъ за столомъ. Въ 9 часовъ работы прекращались, и вся семья садилась за ужинъ. А дядя весь вечеръ переходитъ изъ комнаты въ комнату и про себя заявляетъ свое обычное: „злой духъ мучить!“

Мать была отличною хозяйкою. Въ кладовыхъ ея хранились громадные запасы всякаго рода продуктовъ: бочки лѣсныхъ орѣховъ, связки сушеныхъ грибовъ, боченки сушенаго гороху, бобовъ, всакихъ сортовъ варенья. Тутъ же сохранились полотна, домашняго приготовленія ковры, прядиво¹⁾). Въ „выходѣ“ хранились разныхъ сортовъ водки, наливки, водянки, боченки съ мочеными яблоками. Всякаго рода соленъя и маринады сберегались въ ледникѣ, въ которомъ заготовлялись каждый день и молочные продукты. И кладовая, и выходъ, и ледникъ, и амбары съ хлѣбомъ и мукою запирались на замокъ. Ключи хранились неизмѣнно у матери. Она ихъ довѣряла только старшимъ сестрамъ моимъ.

На рукахъ у матери были и деньги. Приходъ и расходъ ихъ неизмѣнно велъ въ особыхъ книгахъ дядя. Обыкновенно, послѣ захода солнца являлся къ матери съ отчетомъ и за приказаніями приказчикъ Василь, или, какъ его называли крестьяне—войтъ Василь Пилиповичъ Евхименко. Это былъ высокій, плотный и красивый человѣкъ, пользавшійся неограниченнымъ довѣріемъ моихъ родителей и нѣмымъ нерасположеніемъ крестьянъ. Усадьба его прилегала къ поставнику и была ближайшею къ господской. Старшій сынъ его Семенъ, ровесникъ моего старшаго брата, былъ отданъ мальчикомъ въ школу въ Березно, а затѣмъ парубкомъ и женатымъ человѣкомъ былъ при отцѣ въ качествѣ лакея, хотя жилъ всегда на хуторѣ въ своей семье.

Отдавши отчетъ матери, войтъ съ дядею отправлялись въ кабинетъ для составленія записей. Понятно, онъ былъ состо-

¹⁾ Нитки.

ятельнымъ человѣкомъ и сумѣлъ отлично обезпечить свою многочисленную семью. Семену помогалъ въ лакейскомъ дѣлѣ впослѣдствіи и младшій братъ его Матвій. Василь Пилиповичъ исправлялъ должностъ войта чутъ ли не полѣвка, до времени освобожденія крестьянъ. Ему одному извѣстны были всѣ земельные угодья, такъ какъ отецъ мой мало вмѣшивался въ хозяйство, а мать знала земли только по имени. Войтъ распоражался и оранкою, и посѣвами, и жнивами, и свозомъ копъ, и косовицю, и лѣсомъ. Онъ ъездилъ каждый понедѣльникъ въ Березно на базаръ за покуцками, онъ возилъ для продажи туда и зерно, и муку. Словомъ, онъ былъ главный распорядитель имѣнія и довѣренное лицо. Жалобы на него со стороны крестьянъ не могли имѣть мѣста, такъ какъ онъ всегда оставался бы правъ. Съ другой стороны, какъ умный человѣкъ, онъ жилъ въ ладу съ крестьянами, дѣлалъ имъ послабленія и не возбуждалъ противъ нихъ жалобъ.

Мать моя пользовалась во всемъ околодкѣ словою опытнаго врача. Рѣдкій день проходилъ, чтобы къ ней не являлись за совѣтомъ и „зиллямъ¹⁾“. Она лѣчила, преимущественно, травами. Три большихъ шкафа, наполненные сушенными травами и частью лекарствами изъ черниговской аптеки Цигры, занимали всѣ промежутки между дверями въ сѣняхъ. Каждому гостю, поэтому, входившему съ параднаго входа, приходилось проходить сперва аптеку матери и затѣмъ вступать въ лакейскую. Сборомъ травъ занималась въ извѣстное время года, по указанію матери, Палагія. Въ шкафахъ была и мята, и липовый цвѣтъ, и подъемъ бѣлый и желтый, и малина, и рябина, и сухая горчица, и сушеныя шпанскія мухи, и все то, чѣмъ лѣчился въ старое время народъ въ Малороссіи. Неудивительно, что мать моя была близко знакома съ народною медициною. Частая беременность поставляла ее въ необходимость прибѣгать къ народной помощи, такъ какъ медики были слишкомъ далеко. Къ матери моей обращались преимущественно бабы, принося съ собою яйца, цыплятъ, куръ, масло. Помню живо, какъ одна молодица привела съ собою сына, мальчика лѣтъ 10-ти.

¹⁾ Травами.

— А что у него такое? спросила мать.

— Та у него такое, что я сказать боязно: усе по хуторамъ бигае. Отце, якъ поснидае, заразъ зъ двору — и шукаемо его днівъ два-три, поки не знайдемо.

Предъ наступленiemъ 3-й четверти луны (гнильца) мать моя обыкновенно съ вечера варила медъ-самотекъ и клала въ него мелко истолченный глистанникъ. На другой день рано утромъ приступала къ всеобщей раздачѣ этого лѣкарства. Первымъ получалъ дядюшка, который каждый разъ выражалъ протестъ. Мать моя ему отвѣчала: „помни, что тебя не злой духъ мучить, а солитеръ“. За дядею принимала его мать и мы, а затѣмъ бѣлая кружка съ лѣкарствомъ передавалась повару Григорію, который обязанъ былъ дать по столовой ложкѣ лѣкарства каждому изъ дворовыхъ людей.

Мать моя была большая любительница домашней птицы и животныхъ. У насъ водилось множество павлиновъ, цесарокъ, шипуновъ, по двору расхаживалъ журавль, а въ особомъ домикѣ на 4-хъ высокихъ столбахъ водились голуби. Число ихъ достигало до 200. Зимою, обыкновенно, расчищали отъ снѣгу во дворѣ предъ окнами дома небольшую площадку, выходила сама мать ссыывать голубей волокольчикомъ и кормила ихъ зерномъ. Голуби до того были ручными, что добровольно шли къ рукамъ матери и ѿли съ рукъ ея кормъ. Въ Ѣду ихъ никогда не употребляли, и считалось большимъ грѣхомъ Ѣсть голубя, такъ какъ въ видѣ его сошелъ на Христа Духъ Святой.

Кромѣ голубей, для матери служили потѣхою мохнатые кролики, или, какъ она называла ихъ, песцы. Они разводились въ большомъ количествѣ. Обыкновенно каждый мѣсяцъ кролика разчесывали и собирали съ него пухъ, изъ которого приготовлялись чулки, перчатки, платки и пр.

Страсть къ птицамъ и животнымъ сохранилась у меня отъ дѣтства до послѣднихъ дней. Мать моя очень меня баловала, называя единственнымъ сыномъ, такъ какъ братъ Василь жилъ вдали отъ родного очага. Мать отличалась силою характера и въ своей личности сосредоточивала въ своихъ рукахъ всѣ нити управлениія имѣніемъ. Бывало, она разойдется во взглядахъ съ

отцомъ. Начнется споръ, обыкновенно оканчивавшійся полнымъ согласіемъ отца, который въ свое оправданіе всегда заявлялъ: „хочъ лыхо, абы тыхо“. И дѣйствительно, онъ былъ сторонникомъ мира и спокойствія. Мать распоряжалась рѣшительно всѣмъ и часто, въ угоду отцу, посыпала приглашать на вечерасосѣдей, ради будто бы именинъ или дня рожденія любимой дочери; мой день рожденія праздновался чуть ли не 10 разъ. Для насъ, домочадцевъ, особымъ праздникомъ была баня въ зимніе мѣсяцы, которая изготавлялась два раза въ мѣсяцъ. Обыкновенно прїѣзжали къ намъ на баню священникъ съ женою и дѣтьми, дьяконъ съ женою и семьи сосѣдей. Баня, дѣйствительно, была устроена роскошно и состояла изъ бани съ полками для паренія и двухъ отдѣльныхъ предбанниковъ. Полъ устился толстымъ слоемъ соломы. Въ банѣ были котлы, которые поливались изготавленной матерью перегонною розовою или мятыю водою. Въ баню шли всѣ гурьбою—и родители, и родственники, и дѣти. Выпарившись, гости направлялись къ чаю. Баня стояла въ саду вблизи дома. Къ приходу распаренныхъ съ красными физіономіями гостей, въ залѣ изготовленѣй былъ большой столъ съ лакомствами. Между ними первое мѣсто занимали моченые яблоки, какихъ я въ жизнь свою большие никогда не ъѣлъ. Вечеръ продолжался обыкновенно за полночь и отличался веселостью и остротами.

Понятно, въ настоящее время рѣдко кто повѣритъ, что въ старину оба пола ходили въ баню совмѣстно. Въ дѣйствительности это было такъ. Каждый уважалъ другого настолько, что не позволялъ себѣ никакого неприличія, могущаго обидѣть.

Отецъ мой чистѣйший типъ малороссійскаго дворянина. Онъ былъ мало подвиженъ, какъ чѣловѣкъ тучный, отличался рѣдкою добротою сердца, любилъ сладко заснуть и вкусно пойти. Не смотря на множество въ домѣ комнатъ, у него не было пріуроченной въ его пользованіе. Спалъ онъ на одной кровати съ матерью не менѣе 30-ти лѣтъ; на этой самой кровати Богу душу отдалъ. Мать упрекала отца въ трехъ порокахъ: 1) страсти къ карточной игрѣ, къ преферансу, 2) страсти къ трубкѣ и 3) страсти къ Московскому Вѣдомостямъ. Въ карты онъ игралъ

иногда по 2 или 3 сутокъ, не обращая вниманія на финансовою сторону. Его интересовалъ больше всего процессъ игры. Если не было партнеровъ, онъ посыпалъ верховыхъ къ сосѣдямъ съ приглашеніями, но не въ карты играть, а провестъ совмѣстно день рожденія кого либо изъ близкихъ. Результаты игры почти всегда были печальны. Матушка увѣряла, что онъ проигралъ все ея приданное, тысячу 60. Отецъ постоянно курилъ трубку съ длиннымъ черешневымъ чубукомъ. Трубка была обтянута мѣдною проволокою и прикрывалась проволочкою крышею. Онъ покупалъ для куренія табакъ одеской фабрики „Кrona-папы-Никола“. Бывало, гостинная, въ которой онъ сидѣлъ и читалъ отъ доски до доски Московскія Вѣдомости, до того наполнялась табачнымъ дымомъ, что постороннему войти было трудно. У отца не было между дѣтьми любимчиковъ, онъ любилъ одинаково всѣхъ и съ каждымъ изъ настъ былъ одинаково милъ и привѣтливъ. Нерѣдко посадить маленькихъ сестеръ на колѣни и учить ихъ пѣсни:

По садыку я хожу,
Та щылаю вышни,
Пошли, Боже, чоловика,
Та по моїй мысли:

—
Щобъ люлечки не паливъ,
Табаки не нюхавъ,
Чужихъ жинокъ не любивъ,
Мене одну слухавъ

или же:

Уси люде рботаютъ,
Одна я гуляю;
Изъ чужого полотча
Сорочку покраю

—
Що куликъ наине,
А чайка наимче,
А ворона напряде,
А сорока вытче

или же:

И учора кулишъ,
И сегодня кулишъ,

Пры́ды, пры́ды, сердевъю,
Мою душу потиши.

И учора галушки,
И сегодня галушки,
Пры́ды, пры́ды, мое золото.
На близки подушки

и т. д.

Меня онъ училъ рождественскія вирши:

Христосъ родився
Иродъ скрутился
Наполеонъ на островъ
Елену переселился

или же:

Я маленький хлопчикъ
Излишъ на стовбчики,
У дудочки граю,
Христа звеселяю.
А васъ зѣ праздникомъ поздравляю.

Отецъ мой былъ очень набожнымъ человѣкомъ. Имѣя въ виду, что хуторъ нашъ отстоитъ отъ приходской церкви въ с. Сахновкѣ, на разстояніи 7 верстъ, онъ испросилъ благословеніе у черниговскаго архіерея созывать въ праздникъ, на случай дурной погоды, крестьянъ и совмѣстно молиться. Рано утромъ, когда шелъ дождь или было очень грязно, отецъ распоряжался оповѣстить хоторянъ, что онъ будетъ править службу. Обыкновенно, къ сроку приходилъ Левъ Андреевичъ, въ качествѣ хора пѣвчихъ. Въ большой залѣ уставлялся въ углу столикъ, въ видѣ аналоя, на немъ клалось кипарисовое распятіе и освященная вода въ суповой чашкѣ. Народа собиралось такое множество, что была давка. Въ видахъ очистки воздуха двери и окна были открыты настежь. Въ толпѣ были старые, молодые, дѣти и отроки. Отецъ вступалъ въ роль священника, Левъ Андреевичъ—хоръ пѣвчихъ. Дѣтскій крикъ нерѣдко заглушалъ служеніе. По окончаніи, отецъ давалъ съ рукъ цѣловать крестъ и окроплялъ каждого святою водою, а также вручалъ по просфорѣ, выписанной изъ Сахновки. Народъ обожалъ отца за церковнослуженіе и былъ вполнѣ удовлетворенъ какъ его службою, такъ и пѣнiemъ Льва Андреевича, который обязанъ

быть проводить у насъ каждый праздникъ. Средствъ у него не было никакихъ, и обыкновенно его кормили по очереди двѣ крѣпостныхъ семьи. Слухи ходили, что, устроивши дѣтей, онъ пропилъ оставшееся небольшое состояніе. Всѣ члены моей семьи любили Льва Андреевича.

Отецъ мой любилъ лошадей и держалъ небольшой конскій заводъ, а также занимался пчеловодствомъ въ довольно широкихъ размѣрахъ. Для содержанія лошадей была построена осо-бая конюшня. Надъ воротами ея висѣлъ образъ св. Флора и Лавры. Часто онъ ходилъ смотрѣть, какъ Яковъ задаетъ имъ овса.

Для зимняго содержанія пчелъ въ саду были выстроены два ампхеника съ двумя помѣщеніями въ каждомъ, раздѣлявшимися двумя коридорами. Къ пчеламъ были поставлены два пасѣчника: Иванъ и Костюкъ. По наступленіи весны, пчелы выставлялись сперва въ садъ, а затѣмъ вывозились версты за 4 отъ дому въ лѣсъ вблизи болота. Перевозка пчелъ сопровождалась торжествомъ. Сперва устанавливалась небольшая открытая съ одной стороны будочка, въ которую вставлялся образъ св. Зосима и Савватія, а передъ нимъ лампада. Приглашался обыкновенно отецъ Василій изъ Сахновки, и послѣ молебна производилась установка ульевъ. Позднимъ лѣтомъ всю пасѣку перевозили на ярину, т. е. цвѣтущую гречь, въ поле. Около каждого улья вбивалась березка для защиты отъ солнцепека. При окончаніи цвѣтенія гречи, являлись русскіе, или вѣрнѣе—старовѣры изъ слободы Добрянки, Зыбки и пр. и вступали въ договоръ относительно продажи меда. Процессомъ вытопки меда занималась мать, но деньги шли въ распоряженіе отца и, конечно, проигрывались имъ.

Отецъ не любилъ водки и даже преслѣдовалъ пившихъ у него за обѣденнымъ столомъ. Помню, какъ онъ нападалъ на Льва Андреевича. Только этотъ возьмется за чарку, изъ устъ отца вырывается сочиненная имъ эпиграмма:

Леусъ—магнатусъ,
Оберь—глотъ, бутылочный переводъ
Чарочный праздникъ.

За то карточную игру любилъ до страсти. Бывало, пулька длится до свѣта, и партнеры настаиваютъ на необходимости

отдыха. Всѣ разойдутся по своимъ мѣстамъ. Вставши на другой день довольно поздно, всѣ собираются въ столовую пить чай или кофе. Одинъ отецъ замѣшается и приходитъ позже другихъ.

— Я долженъ вамъ, господа, объявить большую непріятность, постигшую насъ эту ночь.

— А что такое? летятъ вопросы со всѣхъ сторонъ.

— Колеса покрали, преспокойно отвѣчаетъ отецъ. Приходится остаться еще день-другой, пока не подѣлаются новыя.

Конечно, выдумка эта объясняется желаніемъ отца продолжать игру въ карты. Когда онъ не могъ составить пульки, тогда возникъ вопросъ о необходимости пойхать по дѣламъ въ Черниговъ, или въ Єрнѣ на Бобровицу, въ $\frac{1}{2}$ в. отъ города, гдѣ была роскошнейшая усадьба племянницы его С. С. Дунинъ-Борковской. Съ пріѣздомъ отца все ожидало въ домѣ. Отецъ пользовался безграницюю любовью родственниковъ.

Мать моя считала себя первою хозяйствкою чуть ли не во всей губерніи. Хозяйственные запасы у нея отличались и крайнимъ разнообразіемъ, и превосходными качествами. Управиться со всѣми частями хозяйства у нея не хватало ни времени, ни силъ, а поэтому она считала неизбѣжнымъ имѣть ключницу, въ видѣ помощницы. Помнится, что все мое раннее дѣтство у насъ жила ключница вдова дьякона изъ м. Березнаго. Ее звали Матрена Ивановна, но фамилія ея, кажется, никто не зналъ. Она смотрѣла за доеніемъ коровъ, за приготовленіемъ молочныхъ скоповъ, выдавала кухаркѣ муку на хлѣбъ для дворни, наблюдала за кормленіемъ свиней. Мать относилась къ ней съ полнымъ довѣріемъ и съ интересомъ выслушивала разнаго рода сплетни изъ жизни дворни, всѣ члены которой питали къ ней ненависть. Помѣщалась она въ двухъ комнатахъ при кухнѣ, тамъ пила чай и обѣдала остатками отъ господского стола. Такъ какъ на ея попеченіи была вся домашняя птица, то она иногда пользовалась ею для себя. Подъ ея ключемъ сохранялись разнаго рода овощи, картофель, капуста, бураки и пр. Она производила отпускъ ихъ и повару Григорію, и кухаркѣ Параскѣ. Кажется, этимъ и ограничивалась вся ея дѣятельность.,

за которую она получала приличное вознаграждение и подарки. Кажется, она жила у насъ много лѣтъ. Она была въ дружескихъ отношеніяхъ съ приказчикомъ Василіемъ Шилиповичемъ Евхименко, у котораго были всрослые дѣти. Приказчикъ жилъ маленькимъ паномъ, завѣдывалъ всѣми нашими землями и лѣсами и, вѣроятно, не упускалъ изъ виду собственныхъ интересовъ при свозкѣ на панскій дворъ хлѣба, сѣна и лѣса. Онъ пользовался у моего отца не только довѣріемъ, но и любовью и нерѣдко ссужалъ его деньгами на карточную игру, конечно, тайно отъ матери.

Не малое участіе въ экономической жизни моей семьи принималъ еще жидъ Юдко изъ м. Березно. Онъ пріѣзжалъ къ намъ почти каждую недѣлю и привозилъ разнаго рода покупки: говядину, рыбу, раки, а иногда и произведенія мануфактуры. Безъ сомнѣнія, онъ пользовался хорошими процентами, а также получалъ произведенія хозяйства — хлѣбъ, картофель, капусту, и пр. Обыкновенно онъ привозилъ корреспонденцію съ почты и разнаго рода новости. Возможно предположить, что семья наша состояла у него въ арендномъ отъ вагала содержаніи. Необходимо замѣтить, что онъ исполнялъ всякаго рода порученія, доставлялъ покупщиковъ, арендаторовъ и пр. и вообще являлся крайне необходимымъ почти во всѣхъ хозяйственныхъ отношеніяхъ.

Въ числѣ крѣпостныхъ крестьянъ моего отца многіе знали ремесло. Такъ, вблизи нашей усадьбы находилась кузница, въ которой постоянно работалъ „коваль“ Демьянъ. Онъ ковалъ лошадей, почивая экипажи, сельско-хозяйственные орудія и постоянно работалъ какъ для двора, такъ и для всего хутора. Онъ бралъ работы со стороны и получалъ за нихъ порядочное вознаграждение. Я помню, бывши мальчикомъ, я просиживалъ постоянно въ „кузнѣ“. Демьянъ меня не гналъ и скорѣе привязывалъ къ себѣ своими сказками, которыя я выслушивалъ съ напряженнымъ вниманіемъ. Онъ зналъ массу сказокъ, изъ которыхъ мнѣ памятна до сихъ прѣ сказка про царицу Джегерментовну. Я помню хорошо, что онъ ее рассказывалъ три дня подъ рядъ и она производила на меня такое сильное впечатлѣ-

ніє, что я долго не могъ заснуть. Къ крайнему моему сожалѣнію, она не сохранилась у меня въ памяти и только удержалось одно ея название. Демьянъ не работалъ „на панщинѣ“, и его обязанности ограничивались даровою работою „на панскій дворъ“. Онъ зналъ отлично и слесарное мастерство, починялъ замки, машинки, лудилъ самовары, кофейники и пр. Рядомъ съ кузнею находилась усадьба Демьянова, а за нею „хуторское кладбище“. Кузня часто являлась мѣстомъ сборища хуторянъ. Одинъ несъ сюда косу „насталить“, другой—кона „пидковать“. Демьянъ бралъ небольшое вознагражденіе и никогда не оставался безъ работы. Часто къ нему являлись изъ другихъ хуторовъ. Онъ былъ большой говорунъ и не давалъ никому скучать.

Другимъ выдающимся лицомъ изъ ряда крѣпостныхъ былъ родомъ изъ с. Сахновки портной Левко. Онъ обшивалъ всю нашу семью, можно сказать, съ ногъ до головы. Онъ шилъ мужское и женское платье, бѣлье, шляпы и не отказывался ни отъ какой работы, которая требовала иголки съ ниткою. Обыкновенно, въ случаѣ надобности его выписывали изъ с. Сахновки, и онъ устраивалъ свою мастерскую въ залѣ. По виду, онъ былъ большой человѣкъ, худой, желтый, смирный, тихій, молчаливый. Дѣтей у него не было, а жена его была гораздо моложе его. Во время работы, онъ питался отъ нашего стола. Вся наша семья любила Левка, и мы, маленькая дѣти, постоянно окружали его. Онъ былъ пожилымъ человѣкомъ и, конечно, давно уже умеръ.

Рядомъ съ нимъ можно поставить другого ремесленника, тоже изъ с. Сахновки, сапожника Опанаса. Онъ шилъ всякаго рода обувь для нашей семьи и для дворни, а также упряжь. Мастерскую свою онъ устраивалъ, обыкновенно, въ цоварской, гдѣ и пользовался остатками отъ куашаньевъ, въ видѣ контрабанды. Онъ не пользовался особыми нашими симпатіями, былъ молчаливъ и только подъ звуки молотка напѣвалъ пѣсни. У меня и до сихъ поръ сохранилась одна его пѣсня на русскомъ языкѣ съ украинскимъ акцентомъ. Я приведу здѣсь для образца одно только начало.

Спрежду живъ малчикъ веселился
Бо имивъ свій большой капиталъ.
Капиталъ свой малчикъ прамотався
Въ неволю значить, жить попавъ.

Не въ великую, значить, неволю,
Въ билу каменую, значить тюрьму
Калидоры, значить, очень длины
И народъ, право, стоять стовномъ

и т. д.

Ононась тоже былъ вполнѣ свободнымъ отъ панщины. Въ с. Сахновкѣ онъ имѣлъ свою мастерскую и постоянно былъ занятъ исполненіемъ заказовъ.

Задолго до моего рожденія у отца былъ собственный хоръ музыкантовъ. Я помню, что въ періодъ моего дѣтства сохранились только остатки этого хора. Обыкновенно, когда собирается къ намъ съ хуторовъ молодежь, разсылаютъ разыскивать музыкантовъ. Нерѣдко они являются въ постолахъ, въ свиткахъ. Хоръ состоялъ изъ двухъ скрипокъ, баса и бубна. Его ставили въ лакейской, танцы устраивались въ залѣ. Въ танцахъ я не принималъ участія, такъ какъ былъ еще маль. Иногда только меня выводили изъ среды музыкантовъ на средину залы, гдѣ я долженъ былъ танцевать „козачка“. Подъ музыку гости играли въ фанты.

Если я не ошибаюсь, крѣпостные были довольны своимъ положеніемъ. За нихъ подати уплачивалъ отецъ, на работу они вызывались въ случаѣ нужды, пользовались бесплатно лѣснымъ материаломъ и пасли скотъ свой въ лѣсу или на болотахъ. Бывши уже довольно большими, я помню, что вся дворня осталась на своихъ мѣстахъ послѣ указа 19 февраля 1861 г.

— На що намъ плата тая? Жилы, спасыби Богови, добра до сего часу, говорили служащіе: будемъ жить такъ и дали.

Крестьяне отца вообще не считали себя крѣпостными.

— Мы пидхожи, ще пры дидахъ силы на паньски земли, тай доси живемъ.

Вообще уничтоженіе крѣпостнаго права не измѣнило отношеній крестьянъ къ нашей семье: такъ-же смотрѣлъ во дворѣ

за скотомъ Иванъ Снигирь съ отмороженными ногами. Не то было съ крестьянами по нѣкоторымъ сосѣднимъ хуторамъ.

Мой отецъ отличался рѣдкою добротою. Бывало, проигралася до копейки, и мать моя начинаетъ его ругать, грызть. Отецъ молчитъ, какъ онъмѣль, „пары зъ рота не пустыть“.

— Чего ты молчишь? спросить разсерженная мать.

— А мени що: „хочъ лыхо, абы тыхо“.

Такъ именно относился онъ и ко всѣмъ окружающимъ, избѣгалъ всякихъ непріятностей, мирился съ обстоятельствами. Онъ старался жить для своего удовольствія.

Хотя я пользовался на каждомъ шагу вниманіемъ и любовью родителей и сестеръ, но меня тянуло изъ семьи. Я искалъ развлечеія среди однолѣтковъ и съ наступленіемъ весны жилъ на воздухѣ. Зелень, масса разнообразныхъ цвѣтовъ, пѣніе птицъ, все это наполняло мою жизнь до времени наступленія занятій книжкою. На одномъ изъ сосѣднихъ хуторовъ жила старушка-вдова, вполнѣ одинокая. Мать навѣщала ее довольно часто и брала меня съ собою. Я ъздилъ къ Марѣ Васильевнѣ съ особымъ удовольствіемъ, такъ какъ у нея въ каждой почти комнатѣ висѣла передъ окномъ клѣтка съ канарейкою. Я цѣлыми часами заслушивался пѣнія канареекъ и до сихъ поръ остаюсь большимъ любителемъ ихъ. По окончаніи университета у меня былъ заводъ ихъ, въ которомъ доходило иногда до 100 штукъ. Конечно, я раздавалъ ихъ своимъ знакомымъ. Трескотня ихъ нисколько меня не раздражала.

Я любилъ въ дѣтствѣ также собакъ. У матери моей была маленькая собачка—болонка, а во дворѣ находилось нѣсколько большихъ собакъ, и возлѣ „красной кладовой“ былъ на привязи найденный на дорогѣ щенкомъ громадный песъ „Казбекъ“. Онъ отличался мягкою и длинною шерстью, указывавшею его благородное происхожденіе. За собаками имѣлъ непосредственное наблюденіе старикъ Снигирь, хотя и сестры, и я всегда носили имъ остатки со стола, а для Казбека держали особую миску. По временамъ Снигирь спускаль его съ цѣпи, и онъ рвался ласкаться со мною.

Вообще, съ дѣтства я любилъ птицъ, звѣрей, зелень, и эта любовь сохранилась во всѣ 50 лѣтъ моей жизни.

Постоянное соприкосновеніе съ окружающею природою разнообразило скучную жизнь на хуторѣ. Мать моя, занятая хозяйствомъ и леченіемъ больныхъ, любила приживалокъ, которые вносили новые элементы. Къ числу этихъ приживалокъ на первый планъ нужно поставить, такъ называемую, маіоршу. Всѣ мы не иначе ее называли, какъ маіоршею, и я не сохранилъ въ памяти ни ея имени, ни фамиліи. Маіорша вела вполнѣ кочевую жизнь. У родителей ея были двѣ дочери. Къ нимъ бѣзилъ какой-то маіоръ, который сдѣлалъ предложеніе жениться на старшей дочери. Родители заботились о томъ, чтобы выдать сперва младшую дочь, такъ какъ она была очень некрасива. Родители согласились на бракъ и въ день свадьбы такъ напоили жениха, что безъ особыхъ заботъ повѣчали его съ младшою дочерью. На другой день утромъ выяснился весь скандалъ. Маіоръ проснулся рано и увидѣлъ возлѣ себя сестру его невѣсты. Онъ такъ былъ пораженъ, что тотчасъ вскочилъ съ постели, вѣль запрягать повозку и навсегда распростился съ семьёю. Молодую жену родители выгнали изъ дома за то, что она не сумѣла привязать къ себѣ мужа. Съ того дня она ведетъ кочевую жизнь, переѣзжая отъ одного пана къ другому съ небольшимъ узломъ, составляющимъ все ея состояніе. У насъ она проживала обыкновенно по нѣсколько недѣль, а иногда и мѣсяцевъ. Она отличалась крайнею оригинальностью и была нами любима за ея неисчислимые рассказы. Ей было известно все, что происходило въ окрестностяхъ. Увѣряютъ, что она однажды такъ разсердилась на пономаря одной церкви, что ему откусила конецъ носа. Съ вечера она забралась на колокольню и тамъ поджидала всю ночь пономаря. Когда наступило утро, пономарь полѣзъ на колокольню звонить, но едва онъ взошелъ на верхъ, маіорша набросилась на него, откусила ему носъ и скрылась. Несчастный пономарь упалъ въ обморокъ и не замѣтилъ, кто съигралъ надъ нимъ такую шутку. Маіорша знала массу пѣсенъ и ими насъ развлекала. Изъ числа этихъ пѣсенъ я помню только слѣдующую:

У ворить дивка стоять,
Вона плаче говорить:
— „Ахъ валина, ахъ малина,
Ахъ валинушка моя!“

Обыкновенно она носила въ карманѣ очень крупные желуди. Передъ пѣniемъ она вынимала ихъ и вставляла себѣ въ носъ, въ уши, по бокамъ рта, въ глаза и въ такомъ видѣ пѣла. Какъ то пріѣхала она къ намъ зимою и заказала на хуторѣ большую клѣтку, которую повѣсила надъ входными дверями въ дѣвичей. Она рѣшила поймать сойку и посадить ее въ клѣтку. Сама она соорудила силки, выкопала въ снѣгу ямочку и набрала въ нее желудей. Дня черезъ два сойка была въ ея рукахъ. Она посадила ее въ клѣтку и стала по цѣлымъ днямъ учить ее говорить. Въ теченіе какихъ нибудь 10—15 дней сойка уже стала отчетливо кричать выученные ею отъ маіорши фразы:

Буки-ашъ—карандашъ,
Буки-рцы—огурцы.
и т. д.

Лѣтомъ она помѣщалась въ „горницахъ“. Это были 4 комнаты, построенные надъ амбарами въ саду. Почему то она разсердилась „на русскихъ“, которые арендовали садъ. О бокѣ сада находилось наше фамильное кладбище. Чтобы наказать садовниковъ, она соорудила себѣ ходули и въ темную ночь накинула на себя простыню и на ходуляхъ отъ кладбища пошла къ сторожевой будкѣ. Арендаторы сада страшно перепугались, побѣжали во дворъ и заявили, что къ нимъ приходила смерть, вся въ бѣломъ, высокая. Конечно, во дворѣ всѣ догадались, что роль смерти играла маіорша, которая такъ старалась обѣ изгото-
леніи ходуль.

Помню, ей совѣтовали поступить въ монастырь. Она на это вопрошала:

— „Хиба у мужскій“?

О ней ходили слухи, будто бы она была не женщиною. Повидимому, къ распространенію такихъ слуховъ служила отчасти растительность на ея лицѣ, изображавшая собою усы, бороду, бакенбарды.

Когда она замѣчала, что ею начинали тяготиться, она выходила за ворота и поджидала случая съ кѣмъ-нибудь изъ проѣзжихъ выѣхать отъ насъ. Мать моя обыкновенно обдаривала ее разнымъ хламомъ и иногда давала деньги.

Въ моей памяти до сихъ поръ сохранилась личность „Грыца“ Мирошниченка изъ Сѣднева. Онъ былъ изъ числа крѣпостныхъ Лизогуба. Это былъ человѣкъ не высокаго роста, худой, вѣчно босой, одѣтъ въ рубище. Одни признавали его юродивымъ, а другие пророкомъ. Онъ пользовался большимъ уваженіемъ въ населеніи. На него не дѣйствовали ни холодъ, ни жара. Говорилъ онъ лаконически и часто гадательно. Водки онъ не пилъ вовсе и отличался большою набожностью. Онъ не пропускалъ ни одного храмового праздника.

Помню, мнѣ было лѣтъ 8. Я спросилъ его, какая ждетъ меня участъ въ будущемъ. Вместо отвѣта онъ сталъ рыться въ карманѣ, вынулъ оттуда кусочекъ „крейды“ (мѣла) и сунулъ мнѣ въ руку. Я вспомнилъ этотъ фактъ, потому что пришлось поступить въ университетъ на математической факультетѣ, а затѣмъ, поступивши на службу, исписывать цѣлые стопы бумаги. Грыць ничего не держалъ при себѣ, все, что получалъ, онъ раздавалъ бѣднымъ. Въ церквиахъ онъ бралъ свѣчи бесплатно и часто все служеніе стоялъ въ углу на колѣнахъ. Онъ пользовался большою популярностью въ населеніи и, какъ говорили, никогда ничѣмъ не хворалъ во всю свою жизнь, хотя никогда не носилъ обуви.

Рядомъ съ Грыцемъ въ моей памяти воскресаетъ образъ крѣпостного сосѣдняго помѣщика Б—аго, Ивана Скорохода. Это былъ глубокій старецъ, ослѣпшій съ дѣтства. Онъ былъ сѣдой, какъ лунь, и носилъ большую бороду. Нельзя было его назвать нищимъ въ полномъ смыслѣ этого слова. Посѣщалъ насъ онъ довольно часто. Бывало, взойдетъ онъ въ комнаты, направится прямо въ столовую, становится на колѣнахъ передъ образомъ и начинаетъ пѣть своимъ старческимъ голосомъ. Пѣль онъ большою частью божественная пѣсни:

О, Іасусе, мій прелюбезныій,
Сердце радосте,

Едина въ скорбѣхъ утихо,
Моя радосте!..

Нерѣдко посѣщалъ настъ бандуристъ „Лавринъ“. Свою музыкою и пѣніемъ онъ доставлялъ намъ большое удовольствіе. Репертуаръ его пѣсенъ былъ обиленъ. Онъ зналъ и историческія пѣсни, и бытовыя. Къ сожалѣнію, я былъ еще безграмотнымъ и не могъ записать его пѣсню. Въ памяти моей сохранились только пѣсни о чечеткѣ и о попадѣ. Вотъ начало ихъ:

Журылася попадѣя
Свою бадою:
Тажко мали въ свити житы,
Бо пипъ зъ бородою.
и т. д.
Жила соби чечетушка
Зъ своими дочкамы...

За симъ слѣдовало перечисленіе дочерей и зятей, приглашеніе ея на пиръ и т. п.

По временамъ къ намъ заходили старцы и пѣли разнаго рода божественные пѣсни. Дальше сънѣй со стороны дѣвичьей они не проникали. Мать моя каждый разъ заботилась, чтобы ихъ накормили и напоили. Обязанность эту выполняла, обыкновенно, ключница. Обѣдали они большою частью возлѣ кухни.

Матрена Ивановна одинъ разъ поставила имъ цѣлую „пляшку горилки“. Они не перемонились и выпили чуть ли не сразу. За симъ между ними возникъ горячій споръ. Одинъ заявлялъ, что Кавель убивъ Авеля, а другой—что Авель убивъ Кавеля.

Д. Морозъ.

АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЙ ТИПЪ МАЛОРОССОВЪ.

(ПРЕДВАРИТЕЛЬНОЕ СООБЩЕНІЕ).

Многіе изслѣдователи малорусского племени (Чубинскій¹⁾, В. Диболдъ²⁾, В. Е. Эмме³⁾, Эркерагъ⁴⁾, К. Н. Иковъ⁵⁾, Ю. Д. Талько-Гринцевичъ⁶⁾, А. Н. Красновъ⁷⁾, Г. Коперницкій⁸⁾, В. В. Петровъ⁹⁾ и др.) указывали на большое разнообразіе физического типа Малороссовъ. Уже г. Чубинскій, одинъ

¹⁾ Чубинскій. Малоруссы Юго Западнаго края. СПБ. т. VII. ч. Ш. Труды этнограф.-статистич. экспедиціи въ Зап.-Русскій край, снараж. Импер. Русск. Географ. Общ.

²⁾ Ein Beitrag zur Anthropologie der Kleinrussen W. Diebold. Diss. Dorpat 1886 г.

³⁾ „Антрапология и Медицина“. Полтава. 1882 г. См. также его статьи: 1) о соотношениі между прѣѣтностью и формой черепа въ полтав. губ. 2) О множественности типовъ великорусскихъ и малорусск. череповъ, 3) о множественности антропологическихъ среднихъ типовъ великорусскихъ и малорусскихъ череповъ (Древникъ Антропол. Отдѣла 1886 г.).

⁴⁾ Извѣстія Кавказ. Отдѣла Импер. Русскаго Географич. Общ. Тифлисъ 1882 г. т. VII.

⁵⁾ Замѣтки по кефалометріи бѣлоруссовъ сравнительно съ велико-и малоруссами. Древникъ Антропол. Отдѣла. 1890 г. В. IV.

⁶⁾ „Физическая характеристика Украинскаго народа“. Проток. Рус. Антропол. Общ. СПБ. 1892 г.

⁷⁾ Объ антропологическихъ типахъ харьковскаго уѣзда и города Харькова*. География. Сборни. 1891 г.

⁸⁾ Prof J. Kopernicki. Charakterystyka fizyczna góraliusskich na podstawie własnych spostrzezeń na osobach żywych opracował.

⁹⁾ В. В. Петровъ „Сравненіе антропометрическихъ данныхъ о призывахъ курск. губерніи“. Дѣл. Антропол. Отдѣла. 1893 г. Вып. I.

изъ первыхъ изслѣдователей,—различалъ въ малорусскомъ племени три, довольно рѣзко обособившихся, типа: Украинцевъ, Подолянъ и Полѣщуковъ, отличающихся другъ отъ друга нарѣчіемъ, бытовой обстановкой и особыми физическими признаками. Другіе авторы раздѣляютъ малороссовъ на значительно большее еще число типовъ.

Извѣстно, что существуетъ много споровъ и разногласій, какъ о границахъ этнографического распространенія малорусского племени, такъ и о самобытности этого племени, его языка и, наконецъ, о времени происхожденія самой малорусской народности. Я не имѣю времени входить здѣсь въ обсужденіе этихъ, весьма интересныхъ, вопросовъ и возбужденныхъ ими споровъ. Несомнѣнными являются, однако, слѣдующія положенія: 1) малорусское племя сохранило до сихъ поръ нѣкоторые признаки, характерные для типа древнихъ славянъ; 2) антропологический типъ малороссовъ носитъ слѣды значительной примѣси инородческихъ элементовъ.

Мною лично были сдѣланы антропометрическія изслѣдованія и наблюденія антропологического характера надъ украинцами кубанской области, потомками бывшихъ черноморскихъ козаковъ. Какъ извѣстно, черноморское войско состоялось изъ переселившихся въ предѣлы нынѣшней кубанской области остатковъ славнаго войска запорожскаго. Къ нимъ впослѣдствіи въ разное время было переселено болѣе 100.000 душъ изъ малороссійскихъ губерній (полтавской, екатеринославской, харьковской, черниговской). Наблюденія свои я производилъ по схемѣ Брука, при помощи точныхъ инструментовъ и пособій въ видѣ хроматической таблицы Брука (для опредѣленія цвѣта кожи, глазъ и волосъ), и таблицы для опредѣленія остроты зрѣнія и цвѣтоощущенія. Мои наблюденія послужили предметомъ особаго доклада въ Антропологическомъ Отдѣлѣ Импер. Общества Любителей Естествознанія.

Въ настоящемъ своемъ докладѣ я постараюсь не утомлять слушателей цифровыми выкладками, а сгруппирую лишь общіе выводы изъ собранныхъ мною антропологическихъ данныхъ, неоднократно проверенныхъ и сопоставленныхъ съ данными

другихъ авторовъ, производившихъ свои изслѣдованія въ различныхъ областяхъ, населенныхъ Малороссами.

Однимъ изъ главнѣйшихъ физическихъ признаковъ, характеризующихъ украинца,—будетъ высокій ростъ. На это уже указалъ Д. Н. Анучинъ¹⁾ въ своемъ трудаѣ о ростѣ населенія Россіи, трудаѣ, который со временемъ выхода въ свѣтъ (1889 г.) сталъ настольной книгой для каждого интересующагося вопросами русской антропологии. Дѣйствительно, высокій ростъ и ростъ выше средняго—преобладаютъ среди малороссовъ. Варіаціи же средней величины роста довольно значительны. Наибольшій „средній ростъ“ (1667—1700) наблюдается въ кубанской области, наименьшій—въ черниговской и волынской губ. (1641), а также и въ Галиції (1641),—коренныхъ и первоначальныхъ мѣстахъ жительства предковъ современныхъ малороссовъ.

Относительно цвѣта кожи, волосъ (на головѣ) и глазъ—всѣ наблюдатели согласны, что среди малороссовъ по преимуществу замѣчаются: свѣтло-розовый цвѣтъ кожи (72—85%), темные волосы (60—70%). и глаза свѣтлыхъ оттѣнковъ (52—60%). Лишь у малороссовъ кубан. области (Гильченко), да у Галицкихъ русиновъ и русскихъ горцевъ (Коперницкій) замѣчено преобладаніе смуглого цвѣта кожи (65—70%) и почти равное распределеніе свѣтло-и темноволосыхъ. При этомъ несмотря на различіе мѣстъ наблюденія (Кавказъ, Галиція, Киевская губ., Харьковск., Полтавск., Курская и др.),—результаты наблюденія у всѣхъ авторовъ поразительно сходны между собою. Колебанія $\%$ -наго отношенія по цвѣту кожи, волосъ и глазъ у малороссовъ различныхъ областей—крайне ничтожны.

Весьма интересно сопоставленіе цвѣта глазъ съ цвѣтомъ волосъ и взаимныя ихъ комбинаціи. Оказывается, что между малороссами чаще всего встрѣчается „смѣшанный типъ“ (свѣтлые волосы и темные глаза, или наоборотъ—темные волосы и свѣтлые глаза). При этомъ $\%$ -ное распределеніе этого типа варьируетъ въ небольшихъ предѣлахъ (40—

¹⁾ „О географическомъ распределеніи роста мужскаго населения Россіи“. СПБ. 1889 г.

59%). Также довольно стойко держится среди малороссовъ и свѣтлый типъ (свѣтлые волосы и глаза свѣтлыхъ оттѣнковъ)—(16—34%). „Всего же рѣзче колеблется степень распространения „темнаго типа“ (темные волосы и темные глаза). Такъ, одинъ авторъ (Ю. Д. Талько-Гринцевичъ) наблюдалъ у малороссовъ киевской губ. „темный типъ всего въ 6%¹⁾), а другой—нашель его въ 39% среди населенія полтавской губ. (В. Е. Эмме).

Неоднократно указывалось, что „темный типъ“ всегда составлялъ и составляетъ особенность западныхъ славянъ,—въ томъ числѣ и малороссовъ—въ противоположность сѣверо-восточнымъ славянамъ, гдѣ преобладаетъ свѣтлый типъ. Съ этой точки зреѣнія интересно отмѣтить среди украинцевъ поглощеніе темнаго типа—свѣтлымъ.

Но быть можетъ, свѣтлый цвѣтъ глазъ и волосъ составляетъ коренной, основной физической признакъ малоросса, прямого потомка одного изъ племенъ русскихъ славянъ?

Быть можетъ, именно свѣтлый типъ и приближаетъ украинца къ его славянскому прообразу? Описанія современниками наружности древнихъ славянъ, къ сожалѣнію, довольно поверхностны и не даютъ яснаго представленія объ антропологическомъ типѣ нашихъ далекихъ предковъ. Въ большинствѣ, впрочемъ, ихъ описываютъ²⁾ свѣтлокожими, свѣтловолосыми и свѣтлоглазыми. Въ такомъ случаѣ темный типъ, т. е. распределеніе темнаго пигмента, встрѣчающееся у малороссовъ въ различныхъ ком-

¹⁾ L. cit. стр. 47.

²⁾ У Соловьева, напр., („Исторія Россіи съ дравиѣшихъ временъ“) находимъ слѣдующее: „о наружности древнихъ славянъ современники говорятъ, что они вѣсѣ похожи другъ на друга, высока ростомъ, статны, всяка у нихъ не совершенно бѣла, волосы длинные, темно—русые, лицо красноватое (т. I, стр. 73). Затѣмъ о Сарматахъ и скіеахъ (близкихъ по крови древнимъ славянамъ), вѣкогда населявшихъ области, теперь занимаемыя малорусскимъ племенемъ: „сарматы были бѣлокуры, свирѣпы на видъ, носили длинные волосы и бороду, широкую одежду, росписывались по тѣлу разными узорами“ (стр. 115).... „Относительно наружности скіеи представляются у древнихъ бѣлокожими, краснолицими, голубоглазыми, съ мягкими, длинными, жидкими, искрасна—желтыми волосами. Скіеи были очень похожи другъ на друга, толсты и масисты“ (стр. 42)... (т. I. Исторія Россіи съ древн. временъ).

бинаціяхъ въ окраскѣ кожи, волосъ и радужной оболочки должно рассматривать какъ элементъ чуждый, инородческій.

Достоенъ вниманія тотъ фактъ, что у темноволосыхъ украинцевъ Кубанской области (по моимъ наблюденіямъ) и полтавск. губ. (по наблюденіямъ В. Е. Эмме) %-ное отношеніе окружности грудной клѣтки къ росту—менѣе благопріятно, чѣмъ у свѣтловолосыхъ. А именно В. Е. Эмме нашелъ, что темноволосые украинцы полтавск. губ. имѣютъ окружность груди менѣе $\frac{1}{2}$ роста на 36 м. м., а у свѣтловолосыхъ величина окружности груди превышаетъ $\frac{1}{3}$ роста. По моимъ же наблюденіямъ, среди кубанскихъ козаковъ окружность груди вообще превышаетъ $\frac{1}{2}$ роста, но тогда какъ темноволосые имѣютъ отношеніе окружности груди къ росту=51,9, у свѣтловолосыхъ оно равно 53,0%.

Воздерживаясь пока отъ поспѣшныхъ заключеній о меньшей физической крѣпости и жизнеспособности темноволосаго типа въ малорусскомъ племени, тѣмъ не менѣе считаю нужнымъ еще разъ отмѣтить болѣе благопріятное отношеніе периметра грудной клѣтки къ росту у свѣтловолосаго типа. Невольно, самъ собою напрашивается вопросъ,—не имѣетъ ли связи этотъ фактъ съ постепеннымъ поглощеніемъ темнаго типа свѣтлымъ, являющимся, повидимому, болѣе жизнеспособнымъ? Было бы въ высшей степени важно провѣрить указанное явленіе на болѣе значительномъ материалѣ. Переходя затѣмъ къ разсмотрѣнію размѣровъ головы, мы прежде всего наталкиваемся на весьма любопытный фактъ, что у малороссовъ какъ абсолютная величина горизонтальной окружности головы, такъ и ея относительная величина малыхъ размѣровъ. Это явленіе отчасти объясняется высокимъ среднимъ ростомъ малоросса. Подходящія величины наблюдались у нѣкоторыхъ финскихъ племенъ (Эсты, Ливы), тюркскихъ (Киргизы и Татары Крыма) и Иранскихъ (горцы Кавказа).

Малая горизонтальная окружность головы указываетъ на небольшую величину черепа, на малую черепную вмѣстимость (емкость черепа). Дѣйствительно, непосредственнымъ взвѣшиваніемъ мозга болѣе чѣмъ у 60 особей мнѣ пришлось убѣдиться, что средний вѣсъ мозга у малороссовъ невеликъ (1320 грам.)—

въ сравненіи съ вѣсомъ мозга у другихъ племенъ—по моимъ личнымъ наблюденіямъ¹⁾.

Размѣры другихъ головныхъ дугъ (поперечно-ушной и затылочно-лобной) подтверждаютъ фактъ небольшой величины черепа у малороссовъ. Въ этомъ отношеніи къ нимъ ближе всего подходятъ помимо кровныхъ близкихъ—Бѣлоруссовъ (Янчукъ), и Великоруссовъ—Персіяне, Осетины, Башкиры, Киргизы, Татары Крыма и Тюркскія племена Кавказа.

Характерной формой головы у малороссовъ является—брахицефалическая. Брахицефалія всего рѣзче выражена въ населеніи кіевск. губ. (головной указатель=83,2 у Талько-Гриневича и 84,3 у Дибольда). Просматривая %-ное распределеніе длинноголовыхъ, средне и коротко-головыхъ, мы видимъ, что количество долихоцефаловъ въ современномъ украинскомъ населеніи незначительно (9,8% въ кубан. области, 3,7%—8,5%—въ кіевск. губ. и 17,8% въ полтавск. губ.). Къ сожалѣнію, намъ неизвѣстно, были ли древніе славяне долихоцефалами или брахицефалами. Черепа, найденные въ курганахъ центральной и южной Россіи, въ большинствѣ случаевъ оказывались долихоцефальными. Такъ что въ немногихъ процентахъ длинноголовыхъ и сказывается, быть можетъ, вліяніе доисторического курганныго населенія на типъ современныхъ малороссовъ.

Считая высокій ростъ характернымъ для древнихъ славянъ и полагая, что у высокорослыхъ Украинцевъ сохранились въ большой чистотѣ, чѣмъ у малорослыхъ и другія черты древнеславянского типа, я выдѣлилъ высокорослыхъ въ особую группу и для каждого изъ нихъ отдельно вычислилъ головные указатели. Разницы никакой не оказалось. Ростъ, повидимому, не имѣетъ вліянія на распределеніе формъ головы среди малороссовъ. Но по цвету волосъ—замѣчается разница. А именно: темноволосые украинцы (кубан. области) имѣютъ замѣтно большую наклонность къ брахицефалии.

¹⁾ Такъ напр. средній вѣсъ мозга у осетинъ (11 суб.)=1465,3 грам., у чеченцевъ (ингушей) (13 суб.)=1453 грам., Дагестанскихъ горцевъ=1340 грам., грузинъ (11 суб.)=1350 грам. и армянъ=1369 грам., подробн. въ статьѣ моей: „Le poids du cerveau chez quelque peuples du Caucase“. (Въ трудахъ международныхъ конгрессовъ по Археологии и Антропологии, бывшихъ въ 1892 г. въ Москвѣ).

Я не буду останавливаться на величинѣ остальныхъ диаметровъ головы: наибольшемъ продольномъ и поперечномъ ушномъ, лобномъ и друг: скажу только, что сравненіе величины этихъ диаметровъ съ подобными же размѣрами у другихъ народовъ постоянно сближаетъ малороссовъ съ тюркскими племенами (чаще всего съ татарами Крыма, Касимова, затѣмъ съ башкирами, киргизами, узбеками) и иранскими (горцами Кавказа и иранцами Средней Азіи). Сходство съ финскими племенами встрѣчается гораздо рѣже. Измѣренія лица и его частей, абсолютная и относительная величины ихъ также интересны въ томъ отношеніи, что постоянно совпадаютъ съ тѣми же величинами то у иранскихъ племенъ (осетинъ и друг.), то у тюркскихъ (преимущественно татаръ Крыма).

Лицевая линія (т. е. длина лица) у малороссовъ мала. Лобъ (иначе говоря верхняя $\frac{1}{3}$ лица) также небольшого размѣра, что считается характернымъ именно для иранцевъ; средняя треть лица, т. е. носьѣ еще болѣе замѣтно малыхъ размѣровъ (тоже у многихъ турковъ и иранцевъ). Межглазничное пространство—среднихъ размѣровъ и мало чѣмъ уступаетъ ширинѣ носа, что, по мнѣнію антропологовъ, составляетъ одно изъ доказательствъ примѣси тюркской или монгольской крови къ данному племени. Слѣдуетъ отмѣтить, что у малороссовъ кубанской области чаще, чѣмъ у другихъ, встрѣчается этотъ монголоидный признакъ.

Нижняя треть лица у малороссовъ имѣеть довольно значительные размѣры, что опять таки характерно для иранцевъ и многихъ туркскихъ племенъ.

Лицевой указатель, т. е. отношеніе наибольшей ширины лица къ формѣ его, снова ставитъ малороссовъ въ одну группу съ иранцами и турками (башкирами, горскими татарами Кавказа и Крыма).

Измѣренія высоты надъ почвой различныхъ точекъ (слухового отверстія, верхнеплечевого отростка, вырѣзки грудины, пупка, лоннаго сращенія и пр.)—дѣлались мною и еще немногими изслѣдователями, но такъ какъ они мало характеризуютъ типъ малоросса, то я ихъ опускаю.

Еще болѣе ограниченное количество данныхъ имѣется относительно длины рукъ и ногъ и ихъ отдѣльныхъ частей. Нельзя не упомянуть однако о меньшей длинѣ руки украинцевъ кубанской области, сравнительно съ малороссами кіевск. губ., которые въ свою очередь уступаютъ еще болѣе длинорукимъ великорусамъ.

Абсолютная длина ногъ у малороссовъ сближаетъ ихъ съ эстами (О. Грубе), ливами (Вальдгауеръ) и осетинами (Гильченко), а по относительной длине нижнихъ конечностей—они подходятъ къ осетинамъ и маджикамъ.

Изъ отдѣльныхъ частей ноги интересно указать на значительную величину бедра у малороссовъ (кубанской области—по моимъ наблюденіямъ, кіевской—по наблюденіямъ Талько-Гринцевича). Относительная длина бедра у малороссовъ превосходитъ ту же величину у западныхъ славянъ и нѣмцевъ, вообще отличающихся, по Вейссбаху, длиной ногъ и относительной величиной бедра.

Подводя итоги всему выше сказанному, мы видимъ, что малороссы представляютъ въ своемъ антропологическомъ типѣ весьма замѣтные слѣды примѣси инородческой крови, преимущественно крови тюркскихъ племенъ. Это явленіе уже давно подмѣчено нѣкоторыми историками и этнографами. Еще г. Чубинского¹⁾ поражало сходство малороссовъ съ Крымскими татарами, среди которыхъ, въ свою очередь, часто встречались лица, вполне похожія на Малороссовъ. Причинъ такого сходства имѣется достаточно. Цѣлые столѣтія Українцы сосѣдили

¹⁾ „Междь малоруссами часто встречаются типы совершенно татарскіе и въ то же время у Крымскихъ татаръ можно нерѣдко встрѣтить типичныя малорусскія лица; попадаются также лица, напоминающія Кавказскихъ горцевъ, и это неудивительно. Не говори уже о кочующихъ народахъ княжескаго периода, каковы Печенѣги, Хозары и др., которые могли, хотя частью, осѣдать въ краѣ,—здѣсь, на Українѣ, поселились Тюри, Беренѣви и Черные Клобуки. Затѣмъ постоянные набѣги татаръ, увозъ женщинъ въ изѣнь—не могли не влиять, какъ на татарскій, такъ и на малорусскій типы. Кромѣ этого восточного элемента во время казачества долженъ былъ оказать хотя вѣкоторое влияніе южно-славянскій и румынскій элементы, притекавшіе въ казацкую Україну, а въ особенности въ Запорожскую Сѣчь“...

съ Крымской ордой. То дружескя, то враждебная отношения Україны и Крыма не прерывались, и эта непрерывность сношений красной нитью проходитъ чрезъ всю исторію Малороссіи. Но и до появленія татаръ, въ еще болѣе отдаленныя времена, на югѣ Россіи обитали кочующія тюркскія племена: Печенѣги, Половцы, Тюрки, Берендеи, Черные Клобуки, Хазары и пр. Всѣ эти народы, еще встрѣчающіеся на зарѣ русской исторіографіи, въ далекомъ прошломъ осѣли на Українѣ и затѣмъ исторически, но не антропологически исчезли.

Такое предположеніе, давно высказанное историками, подтверждается нынѣ антропометрическими данными.

Я далекъ отъ мысли считать сдѣланныя мною указанія на степень распространенія свѣтлого и темнаго типовъ, формъ головы и на антропометрическое сходство Малороссовъ съ тюрками исчерпывающими вопросъ о физическомъ типѣ Малороссовъ. Этими указаніями, этимъ сходствомъ лишь намѣщается вопросъ, и потребуется еще много труда для выясненія иныхъ вліяній, каковы: топографическая и климатическая условія различныхъ областей, занимаемыхъ малорусскимъ племенемъ. Еще, быть можетъ, важнѣе уяснить типъ различныхъ племенъ русскихъ славянъ (Сѣверянъ, Древлянъ, Дреговичей, Полянъ, Волыньянъ, Бужанъ и др.), вошедшихъ въ составъ Малорусского племени и обусловливавшихъ столь значительное разнообразіе антропологического типа современныхъ Малоруссовъ. Но всѣ эти вопросы могутъ быть разрѣшены не единичными усилиями антропологовъ, о лишь дружной совмѣстной работой русскихъ историковъ, географовъ, археологовъ и антропологовъ¹⁾.

¹⁾ Читано 9 января 1894 года на IX Съездѣ Русскихъ Естествоиспытателей и Врачей. Полностью данное изслѣдованіе будетъ напечатано въ „Трудахъ“ Антропологического Отдѣла Императорскаго Московскаго Общ. Любителей Естествознанія, Антропологии и Этнографіи.

Дѣтскій Эдемъ до вкушенія плода отъ древа познанія добра и зла¹⁾.

(изъ дѣтскаго мира деревенскаго мальчика).

Изъ сравненія жилищъ, внутренняго убранства ихъ, хозяйственныхъ строеній, земледѣльческихъ орудій, ремесль, промышленныхъ занятій, обуви и одежды, видно, что нынѣшніе крестьяне лучше живутъ. Но за то теперь они хуже питаются и въ качественномъ, и въ количественномъ отношеніи.

Хлѣбъ покупаютъ крестьяне съ осени, чего никогда не бывало въ старину и что вызвало въ жизни села новый промыселъ: евреи покупаютъ рожь въ селѣ у помѣщиковъ, священниковъ, богатыхъ крестьянъ, въ томъ же селѣ мелютъ на муку и тутъ же на мѣстѣ продаютъ крестьянамъ. Явленіе это (торговля мукою) недавнее—съ 80 годовъ.

Если принять во вниманіе то, что главное средство жизни крестьянина—земельный надѣлъ—съ 1847 года (времени изданія инвентарныхъ правилъ) не увеличился, а число крестьянъ владельцевъ того надѣла удвоилось (въ 1847 году въ клировой вѣдомости села Спичинецъ значится крестьянъ муж. пола 426, женск. пола 431, въ 1893 году муж. 764, женск. пола 859, то станетъ яснымъ, отъ чего крестьянинъ земледѣлецъ терпитъ нужду въ самой существенной потребности—въ хлѣбѣ.

А между тѣмъ 30 и 40 лѣтъ тому назадъ на рѣдкомъ крестьянскомъ гумнѣ не стояли трехъ и четырехлѣтнія скирды озимаго хлѣба въ ожиданіи лучшихъ цѣнъ на хлѣбъ. Это яв-

¹⁾ См. „Кievsk. Стар.“ 1895 г., № 5.

леніе было до такой степени обычное въ нашей мѣстности, что, бывало, и вниманія не обращаешь на десятки скирдъ помѣщицьихъ, стоящихъ по десяти лѣтъ на поляхъ каждого села. У помѣщика села Ярешекъ только въ началѣ семидесятыхъ годовъ сожжено болѣе 25 скирдъ ржи и пшеницы, стоявшихъ свыше 10 лѣтъ на поляхъ, такъ что и мыши перебѣли зерно, и солома сгнила, и свини проваливались внутрь скирды¹⁾). Одинъ и тотъ же надѣль земли въ старицу кормилъ въ волю крестьянина и давалъ ему еще избытокъ для продажи и для храненія про черный день, а теперь тотъ-же надѣль не даетъ даже на годъ хлѣба крестьянину, даже на шоль-года у большинства не хватаетъ его.

Этотъ недохватъ хлѣба съ надѣла, дававшаго раньше излишекъ, объясняется, кромѣ той причины, что надѣль не увеличивается, а владѣльцы его умножились вдвое, еще и тѣмъ неоспоримымъ фактомъ, что за 50 лѣтъ съ 1847 по 1893-й г. земля истощилась. Пѣшій надѣль въ 2 десятины озимаго хлѣба 30—40 лѣтъ тому назадъ давалъ отъ 25 до 40 копъ ржи и пшеницы (а „перелоги“—дѣвственная почвы—давали до 60 копъ); считая каждую копу въ 7 пудовъ зерна, получалось отъ 175 пудъ до 280 пудовъ зерна съ пѣшаго надѣла; теперь тотъ же пѣшій надѣль земли (не беру неурожаевъ) въ средніе и хорошия урожаи даетъ отъ 10 до 20 копъ хлѣба, т. е. отъ 70 до 140 пудовъ зерна.

На пѣшемъ земельномъ надѣлѣ, состоявшемъ изъ 8 десятинъ,—по 2 десятины въ 3-хъ пахатныхъ (озимой, яровой и толочной) и въ 4-й сѣнокосной смѣнахъ (самый высшій размѣръ пѣшаго надѣла въ уѣздѣ), прежде жила одна семья, предположимъ, изъ шести душъ обоего пола, и получала 280 пудовъ озимаго хлѣба—на каждую душу приходилось по 46 пудовъ; теперь на томъ же пѣшемъ надѣлѣ сидять два и три отдельныя семьи, состоящія въ общемъ числѣ изъ 12 душъ, и получаютъ съ цѣлаго надѣла 140 пудовъ зерна—на каждую душу придется по 12 пудовъ зерна вместо 46 пудовъ, и то въ самые лучшіе, урожайные годы.

¹⁾ А теперь и зимою тогчась по сборѣ хлѣба нигдѣ ни у помѣщика, ни у крестьянина не увидите скирдъ хлѣба.

Кромъ этихъ прямыхъ причинъ, сокращающихъ каждому члену семьи, владѣющей „пѣшакомъ“, долю хлѣба съ этого пѣшаго надѣла, есть еще и косвенные причины, (еще болѣе) урѣзывающія и ту недостаточную для пропитанія долю.

Дѣло въ томъ, что пока пѣшій надѣль былъ въ нераздѣльномъ владѣніи одного хозяина, послѣдній имѣлъ возможность держать столько рабочаго скота, сколько было необходимо ему для обработки своего поля; но какъ только въ слѣдующемъ поколѣніи пѣшій надѣль раздѣленъ на двухъ-трехъ сыновей, отѣлившихся и живущихъ отѣльными домами и хозяйствами, каждый изъ сыновей не въ состояніи былъ держать столько скота, чтобы обработать самому свою землю и прозимовать скотъ соломою съ 3-й части надѣла, поэтому волей неволей онъ отдавалъ свою „третыну“ съ половины богатому хозяину-пишому; такъ что отдавшему землю крестьянину приходилось получать съ поля уже не 12 пудовъ на душу, а только 6 пудовъ. Къ тому же еще и земля у такого мелкаго собственника истощалась скорѣе, чѣмъ у богатаго, потому что, не имѣя скота, онъ не имѣеть чѣмъ удобрить землю и съ каждымъ годомъ онъ все меныше и меныше получаетъ хлѣба съ постепенно истощающейся земли.

При надѣль крестьянъ землею у пѣшаго хозяина былъ одинъ домъ и хозяйственныя постройки, теперь нерѣдко на томъ же пѣшемъ надѣль стоитъ три дома и три хозяйства. И нужно соломою съ того же одного пѣшаго надѣла отопить уже не одну, а три печи, поправить крышу не на одномъ, а на трехъ домахъ, кормить людей и скотъ не одного, а трехъ хозяевъ. Если же хозяинъ самъ не обрабатываетъ землю, а отдаетъ ее съ половины, или въ случаѣ крайней нужды (свадьба, похороны, неурожай) и продаетъ ее, тогда ужъ онъ почти безвозвратно погибъ для собственнаго хозяйства. Хлѣба нужно купить сейчасъ послѣ жнивъ, кожухъ и свитку нужно купить, потому что онъ, не имѣя паши, не держитъ овѣцъ, а не держа овѣцъ, онъ не стрижетъ и овчьеи шерсти для свиты, не зарѣжетъ и барана на мясо и на шкуру для кожуха, солому или дрова нужно купить; а о покупкѣ сала и мяса нечего и мечтать; когда бы

заработать только на хлѣбъ, на обувь, на одежду, на чиниль (съ пѣшаго надѣла 14 р.), на мирской сборъ (съ пѣшаго надѣла 6 р. 50 к.) и страховку (30 коп.). Да кромѣ того, онъ аще раньше, когда строилъ отдельный для себя домъ, залѣзъ въ долги и ежегодно по немногу выплачиваетъ. А тутъ новое дѣло затѣвается ему судьба. Волостной писарь, изыскивая способы къ увеличенію своего благосостоянія, додумался завестъ въ своей волости сутяжничество между крестьянами. Призываетъ онъ крестьянина и предлагаетъ ему, чтобы жена его отняла у своего богатаго брата часть батьковскаго поля.

— Ни, пане, не хочу я позываться съ братомъ жинки, та ще й богатымъ; винъ грошима засыпле, а я чимъ вдию? Тай вамъ на що це пане?

— „Отъ тоби и дурень. Хоть я зъ тебе ничего не возьму, бо у тебе чортма грошай, за те братъ твоей жинки заразъ мини принесе гроши, щобъ не податысь тоби и не даты земли.

— То якажъ мини корысть съ позвивъ? Тилько часъ згаю, та переимся, та гриха на душу возьму, проклынаючись, а земли жинка якъ не мала, такъ и не буде маты.

— „Дурню, ты дурню! аже якъ одберешъ одъ брата пивъ пишака, бо законъ на іи сторони, ій слидуе отъ батька—и вона така-жъ дытына у своего батька, якъ и винъ,—якъ одберешъ пивъ пишака, то тоди станешъ зновъ на ноги, буде чымъ скотыну вызимуваты и станешъ самъ свою землю обробляты, хозяиномъ будешъ, а—о такъ и зогныешъ въ наймытахъ у двори. Тай чого ты боишъся?

— Якъ же мени, пане, не боятysь? Романъ Дзядокъ позывався съ Матвіемъ Борейкомъ, то поки за пять рокивъ вызывавъ пивъ пишака, то пропозывавъ штырыста карбованцівъ, та й Борейко у коршми крычыть, що й поле его пропало, и двисти карбованцівъ пропало.

— Этъ незнаты що говорыш! Що жъ я съ тебе возьму? Колы у тебе самого и хлиба немае! А колы хочешь знаты, якъ я тоби добра желаю, то я тоби даромъ и прошеніе напышу, и усе дило буду робыты, а ты тилько съ жинкою являйся на судъ, якъ будемъ тебе клыкаты“.

И началъ онъ сутяжное дѣло, и въ концѣ концовъ получиль по 1 моргу поля отъ брата жены, но не дешево все-таки оно ему досталось. Зарвавшись съ братомъ, ему уже не хотѣлось бросить позвы, сулившіе ему ключекъ земли, и въ счетъ этого поля, присужденного ему въ 1-й инстанціи, онъ одолжиль опять деньги, отдавъ то поле на нѣсколько лѣтъ, чтобы оно само окупило судебныя издержки.

Я не упоминалъ бы объ этомъ фактѣ въ числѣ разоряющихъ благосостояніе крестьянина, если бы этотъ фактъ былъ единичный, но горе то въ томъ, что эта болѣзнь повсемѣстная въ нашемъ Юго-западномъ краѣ. Быть можетъ, только 20-е изъ 100 семействъ добровольно раздѣлилось землею безъ участія волостнаго суда. Земля все-таки главная кормилица крестьянина, и отдать ему половину своей земли брату или сестрѣ, когда онъ же владѣлъ ею,—это значило разорить себя—все равно, что „одирваты шматокъ своеи печени“. Противнику же его казалось, что если онъ теперь не отвоюетъ земли, то и до страшнаго суда нигдѣ не найдеть ее и не поправится. На этомъ страстномъ отношеніи къ землѣ крестьяне обнищалися въ судахъ и доходили до такой вражды и ожесточенія, что одинъ сынъ повѣсили роднаго отца ногами верхъ, затѣмъ разрубилъ ему голову и самъ отдался въ руки правосудія. (подольск. губ. брацлавскаго у. с. Сороконоги). Только одни писаря, не вкушившіе отъ древа познанія добра и зла, выигрывали на этомъ разорительномъ и полномъ ужасныхъ семейныхъ драмъ сутяжествѣ крестьянъ, брали земли въ посессію и сбивали капиталы до 20 и болѣе тысячъ, получая годичнаго жалованья 300 и 400 рублей. Но съ конца 80-хъ годовъ крестьяне научились понимать, что не все дѣло въ писаряхъ, и теперь не тратятъ бѣшеныхъ денегъ при искахъ за землю, а писаря только вспоминаютъ о тѣхъ годахъ, какъ о золотомъ вѣкѣ писарской жизни.

Невозможность содержать достаточно рабочаго скота на мелкомъ участкѣ раздробленнаго пѣшаго надѣла и вытекающая отсюда необходимость отдать половину и этого мелкаго куска земли за обработку его, или же продать землю, а отсюда отсутствие топлива, даваемаго полемъ, и покупка дровъ рублей на

15—вотъ первая группа тяжелыхъ условій въ жизни крестьянина. Прибавьте къ этому покупную, а не самодѣльную одежду, покупной хлѣбъ, уплату чинша, мирскаго сбора и страховки, уплату денежнаго долга и процентовъ за постройку дома и хлѣва, расходы или судебнага издержки, пока каждый оттягаетъ себѣ отъ родителей или старшихъ братьевъ свою долю земли; затѣмъ, почти ежегодныя „оказіи“—крестьбины, похороны, „весилье“,—влекущія за собою новые долги и въ корчму, и въ церковь, частыя болѣзни дѣтей въ семье, два раза въ году (въ Филипповъ и въ Великій постъ) священникъ посѣтить домъ съ молитвою, дьячекъ еще два раза посѣтить на Рождество и Велыкъ день, 5-й разъ и священникъ, и дьячекъ вмѣстѣ посѣтять для освященія Крестенскою водою дома и живущихъ въ немъ,—и каждый разъ по заведенному изстари порядку провожаешь ихъ съ хлѣбомъ, да совѣтно не дать хоть 3 или 5 кош., а передъ Велыкоднемъ и пару лицъ. А тутъ еще и старцы—нищихъ каждый день Богъ даетъ, по 1 или по нѣсколько паръ, и имъ нужно дать покрышку муки, или кусокъ хлѣба, а если застанутъ хозяевъ за обѣдомъ, то совѣтно не попросить бѣднаго человѣка за столъ, да погорѣльцы изъ другихъ селъ идутъ, а то ежегодные сборщики на строеніе новой церкви ходятъ—и тѣмъ нужно дать, что имѣшь, или копѣйку, или миску зерна, или муку. Тутъ смотри—богомолецъ по святымъ мѣстамъ на ночь упросится—тоже придется дать повечерять, а приидешь въ церковь, ставить люди свѣчи—нужно и себѣ хоть разъ на годъ поставить свѣчку, а въ церкви еще батюшка прочтетъ воззваніе пожертвовать въ пользу гроба Господня и на Палестинское общество, а на 1-й недѣлѣ поста въ пользу православія, лѣтомъ въ пользу слѣпыхъ, а не то на построеніе храма въ Карсѣ или въ Варшавѣ. Да нужно же послѣ тяжкой мускульной „праци“, хоть когда-нибудь пойти „межъ люди“, отрахнуть отъ себя думки тяжки; а людей только въ одной корчмѣ и найдешь. Шайдетъ въ корчму крестьянинъ и съ пріятелями выпьетъ чарку, другую,—и нѣть дневного заработка.

Все это въ совокупности говорить моему уму, что крестьянину плохо живется, что онъ радъ сухому хлѣбу и картофелю.

Сало, мясо и рыбу ему не за что купить,—онъ и на хлѣбъ одолжаешь деньги. А всего то онъ самъ получаетъ въ годъ не болѣе 70 и 80 рублей, а то и меньше. Благо еще крестьянину, когда дѣти подростутъ и въ состояніи ходить на поддѣнныя работы; они въ день принесутъ въ домъ отъ 10 до 20 коп. каждый. Но чуть выростетъ дитя—ожени его, замужъ выдай, затѣмъ расплатись съ нимъ за его роботу и подспорье въ хозяйствѣ; жениль сына,—новая бѣда: отѣли его, строй ему другой домъ, отдай ему часть того несчастнаго поля. Не дашь сыну поля, хочешь, чтобы сынъ „въ гуртъ“ на семью работалъ,

— Я на вашихъ, тату, дитет не буду робыты, говорить сынъ: у мене есть свои диты, а вы мени отдайте мою долю поля, бо все идво волость васъ заставыть оддаты“.

Отдастъ отецъ одному сыну поле и другому, а самъ остается безъ поля и остается жить у меньшаго сына. Но приду я съ молитвою въ домъ, спрашиваво старуху:

— А дежь вашъ старенький?

— У другого сына, у Виктора, бо цей меньшій Зинько каже, що на него скорботно обоихъ нась старихъ триматы. То старый и посунувся до старшаго сына.

Такъ, судя по внѣшнему виду села, по внѣшней обстановкѣ жизни вольнаго крестьянина, хочется думать, что ему лучше живется, чѣмъ жилось крестьянину—„крѣпостному“, но всмотрѣвшись въ то, что у него хлѣба нѣть вдоволь, что онъ питається почти одною растительною пищею: хлѣбомъ, картофелемъ, капустою, чеснокомъ и лукомъ (и то впроголодь),—приходится думать, что вольному крестьянину живется въ этомъ отношеніи хуже, чѣмъ жилось крѣпаку.

Правда, крѣпакъ быль крѣпакъ, рабъ; онъ стоналъ подъ плетью эконома, но у него было то убѣжденіе и вѣра, какъ и у евреевъ въ Египтѣ, что угнетатели его чужеземцы—поляки—и что царь православный освободитъ изъ неволи, что священники подкуплены помѣщиками, затмили наши права, пожалованы Государемъ Императоромъ, и согласились съ ними угнетать насъ вопреки царскому повелѣнію.

Увлекшись размышеніями, я отошелъ далеко въ сторону отъ описанія первобытнаго строя домашней обстановки жизни въ домѣ моего отца во время обученія насъ пѣнію.

Въ ожиданіи ужина, если только отецъ мой не читалъ намъ „Житій святыхъ людей“ св. Димитрія Ростовскаго, мы дѣти—пѣвчукі проводили время въ разныхъ занятіяхъ и забавахъ. Одинъ изъ пѣвчуковъ былъ большой мастеръ, сравнительно съ нами, дѣлать прекрасныя табакерки изъ березовой коры съ донышкомъ и крышкою липового дерева и дѣлалъ маленькая книжечки изъ той же коры и писаль на нихъ „Отче нашъ“ и т. д. Этю работой онъ привлекъ вниманіе всѣхъ своихъ товарищѣй. Въ другой вечеръ мы всѣ помогали отцу дѣлать „соломянки“—соломенную кадку для ссыпки въ нее зерна или муки вмѣстимостью до 15 и 20 пудовъ, или же дѣлали сами небольшія коробки изъ соломы и лозы и тѣмъ же способомъ, по какому отецъ дѣлалъ „соломянки“. Въ другіе вечера сукали веревки и дратву для шитья сапогъ, плели соломенные кошели для голубей, вязали изъ пеньки обрати, шлеи, нашильники—упряжь для лошадей; иной дѣлалъ пуговицы изъ деревянной палочки для свиты или кожуха, а тотъ вязалъ сильце для ловки щегловъ, синицъ, снѣгирей. А если ужъ не было работы или просто не брала охота работать,—то мы говорили сказки, прибаутки, загадки. Одну изъ тѣхъ дѣтскихъ загадокъ, надъ которыми мы ломали свои нехитрыя головы, я недавно нашелъ записанною въ доставшейся мнѣ отъ отца старой книгѣ: „Камень вѣры“ митр. Стефана Яворскаго. Записаны дословно такъ:

„Загадки.“

Что есть? ни небо, ни земля, но видомя свѣтла. Бу... На
ней садятся птицы черныя. Ли. Надъ тѣми птицами два о...
надзираютъ, три и... созидаются, а единъ у... повелѣваетъ.

№ 2. Отъ плоти и отъ крови родился, а въ себѣ плоти и
крови не имѣть. Снявъ съ него шкуру, отрѣзать голову, вынуть
сердце и дать пить, да только его надоенно водить и оно нач-
нетъ говорить.—П: Э. "Р.—

Nos tu usie,to, Je,zyka wyjeto,
Pić tu dano i muwić kazano.

№ 3. Славенъ бѣ Отецъ, честна и Мати,
О чадехъ и слѣда не знati.
Смерть бо убиваєтъ обоихъ едина
Отца на тѣлѣ, а на словѣ сына.

1839 года обт. 17. Пресв. Ев. Р.¹⁾.

Если и загадки надоѣдали намъ, а ужинъ не посыпалъ еще, я обращался къ отцу, чтобы онъ что-нибудь рассказалъ, а отецъ много зналъ басенъ. Послѣ одного изъ моихъ приставаній къ отцу, опѣ разсказалъ намъ о черной книгѣ.

Въ одномъ селѣ жилъ „бакалляръ“, онъ былъ и дьячкомъ, и учителемъ. Всѣ у него школяры хорошо учились, такъ что скоро разошлась слава про него далеко. Тогда и священники, и дьячки, и паны попривозили къ нему своихъ дѣтей въ науку, навозили ему всякой харчи для своихъ дѣтей и хорошо платили. Всѣ у него школяры хорошо учились, такъ что бакалляръ не стоялъ по долгу надъ ними, а ляжетъ на постели и съ постели проказываетъ урокъ. Бакалляръ рѣдко когда выходилъ изъ хаты, развѣ только тогда, когда не станетъ харчей. Тогда онъ идетъ съ своими школярами „подъ окна „до людей“ и поетъ съ ними „о всепѣтая мати; это для того, чтобы добрые люди дали имъ муки, пшена, сала, капусты и проч.

Всѣ школяры замѣтили, что бакалляръ ихъ ни съ кѣмъ не знаетъ, ни у кого не бываетъ, всегда скучный, сердитый и молчаливый, и какъ только ляжетъ на постель, сейчасть вынимаетъ изъ-подъ подушки черную какую-то книгу, гдѣ слова бѣлы, а бумага черная, и читаетъ и по днямъ, и по ночамъ, иной разъ ночью съ кѣмъ-то говорить и какъ-то сташино хочетъ.

Вотъ какъ-то заговорились ученики о томъ, что бы это была за книга и зачѣмъ бакалляръ всегда уносить ее съ собою, если куда-нибудь выходитъ изъ школы. Одинъ изъ школяровъ послушалъ, что говорятъ товарищи, и задумался. Вошелъ бакалляръ въ школу, сердитый такой, спросилъ одного, не знаетъ

¹⁾ Євстафій Райскій.

такъ, какъ ему хочется,—выдралъ его за уши; другаго—не знаетъ, за волосы его потеребилъ, такъ что даже зубы обь зубы застучали; спросилъ задумавшагося—и того поколотилъ. Легъ на постель, прочиталъ черную книгу, положилъ ее подъ подушку, всталъ и приказалъ закрывать книжки и полуднать. Школьяры сказали ему, что нѣтъ хлѣба.

— Ну то пойдемъ по селу съ „о всепѣтю“, то нагодують васъ. А ты, обратился онъ къ задумавшемуся ученику, оселъ, оставайся безъ полудня. Я тебя запру въ хатѣ. Всѣ школьяры вышли, и бакалляръ оставилъ того школьира одного въ школѣ и двери заперъ на замокъ. Походилъ, походилъ тотъ школьляръ по хатѣ и легъ на бакаллярскую постель, далѣе засунулъ руку подъ подушку, взялъ оттуда книгу, развернулъ ее, гдѣ попало; посмотрѣлъ въ книгу, зарябили ему бѣлые буквы по черному полю, такъ что даже страшно стало, читаетъ буквы, произносить, а словъ ничуть не понимаетъ,—еще страшнѣе ему стало. Слышишь онъ, что-то, крыльями хлопаетъ, посмотрѣлъ, черный пѣтухъ передъ нимъ стоитъ и смотритъ, молча, ему въ глаза. У школьира волосы ощетинились, глаза расширились, зубъ обь зубъ стучитъ.

— Чего тебѣ нужно? ты звалъ меня, сказалъ человѣческимъ голосомъ пѣтухъ.

У школьира языкъ не поворотится отъ страху.

— Чего тебѣ нужно? опять проговорилъ пѣтухъ,

— Капусты—произнесъ школьляръ, припомнивъ, что у нихъ вышла вся капуста.

Но не успѣлъ онъ окончить это слово, какъ пѣтухъ исчезъ, а капуста гдѣ-то взялась и стала наполнять хату.

Вернулся бакалляръ, отомкнулъ замокъ, а дверь па него такъ и выпирло съ капустою, которою биткомъ набита вся хата. Ахнулъ бакалляръ и крикнулъ школьнамъ, чтобы скорѣе помогли ему выбрать капусту до постели. Выбрали, смотрятъ, а товарищъ ихъ вытаращилъ на нихъ глаза, волосы ощетинилъ, упалъ и черную книгу выпустилъ. А бакалляръ, какъ крикнетъ на школьнровъ: „вонъ изъ хаты!“ А самъ скорѣе за черную книгу ухватился. Не успѣли школьнры выбѣжать на дворъ, а бакалляръ

уже зоветъ ихъ въ школу. Пришли школяры, а капусты и духу не слышно въ школѣ, а тотъ товарищъ ихъ сидить за столомъ и читаетъ уже урокъ. Съ того дня всѣ замѣтили большую перемѣну въ томъ своемъ товарищѣ. Прежде онъ всегда бывалъ веселый, любилъ погулять и лѣнился таки учиться, а теперь совсѣмъ не тотъ: не смеется, не играетъ съ товарищами, а коли затронутъ его, то такъ страшно сверкнетъ своими бѣлками, что мало по малу съ нимъ совсѣмъ перестали говорить. Но за то учился онъ такъ, что всѣхъ перегналъ; что ни спросить учитель—онъ все знаетъ. Но бакалляръ похудѣлъ, сталъ еще молчаливѣе и злѣе, смотрѣлъ всегда пасмурнѣе ночи. Стали школяры замѣчать, что тотъ товарищъ ихъ стоитъ сзади всѣхъ во время утренней и вечерней молитвы, жалуется на животъ, на голову и выходитъ изъ хаты во время молитвы; припомнили они, что и въ церковь онъ, хотя и ходитъ, но всегда передъ „Иже херувимы“ выходитъ изъ церкви блѣдный и какъ будто чего-то боится. Надумались и сговорились не пустить его изъ церкви во время пѣнія „Иже херувимы“. Въ воскресеніе, какъ всегда, стали они на клиросѣ и тотъ товарищъ съ ними. Обстунили они плотнымъ кругомъ и ждутъ. Начали пѣть „Святый Боже“, онъ сталъ блѣдиѣть, передъ Евангеліемъ сказалъ, что у него голова болитъ, хотѣлъ уйти, но его не пустили, передъ „Иже Херувимы“ онъ рванулся выйти, но его схватили за руки и за ноги; онъ поблѣдиѣлъ, какъ смерть, стала рваться изъ рукъ, глаза сдѣлались катинскіе, злые, кажется—и душу другого видять и прожигаютъ ее, какъ раскаленнымъ остріемъ ножа. Моментально повернулъ плечами и чуть-чуть не вырвался изъ рукъ, но его еще сильнѣе, сколько было силъ, схватили, держали и крестили; тогда онъ началъ проситься снова, кричать, молить, злиться, щелкать зубами, трястись, а тутъ какъ разъ священникъ вышелъ съ дарами. Тогда раздался дикій, Ѣдкій, мертвящій силою ужаса, ненависти, боязни и презрѣнія хохотъ по всей церкви и разнесся не дающій дышать Ѣдкій смрадъ, а въ рукахъ товарищей осталось мертвое тѣло ихъ товарища“. Что сталось съ бакаляромъ, я не помню, какъ тамъ далѣе разсказывалъ отецъ, но слабо помнится, что та черная книга заму-

рована въ лѣвой. стѣнѣ Киевскаго Братскаго монастыря, чтобы никто не могъ достать ее и причинять людямъ зло, а равно свою душу чорту отдать. Только такой конецъ этого отцовскаго разсказа остался въ моей памяти.

Послѣ этого разсказа отца, мать подала ужинъ. И кстати, потому что ничѣмъ инымъ нельзя было отвлечь наше воспаленное воображеніе отъ страшнаго разсказа.

Поужинавъ, отецъ начиналъ учить насъ церковному пѣнію. Онъ не игралъ на скрипкѣ и потому съ голоса училъ насъ пѣнію. А такъ какъ у насъ, деревенскихъ дѣтей того времени, слухъ былъ совсѣмъ не развитъ и далеко тупѣе, чѣмъ у крестьянскихъ дѣтей нынѣшняго времени, почти въ каждой церкви теперь слушающіхъ хоровое пѣніе, то отцу приходилось тяжело надрывать грудь и басомъ, и альтомъ, и дискантомъ,—только тогда и мы пѣли за нимъ. При такомъ способѣ пѣнія, отцу приходилось много трудиться, еще больше требовалось терпѣнія и любви къ дѣлу. И дѣйствительно, никакая нужда и приказаніе начальства не заставили бы отца взяться за этотъ подвигъ; да отъ него впрочемъ никто и не требовалъ этого подвига. Единственно только глубокая, жизненная религіозность отца и его мечтательная поэтическая натура, не мирившаяся съ существовавшимъ грубымъ складомъ семейного и рабовладѣльческаго общественного житія, выработала въ немъ потребность общественной дѣятельности въ доступной для него формѣ учителя церковного пѣнія, грамоты и благочестія и дала ему силу, терпѣніе, энергію и любовь—основать и содержать школу въ теченіе тридцати шести лѣтъ до послѣдняго дня своей жизни.

Не съ гаммы—утъ, ре, ми, фа соль, ля—начинали мы учиться пѣнію, а перекрестившись начинали: Аминь, Господи помилуй, Святый Боже. Долго мучился надъ нами отецъ, пока и эти простыя, не сложныя шіесы мы выучили. А когда послѣ этого намъ съ меньшимъ трудомъ и мукою далось „Отче нашъ“ и „Достойно есть“, то отецъ началъ учить насъ пѣть „Господи воззвахъ“ на 8 гласовъ. Но мы смѣшивали гласы и путались голосомъ; тогда отецъ примѣнилъ къ намъ способъ обученія гласамъ, практикуемый въ монастыряхъ: училъ насъ наизусть читать

и пѣть по порядку такъ называемые „чернечи запѣвы“. Позабылъ я ихъ теперь, но „наславники“ помню такъ читалось:

1-й гласъ.

Ишовъ чернецъ зъ монастыря.

2-й гласъ.

Встрѣгъвъ его другой чернецъ.

3-й гласъ.

Откуду, откуду, ченче брате, грядеши.

4-й гласъ.

Съ Константина града, брате, граду

5-й гласъ.

Сядьмо, брате, да й побеседуймо.

6-й гласъ.

А чы жыва тамъ, брате, маты моя.

7-й гласъ.

А вше твоя, брате ченче, маты давно вмерла.

8-й гласъ.

Увы мнѣ маты моя!

Это текстъ „наславниковъ“; текстъ же „воззваховъ“ забылъ я. Чтобы возобновить въ памяти забытое, я просилъ знакомаго мнѣ молодого дѣячка переписать и прислать. Но присланный имъ текстъ „воззваховъ“ не тотъ, какимъ насъ училъ отецъ, а только насыпливая пародія на старые „воззвахи“, да онъ всего только три воззваха и прислалъ мнѣ.

В о з з в а х и.

3-й гласъ.

Буде тоби, даче, буде!
Прихали одѣ владыки люде,
Хотять твою рибу кобыльцу взяты,
Що ты не вмиешъ на 3-й гласъ сливаты.

6-й гласъ.

Начатокъ мнѣ и составъ,
Егда новый жиѣ на аренду наставъ.
Тутъ пьяныци собираются
Шинкарю добрыдень отдають
И вѣ поставци заглядаютъ

Охъ вейзъ миръ! що маю робыти
Не дають миши рано довго спати
Треба изъ аренды втикати.

7-й гласъ.

Чы я въ тебе не жова,
Чы не господыня?!
Три дни хаты не мела
Смитъя не восьла
Вставай, дъяче,
Ложи будешъ лежати?
Запрягай рабу кобылу.
Везы смитъя съ хаты
То будешъ умиты
На семий гласъ спивати“.

Обучая нась ежедневно по вечерамъ до полуночи церковному пѣнію, отецъ въ особенности любилъ пѣть съ нами припѣвы къ акаенстамъ: Іисусу Сладчайшему, Божіей Матери и Святителю Николаю на разные напѣвы. За каждымъ припѣвомъ мы по обычай крестились. Когда же, бывало, запоемъ: „О Все-пѣтая Мати“, отецъ начинавъ чаще креститься, поднявъ къ небу глаза, подернутые слезой. При пѣнії же самогласна „Совѣтъ превѣчны, откравая тебѣ Отроковице, Гавріилъ предста“, лицо отца сіяло дивнымъ восторгомъ. Онъ давно уже умеръ и портрета не снималъ съ себя, но я и теперь, какъ живого, вижу отца съ поднятymъ вверхъ взоромъ, съ полуоткрытымъ ртомъ и дрожащей нижнею губою, выражавшаго въ дрожащихъ задушевныхъ звукахъ пѣсни всю его любовь къ Богу и благотовѣніе, которая такъ любовно и мечтательно озаряли его красивое лицо. И нерѣдко въ такія минуты, забывая пѣніе, я смотрѣлъ на это сіяющее искрой Божіей лицо отца и оторваться не могъ.

А между тѣмъ это хоровое, правильнѣе—гуртовое, пѣніе было не только не дивное на современный вкусъ, а настоящее лирницкое. И я, впослѣдствіи, когда пѣль альтомъ солистомъ въ семинарскомъ хорѣ, часто глумился надъ батьковскимъ пѣніемъ и его напѣвами. И только теперь, послѣ четырнадцатилѣтняго пѣнія и слушанія образцовыхъ въ Кіевѣ церковныхъ и театральныхъ хоровъ, когда я уже сталъ сельскимъ священ-

никомъ, стать опять ближе къ народу, ближе къ его душѣ и сердцу, когда я самъ испыталъ и бремя, и горе жизни и когда вопросъ вѣры и молитвы сталъ для меня жизненнымъ вопросомъ счастья на земли, только теперь я понялъ, сколько силь и богатствъ народной души, сколько радостей, упований, слезъ и рыданій его сердца скрыто въ тѣхъ старыхъ „лирныцкихъ“ вапѣвахъ церковныхъ пѣснопѣній.

Существуетъ въ нашемъ духовенствѣ ходячее мнѣніе, что церковный роспѣвъ Киево-Печерской Лавры самобытенъ, что нѣтъ въ православной церкви (исключая современный намъ періодъ пѣнія—Італіанскій) болѣе мощнаго и величественнаго по выраженію разнообразныхъ состояній вѣрующей молящейся души, отъ высокоторжественнаго и умилительнаго и до глубоко скорбнаго состоянія, нѣтъ другого такого напѣва, и что этотъ мощный и величественный напѣвъ выработался и сложилсяющими духомъ великими борцами за Православіе и народность зацорожскими козаками, покутовавшими въ старости и замаливавшими свою бранную жизнь въ кельяхъ Киево-Печерской Лавры.

Народъ малорусскій временъ козацкихъ, лишенный свободы національной и личной, свободы жизни и труда и за свободу мысли и совѣсти терпѣвшій нескончаемыя преслѣдованія, словомъ, народъ, угнетаемый тѣломъ и духомъ, гдѣ могъ искать „ратунку“, къ кому онъ могъ обратиться съ мольбой и надеждою въ каждый тяжелый моментъ народной жизни. Къ своимъ? Но свои далеко, за многія тысячи верстъ. Къ татарамъ? Но то народъ не культурный, дикий, такъ сказать тѣлесный, съ преобладаніемъ однихъ только дикихъ, хищныхъ, животныхъ инстинктовъ; душа тамъ, если и была, то ничѣмъ особенно человѣчнымъ не заявила своего существованія ни въ области поэзіи, ни въ области мысли, ни въ развитіи полезныхъ началь гражданственности. Къ кому же Малороссъ могъ взывать съ мольбою и надеждою? Къ полякамъ? Но кто же и вызывалъ эти стоны и мольбы, какъ не они! И вотъ по неволѣ все лучшее въ душѣ человѣка—его мысль, его поэзія, его „жаданья“, его мольбы, весь онъ прильнулъ къ такому же мученику правды, добра и любви—къ Іисусу Сладчайшему и къ его Всепѣтой

Матери, ратующихъ въ бѣдахъ и въ напастяхъ, въ горахъ и вертепахъ. И народъ Малорусскій, слѣпо, но жизненно вѣруя и любя Бога, отъ котораго его отрывали, прибѣгая къ нему въ бѣдахъ душою и сердцемъ, не сочинялъ ему пріятнія пѣсно-пѣнія, а прямо непосредственно рыдалъ, стоналъ и возносилъ ему вопли своей души и гласомъ своихъ церковныхъ пѣвцовъ, и устами народныхъ пѣвцовъ: кобзарей и лирниковъ.

Отъ того то любой изъ старинныхъ Малорусскихъ церковныхъ напѣвовъ есть живой, выразительный, непосредственно изъ сердца льющейся разговоръ съ живымъ Богомъ, полный глубокаго чувства и музыкальной красоты. И если человѣкъ городской, культурный не находитъ поэзіи и красоты въ простыхъ народныхъ напѣвахъ и послѣдніе ему кажутся по своей простотѣ и несложности и грубыми, и непонятными, и чуждыми, въ той мѣрѣ, въ какой груба и чужда ему малороссійская одежда и непонятна красота ея, то это еще не доказываетъ отсутствія красоты и поэзіи въ народномъ пѣніи, а скорѣе говоритьъ о томъ, что культурный горожанинъ, воспитанный на чуждыхъ народному духу началахъ итальянской музыки, господствующей въ кіевскихъ церковныхъ хорахъ около ста лѣтъ, отился отъ народа, отчудился до непониманія своего народа, котораго плоть и кровь—онъ самъ.

Скорбная исторія геройскаго Малорусского народа наложила свою печать и на характеръ Южнорусскаго церковнаго пѣнія. Какъ бы ни была, напримѣръ, радостна по содержанію пѣснь церкви, а въ выраженіи ея—пѣніи—кликъ радости, торжества незамѣтно переходитъ въ тонъ скорби и мольбы.

Вотъ именно въ устахъ моего отца, который не вѣдалъ Кіевской духовной школы, гдѣ въ началѣ текущаго столѣтія преобладало въ церковныхъ хорахъ пѣніе италіанское, композиціи высоко даровитаго и глубоко сердечнаго Веделя и доморослыхъ Кіевскихъ италіанцевъ: Дегтерева, Чернова, Бerezовскаго et cetera (см. архивъ нотъ семинарскаго и академическаго хоровъ) и патентованнаго Бортнянского, а учился при сельской церкви по напѣвамъ, завѣщаннымъ отъ дѣдовъ и прадѣловъ, учился молиться въ пѣніи,—въ устахъ такого настоящаго народнаго пѣвца

даже торжественный кликъ къ Божій Матери: „Радуйся Невѣсто-неневѣстная“, начинаясь радостно, торжественно, оканчивался, нотами, полными вдумчивости и грусти.

Вдумываясь въ отцовскій напѣвъ разныхъ припѣвовъ къ акаѳистамъ, я невольно припомнилъ себѣ слѣдующую картину. Я въ церкви, на клиросѣ; передъ началомъ литургіи отецъ Григорій (Мотылевичъ) на колѣнахъ читаетъ акаѳистъ Божіей Матери; отецъ мой съ нами пѣвчуками на клиросѣ воспѣваетъ похвалу и привѣтъ Ей, а люди съ мольбою колѣнопреклоненные взираютъ на Пречистый ликъ своей заступницы и усердно кладутъ земные поклоны; вотъ уже и мы на клиросѣ преклонили колѣна, весь народъ тоже. И смотрю я на отца, кладущаго земной поклонъ. Нижняя губа у него задрожала, рѣчицы быстро забѣгали.

— „А ну, дитки“.

И мы все дѣтки, электризуясь огнемъ отца, взываемъ: „О Всепѣтая Мати“!.. Кончили. Священникъ читаетъ молитву: „Царице моя преблагал, надеждо моя Богородице, пріятелище сирыхъ, скорбящихъ радосте, обидимыхъ покровительнице! Зриши мою бѣду, зриши мою скорбь; помози ми яко немощну, окорми мя яко странна; обиду мою вѣси, разрѣши ту, яко волиша; яко не имамъ иныхъ представительницы, ни благія утѣшительницы, токмо Тебе, о Богомати, яко да сохраниши мя и покрыши во вѣки вѣковъ. Аминъ“.

А отецъ на клиросѣ, припавъ лицомъ долу со вздрагивающею головою и плечами отъ рыданій, шепчетъ:

— „Ратуй Маты Божа родъ христіанскій! ратуй нась своихъ дитокъ! бачышь наше горе, будь намъ Матирью“.

Встаетъ зашлаканный отецъ и поетъ съ нами далѣе:

„Не имамы иныхъ помощи, не имамы иныхъ надежды, развѣ Тебе Владычице. Ты намъ помози, на Тебе надѣмся и Тобою хвалимся: Твои бо есмы рабы, да не постыдимся“.

А молящіеся поднимали не высыхавшія отъ слезъ очи свои горѣ, къ лицу усердной заступницы своей, медленно и твердо знаменали себя крестомъ, преклоняли свои упругія колѣни, падали лицомъ долу, а многіе и врыжомъ лежали у подножія

иконъ, не стараясь двигаться ни однимъ мускуломъ въ продолженіе всей службы Божіей, но всею мыслію, всѣмъ сердцемъ возносясь въ горняя къ престолу Іисуса Прелюбезнаго и Его святѣйшей Матери, тяжелыми стонами и душу надрывающими воплями давая вѣдать Всевѣдущему Отцу, что они здѣсь, на родной землѣ, сироты, обездоленные, обезличенные, рабы, рабочій скотъ, собственность, вещь чуждаго по племени и вѣрѣ народа, и ища тамъ, высоко, у единаго человѣколюбца и помощи, и защиты, и утѣшенія въ горькой мученической долѣ своей музицкой на землѣ.

М. III.

Частная переписка Григорія Андреевича Полетики.¹⁾

(1750—1784 г.).

115) Петра Афанасьевича Шкляревича, изъ м. Хмелова, 1784 г.,
1 января.

М. г. мой, дядюшка Григорій Андреевичъ. Дядя Андрей Андреевичъ объявить вамъ, по какому несчастному случаю принужденъ я остаться въ домѣ присмотрѣть жену мою, въ крайней слабости находящую; вчерашняго числа чуть было я ее не лишился, но слава Богу, что она жива осталась, а на восьмомъ мѣсяцѣ рожденный сынъ чрезъ часъ только сей суетный свѣтъ видѣлъ; мало меньшимъ несчастiemъ почитаю, что не могу самъ для сей законной причины вамъ, м. г.—рю моему, сыновей моихъ представить. Ихъ только я и имѣлъ двухъ, и одного отъ другого отлучить никакого не находя способу, покорнѣйше васъ прошу быть имъ обѣимъ отцомъ, какъ и мнѣ прежде были; на милость вашу несомнѣнную полагаю надежду, что они неразлучно и въ корпусѣ, по счастію ихъ не менше жъ и моему, опредѣлены будутъ; естьли же надѣя чаянія какого не примутъ, то по крайней мѣрѣ покорнѣйше, м. г.—ръ мой, прошу пристроить его въ томъ же корпусѣ, до первой вакансіи, съ платежомъ денегъ положеннаго тамъ, какъ я слышу, числа. Слышу жъ я отъ вышедшихъ изъ сего корпуса, что необходимо должно изъ тамошнихъ учителей уговорить къ нимъ въ манторы, который бы

¹⁾ См. „Кіев. Стар.“ 1895 г., № 5.

сверхъ учения наставлялъ ихъ къ добродѣти и честности, а мнѣ, м. г-ръ мой, кажется и то нужно, чтобы малого моего чеснока (?), какъ ребенка, и вши не забыли, съ слезами васъ прошу по благоразсудженію вашему не оставить вашимъ призрѣніемъ и наставленіемъ. Что имъ дано, прилагаю у сего записку, а для свозу, если угодно вамъ, опредѣлилъ я тройку лошадей съ надежнымъ человѣкомъ, который нынѣ въ Костянтинахъ¹⁾); онъ обратно оттуда юдучи, можетъ для васъ подъ закупки ваши быть извощикомъ за одинъ кормъ лошадей, ибо я не имѣю денегъ, чтобы о покупкѣ чего либо для себя васъ беспокоить. Денегъ для дѣтей присемъ въ ассигнаціяхъ прилагаю 200 р., а болѣе у себя здѣсь не имѣю. Пишу къ тетушкѣ Александрѣ Михайловнѣ, чтобы изъ Луговецкой²⁾ напечь экономіи, по требованію вашему, взявъ, поручила вамъ сто рублей; когда же сихъ денегъ по вашему благоразсудженію мало покажется, то примолвится по-корнейше прошу, не пожалуется для внучекъ она въ то или особливо число, отъ своей милости, хотя то она нынѣ здѣлалась и скуча, и можетъ быть нѣсколько досадуетъ на замѣну нашу съ Заводовскимъ, о которой я говорить приступилъ съ ее однакожъ дозвolenіемъ. Кончивши здѣсь о дѣтяхъ моихъ, всепокорнейшую прозбу за нужно почитаю доложить вамъ и о сей мѣнѣ, для знанія вашего, какимъ образомъ оная отъ тетки дозволена: 1) чтобы ее оставить до смерти при ее владѣніи и покое; 2) если мы находимъ полезнѣе для себя, она не возбраняетъ. По сему я съ г. Заводовскимъ, будучи прошедшей осени у него, и говорилъ, она согласенъ оставить ее въ покое и на то условіе утвердилъ, а насть удоволствовалъ; послѣ сего, по его предписанію, показано было мнѣ предлагаемое отъ нихъ имѣніе, можно сказать завидное, не 180 хатъ, но 210; нашель я въ нихъ 643 души муж. пола и угодія всѣ, какъ прежде они говорили, можно сказать и что лѣса по степовымъ (мѣстамъ)? весьма довольно; мелница нѣть, а хотя одна есть, но въ спорѣ съ Горленкомъ, Петромъ Якимовичемъ, съ которымъ они хотятъ учинить миро-

¹⁾ Село стародубскаго уѣзда.

²⁾ Деревня Луговецъ — иглинскаго уѣзда.

любіе, да и его сыновья его къ тому склоняютъ. Для нась мѣна сія весьма сходна и споровъ кромѣ помянутаго ни съ кемъ нѣтъ; естьли Богъ поможетъ совершить, то дѣти мои вѣрно будуть щастливы, но боюсь, чтобъ г. Заводовскіе не раздумались ибо, слышу, что Селецкій и подобные ему удивляются и высоко цѣнятъ ихъ Толкачевку¹⁾, а паче степъ на 300 скиртъ. Покорнѣйше, м. г-ръ мой, прошу при свиданіи, какъ я не сомнѣваюсь, что вы на Костяничи ѿхать изволите, если заведеть тетка о семъ рѣчь, увѣрить ее, что для нась мѣна сія, естьли збудется, полезна, а что она въ покоѣ останся имѣть, я при здѣлкахъ утвердить не упущу. Въ прочемъ поручивъ дѣтей моихъ въ вашу отческую милость, извинить меня покорнѣйше прошу, что съ смущеніемъ духа и болѣзни сильною головною писмо сіе въ силу могъ я окончить безъ всякой связи. Увѣряю жъ васъ о моей благодарности и истинномъ почтеніи, съ которымъ есмь и по гробъ мой пребуду вашъ, м. г-ра моего дядюшки, покорнѣйшій слуга Петръ Шкларевичъ.

116). Братамъ Андрея Андреевича, изъ Чернигова, 1784 г., 12 мая.

М. г-ръ мой, братецъ Григорій Андреевичъ. Писмо ваше, отпущенное зъ С.-Петербургга прошедшаго мѣсяца 16 дня, честь имѣль получить оное въ Черниговѣ, сего теченія 10 числа. Всенижайшую мою вамъ, м. г-рю моему братцу, приношу благодарность за понесенные труды ваши въ доставленіи дѣтей моихъ къ желаемому мною мѣсту и за распоряженіе о нихъ. Дай Богъ вамъ получить облегченіе вашимъ припадкамъ, въ чемъ твердо надѣюсь на милосерднаго Творца, что Онъ вамъ поможетъ и совершенно васъ уврачуетъ и утвердитъ силы ваши къ пользѣ любезнѣйшей вашей фамиліи и общѣй, нижайше притомъ прося дѣтямъ моимъ яклять вашу отческую милость, до вѣзда вашего оттудова. Теперь увѣдомляю васъ о здѣшнихъ произшествіяхъ: что принадлежитъ до исполненія по дѣлу зъ Бѣлухою, то оно исполнено въ нѣкоторыхъ частяхъ; отдалъ хуторъ Борзенскій, кромѣ части лѣса, называемаго Хуровищина, въ

¹⁾ Село прилуцкаго уѣзда.

коемъ показываетъ Бѣлуха половину материзного, я же въ опроверженіе его показанія, далъ суду знать, что вся та половина не доходитъ ему, поелику отецъ нашъ сестрамъ написъ за ихъ части заплатилъ, слѣдовательно тѣ части не могутъ называться материнскими, но уже приобрѣтенными, но нужно мнѣ быть отъ васъ уведомленну, въ какомъ годѣ взята роспись батюшкою въ сестры Ульяны Андреевны и въ какихъ годѣхъ таковыѣ жъ взяты росписки и въ прочихъ сестеръ, дабы удобнѣе сыскать въ судовыхъ книгахъ и представить въ доказательство; оспориваетъ онъ и мельницу Процковскую, называя ону материнскою, но я доказывалъ, что мельница материнская одна на Процковской плотинѣ та, которою я владѣю, а другая вновь выстроена отцемъ. По другимъ уже обстоятельствамъ, въ разсужденіи бывшаго дѣла зъ Степаномъ Лукяновичемъ, судъ разумѣеть, что, да чуть ли не такъ оно и выходитъ, сколько было въ Кузминой части материзного имѣнія, хочай бы оная и вся составлена была изъ оной, должна остатся во владѣніи Бѣлухи; о Хухровщинѣ и мелнице нижній Роменскій судъ еще не рѣшился, а до Коровинецъ и Овечей не знаю, какъ и приступить. По записи брата Стефана, данной Левандовскому, уволенъ онъ отъ всѣхъ потеряній а взялъ на себѣ; сверхъ сего, люди брата Кузмы нынѣ, по плутовской роздѣлкѣ Столповскаго, во всякаго почти владѣлца находятся; тоже Овечка по болшой части составляется изъ материизны, то и прошу въ семъ вашего совѣта и наставленія, какъ поступать. Я же о себѣ доношу, что я нынѣ варяю (?) въ Черниговѣ депутатомъ въ комисіи о разборѣ дворянства, и дѣйствительно уже вступили въ разборъ, сего теченія съ 1-го числа. Почти я одинъ поборствую о братії всей губерніи и, благодару Бога, до котораго часа успѣваю. Хочай многіе, надменные суетнымъ благородствомъ, стараютъ сѣ уничтожать многихъ, свидѣтельства въ силѣ проекта начали быть принимати; очень многіе думали противно, тоже и абыши на отставку въ войсковые товарищи. Вчерашняго числа получено въ намѣстническомъ здѣшнемъ правленіи предложеніе, что уже его сиятелство (гр. Румянцевъ) кончилъ производство въ малороссійскіе чины, и что начинается реформа нашимъ вой-

скамъ. Я о своей фамиліи еще не подавалъ доказателствъ, а оставляю оное до свободнѣйшаго для мене времени и могущихъ быть примѣровъ, но по примѣчанію моему слѣдуетъ вамъ, мнѣ и братямъ Григорію Ивановичу и Ивана Андреевича дѣтямъ, введеннымъ (быть?) въ дворянскую родословную книгу, въ первую статью, а прочихъ братей въ одну статью не поставлять, а стараться буду о ихъ, чтобъ внесены были въ шестую часть, которая кромѣ дипломовъ есть самая лутшая; что, кажется, для насъ будетъ полезно, чтобы не думали, что мы по однимъ только дипломамъ здѣшніе дворяне, и о семъ прошу вашего совѣта и самоскорѣйшаго отвѣта; я думаю, что мы сей комиссіи въ два мѣсяца не кончимъ относительно только до разбора, включая написанія дворянской родословной книги и заготовленія грамотъ на дворянство, но всѣмъ ли слѣдуетъ оные взять, или входящимъ во вторую статью, прошу вашего изясненія, и буди силы ваши не изнемогаютъ, то не потрудитесь ли написать образцы, какимъ образомъ писать оные, на какой бумагѣ или паргаментѣ. Быль я у его сіятелства прошедшаго генваря 19 д., подалъ, что слѣдовало, принять благосклонно, обѣдалъ у него и обнадежень сими словами, что я для васъ все здѣлаю; но при всемъ томъ, сколко ни стараюсь узнать, представиль ли онъ, хочай за симъ и посыпалъ нарочнаго, не могу узнать, при всемъ томъ другіе получаютъ, многимъ числомъ, ассесорства въ два мѣсяца такие, кои моимъ службамъ никакъ подобны быть не могутъ, и я лучше желаю быть вѣчно въ нынѣшнемъ чинѣ, носящемъ мною 17 лѣтъ, нежели ассесоромъ. Если можно чрезъ кого справку забрать, есть ли обо мнѣ представленіе и въ какой чинѣ, нижайше прошу вашей помощи. Буди въ такой, какого я противу прочихъ съ излишкомъ заслужилъ, пріемлю, буди же въ первопредставленіи, покорѣйшее прошу оставить для другихъ, а я наслаждатся буду по смерть мою чиномъ любезнаго моего отечества, безъ малѣйшаго смущенія; довольно будетъ съ мене и сего важнѣйшаго чина, что я по сіе время поведеніемъ моимъ отъ всѣхъ знатныхъ, среднихъ и послѣднихъ, заслуживаю доброе имя. Прошу о любезнѣйшемъ мнѣ вашемъ здоровью мене увѣдомить, я болшаго не

буду имѣть удовольствія, если услышу милость Божію въ восстановленіи васъ отъ всѣхъ припадковъ вашихъ. Былъ я и у Евстафія; онъ мнѣ обявилъ, что онъ ожидаетъ архитектора, который дастъ ему смыту по алебастрѣ, и въ тѣ поры будетъ онъ со мною трактовать. Пребываю съ истиннымъ моимъ доброжелательствомъ, должностными почтеніемъ и глубочайшою преданностью, вашъ, м. г-ра моего братца, покорнѣйшій слуга Андрей Полетика.

117) Брата Андрея Андреевича, изъ Чернигова (?), июль, 1784 г.

М. г. мой, братецъ Григорій Андреевичъ. Получивъ писмо ваше, м. г-ра моего братца, отпущенное зъ С.-Петербурга прошедшого маія 30 числа, а ко мнѣ донесшее сего мѣсяца въ 14 день, довольно былъ обрадованъ, что милостію Божію нѣсколко избавляется отъ вашихъ болѣзнейшихъ припадковъ, но чѣмъ операдія полипуса вашего кончена, желалъ бы въ самомъ скромъ времени радостною вѣстю быть удоволствованъ. Относительно до комиссіи о разборѣ дворянства въ нашей губерніи, совѣты ваши полезнѣйшіе и фундаменталные могу вамъ истинно донести, что я, не получая отъ васъ оныхъ, точно оными слѣдовалъ и скоро вошелъ первой разъ въ комиссію, все отъ васъ написанное предлагалъ комиссіи, но какъ въ тѣ поры вошли въ безпутные толкованія, такъ и нынѣ тому же слѣдуютъ и ничего доброго ожидать нельзя. До сего дня комиссія наша дѣлала разборъ дворянамъ, коихъ уже и разобрала болѣе шести сотъ фамилій, а докончивши всѣ списки уѣздныхъ предводителей, надѣюсь, что наберется до тысячи, но не докончивши сего же числа, разѣхались по домамъ, сентября до 15 числа, безъ всякаго тому (sic), единственно слѣдя собственнымъ своимъ выгодамъ, а не общественной ползѣ. Есть у нашей комиссіи такія головы, что надобно съ ними и своей головы лишится, одни зъ крайней глупости, другія по негодной своей души зависти и коварству, стараются многихъ бѣдныхъ обидѣть, въ семъ числѣ полагаю и нашего губернскаго П., коего какъ растрясъ, то рѣдко сыскую ему подобнаго въ недоброходствѣ. Всѣми мѣрами старается убавить дворянъ, а не умножить, какъ уже многіе и

обижены, хочай и есть споловину добрыхъ и честныхъ людей, но не счего составить двухъ третей голосовъ, слѣдователно ничего доброго и удержать не можно, многіе же... сторонъ наносятъ и смущенія, а паче отъ прокурора Селецкаго, которой, бѣгая по домамъ, разглашаетъ, якобы государыня лишила многихъ бѣлорускихъ дворянъ дворянства за то, что они при разборѣ дворянства давали свидѣтельства подобныя нашимъ свидѣтельствамъ, и сими ложными клеветами многіе смущаются ко вреду бѣдныхъ и требующихъ справедливой помощи людей. Еще и по сие время не рѣшились принимать значковыхъ товарищай и ихъ дѣтей, возныхъ, войсковыхъ и коллежскихъ канцеляристовъ и сотенныхъ старшинъ, держась правила того, что сенатъ по мнѣнію его сіятелства (гр. Румянцева) велѣлъ обложить ихъ всѣхъ въ подушной окладѣ. Я вѣсль считаю человѣкомъ счастливымъ, что вы избавлены вашею отлучкою отъ депутатства вамъ слѣдовавшаго, тѣмъ болѣе, что вы бы зъ досады могли получить потеряніе послѣдняго вашего здоровья. Не тѣ времена, не тѣ люди, чтобы думать о всеобщемъ добрѣ. Родъ нашъ уже разобранъ, и какъ доказательства наши, древность нашей фамилії, то и присуждено внести весь родъ напѣ въ шестую часть родословной книги; да и въ самомъ дѣлѣ я сюю статью предпочитаю въ разсужденіи древняго дворянства первой статьѣ. Съ козаковъ уѣзда Роменскаго приняты: Коровинскіе—Савченки, Сидоренки и Тарани, а Медвежовскіе—Радченки, а болѣе ни одинъ, ниже Бартошева родня, кромѣ его самаго. За сѣвѣздомъ 15 сентября положено докончивши разборъ по вносимымъ еще доказательствамъ протоколы нынѣ заготовляемые, начерно выслушать и набѣло переписывать и подписывать, а подписавши оные не имѣющи у себѣ формъ, какъ писать книгу и грамоты, не знаемъ, что и дѣлать. Печать дворянскаго собранія выдумана у насть и уже жидами и вырѣзана за 125 рублей, съ изображеніемъ на ней посерединѣ губернскаго Чернѣговскаго герба, а около его всѣхъ гербовъ уѣздныхъ съ написаніемъ около всего того: печать дворянскаго собранія Чернѣговской губерніи. Вотъ вамъ вѣсти о нашемъ происхожденіи. За великую я себѣ (честь)? считаю

быть коллежскимъ ассесоромъ, бывши въ нынѣшнемъ моемъ чинѣ семнадцать лѣтъ, въ теченіе коихъ отъ многихъ... (Конецъ утерянъ).

118). Григорія Ивановича Полетики, изъ Вїны, 1784 г.,

31 июня

11 августа.

М. г. мой, братецъ Григорій Андреевичъ! Поздравлю васъ съ тремя герцогскими Виртембергскими капитанами, для которыхъ теперь посылаю вамъ патенты, каждый въ особливомъ футларѣ; а какъ получу требованные мною рисунки, по коимъ бы можно было знать цвѣты и форму мундировъ, не умѣлю доставленіемъ вамъ оныхъ. Между тѣмъ, я при семъ посылаю щетъ находящагося здѣсь Виртембергскаго резидента барона Билера, который по письмамъ пріятелей его обманулъся, когда мнѣ говорилъ, что небольшихъ издержекъ надобно будетъ по случаю нашихъ патентовъ; ибо къ нему давно уже писано только о второй статьѣ щета его, а того платежа отнюдь не ожидалъ онъ, который въ первой статьѣ означенъ и о которомъ онъ отъ самаго герцога въ недавнемъ времени получилъ писмо, которое показывалъ онъ мнѣ въ подлинникѣ въ то самое время, когда вручилъ герцогскій ко мнѣ отвѣтъ, съ коего при семъ сообщаю вамъ точную копію, сожалѣя впрочемъ, что мы обманулися въ нашемъ щетѣ и въ нашей надеждѣ; ибо я, по рѣчамъ барона Билера, менше ста червонцевъ щиталь Стутгардскія издержки, такъ что нѣсколько дней прежде, нежели онъ получилъ отъ своего герцога приказаніе о требованіи таксы, которой никогда не было еще примѣру, я въ надеждѣ на малость оныхъ издержекъ, проговорился предъ нимъ на щетъ вашъ, сказавъ ему, что вы не оставите изъявить ему благодарность вашу за употребленное имъ въ пользу сыновей вашихъ стираніе присылкою ему петербургскаго гостинца, а именно: нѣсколько соболей на опушку шубы, о которой у насъ въ то время рѣчь была. Въ самомъ дѣлѣ, онъ заслужилъ такого подарку; но я, м. г-ръ мой братецъ, при всемъ томъ сожалѣю теперь, что обязалъ васъ и себя предъ нимъ, когда вижу, что

и безъ того довольно уже коштуютъ вамъ патенты дѣтей вашихъ. Съ другой же стороны надобно принять и сіе въ уваженіе, что герцогъ Виртембергскій здѣлалъ для насъ то, чего еще никогда ни для кого недѣлалъ; что онъ родного своего племянника не иначе принялъ въ дѣйствительную свою службу, какъ только маіоромъ; и что въ другомъ мѣстѣ конечно еще больше коштовало бы одновременное пожалованіе трехъ человѣки, неслужившихъ вигдѣ, въ капитаны. Я долженъ еще иримѣтить о третьей статьѣ посылаемаго къ вамъ отъ меня щета, что упоминаемые въ ней тридцать фунтовъ шоколаду, по совѣту самого резидента Виртембергскаго, посредствомъ его посланы въ Стругградъ, снустя нѣсколько времени послѣ того, какъ онъ отправилъ къ герцогу мое прошеніе, съ котораго коопю пришлю я къ вамъ въ другое время, потому, что теперь не достаетъ къ тому онаго. Какія книжки досталъ я изъ другихъ мѣстъ, чрезъ одного изъ здѣшнихъ книгопродавцевъ, такія и посылаю вамъ при нынѣшнемъ случаѣ; а впредь увидимъ, что воспослѣдуется изъ комиссіи, уже давно отъ меня данной, а нынѣ повторенной, тому же книгопродавцу. Не о Старовольськіевомъ польскомъ рыцарѣ, но о навигаціи Борзимовскаго до Любека, неоднократно писано отъ меня въ Варшаву, чтобы справиться о сей книгѣ въ библіотекѣ Залускаго, и выписать изъ нея то, что касается осzotku kozaczyny; однако изъ всѣхъ обѣщаній, кои мнѣ сдѣланы были отъ двухъ пріятелей, понынѣ ничего не вышло. Естьли у васъ полагаютъ капитанъ-порутческій и се-кундъ-маіорскій ранги, каждый въ особенномъ классѣ, то не 13, но 14 классовъ щитать надобно и безъ сержатскихъ чиновъ. Въ величинѣ портрета моего не я, но живописецъ виноватъ, такъ и въ рамкахъ, ибо отъ меня приказано было ему здѣлать самыя простыя рамы, а мѣрка для портрета дана ему была та самая, которая съ вашего портрета взята мною въ Юдиновѣ. Впрочемъ означенное въ вашемъ письмѣ отъ 8-го марта намѣреніе ваше о сохраненіи моего портрета яснымъ и сильнымъ образомъ доказываетъ великость вашего комнѣ благопріятства и вашей ко мнѣ любви. Кромѣ сего, не нахожу я, м. г-ръ мой, братецъ, ничего болѣе къ отвѣту на оное письмо

ваше; а остается мнѣ еще кое-что сказать вамъ въ отвѣтъ на послѣднее, отъ 15-го маія. То самая дѣйствительная правда, что вамъ о Стутгартской академіи говорилъ Николай Павловичъ, которому такъ, какъ Григорію Павловичу, прошу засвидѣтельствовать мое почтеніе, и при томъ увѣрить ихъ обоихъ о моей непремѣнной и неразрушимой дружеской къ нимъ привязанности. Что принадлежитъ до намѣренія вашего, чтобы въ слѣдующемъ году послать дѣтей вашихъ въ Стутгартъ, то сверхъ худаго состоянія тамошней академіи, найдется еще и другія причины, для которыхъ не совѣтовалъ бы я вамъ посыпать ихъ туда въ слѣдующемъ году, а развѣ года черезъ три, и то для того только, чтобъ они тамо нѣсколько времени послужили, между тѣмъ же можно послать ихъ въ другое какое мѣсто для окончанія наукъ, какъ напримѣръ въ Геттингенъ, гдѣ обучается сынъ Андрея Степановича Милорадовича. О выше помянутыхъ причинахъ скажетъ вамъ г. Ермолаевъ, если изволите спросить его объ онныхъ, а мнѣ истинно не достаетъ времени входить здѣсь въ подробное ихъ изѣясненіе. Чрезъ него жъ Ермолаева я посылаю по нѣсколько аршинъ шелковыхъ лентъ разныхъ сортовъ, о которыхъ и записку взятую отъ купца при семъ прилагаю, прося васъ впрочемъ дать мнѣ знать, будуть ли онѣ вамъ угодны. О владимирскомъ крестѣ я вамъ, м. г-ръ мой братецъ, скажу вкратцѣ, что это Богъ знаетъ, на что походитъ, будто для того не дали мнѣ никакого креста, что начальникъ мой представилъ свое мнѣніе (однако жъ отнюдь не въ указѣ), по которому онъ удостоилъ меня третьяго класса; ибо когда сей классъ показался для меня слишкомъ великимъ и превосходящимъ мѣру заслугъ моихъ и когда потому не хотѣли помѣстить меня въ немъ, то для чего не дать было мнѣ места въ четвертомъ классѣ? Мало ли чего дѣлается противъ представленій? Мало ли было у насть самихъ, во время двадцати двухъ-лѣтней моей бытности въ здѣшнемъ мѣстѣ, такихъ резолюцій, которые не согласовали съ представленіями? и не лучше ли дать что нибудь, нежели ничего? Я можетъ лучше знаю, нежели Николай Павловичъ, сокровенные причины, кои недопустили меня до полученія креста; но что дѣлать? терпѣть

надобно. Остается мнѣ сказать вамъ, м. г-ръ мой братецъ, праводушно, что ни г. Кудрявской, (которой съ великою благородностію принялъ благосклонное ваше обѣ немъ напамятованіе), ни я, не можемъ услужить вамъ архивомъ нашимъ, ибо свидѣтель Богъ, что съ великимъ трудомъ исправляемся мы въ своихъ должностяхъ, и что весьма мало остается намъ обоимъ свободного времени и посольскими дѣлами, кои часъ отъ часу болѣе умножаются. Въ заключеніи всего сего я долженъ объявить вамъ, что вашихъ денегъ остается у меня сто пятьдесят семь гульденовъ и 2 крейцера цесарской монеты; ибо по присланному отъ васъ ко мнѣ векселю на 1188, а не на 1200 рублей, получилъ я отъ одного изъ Вѣнскихъ банкировъ здѣшними деньгами 1697 гульденовъ и 21 крейцерь, какъ то можно усмотретьъ изъ прилагаемой при семъ же записки, которая отъ банкира за своеуручною его подписью дана мнѣ при полученіи у него денегъ по одному векселю. По сей запискѣ, тако жъ по щету Виртембергскаго резидентъ и по выше реченнай купеческой запискѣ о посылаемыхъ къ вамъ лентахъ, найдется точность объявленія моего обѣ остающихся у меня денегъ вашихъ, изъ которыхъ должно еще будетъ нѣсколько издержать на заказанные мною въ Стутгардѣ темляки для капитановъ нашихъ, тако жъ и на рисунки, о коихъ выше сего рѣчь была. Впрочемъ пребуду я всегда съ неизменною мою къ вамъ преданностію и совершеннымъ почтеніемъ, вашъ покорнѣйший и усерднѣйший братъ и слуга Григорій Полетика.

P. S. Г. Ермолаевъ можетъ также кое что сказать вамъ о томъ, что вы, м. г-ръ мой братецъ, давно уже совѣтовали мнѣ стараться получить какія либо деревни; а я только слова два, три скажу вамъ о сей матеріи: совѣтъ весьма добръ, дружественъ и благоразуменъ, но не намъ, Господи, не намъ пользоваться онимъ.

119) Андрея Степановича Милорадовича, изъ Чернигова, 1784 г.,
3 октября.

М. г-ръ мой Григорій Андреевичъ. Писмо ваше августа отъ 29-го пущенное, я имѣль честь получить, и хотя дружеское ваше выраженіе обыкновенно пріемлю съ особливымъ и пріят-

нѣйшимъ моимъ удовольствіемъ во всегдашнее время, но тѣ перешнее ваше положеніе, въ разсужденіи одержимыхъ припадковъ, весма оскорбляетъ меня, ожидая засимъ нетерпѣливо съ сердечнымъ желаніемъ получить увѣдомленіе о выздоровленіи вашемъ, не сумнѣваясь при томъ, какъ со стороны умѣренности вашей нужной къ сохраненію здоровья, такъ и по нынѣшнему мѣсту состоянія именитыхъ и лучшихъ медиковъ, съ которыми однакожъ, дай Боже намъ болѣе нужды не имѣть и прійти въ свое здоровье. Прилагаю при семъ о службѣ моей списокъ и два атестата, на послѣднюю компаію турецкой войны служащіе, и не желая отнюдь васъ обременять, ежели припадки затрудненіемъ быть могутъ, не беспокойтесь и возвратите ко мнѣ обратно. Въ члобитной же моей объяснивши, что за изнеможеніемъ силь моихъ и слабаго здоровья, далѣе службы продолжать не могу и по недостаточному или скучному состоянію моему къ содержанію себя и дѣтей моихъ дабы, изъ высочайшаго милосердія и призрѣнія на долговременную и усерднѣйшую службу мою, просить оставить мнѣ получаемое нынѣ жалованье мое по мою жизнь; фелдмаршаль, у которого я недавно былъ, показавъ виды въ предпринимаемой мною отставкѣ своего чувствованія и сожалѣнія, обѣщаю всякую помошь, совѣтуя прежде прислать къ нему прозбу объ орденѣ св. Владимира, по имѣнію права къ полученію онаго, будучи съ 1749 го года декабря со 12 днія порутчикомъ, чemu въ слѣдующемъ декабрѣ совершится 35 лѣтъ, и ежели я на сіе поступлю, то долженъ препроводить прозбу въ ноябрѣ мѣсяцѣ, а объ отставкѣ въ новомъ годѣ, въ февралѣ, неизвѣстный жребій буди бы оной указалъ на 4 класъ ордена за лѣта даваемый, то лучше бы при старыхъ остаться да и подарить, ежели не догадаются, кажется нѣтъ нужды, особыливо уже при отставкѣ. Хочу же вамъ, м. г-рю моему, сказать, сколько мнѣ заподлинно извѣстно по увѣренію г. губернскаго предводителя и депутатовъ, что комиссія ихъ о разборѣ дворянства не скупится въ число сіе принятіемъ, хотя только кто основаніе по своему доказательству на то имѣетъ и не такъ строго судятъ, какъ можетъ быть пересказываютъ; правда, что горячія пренія и личныя досады часто бывають причиною во

всякихъ дѣлахъ несогласія, остерегаются при томъ въ соображеніи пунктовъ проекта могущаго быть по герольдію опроверженія, а себѣ предъосужденія по трудамъ немалаго времени, а о грамотѣ и другихъ по формамъ и наставленіямъ сумнѣніяхъ, намѣрены доложиться генералу губернатору. Андрей Андреевичъ къ нынѣшнему собранію еще не пріѣхалъ, а ожидается. Меня обыкновенно между иными дѣлами заботить немало призывъ депутатовъ, просимые отпуски до меня не столь принадлежащіе, какъ поспѣшествовать окончанію по разнымъ обстоятельствамъ отъ сената до здѣшняго правленія входящимъ. Нынѣшнее мое отправленіе въ Петербургъ сихъ нарочныхъ сотеннаго асаула Мойсея Козачка и при немъ двоихъ служителей моихъ не для посылки гостинцовъ на двоихъ трехъконныхъ повозкахъ, какъ, по привычкѣ моей, къ выпискѣ приходей моихъ, отъ которыхъ впредь хочу перестать; а по нынѣшнему случаю васъ, вселюбезный другъ мой, покорнѣйше прошу, по возможности вашего состоянія, въ скорѣйшемъ оныхъ посланныхъ моихъ сюда возвращеніи не оставить вашимъ пособіемъ, чтобъ скоро за пріѣздомъ ихъ туда приказать, съ кѣмъ знающимъ и удобнымъ человѣкомъ, приказать препроводить и отдать съ благопристойностю посланное варенье, заѣдокъ въ домѣ его сіательства князя Александра Алексѣевича Вяземскаго, въ двухъ ящикахъ, и къ Александру Андреевичу Безбородку, въ одномъ, по замѣтѣ на тѣхъ же ящикахъ значащейся. Писемъ же отъ меня ни къ одному не посылаю и для того объявить, что при оказіи послано безъ писемъ и кажется въ нихъ нужды неѣть въ разсужденіи извѣстнаго моего знакомства не неблагопристойно покажется; а затѣмъ по влагаемому у сего реестру, чрезъ довольно знающихъ, искупить по выбору значащуюся провизію и другія нужныя мнѣ вещи, и особливо уложивъ порядочною укладкою, чтобъ цѣлостно и безвредно къ дорогѣ провезти; а на покупку всего того при семъ же ассигнаціями посылаю 325 рублей, да сверхъ того на содержаніе на мѣстѣ въ оба пути людей и лошадей поручено мною асаулу сотенному 75 р. Отъ брата Петра Степановича пакетъ писемъ къ хозяинувшему Якову Ивановичу Хорошкевичу здѣсь же сообщаю. Пребывающій съ совер-

шеннамъ моимъ усердіемъ и отличнымъ почтеніемъ вашъ м. г-ря моего вѣрный и покорнѣйшій слуга Андрей Милорадовичъ.

120) Могилевскою архіепископа Георгія Конискаю, изъ Могилева, 1784 г., 15 октября.

Высокоблагородный господинъ, м. г-ре! Писаніе ваше мною, а заимодавцомъ г. Іоранскимъ 50 червонцовъ, по векселю, отъ братовъ вашихъ данному и на срокъ протестованному, получены. Слѣдовавшіи проценты по векселному закону помянутымъ заимодавцомъ, по приказанію моему, безъ взисканія оставлены, а толко за проѣздъ его, бывшій въ прошедшемъ году, нарочно за сімъ долгомъ въ Стародубъ съ Могилева, самое малѣйшое число, то есть 5 р., имъ отъ присланного вашего взяты. Требуемыхъ конституцій вами въ Могилевѣ въ продажѣ нѣтъ; и никто даже изъ самихъ адвокатовъ не вицисываетъ онѣхъ, яко несоставляющіихъ нынѣ подъ Россійскою державою не законоположенія, ниже исторіи нужной. О чёмъ объявивъ, съ достодолжнымъ почтаніемъ, остаюсь высокоблагородія вашего м. г-ря покорный слуга архіепископъ Мог. Георгій.

121) Брата Андрея Андреевича, 1784 г., 15 октября.

М. г-ръ мой, братецъ Григорій Андреевичъ. Отпущенное отъ васъ, м. г-ря моего братца, писмо прошедшаго сентября отъ 19 числа, получилъ я оное сего мѣсяца 13 числа; оное мене наиболѣе тѣмъ опечалило, что я не вижу о здоровыи вашемъ ничего полезнаго, которое для мене драгоцѣннѣе всего, но не сумнѣваюсь, чтобы усердныя молитвы непрестанно приносимыя въ храмъ Оксютинскомъ іерейскими устами къ милосердному Творцу нашему о исцѣленіи васъ отъ вашей болѣзни, не успѣли и не испросили бы вамъ первобытнаго и долгоденственнаго здоровья. Могу вамъ признаться вамъ, м. г-ръ мой братецъ, что я еще никогда отъ васъ не былъ обиженъ такъ, какъ въ нынѣшнемъ писмѣ мною отъ васъ полученномъ. Душа и совѣсть моя ничего мнѣ не предъявляетъ такого, за что бы я могъ относительно до братнихъ дѣтей и ихъ имѣнія отдать Богу отвѣтъ; правда, что не оправдится никто предъ Создателемъ въ своихъ дѣлахъ, а поможетъ только твердое упованіе и его милосердіе,

развѣ за то, что я выполнилъ прозбу умирающаго брата и принялъ подъ наблюденіе его дѣтей и имѣніе, и сохранилъ его въ цѣлости, долговъ выплатилъ до 6000, дому не опустошилъ, а во многомъ поправилъ, хлѣба пріобрѣлъ въ десять разъ болѣе, нежели отъ него осталось; а что подкоморій Столповскій лишилъ невинно сиротъ двадцати дворовъ въ Коровинцахъ, въ томъ ли я виноватъ, когда вы сами были налицо и знаете ради кого онъ сіе здѣжалъ, и что бездѣлникъ Левандовскій, подъ видомъ благотворенія дѣтямъ, сіе надъ ними исполнилъ; что же принадлежитъ до миѣнія людей, знающихъ дѣло объ опекѣ, что я оной и по сіе время зъ себѣ не здалъ, то я ихъ извиняю, они моего намѣренія не знали, могли и могутъ думать, что я имѣнія братняго и мнѣ нипочему непринадлежащаго, неохотно хочу съ рукъ выпустить, я ихъ мою совѣстю увѣряю, первое, чтобы оттягать было отъ Левандовскаго 20 дворовъ, бездушно имъ пріобрѣтеніе; второе, чтобы сыскать старшой дочери братней жениха, какъ то сыскивались и нынѣ сыскиваются обоимъ, и ввесть ихъ въ ихъ имѣніе, не давая съ такъ небольшого имѣнія правнаго опекунамъ дохода; а какъ они волѣ моей не захотѣли повиноваться и описали меня зъ сочиненія мошенниковаго отъ ногъ до головы, то я не только отъ ихъ имѣнія руки умываю, но и отъ ихъ самихъ, и хочай мнѣ здѣшнее главное правительство и велить въ мое вѣдѣніе опять привернуть имѣніе, но я не на то веду, чтобы оное принять, а стараюсь только, чтобы земскаго исправника Стаковича отправить въ уголовную палату за починеніе нимъ плутовства въ освидѣтелствованіи насилия, а что принадлежитъ до отчета за содержаніе мною ихъ имѣнія, то я болѣе на мою совѣсть надѣюсь, нежели на приходныя и расходныя книги; видно, что я на то родился, чтобы получить въ награжденіе за доброе злое. По моимъ недостаткамъ желалось бы, чтобы дѣти мои введеніи были въ корпусъ, но чимъ перемѣнить, когда такое для нихъ счастье; на первый случай, пишу я къ Собецкому, буди мое писмо застанеть его тамъ, чтобы онъ должна нынѣ мнѣ деньги сто рублей оставилъ у васъ, а сколько больше надобно, покорнѣйше прошу мевя увѣдомить, буду старатся прислать. Слѣдуетъ ли мнѣ прописуемые заидки съ Пет-

ромъ Афanasіевичемъ посыпать, когда за моими зайдками и его дѣти придобрились кому слѣдовало, а онъ ихъ еще и не давалъ. Наконецъ, пожелавъ вамъ выздоровленія, какъ наискорѣйшаго, съ должнѣйшимъ высокопочитаніемъ есмь и пребуду вашъ, м. г-ра моего братца, всепокорѣйшій слуга Андрей Полетика. Я нездровъ и затѣмъ не ѿду въ Чернѣговъ до перваго зимняго пути.

122) Петра Афанасьевича Шкларевича, изъ м. Хмелова, 1784 г.,
27 октября.

М. г. мой, дядюшка Григорій Андреевичъ! Покорѣйше прошу извинить меня, что я на письмо ваше отъ 19 сентября, полученное мною сего октября 17 числа, до сего времени не отвѣтствовалъ; причина тому главнѣшая, что въ ожиданіи купцовъ на табакъ, намѣренъ былъ я денги, для содержанія дѣтей моихъ требуемыхъ, доставить вмѣстѣ, но какъ сей годъ намъ въ неурожая хлѣба и сѣна весьма тягостенъ, такъ же и табаку хоть родилось мало, но и на тотъ купцовъ нѣтъ, а уповаю боятся къ намъ ѻхать, чтобы избавиться отъ карантиновъ, ибо уже и въ Прилукѣ несчастная болѣзнь оказалась и оная заперта. Я только до сего дня продалъ свой прошловскій табакъ и ожидаю денегъ на сихъ дняхъ, но переслать ихъ къ вамъ, м. г—рю моему, въ способѣ разбиваюсь мыслями: легче всего по почтѣ, но и тутъ сказываютъ, что все письма изъ Малой Россіи въ С. П.-бургъ и другіе—колютъ и кладутъ въ уксусъ, отчего пропасть могутъ ассигнаціи, другая опасность, что я посыпалъ отсюда въ Новгородокъ свою ассигнацію на 25 рублей, при почтмейстеру Конотопскому запечаталъ оную въ письмо, и онъ сверхъ моей и свою печать приложилъ, тое письмо, какъ по справкѣ явилось, вездѣ на почтахъ прошедші, въ Новгородкѣ съ денгами пропало. Миѣ обявляла тетушка Елена Ивановна, что она къ вамъ въ письмѣ послала на сто рублей ассигнацію, но неизвѣстенъ я, получили ли вы, м. г., оную, покорѣйше прошу увѣдомить меня и какой вы лучшій способъ пересылки денегъ за благо разсуждаете, естьли до того не сышу я нарочнаго. Я справку дѣлалъ съ графскою канцеляріею, чтобы чрезъ курьеровъ отъ него посыпаемыхъ переслать, но и

тутъ сказано, что и курьеровъ задерживають въ карантинахъ и не пропускаютъ, о чмъ де представлено къ ея величеству. Отсрочка въ корпусъ дѣтей нашихъ весьма для меня и дяди Андрея Андреевича тягостна, но что дѣлать болѣе, какъ только ожидать вождѣннаго сего пріема; естьли удастся на общемъ коштѣ въ числѣ депутатовъ, отправлену быть въ С. П.-Б., о чмъ я всячески стараться буду по обновлениі нашого намѣсничества, къ которому уже и срокъ слѣдующаго генваря мѣсяца 10 число назначенъ, то и я буду у васъ, а естьли депутаты отправлены будутъ попрежнему, то не въ состояніи такихъ здѣлать издержекъ, на ваше милостивое попеченіе оставляю дѣтей моихъ. Братцы мои гвардейцы надѣлали вижу довольно намъ мотовствомъ своимъ добра, кромѣ долгу, о которомъ и вы изволили увѣдомлять и самъ адъютантъ ко мнѣ пишетъ: Бдучи въ Тулѣ, нахватами у купцовъ 75 руб., вздумавши тамъ свататься дурачески а безо всякой другой нужды, а можетъ быть еще что съ такою пѣснею отзовется, ибо кромѣ плутовства и обмановъ ничего отъ нихъ допроситься не могъ. Я отвѣчалъ къ адъютанту, чтобы онъ принялъ терпѣніе на иѣкоторое время, увѣряя его, что буду стараться отъ отца выпросить деньги для заплаты его долгу, ибо мы согласились пріготовить его прежде къ сей вѣсти, чтобы иногда нечаянно объявивши, не быть, храни Богъ, и его смерти причиною. Начало уже здѣлано, чтобы симъ мотать въ П.-бургъ болѣе не посыпать, а съ помочью полковника Гудовича надѣемся исходатайствовать имъ выпускъ, чѣмъ бы то ни было, въ малороссійскіе полки. Подлинно уродились да удались. Я уповаю, что г. адъютантъ мое письмо вамъ покажетъ, ибо и ко мнѣ обѣ васъ пишетъ, то какъ я ему писалъ самую истину и васъ покорнѣйше прошу въ томъ его увѣрить, чтобы не сомнѣвался. Въ прочемъ у насъ все по старому. Что съ представленіемъ обо мнѣ дѣлается и могу ли я выше ассесора получить чинъ, покорнѣйше прошу при случаѣ меня увѣдомить, пребывающаго съ истиннымъ высокопочитаніемъ вашего м. г-ря, дядюшки, вѣрнопокорнѣйшаго слуги Петра Шкляревича.

(Окончаніе слѣдуетъ).

ДОКУМЕНТЫ, ИЗВѢСТИЯ И ЗАМѢТКИ.

Поднесение Черниговскимъ дворянствомъ малороссийскому генералъ-губернатору Куракину золотой вазы. Въ помещенной въ предыдущей книжкѣ журнала¹⁾ статьѣ: «Изъ воспоминаній, изданныхъ не для публики» мы, со словъ автора воспоминаній «Pro domo sua», о которой мы говорили,—рассказали о поднесеніи черниговскимъ дворянствомъ бывшему малороссийскому генералъ-губернатору кн. Алексѣю Борисовичу Куракину золотой вазы и о вызванномъ этимъ поднесеніемъ предложеніи Куракина воспитывать на своемъ издѣлѣніи 20 дѣтей недостаточныхъ дворянъ въ домѣ воспитанія бѣдныхъ. Иллюстраціей этому могутъ послужить появившиеся въ «Черниговскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ» два документа, которые поэтому мы и считаемъ не лишнимъ привести въ дополненіе къ нашему разсказу.

Вотъ постановление Черниговского дворянского собранія отъ 13 января 1806 г.:

„Малороссийской черниговской губерніи Дворянское Собрание, имѣя разсужденіе, что съ времени главнаго управлѣнія его сіательства господина малороссийскаго генералъ-губернатора обѣими малороссийскими губерніями чрезъ милостивое его ходатайство оказаны сему краю многія благодѣяния. Корпусъ дворянства въ признательность за оные опредѣляетъ поднести его сіательству памятникъ для предбудущихъ временъ въ вещи, составляющей золотую вазу на сумму десять тысячъ рублей, съ приличною на ней надписью. Сумму же на оную употребиъ пять тысячъ руб. изъ суммы дворянской, пять же тысячъ рублей дворянство доставить огъ себя. Исполненіе же сего опредѣленія г. губернскій маршалъ пріемлетъ на себя“. Затѣмъ слѣдуютъ подписи губернского и повѣтовыхъ маршаловъ и другихъ дворянъ, всего 95 подписей.

Получивъ вазу, которая обошлась дороже первоначально пред назначенной суммы (именно 17.060 руб. 25 коп.), Куракинъ отвѣ-

¹⁾ Кіевская Старина 1895 г. № 5.

чаль па это поднесеніе слѣдующимъ письмомъ, адресованнымъ на имя губернскаго маршала Н. М. Стороженка:

„Милостивый Государь мой
Николай Михайлович!

Ииѣвъ честь получить при письмѣ вашего превосходительства отъ имени дворянства черниговскаго золотую вазу, я нахожу себя въ непремѣнной и пріятѣйшей для меня обязанности просить васъ засвидѣтельствовать ему признательность, каковую чувствую я къ таковому благорасположенію ко мнѣ сего почтенаго сословія.

Примите пожалуйста на себя, милостивый государь, изъяснить за меня, что сколь лестно мнѣ всегда было снискрывать и пользоваться его довѣренностью, сколько лестно видѣть и изъявление оной. Я, конечно, въ полной мѣрѣ умѣю оное цѣнить и вмѣнно себѣ въ особенное счастіе, если усилия, кои токио старался я устремлять на дѣйствія полезныя, достигали цѣли своей и пріобрѣли мнѣ благорасположеніе дворянства. Памятникъ онаго послужить къ чести моей и будетъ всегда пріятѣйшимъ для менѣ воспоминаніемъ.

Возобновляя свидѣтельство моей благодарности къ сословію дворянства черниговскаго, я прошу васъ предложить ему о желаніи моемъ воспитать, въ знакъ оныхъ, на моемъ изждивеніи, въ учрежденномъ тамо доѣдѣ воспитанія, двадцать человѣкъ изъ дѣтей недостаточныхъ дворянъ, кои будуть туда приняты по избранію и назначенію самого дворянства.

Благосклоннымъ принятіемъ сего усерднаго моего пожертвованія дворянство вновь удостоїтъ меня въ его ко мнѣ благорасположеніи.

Въ заключеніе, прошу васъ, милостивый государь мой, принять свидѣтельство благодарности моей собственно къ вамъ, яко принявшему на себя исполнить волю дворянства.

Съ истиннымъ и совершеннымъ почтovіемъ честь имѣю быть навсегда вашего превосходительства покорный слуга кн. Алексѣй Куракинъ.

4 февраля 1809 года“.

По сообщенію г. М., помѣстившаго въ Черниговскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ эти документы, поднесенная Куракину ваза заключала въ себѣ болѣе пяти фунтовъ золота. Съ одной стороны на ней былъ изображенъ черниговскій гербъ съ подписью: «печать дворянскаго собранія черниговской губерніи», а съ другой стороны—вензель Куракина и надпись: «Малороссійскому генерал-губернатору кнезю Алексѣю Борисовичу Куракину». Въ настоящее время этотъ «памятникъ для предбудущихъ временъ», какъ назвало свою вазу черниговское дворянство, сохранился, вѣроятно, въ имѣніи Ф. А. Куракина въ саратовской губерніи.

Н. III.

Сказка о человѣкѣ, понимавшемъ разговоръ животныхъ.

Бувъ одынъ сырота и ны мавъ де соби найды службы. Иде дорогою и плаче, а на встречѣ ему якъ разъ якійсь панъ иде. «А чого ты, хлопче, плачешъ?» — Отъ такъ и такъ, паночку, — ныма де службы найды. — «Ходимъ до мене, будешь у мене служиты!» И повивъ его панъ узенькою дорожкою въ очеретъ. Дывыцца той хлошець: куды це винъ веде мене? Колы це бачить: прыздорова хата въ очерети; входыть винъ — никого нема тамъ. «Теперъ, хлопче, — каже панъ, —ничого ны будышъ робыты, тики дрова рубаты, ти що стоять въ сажняхъ», — а самъ взяиъ та й пишовъ соби. Сумно яко-сь зробылось тоди тому хлощю, выйшовъ винъ на дверъ, дывыцца: куды-бъ тутъ ему втикты? — колы бачить, и дорожки тои ныма, куды воны сюды ѹшлы... мабудь, дума соби, треба оставатысь та служиты. Взявся винъ до роботы, такъ ему годъ — якъ каглоу выйшовъ. И дума винъ соби: «шо я за дурный, шо ны договорывся за цину?» Колы це прыходыть ёго панъ. «Сёгодня, каже, тоби годъ выйшовъ, ходимъ, та я тебе розсчитаю!» — и прыводыть ёго въ коморку; а тамъ купа гропый лежить. «Ну, каже, быры, хлошче, за твою службу скильки хочишь!» Ставъ хлошцыць та й думае:.. якъ визьму мало, то впосли буду жалкуваты, — визьму богато — боюсь, шобъ панъ ны лаявъ». Думавъ винъ, думавъ, та й каже панови: «лучче, пане, сами дайте, скильки знаете!» А панъ каже: «якъ ты такой дурынь, то чекай, я тоби лучше заплатю ны такъ!» та якъ смысне ёго кулакомъ въ ухо въ одно, потимъ въ друге, — «о-це, каже, тоби платя, глядышъ теперъ, никому ны росказуй, шо я тоби такъ заплатывъ!»

Выйшовъ хлошцыць на дверъ, плаче. Колы бачить: и дорижка ѿ, куды ему выйти. Выйшовъ винъ на гору, на великий шлахъ, колы дывыцца: литае птычка и балакае зъ своими дитыми, — а винъ понимае, шо вона каже. Эгэ —каже винъ соби — не дурно панъ казавъ, шобъ никому ны росказуваты, — мабудь цей панъ изъ закованымъ носомъ!» (т. е. волшебникъ, или чортъ). Отъ говорыть до своихъ дитей птычка: «постойте, диты, прыйдуть увечери чумаки и будуть близъко коло васть ночуваты, та наварятъ каши, а разбойники прыйдуть и побьють ихъ и намъ останецца вся каша, — отъ тоди я васъ нагодую». — «А якъ такъ, дума соби хлошець, то треба пидождати чумаківъ, — чи правда то буде, шо ця птычка каже». Колы це незабаромъ дывыцца винъ: йидуть чумаки. «Отъ тутъ ставаймо в будымъ ночуваты!» Выпраглы волы и быруцца варыты кашу. Пидходыть винъ тоди до ныхъ и каже: «я бъ вамъ, дядьки, ны совиту-

вавъ тутъ ночуваты». — «Чого жъ такъ?» — «А того, шо сюды прыйдуть розбойныкы и побьють васъ!» — «Эгэ, а нась хиба мало! буды имъ!» — А одынъ чумакъ каже: «а я не хочу тутъ ночуваты, шобъ чого справди ны було». — «Этъ дурный ты, шо дурного слухаешь!» — «Ни, таки пойду дальше!» И одыхавъ винъ съ тимъ хлощемъ на версты два и переночувалы благонолучно. «Ну, каже хлопецъ, ходимъ теперь, побачимъ, шо тамъ случилось?» Прйодать воны,—колы вси чумаки побыты лыжать, а птычка носить и годуе своихъ дялеть. Спасыби тоби, хлоиче, шо ты спасъ мене одъ смерти»,—даюте той чумакъ; пытае: «якъ це ты визнавъ?» — «Мини птычка сказала, шо це теперь щебече!» — А той каже: «Пойдымъ, каже, сыну, до мене, ты сырота, а въ мене ѹе дочка,—може ты будешъ затемъ мини, все тоби отдамъ багатство».

Прыйжаютъ воны вже въ село, колы литьть ворона,—крычыть: «Уже йиде хозяинъ, ны знае, шо вдома робыцца: выкрады комору, а хозяйка на воротахъ ожидаетъ и хоче заризатысь!» Хлопецъ тогда каже: «дядьку, у васъ плохо робыцца вдома: выкрады комору, а хозяйка стоить на воротахъ зъ ножемъ и хоче заризатысь,—такъ васъ боицца. Теперь, каже, покажить мини дорогу, я буду самъ йихаты, а вы бижитъ и заходьтъ потехенько зазади, выдирить вижъ и вговарюйте, шобъ ны журыласъ». Такъ винъ и зробивъ: зайшовъ изъзади, выдиръ вижъ, каже жинци: «ны бийсь, дурна, я ничего тоби ны скажу! слава Богу, каже, шо я самъ живый зостався,—мои товарыши давно побыты лежать, а намъ давъ Богъ славного хлопца, то винъ мене спасъ и тебе тоже,—може ѹе буде намъ затемъ. Онъ-онъ, каже, винъ уже йде изъ нашими волами! Зайижай, каже, сыну, та ходимо до хаты! Давай, жинко, вечераты!» Силы воны, повечералы, и собакамъ йисты дали. Выйшовъ хлопецъ на двиръ, дывицца, ажъ собаки сваряцца, а винъ разбира ихъ разговоры. Одынъ каже: «ты ны йижъ, бо ты не встеригъ коморы, а я й теперь вещи стережу!» — найився та й пышовъ ажъ на вулыцу, ва смитыкъ, лигъ та й лежить. Иде хлопецъ до хаты та й каже: «ну, дядьку, давайте застуна, ходимъ ваши вещи копаты, ти, шо злодіи покралы!» Прыйшли воны до того мисца, дё лежить собака, стали копаты и выкопалы все вещи. «Ну, каже хозяинъ, теперь будемъ робыты сватання и весилля, куплю я вамъ хату, дамъ шисть паръ воливъ и грошай трохи и будете вы житы!»

Незабаромъ оженясь той хлопецъ, выбрався въ свою хату и живе соби, якъ Богъ приказавъ. Отъ одынъ разъ пышла жинка до

матери, а маты и каже: «спытай—но, дочко, якъ винъ усе може знаты? чи винъ таکый волшебныкъ, чи такъ знае все?» — «Э, мамо, я вже ёго пытала, а винъ каже: якъ тоби рассказати все, то умру». — «Дурна ты, дочко,—якъ умре, то тильки и шкода! Вылыка цаца найдыть! ты ще выйдыши за крашого хозяина!» Прышла жинка до дому и прыстала до мужа: роскажи та роскажи. А винъ каже: «ну, якъ ты мене не жалуишь, то давай билу сорочку, и надину, сляжу на лавци и буду рассказуваты, а потімъ умру». — «Не умрешь, чоловиче, Богъ зъ тобою, шо це ты выгадавъ!» — а сорочку таки достае и зновъ просытъ рассказуваты. Узявъ винъ, надивъ сорочку, лигъ, колы це десь узяўся пивень пидъ вікною, якъ заспивае, закрычить до его: «дурный, ты, каже, на шо ты таکий вылыкылі секретъ кашешь жинца? ось у мене сорокъ жинокъ и я правды ны одни ны кажу! узяў бы нагайку та показавъ бы, якъ правду казаты!» А жинка пыта: «чогожъ ты мовчишь, чоловиче?» — «Шидожды, жинко, треба тебе павчити!» — уставъ, заперъ двери на крючокъ, узяў нагайку,— якъ зачавъ правду казаты, шо вже вона не знала, якъ просытись! «А що, жинко, будешь цытаты?» — «Ой, ны буду, голубчику!» Якъ вырвалась вона изъ хаты, побигла до матери жалуватысь. Якъ побачила матери дочку побыту—ажъ перелякалась, стала кричати. Почувъ батько, уходыть на той крикъ до хаты: «А що що, дочко?» — «Эге, що?—каже матери: шобъ ты ирапавъ изъ своимъ зятемъ разомъ! який-сь наймитюга та буде мою дытыну убывать!» Колы п зять уходыть. «Здрастуйте!» — «Здоровы! А що ты, сыну, робышъ?» пыта батько. Рассказавъ винъ все, якъ було. «А на шо жъ ты, дочко, пыта ёго, якъ ему не можна казаты?» А зять каже: «Та я бувъ бы и рассказалъ, та пивинъ пидішовъ пидъ вікно, та дурнемъ мене назавъ за те, шо я не вмію жинки вчиты!» — «И правда, шо не вміишь, каже батько; якъ узяў батигъ, якъ начавъ стару и молоду батогомъ потагаты, облушпарывъ добре... «Отъ теперь, каже, иди, дочко, до дому и николы не пытай мужа!»

И съ тихъ поръ жинка не пытала бильше мужа и добре жили вони до самой старости. (Запис. А. Школа въ пос. Новоархангельскѣ Елисаветгр. у.).

Сообщилъ В. Н. Ястребовъ.

Циркуляръ Херсонскаго губернатора. Херсонскимъ губернаторомъ М. Веселкинымъ разосланъ къ разнымъ лицамъ и учрежденіямъ губерніи циркуляръ слѣдующаго содержанія: «Херсонская губернія, какъ извѣстно, богата древностями разныхъ эпохъ жизни человѣчества, начиная отъ самыхъ отдаленныхъ: въ почвѣ ея находить памятники быта разныхъ народовъ, со временемъ первыхъ обитателей Европы до новѣйшаго, сравнительно, времени иноземнаго здѣсь владычества. Къ сожалѣнію, не мало весьма цѣнныхъ и рѣдкихъ предметовъ древности погибло отъ неумѣлыхъ, а иногда недобросовѣстныхъ приемовъ кладоискателей, и много вещей, имѣющихъ большое археологическое значеніе, увезено за границу. Заботясь о сохраненіи для пользы отечественной науки уцѣлѣвшихъ еще памятниковъ старинны въ нашемъ краѣ, считаю долгомъ обратиться къ просвѣщенному содѣйствию вашему, въ цѣляхъ положить предѣль дальнѣйшему расхищенню продолжающихся и ожидаемыхъ важныхъ археологическихъ находокъ. Въ этихъ видахъ были-бы приняты съ особою благодарностью сообщенія херсонскому Губернскому Статистическому Комитету свѣдѣній по прилагаемой программѣ, присылка предметовъ древности для определенія ихъ происхожденія, или же для помѣщевія въ образуемый при Комитетѣ Музей и, наконецъ, извѣщеніе Статистического комитета о предполагаемыхъ или произведенныхъ уже раскопкахъ и находкахъ».

Приложенная къ циркуляру краткая «программа археологическаго описанія мѣстности» ставитъ рядъ вопросовъ, касающихся главнымъ образомъ древнихъ земляныхъ сооруженій (городищъ, кургановъ, валовъ, пещеръ), а также случайныхъ находокъ и археологическихъ коллекцій.

Какъ мы слышали, уже есть и результаты этого циркуляра: получено много отвѣтовъ на программу, дающихъ цѣнныя указанія о мѣстахъ древностяхъ. Систематизаціей ихъ занятъ секретарь Статистического Комитета В. И. Гошкевичъ, ведущій также и самостоятельный разысканія о древностяхъ херсонской губерніи, преимущественно первобытной эпохи.

Учрежденный при Комитетѣ «Херсонскій Археологический Музей» также движется впередъ и со временемъ несомнѣнно займетъ одно изъ видныхъ мѣстъ среди другихъ подобнаго рода учрежденій, которыми, къ слову сказать, еще бѣденъ нашъ югъ, такъ богатый памятниками старины.

Мѣры, предпринимаемыя херсонскимъ губернаторомъ къ сохраненію и систематическому описанію мѣстныхъ древностей, заслужи-

ваютъ полнаго сочувствія; только такимъ путемъ могутъ быть избѣждены косность, отсутствіе интереса къ родной старинѣ, которыи съ такой силой царятъ въ средѣ нашего общества.

Будемъ надѣяться, что просвѣщенная дѣятельность херсонскаго губернатора вызоветъ подражанія и въ другихъ мѣстахъ нашего края. Если древности херсонской губерніи, составляющія по большей части наслѣдіе иноплеменныхъ намъ народностей, обратили на себя такое вниманіе, если къ охранѣ ихъ принимаются энергичныя мѣры, то тѣмъ болѣе желательно такое отношеніе къ памятникамъ старины, напр., юго-западныхъ губерній, вскори населенныхъ славинскимъ племенемъ, бывшихъ ареной начального развитія жизни русскаго народа, хранящихъ въ своей почвѣ безчисленные остатки прошлаго. Нельзя отрицать, конечно, что и по отношенію къ этимъ послѣднимъ кое-что уже сдѣлано, какъ специальными учрежденіями, такъ и частными лицами; но все это носило и носитъ временный характеръ, лишено общаго плана, вызывалось зачастую чисто случайными обстоятельствами, — *постоянное наблюдение* (которое и возможно лишь *на мѣстѣ*), искреннее отношеніе къ дѣлу, пробужденіе въ обществѣ сознанія важности этого дѣла только и могутъ поставить его на настоящую почву, не дадутъ возможности осуществиться такъ часто наблюдавшимъ въ послѣднее время фактамъ уничтоженія мѣстныхъ древностей или спекуляціи ими.

Н. В.

Къ исторіи Киево-Никольскаго монастыря. Свѣтъ на исторію Киево-Никольскаго монастыра проливаетъ «копія выданная съ указа св. Синода сему монастырю и нынѣ представленная въ оцѣночную комиссию 30 марта 1895 года». Указъ св. Синода выданъ по поводу перехода, согласно Монаршей волѣ 1812 и 1831 гг., какъ сего монастыря, такъ и принадлежавшихъ ему построекъ въ инженерное вѣдомство. Во всей перепискѣ, касающейся Киево-Никольскаго монастыря, интересны историческія свѣдѣнія даютъ помѣщеннаго въ ней копія отношенія Киевскаго Военнаго Губернатора на имя оберъ-прокурора св. Синода, въ которомъ (отношениі) Военный Губернаторъ доказываетъ право неизъясняемости Киево-Никольскаго монастыря и его строеній ссылкою на его значеніе для кievскаго района и древность.

«Пустынно-Николаевский монастырь именуемый Слупъ или Столповой, древнейший между киевскими, основанный великою княгинею блаженною Ольгою, при могилѣ киевского князя Оскольда, въ память его, былъ первоначально женскимъ, въ коемъ, какъ известно по житію преподобного Феодосія Печерского, была пострижена мать сего святого. Въ 1113-мъ году в. к. Мстиславъ Владимировичъ, сынъ Мономаховъ, перестроилъ монастырь сей вновь деревяннымъ зданіемъ. Въ 1690-мъ году близъ сего монастыря построенъ большой Пустынно-Николаевский монастырь, нынѣ обращенный въ Киевский Военный Соборъ, и къ оному приписанъ древній Николаевский Столповий. Въ 1713-мъ году Киевскимъ Губернаторомъ княземъ Голицинымъ построена каменная церковь въ Столповомъ монастырѣ, до нынѣ существующая—до 1732-го года. Настоятелями обоихъ сихъ монастырей вмѣстѣ были игумены, а съ того года установлены архимандриты. Въ 1786 г. при учрежденіи Малороссійскихъ духовныхъ штатовъ, монастырь сей положенъ въ 1-мъ классѣ, и до сихъ поръ таковыми существовали по Имманному Высочайшему указу. Въ 1831-мъ году по послѣдовавшему повелѣнію киевской первокласной Пустынно-Николаевской монастырь обратить въ Киевский Военный Соборъ, а монашествующую братію размѣстить по киевскимъ другимъ Монастырямъ; такимъ образомъ одинъ только бывшій Киевской Епархіи первокласный Архимандрій Монастырь упраздняется, тогда какъ въ нѣкоторыхъ Епархіяхъ существуетъ по нѣсколько первокласныхъ Монастырей, затѣмъ въ Киевской Епархіи остается одинъ только второкласный и одинъ третьекласный Архимандрій Монастыри, коихъ Архимандриты, занимаясь училищными должностями, не могутъ быть при Архіерейскихъ служеніяхъ пъ праздничные не свободные дни отъ ученія. По мнѣнію его (Киев. Губернатора) какъ для сей необходимости, такъ равно и потому, что въ Столповомъ Монастырѣ находится древняя чудотворная икона святителя Николая, Греческаго письма, въ коей многіе съ усердіемъ прибѣгаютъ нужно оный оставить безъ упраздненія: а потому онъ, Киевский Военный Губернаторъ, просилъ его, г. оберъ прокурора, исходатайствовать у Его Императорскаго Величества утвержденія перво-класной Архимандріи, бывшей въ большомъ Пустынно-Николаевскомъ древнемъ Монастырѣ, называемомъ Николай Слупъ или Слупскій съ Архимандритомъ и братію и съ ихъ окладомъ, предоставивъ имъ и торговые лавки отъ Монастыря устроенные, естьли сіе предположеніе будетъ удостоено Высочайшаго одобренія, то монастырь сей имѣть достаточную ризницу пъ церковные утвари и хотя потребуетъ нѣкоторой перестройки

зданий, за то церковь каменная, въ пропломъ году прочно поновленная и распространенная пристройками боковъ, представляеть для сего предмета всѣ нужныя къ тому удобства, не требуя никакихъ дальнихъ отъ казны издержекъ».

Святѣшій Сѵнодъ заслушалъ отношеніе Кіевскаго Военнаго Губернатора и 4-го февраля 1833-го года повелѣлъ: братию перевести въ монастырь Николай Слупъ, возвести Слупскій монастырь въ Архимандричій 1-классный монастырь и передать въ его вѣдѣніе лавки.

К. И. Т—.

„Панський будынокъ“ въ д. Лебединцѣ, прилун. уѣзда полтав. губ. Въ одномъ изъ имѣній покойнаго Г. П. Галагана, д. Лебединцѣ, существуетъ единственный въ своемъ родѣ старосвѣтской украинской «панський будынокъ», который мнѣ пришлось видѣть нѣсколько лѣтъ тому назадъ. Объ этомъ «будынкѣ» я давно зналъ со словъ покойнаго Г. П. Галагана, который говорилъ мнѣ, что устроилъ этотъ памятникъ старины съ соблюденіемъ всѣхъ подробностей, пользуясь совѣтами и указаніями Н. И. Костомарова, П. А. Кулиша и В. Б. Антоновича. Обстоятельства сложились такъ, что во время служенія моего въ Прилукахъ подъ начальствомъ Г. П. Галагана (въ 1874—1878 г.) мнѣ не пришлось побывать въ Лебединцѣ, а удалось это сдѣлать нѣсколько лѣтъ тому назадъ, и то, можно сказать, мелькомъ. Въ Лебединецѣ я прїѣхалъ съ высокоуважаемымъ Н. И. Стороженко почти при заходѣніи солнца въ лѣтній день, такъ что осмотрѣ сдѣланъ наскоро, да при томъ и бѣглымъ замѣткамъ мои затерялись. Вспоминаю, что вицѣній видъ «будынка» значительно отличается отъ современныхъ барскихъ домовъ. Зданіе покрыто высокою соломеною крышею; подъѣздъ съ точеными съ рѣзьбой столбами; размѣры и форма оконъ имѣютъ своеобразный видъ. Въ «будынкѣ» все до послѣднихъ мелочей напоминаетъ старину, начиная съ дверныхъ и оконныхъ приборовъ. Меблировка, килимы, скатерти, утварь—дышать стариной, и каждая вещь вполнѣ типична. Сколько мнѣ известно, въ полтавщинѣ не существуетъ другого подобнаго памятника украинской старины, и однако до настоящаго времени ни одинъ изъ художниковъ или фотографовъ не воспроизвелъ этого памятника. Можно сказать, что и «будынокъ», и тѣнистый садъ, окружающій его, вполнѣ достойны кисти талантливаго пейзажиста, а мебель и утварь заслуживаютъ вниманія просвѣщенныхъ любителей и знатоковъ род-

ной старины. Рѣшаюсь думать, что если не модель, то хоть рисунки или снимки съ зданія и обстановки Лебединскаго «будынка» имѣютъ полное право занять подобающе мѣсто въ естественно-историческомъ музѣй полтавскаго губернскаго земства.

Казалось бы, что пора г.г. техникамъ губернскаго земства обратить съ своей стороны вниманіе на этотъ этнографической памятникъ и оцѣнить съ технической стороны орнаментацію. Во всякомъ случаѣ теперь въ Прилукѣ можно улобно прѣѣхать отъ стан. Круты, а въ городѣ есть Галагановская усадьба, гдѣ завѣдывающій усадьбой можетъ сообщить маршрутъ для желающихъ. Пишу это для свѣдѣнія тѣхъ, у кого найдется охота изложить и возможно обстоятельно ознакомиться съ единственнымъ весьма цѣннымъ памятникомъ украинской старины.

В. Василенко.

Мелкія извѣстія.

1. Празднованіе памяти св. Кирила и Меѳодія.
2. 75-лѣтіе основанія въ Нѣжинѣ высшаго учебнаго заведенія имени гн. Безбородко.
3. Училища въ память Н. И. Костомарова и Н. В. Гоголя.
4. Вечеръ въ память Т. Г. Шевченка.
5. Открытие памятника М. С. Щепкину.
6. Положеніе вопроса объ устройствѣ музея въ Киевѣ.
7. Французское иллюстрированное изданіе, посвященное Россіи.

Празднованіе памяти св. Кирилла и Меѳодія. По сообщеніямъ петербургскихъ газетъ, день памяти св. Кирилла и Меѳодія 11 мая былъ отпразднованъ петербургскимъ славянскимъ благотворительнымъ обществомъ съ особеною торжественностью. Празднованіе началось молебномъ, который былъ совершенъ въ Исаакіевскомъ соборѣ высокопреосвященнымъ Палладіемъ. Затѣмъ въ залѣ кредитнаго общества происходило общее собрапіе славянского благотворительного общества, въ которомъ были прочтены поздравительная телеграмма, посланная совѣтомъ одесскому отдѣленію общества по случаю его двадцатипятилѣтія, и привѣтственная телеграмма сербскаго митрополита Михаила. Потомъ настоятель Исаакіевскаго собора протоіерей Смирновъ произнесъ рѣчь о космополитизмѣ, который онъ охарактеризовалъ, какъ «стремленіе быть всѣмъ, но не тѣмъ, чѣмъ создаль Богъ», и далѣе напомнилъ слушателямъ, что космополитизмъ осужденъ Богомъ, что первая дерзкая попытка его — вавилонское столпо-

твореніе—была жестоко наказана и что Спаситель любилъ свою родину, скорбѣлъ о ней и заповѣдалъ ученикамъ идти сперва къ своимъ, а потомъ къ чужимъ. Послѣ рѣчи о. Смирнова хоръ Архангельского исполнилъ сербскую пѣсню: «Кто свою отчизну любить». (Новое Время).

75-лѣтніе основанія въ Нѣжинѣ высшаго учебнааго заведенія имени кн. Безбородко. 23 минувшаго апрѣля, какъ сообщаеть корреспондентъ «Кievлянина», въ актовомъ залѣ историко-филологического института кн. Безбородко происходило торжественное засѣданіе состоящаго при институтѣ историко-филологического общества по поводу исполнившагося 75-лѣтія со времени основанія въ Нѣжинѣ высшаго учебнааго заведенія имени кн. Безбородко и вмѣстѣ съ тѣмъ 20-лѣтія его жизни въ новомъ видѣ, послѣ преобразованія его въ 1875 г. изъ юридического лицея въ историко-филологической институтѣ. Засѣданіе открыто было вступительной рѣчью предсѣдателя общества, директора института Ф. Ф. Гельбке, указавшаго въ ней предметъ засѣданія и замѣтившаго, что хотя учебное заведеніе, основанное въ 1820 г. по завѣщанію кн. Безбородко подъ именемъ гимназіи высшихъ наукъ, подвергалось не одинъ разъ преобразованіямъ (именно въ 1832 г. въ лицей физико-математический, въ 1842 г. въ лицей юридический и въ 1875 г. въ институтъ историко-филологический), но тѣмъ не менѣе его жизнь за 75 лѣтъ представляетъ нѣчто цѣльное, ибо всѣ періоды этой жизни объединяются идею высшаго гуманитарного образованія, представителемъ котораго оно всегда было, а потому почтить 75-ю годовщину его существованія является дѣломъ вполнѣ справедливымъ. Самъ институтъ долженъ былъ отказаться отъ мысли торжественно отпраздновать этотъ день¹⁾), но историко-филологическое общество, состоящее при институтѣ, нашло умѣстнымъ посвятить одно изъ своихъ засѣданій воспоминаніямъ о прошлой жизни заведенія. Въ заключеніе директоръ прочиталъ телеграммы, присланныя институту къ этому дню его бывшими воспитанниками.

Первая изъ слѣдовавшихъ затѣмъ рѣчей, произнесенная проф. Е. В. Пѣтуховымъ, была посвящена первому періоду жизни заведенія, т. е. гимназіи высшихъ наукъ. Въ ней авторъ подробно остановился на основателяхъ и первыхъ устроителяхъ гимназіи, кназѣ и графѣ Безбородкахъ, графѣ Кушелевѣ-Безбородко, первыхъ ея директорахъ Кукольникѣ и Орлаѣ, охарактеризовавъ ихъ личность и

¹⁾ Почему именно долженъ быть отказанъ—это представляется нес совсѣмъ понятнымъ.

дѣятельность, а также и послѣдующихъ ея директоровъ и профессоровъ, очертилъ внутреннее устройство гимназіи и организацію преподаванія, причемъ указалъ на чрезмѣрный энциклопедизмъ получавшагося воспитанниками образованія, въ чемъ г. Пѣтуховъ усматривалъ и главную причину, почему заведеніе было признано несоответствующимъ требованиямъ жизни и подверглось въ 1832 г. преобразованію. Въ заключеніе авторъ назвалъ лицъ, воспитывавшихъся въ гимназіи и заявившихъ себѣ на разныхъ почицахъ дѣятельности государственной, научной и литературной, подробнѣе остановившись на Тарновскомъ, Рѣдкинѣ и Гоголѣ.

Затѣмъ преподаватель института М. А. Сребинецкій изложилъ очеркъ исторіи лицея физико-математического (1832—1840) и юридического (1840—1875). Кратковременное существование физико-математического лицея было охарактеризовано, какъ время наибольшаго упадка заведенія имени кн. Безбородко, когда оно и въ научномъ, и въ учебномъ отношеніи стояло очень низко. Съ особенною подробностью очерчена была лучшая пора жизни юридического лицея, до начала шестидесятыхъ годовъ, когда лицей стоялъ вполнѣ на высотѣ своего назначенія и когда профессорами въ немъ были Н. Х. Бунге, В. А. Незабитовскій, М. А. Туловъ, И. В. Лашнюковъ. Воспользовавшись богатымъ архивнымъ материаломъ, отчасти печатными источниками и воспоминаніями современниковъ, авторъ подробно охарактеризовалъ учебно-ученую дѣятельность выдающихся профессоровъ лицея и представилъ живую картину жизни нѣжинского студенчества за эту пору исторіи лицея. Затѣмъ были указаны причины постепенного упадка заведенія, отмѣчено измѣненіе характера и состава профессоровъ и студентовъ и изложенъ ходъ вопроса о преобразованіи юридического лицея въ историко-филологической институтѣ.

Наконецъ, проф. П. И. Лючерсольскій въ своей рѣчи остановился на первомъ времени жизни историко-филологического института, именно на періодѣ устройства и первоначальной дѣятельности института подъ управлениемъ первого его директора Н. А. Лавровскаго, при чемъ охарактеризовалъ первоначальный составъ служащихъ въ институтѣ, описалъ открытие института, обрисовалъ состояніе въ немъ преподаванія и дѣятельность конференціи его за это время, упомянулъ о дѣятельности скончавшихъ къ настоящему времени представителей первоначального состава служащихъ въ институтѣ (Н. Я. Аристова, А. О. Хойнацкаго, О. А. Златоустовскаго и П. Г. Сертье); указалъ на дѣятельность бывшихъ воспитанниковъ инсти-

тута, изъ которыхъ большинство служать преподавателями въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ, и закончилъ выраженіемъ надежды, что институтъ, начинавшій свою дѣятельность бодро и радостно, будетъ также продолжать ее и впередъ.

Съ своей стороны мы думаемъ, что учебное заведеніе имени кн. Безбородко, которое, какъ видно изъ его исторіи, разсказанной названными ораторами, въ теченіе 75-лѣтняго своего существованія перепробовало системы устройства почти всѣхъ факультетовъ, существующихъ въ русскихъ университетахъ, превращаясь изъ энциклопедическаго учебнаго заведенія въ физико-математическое, изъ физико-математического въ юридическое и изъ юридического въ историко-филологическое,— со временемъ не минуетъ еще преобразованій: такая уже должно быть его судьба— испытать на себѣ всевозможныя превращенія, пока, наконецъ, оно не остановится на такомъ устройствѣ, которое наиболѣе будетъ удовлетворять потребностямъ того населенія, среди которого оно существуетъ.

Училища въ память Н. И. Костомарова и Н. В. Гоголя. Въ прошломъ 1894 году, въ с. Юрасовкѣ, острогожскаго уѣзда, открыто одноклассное училище имени Н. И. Костомарова, устроенное на капиталъ, который Н. И. Костомаровъ, по духовному завѣщанію, оставилъ въ суммѣ 8920 рублей (золотомъ) министерству народнаго просвѣщенія на учрежденіе народной школы на мѣстѣ его родины. Видъ зданія этого училища, имѣющаго вывеску: «Юрасовское 1 классное училище Мин. Нар. Просвѣщенія имени Н. И. Костомарова», помѣщено въ одномъ пзъ послѣднихъ номеровъ одесского журнала «По морю и сушѣ», вмѣстѣ съ краткою замѣткою о немъ. Нынѣ, какъ сообщаютъ газеты, полтавскому уѣздному земству разрѣшено ассигновать, согласно ходатайству Песчанскаго волостнаго схода, 8780 рублей на устройство въ селѣ Васильевкѣ училища въ память Н. В. Гоголя и сельской библиотеки его имени. Съ своей стороны жители Васильевки собрали 800 рублей для устройства небольшого памятника Гоголю, который предположено поставить на площади передъ училищемъ.

Вечеръ въ память Т. Г. Шевченка. Проживающіе въ Петербургѣ малороссы ежегодно чествуютъ память Т. Г. Шевченка, устраивая семейно-музыкальные вечера. Въ этомъ году такой вечеръ состоялся, вмѣсто обычнаго февраля, въ апрѣль (по сообщенію «Петербургскаго Листка» и «Новостей» 12 апрѣля, а по сообщенію журнала «По морю и сушѣ» — 13 апрѣля), въ театральномъ залѣ Павловой.

На сценѣ, среди зелени и цвѣтовъ, былъ поставленъ поясной гипсовый бюстъ Т. Г. Шевченка. У сцены въ залѣ, съ лѣвой стороны, большой щитъ былъ увѣшанъ снимками съ эскизовъ М. О. Микѣшина—иллюстрацій къ произведеніямъ Шевченка, а съ правой стороны обращалъ на себя вниманіе писанный Мицкіинымъ же большой портретъ покойнаго поэта во весь ростъ, въ свиткѣ, съ бандурою въ рукахъ, среди яркихъ цвѣтовъ мака. У ногъ портрета ютился небольшой картонъ съ наброскомъ малороссійскаго дѣвичьяго лица; это—копія писаннаго Шевченкомъ портрета извѣстной Лукерьи, его невѣсты. Исполнителями въ концертной части вечера были Ждановъ, Варзарь, Рѣштникова, Чубинская, Мухина и Рѣзниченко; кромѣ того, одинъ любитель съ малороссійскою лирою изображенъ ямарочнаго пѣвца-лирика; по большая часть концерта состояла изъ хорового пѣнія. Исполнялись народныя пѣсни и произведенія композиторовъ Лысенка, Гордѣева, Козаченка и Сычева; между прочимъ исполнены были: «Думы мои, думы!» «Свято въ Чигрини», «На городи коло броду» (Лысенка), «И ничъ иде, и день иде» (Козаченко), «Не женися на богатій» (Сычева), «Зозуля», «Слава козаченькамъ» и друг. Присутствовавшій на вечерѣ Д. Л. Мордовцевъ произнесъ рѣчъ, въ которой указалъ на то, что покойный поэтъ обращался за вдохновеніемъ не къ Аполлону и музамъ, а къ высшей и святой правдѣ, прося Богоматерь направить его мысли и чувства къ высшему идеалу. Особенный фуроръ, какъ сообщаютъ «Новости», вызвало заужиномъ, который слѣдовалъ за концертомъ, стихотвореніе В. Л. Величка (*напечатано тамъ-же*).

Относительно того, были-ли на вечерѣ танцы, газеты страннѣмъ образомъ противорѣчатъ (такъ же, какъ и относительно числа): «Петербургскій Листокъ» увѣряетъ, что танцевъ не было, а «Новости» разсказываютъ, что публика долго «наслаждалась лихими танцами нарубковъ и молодыць, варяженныхъ въ настоящія сидници и украшенныхъ кралями и дукатами». Говоря о томъ, что вечеръ прошелъ очень удачно, корреспондентъ журнала «По морю и сушѣ» прибавляетъ, что многимъ изъ присутствовавшихъ, и молодымъ и старымъ, этотъ вечеръ напомнилъ «голубое небо Малороссіи, ея безпредѣльныя степи, утонающіе въ садахъ хутора и золотистые подсолнечники у заваленокъ бѣлыхъ хохлацкихъ хатъ...»

Открытие памятника М. С. Щепкину. 9 мая, въ г. Суджѣ, при громадномъ стечении народа, въ присутствіи курскаго губернатора и другихъ административныхъ должностныхъ лицъ, открытъ въ

земскомъ саду памятникъ М. С. Щепкину, възвигнутый на средства генерала Н. Л. Маркова. Торжество открытия началось чтениемъ Высочайшаго разрѣшенія воздвигнуть памятникъ; затѣмъ, при громкихъ кликахъ толпы, къ подножію памятника возложены были вѣнки депутатами отъ города Суджи, отъ Суджанскаго земства, отъ русскаго театральнаго общества, отъ драматическихъ труппъ Императорскихъ театровъ, отъ курскаго драматическаго кружка и отъ редакціи журнала «Театраль». Потомъ Южнымъ-Сумбатовымъ было прочтено стихотвореніе Лаврова: «Передъ памятникомъ Щепкина», а представитель курскаго драматическаго кружка произнесъ рѣчъ. Только что открытый памятникъ представляетъ изъ себя изящный бронзовый бюстъ, поставленный на пьедесталъ въ видѣ колонны изъ лабрадора, изготовленный въ мастерской Островскаго въ Кіевѣ. Подпись на памятникѣ гласитъ: «Подымать память о лучшихъ людяхъ—все тоже, что поселять въ гражданахъ любовь къ родинѣ». (Южный Край).

Положеніе вопроса об устройствѣ музея въ Кіевѣ. По сообщенію газеты «Жизнь и Искусство», вопросъ этотъ близится къ своему разрѣшенію. Лицами, заинтересованными въ судьбахъ музея и пощертовавшими на его устройство около 70000 рублей, въ настоящее время избрана подъ предсѣдательствомъ графа А. П. Игнатьева комиссія по постройкѣ и устройству музея. Въ составѣ этой комиссіи, кроме вице-предсѣдателя Д. Е. Федорова, избраны слѣдующія лица: членъ судебнай палаты А. М. Лазаревскій, городской голова С. М. Сольскій, профессоръ университета В. Б. Антоновичъ, известный собиратель памятниковъ малорусской старинѣ В. В. Тарновскій, М. Ф. Чуйковъ, А. Н. Терещенко, В. И. Толли, В. А. Рубинштейнъ и Л. И. Бродскій. Изъ двухъ предложенныхъ городомъ мѣстъ для постройки музея комиссія эта въ одномъ изъ послѣднихъ своихъ засѣданій признала болѣе удобнымъ мѣсто, прилегающее къ Александровскому парку, противъ царскаго дворца. Кроме того, въ этомъ же засѣданіи комиссией поручено одному изъ мѣстныхъ архитекторовъ составить проектъ для конкурса на составленіе плана зданія. При этомъ постройку зданія предполагается производить съ такимъ разсчетомъ, чтобы, въ случаѣ надобности, можно было безъ особыхъ затратъ расширить зданіе.

Французское иллюстрированное издание, посвященное Россіи. Во французскихъ журналахъ появилось объявление о предпринятомъ съ мая иллюстрированномъ изданіи, которое посвящается Россіи. Изданіе называется: «La Russie et les russes». Оно будетъ состоять изъ

26-ти выпускъ; каждый выпускъ будетъ заключать въ себѣ 16 рисунковъ, при чемъ обѣщаются дать виды городовъ, памятниковъ, разныхъ живописныхъ мѣстъ, жилищъ, сцены нравовъ, изображеніе мѣстныхъ праздниковъ, народныхъ костюмовъ и проч. Первый выпускъ долженъ былъ выйти въ маѣ, но въ Кіевѣ еще не получался. Въ своемъ библиографическомъ отдѣлѣ нашъ журналъ поговорить объ этомъ изданіи послѣ выхода тѣхъ выпусковъ, которые будутъ заключать въ себѣ свѣдѣнія и рисунки, васающіеся Малороссіи.

БИБЛІОГРАФІЯ.

Н. И. Петровъ. а) Отчетъ Церковно-археологического Общества при Киевской Духовной Академіи за 1895 годъ. К. 1895 г. 31 стр.

б) Коллекція древнихъ предметовъ и монетъ, пожертвованная Церковно-археологическому музею при Киевской Духовной Академіи почетнымъ членомъ Церковно-археологического Общества при сей Академіи, действительнымъ статскимъ советникомъ Н. А. Леопардовымъ. К. 1895 г. 82 стр.

Нельзя сказать, чтобы Церковно - археологическое Общество, состоявшее при Киевской духовной академіи, обнаружило за свое более чѣмъ двадцатилѣтнее (основано въ 1872 г.) существование особенно продуктивную дѣятельность. Но все таки, кое-что дѣлается, главнымъ образомъ по отношению къ надзору за мѣстными памятниками церковного зодчества, и для нашего края это уже составляетъ многое, такъ какъ вообще древности его въ послѣднее время остаются безъ всякаго надзора, подвергаются систематическому разграбленію и гибнутъ въ большинствѣ случаевъ для науки. Въ отчетномъ году церк. арх. об., состоявшее изъ 36 почетныхъ членовъ, 107 действительныхъ и 27 членовъ корреспондентовъ, имѣло 10 засѣданій, на которыхъ обсуждались, между прочимъ, слѣдующіе вопросы: объ удлиненіи главнаго алтаря церкви Киевского Пустынино-Николаевскаго монастыря, сооруженной въ 1745 г., и объ устройствѣ придѣла къ ней; по ходатайству Н. и Ф. Терещенко предъ св. Синодомъ о снятіи съ церковного погоста города Глухова старого зданія Трехъ-Анастасіевской церкви, какъ остающаяся безъ употребленія, за устройствомъ ими на этомъ погостѣ новой каменной церкви, а также вслѣдствіе вет-

хости его; наконецъ, давно ждущій очереди вопросъ объ охраненіи остатковъ древняго Михайловскаго храма въ селѣ Старогородкѣ, близъ г. Остра. Къ сожалѣнію, въ отчетѣ не сказано, какія послѣдствія имѣло обсужденіе этихъ вопросовъ. На тѣхъ-же засѣданіяхъ общества было прочитано нѣсколько (10) рефератовъ; отмѣтимъ сообщенія Н. И. Петрова: «Западно-русскія полемическія сочиненія второй половины XVI в.», «Объ остаткахъ древняго (XII в.) храма архистратига Михаила близъ г. Остра, черниговской губ., съ сохранившимися на алтарной стѣнѣ фресковыми изображеніями», «Мученіе св. великомученицы Варвары и повѣсть о преславныхъ чудесахъ ея, Ѣеодосія Сафоновича» и «О древней Кіево-Подольской Борисо-глѣбской церкви, замѣненной впослѣдствіи Рождество-Предтеченскою».

Отчетный годъ особенно выдается по громадному количеству предметовъ, поступившихъ въ состояній при обществѣ Церковно-археологической музей. Поступившіе предметы распредѣляются слѣдующимъ образомъ: памятниковъ церковной архитектуры, живописи, скульптуры, разной утвари и проч— 489; медалей, жетоновъ и монетъ— 7,752; религіозныхъ памятниковъ разныхъ народовъ и древнихъ памятниковъ военного и домашняго быта— 312; актовъ, грамотъ, писемъ и т. п.— 14; рукописей— 10; старопечатныхъ церковно-славянскихъ книгъ— 3; гравюръ, чертежей, фотографическихъ снимковъ и т. п.— 12. Кроме того, въ библіотеку музея поступило 86 книгъ, брошюръ и періодическихъ изданій. Всего поступленій за 1894 г.— 8,678. Громадность этой цифры объясняется тѣмъ, что, изъ общаго числа, 8420 №№ составляютъ единичное пожертвованіе почетнаго члена об. Н. А. Леонардова (о чёмъ ниже); изъ пожертвованій же другихъ лицъ заслуживаютъ вниманія: куски ценины и фресокъ изъ Зарубскаго монастыря, гипсовый наличникъ окна съ разводами первой половины XVII в., найденный въ усадьбѣ Десятинной церкви; рукописное евангелие съ записью 1623 г. изъ Сычинской церкви (Холмской епархіи), мѣдный образокъ св. Николы Можайскаго изъ Очакова, желѣзные и глиняные предметы, найденные вмѣстѣ съ золотыми эмалевыми вещами въ 1885 г. въ Кіевѣ, въ усадьбѣ г. Есипорскаго, ольвійскія и босфорскія монеты изъ Одессы и изъ Очакова, римскія и византійскія изъ находокъ въ кіевской и полтавской губерніяхъ, копія съ портрета Іосафа Горлеяка, сборникъ выписокъ 1778—1805 гг. подъ названіемъ «Quod libet» и 20 видовъ галиційскихъ церквей. Какъ видимъ, церковно-археологической музей все больше и больше разрастается; уже теперь онъ представляетъ изъ

себя по богатству содержания одно изъ наиболѣе выдающихся учреждений такого рода. Но мы не можемъ пройти молчаниемъ одного обстоятельства: среди жертвователей очень слабо представленъ элементъ мѣстного, особенно сельского, духовенства; еще и до сихъ поръ въ церквяхъ хранится много вышедшихъ изъ употребленія письмъ археологический интересъ различныхъ церковныхъ предметовъ; благодаря тому, что священники мало осведомлены о научномъ ихъ значеніи, предметы эти, несмотря на запрещенія духовныхъ властей, или уничтожаются, или получаются ненадлежащее назначеніе, попадая въ руки торговцовъ (на что было обращено вниманіе и въ печати). Намъ кажется, что болѣе широкое распространеніе среди сельского духовенства свѣдѣній о цѣнахъ и задачахъ общества и музея (хотя бы въ формѣ указавшій, что именно желательно собрать въ музей) привлекло бы къ нимъ новые силы, увеличило бы численность и полноту коллекціи. Чтобы показать, насколько и теперь уже богатъ музей, приведемъ общіе итоги. *По музею:* церковныхъ памятниковъ архитектуры, живописи, ваянія, скульптуры, разной утвари и т. п.—2,922; памятниковъ не церковныхъ—33,634; фотографическихъ снимковъ, гравировальныхъ досокъ, гравюръ, чертежей и т. п.—3,292; актовъ, грамотъ, писемъ и т. п.—1,461; рукописей—1,054; старопечатныхъ церковно-славянскихъ книгъ—1,038. *По библиотекѣ музея* первіодическихъ изданій, книгъ и брошюръ—1,783. Всего—35,184, число, краснорѣчиво говорящее само за себя. Среди приведенныхъ цифръ обращаетъ на себя вниманіе количество памятниковъ не церковныхъ; этотъ фактъ наглядно показываетъ, какъ необходимо въ Кіевѣ устройство исторического музея, гдѣ бы такого рода предметы могли найти себѣ мѣсто.

О коллекціяхъ г. Леопардова, переданныхъ въ церк.-арх. музей, уже была замѣтка на страницахъ «Кіевск. Стар.»¹⁾, а потому многое говорить о ней мы не будемъ. Значеніе ея для мѣстного края обусловливается тѣмъ обстоятельствомъ, что многіе предметы приобрѣтались въ Кіевѣ изъ находокъ въ самомъ Кіевѣ, а также въ кіевской и сосѣднихъ губерніяхъ. Брошюра г. Петрова, заголовокъ которой мы выше выписали, представляетъ изъ себя подробный каталогъ коллекціи съ обозначеніемъ стоимости предметовъ; если и нужно признать, что оцѣнка въ нѣкоторыхъ (довольно частыхъ) случаяхъ преувеличена, то, несмотря на это, даръ г. Леопардова и въ мате-

¹⁾ 1894 г., № 3.

ріальному отношенні составляетъ большую цѣнность. Центръ коллекціи—собраніе крестовъ и образовъ; «представляя полную картину исторического развитія этого рода памятниковъ въ Россіи отъ начала христіанства въ ней и до настоящаго времени, этотъ отдѣлъ коллекціи г. Леонардова особенно интересенъ по тѣмъ немалочисленнымъ представителямъ своимъ, которые носятъ на себѣ несомнѣнную печать византійского производства, или же сдѣланы русскими мастерами въ великовніжескую эпоху южно-русской истории» (стр. 3).

Очень полно также собраніе монетъ, между которыми есть рѣдкіе экземпляры монетъ великаго княжества кіевскаго; къ той же эпохѣ относится небольшой сравнительно подборъ предметовъ домашнаго и военнаго быта, очень характерныхъ для нашего края; заслуживаютъ также вниманія предметы болѣе раннихъ вѣковъ—каменнаго и бронзоваго, представляющіе въ нѣкоторыхъ случаяхъ превосходные образцы орудій этихъ эпохъ.

Судьбу коллекціи г. Леонардова, среди другихъ частныхъ коллекцій, можно считать одной изъ наиболѣе счастливыхъ. Благодаря тому, что владѣльцемъ ея сознавались тотъ общій интересъ и польза, какіе представляетъ его собраніе, имъ было, прежде всего, предпринято изданіе болѣе выдающихся предметовъ коллекціи; такимъ образомъ, явилось 6 выпусковъ «сборника снимковъ съ предметовъ древности, находящихся въ г. Кіевѣ въ частныхъ рукахъ»,—изданіе если и не всегда удовлетворительное по тексту (что мы отмѣтили въ свое время), то, съ другой стороны, давшее массу точныхъ снимковъ, сохранившихъ предметы для изслѣдованія на тотъ случай, если бы они погибли. Не довольствуясь этимъ, г. Леонардовъ передалъ и все собраніе, стоявшее ему и труда, и большихъ матеріальныx издержекъ, въ учрежденіе, где, онъ знаетъ, собраніе его будетъ гарантировано отъ всякихъ случаиностей. Мы можемъ только высказать пожеланіе, чтобы и другіе собиратели послѣдовали примѣру г. Леонардова.

Н. В.

А. А. Тилло. Проникаютъ ли отроги Карпатъ въ предѣлы Европейской Россіи? Изв. Имп. Академіи Наукъ. 1895, № 4, стр. 347—352.

Въ 1889 году ген. Тилло издалъ гипсометрическую карту Европейской Россіи (60 верстъ въ дюймѣ), явившуюся плодомъ многолѣтней тщательной работы автора по орографіи Россіи и кореннымъ

образомъ измѣнившую понятія, господствовавшія до того времени обѣ устройствъ поверхности нашей страны. Этой картой прежде всего устанавливалось, что такъ называемыя Урало-Балтійская и Урало-Карпатская возвышенности, будто-бы тянущія съ востока на западъ по Европейской Россіи, на самомъ дѣлѣ должны быть замѣнены возвышенностами Средне-Русскою и Приволжскою, вѣдущими съ сѣвера на югъ и расчленяющими въ этомъ направлениі внутренность Европейской Россіи¹⁾). Отчасти вслѣдствіе небольшого масштаба карты, отчасти—недостаточности матеріала по гипсометріи, автору пришлось воздержаться отъ разсмотрѣнія возвышенностей, пролегающихъ по окраинамъ Европейской Россіи.

Тотчасъ-же по опубликованіи своей первой гипсометрической карты, А. А. Тилло приступилъ къ составленію новой, въ масштабѣ 40 верстъ въ дюймѣ, главнымъ образомъ съ цѣлью выясненія связи орографического строенія Европейской Россіи съ прилегающими со-сѣдними частями Германіи, Австро-Венгрии и Румыніи. Западною границею этой новой карты взяты приблизительно меридіаны Вѣны и Берлина; въ область ея вошли такимъ образомъ Бескиды и Татры, что даетъ возможность обозрѣть въ совокупности связь всей Карпатской системы съ Европейской Россіей. Нынѣ отпечатанъ юго-западный листъ карты, заключающій въ себѣ между прочимъ Карпаты, и потому авторъ считаетъ нужнымъ заняться вопросомъ, поставленнымъ въ заглавіи его изслѣдованія.

Авторъ указываетъ, что въ самыхъ лучшихъ русскихъ географическихъ руководствахъ, словаряхъ и учебникахъ до сихъ поръ господствуетъ терминология, основанная на положительному решеніи этого вопроса. Въ положительномъ смыслѣ говорилъ о немъ и авторъ еще при изданіи своей первой гипсометрической карты, не имѣя возможности тогда заняться имъ критически.

Вопросъ этотъ однако уже давно рѣшался русскими геологами отрицательно. Покойный проф. Барботъ-де-Марн въ 1867 г. первый высказался совершенно определительно, «что мнѣніе о продолженіи отраслей карпатскихъ горъ въ предѣлы губерній волынской и подольской не имѣть никакого основанія»²⁾). Затѣмъ въ статьѣ академика

¹⁾ Статья А. А. Тилло, служаща объясненіемъ къ картѣ, подъ заглавiemъ „Орографія Европейской Россіи на основаніи гипсометрической карты“, напечатана въ Изв. Русск. Географ. Общ. т. XXVI, в. I-й, стр. 8—32, а также въ изданіи „VIII съездъ Русскихъ Ест. и Врачей“ 1890.

²⁾ „Отчетъ о поѣздкѣ въ Галицію, Волынь и Подолію“ Юбилейный Сбор. Имп. Минералогического Общества. 1867.

Карпинскаго «Замѣчанія о дислокациі породъ въ южной половинѣ Европейской Россіи»¹⁾, также приведено много существенныхъ данныхъ, служащихъ для подтвержденія и развитія взгляда Барботъ-де-Марни. Съ другой стороны, по самыи достовѣрныи и авторитетныи источникамъ западно-европейскихъ ученыхъ отроги Карпатъ не доходятъ до границъ Европейской Россіи, такъ какъ въ Галиціи они кончаются у города Ярославля, а въ Румыніи — не достигая праваго берега рѣки Серета.

Разсмотрѣніе юго-западнаго листа новой гипсометрической карты А. А. Тилло, на которомъ находятся Карпаты и прилегающая къ нимъ полоса земель къ сѣверу и востоку, укрѣпляетъ тотъ взглядъ, что отроги Карпатъ не переходятъ ни въ Привислинскія губерніи Царства Польскаго, ни въ предѣлы губерній волынскай, подольской и бессарабской.

Въ заключеніе авторъ высказываетъ пожеланіе, чтобы совмѣстными усилиями геодезистовъ и геологовъ была создана дѣйствительная орографія Европейской Россіи, соотвѣтствующая тѣсной связѣ между геологическимъ строеніемъ и рельефомъ поверхности.

II. A.

Новыя народныя иллюстрированныя изданія повѣстей Н. В. Гоголя.

Въ январьской книжкѣ «Кіевской Старинѣ» за 1894 годъ мы говорили о народныхъ иллюстрированныхъ изданіяхъ повѣстей Н. В. Гоголя, по поводу изданной А. Ф. Марксомъ повѣсти «Тарасъ Бульба» съ рисунками Зичи, Штейна и Котляревскаго. Послѣ того, въ теченіе прошлаго и настоящаго года, Марксъ выпустилъ народныя иллюстрированныя изданія слѣдующихъ повѣстей Гоголя изъ малорусскаго быта: 1) Сорочинская ярмарка, съ 37 рисунками И. Храброва (цѣна 20 коп.), — 2) Вій, съ 38 рисунками Р. Штейна (ц. 25 коп.), — 3) Майская ночь или утопленница, съ 31 рисункомъ И. Храброва (ц. 20 коп.), — 4) Страшная месть, съ 37 рисунками Р. Штейна (ц. 25 коп.), — 5) Процавшая грамота, съ 12 рисунками Р. Штейна (ц. 15 коп.), — 6) Ночь передъ Рождествомъ, съ 46 рисунками И. Храброва (ц. 30 коп.), 7) Заколдованное мѣсто, съ 14 рисунками И.

¹⁾ Горный журналъ. 1883.

Храброва и виньеткою Р. Штейна (ц. 15 коп.) и 8) Старосвѣтскіе помѣщики, съ 50 рисунками Павла Соколова (п. 25 коп.).

Всѣ эти книжечки изданы въ такомъ же форматѣ и отличаются такими же виѣшними качествами, какъ изданіе «Тараса Бульбы», о которомъ мы говорили, и таѣже, какъ послѣднее, гораздо изящнѣе вышедшихъ изъ продажи изданій наслѣдника братьевъ Салаевыхъ В. Думнова. Изъ трехъ рисовальщиковъ, которымъ принадлежать рисунки, хотя фамилія И. Храброва не известна, но рисунки его, имѣя свои недостатки, все таки болѣе типичны и тщательнѣе исполнены, чѣмъ рисунки известныхъ П. Соколова и Р. Штейна.

И. III.

Выставка древностей въ Археологической Коммиссії въ Петербургѣ.

Древности, поступающія въ Археологическую Коммиссію путемъ раскопокъ и посредствомъ покупки, ежегодно представляются ею на возврѣніе Государя Императора. Изъ печатнаго описанія выставки за 1894 годъ, видно, что на ней находится не мало выдающихся по своему значенію древностей изъ разныхъ мѣстностей Юга Россіи, который и до сихъ поръ представляетъ неистощимый источникъ для археологическихъ приобрѣтеній; украшеніемъ выставки являются вещи изъ керченскихъ катакомбъ, шиферная икона изъ Херсонеса, владѣ золотыхъ греческихъ монетъ изъ гор. Рени и керченскій мраморный левъ; заслуживаютъ также вниманія литейные формочки и другія древности изъ Киева, коллекція поливныхъ блюдъ изъ Херсонеса, коллекція армянскихъ вещей изъ Бердянска, древности изъ могильника въ с. Покровскомъ, купянскаго у. харьков. губ., изъ кургановъ могилевской и киленской губ. Въ описи читатель найдетъ и краткое описание обстановки, при какой найдены вещи, и опредѣленіе этихъ послѣднихъ. Кстати замѣтимъ, что случаи нахожденія монетъ въ греческихъ могилахъ Ольвіи, показавшіеся составителю описанія почему-то «любопытными», на лѣль—фактъ весьма обыкновенный.

Предполагаемое изданіе альбома писанокъ.

Лубенскій музей Е. Н. Скаржинской заключаетъ въ себѣ около 1500 экземпляровъ писанокъ изъ губерній воронежской, курской,

полтавской, кіевской, волынской, минской, подольской и гродненской. Сколько известно, это—самое обширное собрание писанокъ въ Россіи. Недавно завѣдующій музеемъ, С. К. Кулжинскій, напечаталъ въ Кіевѣ программу для сбиранія свѣдѣній о писанкахъ, изъ которой мы узнаемъ, что названнымъ музеемъ предположено изданіе большого альбома писанокъ въ краскахъ, съ объяснительнымъ текстомъ, при чёмъ могутъ быть напечатаны рисунки писанокъ и другихъ коллекцій, особенно изъ такихъ мѣстъ, откуда писанокъ въ лубенскомъ музеѣ не имѣется, какъ то—изъ губерній бессарабской, херсонской, екатеринославской, харьковской, черниговской и др. Намъ известно, что управлѣніе музея получило уже съ этой цѣлью собрание рисунковъ изъ подольской и изъ херсонской губерній. Признавая большую важность этого предпріятія для изученія народнаго южно-русскаго орнамента, для чего у насъ почти ничего еще не сдѣлано, пожелаемъ, чтобы собиратели писанокъ оказали Лубенскому музею возможное содѣйствіе высылкою самихъ писанокъ или рисунковъ ихъ, съ обозначеніемъ мѣстнаго названія узора и мѣста происхожденія каждой. Въ вопросѣ о происхожденіи узоровъ весьма важно, чтобы предположенный альбомъ достигъ возможной полноты по части географическаго распространенія ихъ, а для этого необходимы рисунки и свѣдѣнія изъ недостающихъ губерній. Совѣтуемъ собирателямъ писанокъ не упустить этого случая, потому что другой врядъ ли скоро представится.

Уніатський митрополитъ Левъ Кишка и его значеніе въ исторії унії. Соч. свящ. Стефана Недѣльскаго. (Изъ Литов. Епарх. Вѣд.) Вильна. 1894. in—8. 317 стр.

Въ началѣ XVIII в. среди западно-русскихъ уніатовъ замѣчается два теченія: одно въ сторону слівавія съ церковью римско-католической, другое въ пользу сохраненія особенностей восточной церкви, отличавшихъ унію отъ католицизма. Представителями первого направленія были монахи-базиліане, второму сочувствовали народъ, бѣлое духовенство и отчасти іерархія. Силы были неравны: базиліане, сильные своею сплоченностью, образованіемъ, материальными средствами и покровительствомъ Рима и въ значительной степенипольского правительства, должны были, конечно, одержать верхъ надъ невѣжественной и забытой массой и почти столь же невѣжествен-

нымъ и забитымъ бѣлымъ духовенствомъ. Но на сторону послѣднихъ становится высшая іерархія, стремившаяся подчинить себѣ базиліанскій орденъ, который успѣль создать себѣ почти независимое положеніе. Видимъ дѣятелемъ въ этой борьбѣ между іерархіей и базиліанами, является Левъ Кишка (род. 1668, ум. 1728 г.). Воспитаный базиліанами, занимавшій должностьprotoархимандрита ордена, выдвинутый, наконецъ, базиліавами на высшія мѣста въ униатской церкви—епископа Владимірского и затѣмъ митрополита всея Руси, Кишка рѣзко мѣняетъ фронтъ и изъ ревностнаго защитника ордена становится его врагомъ, стремится подчинить его митрополичьей власти и въ то же время заботится о сохраненіи особенностей униатской церкви, о поднятіи умственнаго и нравственнаго уровня бѣлага духовенства.

Этой то интересной личности и посвящена книга о. Недѣльского. Авторъ говоритъ о происхожденіи и воспитаніи Кишки, даетъ краткій очеркъ исторіи базиліанскаго ордена, рассматриваетъ дѣятельность Кишки, какъ профессора Владимірской базиліанской семинаріи, виварія и суперіора Віленскаго Свято-Троицкаго и суперіора Плоцкаго Борисо-Глѣбскаго монастырей, protoархимандрита базиліанскаго ордена, епископа Владимірскаго и, наконецъ, митрополита. Особыя главы посвящены очерку состоянія униатской церкви и православія въ зап. Россіи въ к. XVII и нач. XVIII вв., дѣятельности Замойскаго собора и обзору литературныхъ трудовъ Кишки и изданныхъ имъ церковно-богослужебныхъ и церковно-практическихъ книгъ.

Свѣдѣнія о происхожденіи и ранніхъ годахъ жизни Льва Кишки очень скучны, и авторъ пополняетъ эти свѣдѣнія своими предположеніями болѣею частью мало обоснованными. Авторъ не имѣлъ подъ руками и многихъ изъ сочиненій Кишки и говорить, напр., объ его труда «Morze łask, o cudach Najswiętszej Panny Borunskiej» только на основаніи рукописныхъ записей о чудесахъ Борунской иконы Божіей матери, записей, которые послужили источникомъ для книги Кишки. Объясненіе авторомъ измѣненія въ отношеніяхъ Кишки къ базиліанамъ послѣ занятія митрополичьей кафедры представляется натянутымъ. Авторъ приписываетъ эту перемѣну занятіямъ Кишки біографіей своего знаменитаго предшественника Ипатія Потѣя, которые показали ему, какъ далеко ушла современная униатская церковь отъ идеала Потѣя. Не проще ли искать объясненія въ естественномъ антагонизмѣ между митрополитами, хлопотавшими о подчи-

неній ордена своєї влади, і базиліанами, які хотіли не тільки зберегти свою автономію, але й розширити своє вплив на сферу діяльності самого митрополита?

Б.

Е. І. Сѣцинскій, свящ. Городъ Каменецъ-Подольскъ. Историческое описание. Съ 4-мя фототипіями и 20 гравюрами и цинкографіями. Изд. на средства Каменецкаго городскаго управления (Кievъ, 1895). Стр. VIII+247. Ц. 2 р.

Настоящее издание посвящено памяти исполнившагося въ 1893 г. столѣтія присоединенія Подолія къ Россії. Авторъ изслѣдований О. Сѣцінскій, редакторъ Подольскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостей, извѣстенъ въ исторической литературѣ цѣнными изысканіями главнымъ образомъ въ области мѣстной церковной археологии.

Мысль, руководившую авторомъ и издателями, нельзя не признать удачною. Въ русской литературѣ до настоящаго времени не было сколько-нибудь полнаго и систематического обозрѣнія исторіи г. Каменца; между тѣмъ, въ исторіи этого города есть немало любопытныхъ и поучительныхъ страницъ, заслуживающихъ вниманія людей мыслящихъ. Автору предстояла нелегкая задача пересмотрѣть и свести воедино результаты разрозненныхъ и нерѣдко случайныхъ изученій, разбросанныхъ какъ въ русской, такъ, главнымъ образомъ, въпольской исторической литературѣ, и систематизировать этотъ материалъ, чтобы дать читателю болѣе или менѣе наглядное понятіе о судьбахъ древняго укрѣпленного пункта, къ которому на протяженіи ряда вѣковъ тяготѣла обширная область съ богатымъ историческимъ прошлымъ. Нѣть сомнѣнія, что всестороннее освѣщеніе исторіи Каменца еще невозможно, такъ какъ для этого потребуется длинный рядъ изученій архивнаго материала, далеко еще неразработаннаго и даже не имѣющагося въ Каменцѣ. Такъ напр., изученіе каменецкихъ официальныхъ книгъ XVI и сл. вѣковъ, хранящихся нынѣ въ кіевскомъ центральномъ архивѣ, могло бы выяснить много неизвѣстныхъ еще подробностей внутренней жизни городской общины и въ частности—общины армянскай, но и тутъ пришлось бы обратиться за дальниѣшими справками въ столовыя книгохранилища. Г. Сѣцінскій вовсе и не замѣтается такими широкими цѣлами, преслѣдованіе которыхъ физически невозможно для провинціального изслѣдователя старины. Ближайшая задача его—свести то, что сдѣлано прежними изыскателями,

освѣтить частные факты городской жизни общими свѣдѣніями изъ жизни мѣстного края и обратить должное вниманіе на мѣстные исторические памятники.

Людей, горькимъ опытомъ научившихся съ недовѣріемъ встрѣчать т. наз. юбилейные изданія ожидаетъ пріятное разочарованіе при чтеніи книги г. Сѣцінскаго. Съ великимъ тщаніемъ авторъ собралъ въ своемъ трудѣ все, что можно было извлечь изъ прежнихъ изслѣдований и опубликованныхъ документовъ, критически разработалъ этотъ разнообразный и нерѣдко сомнительный материалъ и далъ читателю картину живую, поучительную и довольно полную, безъ насильственного затемненія фона и безъ идиллическихъ прикрасъ, столь свойственныхъ большинству юбилейныхъ изданій. Не ограничиваясь печатными изданіями, изслѣдователь ознакомился также съ архивными дѣлами мѣстной городской думы и внесъ въ книгу нѣсколько любопытныхъ подробностей на основаніи добытой частнымъ путемъ переписки прежнихъ дѣятелей. Если къ этому прибавить, что къ книгѣ приложено немало снимковъ, удовлетворительно исполненныхъ фотографіей С. В. Кульженка въ Кіевѣ, то станетъ понятнымъ, почему трудъ г. Сѣцінскаго долженъ быть признанъ выдающимся явленіемъ въ текущей исторической литературѣ. Для ученой разработки исторіи онъ облегчитъ справки, для обычнаго чтенія дасть материалъ поучительный и интересный въ лучшемъ смыслѣ слова.

Первые пять главъ сочиненія г. Сѣцінскаго посвящены общему историческому очерку вицѣнникъ событий въ жизни Каменца съ XIV в. (стр. 1—82), т. е. исторію литовскаго, польскаго, турецкаго, снова польскаго и затѣмъ русскаго занятія. Изложеніе автора выгодно отличается отсутствиемъ мелкихъ подробностей и стремлениемъ поставить исторію города въ связь съ общимъ ходомъ событий въ краѣ. Знакомство съ литературой предмета и умѣлое пользованіе ею, столь рѣдко встрѣчаемое въ изданіяхъ, разсчитанныхъ на широкую публику, лишаютъ эту часть труда г. Сѣцінскаго характера обыкновенной компиляціи, обнаруживая въ авторѣ писателя вдумчиваго и умѣлаго. Должно пожалѣть лишь, что конія плана Каменца 1672 г., изданаго Тшебицкимъ, перепечатана изъ «Подолія» П. Н. Батюшкова, а не извлечена хотя бы изъ соч. К. Гурскаго, гдѣ планъ этотъ выполненъ безъ прикрасъ и съ сохраненіемъ латинскихъ подписей. Нѣсколько нелишенныхъ интереса подробностей объ осадѣ Каменца въ 1672 г. могъ-бы извлечь авторъ изъ соч. О. Стерналя «Obleżenie Kamieńca w powieści i historyi» (Lwów, 1890).

Дальнійші шесть главъ труда г. Сѣцинскаго даютъ болѣе подробное обозрѣніе внутренней жизни Каменца. Тутъ разсмотрѣны исторія каменецкой крѣпости, церковно-религіозной жизни (православіе, католицизмъ, армяно-григоріане), просвѣтительныхъ учрежденій города, русской, польской и арманской общинъ и наконецъ торговли городской, въ связи съ ростомъ населенія и застройки города до послѣдняго времени. При составленіи этихъ детальныхъ экскурсовъ требовалась масса иронотливаго труда, и если тѣмъ не менѣе въ изложеніи замѣтны иѣкоторые пробѣлы, то вина тому въ недостаточности изслѣдованнаго матеріала, а не въ недостаткѣ вниманія со стороны автора. Весьма любопытно, что собственно для XIX в. книга г. Сѣцинскаго даетъ весьма немногого, если исключить перечисленіе именъ и описание зданій и другихъ сооруженій, но мы далеки отъ мысли винить въ томъ автора: исторія новѣйшихъ мѣстныхъ учрежденій края вообще покрыта мракомъ забвенія, ея почти не коснулась еще исторія, въ систематическое обозрѣніе судебъ города не можетъ заполнить этого пробѣла, для чего потребуется детальное изученіе по архивнымъ матеріаламъ. Кажется намъ, что такое изученіе не только полезно, но просто необходимо: въ противномъ случаѣ, историки будуть фатально обречены на печальную необходимость обрывать свое изложеніе раздѣломъ Рѣчи Посполитой и въ дальнѣйшемъ ограничиваться голой номенклатурой учрежденій и именъ, мало говоряще уму и сердцу читателя.

Съ виѣшней стороны изданіе каменецкой думы производить пріятное впечатлѣніе.

Н. М.

О П Е Ч А Т Е І :

Въ майской книжкѣ „Кіевск. Сг.“ за текущій годъ въ отд. библіографіи, на стр. 51, строка 3 сверху напечатано: 1893 годъ. Слѣдуетъ читать: 1894 годъ.

Въ ст. Н. Ф. Суцова „Современная малорусс. этнографія“ на стр. 188 строка 11 сверху напечатано: Древній мудрецъ, Викторъ Ивановичъ; слѣдуетъ читать: Древній мудрецъ *зажегъ фонарь и искалъ подлиннаго человѣка*. Новый нашъ мудрецъ, Викторъ Ивановичъ и пр.

ОБЪЯВЛЕНИЯ.

ИЗВѢСТИЯ ОБЩЕСТВА АРХЕОЛОГИИ, ИСТОРИИ И ЭТНОГРАФИИ

при Императорскомъ Казанскомъ Университетѣ.

Въ 1895. г. «Извѣстія Общества Археологии, Истории и Этнографіи при Императорскомъ Казанскомъ Университетѣ» будутъ выходить шесть разъ въ годъ (1 выпускъ въ концѣ января, а слѣдующіе въ первыхъ числахъ марта, мая, іюля, сентября и ноября) книжками въ 7—8 листовъ in 8°.

Содержание книжекъ „Извѣстій“ составляютъ:

- 1) Оригинальныя и переводныя статьи по общимъ вопросамъ археологии, истории и этнографіи;
- 2) Специальныя изслѣдованія и статьи по археологии, истории и этнографіи Восточной Россіи (Шоволжья, Средней Азіи и Сибири);
- 3) Материалы археологические, исторические и этнографические, относящіеся къ Восточной Россіи: мелкія оригиналныя сообщенія, акты, произведенія народнаго творчества, словари инородческихъ языковъ и иѣстныхъ русскихъ говоровъ, извлеченія изъ періодическихъ изданій Восточной Россіи;
- 4) Хроника: извѣстія о музеяхъ Восточной Россіи, о находкахъ, раскопкахъ, объ экспедиціяхъ археологическихъ, археографическихъ, антропологическихъ и этнографическихъ, и о прочитанныхъ въ засѣданіяхъ русскихъ ученыхъ обществъ рефератахъ, имѣющихъ отношеніе къ Восточной Россіи;
- 5) Программы по специальнымъ вопросамъ археологии, истории и этнографіи Восточной Россіи; отдельные вопросы редакціи;

6) Бібліографія: обзоръ книгъ и статей мѣстныхъ, общерусскихъ и иностранныхъ періодическихъ изданій, имѣющихъ отношеніе къ археологіи, исторіи и этнографіи Восточной Россіи.

Въ «Ізвѣстіяхъ» принимаютъ участіе: Н. Ф. Акаевовъ, проф. А. И. Александровъ, И. В. Аничковъ (Ауліэ-Ата), Г. Ахмаровъ, Ш. Г. И. Ахмеровъ, Н. Н. Бакай (Красноярскъ), проф. В. А. Богородицкій, проф. Е. Ф. Будде, К. В. Вилюндъ (Уисала), В. Н. Витевскій, Г. Вихманъ (Гельсингфорсъ), К. И. Воронцевъ, К. Б. Газенвінкель, А. О. Гейкель (Гельсингфорсъ), М. Е. Евсеевъ, И. А. Износковъ, Ф. И. Кардасевичъ (Будапештъ), Г. Е. Катаанаевъ (Омскъ). Н. Ф. Катаановъ, С. И. Кедровъ (Саратовъ), Д. А. Кочневъ, А. К. Кулагинъ, акад. В. В. Латышевъ, Е. Ф. Литинскій (Самаркандъ), Н. М. Мартыновъ (Минусинскъ), П. Медоксъ, В. А. Мошковъ (Варшава), еписк. Никаноръ (Арханг.), П. М. Овчинниковъ (Иркутскъ), П. А. Пономаревъ, проф. И. Н. Смирновъ, А. А. Спицынъ, Ф. А. Теплоуховъ (Пермь), Н. З. Тиховъ, В. М. Терехинъ (Пенза), П. В. Траубенбергъ, П. О. Чупинъ (Барнаулъ), проф. А. А. Штуkenбергъ, проф. Н. А. Фирсовъ, пр.-доц. Н. Н. Фирсовъ и др.

Одной изъ основныхъ задачъ «Ізвѣстій» является всестороннее изученіе Урало-Алтайского міра. Для посильнаго осуществленія этой задачи редакція «Ізвѣстій» считаетъ необходимымъ держать своихъ читателей au courant всего, что является новаго въ этой области знанія, и приобрѣла корреспондентовъ въ Гельсингфорсѣ, Буда-Пештѣ и Упсалѣ для отчетовъ о новостяхъ венгерской и скандинавской литературы.

Въ видѣ приложенийъ къ «Ізвѣстіямъ» будутъ печататься:

Материалы для этнографіи Поволжья. «Мордовско-русскій словарь» и «Мокшанская пѣсня» М. Е. Евсеевъева.

Цѣна годовому изданію 5 руб., каждая книжка отдельно по 1 руб. Желающіе могутъ внести подписную сумму (5 р.) въ два срока: три рубля при подпискѣ и 2 р. къ 1 іюля.

Дѣствительные члены Общества, внесшіе членскій взносъ въ размѣрѣ 5 р., получаютъ изданіе бесплатно.

Подписные суммы адресуются: Казань, Университетъ, Секретарю Общества Археология, Исторіи и Этнографіи.

«Ізвѣстія» выходятъ подъ редакціей Секретаря Общества при ближайшемъ участіи членовъ редакціоннаго комитета.

Выписывающіе отдельные выпуски отъ Общества за пересылку не платятъ.

Секретарь Общества *Н. Ф. Катановъ*.

Члены редакціоннаго комитета:

И. Н. Смирновъ.

Ф. Г. Мищенко.

2—3

Отъ Этнографического Отдѣла

Императорскаго Общества Любителей Естествознанія, Антропологии и Этнографіи, состоящаго при Императорскомъ Московскомъ Университетѣ.

Въ текущемъ году предстоитъ первое присужденіе преміи по антропологии и этнографіи имени Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Сергія Александровича, учрежденной при Императорскомъ Обществѣ Любителей Естествознанія, Антропологии и Этнографіи, въ память международныхъ конгрессовъ по антропологии и доисторической археологии, бывшихъ въ Москвѣ въ 1892 г.

Премія по этнографіи выдается:

а) за самостоятельныя научныя монографическія изслѣдованія по духовному и материальному быту славянскаго и инородческаго населенія Россіи;

б) за научные этнографические труды руководящаго и методологического характера, какъ-то: учебники и руководства по этнографіи Россіи, научно-разработанныя этнографическія программы, систематическіе обзоры этнографической литературы по отдѣльнымъ племенамъ и народностямъ Россіи и славянскихъ земель, этнографическія карты и картограммы;

в) за собранія новыхъ матеріаловъ по духовному быту русскаго и инородческаго населенія Россіи (тексты по народной словесности, образцы народной музыки, описания семейныхъ и другихъ обычаевъ, вѣрованій, и т. д.), приготовленныя къ научному изданію, а также за систематическія и болѣе полныя коллекціи предметовъ, иллюстрирующихъ бытъ населения Россіи.

Премія выдается въ видѣ денежной суммы (около 100 р.) или медали.

Срокъ для представлениі сочиненій и матеріаловъ на соисканіе преміи—15 мая, а для представлениі коллекцій—не позднѣе 1 сентября. Премія присуждается въ годичномъ торжественномъ засѣданіи Общества 15 октября, и о присужденіи ея публикуется въ столичныхъ газетахъ.

Въ случаѣ неприсужденія преміи въ текущемъ году, за Отдѣломъ сохраняется право выдачи ея въ будущемъ году.

Сочиненія и труды могутъ быть представляемы, какъ рукопысные, такъ и печатные, вышедшіе однако-же не равнѣ, какъ за годъ до выдачи преміи, и еще не получившіе награды въ той или другой формѣ. Представляемые труды и сочиненія должны быть на русскомъ языке.

Предсѣдатель отдѣла *Вс. Миллеръ*.

Секретарь *Н. Янчукъ*.

Адресъ Императорскаго Общества Любителей Естествознанія, Антропологіи и Этнографіи: *Москва, Политехническій Музей*.

СОДЕРЖАНИЕ.

Томъ XLIX, 1895 г. Апрѣль, Май и Іюнь.

ОТДѢЛЪ I-й.

СТР.

I. ПОСЛЕДНИЕ ДНИ ЖИЗНИ НИКОЛАЯ ИВАНОВИЧА КОСТОМАРОВА. А. Костомаровой.	1—19
II. ИЗЪ ПАМЯТНОЙ КНИЖКИ. (Воспоминаніе о Н. И. Костомаровѣ). Н. Подорожнаго.	20—33
III. ИЗЪ ВОСПОМИНАНИЙ О НИКОЛАѢ ИВАНОВИЧѢ КОСТОМАРОВѢ. Г. Ващевича.	34—62
IV. КЪ БИОГРАФИИ Н. И. КОСТОМАРОВА. Ф. Щербины.	63—75
V. ОЧЕРКИ ИСТОРИИ ПРАВОБЕРЕЖНОЙ УКРАИНЫ. По И. Ролле. А. Ефименко. (<i>Окончаніе</i>). 76—101,	165—185
VI. СЛѢДЫ ВОДОПРОВОДНЫХЪ СООРУЖЕНИЙ ВЪ Г. КОБЕЛЯКАХЪ ПОЛТАВСКОЙ ГУБ. И НАДЪ РѢКОЙ ВЫСЬЮ НА ГРАНИЦѢ КІЕВСКОЙ И ХЕРСОНСКОЙ ГУБ. (Въ связи съ нѣкоторыми данными о колонизаціи полтавщины).	102—113
VII. ВОСПОМИНАНИЯ СВЯЩЕННИКА О. ѡЕОДОРА КИСТЬКОВСКАГО. (<i>Продолженіе слѣдуетъ</i>).	114—130
VIII. ИЗЪ МОЕГО ДАВНОПРОШЕДШАГО. Д. Мороза.	131—164
IX. СОВРЕМЕННАЯ МАЛОУРУССКАЯ ЭТНОГРАФІЯ. Н. ѡ. Сумцова. (<i>Продолженіе</i>)	186—198
X. ДѢТСКІЙ ЭДЕМЪ ДО ВКУШЕНІЯ ПЛОДА ОТЪ ДРЕВА ПОЗНАНІЯ ДОБРА И ЗЛА. (Изъ дѣтскаго міра деревенского мальчика). М. ѡ. (Продолженіе) 199—213	332—350
XI. ИЗЪ ВОСПОМИНАНИЙ, ИЗДАННЫХЪ НЕ ДЛЯ ПУБЛИКИ. (<i>Pro domo sua. Кіевъ 1893 г. 8°. 122 стр.</i>). Н. ѡ.	214—238

XII. ЧАСТНАЯ ПЕРЕПИСКА ГРИГОРІЯ АНДРЕЕВИЧА ПО-	
ЛЕТИКИ. (<i>Продолжение</i>). 239—262	351—368
XIII. МИТРОПОЛИТЬ ТОБОЛЬСКІЙ ПАВЕЛЪ КОНЮШЕВИЧЪ. 263—271	
XIV. УКРАИНСКІЙ ФИЛОСОФЪ ГРИГОРІЙ САВВИЧЪ СКОВОРОДА	
Д. Багалія.	272—300
XV. АНТРОПОЛОГИЧЕСКІЙ ТИПЪ МАЛОРОССОВЪ	323—331

О ТДѢЛЪ II-й.

I. ДОКУМЕНТЫ, ИЗВѢСТИЯ И ЗАМѢТКИ. а) Нѣсколько словъ	
къ портрету Н. И. Костомарова. б) Библиотека и собрание	
рукописей Н. И. Костомарова. Е. к. в) Нѣсколько словъ	
о писанкахъ. В. Ястребова. г) Разбойникъ Добрушъ. И.	
Бѣньковскаго. д) Стоянка и мастерская каменного вѣка въ	
могилевской губерніи, изслѣдованная лѣтомъ 1893 г. В. Е.	
Данилевича. е) Женитьба разбойника Гаркуши послѣ бѣг-	
ства его съ каторги. ж) Къ библіографіи малорусскихъ сказ-	
окъ. В. Ястребова. з) Собрание древностей Ч. В. Хвойки	
въ Кіевѣ. Ник. Бѣляшевскаго. и) Запорожецъ Константина	
Вира. М. Комарова і) Утѣсненіе кіевскихъ мѣщанъ воен-	
нымъ постомъ въ 1763—64 г.г. А. А. к) Обычаи и	
повѣрья, пріуроченные къ «Велыкодню». Ив. Бѣньковскаго.	
л) Мелкая извѣстія. м) Поднесеніе черниговскимъ дворянъ	
стводъ малороссійскому генералъ-губернатору Куракину золо-	
той вазы. Н. Ш. н) Сказка о человѣкѣ, понимавшемъ раз-	
говоръ животныхъ. Сообщилъ В. Н. Ястребовъ. о) Цирку-	
ляръ. Херсонскаго губернатора. Н. Б. п) Къ исторіи Кіево-	
Никольского монастыря. Н. И. Т—а. р) «Цанс'кій буди-	
вонъ» въ д. Лебединцѣ прилук. уѣзда полтав. губ. В. Ва-	
силенка. с) Мелкая извѣстія. 1—19, 51—78,	107—122
II. БИБЛІОГРАФІЯ: а) Херсонскія Епархіальныя Вѣдомости.	
В. Ястребова. б) Матеріалы для біографіи Гоголя. В. И.	
Шенюка. Томъ третій. Е. Пѣтухова. в) Русскіе художники.	
Ілья Ефимовичъ Рѣпінъ. Спб. Экспедиція заготовленія го-	
сударственныхъ бумагъ. Н. Ш. г) «Сельскій кредитъ въ	
Полтавской губ.», выпускъ I. «Статистическое бюро Полтав-	
ского Губернского Земства». Л. С. Л. д) Живописная Украи-	

III

на. е) Материалы къ оцѣнкѣ земель полтавской губерніи. Естественно-историческая часть. Выпускъ XVI. Орография, геология, почвы, климатъ и флора полтавской губерніи. Съ гипсометрической и почвенной картами. П. А. ж) Al. Czechowski. Samuel's von Skrzypna Twardowski «Wojna domowa». Doctordissertation. Н. М. з) Русские народы. Наброски первомъ и каравдашемъ. Рисунки Л. Л. Бѣлянкина. Текстъ подъ редакціею проф. Н. Ю. Зографа. Часть I. (Выпуски 1—3). Европейская Россія. В. Я. и) Исторический очеркъ Умани и Царскаго Сада (Софіевки). В. Иванченко. Киевъ. 1895. 8-о. 57 стр., съ 2-мя портретами, 4-мя рисунками, однимъ планомъ и однимъ снимкомъ съ рукоп. і) Книги кievской и львовской печати въ Москвѣ въ третью четверть XVII в. Виталія Эйнгорна. к) Столѣтие учрежденія православной епархіи въ Подолії. (1795—1895). Составилъ свящ. Л. Викуль. л) Историческая свѣдѣнія о бывшихъ въ м. Шаргородѣ (могилевского уѣзла) духовной семинаріи и духовномъ училищѣ. Н. Чарнецкаго. м) Жизнь и труды М. П. Погодина. Н. Барсукова. Книга девятая. А. Л. в) Н. И. Петровъ а) Отчетъ Церковно-археологического Общества при Киевской Духовной Академіи за 1895 годъ. б) Коллекція древнихъ предметовъ и монетъ, пожертвованная Церковно-археологическому музею при Киевской Духовной Академіи почетнымъ членомъ Церковно-археологического Общества при сей Академіи, действительнымъ статскимъ со-вѣтникомъ Н. А. Леопардовымъ. Н. Б. о) А. А. Тилло. Проникаютъ ли отроги Карпатъ въ предѣлы Европейской Россіи? Изв. Имп. Академіи Наукъ. П А п) Новая народная иллюстрированная издание повѣстей Н. В. Гоголя. Н. Ш. р) Выставка древностей въ Археологической Коммисіи въ Петербургѣ. с) Предполагаемое издание альбома писанокъ. т) Униатскій митрополитъ Левъ Кишка и его значеніе въ исторіи унії. Соч. свящ. Стефана Недѣльскаго. (Изъ Литов. Епарх. Вѣд.). Н. у) Е. І. Сѣпинскій, свящ. Городъ Каменецъ-Подольскъ. Историческое описание. Съ 4-мя фототипіями и

IV

20 фотографиями и цинкографиями. Изд. на средства Каменского городского управления. Н. М. ф) Опечатки.	123—134
III. ПРИЛОЖЕНИЕ: 1) Дневникъ генерального подскарбія Якова	
Марковича. Часть третья. (81 — 96	
113 — 128).	
2) Любецкий Архивъ. (33—48).	
3) Портретъ Н. И. Костомарова.	
ОБЪЯВЛЕНИЯ. 1—2.	1—4

Понеделокъ. 14. День былъ зранку велики хороший, передъ полднемъ дожь тихий, посля хмарно и вѣтряно, и къ вечеру ходно отъ полуночного вѣтру. Ночь тиха, свѣтла и холодновата. До хоружого енер. Якима въ дѣлѣ брата п. Семена сватебномъ писалъ отъ род., чтобъ не бить сватаню. Обѣдалисмо всѣ тутъ въ Коровайхъ. По обѣдѣ родитель поехалъ зъ родителкою, изъ сестрою Олесю и братами Лукою и Иваномъ въ Роменъ, а мы обое, братъ п. Семенъ, швакгеръ Троцкій и Несторовичъ и п. прилуцкая тутъ въ Коровайхъ ночовали. Отъ старости сухоносовскаго получилъ писмо, что купилъ онъ воловъ 28 по 13 р. безъ 20 к., и отвѣтъ написалъ къ нему, чтобъ виправу въ Гданскъ споражать, а ему бить у четверъ сей въ Кривую Руду.

Вовтор. 15. День былъ теплій, почасти свѣтлій, а почасти похмурній, ночь холодна зъ дождемъ. Рано простишись мы зъ братомъ п. Семеномъ, швакгромъ п. Якимомъ, поехали до Перервинецъ, а пріехавши обѣдали, а съ нами Несторовичъ и тіотка Константина, сестра покойници Урсалки. По обѣдѣ ездилисмо зъ Несторовичемъ въ степъ оглядовать жилиной стѣнки, Савѣцкому проданной писареви, и видѣли тамъ окопъ и свѣжѣйшій за...

Середа. 16. День былъ свѣтлій, теплій зъ вѣтромъ, а потомъ къ вечеру холоденъ, ночь такъже погодна, а хмурна, вѣтеръ полуночный. Старосту перервинскаго щиталисмо зъ п. Несторовичемъ и показалось на лице денегъ 19 р. и 4 а., зъ которихъ казалъ 15 р. на сѣно обернуть, а остатокъ на дворовіе нужди, и приказъ ему далемъ въ 10 пунктахъ. Жена его старостина сына родила Ивана. Обѣдалисмо тутъ, а по обѣдѣ оставили въ Перервинцахъ ежджалихъ коней 9, цукъ воронихъ, лисихъ 2, да каштана верхового и виехали въ путь, а проехавши Бѣлоусовку, ночовали у футорца Сухомузского, где и волкъ пробѣгъ чрезъ греблю и поузъ пасъ. Росходъ перер. стар. (на харчъ: жита 34 четвер. и 8 мѣрокъ, гречки 10 чет., проса 12 чет., на собаки овса 16 четвер., ячменю 1 чет., на свинѣ жита чет. 4, ячиен. чет. 24, на дробину овса 39 четвер.), денегъ 60 р.

Четвер. 17. День былъ вѣтренъ, похмуренъ и дожеватъ, ночь зъ жестокимъ вѣтромъ холоднимъ и дожчевъ, дожчъ перенялся, а вѣтеръ не пересталъ до свѣта. Рано поехавши отъ ночлѣга, уехали миль зъ 2 и пріехавши въ село Денисовку, стали у Константія и обѣдали. А по обѣдѣ уехали миль зъ полтретѣ до перевозу Горошинскаго, отъ перевозу до Горошина верстъ 6, отъ Горошина пріехали до футора Криворудскаго за 2 часа, дорога худа. Четверній конь гнѣдій старій при перевозѣ здохъ.

Пятокъ. 18. День увесъ былъ зъ жестокимъ вѣтромъ полунощнимъ, а зъ ранку и дожевато; ночь погодна отчасти и холодновата. Ищисляли зде у футорѣ товаръ и овци, о чомъ особлива имѣется вѣдомость.

Субота. 19. День былъ погодній зъ вѣтромъ, отчасти холоднимъ, ночь тиха, свѣтла и холодна. Несторовичеви подарилемъ коровъ 2, одну зъ теламъ, а другую яловую, зъ родителскихъ жостерскихъ дарованнихъ, и 20 овецъ дойнихъ. Вѣдомости о товарѣ и овцахъ спорадивши, дали Личиаку и коровнику. Пообѣдавши у футорѣ, вѣехали зъ футора Криворудскаго, уехавши миль около 4-хъ, ночовали подъ Березняками.

Неделя. 20. День былъ сперва свѣтлій и тихій, потомъ мало хмаренъ вѣтрянъ и холодновать. Ночь свѣтла тепла и тиха. Отъ ночлѣгу уехалисмо зъ милю и обѣдали не доеджая млинка Петра Кулябки, а по обѣдѣ пріехали въ Лубнѣ, отстоящіе отъ Лукомля въ 26 верстахъ, и стали на квартирѣ у швакгра п. Троцкого. У вечеру ходили мы обое зъ женою до п. Петра Кулябки, где вecheraли и просидѣли долго въ ночь.

Понедел. 21. День былъ свѣтлій, теплій и тихій, ночь свѣтла, вѣтряна и холодновата. П. Якиму швакгру далемъ денги заплатить въ аптеку за прежніе лѣкарства 1 р. 84 копѣйки, за мѣючіе взятысъ, на что и рецептъ далемъ; 1 р. 77 коп., а особливо 5 таляр. бит. на заплатку зъ 10 хемсовихъ(?) пожитковъ налога, двохъ оконъ зеленихъ, 6 паръ часовъ фарфуровихъ, спалнѣ на голову лазебной и книги именуемой *Animadversines in pharanavaram* (?) Да о колясцѣ и спалнѣ его же написалемъ цену 30 р.,

чтобъ онѣ купить. Былъ у насъ намѣникъ мгарскій зъ рибою и питтемъ; обослалъ такъ же насъ рибою жъ и питтемъ Петро Куллябка. Пообѣдавши у сватовой нашей п. Троцкой, поехалисмо доро-гою пѣратинскою, степомъ, до села Оробіовъ, отъ Лубенъ въ 3-хъ миляхъ добрихъ, где переехавши греблю черезъ Удай стали на ноч-лѣгъ, куда приходилъ попъ оробіовскій отецъ Андрей и вечераль у насъ.

Вовтор. 22. День былъ свѣtlій сперва, да толко велми вѣ-трянъ, потомъ хмаремъ зъ громомъ и дожчемъ малымъ, ночь хмар-на и тиха. Посхалисмо зъ Несторовичемъ до Курѣнки, въ милю отъ Оробіовъ отстоящую, где оглядали на гребль тамошней имъю-щeяся плѣни родителской зъ 3 колами и своего кола, которое ве-лѣломъ пристроили на старомъ мѣстѣ. Оттуда поехавши, заехали до Григорія шафара и оттолъ ехали до Сухоносовки год. 2, около 2-хъ миль, и прїехали на обѣдъ въ Сухоносовку, где и обѣдали. Тутъ, въ Сухоносовцѣ, отъ Алексѣйца, прїехавшаго зъ Миколаемъ крисковскимъ, получилемъ зъ Глухова писмо отъ господара, Клима, стар. крисков., сестри Уляни Ивановни зъ Москви и брата п. Ми-хайла Скор.

Середа. 23. День былъ похмурній зъ дожчемъ, да тихій и теплій, такова жъ и ночь. Посѣщаъ нась рано намѣникъ Ера-сногорскаго монастыря Даніиль Штапулскій и просилъ къ себѣ въ монастырь на завтрайшій праздникъ, куда мы по обѣдѣ поехали и прїехавши стали въ маліованныхъ келіяхъ.

Чотвер. 24. День былъ похмурній и теплій, ночь зъ бол-шимъ дожчемъ тихимъ. По набоженствѣ обѣдалисмо тутъ, жена особливо, а я въ трапезѣ, и со мною Петровскій старий и Григо-рапъ шаргор. Пообѣдавши, поехали и прїехали въ Сухоносовку. Тутъ, въ Сухоносовцѣ, у Ивана Сулими, козака чорнуской сотнѣ, жителя Ковалювъ, купилемъ стеноокъ за 15 р. и далемъ ему 7 р., а онъ писмо.

Пятокъ. 25. День былъ свѣtlій, теплій и тихій, ночь свѣт-ла, тиха и ядерна. Посѣщаъ нась рано отецъ Фома Збрискій, протопопъ пѣратинскій, а мы простившиесь съ нимъ, віехали зъ

Сухоносовки и переехавши село Позники, стали на степу, у футора Милорадовичевого, на обѣдъ, откуду зъ Несторовичемъ ездилемъ купленного осматривать степку. Старостѣ сухоносов. Омеляну далемъ приказъ другій въ 13 пунктахъ, которого копія зде, а именно: о исправки реестровъ, о содержаніи писемъ моихъ, о выборѣ ктитора, о млину куренскомъ, о куплѣ степку, о прибавкѣ возовъ волсихъ, о винницѣ, о млинку вѣтряномъ, ольяхъ орѣх. и конопляной, о гор. въ Перервинцахъ, о найму винника на карбъ, о присилкѣ воску, шкуръ и вовни. Поехавши оттолъ, пріехали въ Лохвицу до п. Павловой тіотки рано еще и позабавивши у еи зъ годину, отехали и пріехали на ночь въ село Токарѣ, где и почовалисмо.

Субота. 26. День быль и ночь сходніе весма противъ вчeraшихъ. Рано поехалисмо зъ Токаровъ и пріехали на обѣдъ въ футоръ нашъ Гамалѣвскій, где и заночовали. Пчоли осмотривали, оба мы зъ Несторовичемъ, где 20 роевъ новыхъ стало. Стадника куцулѣвскаго за коня Несторовичего зсадненнаго вибыть.

Неделя. 27. День и ночь такіе, якъ и вчорайшіе. Виправленъ въ Гданскъ зъ волами Микола Товкаченко крисковскій. Воловъ купленнихъ 81, домашнихъ подъ возомъ 4, а возъ зъ харчю, коней двое половихъ дано ему въ дорогу, да денегъ дано ему же 15 р., 25 ефимковъ, да 10 червонныхъ, и приказъ данъ ему, его же копія зде. Рано поехали зъ футора и пріехали на службу въ Андрѣевку, где и обѣдали. По обѣдѣ, виправивши Миколу крисковскаго, поехали позно въ полъ 8 часа, а пріехали въ полъ 12 часа, и заночовали на Засуллѣ, въ дворѣ.

Понеделокъ. 28. День быль и ночь свѣтли, тепли, тихи, сходни вчорайшимъ. Пріехалисмо на обѣдъ въ Роменъ, где застали родителку и сестру и братовъ Луку и Ивана въ добромъ здоровью, и обѣдалисмо вкупѣ. У лазнѣ милься. Писмо зъ Астраханѣ отъ Архипа досталось рукамъ моимъ, а писано марта 24-го дня, въ якомъ ознаймуетъ, что пойшли они за море и что смотрѣли гор. куховъ 40, якіе цѣли, а 18 не смотрѣли куховъ.

Вовтор. 29. День и ночь были свѣтли, велими тихіе и велими тепліе. Писалемъ до п. Петра, пол. луб., ускаржаючись на Ко-

дияца, черезъ Несторовича. Демянъ Кузмѣвскій посланъ въ Глуховъ, а черезъ его писалъ я до родителя о своемъ оборотѣ и до господаря де о чомъ господарскомъ, а Демянови казалемъ заехать до Конотопу и увѣдомитись отъ Воловатого (т. е. Костенецкаго) (?) нового и зъ якимъ контрактомъ.

Середа. 30. День былъ свѣтлій, однако жъ вѣтрянъ зъ малопереходныи хмарами. Ночь свѣтла, вѣтрана, а вѣтеръ зъ полуночной стороны. Юско посланъ въ Срѣбное по сестру сотника срѣбранскаго (Троцкы) для дочери Пазѣ. Сей день у Ромнѣ пробавили.

Юль. 1. Четвер. День сей былъ свѣтлій зъ вѣтромъ и ночь свѣтла жъ, зъ вѣтромъ же меншимъ. Обѣдалисмо вкушъ зъ родителкою; по обѣдѣ сестра Олеся поехала въ Лубнѣ, черезъ которую писалемъ до п. Яніма Троцкого за счалю благодаря и что 15-го вскорѣ прислані будуть. Отъ род. зъ Глух., черезъ Якова подписка получилемъ писмо зъ требованіемъ присилки ключа отъ імбара, где баулъ, и зъ обявленіемъ, что опредѣленъ на розискъ Мокрѣвичъ да порутчикъ. Отъ Петра Апостола отвѣтъ получилемъ, что онъ послалъ указъ до лукомскаго сотника о нечиненіи безправно обидъ у футоръ моемъ Криворудскому. Жена заболѣла, а species фебри.

Пятокъ. 2. День былъ свѣтлій, теплій я вѣтряний, у вечеру передъ заходомъ слонца вѣтеръ умножился, дождъ и громъ, потомъ знову вяянилось и ночь была свѣтла, только холодновата, потому что вѣтеръ полуночній. Получилемъ писмо отъ Савѣцкаго писаря полк. зъ прошеніемъ попустить степу перервинскому укосить сѣна, за то, что якоби момъ стадомъ стѣнки его вибити.

Субота. 3. День былъ свѣтлій, только вѣтряннй и холодноватий, ночь такова жъ, да холоднѣйшая. Отписалемъ къ Савицкому писару, прося уступки стѣнки жилиной и проч. По службѣ били Зaborовскій и протопопъ. Обѣдалисмо сами. Придѣлалъ вѣкоторіе штучки до рондзѣка золотарь и зважилъ, а показалось ваги 26 лотовъ безъ золотника, а рондзѣкъ тотъ, що былъ на чорной тасмѣ.

Недѣля. 4. День былъ холодноватъ, вѣтрѣнь и отчасти хмаренъ, ночь свѣтла, тиха мало и холодновата. Мощанскій да Ана-

с тасій Волошинъ, виноградникъ, женились. Обѣдалисмо вкупъ зъ протопопою ром., да Федоромъ Заборовскимъ, женою его и сотничкою роменскою. По обѣдѣ, у вечера поехалисмо зъ Ромна, а съ нами тіотка, и ночовали у Борзенки, за милю. Родителка подарила пологъ, полотна женѣ, запонку, запаску и серги Пазѣ дочерѣ. Оставилисмо коней 2, строкатого да бѣлого, у футорѣ нашемъ, якіе дворникъ Павель на свои руки и принялъ въ Ромнѣ.

Понеделокъ. 5. День сей былъ похмурний зъ дожчемъ, только тепловатъ къ вечеру и тихъ. Ночь также хмурна и тиха. Рано вставши, отъ Борзенки пріехали на обѣдъ у Смѣлее, и обѣдали тамъ же въ дворѣ родителскому. По обѣдѣ поехавши, наехали брата п. Ивана и пріехали до броду именуемаго Торний, зъ миль 3 отъ Смѣлого, где и заночовали.

Вовтор. 6. День былъ свѣтль отчасти, тепль и тихъ, хмари перехожіе зъ малымъ дожчемъ, ночь тоже тиха, только хмарна. Отъ ночлѣга, отъ Терновъ, уехали миль зъ двѣ, зъ полутори до Грузкой, оттолъ милю до Красенъ, где и обѣдали. По обѣдѣ пріехали до перевозу мутинского, где переехавши черезъ перевозъ Сеймовий, стали, виехавши зъ Мутина заразъ, на ночь, а ехали поль 3 часа черезъ Соймъ. Конѣ у бродъ ишли.

Середа 7. День былъ зранку холодновать и дожревать, а по обѣдѣ силний дожчь зъ громомъ, къ вечеру вияснилось и тепло стало. Ночь вся свѣтла и тиха. Рано отправили возки до Тулиголовъ зъ Янѣшевскимъ и сами поехали, и пріехавши въ Еролевецъ, стали въ дворѣ тіотки П. Павловой, отколь ездилъ осматривать комори своей дѣлающейся и двора родителскаго заложеннаго, а осмотрѣвши, поехали на обѣдъ въ Подоловъ, где не заставши сестри и никого, обѣдалисмо сами, а по обѣдѣ пріехала сестра зъ Дяковскою и дѣти своими, тутъ и заночовалисмо по ея прошенію. Увѣдомилъ, что присланъ указъ ехать вовсѧ въ Москву князю Шаховскому, а на его мѣсто пріедеть полковникъ Тургеневъ, Романъ Семеновичъ.

Четвер. 8. День былъ холодновать, свѣтель отчасти и дожревать, ночь свѣтла, тиха. Рано поехалисмо отъ сестри Чарнишев-

вой, и въ Кролевцѣ, у церкви ст. Спаса, вислухалисмо службы Божией, и пріехали на позній обѣдъ въ Тулиголови. Зъ попомъ отцемъ Петромъ сторжились за мѣстце тое, где цегелня, дать ему полъносатки горѣлки теперъ, а полноsatки въ новину. Дновалисмо тутъ въ Тулиголовахъ. Григорій Огієвскій отехалъ. Василю молодику приказалемъ о коморѣ Степаненковъ, Железниной и Вурвихостовой и о дворѣ Гетманчика.

Пятокъ. 9. День былъ зранку свѣтель и тихъ, а мало погодивши и вѣтрянъ, въ день дождъ и градъ, къ вечеру знову свѣту свѣтель да вѣтрянъ, ночь свѣтла и тиха. У пасѣцѣ тулигол. роевъ 2 толко было, за вѣтрами и холодами. Поехалисмо зъ Тулигол. и пріехали въ Глух. передъ вечеромъ, где застали родителя при добромъ здоровью.

Субота. 10. День былъ свѣтлій, отчасти хмарній, теплій и отчасти вѣтраній, ночь свѣтла и тиха. Рано ездилемъ до князя Шаховскаго, а потомъ до п. гетмана. Въ домъ повернувшись, обѣдалемъ зъ домашними. У вечеру кровь пускалемъ банками.

Неделя. 11. День былъ свѣтлій, теплій и ночь таековажъ. Рано у князя былемъ, потомъ у гетмана, где у самой гетмановой и обѣдалемъ. За дворъ въ Кролевцѣ на предметство стоячій заплатилемъ кролевецкому жъ жителеви 22 р., а 2 р. еще далемъ Василеви на купчую и проч.

Понеделокъ. 12. День и ночь были противъ вчорайшихъ. Алексѣй Полуденскій да Ярема, служителѣ, послани въ степъ для кошения сѣна, Алексѣеви дано на сѣно 21 р., да черезъ его казаку Сулимѣ въ доплатку за степокъ 8 р., да на строеніе млина курѣнскаго 6 р., да п. Якиму Троцкому въ доплатку за спальню 15 р., да черезъ его жъ, до Несторовича послалъ на сѣно, на Гамалевщинѣ коситись мѣючое, 40 р., до его жъ на вино 3 р., Яремѣ на сѣно 15 р. въ Переяринцѣ, а 15 р. за коня дрикгантъ, Івану Кучеровскому. Черезъ Алексѣя купчая отъ Сулими данная посланна для конфѣрмацїи на урадѣ. Да имъ же, Алексѣю и Яремѣ, далемъ на дорогу по 20 а. Писма послалемъ черезъ нихъ до родителки, до Троцкаго и до Несторовича. Рано ездилемъ до князя,

где виправивши указъ къ полковнику луб. Петру, пріехалемъ до-
мой и отправилемъ зъ онимъ Юска, въ Лубнѣ, и указъ о присилцѣ
сюда Кодинца сотника. Алексѣю и Яремѣ дани прикази на
письмахъ.

Вовтор. 13. День сей и ночь были противъ вчорайшихъ.
Обѣдалемъ у панеи гетмановой, по обѣдѣ ездилемъ до полковника
ахтирскаго, пріехавшаго сюда въ Глуховъ, оттуду до князя, где
просидѣлемъ долго. П. Михайло, братъ, и жена его заболѣли обое.

Середа. 14. День былъ и ночь противъ вчорайшихъ. Рано
ездилемъ осматривать своей ями дубовой, другой, оттолъ былемъ у
склепу и пріехавши домой, обѣдалъ. По обѣдѣ былъ полковникъ
ахтирскій и посидя отехалъ, а я ездилъ посѣщать п. Михайла,
брата, на Бѣлополовку. Повернулись бѣлополовцѣ зъ Царицина,
которіи туда отвезли слугу моего Остапа Свѣтака и съ нимъ вино
двойное и табаку; а привезли писмо его, въ якомъ пишеть, что Ар-
хипъ пошоль за море и что Тихонъ Демидовъ даетъ по полъ 2 р.
ведро двойного вина и что онъ рибу присыпаетъ сюда на моихъ
подводахъ, а свою будто и проч., и привезли они, бѣлополовцѣ,
риби: сазановъ 398, сули 2068, коней 6, а самая кобыла, якую
рибу послалъ зложить въ Сварковѣ.

Четвер. 15. День и ночь были еще горячайшіе нѣжъ преж-
ніе, и свѣтліе и тихіе. Обѣдалемъ у гетмана, где и полковникъ
ахтирскій былъ. По обѣдѣ домой пріехалемъ, куда пріехали Сте-
панъ Миклашевскій и Яковъ Полуботокъ. Отехалъ полковникъ ах-
тирскій зъ Глухова съ тѣмъ уговоромъ, чтобы унукъ его, а мой
племянникъ, сынъ брата п. Семена, Іась былъ отпущенъ въ Ах-
тирку для посѣщенія, о чемъ родитель и писаль къ родителцѣ.
Около полночи пріехалъ полковникъ Романъ Семеновичъ Тур-
геневъ на мѣсто князя Шаховскаго, и сталъ въ загородномъ дворѣ,
съ нимъ вмѣстѣ.

Пятокъ. 16. День былъ жаркій велми и якъ бы туманный,
по полуночи дождъ сторонами и градъ зъ громомъ и блицкавицею.
Ночь тиха и тепла, сторонами похмурна. Рано посѣхалемъ до фу-
тора Калюжновскаго, оттолъ въ Сварковъ, где и заночевалемъ.

Субота. 17. День былъ свѣтлій, тихій и теплій, ночь похмурна, тиха и тепла. Рано зъ Сваркова поехалемъ на обѣдъ въ Глуховъ, по обѣдѣ былъ я у князя и повернувшись мился у банды. До 3 р. Забароу даннихъ на косарѣ, что косять у заклѣвенскаго человѣка, я еще придалъ 1 р. 50 к. Зъ Сухоносовки пріехалъ Дядя и подводъ 2 прішло зъ шкурами конскими, товарачами и овечими, муходромъ, воскомъ и ѿ старами.

Неделя. 18. День былъ отчасти свѣтлій, а отчасти похмурній, тихій, теплій, ночь тепла и похмурна. Рано былемъ у гетмана, обѣдалемъ у себя и со мною швакгеръ п. Яковъ. У гетмана обѣдалъ князь, Тургеневъ и прочіи. По обѣдѣ были у насть и посидѣвшіи отехали.

Понеделокъ. 19. День сперва съ туманомъ, потомъ свѣтель и тепель, ночь свѣтла. Грицку Дядѣ далемъ на воли 100 р., а черезъ его-жъ старостѣ сухонос. на соль 30 р. Забарѣ на косовицу еще далемъ 1 р. 50 к.

Вовтор. 20. День былъ зранку холоденъ зъ туманомъ, и томъ свѣтель, и въ день дощъ ишоль. Ночь свѣтла и тепла. Сего дня рано былъ я у гетмана, а обѣдалъ у себя зъ швакгромъ п. Яковомъ. У вечеру зъ п. Михайломъ братомъ сздилемъ до князя и не увидѣвшіи его, повернулись. Быль я у брегадира вчорѣ и купилъ карету, дарованную ему отъ покойной тіотки, и заплатилъ за оную и за станокъ до неи зъ конми 40 р., а онъ, брегадиръ Арсеніевъ, поехалъ сегодня въ Москву зъ домомъ своимъ.

Середа. 21. День билъ свѣтлій, теплій и тихій, у вечеру хмары зъ дожчемъ силнимъ и громомъ, такъ же мало не чрезъ всю ночь дожчъ ишоль. Сего дня рано отехалъ въ Москву князь Алексѣй Ивановичъ Шаховской, которого опроводилъ гетманъ до яру другого, не доежджая Ясманъ села, а старшина енер., род. и я и великороссійскіе господа запроводили его на становиску за Ясманъ, ворстъ у З, где и обѣдали и подпивали, тамже и заночевали. А на его мѣстѣ остался зде полковникъ Тургеневъ. Желязо, слуга род., посланъ отъ род. въ Москву зъ парою коней до Курбатова я прошеніемъ отъ п. Павловой о солахъ еи и о Засуллю, которому

я далъ штановъ лосинихъ двое вимить тамъ и кунить табату картузъ, на что все далъ ему я 4 р., да черезъ его же послала жена сестрѣ барилцѣ мастихинои и пѣрниковъ ящикъ.

Четвер. 22. День былъ теплій, тихій почаси и почаси вѣтрянъ, болшъ хмаренъ, нѣжъ свѣтель. Рано съ княземъ ІШаховскимъ простились всѣ, онъ поехалъ въ путь свой, а мы поворотивши, пріехали на обѣдъ въ Глуховъ, род., и. Федоръ и я зъ швакромъ и братами Маркомъ и Иваномъ, и обѣдалисмо вкупѣ. По обѣдѣ ездилемъ до швакгра п. Якова и оглядали коней продажнихъ нѣмецкихъ по 100 р. Повернувшись отоль, ходилемъ у лазню и кровъ банками пускаль на спинѣ и на ногахъ, стегнахъ, для свѣрбу великого.

Пятокъ. 23. День былъ холодній и вѣтряний, и дожчеватий, и по половамъ свѣтель, ночь свѣтла тиха. Родителеви визичилимъ 180 р. и отослалемъ черезъ Клима пѣщанскаго. Отправлени конѣ 18 въ Гамалїевскій футоръ черезъ Иллю. Посланъ Василь Кравецъ въ Батуринъ за Урбаномъ утеклими. Писалемъ до стар. крисков., чтобъ 3000 дранѣ виготовалъ, а на оную взяль зъ денегъ отъ роздачи на жито осталнихъ 30 р. Купилемъ жита 2 четверики за 6 р. и 30 а. и одинъ посланъ въ Криски, а другій въ Тулиг., а за тое жито самъ заплатилемъ.

Субота. 24. День былъ холодноватий, по перемѣшкамъ свѣтель и хмаренъ, ночь сперва свѣтла и тепла, потомъ хмарна. Рано былемъ у п. гетмана, где и обѣдалемъ; у вечеру ездилемъ до полковника Тургенева и позно повернулся въ свой домъ. Швакгеръ п. Андрѣй пріехалъ въ Глуховъ. Писмо получилемъ отъ стар. перерв., что козаки тамошніе позатканную, (т. е. сѣнокость означеній колышками) покосили; также, что дрикантъ шнаковатий здохъ.

Неделя. 25. День былъ сперва холодноватъ, посля свѣтель и тепель, ночь свѣтла жъ и тепла. Рано былемъ у гетмана, обѣдалемъ у себе, по обѣдѣ ездилемъ до Количова зъ родителемъ. Асаулъ енер. Мануйловичъ и Григор. Кулябка, сотникъ луб., приходили въ стаяхъ за Оболонскимъ. Отправилемъ козака перервинскаго зъ пис-

мами до Перея., чтобы Ярема 15 р., данніе за буланого дрикгантса, удержалъ у себе, до Сух. о посылки гор. и сала въ Перея., до Несторовича о дачѣ коней З-хъ, стар. сух., и Перея. и Яремѣ.

Понедел. 26. День былъ холодноватъ сперва, потомъ свѣтель и тепелъ, у вечеру дожчъ и громъ и въ ночь, потомъ почъ ви-
погодилась, а къ свѣту знову хмарно стало. Рано ездилемъ до гетмана, обѣдалемъ зъ женою у швакгровъ своихъ, потомъ былемъ у п. Михайла, и просидѣвши доволно, повернулемся домой. Купи-
лемъ ковадло котляреви и заплатилемъ самъ 1 р. и 80 к.

Вовтор. 27. День былъ свѣтель и тепелъ, попеременкомъ хмара и дожчъ, у день ясно, къ вечеру хмарно и вѣтряно, почъ ви-
погодилась велии. Рано былемъ у гетмана и п. Михайлову бол-
ную посѣщалемъ, обѣдалемъ зъ женою у швакгровъ, потому что
именниникъ синъ п. Андрѣя Полуботка. У вечеру знову былемъ у
п. Михайла.

Середа. 28. День былъ свѣтлій, теплій, тихій, у вечеру вѣтряно и черезъ ночь, и хмарно. Ездилемъ рано въ Сварковъ, а зъ Сваркова повернувшись, заехалимъ къ гетману, где и обѣдалемъ. По обѣдѣ повернулемся домой, куда пріехалъ п. Михайло, братъ и швакгри. Демку Пиндюренку заплатилемъ долгъ его, уздицкому
человѣку должнихъ 2 р. 50 к.

Четвер. 29. День былъ свѣтлій, теплій и тихій, и ночь такова жъ. Сего дня обѣдалъ у гетмана князь Щербатий, посыла-
ючійся въ Царградъ, и секретарь его Аргамаковъ, и Тургеневъ, и Кошелевъ и другіе и я, по обѣдѣ заходилъ зъ Григоріемъ Га-
малѣю до швакгровъ, отоль до п. Михайла, где и въ карти
игралемъ и вечералемъ. За мѣхъ котлярскій заплатилемъ котляреви
3 р. и 10 к. Писалемъ черезъ сухос. подданого, брата Сердю-
ченкового, до пол. луб. о Кодинцу и до стар. сухонос., и 4 р.
пославъ на покупку ободдя. Федоръ Дмитр. Кошелевъ поехалъ
зъ Киева въ Москву.

Пятокъ. 30. День былъ до полудня свѣтель, тепелъ и тихъ,
отъ полудня дожчъ зъ громомъ и блискавицею, у вечеру пересталъ,
ночь вся знову зъ дожчемъ. Родитель пріехалъ въ Глуховъ. Отпи-

салемъ до стар. Сухонос. и послалемъ 4 р. на покупку ободдя въ Густиниѣ. Черезъ тогожъ посланного Сердюченка писалъ до пол. луб., о чомъ вчера написанно, а сегодня отправленъ до Книша, гамалѣвскаго старости, писалемъ, чтобъ новую началь яму и о Евгеніи. Купили овса полъ 2 четверика за 1 р. и 80 к., и самъ заплатилемъ.

Субота. 31. День быль зранку хмаренъ, а потомъ мало не черезъ увесь день дощъ ишолъ, ночь випогодилась, однако жъ вѣторъ полунощний быль. Сегодня на службѣ Божой былисмо у церкви и судіной сестри, обѣдали дома, родитель мы, швакгри, Григор. Гамалѣя и братъ и. Семенъ, пріехавшій сегодня и прощеніе у род. получившій. Капитанъ гвардіи Воейковъ и секретарь сенатскій Топблскій, пріехалъ зъ Москви въ Глуховъ и зъ собою за карауломъ привезъ Танского, пол. пероясловскаго, розисковать обѣ немъ зъ Тургеневимъ. Милемся въ лазнѣ, а жена ездila на Бѣлоноловку.

М-ць августъ. Неделя. 1. День быль вѣтряній и вѣтеръ полунощній, однако жъ нехолоденъ и свѣтель, ночь хороша. На службѣ былемъ на Бѣлоноловцѣ, а по службѣ у Турковскаго и у и. гетмановой. На обѣдъ зъ женою пріехали домой, а въ вечеру знову туда жъ ездилисмо, и тамъ я зъ братомъ и. Михайломъ, женою его и Бокомъ поигравши въ кадрилью, зъ проиграномъ монімъ, повернулся назадъ. Началь жестянку чаю, полну насыпанную.

Понедел. 2. День быль зранку холодній, вѣтряній, въ день мало вияснилось, потомъ знову хмарно стало и ночь хмарна и вѣтряна. У службѣ, у Петровскаго, а болшъ нѣгде.

Вовтор. 3. День и ночь были противъ вчорайшихъ хмарніе, холодніе и вѣтряніе. На службѣ у Петровскаго, по обѣдѣ у вечеру братъ и. Семенъ отехаль къ родителцѣ у Шабалиновъ. Писалемъ до стар. крис. о присилцѣ градѣлца, дранѣ. Послаль карету и спалю до маляра въ Маковъ малювать.

Серода. 4. День быль противъ вчорайшихъ хмарній и вѣтряній, по перемѣнкамъ свѣтель и хмаренъ, и ночь такова же. Рано былемъ у Тургенева, а отоль на службѣ у ст. Михайла, знову у

его, оттоль на молебнѣ за именитство царици Евдокіи, и оттоль за гетманомъ поѣхалемъ на Бѣлоцеркію, где обявлялемъ ему о томъ, что суддѣ енер. опредѣлили были послать мене на розискъ въ полкъ нѣжинскій, въ мринскую сотню. У лазнѣ милемся.

Четвер. 5. День былъ сперва похмуренъ и холодноватъ, а потомъ свѣтлій, тихій и теплій зъ ноччю. Не ездилемъ никуда зъ дому. Былъ у вечеру отецъ Никифоръ, для исповѣданія нашего, а на службѣ былемъ у судейской церквѣ, и по службѣ запедлемъ до капитана гвардіи Воейкова.

Пятокъ. 6. День былъ свѣтлій, теплій, тихій, передъ вечоромъ хмурно стало, ночь погодна до половины, а отъ половины до свѣта дожчъ. Ездилемъ до Сваркова, оттоль до футора Калюжновскаго, и повернулемъ назадъ позно. Хлопецъ малий, купленій отъ Забари, ушель и машталерь Тимошъ.

Субота. 7. День былъ увесъ и ночь вѣтраніе зъ уставичнимъ дожчемъ, чрезвичайнимъ осѣннимъ. На службѣ у веригинской церквѣ, обѣдали у собо, а по обѣдѣ ездиль до п. Михайла и видѣль грамоту, черезъ канцеляристу Лазаревича написанную о томъ, чтобы якъ отъ слободъ великороссійскихъ, такъ и отъ маєтностей внутрѣ Малой Россіи великороссійскихъ и иноземцовъ, помоществованіе дѣлано было въ линїи той, якая строится теперъ отъ Днѣпра до Донца.

Неделя. 8. День былъ до вечора дожреватъ, а передъ вечоромъ вияснилось и ночь свѣтла, тиха и тепловата. Обѣдалисмо у собо, а по обѣдѣ єздилемъ зъ женою на той бокъ до п. Михайла и жени его.

Понеделокъ. 9. День былъ свѣтлій теплій, только вѣтеръ по-лунощній, однако же посла тихо, и ночь такова же была погодна. Другая грамота прислана къ гетману, чтобы со всѣхъ помѣщичихъ деревень, великороссійскихъ и иноземцовъ необходя чинено было въ работѣ линїи помоществованіе противъ козаковъ, какъ то они исправляютъ, и писмо о семъ отъ Тараканова. Жена поехала у футора зъ тіоткою, маткою Подольского и тамъ ночovalа.

Вовтор. 10. Рано поехалемъ въ Сварковъ, где заставши жену и тіотку, тутъ и обѣдалъ. А по обѣдѣ пріехали у футоръ Калюж-

новскій, они жъ тамъ остались ночовать, а я пріѣхалъ у Глуховъ на ночь. День былъ свѣтлій, теплій, тихій и ночь такова же.

Середа. 11. День и ночь были противъ вчорайшихъ. При женѣ у футорѣ насадили 8 копѣй безъ 2-хъ сніповъ въ овину, зъ которихъ вимолотили по 5 четвертинника зъ ковшами 2-ма. Обѣдалисмо въ дому малолюдно и постно.

Четвер. 12. День и ночь были противъ вчорайшихъ. Обѣдалисмо у п. гетмана, а по обѣдѣ зъ п. Михайломъ братомъ ездили до капитана гвардіи Воейкова и Топфлеского и посидя довольно, отойшли. Третая грамота принесена до п. гетмана, чтобы со всѣхъ державскихъ маєтностей, почавши отъ гетмана до послѣдняго владельца, вислатъ подданихъ на линѣи, по пропорціи противъ козаковъ.

Пятокъ. 13. День былъ и ночь противъ вчорайшихъ. Сегодня былъ я у енералной судовой канцеляріи и подавши доношеніе, чтобы мнѣ не ехать въ мринскую сотню полку нѣжинского, для розиску по членитту епископа чернѣговскаго, уволенъ зосталь отъ тоей дороги, а оттуду поехалъ у футорѣ и Сварковѣ, и домой повернулся позно.

Субота. 14. День зъ ранку былъ хмурний, вѣтряний и холдиновать холодомъ освѣнніемъ, а потомъ тотъ же вѣтеръ хмару розогналъ, потомъ и дощікъ нагналъ. Ночь такова же власне. Рано былемъ у п. гетмана, а обѣдалъ въ дому и у вечеру у банѣ банками кровъ пускаль. Родитель приобщался пресвятіемъ тайнамъ. Жита нажали у футорѣ Калюжновскому 200 копѣй а отъ Бѣжскаго и скопиціи 50 копѣй, якое и зложили въ скирть 2 и въ стогъ.

Неделя. 15. День былъ зранку и посля отчасти похмурний, однако же теплій и дощікъ зранку малій ишоль, ночь также похмурна и мало вѣтряна. Рано былемъ у гетмана, и обѣдалъ въ дому, по обѣдѣ ездилемъ зъ женою до Турденева и жени его зъ поздравленіемъ.

Понеделокъ. 16. День зранку свѣтель, о полднѣ дождикъ, къ вечеру вѣтеръ и ночь вѣтряна и холодна велми. Обѣдалисмо въ дому. По обѣдѣ родитель поехалъ въ Кролевецъ. У вечеру

ездилемъ на тотъ бокъ, до п. Михайловой, и посидя повернулся. За ярную крашанину до круглого намету, за 80 аршинъ по 6 коп., 4 руб. 80 коп.

Вовтор. 17. День былъ и ночь вѣтряніе, холодніе велии. Сего дня кровъ пускалемъ зъ руки правой, только не пойшла. Обѣдалисмо въ себе, тіотка зъ сыномъ Подольскимъ поехала домой.

Середа. 18. День былъ холодній, а вѣтряний, однако жъ виаснилося и къ вечеру тихо, ночь тиха свѣтла, однако жъ холодна. Юско посланъ въ Роменъ и черезъ его 20 р. до Несторовича и писмо вѣрчое о поисканю Урбана и другое, и приказъ ему данъ. Маслосвятіе болѣзненнай п. Михайловой отправлялось.

Четвер. 19. День былъ свѣтлій, погодній и теплій, ночь ти-ха жъ и свѣтла. Рано до п. Михайла ездилемъ, которого посѣщалемъ жену, а обѣдалемъ у капитана Воейкова, гдѣ былъ родитель, Тургеневъ и прочие, а по отездѣ Тургенева были у насъ Воейковъ, Косоговъ и Топълскій, и посидѣвша отойшли. Послали писмо до Бидлова въ Москву п. гетманъ, прося лѣкарства п. Михайловой.

Пятокъ. 20. День былъ свѣтлій, однако жъ зъ вѣтромъ, тепловатъ, а къ вечеру холоденъ. Ночь свѣтла, тиха и холодновата. Рано поехалисъ въ футоръ, оттолъ въ Сварковъ, где и започовалемъ зъ братомъ Яномъ.

Субота. 21. День зранку свѣтель и ясенъ, погодя мало вѣтрянъ, хмарень и холоденъ, около полдня свѣтель знову и тихъ, до вечора, ночь такъ же свѣтла, тиха и холодновата. Рано по службѣ Божій зъ Сваркова поехавши, заехалемъ до Количова болѣзнующаго уже пятій день на горячку, оттолъ пріехавши домой обѣдалисмо, а по обѣдѣ знову ездилисмо зъ женою обое до него, где его водкою горячою платомъ мазали, что ажъ сталъ потѣть, и позно въ ночь розехались. Въ Москву отправили писма род. и чолобитніе, а я писмо писаль къ сестрѣ, черезъ куріера отъ Тургенева наряженного. Маляръ Якимъ Глѣнскій вималювалъ образъ Мойсея и вопр.... хать, которому далемъ 2 р.

Недедя. 22. День быль свѣтлій отчасти, а отчасти похмурній, однако жъ тихій и теплій. Ночь свѣтла и тиха. Рано быль у гетмана, а потомъ въ дому обѣдалъ зъ сестрою Чарнишевою, которая пріехала сюда затимъ, что зъ суду енера. призвано еи сюда, даби по дѣлу князя Кропоткина платилась 1643 р. У вечера ездилъ я знову до п. Михайловой и тамъ довольное время посидѣвши, повернулся назадъ.

Понеделокъ. 23. День быль и ночь во всемъ сходній противъ вчорайшихъ. Рано ездилемъ въ городъ и тамъ заходилъ у склепъ, а насыпавши бутилеу, повернулся назадъ домой, а обѣдали у насъ Тургеневъ, Воейковъ и Топѣлскій. У вечеру ездилемъ до Количова, где посидѣвши довольно, назадъ повернулся ноччу, а Количовъ ослабы въ болѣзни своей никакой не имѣеть. Хлопецъ мой Василецъ въ ночь противъ понеделка ушелъ.

Вовтор. 24. День быль сперва хмарній, потомъ отчасти свѣтель, тихъ и тепель, ночь хмарна, тиха и тепла. Сего дня рано Климъ Пѣщанскій отъ имени своего подалъ доношеніе въ ратумъ глуховскую, что хлопецъ Василецъ ушолъ и унесъ перстень алмазній, которому цена 100 р., да еще чего обшукавшись не обищется, о томъ учинится вѣдомо. Рано сего дня поехалемъ зъ Глухова до монастыря Гамалѣевскаго, ехалемъ до Словута 2 год., отъ Словута до Собичева год. 1 и мѣнутъ 40, зъ Собичева четвертей 3 до Макова, зъ Макова до монастыря полчаса, где пріехавши ночовалемъ.

Середа. 25. День и ночь во всемъ противъ вчорайшихъ. Тутъ въ монастирѣ Харлампіевомъ служби вислушалемъ и обѣдалемъ, а по обѣдѣ поехавши, пріехалемъ на ночь въ Глуховъ. Получилемъ писмо отъ Несторовича, что Романъ Кровнѣцкій, староста топалскій (гр. Рагузинскаго), пріехалъ въ Розбишовку разискывать о степу Гамалѣевскомъ.

Четвер. 26. День быль похмурній, теплій и тихій, къ вечеру невеликій дощикъ, ночь тиха и хмурна, къ свѣту дощъ. Противъ четверга, въ ночь, 11-го часа передъ полноччу, Андрей Количовъ подполковникъ отъ огневици умре, дванадцатодневно утерпѣній Кровъ зъ головной жили пускалъ мнѣ докторовъ цилориекъ.

О ТЪ РЕДАКЦІИ.

Въ „Кіевской Старинѣ“ печатаются: самостоятельный изслѣдованія по исторіи южной Россіи и разнообразные материалы для нея, въ видѣ особо цѣнныхъ историческихъ документовъ, мемуаровъ, хроникъ, дневниковъ, записокъ, воспоминаній, рассказовъ, біографій, пеクロговъ и характеристиекъ, описаній, вещественныхъ памятниковъ южнорусской древности и замѣтокъ обо всемъ вообще, что составляетъ принадлежность и характерную особенность исторически сложившагося народнаго быта или служитъ проявленіемъ народнаго творчества и міровоззрѣнія, каковы неизслѣдованные обычаи религіозные, правовые и т. д., исчезающіе древніе напѣвы, незаписанныя думы, сказки легенды, пѣсни и проч.

Бібліографическая свѣдѣнія о вновь выходящихъ у настѣ и за границею изданіяхъ, книгахъ и статьяхъ по исторіи южной Россіи, сопровождаемыя критическими замѣчаніями.

При журналѣ, по мѣрѣ надобности, будуть помѣщаться портреты замѣчательныхъ дѣятелей въ исторіи южнорусскаго народа, виды древнѣйшихъ монастырей, церквей и другихъ зданій, имѣющихъ значеніе для мѣстной исторіи, снимки съ древнѣйшихъ гравюръ и произведеній живописи, рисунки и изображенія всякаго рода украшеній одеждъ, оружія, предметовъ домашняго обихода и проч.

Рукописи, доставленныя въ редакцію для напечатанія, подлежатъ, въ случаѣ надобности, сокращеніямъ и измѣненіямъ. Рукописи, признанныя для печатанія неудобными, хранятся въ редакціи въ теченіи шести мѣсяцевъ; обратной высылки ихъ авторамъ редакція на свой счетъ не принимаетъ.

Редакція просить авторовъ доставлять книги и брошюры для рецензій.